

Александр Красницкий

В ПАСТИ ДРАКОНА

КНИЖНЫЙ ОМ

В пасти Дракона //Книжный Дом, Минск, 2014
ISBN: 978-985-17-0751-1
FB2: , 25.04.2019, version 1.0
UUID: AAC68B3C-2128-4698-967D-E31883618ECB
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Иванович Красницкий

В пасти Дракона (История России в романах)

В романе повествуется о восстании в Китае в 1900 году против засилья европейцев и о роли России, вынужденной выступить на стороне союзников ради вызволения «из пасти Дракона» тысяч русских людей. На фоне грозных военных событий развиваются полные драматизма и испытаний судьбы героев романа. Автор мастерски показывает истинное лицо «гуманной» Европы, утопившей в крови столицу Китая и ограбившей его народ.

Содержание

#1	0008
ПРЕДИСЛОВИЕ	0008
I ПОСЛАННИК ДРАКОНА	0011
II КИТАЙСКИЙ ДРАКОН	0036
III В ПОРТ-АРТУРЕ	0055
IV «И-ХО-ТУАН»	0073
V ИГРЫ ДРАКОНА	0090
VI НА КРАТЕРЕ ВУЛКАНА	0114
VII ЛЕНА И ВАНЬ-ЦЗЫ	0138
VIII ПЕРВАЯ МОЛНИЯ	0157
IX СРЕДИ КИТАЙСКИХ ПАТРИОТОВ	0177
X РАБЫНЯ НА ПРЕСТОЛЕ	0194
XI ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕНЫ	0213
XII КИТАЙСКИЙ ПАТРИОТ	0229
XIII ИСКРА И ВЗРЫВ	0246
XIV В ПОРТ-АРТУРЕ	0262
XV ОКОНЧЕННАЯ РОЛЬ	0285
XVI ГОРЕ-СТРАТЕГ	0308
XVII НЕУДАЧА	0325
XVIII БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	0351
XIX ШТУРМ ТАКУ	0370
XX ПЕРЕД ВЗРЫВОМ	0412
XXI ЛИЦОМ К ЛИЦУ	0433
XXII ОТРАДНАЯ ВЕСТЬ	0455
XXIII НЕЖДАННОЕ ГОРЕ	0469

XXIV ОПАСНОЕ МГНОВЕНИЕ	0494
XXV У ТУАНА	0514
XXVI ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕНЫ	0533
XXVII ВО ВЛАСТИ БОКСЁРОВ	0549
XXVIII В ЖИВОМ ЖЕЛЕЗНОМ КОЛЬЦЕ	0570
XXIX РУССКИЕ ГЕРОИ	0597
XXX ЕЩЁ ЖИВОЕ КОЛЬЦО	0611
XXXI ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА	0633
XXXII ТЯЖЁЛЫЕ ДНИ	0643
XXXIII НЕЗАМЕТНЫЕ ГЕРОИ	0666
XXXIV В ПОХОДЕ	0681
XXXV ТЯНЬ-ЦЗИНЬСКИЕ ГЕРОИ	0699
XXXVI НА ПЕКИН	0717
XXXVII МАНЬЧЖУРСКИЙ ГРОМ	0731
XXXVIII ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ НА АМУРЕ	0749
XXXIX НА МАНЬЧЖУРИЮ	0775
XL НА ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ	0794
XLI ХАРБИНСКИЙ ОТПОР	0811
XLII ПОЛЁТ РУССКИХ ОРЛОВ	0830
XLIII ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВОВ	0849
XLIV МИНОВАВШАЯ ТРЕВОГА	0879
XLV НА ПУТИ В ПЕКИН	0900
XLVI «ПЕКИНСКОЕ СИДЕНИЕ»	0923
XLVII ОТШЕЛЬНИЦЫ	0952
XLVIII ПОД СТЕНАМИ ПЕКИНА	0965
XLIX ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ «ПЕКИНСКОГО СИДЕНИЯ»	0979
L ШТУРМ ПЕКИНА	0994

LI МЫ ПАХАЛИ	1009
LII БЕГАЕШЬ!	1023
LIII ВСПЫШКА	1039
LIV НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ	1051
LV ПО МАНЬЧЖУРИИ	1079
LVI ТРИУМФ ГЕРОЕВ	1128
LVII ЕВРОПЕЙСКАЯ РАСПРАВА	1150
LVIII СОЮЗНИКИ — КАК ОНИ ЕСТЬ	1170
LIX ДОМОЙ ПОСЛЕ БУРИ	1195
LX МИРНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ	1244
LXI ЭПИЛОГ	1267

В пасти Дракона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разные события, разыгравшиеся в прошлом году[1] на Дальнем Востоке и не закончившиеся даже и поныне, не стали ещё достоянием истории. Нет и не может быть до поры до времени, конечно, верной оценки всему, что происходило с половины прошлого мая на берегах Печилийского залива, по, вместе с тем, величие России выразилось так ясно и определённо в подвигах её сынов, проливавших свою кровь на равнинах у Пей-хо, под Пекином и в пустынях Маньчжурии, что воспоминания обо всём происшедшем дороги для каждого русского человека. Предлагая читателю свой труд, автор и руководствовался исключительно только этой задачей. Много-много было и будет написано ещё о недавних делах, но пока нет ни одного более или

менее собранного в единое целое описания прославивших нашу святую Русь подвигов. Труд автора, главным образом, состоял в том, чтобы в по возможности лёгкой беллетристической форме, на почве романной интриги, дать описание этих подвигов в том виде, в каком вести о них дошли к русским людям. Насколько удалось выполнить эту задачу, конечно, решит сам читатель, который, как твёрдо надеется автор, благосклонно отнесётся к нему и не осудит за те невольные промахи, какие, может быть, найдутся в этом повествовании. По крайней мере, в отношении этого труда автор искренно может сказать, что он сделал всё, что мог; кто же может сделать больше, пусть сделает.

В заключение этих немногих, обращённых к благосклонному читателю слов автор считает своим неременным долгом указать, что, кроме специальных сочинений о Китае русских и иностранных синологов, он и качестве материала для изложения фактической стороны повествования пользовался официальными рапортами и донесениями русских командиров действовавших отрядов, генера-

лов: Алексеева, Гродекова, Стесселя, Леневи-
ча, Ренненкампа, Сахарова, Субботича, Айгу-
стова, Гернгросса, Флейшмана, Мациевского,
статьями «Правительственного вестника», а
также дневником Д. Д. Покатилова, записка-
ми Корсакова, Попова, сообщениями Морри-
сона, Ростгорна, Питона, а также корреспон-
денциями Д. Янчевецкого и рассказами оче-
видцев.

I ПОСЛАННИК ДРАКОНА

Нежданно-негаданно в небе, казавшемся совершенно безоблачным, загремел гром... Загремел, и раскаты его пронесли по всем уголкам земли, и в ужас пришли все, услышавшие их, в ужас пришли, задрожали... Сердца матерей и жён в тоске смертной забились, словно на них камень тяжёлый навалился и придавил их непосильной своей тяжестью. Мужья и отцы пригорюнились, дети — и те игры свои весёлые оставили, раскаты грома нежданно услышав.

Было, от чего дрожать, было, от чего в ужас прийти...

Вдруг всколыхнулось, закипело, забурлило в своих низких берегах «живое жёлтое море»,

дотоле безмятежно-покойное. Казалось, ничто не в силах было разбудить спавшего тысячелетия Дракона, пережившего давным-давно самого себя. Тормошили без устали сонную махину жадные до наживы белолицые люди, сами себя в своей беспримерной гордости, поставившие во главе мировой культуры; тормошили назойливо, навязывая ему то, что давным-давно было брошено ими, как никуда не годное, и растормошили, да только на свою же просвещённую прогнивающей западной культурой голову.

Проснулся насильно разбуженный Дракон, оглянулся вокруг, раскрыл свою ужасную пасть, требуя себе кровавых жертв, жертв бесчисленных.

Жалкие белые человечки с берегов таких же жалких, как и сами они, Темзы, Шпрее в ужасе задрожали, видя свою неминуемую гибель, и погибли бы все они, как червяки на болоте, если бы не простёр им руку помощи другой мировой колосс — великодушный, милосердный Медведь Севера... Он, этот величественный колосс, этот могучий исполин-богатырь, не принимал участия в неистовой ор-

гии, разыгрывавшейся вокруг спящего Дракона. Вековые друзья они были. Да что друзья! Родственники почти, хотя и не близкие. Но когда в ужасе смертельном заметались жалкие западные пигмеи, не оставил их своей богатырской помощью Северный Медведь и вызволил их из беды неминуемой, даже дружбы своей вековой с Драконом не пожалел...

Вечная слава ему, исполину могучему, вечный позор жалким пигмеям, блудливым, как кошки, и трусливым, как зайцы...

Да, впрочем, что и говорить о них!

«Голод — не тётка» — гласит наша родная пословица. Он-то, голод, и натолкнул их на спавшего Дракона. У них, от их пигмеев, на их жалких клочках земли давным-давно уже дневного пропитания не хватает, вот и задумали они попитаться около шестисотмиллионного народа... Больше-то ведь никого па-земле для удовлетворения их голода не осталось. А тут — лакомое блюдо. Стоит присосаться к сонной машине, надолго пропитания хватило бы...

И вот пришли пигмеи и стали распоря-

жаться по-своему. Да и пришли-то ещё не лучшие люди, а жалкие отребья, которых их же родина от себя с негодованием отвергла...

Кто же позволит у себя в доме чужому человеку всем хозяйством распоряжаться? Никто, конечно, как Сил сильно миролюбие, покорность судьбе и безответность ни были развиты. Самый кроткий человек наглого пришельца поспешно с лестницы спустит. Так же вот и шестисотмиллионный народ китайский поступил.

Более чем сорокавековой жизнью выработались его мирозерцание, его взгляды на жизнь, и вдруг явились люди, пожелавшие перевернуть вверх дном все народные убеждения, переделать на свой лад народные обычаи. Вот и проснулся старый Дракон; проснулся, стал отмахиваться от назойливых пришельцев, стал отмахиваться — загремели над землёй раскаты зловещего грома, задрожали в тоске за своих близких матери и жёны, заугрюмились отцы да мужья.

Всё ведь это, дорогой читатель, на наших глазах было и было так ещё недавно, что и из памяти изгладиться не могло. Всё живо ещё:

и жалкая назойливость западных авантюристов, выведших из терпения шестисотмиллионный народ, и беззаветная храбрость наших войск, спасших своей только храбростью весь мир от китайского погрома...

В то время, когда начинается это вполне правдивое повествование, «живое жёлтое море» только ещё время от времени всплёскивалось, унося в каждом всплеске своём немногочисленные пока ещё жертвы. Царило затишье, обычное перед бурей, но буря, грозная и свирепая, уже чувствовалась, только никто из досужих европейцев, ослеплённых своим, как казалось им, могуществом, не хотел даже и замечать зловещие признаки надвигающейся грозы. Непонятное ослепление, за которое, очень не долго спустя, пришлось заплатить жизнью многим тысячам и белых, и жёлтых людей, в сущности, ни в чём решительно не повинных из того, что произошло в последние ужасные месяцы на Дальнем Востоке и на беспредельном пространстве великой Небесной империи.

Последней зимою — зимою, конечно, по европейскому счёту времени — злополучного

прошлого года по Мандаринской дороге между городами Квантунского полуострова: Кин-Джоу и Порт-Артуром, недалеко от последнего, трусили неспешной рысцою на своих ступняхках двое молодцеватых сибирских казаков.

Мандаринская дорога, развертывавшаяся под ногами их малорослых коней, далеко не оправдывала своего пышного и многообещающего названия не только таким важным особам, как сановники богдыхана — «сына Неба», но и заурядному смертному, будь он европеец или покорный всякой судьбе китаец, ездить по ней было наказанием. Дорога была грунтовая. На какое бы то ни было шоссе даже и самый отдалённый намёк отсутствовал. Частые проливные дожди оставили на всём её протяжении неизгладимые следы. Множество рытвин, промоин, образовавшихся из дождевых протоков, в конец испортили её, и привычные казацкие кони осторожно ступали, косясь под ноги из опасения, как бы не оступиться в какую-нибудь полную воды яму.

Оба казака были, как и их лошади, мало-

рослы и неуклюжи с виду, но их молодцеватая, совершенно непринуждённая посадка в сёдлах, широкие — в косую, как говорится, сажень — плечи, высокие — колесом — груди показывали, что люди эти неладно скроены, да зато крепко сшиты. Большая физическая сила угадывалась во всех их движениях, совершенно непринуждённых, говоривших об их молодечестве, об их удали; чувствовалась она, эта сила, и в их самоуверенной беспечности, которая одна уже доказывала, что эти братцы-атаманы-станишнички-молодцы никого и ничего на свете, кроме своего начальства, да и то которое повыше, а «не свой брат», не боятся и бояться никогда не станут...

— Никак, Зинченко, эт-то мы опять задарма проплутаем! — поправляя лихо сдвинутую набекрень папаху, проговорил один из казаков. — Отто жисть! Сидеть бы теперь в импани да хлебать шти куда беспримерно как лучше было бы.

— А ты, Васюхнов, рассуждай помене, оно, пожалуй, и ещё лучше будет, — наставительно отозвался второй на замечание товарища. Приказано в разъезд идтить, ну и конец делу!

— Да я, чудачина ты, не к тому! согласился с Зинченко Васюхнов. — Мне что? Знамо, служба, и разъезд, так в разъезд, а говорю, как лучше...

— Вестимо, в импани завсегда хорошо! было ответом.

Казаки помолчали, но не долго.

— И чего это только китайке не сидится? заговорил более общительный и разговорчивый Васюхнов. — Чего только ей в самом деле нужно? Кажись, покровительствуем мы ей — и довольно, так нет: всё мало, шебаршит, оголтелая! С чего? С жиру бы, так с их рису много жиру не нагуляешь!

— Тебя вот не спросилась, — буркнул угрюмый Зинченко и закричал на лошадь: — Ну ты, шамань тебя задави! Балуй ишшо!

Лошадь под ним — красивый, хотя и малорослый степняк — в это время подняла голову, запряла ушами и вдруг громко заржала.

— С чего это она? — удивился Васюхнов и, приподнявшись в стремянах, стал зорко осматриваться вокруг.

Осмотр продолжался всего несколько мгновений.

— Э-эй, робя! — закричал казак. — Ты погляди-ка: лошудь!..

— И где? И где? Чия? — так и встрепенулся Зинченко, тоже выпрямляясь в седле.

— А вона. Разве не видишь? Вон у той фанзы — молельни их, значит!

Васюхнов указал нагайкой на небольшую кумирню, ютившуюся вместе с памятником около самой окраины Мандаринской дороги.

Оба казака попридержали коней и пристально минуты с две рассматривали крошечную, словно игрушечную, постройку.

Небольшая фанза-кумирня находилась от них не более как в четверти версты. Со стороны дороги её ограждала невысокая каменная стенка, а рядом стоял довольно массивный каменный крестообразной формы памятник, довольно-таки неуклюжий.

Кумирни и этой части Китая вообще мало чем, разве только своими небольшими размерами, отличаются от обыкновенных жилых фанз. Все они по своей величине очень, небольшие, придорожные же даже совсем малы. Кумирня, замеченная казаками и привлёкшая их внимание, вся-то была не более саже-

ни в вышину, несколько побольше в длину и с небольшим аршином в ширину. Китайцы — большие практики. Зачем строить обширные помещения для кумирен — ведь в них обитают бесплотные существа. Они не занимают никакого пространства, стало быть, с тем же результатом могут помещаться и в крошечном храме, с каким помещались бы в самом огромном. Но строить храмы для своих божеств сыны Поднебесной империи всё-таки очень любят. Благочестивейшие из них целую жизнь копят деньги для того, чтобы знать, что после их смерти будет им поставлен где-нибудь у проезжей дороги в память их или их покойных предков их собственная кумирня. Впрочем, на это и средств особенных не нужно. Постройка такой фанзы стоит очень дёшево, внутреннее же убранство всегда вполне соответствует внешнему виду маленького капища. Поставив где-нибудь у дороги крохотную кумиренку, усердный строитель в дальнейшем обыкновенно ограничивается тем, что внутри её прибавляет на стену большой! лист с грубо намалёванными тушью священными изображениями и изрече-

ниями из Конфуция или Лао-Цзы. Под этим листом ставится большая деревянная чашка с землёю, в которую проезжие и прохожие богомольцы втыкают свои скрученные также из бумаги молитвенные палочки. Вот и всё — храм готов, молись в нём, кто хочет и какому только китайскому божеству угодно... А молитвенного же усердия китайцам не занимать...

Обыкновенно около таких кумирен возводятся памятники их строителям. Впрочем, эти последние бывают не у каждой кумирни, потому что на сооружение их требуются уже большие средства. Чаще всего такие памятники воздвигаются в честь чем-либо отличившихся на своём веку сынов страны Неба. Они по своему виду гораздо сложнее фанз-кумирен и ставятся в назидание потомству за дела благотворения, за бескорыстную общественную службу или за устройство общепользных сооружений: мостов, дорог и т.д. Каждый такой памятник, состоящий из трёх воздвигнутых одна на другую плит, украшен затейливым бордюром из изображений птиц, драконов, зверей, причём на верхней плите всегда

проставляется подпись, указывающая, в чью честь поставлен этот памятник и время его постановки. Подобные памятники сооружаются не иначе как с разрешения высших властей, которым каждый раз подробно сообщается, за что, за какие именно дела воздвигается памятник. Одно это уже доказывает, что нужны серьёзные заслуги, чтобы посредством подобного сооружения сохранилась в народе намять того, в чью честь оно возведено.

На том памятнике, который был у привлёкшей внимание Зинченко и Васюхнова кумирни, надпись гласила, что поставлен он в честь благодетельного воина, «изгонявшего японских варваров», дерзнувших «разбойничать» в стране Неба. Дата же показывала, что возведён памятник после Японо-китайской войны 1895 года. Из этого можно было заключить, что он увековечивал память какого-нибудь героя, отличившегося при взятии япошкам и Порт-Артура.

Не кумирня и не памятник привлекли к себе внимание казаков. И то и другое они не раз уже видели, бывая в разъездах на Манда-

ринской дороге. Им кинулась в глаза стреноженная лошадь, пасшаяся на равнине около кумирни. Где лошадь, да ещё стреноженная, там можно было предполагать и присутствие хозяина её, а казакам строго-настрого было приказано при разъездах следить, как только можно внимательнее, за всеми незнакомыми и вообще подозрительными китайцами, изредка всё ещё появлявшимися в окрестностях занятого русскими Порт-Артура и его близкого соседа — Да-Лянь-Ваня, уже названного более знакомым и понятным для русского человека именем «Дальний».

В последнее время бдительность в особенности была необходима. В Порт-Артур стали приходить из Китая хотя пока и смутные, но уже тревожные слухи. Там что-то подготавлилось. Однако никто ещё не думал, даже в военных сферах, что вспыхнет народное восстание против западных европейцев. Слухи были только такого рода, что китайцы, в особенности южные, недовольны царствовавшей уже 200 лет в Срединной империи династией Дайцинов, высший представитель которой, император Куанг-Сю, всецело подпал под вли-

ание своей тётки и её евнуха, распоряжавшихся делами империи, как только им было угодно. Эта распря была исключительно внутренним делом, но, во всяком случае, нужно было быть готовым ко всему, в особенности русским, так ещё недавно взявшим у китайского правительства в аренду этот клочок земли. Впрочем, никаких волнений ни в Порт-Артуре, ни в Дальнем не замечалось. Китайцы и в арендованной области, и на границах её вели себя тихо и были, казалось, очень довольны русским правлением, но по родной пословице, что бережёного и Бог бережёт, всё-таки приходилось держать ухо востро. В силу этих соображений и было установлено бдительное наблюдение посредством казачьих разъездов, и Зинченко с Васюхновым твёрдо помнили внушённую им инструкцию «смотреть в оба глаза» и не зевать, ежели что...

— Чего же стали-то мы? Посмотрим, кто там! — крикнул Зинченко, подбирая поводья. — Гайда, робя!

Степняки ретиво взяли вперед и минут через пять были уже у каменной стенки, поставленной со стороны дороги против кумир-

ни в ограждение её от злых духов.

Вблизи и сомневаться было уже нельзя, что в кумирне кто-то есть. Лошадь, пасшаяся на лугу, была засёдлана неуклюжим китайским седлом; на липкой грязи около кумирни заметны были свежие человеческие следы, но оставившего их нигде не было видно.

— Надётся посмотреть, кого Бог даст, — проговорил Зинченко и спешился.

Васюхнов подхватил повод, брошенный ему товарищем, и в мгновение ока очутился около самой кумирни. Зинченко тем временем уже собирался забраться внутрь через узкое отверстие, заменившее сразу и окно, и дверь. Его остановил оклик товарища:

— Постой! Что тебе спину-то гнуть, давай окликнем; ежели с добром, сам должен выйти, а нет — голос подать, — и Васюхнов окликнул, но по-своему; он просто-напросто со всего размаха ударил по крыше кумирни нагайкой, да так, что вся постройка ходуном заходила. — Добром сам выходи, ежели кто тут есть, — орал он, — ежели с добром, так ничегошеньки тебе за это вовек не будет...

На оклик казака никакого ответа не посту-

пало. Тогда высокий Зинченко, согнувшись действительно в три погибели, заглянул через отверстие внутрь кумирни.

— А и в самом деле длинноносый здесь! — сообщил он товарищу. — Притулился, стержец, и сидит, будто не его дело совсем...

— Спужался, може!

— Може! Дрожить...

— Так ты ласкою к нему... Душа-то у них, что пар, — заячья! — посоветовал Васюхнов.

Зинченко последовал совету товарища и, придав своему голосу возможную мягкость, стал манить «длинноносого», как взрослые подманивают к себе детей:

— Подь сюды, милёночек, подь! Не бойся, мы тебя не тронем!

«Милёночек» сидел по-прежнему, не шевелясь.

— Васюхнов! Подхлестни-ка ещё разочек по фанзочке! — распорядился Зинченко. — Подхлестни, малый, авось, китайская душа от этого в ободрение придёт...

Васюхнов не замедлил приступить к ободрению китайской души. Удары нагайки так и посыпались на убогую крышу кумирни. Это

подействовало. У дверной щели кто-то зашевелился, показалась голова, и затем перед казаками появилась согнувшаяся и съёжившаяся фигура.

— Э-эй, какой же он мозглявый, внимания не стоящий! — воскликнул Зинченко, разглядывая во все глаза униженно кланявшегося ему китайца.

Китаец, стоявший теперь перед казаками, как все его соотечественники, казался очень старообразным. Старили его желтизна дряблой кожи на лице, маленькие, глубоко впавшие, раскосые глаза, низко вдавшаяся в плечи голова и согбенный стан. Как и все китайцы, он был брюнет. Его опускавшаяся ниже пояса коса, заплетённая в три пряди, была черна как смоль. Одет он был в длинную рубаху из грубой синей и голубой материи и таких же цветов шаровары. На рубаху была накинута голубая кофта-безрукавка с перекидными петлями из жёлтых лент на груди. Такого же цвета ленты были в виде особого украшения вплетены и в косу китайца. Это присутствие в костюме жёлтого цвета, считающегося в Китае «государственным», показы-

вало, что стоявший в такой униженной позе перед казаками китаец принадлежит к чиновничьему классу и хотя в невысоком сапе, но состоит на действительной службе. В самом деле, у него не было при себе никакого ни холодного, ни огнестрельного оружия, но его длиннейшие чёрные усы, свешивавшиеся, как две змеи, с губ до половины груди, выдавали в нём если и не солдата, то человека, так или иначе принадлежавшего к военной среде.

Оба казака минуты с две очень внимательно разглядываю! задержанного, но — увы! — ни Васюхнову, ни Зинченко не было известно значение жёлтого цвета в его одежде, и длинные усы не будили в них никаких подозрений... Казаки всё-таки до конца выполнили внушённую им инструкцию.

— Кто таков будешь? — принялся начальническим тоном допрашивать усатого китаецца в качестве старшего Зинченко. — Откелева — куда?

Китаец в ответ только кланялся и что-то толковал казакам на совершенно непонятном им грубоватом северном наречии. Из все-

го бормотанья они только и могли уловить несколько знакомых им слов: «Да-Лянь-Вань», «Ким-Джоу» и «ден-дун-цзе» — и больше ничего.

— Брось его, Зинченко! — крикнул нетерпеливый Васюхнов. — Не видишь разве? Мирной. Там они в Дальнем своему бесу празднуют, так вот он к своим на праздник и пробирается... Ну его... право, брось!

— Кто его знает, какой он: мирной или не мирной? — возразил Зинченко. — Ишь ведь рожа-то! На большой дороге и не попадайся: совсем разбойничья, одни усищи чего стоят...

— Образина действительно разбойничья, согласился Васюхнов, — да только они все на одно лицо... Плюнь... Возиться с ним не стоит.

— К капитану бы его сволочь... Там разберут, как-така ён личность, подозрительная или нет...

— Сволоки, тебе же напреет... не приказано их ни с того ни с сего хватать... Дружить велено...

Зинченко на мгновение задумался.

— Взглянуть, нет ли ещё кого в фанзе! — нерешительно проговорил он и просунул го-

лову в дверную щель кумирни.

Глаза задержанного блеснули заметною тревогой при этом движении казака, он даже вздрогнул, словно хотел кинуться вслед за Зинченко, но сейчас же сдержался и принял прежнюю подобострастно-жалкую позу.

Зинченко тем временем вернулся из кумирни.

— Ну, что, никого? — спросил Васюхнов.

— Никого-то никого, а вот это я захватил, — отвечал казак и показал товарищу лист с грубо нарисованным чем-то красным изображением дракона, которое окружено было китайскими иероглифами.

— Что же тут! Молитва ихняя — вот и всё! Не трожь! — отозвался Васюхнов.

— Нет, уж это я возьму... свежее. Может, прокламация какая... Твоя? — обратился он к китайцу, поясняя свой вопрос соответствующим жестом.

Тот в ответ стал кланяться изображению дракона, молитвенно поднимая при этом руки.

— Говорит, что молитва! — сказал Васюхнов.

— Так они молитвы свои в трубочки свёртывают, а эта на стену наклеплена была... Сюда в моленную много народу заходит... Возьму! Ты уж, молодчик, не обидься: служба!

— А с ним что? Потащим, что ли?

— А вот мы сейчас увидим, каков он. Захватим-ка мы его с собой не силком, а по чести... И впрямь, ведь, приказано с населением вежливехонько обращаться, мирных пальцем не трогать... Ежели он за нами добром пойдёт — уператься не будет да сбежать не попытается, стало быть, мирной: бежать да барахтаться нечего, ежели на уме ничего худого нет, — закончил свою речь Зинченко, — так?

— Ин быть по-твоему! — согласился Васюхнов.

Казакі оказались плохими физиономистами. Ни тот, ни другой и не заметили, какую радостью вспыхнули глаза задержанного, когда Зинченко излагал свой мудрый способ узнать его общественную и политическую благонадёжность.

Очевидно, китаец понимал всё, что они говорили между собой, но старался не дать им

возможности уразуметь это и вполне достиг в этом успеха.

— Коняка-то твоя, что ли, будет? — выразительно тыча пальцем в гриву чужой лошади, которую он успел уже перенять, спрашивал у китайца Васюхнов.

На этот раз спрашиваемый не замедлил с ответом: жесты казака были бы понятны и глухонемому. Он подобострастно закивал, кланяясь на обе стороны.

— Евонный! Признается! — проговорил Васюхнов и стал показывать китайцу знаками, что тому нужно сесть на лошадь и следовать за ними.

Опять задержанный не замедлил исполнить требование. Он казался совершенно спокойным. Без всякого противоречия, напротив того, даже улыбаясь, он уселся на свою лошаdёнку и без малейшего прекословия затрусил мелкой! рысцой вслед за своими неожиданными спутниками. Зинченко, более опытный и осторожный, внимательно наблюдал за ним, но в поведении их невольного попутчика решительно ничего подозрительного не было.

— А, пожалуй, что длиннокосый-то и мирной, — наконец нерешительно высказался он, — почтителен и беспрекословен, никакой супротивности, стало быть, душа чиста!

— Тогда чего и валандаться с ним! — воскликнул в ответ нетерпеливый Васюхнов. — Ну его! Так трусить, всю душу вымотаешь, а не токмо что... Пусть убирается, куда хочет!

Зинченко всё ещё колебался.

— Лучше бы представить! — говорил он. — Покойнее было бы.

— Понадобится — найдём! Не в Артуре, так в Дальнем... Найдём!

Васюхнов так убедительно уговаривал товарища бросить китайца и поспешить в казармы, что тот наконец сдался.

— Эй ты, длиннокосый, — крикнул он китайцу. — За компанию благодарствуйте, а только больше мы тебе не товарищи! Иди на все четыре стороны, да смотри не бунтуй! Этого самого никак не моги, веди себя с благонравием, тихохонько, а не то... понимаешь?.. — казачья нагайка со свистом разрежала воздух несколько раз.

Жест опять был понятный и без словесных

пояснений. В ответ на него китаец принялся отвешивать нижайшие поклоны, сопровождая их подобострастными улыбками. Лицо его при этом выражало такое унижение, что оба сибиряка не могли сдержаться и залились громким хохотом.

— Ишь, заячья душа! — воскликнул Васюхнов. — Как-никак, а ежели нагайку показать — всё до капли поймёт. Ну ты, образина! Кланяйся нашим, когда своих увидишь... Прощай покамест, своему бесу праздновать празднуй, да только чтобы всё у вас там по благородному было... Зинченко, айда!

Они тронули поводья и с гиком понеслись вперёд по направлению к Порт-Артуру.

Отъехав несколько, Зинченко оглянулся. Китаец прежнею трускою следовал по дороге за ними.

— И впрямь мирной, — сказал совершенно успокоившийся казак. — О таком можно и по начальству не докладывать!

— Беспokoить нечего, много их таких шляется здесь! — согласился Васюхнов.

Но когда казаки совсем скрылись из вида, их недавний пленник вдруг изменился. Он

весь выпрямился в седле, маленькие чёрные глаза его так и засверкали. На лице отразилась ужасная злоба.

— Проклятые дьяволы! — чуть не закричал он, грозя вслед казакам кулаком. — Скоро мы сосчитаемся со всеми вами, скоро выметем вас всех отсюда... Когда бы вы только знали, какую весть несёт сюда посланник Дракона...

Он засмеялся неприятным хихикающим смехом...

II КИТАЙСКИЙ ДРАКОН

Ракон у китайцев — это альфа и омега всей их жизни, хотя он и не что иное, как создание богатой фантазии сынов Поднебесной империи. Однако это вовсе не божество в общепринятом значении этого слова. Далеко нет. Дракон в том смысле, как понимает его китаец, какой бы то ни было — богдыхан, высший сановник или последний кули, — это олицетворение понятия о высоком, возвышенном, всесовершенном. Дракон является олицетворением величайшего могущества и символом многих тайных сил природы.

Землетрясения, солнечные и лунные затмения, наводнения — всё это находит себе у китайца полное объяснение в поступках дра-

кона. Даже европейски образованные китайцы, безусловно знакомые с причинами космических явлений, и те продолжают верить, что землетрясения происходят от бешеных движений дракона, которыми он выражает свой гнев; что солнечные и лунные затмения объясняются тем, что ужасное чудовище похищает время от времени эти светила; что наводнения производит злой дракон Киао; что поражение молнией есть результат действия молниеносного дракона, великого и справедливого судьи. Словом, китаец без своего дракона ни на шаг...

Дракон пребывает всюду: в земле, в воздухе, в воде. Дракона можно встретить в жилых домах, где он является гением-покровителем. От волнообразных телесных форм дракона произошли волнообразные извилины поверхности гор и холмов. На китайских картах указаны даже местопребывания дракона, что узнается по волнообразным линиям горной цепи.

Дракону, а не кому-либо иному, обязаны и европейцы тем, что они не смогли упрочить своё влияние в Поднебесной империи.

Все кровавые события прошлого года имели место на почве неуважения европейцев к этому созданию китайской фантазии.

Европейцы явились с целью эксплуатировать природные богатства Китая и прежде всего столкнулись с драконом. Они находили громадные неистощаемые залежи каменного угля, но когда приступили к разработке копей, весь народ, от мандарина, заседающего в цунг-ли-ямене, и до последнего осуждённого на огрубление головы преступника, которому терять было нечего, приходил в священный трепет. Там, где были залежи, находилось местопребывание дракона...

Прямые крыши европейских домов точно так же ужасали китайцев, потому что они уверены в нелюбви своего дракона ко всему, что прямолинейно.

Сравнительно недавно ещё императору была подана просьба, подписанная всеми китайскими мандаринами, по поводу ходатайства европейцев о разработке каменноугольных копей невдалеке от императорских гробниц. В этой просьбе мандарины умоляли «сына Неба» пощадить священные император-

ские гробницы.

«Дракон может разгневаться за разработку угля, — было сказано в этой просьбе, и в своём великом гневе сокрушит священные останки предков и родственников богдыхана».

Вице-король Фу-Киана, человек, бывавший не раз в Европе и Америке, умолял правительство своего императора не разрешать европейцам строить дома и дачи на холмах, окружающих город Фу-Джоу.

«Городу этому, — мотивировал свою слезную просьбу высокопоставленный государственный муж, покровительствует добрый дракон. Фу-Джоу обязан ему своим основанием. Дома и дачи белых дьяволов придутся как раз на тех местах, где проходят жилы дракона. Вследствие тяжести построек легко может произойти нарушение кровообращения в его организме, и тогда он в своём справедливом гневе причинит много зла не только городу, но и всей области».

Это — слова государственного человека, выдавшего при своих побывках в Европе, что «белые дьяволы» совершенно безнаказанно

нарушают «циркуляцию крови драконов».

Но этот вице-король был старик, сжившийся с верою в дракона, молодости же в подобных вопросах всегда свойственны легкомыслие и скептицизм.

Одному молодому дипломату, жившему в Петербурге и затем в Париже, пришлось разговаривать с парижским учёным о постройке рельсового пути из Тянь-Цзиня в Пекин.

— Ничего из этого не выйдет! — безапелляционно объявил китайский дипломат.

— Отчего же? — удивился его собеседник.

— Придётся строить мост через Пей-хо!

— Так что же? Строительное искусство в настоящее время достигло высшей степени своего развития!

— Не сомневаюсь, но мне хорошо известно, что дракон Пей-хо не согласен на постройку моста. Он разрушит мост, едва только тот будет построен!

Всё это было сказано совершенно серьёзно и с полным убеждением в правдивости своих слов, как засвидетельствовал в своё время собеседник[2] молодого дипломата.

Но что же это за дракон? Видал ли его, по

крайней мере, кто-либо даже из китайцев?

Мандарин первого класса, бывший послом в Европе и Америке, самым серьёзным образом уверял, что видел собственными своими глазами летавших по поднебесью драконов. Они представляли собой нечто похожее в одно и то же время и на крокодила, и на удава. Лапы у них с пятью когтями на каждой. Крыльев нет, но это не мешает чудовищу подниматься на какую ему угодно высоту, где он до бесконечности меняет свои формы. Дракон редко показывается во всём своём виде смертным, да и то эти немногие счастливицы удостоиваются видеть только туловище его, голова же и хвост всегда скрыты в облаках...

Вот каково по своему внешнему виду это чудовище, являющееся олицетворением китайского народа, изображённое на сто государственном гербе, на знамёнах его войск.

Драконы, как сказано, бывают добрые, являющиеся ангелами-хранителями, и злые, которым решительно ничего не стоит причинить вред человеку. К счастью для китайцев, последних легко можно всегда задобрить, хотя ничего нет легче, как и прогневать их.

Выступление рек из берегов, как уже сказано выше, есть следствие гнева злого дракона Киао. В одной старинной китайской книге, календаре Хия, где говорится о всевозможных народных бедствиях и мерах к устранению их, составитель календаря очень советует властям, если случится наводнение, приказывать народу как только можно тщательнее обыскать всю почву, чтобы, постукивая по земле, найти, где укрылся злой дракон. И вот советы календаря Хия, преподанные несколько сот лет тому назад, до сих пор свято исполняются и администрацией, и народом. Когда случается необходимость отыскать грозного Киао, масса людей бросает все свои дела и отправляется искать всюду хотя бы его воплощение. Несколько лет тому назад согнано было на поиски Киао население города Нинг-По. Искали долго и упорно, Киао нигде не было. Вдруг у берега реки, позади камней, увидели жавшуюся к ним перепуганную маленькую чёрную собачонку. Сейчас же «специалисты» признали в несчастном животном не что иное, как воплощение ужасного дракона. Бедная собачонка была убита после жесточай-

ших мучений. Она оказалась принадлежащей какому-то европейцу. Тот принёс жалобу местному мандарину, и чтобы успокоить гнев обозлённого белого дьявола, администрация приказала обезглавить троих участников поисков Киао. Троим людям за жалкую собачонку были отрублены головы, и европеец-христианин был очень доволен таким возмездием. Казнённые же умерли с полным сознанием того, что дело их правое и хотя им приходится расставаться с жизнью, но эти жизни приносятся в жертву народному благу. Другие китайцы также смотрели на них как на мучеников идеи, и вряд ли казнь эта послужила делу укрепления симпатий желтолицых сынов Поднебесной империи к белым дьяволам.

В своей борьбе со злым драконом китайцы не всегда прибегают к силе. Чаще всего, чтобы предотвратить бедствие, виновником которого они считают злого дракона они пробуют умилоствивить его слезами и покорными мольбами.

Вот как нельзя лучше характеризующий китайские суеверия исторический факт...

Несколько лет тому назад река Пей-хо, та

самая, на берегах которой разыгрались ужасные события прошлого года, прорвала плотину и разлилась так широко, что затопила не только приречную равнину, но и все окрестные низменности. Жители Тянь-Цзиня и Пекина, находящиеся и постоянном соприкосновении с европейцами, стало быть, уже пошатнувшиеся и своих суевериях, отправились на поиски Киао. Нашли где-то на берегу маленькую змейку. С множеством почестей, по заранее составленному церемониалу, отнесли жалкое пресмыкающееся к знаменитому во всей Европе Ли-Хун-Чангу. И этот человек, перед мудростью которого преклоняется образованный мир, не замедлил признать в ничтожной безобидной змейке ужасного дракона наводнений... Желая умиловить оборотня, Ли-Хун-Чанг смиренно пал на колени перед змеёю, касаясь, в знак глубочайшего своего унижения перед всемогущим духом, лбом земли... Змейка извивалась и шипела, а великий человек, память о котором на веки сохранится во всемирной истории, смиренно шептал Koto — молитву о возвращении реки в берега...

Дождь так же, как и река, находится в полной власти дракона.

Если засуха продолжается и нет признаков близкого дождя, народ так же отправляется на поиски дракона-дождевика, как и на поиски Киао.

Известный синолог доктор Мартин рассказывает следующее[3].

В окрестностях Нинг-По стояла засуха, угрожавшая населению полным неурожаем риса. Пошли толки, как отворотить беду. Решили отыскать дракона, властелина дождя. Отправились, нашли в соседнем болоте случайно уцелевшую ящерицу. Конечно, ящерица сейчас же была признана воплощением дракона. С великими почестями её посадили в глиняный кувшин, и огромная процессия в несколько тысяч человек, с знамёнами и музыкантами впереди, тронулась и направилась с болота к дому дайотая[4]. Ящерицу несли в паланкине впереди процессии. В доме дайотая кувшин установили на особой постели на шёлковые подушки. Мандарин униженно на коленях молился перед нею о ниспослании дождя, и по окончании этого Кото ящери-

цу с прежней церемонией отнесли обратно на болото.

Чтобы умиловать дождевого дракона в случае засухи, мандарины назначают для всего населения строжайший пост, состоящий, главным образом, в воздержании от мясной пищи. У каждого дома в данной местности во время дождя прикрепляют на жёлтой бумаге изображение дракона с молитвенным обращением к нему. Если дракон остаётся неумолимым и засуха продолжается, тогда в честь дракона устраиваются театральные представления, также имеющие целью умиловать его. Если же и это не помогает, тогда начинают пугать неумолимое чудовище адским шумом.

Дракон неумолим, и вот прибегают к новому средству. Все молитвы оставляются, их сменяют ужаснейшая ругань и проклятья в адрес недавнего предмета униженного поклонения. Те, кто только что кланялись ему земно, прославляли его имя, с ожесточением набрасываются на деревянное или бумажное изображение дождевика, только что с великими почестями носимое в торжественных

процессиях, начинают всяким манером издеваться над ним, колотят его палками, рвут на части[5].

Несколько сот лет тому назад в Пекине упала метеорная глыба железа. Случилось так, что при падении своём она попала в колодец, и тут же китайцы это заурядное явление сочли за знамение дождевого дракона. Были построены два храма, один общий у колодца с глыбой, другой — специально посвящённый дракону дождя. Когда повсеместно в Китае случается засуха, сам император трижды в этом храме молится о дожде и приносит жертвы. Если это не помогает, отправляют во второй храм принца императорской крови за глыбой. Перед нею богдыхан совершает новые моления уже коленопреклонённо, и народ верит, что после этого дождь должен пойти непременно.

Однажды в царствование богдыхана Киа-Кианга это не помогло. Молился богдыхан очень усердно, а засуха продолжалась и грозила голодом всему Китаю. Несмотря на бесчисленные процессии и всевозможные чествования дракона-дождевика, несколько се-

верных провинции было уже опустошено голодом. Что было делать беднякам? Киа-Кианг оказался очень энергичным «сыном Неба». Он сам разгневался на гневающееся божество и, не долго думая, грозным эдиктом, в котором на чём свет стоит был обруган дракон, осудил его на вечную ссылку в провинцию Восточного Туркестана Торготу на берега Или. Приговор должен был быть приведён в исполнение, и бедному дракону «пришлось» бы отправиться в ссылку. Но весь цунг-ли-ямень, все принцы крови, все мандарины слёзно умоляли богдыхана помиловать бедного осуждённого или, по крайней мере, смягчить его участь. Киа-Кианг сменил свой гнев на милость и послал курьера с отменой своего повеления. Дракон-дождевик был помилован с условием впредь поаккуратнее относиться к своим обязанностям.

Но он почему-то, может быть, потому, что так и следует богу, и ухом не повёл и на этот раз. Тогда Киа-Кианг воспылал самым ярким гневом и решил оскорбить непослушного дракона до самой глубины его драконьей души. В том пекинском храме, где в важных

случаях молится богдыхан о ниспослании дождя, есть колодец, прикрытый камнем с изображением дождевого дракона на внутренней его стороне. Сдвинуть этот камень с места — значит навлечь на весь Китай ужасный гнев дождевика, а с ним и величайшую беду для всего народа. Разгневанный неблагодарностью дракона за дарованную ему милость Киа-Кианг, после того, как и капли дождя не упало с неба в течение нескольких дней, отправился в храм и свергнул камень со священного колодца. И что же?.. Случилось так, что немедленно после этого пошёл дождь, да ещё какой ливень. Дождь лил, не переставая ни день, ни ночь, в течение трёх суток. Киа-Кианг, воображавший, что дракон оказывает ему любезность, был очень доволен. Чтобы доказать дракону, свою благодарность, он отправился в храм возносить благодарственные моления. Но теперь уже дракон был разгневан. Ливень не переставал. Шли сутки за сутками, а целые океаны воды низвергались с небес. Вместо засухи грозил потоп. Народ, знавший о кощунственном поступке богдыхана, заволновался. Пришлось струсить самому

грозному Киа-Киангу. Смиренно покаялся он в своём неуважении, и дракон смилостивился: на десятые сутки необычайный ливень прекратился[6].

Пусть всё это — суеверие, смешное с европейской точки зрения, но разве можно забывать, что это — суеверие целого народа, суеверие, дорогое этому народу, укрепившееся в его воззрениях в течение множества веков? Ведь это — та же самая народная вера в бесплотное всемогущее существо, как и других всех народов, но выразившееся в своеобразной! форме... А кто же даже из высококультурных европейцев не вступится за свои религиозные верования?..

Молниеносный дракон — великий и справедливый судья, действительно, является таковым в понятии и представлении китайца. Все, мало-мальски власть имущие в Китае, продажны, у кого же искать высшей справедливости, высшего беспристрастия? И вот народ олицетворил идеал в виде молниеносного дракона. Если во время грозы кого-нибудь убьёт молнией, то все китайцы убеждены, что этот человек, какой бы святой жизни он

ни был, на самом деле мошенник из мошенников, только ловко умевший скрывать свои преступления. Но не был обманут дракон, и когда чаша его долготерпения переполнилась, он покарал негодяя...

Китайцы убеждены, что на спине убитого молнией посредством зеркала всегда можно прочесть надпись, гласящую об его преступлениях при жизни.

Несколько лет тому назад над Кантоном[7] и его окрестностями разразился ужаснейший тайфун, сопровождавшийся грозой. Как на грех, были убиты молнией несколько европейцев. Всё население города объяснило это несчастье тем, что европейцы стреляли из пушек в священного дракона, повелителя молнии, когда он парил над англо-французской концессией. Китайцы даже продавали картинки с изображением этого святотатственного поступка белых дьяволов.

А белые дьяволы в своём гордом ослеплении не пожелали считаться с глубокими верованиями шестисотмиллионного народа. Они грубо вторгались в религиозную область, смеясь над укоренившимся за многие века

суеверием. Вот китайский народ и свёл с ними счёты...

Всюду в Китае, как уже было сказано выше, солнечные и лунные затмения приписываются гневу дракона, похищающему с небес эти светила. Поэтому затмения наводят на китайцев всегда необыкновенный ужас. Сыны Поднебесной империи страшатся их более всего, считая предвестниками недалёких ужасных событий, и можно ли себе представить что-либо убедительнее для китайцев того обстоятельства, что прошлый год, ознаменовавшийся страшным кровопролитием, неистовым разбоем белых дьяволов, повально, не разбирая ни правых, ни виноватых, избивавших население целых городов, начался как раз солнечным затмением!

Что только творилось в Пекине, когда четыре пятых солнечного диска оказались среди бела дня закрытыми... И в Европе на народную массу это безобидное космическое явление производит самое удручающее впечатление, в Китае же весь народ усмотрел в нём предзнаменование близких ужасных событий.

Свой Новый год китайцы, конечно, по-своему встречают очень весело. Богдыхан принимает и послов, и высокопоставленных лиц в необыкновенно торжественной аудиенции, население городов устраивает праздники, торжественные шествия, сжигает бесчисленные фейерверки, взрывает петарды. Ничего этого в тот ужасный для китайцев день Нового года не было. Торжественная аудиенция была отменена, в Пекине царил зловещая тишина, свидетельствующая о глубочайшем потрясении, переживаемом полумиллиардным населением Срединной империи. Когда солнечный диск начал закрываться, раздались стоны и плач, потом поднялся необычайный шум, стреляли из пушек, ружей, взрывали петарды, били в медные тазы, тысячи духовых инструментов и барабанов визжали и гремели на всевозможные лады, и всё это проделывалось только для того, чтобы прогнать дракона, чудовище, собиравшееся проглотить лучшее из всего, что только есть на тверди небесной, — солнце.

Конечно, это в конце концов «удалось». Дракон испугался и выплюнул из своей пасти

дневное светило, но впечатления пережитых ужасов и волнений остались во всех китайских сердцах.

Совпадение для китайцев знаменательное и утвердившее их веру в дракона.

III В ПОРТ-АРТУРЕ

Инченко и Васюхнов скоро домчались до форта Хуан-Дзинь-Шань [8], где находятся пороховые погреба и казармы для войск, оберегающих Порт-Артур со стороны суши.

Чудный, вид представляет Порт-Артур, особенно со стороны моря, в ясный солнечный день. Золотые лучи с поднебесной выси заливают этот дивный уголок Божьего мира, недавно пустынный и заброшенный, а теперь, словно по мановению руки какого-то всемогущего волшебника, вдруг расцветший, как расцветает цветок на заброшен пойма клумбе.

Порт-артурская крепость, как и все крепости, была угрюмо-величественна. Она пора-

жала взгляд своею неприступностью, своей обособленностью от всего остального мира, и в то же время эта угрюмая неприветливость скрашивалась роскошью природы, окружавшей крепость своим зелёным, весёлым, радующим сердце убором.

Крепость и её форты казались вымершими. Ни звука не доносилось оттуда. Со стороны казалось, что жизнь совершенно замерла за этими валами, за этими стенами. Только на высоком флагштоке весело развевался русский флаг, символ русской победы и могущества.

Зато вокруг крепости, в городе и в посёлке, ключом кипела жизнь.

Русских везде и всюду называют плохими колонизаторами, упрекают в том, что они гораздо более способны к слиянию с чужаками сами, чем к подведению этих чужаков под русский уровень. Может быть, это и так, но в отношении Порт-Артура смело можно сказать только то, что этот далёкий клочок земли за какие-нибудь ничтожные два года стал русским в каждой своей пяди.

Всюду на улицах городка слышалась жи-

вая русская речь, видны были русские лица, а если и попадались кое-когда сыны Поднебесной империи, то они выделялись резким пятном, что тоже только служило к их большей выгоде.

Китайская толпа поразительно безлична. Слишком уже много китайцев! Все они — как один, и трудно подметить в толпе отдельные особенности каждого. На русском же, так сказать, «фоне» эти маленькие узкоглазые желтолицые люди заметно выделялись и выглядели пятнами на общей картине.

Всего два года прожили они с русскими людьми, и в эти два года с ними случилась замечательная метаморфоза. Китайцы сами превратились в людей; это уже были не прежние забитые, приниженные, не уверенные ни в одном мгновении своего существования человекоподобные существа. Но вот, пожив с русскими, они уже узнали, что и они — люди, что и они имеют право человека, как и все остальные их белокожие соседи, и, действительно, стали людьми. Явилась уверенность в будущем, явилась полная уверенность и в том, что каждый из них найдёт по-

мощь и защиту против всякого насилия, кем бы оно ни было совершено. Благодаря этому стало прививаться и очень быстро понятие о справедливости, и вот недавние захудалые человечки вдруг раздобрели, лица их прояснились, от прежнего безучастия почти и следов не осталось. Они подняли головы и держали себя с полным человеческим достоинством.

Пусть русский человек плохой колонизатор, но он прежде всего человек. Ему каждый, кто создан по образу и подобию Божьему, — брат, друг. Национальность для него не играет в этом отношении роли, и русский способен любить и жалеть китайца от всей души, как жалел бы и любил и своего брата, и земляка.

Поэтому-то лишь только русские заняли Порт-Артур, сейчас же между ними и населением установились самые дружеские отношения. Не было хозяев и рабов — были люди. Русский всегда добродушен, а русский простолюдин добродушие своё простирает до крайних пределов, и каждый, кто слаб, беспомощен, беззащитен, всегда встретит в нём луч-

шего друга, заботливого покровителя и покровителя притом совершенно бескорыстно-го.

Зинченко, отбывавший свой срок службы в Порт-Артуре, среди китайцев имел большого приятеля в лице местного аборигена Юнь-Ань-О, пожилого уже человека, родившегося на этих берегах и пережившего немало всевозможных переворотов на своём веку.

Юнь-Ань-О был очень расположен к добродушному казаку, и Зинченко всегда был дорогим гостем в фанзе этого китайца. Он, как и большинство исконного населения, жил от земледелия и не оставил земли даже тогда, когда с появлением русских в Порт-Артуре явилась возможность с большой выгодой для себя заняться каким-либо производством — в особенности столярным, которое накинудись китайцы, едва только Порт-Артур перешёл во владение России. Этот простой человек был привязан к своему клочку земли. Ежедневно его можно было видеть на улицах города с двумя корзинами на бамбуковом коромысле и с небольшими вилами о 5-6 зубцах в руках. Вооружённый таким образом, он обходил

улицы и дворы, собирал с них всё, что мало-мальски годилось бы для удобрения истощённой почвы, и всё это уносил в своё поле, хлеб свой с которого он получал именно в поте лица своего.

У старого Юнь-Ань-О было двое сыновей: Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу, двое рослых молодцов, втайне мечтавших о том, чтобы поступить на русскую военную службу, но не смевших и заикнуться отцу о своём желании. Была у него и дочка, Уинг-Ти, хорошенькая девушка, которую даже не портили раскосые глаза и жёлтый цвет лица. Она-то и была главной причиной дружбы удалого сибирского казака со старым китайцем...

Зинченко, освободившись от обязанностей службы, чувствовал себя далеко непокойным. Сердце у него, как он сам определял своё состояние, было «не в порядке». О встрече на Мандаринской дороге хотя им и было доложено по начальству, но доклад был сделан так, что на него даже и не обратили внимания. Мало ли бывало прохожих! Излишняя подозрительность могла только послужить во вред установившимся сношениям, да и сам

Зинченко пользовался репутацией очень смышлёного малого, на бдительность которого можно было вполне положиться.

Встреча была самая обыкновенная, а, между тем, казак не был покоен. Чужалось, что кроется в этом появлении в кумирне незнакомо-го китайца что-то не совсем обычное. Работал инстинкт, подсказывавший приближение хотя и неведомой ещё, но всё-таки близкой опасности.

«Хорошо ещё, что я эту китайскую грамотку прихватил, — размышлял казак. — Вот уж схожу к Юнанке, он почитает да и скажет, что в ней прописано там».

Лишь только выдалась минута полной свободы, Зинченко поспешил к своему другу-китайцу.

Порт-Артур, по крайней мере в своей китайской части, ещё носил вполне национальный отпечаток. Он ютился в котловине среди гор на северо-восточном берегу залива того же имени. Расположен городок на неровной местности без всякого плана, с кривыми, неширокими и недавно ещё немощенными улицами, застроенными множеством китай-

ских лавочек, напоминающих своим видом бахчисарайские, где двором служит часть разбираемой передней деревянной стены. Главная улица, около версты длиною, тянется от самого залива через весь город и выходит на Мандаринскую (Маньчжурскую) дорогу, ведущую вглубь полуострова. Кроме? главной улицы, есть ещё базарная, набережная, несколько узеньких переулков — вот и весь город. Большинство домов кирпичные или из серого гранита, а остальные глинобитные. Почти все крыши черепичные, и только очень немногие дома покрыты соломой, глиной или толем. Жители пользуются водой из колодцев, которых много и вода которых очень вкусна и хороша. Каменные здания находятся в порту, отделённом от города каменной стеной. Здесь сосредоточено управление краем, живут военные, моряки, чиновники со своими семьями. Тут уже всё поставлено на европейскую ногу. В порту устроен прекрасный водопровод, проведено электрическое освещение, словом, имеются все удобства, к которым привыкли жители больших европейских городов.

Фанза Юнь-Ань-О была бедная, как и все такие же китайские постройки, изобиловавшая массой перегородок, разбивавших её на несколько клетушек, вовсе недостойных, однако, громкого названия «горниц», как их стали величать китайцы, ознакомившись с русскими названиями частей дома. Перегородки были наделаны из прочных кукурузных стеблей, обмазанных с обеих сторон глиной. Пол и потолков не было — лес вообще в Китае дорог. На улицу не выходило ни одного окна — все они были проделаны во двор и представляли из себя большие щели, заклеенные промасленной бумагой. В самой большой горнице стоял кап — низкая каменная лежанка, имевшая вид нар. Кан у китайцев не только служит для отопления всего помещения, но и является ложем для всей без исключения семьи. Это, так сказать, семейный очаг китайца, куда допускаются только самые близкие люди и друзья.

Когда Зинченко подошёл к фанзе Юнь-Ань-О, ему встретились Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу, разодетые по-праздничному и, видимо, куда-то торопившиеся. Они так и расплылись

довольной улыбкой, увидя подходившего казака.

— Здорово, молодцы, — приветствовал их гость. — Куда это?

Китайцы Порт-Артура за годы пребывания русских так освоились с их языком, что сами не только понимали, но и отвечать могли довольно сносно по-русски.

— Ден-лунь-цзе — фонарный праздник, — отвечал старший Чи-Бо-Юй. — Пойдём, казак, с нами!

— Нет, к батьке пришёл... Дома он, старый-то ваш, или нет?

— Он только что вернулся с поля... Иди, иди... Отец тебя любит, будет рад тебя видеть...

— Ну, ладно... А вы с Богом, марш своей дорогой! Веселитесь! — и, поправив папаху, Зинченко согнулся в три погибели, чтобы проникнуть внутрь фанзы.

На входных дверях были наклеены два листа бумаги с изображёнными на них в виде воинов двух добрых гениев, которые должны были охранять Юнь-Ань-О и его семью от злого духа. На всех дверях и окопных косяках с

наружной и внутренней сторон были расклеены разноцветные тейзы — бумажки с надписями, содержащими добрые пожелания вроде: «Будь всё время здоров», или «Чтобы было всё хорошо». Зинченко всё это уже пригляделось, и он прошёл прямо к кану, где отдыхал от дневных трудов его старый друг.

— Как поживаешь, старина? — приветствовал его казак. — Устал, поди? Не тормозишь, не хочу твоего чаю... Я к тебе с делом пришёл...

Юнь-Ань-О вопросительно поглядел на гостя.

— Ты по-своему читать маракуешь? — последовал новый вопрос.

Старик кивнул.

— Так прочти-ка, что у вас здесь написано, и потом мне скажешь!

Он протянул Юнь-Ань-О сорванный им со стены кумирни листок с изображением красного дракона.

Старый китаец бросил сперва только беглый взгляд на этот лист, вздрогнул весь, лицо его побурело и отразило внезапно охвативший всё его существо ужас.

— Русский! Русский! Где ты взял это? — задыхаясь от волнения, прошептал он. — Скажи, где?

— Там, в вашей молельне на Мандаринской дороге. Да ты что это?

На Юнь-Ань-О смотреть было жалко. Он трясся, как в лихорадке, всем телом. Даже зубы его стучали, и на его жёлтом лбу видны были крупные капли йота.

— Да что с тобой, милый человек, недужится, что ли? — принялся расспрашивать изумлённый казак. — Какая такая муха тебя укусила?

— Нет, теперь ничего... ничего... всё прошло... упавшим голосом отвечал хозяин. Ты мне это оставь, прошу тебя, оставь, если ты мне друг...

— Да ты скажи мне, что здесь такое? — попытался Зинченко. — Молитва, что ли, ваша какая?

— Молитва! — как эхо, подтвердил. Юнь-Ань-О. — Отдай мне её!

— А ничего тут нет такого, что начальству знать нужно?..

— Нет, ничего...

— Тогда возьми, только смотри, не обманываешь ли ты меня, а? Нет, нет! Но знаешь, в городе хороший праздник, фонарный праздник. Моя бедная маленькая дочь пошла посмотреть на него... Я был бы спокоен за неё, если бы ты вернулся вместе с нею... Сделай милость, русский!

— А, понимаю, не в пору гость — хуже татарина! нисколько, впрочем, не обидевшись, воскликнул Зинченко. — Так, так, так! Делать нечего! Шапку в охапку и мир этому дому — пойдём к другому...

— Ты не обижайся, прошу тебя, — лепетал старик. Так будет лучше... Поспеши, праздник скоро кончится... А это, — он указал на лист с изображением дракона, — оставь у меня...

— Ну, ладно, ладно, возьми! А я, признаться, хотел в станицу послать, пусть бы там позабавились.

— Пусть у меня будет, так лучше...

Он чуть не выгонял, сам того не замечая, своего гостя. Зинченко, которому улыбалась перспектива встречи с дочерью старика, заторопился сам, и Юнь-Ань-О, наконец, остался в фанзе один.

Тут он дал волю своему отчаянию.

— О горе, ужас! — воскликнул он. Я не знаю, что делать, как мне поступить... Дракон зовёт! Его посланник уже здесь. Опять беда, опять кровь... Фанг-Шуэ[9], научи, вразуми меня, что мне делать... Отдать Дракону детей, моих сыновей!? Он требует их... Нет, никогда! Русские сильны, они защитят бедного китайца...

В своём волнении он принялся перечитывать иероглифы, которые были начертаны вокруг изображения дракона.

Там значилось: «Члены божественного общества «Справедливой руки»[10] действительно благородные люди, которые защищают страну Неба и доставляют народу мир. Они — удивительные люди, истребляющие овец[11] и искореняющие ягнят[12]. Иностранные дьяволы — дьяволы второго разряда. Они обладают при их хитрости многими волшебствами. Они колют людей в голову булавами, чтобы те через неделю умерли. Этим путём они хотят истребить весь народ, чтобы безнаказанно изрезать всю страну Неба железными дорогами, ископать её копя-

ми, из которых они добывают себе уголь. Этим они тревожат наших предков в могилах и раздражают Дракона. Всякий верный, увидевший это послание, должен немедленно присоединиться к сообществу «Справедливой руки», иначе он будет считаться изменником и умрёт... Смерть всем иностранцам и их детям и жёнам!..»

Юнь-Ань-О был природный китаец и знал, что такое И-хо-туан, или, как их стали называть в Европе с лёгкой руки англичан, боксёры. Знал он, что горе тому, кто осмелится ослушаться их приказа, и в то же время за два года постоянного общения с русскими старый китаец привык считать этих последних всемогущими. Отобрав у Зинченко послание боксёров, он решил немедленно довести его до сведения властей, вполне уверенный, что русские сумеют защитить его и его семью от ярости возмутителей. Сперва он было колебался, но потом решение было принято бесповоротно, и старик торопливо стал надевать свою безрукавку, не желая даже часа промедлить в таком важном деле. Но едва он хотел перешагнуть порог своего жилища, как

чья-то фигура преградила ему дорогу.

Он остановился и весь задрожал... Перед ним в дверях стоял тот самый китаец, которого чуть было не задержали казаки во время разъезда по Мандаринской дороге.

— Синь-Хо! в ужасе воскликнул Юнь-Ань-О, падая перед своим новым гостем на колени.

— Да, я — Синь-Хо, ты узнал, презренный раб! — глухо заговорил тот. Я к первому тебе пришёл здесь, потому что знаю твою дружбу с белыми дьяволами! Осмелишься ли ты отрицать это?

— Пощади! Разве виноват я, что одни из них ходит ко мне, насильно желая стать моим другом.

— Ты лжёшь! Ты сам принимаешь его, как лучшего гостя. Ты везде говоришь, что русские всемогущи, а твои сыновья не раз уже на базаре заводили речь, что они готовы поступить на русскую службу...

— Они мне ничего не говорили...

— Может быть, но ты уже виноват в том, что так воспитал их... Знай, настало время, когда следует избавить страну Неба от белых

дьяволов. Так решили великие отцы, и долг каждого повиноваться им... Ослушники должны умереть... Пусть погибнут тысячи, но их гибель приведёт к счастью весь народ.

— И погибнуть должны все?

— Все!

Синь-Хо будто отчеканил это слово.

Юнь-Ань-О, опуская голову, спросил:

— Но чем провинились русские?

— Великие отцы ничего не имеют против русских. Они заключили бы с ними союз, чтобы перерезать всех остальных белых дьяволов.

— Но тогда... тогда зачем же ты здесь, Синь-Хо?

— Я пришёл оповестить всех братьев. Все должны собираться под стены святого города, потому что, как только будет собрана жатва, мы начнём наше дело... Встань, я пришёл к тебе пока с миром.

Юнь-Ань-О поднялся с колен и поклонился в пояс пришельцу.

— Мон дом — твой дом, — сказал он. — Всё, что здесь есть, — твоё. Но что я должен сделать ещё?

— Ты должен укрыть меня у себя, дабы я мог оповестить всех живущих здесь братьев... Горе тебе, если ты осмелишься меня выдать. Друзья мои сумеют отомстить за меня, и худо придётся тебе и всем твоим.

Я повинуюсь! — с новым поклоном отвечал старик. — Но знай, что твоё пребывание здесь сопряжено с величайшей для тебя опасностью. Русские проникательны и легко могут узнать о тебе...

Синь-Хо презрительно улыбнулся.

— Ты забываешь, кто я! — сказал он. — Заклинания давно уже сделали для меня безвредными и пули, и мечи... Кто служит святому делу справедливости, тот ограждён от смерти.

IV «И-ХО-ТУАН»

«

К

оторая земля переставляет обычаи свои и та земля не долго стоит» — вот историческая фраза, объясняющая весь смысл противления реформам, встреченного со стороны народа сперва патриархом Никоном, а потом Петром Великим.

На точно такой же почве зародились и совершились все ужасные события прошлого года, в которых главнейшую роль играло общество «И-хо-туан», или, как их все в Европе называют, «Большие Кулаки».

Западные европейцы своим презрением к укоренившимся в течение многих веков обычаям страны возбудили против себя главную массу населения... И так как правительство

Поднебесной империи не отстаивало установившегося строя быта, не сумело дать надлежащего отпора тем жадным пиявкам Запада, которые под видом распространения веры Христовой явились в Китай, дабы подготовить его полное покорение Европе, то народ стал думать, что помощь к нему должна явиться с неба.

Именно только с помощью небесных сил, как думала масса китайцев, страна Неба могла освободиться от чужеземных захватов и от осквернения её различными совершенно противными духу народа новшествами. Чтобы достигнуть этого, с неба послано было бесчисленное множество бесплотных воителей. Но так как эти бесплотные воители, защитники Китая от грубого вторжения белых дьяволов, невидимы и могут действовать только при посредстве людей, то им необходимо овладеть обыкновенными смертными и вселиться в них. Некоторые из смертных, более избранные, путём особых упражнений получают способность вмещать в себя бесплотных воителей и через то становятся неуязвимыми для всякого оружия и вместе с этим — непобеди-

МЫМИ.

Но чтобы получить подобную способность, нужны огромные труды, нужно с детства готовиться к принятию в себя духа, и вот из таких готовящихся и приготовившихся людей и составилось общество И-хо-туан, или И-хо-ч'юэнь.

«И» значит добровольный, «хо» — соединённый, «туан» — ополчение, «ч'юэнь» — кулак или горсть. Таким образом, перевод названия сообщества будет: «добровольно соединённое ополчение» или «добровольно соединённая горсть». Путь к достижению способности принять в себя духа называется «та ч'юэнь т'су», то есть «биться на кулачки», но значение вышеприведённых слов совсем другое, чем их буквальный смысл. Оно в применении к «Большим Кулакам» означает упражнения, решительно ничего общего с кулачным боем не имеющие. Повторению известных слов приписывается магическое действие. Оно при сильных движениях всем телом помогает человеку впасть в транс и затем в нормальном состоянии забывать всё, что было совершено во время экстаза.

Таким образом, в основе и-хо-туане имеют много общего с русскими хлыстами, прыгунами и вообще сектантами, которые посредством различных телодвижений добиваются того, что на них «накатывает дух».

В Китае эта секта как религиозное сообщество существует уже не одно столетие. Одно время из её приверженцев составлялась стража императоров, причём единственным оружием их был их собственный кулак, с помощью которого они успешно побеждали врагов. Затем, с воцарением династии Цин, они подверглись гонению как бесполезные и даже вредные люди и только в последнее время вновь выступили на сцену, явившись правильно организованным сообществом. Они восставали, главным образом, против католических миссионеров, и все неистовства совершены именно этими людьми, которые считали себя существами, во многом отличными от обыкновенных смертных.

Итак и-хо-туане, боксёры, кулачники в глазах простого народа являлись людьми не от мира сего, а через поселение в них чистого духа одарёнными высшей способностью быть

неуязвимыми и застрахованными от всякого рода смерти. Помимо этого, они являлись в глазах народа борцами за попранные нравы, защитниками Отечества от покушений внешних врагов и, что главнее всего, — ближайшими к народу людьми, так как ряды боксёров пополнялись исключительно выходцами из народа, так сказать — детьми народа...

Везде, где они ни появлялись, они прежде всего вербовали в свои ряды хсяо-хай-тсю малых детей, начиная с 10-летнего возраста. В них главари из боксёров развивали прежде всего физическую силу всевозможными гимнастическими упражнениями, приучали переносить всякие лишения, муки и развивали беспрекословную дисциплину и точное повиновение младших старшим. Таким образом, наряду с правительственной армией создавалась другая армия — народная, фанатически преданная своему делу — «всё вымести начисто в стране Неба».

Может быть, потому только, что все свои усилия главари-боксёры направляли, главным образом, на подростков, это движение и ускользнуло от внимания европейцев. По-

следние видели, что ораву мальчишек какие-то оборванцы учат «кулачному бою», и вовсе не думали, что под видом невинной забавы создаётся орудие неистового кровопролития... Прошлый год доказал, что боксёрские упражнения были далеко не игры «в кулачные бои».

Синь-Хо важно сидел на капе и заговорил, не глядя даже на почтительно склонявшегося перед ним Юнь-Ань-О.

— Да, настало время, великое время! Иностранные дьяволы развратили вконец всех наших правителей — всех, от императора до последнего писца у судебного мандарина. Они сделали всех их дурными людьми, перепавшими заботиться о народе, корыстолюбцами, взяточниками, жадными до всего, чего у них нет. Они посредством подкупа распространяют среди нас свою веру и свои обычаи, чуждые нам. Они строят у нас железные дороги, в которых мы не нуждаемся, заводят машины, телеграфы, электрическое освещение. Точно без всего этого Китай не жил счастливо! Но этим путём они только хотят развратить народ наш, уничтожить родственные

связи и покорить нас под свою власть. И они думают, что им это удастся без борьбы, без нашего сопротивления! Как глупы иностранцы! Разве не видят они, что во всём между ними и сынами Неба лежит громадная пропасть. У них всё не так, как у нас. У нас белый цвет означает печаль, а у них печаль означает чёрный. У китайских женщин широкий стан и маленькие ноги, у европейских женщин большие ноги и узкая талия. Мы омываем наши руки перед началом еды, они — после, всё по-иному, всё не так, как у нас.

— Прости меня, — осмелился заговорить Юнь-Ань-О. — Я теперь часто вижу русских, они мне кажутся вовсе не плохими людьми.

Я ничего не сказал о русских. Русские — истинные друзья китайцев, и никто в нашей стране не имеет на них «дурного сердца». С незапамятных времён Дракон и Медведь жили в полном мире и тесной дружбе...

— Зачем же здесь ты, посланник Дракона? Синь-Хо нахмурил брови.

— Я пришёл призвать всех верных к освобождению Родины нашей от белых дьяволов.

— Но ведь и русские белы!

Эти последние слова Юнь-Ань-О произнёс с заметным колебанием.

— Да, и они белы! — согласился посланник Дракона. — Но русские мало того что наши друзья, они — родные нам по крови. Было время, когда они породнились с нами при посредстве великого Тимурая, который, покорив Китай, послал своих воинов завоёвывать и русские земли. Это было давно, но кровь всегда остаётся кровью, и как бы ни разбавляли её, несколько капель прежней всегда останется...

Синь-Хо говорил всё это с видимым убеждением. Без сомнения, он свято верил своим словам так же, как и своей «неуязвимости» в качестве принадлежащего к сообществу «И-хо-туан».

— Никогда европейским людям не сравниться с нами... Никогда! Пусть они говорят, что обряды, внешние знаки почтения — ничтожная мелочь, но на них-то основан и внутренний быт нашей страны, в них основы нашего народного счастья, которое все они стремятся дерзко подорвать. Ты стар, Юнь-Ань-О, у тебя есть свои дети, двое сыновей,

Юнь-Ань-О, я знаю это. Что бы ты сказал, если бы их у тебя не было? Разве не был бы ты самым несчастным человеком в мире, беднейшим из бедных? Вспомни, если у нас, в стране Неба, человек не имеет потомства, это считается для него самым ужасным несчастьем, омрачающим все дни его существования. А у белых варваров наоборот. Многие из них считают себя счастливыми, если не имеют детей. Они говорят сами, что отец и мать с небольшим трудом могут прокормить десять человек детей, но эти дети находят невозможным помешать своим родителям умереть с голода. Недавно в Пекине я видел двух варваров, вступивших в брачный союз. Это были мужчина и женщина, молодые, здоровые люди. Знаешь, старый Юнь-Ань-О, что они говорили? Они говорили, что родители обязаны кормить детей, потому что произвели их на свет, не спрашивая об их желании жить, а дети не обязаны заботиться о родителях, так как они не ответственны за их существование[13]... Где в стране Неба можно услышать что-либо подобное? Разве не общее негодование вызвали бы подобные слова, если бы они были ска-

заны китайцем? Разве не разорвал бы в своей справедливой ярости народ того сына, который осмелился бы позабыть спой долг по отношению к родителям или даже к посмертной памяти их? Ведь на атом почтении держится семья, а семья — это и малом виде государство. Не будет семьи — погибнет государство. Христиане же, варвары, заботятся о том, чтобы научить своих детей всевозможным наукам, развить их ум, тело, но они никогда не стараются привить им сознание долга гражданина, они забывают научить их вежливости, и их дети отказывают не только в уважении своим родителям, но и в помощи им.

Синь-Хо смолк. Юнь-Ань-О слушан его с почтительным вниманием. Всё, что говорил посланник Дракона, было дорого и близко его китайскому сердцу. Дети ведь — слабая струйка каждого китайца, они — его полная неотъемлемая собственность, распоряжаться которой каждый родитель может, как ему угодно.

Увлечённые своей беседой, они и не заметили, как Уинг-Ти, хорошенькая дочка Юнь-

Ань-О, тихо вошла в фанзу и внимательно слушала их разговор. Её жёлтое личико побурело всё, когда она услышала, что гость её отца — посланник Дракона и явился с целью поднять народное восстание против белых варваров, которые всегда так добры были к ней... Сердечко девушки сильно билось, когда Синь-Хо с особенной силой в голосе воскликнул:

— Пусть все они погибнут, пусть прольются целые океаны крови белых иноземных варваров и в ней утонет всё нечестие, которое поселилось от них в великой стране Неба!

Пылкому воображению Уинг-Ти живо представилась ужасная кровавая картина. Их тихий маленький городок весь пылает. Фанзы лижут огненные языки. Багровое зарево кровавой короной стоит над несчастным городом. Слышны вопли, крики, стоны раненых; грохочут с крепости пушки, трещит ружейная перестрелка. Все защитники крепости изнемогают. Их мало, а этих ужасных боксёров что волн на поверхности бушующего моря. Громче и громче раздастся их крик: «Ша, ша, ша![14]»

Добрые, милые русские, которых неизвестно за что называют эти ужасные люди «дьяволами», «варварами», падают под ударами нападающих. Немного их осталось. Ясно видит Уинг-Ти, как толпа боксёров напала на рослого Зинченко, который всегда был так добр к ней, бедной китайской девочке. Он отбивается, но всё напрасно. Слишком уже много врагов. Выстрел — и бравый казак падает с предсмертным стоном. Крича и беснуясь, кидаются на него победители; минутная возня, и вот голова казака поднимается на пике над беснующейся толпой...

Притаившаяся девушка ясно видела перед собой оскаленный рот, широко раскрытые глаза, в которых так и застыло выражение ужаса, смоченные кровью повисшие прядями волосы... Уинг-Ти ведь пережила все эти ужасы... Не на её ли глазах брали японцы этот же самый Порт-Артур? Ведь она совсем ещё ребёнком была свидетельницей всего, что тогда здесь происходило, и ужасное впечатление до сих пор ещё не изгладилось из её памяти.

Сердце маленькой Уинг-Ти сжималось до боли. Как быть? Этот ужасный посланник

Дракона здесь; по его следам явятся сюда ужасы кровопролития, и никто, решительно никто — Уинг-Ти прекрасно знала своих земляков — не посягнёт предупредить русских о близкой и грозной опасности.

Бедняжка не слыхала, что Синь-Хо явился только собрать под знамёна Дракона верных. Она слышала, что смерть грозит всем иностранцам, а ведь и добрые русские не были своими людьми в этой так ещё недавно приобретённой ими земле.

Тяжёлая борьба происходила в душе девушки. С одной стороны, она всем своим сердцем жалела русских, которых уже считала обречёнными на смерть, с другой страшилась сего ужасного человека, перед которым и отец её стоял дрожащий и перепуганный.

Наконец, какое-то решение появилось в её маленькой голове. Уинг-Ти неслышно выскользнула за порог фанзы и поспешно, насколько только можно было при её крохотных ножках, пустилась по узкому переулку к базарной улице городка.

Ни отец, ни Синь-Хо не заметили её. Они по-прежнему были увлечены своей беседой

на дорогу для них тему.

— Всё, что ни завели в нашей стране европейские варвары, — продолжал Синь-Хо, — всё должно быть уничтожено. Нам ничего не нужно из того, что они завели у нас. Мы жили без их железных дорог, без их машин, без их телеграфов, электричества и были счастливы. Что нужно человеку для жизни? В день горсть-две риса и немного воды. Только и всего. Получив их, человек доволен и счастлив. Он живёт беспечно, беззаботно, и никакая тягота не введена ему. Так жил наш народ, и так он будет жить, когда мы, «добровольное ополчение», прогоним белых варваров. Это же случится скоро, очень скоро. Это изгнание начнётся, как только будет собрана в нынешнем году жатва. Нельзя сомневаться в сопротивлении варваров. О, я знаю, им не хочется уходить от нас. Им у себя на родине нечего делать, нечего есть. Они будут бороться с нами, но мы их всё-таки прогоним. Мы оставим около себя только русских, с которыми заключим союз[15]. И борьба будет кончена очень скоро. Пройдёт год-два, много три, и по всему Китаю воцарятся мир, правда и благополучие.

— Но ведь многие из наших людей, — перебил гостя Юнь-Ань-О, — уже заражены духом европейских варваров... Разве можно поручиться за то, что они по изгнании их возвратятся к старине?

— Если только люди будут продолжать нечестие, то для всей земли настанет невыносимо-ужасное время «десяти бедствий». Знаешь ли ты, старик, что будет тогда? Я скажу тебе, дабы ты возвещал всем верным. Повсюду прекратится дым жертвоприношений; кровью наполнятся все реки и потоки; зерно не даст плода; все живущие будут удручены неправдою; дороги останутся без путников; вдовы и сироты будут бродить далеко от родины; никто не будет защищён от грабежа; все живущие низойдут к «жёлтым потокам» [16], народ станет жертвой голода и нищеты; и не будет на земле мирных годов[17]!

Посланник Дракона перечислял бедствия, угрожающие Китаю, необыкновенно торжественным тоном, произведшим впечатление на старого Юнь-Ань-О.

— Много крови прольётся, — всё-таки пробормотал он. — Много людей погибнет!

— Нет и не может быть жатвы без посева! — наставительно ответил на это Синь-Хо. — Пусть погибнут тысячи и десятки тысяч — многие миллионы будут счастливы!

Снова они немного помолчали.

— Скажи мне; чего ты потребуешь от меня? — прервал, наконец, молчание Юнь-Ань-О.

— Твои сыновья должны присоединиться к верным, это первое...

— Хорошо, пусть будет так.

— Затем ты должен дать мне пристанище, пока я останусь здесь.

— Я рад исполнить это, но не находишь ли ты своё пребывание опасным для себя, опять спрашиваю я тебя, не лучше ли будет тебе укрыться дальше от города, где столько русских? В Кин-Джоу, в Быцзыво[18] ты был бы в большей безопасности, чем здесь.

Синь-Хо с мгновение подумал.

— Я должен непременно остаться здесь и останусь, хотя и не надолго. Я не боюсь за себя, меня охраняет Дракон. Кроме того, я понимаю русский язык, а никто из русских не знает итога... Благодаря знанию языка я уже из-

бежал опасности, когда держал свой путь сюда...

Юнь-Ань-О вспомнил рассказ Зинченко, и рука его невольно потянулась за пазуху рубашки, где у него было спрятано послание Дракона. Одно мгновение он хотел отдать его обратно Синь-Хо, но сейчас же раздумал.

«Русские сделали мне столько добра, — промелькнула в голове мысль. — Они мне хорошо платили за хлеб и рис моих полей. Они были ласковы к моей семье. Неужели я должен остаться неблагодарным и не предупредить их о замыслах «добровольных ополченцев»? Об этом нужно ещё подумать».

V ИГРЫ ДРАКОНА

Итайцы — большие любители всякого рода Изрелищ, в особенности театральных процессов, для которых у них существует даже особый класс актёров. Одно из любимых китайцами зрелищ — ден-дунь-цзе фонарный праздник и игры дракона.

Первый даже и для европейцев представляется чрезвычайно интересным зрелищем, притом редким, потому что обыкновенно приурочивается к одному какому-нибудь определённом времени. Состоит он из большой иллюминации, сжигания потешных огней и процессов.

В этом празднике особенное внимание европейцев привлекают так называемые ки-

тайские тени. Для них употребляются фонари с особенной отделкой, с очень изящной и замечательной причудливостью своих узоров. Внутри такого фонаря вставлены небольшие фигурки, которые от естественного притока воздуха приходят в круговое движение и дают своё движущееся отражение на стенке фонаря, сделанной из промасленной бумаги. Это-то и есть знаменитые китайские тени, на которые когда-то была сильная мода в Европе. Если глядеть издали с фигурки кажутся быстро меняющими своё положение, они, словно живые, быстро пробегают мимо зрителя, сменяясь одна другой. Получается очень эффектное и вполне оригинальное зрелище, которым, пока оно в новинку можно даже любоваться не на шутку.

Игры дракона состоят в следующем. На воротах дом вывешивается большой красный фонарь, который, и мысли устроителей праздника, должен изображать соли не. По обе стороны фонаря прикрепляются два дракон с маленькими фонарями в пасти у каждого из них. К драконам проведены верёвочки, приводящие их в движение; когда дёргают за

них, то драконы будто бросаются на фонарь-солнце, стараясь поглотить его. В темноте эти движения представляются очень красивыми. Чудовища, словно живые, набрасываются на солнце, отпрыгивают назад, снова кидаются к нему. Маленькие фонарики имеют вид пламени, исходящего из их отверстых пастей. Людей, управляющих движениями драконов, не видно. При этом кругом пускают ракеты, жгут взрывающиеся при зажигании и разбрасывающие вокруг тысячи искр составы. Всё это сопровождается оглушительными звуками трещоток, боем барабанов, ударами в медные трубы, и тарелки. Всюду весёлое оживление, гомон, смех, общее довольство.

Обыкновенно этот праздник приурочивается к зимнему солнцевороту и является как бы проводами старухи-зимы, напоминая собою древнеславянские игрища по этому же поводу.

Но иногда игры дракона устраиваются профессиональными китайскими актёрами, путешествующими с целью давать представления по городам и сёлам страны Неба.

Это развлечение носит другой характер и с

появлением европейцев стало устраиваться довольно часто, так как белые варвары были не скупы на чохи[19], а получить чохи одинаково приятно как от своих, так и от чужеземцев.

Труппа актёров, прибывших в Порт-Артур, состояла из двух десятков рослых парней, взбравшихся на ходули и поэтому высоко поднимавшихся над головами зрителей. Актёры были одеты женщинами, солдатами, чиновниками и крестьянами. Костюмы их были далеко не замысловатые. Одни были в длинных белых балахонах, другие в японских солдатских куртках, третьи в женских одеждах. Надо быть справедливыми, китайцы — замечательные гримёры, и загримированного женщиной парня очень трудно отличить от китайской прекрасной половины рода человеческого.

Все они были искуснейшие ходоки на высоких ходулях. С замечательной ловкостью они проделывали на них всевозможные головоломные штуки, возбуждая своим оригинальным искусством искренний восторг среди неприхотливой публики, состоявшей из

китайцев-простолюдинов, портовых рабочих, солдат и казаков. Искусники делали ловкие прыжки, ложились на землю, бегали наперегонки друг с другом, но «гвоздь» их представления был вовсе не в упражнении на ходулях.

Разве могут китайцы когда-либо обойтись без своего излюбленного дракона?

Он и теперь более всего привлекал внимание китайских зрителей.

Кукла дракона — это необходимая принадлежность каждой бродячей труппы китайских актёров.

Чудовище искусно сделано из материи и укреплено на длинных палках, которые поддерживают 10—15 человек, приводя вместе с этим куклу в движение. Кукла же громадная — 10—15 футов, не меньше. Внутри куклы помещены зажжённые фонари. Такие же фонари, но меньших размеров, вставлены в голову куклы и заменяют глаза, а фонарь побольше, помещённый в пасти, изображает собою пламя, которым, по верованиям китайцев, дышит чудовище. Дополняет дракона красный шар-фонарь, который опять-таки знаменует собой солнце.

Когда Зинченко, расставшись со старым Юнь-Ань-О, пришёл на базарную площадь, труппа отдыхала, готовясь в то же время к новому представлению. Площадь была вся запружена народом, среди которого было немало русских солдат, пехотинцев, казаков, матросов, собравшихся посмотреть на невиданное и редкое вообще зрелище. И русские, и китайцы стояли перемешавшись друг с другом. В этой разнородной толпе не было заметно никаких следов натянутости или малейшего недовольства. Китайцы нисколько не стеснялись солдат, те, в свою очередь, не чинились перед ними. Словом, это были люди, которых собрало здесь вместе общее чувство — любопытство.

Зинченко скоро отыскал в толпе знакомых, стал с ними, и сейчас же посыпались добродушные, безобидные шутки, на которые так способен русский воин.

— Ну-ка, посмотрим на ихнего биса! — говорил приземистый пехотинец, приподнимаясь на цыпочки, чтобы поближе через головы рассмотреть куклу дракона, пока что лежавшую на земле.

— Смотри, круподёр, глаза не просмотри! Оставь их для службы маленько! — отозвался Зинченко. — Куда тебя слепого?

Кругом засмеялись. Пехотинец огрызнулся, но в это время актёры зашевелились, и все в толпе умолкли.

— Начинают! — пронеслось вокруг. — Смотри-ка, никак они хоровод затеяли?

В самом деле, все участники представления взялись за руки и стали вокруг своего дракона. Раздались медленные, тянущиеся звуки рожков. Под эту музыку танцоры, при-топывая, начали водить хоровод. Дракон лежал смирно, потом стал сперва пошевеливать то одной, то другой лапой (внутри его был скрыт один из актёров), потом поднял голову и отчаянно затряс ею. Темп музыки ускорился. Хоровод задвигался всё быстрее и быстрее, танцоры затащили заунывную песню. Чудовище, лежавшее на земле, мало-помалу начало просыпаться. Сначала оно ворочалось с боку на бок, потом вдруг поднялось на ноги. В это время перед ним появился красный фонарь — солнце. Это привело дракона в страшную ярость. Он стал кидаться на

фонарь, сперва довольно спокойно и уверенно. Фонарь отодвигали, попытки дракона были безуспешны. Тогда он вдруг поднялся над толпой, весь светясь внутренними фонарями и резко выделяясь в наступившем сумраке ночи своими огненно-красными глазами и пастью. Шёпот одобрения пробежал по рядам зрителей. Благодаря скрытым приспособлениям дракон казался парящим в воздухе. С возрастающей яростью и проворством он начал гоняться за красным шаром, извиваясь всеми своими кольцами. Шар-солнце продолжал ускользать от него. Дракон свирепел. Он то взлетал, размахивая своим кольцом и трепеща громадным туловищем, то припадал к земле, расстилаясь по ней во всю свою длину. Хоровод кружился, между тем, со всё возрастающей и возрастающей скоростью, музыка ускоряла также свой темп, пение перешло в оглушительный крик. Зрители стояли, как очарованные. Зрение их, восприняв необыкновенные эффекты, притупилось. Неумолкаемая какофония всяких звуков привела вместе с тем людей в состояние, близкое к гипнотическому. Русским солдатам казалось, что они

присутствуют на шабаше ведьм, — так необычайно было для них всё происходившее перед их глазами. Музыка и пенис начали стихать, но не сразу, а постепенно. Хоровод уже не кружился с прежней быстротой. Дракон также замедлял свои движения чудовище устало... Ещё минута-другая, и он неподвижно распластался на земле, а прямо над ним, как бы торжествуя свою победу, появилось красное солнце-фонарь...

— Ах, волк те заешь! Важно! раздалось восклицание рядом с Зинченко.

Он оглянулся. Это восторгался приземистый пехотинец. На лице его отражалось нескрываемое удовольствие.

— Надо им чоху пожертвовать! решил солдатик и полез в карман за связкой этих монет.

Зинченко хотел было опять подтрунить над ним, но чьё-то прикосновение к его плечу остановило его.

Позади стояла Уинг-Ти.

Девушка тяжело дышала — грудь её так и вздымалась при каждом вздохе. Она быстро шла и запыхалась. Сперва она даже и слова

не могла вымолвить.

Лицо казака при виде маленькой китаянки озарила довольная улыбка.

— А, красоточка, спасибо, что пришла! С делом или на своего беса посмотреть?

— Русский, ты можешь... беги, скорей беги отсюда! — залепетала она. — Спасайся, если тебе дорога твоя жизнь...

— Чего ты? — искренно удивился Зинченко. — Куда бежать?

— Беги... куда не знаю... все бегите... Я не хочу вашей смерти... Он перебьёт всех... всех до одного...

— Ты, девка, рехнулась, что ли? Всем бежать! Ишь, что выдумала!.. Зачем?

— Там, у нас в фанзе, посланник Дракона... Он пришёл к верным... Горе, горе мне, вам!

Уинг-Ти зарыдала. Около китаянки и казака уже собралась толпа любопытствующих солдат.

— Разогорчил, значит, чем разлапушку! — ввернул своё слово тот пехотинец, над которым подтрунивал казак. — Ишь как плачет-то, рекой разливается.

— Пойдём! Что у вас там такое? — решил

Зинченко, сообразивший, что в семье его китайского друга случилось что-то не совсем обычное.

— Нет... Не ходи!.. Прошу тебя, не ходи! тихим шёпотом говорила Уинг-Ти.

— Ан пойду! Там я у твоего батьки грамотку одну оставил, так вот за ней пойду, пусть отдаст, старый пёс! А ты, девушка, братьев сыщи, я их здесь, кажись, видел... — и, не обращая более внимания на китайнку, Зинченко быстро зашагал по базарной улице.

Уинг-Ти рыдала, звала его назад, но он делал вид, что ничего не слышит, и только ускорял шаги.

Девушка кинулась догонять его.

— Ишь ты, ведь и взаправду любовь — не картошка, — пустил ей вдогонку пехотинец. — Стыд девка позабыла... Эх! Видно, бабы везде одни и те же... что у нас в Рассее, то и в Китае.

Уинг-Ти, однако, не догнала Зинченко, Он скрылся из вида в узких переулках городка в то самое время, когда китайнка была совсем близко уже к нему. Она бежала, ничего не видя в своём отчаянии перед собой, и вдруг со

всего размаха наскочила на шедшего ей навстречу человека.

С лёгким криком испуга она отпрянула назад и взглянула на встретившегося. Это был пехотный офицер, молодой, статный. Уинг-Ти знала его. Не раз она носила в порт овощи с небольшого огорода отца и там часто встречала этого молодого человека, весело шутившего с нею. Знала девушка, что русские его зовут Николаем Ивановичем, а от солдат на базаре слыхала и его фамилию — Шатов.

Теперь, увидав Шатова, она сразу решилась на безумный, как ей показалось, поступок.

— Николай Иванович, — ломая язык и коверкая слова, заговорила она, — ты — офицер, ты всё можешь... Прошу тебя...

Шатов тоже узнал китаянку.

— Что, милая Уинг-Ти? ласково спросил он. — О чём ты просишь?

— Казак впереди... ты видел?

— Да, что же?

— Прикажи ему не ходить к нам, прошу тебя, верни его, пусть его не ходит.

Такая просьба Шатову показалась более

чем странной. Он действительно встретил Зинченко. Тот сделал ему под козырёк и казался совершенно трезвым, так что ни в каких дурных намерениях заподозрить его было нельзя.

Однако Уинг-Ти просила исполнить её просьбу та: убедительно, таким молящим тоном, что Шатов не решился ответить отказом.

— Видишь ли, милая девушка, — заговорил он, — чтоб я мог отдать приказание этому напугавшему тебя казаку мы должны догнать его...

— Так пойдём же и догоним его!

— Но я не знаю, куда он пошёл...

— Он пошёл к нам... в фанзу моего отца...

— Тогда, пожалуй, поспешим... Но объясни, в чём дело?

— Мой старый отец... умрёт... убьёт...

Шатов так и вспыхнул.

— Как? Русский солдат сделает это? — воскликнул он. — Не может этого быть!

Уинг-Ти сообразила, что она сказала лишнее, и смолкла.

— Я не верю тебе: русский солдат — не зверь и не пойдёт так спокойно на убийство,

как шёл этот казак. Не чтобы успокоить тебя, я пойду. Веди меня!

Голос его звучал приказанием. Девушка оробела ещё более. Она не посмела послушаться и покорно пошла вперёд, показывая Шатову дорогу к своей фанзе.

Николай Иванович решил пожертвовать получасом своего времени. Он чувствовал в этом приключении какую-то необъяснимую ещё загадку. Ни одно мгновение он не думал, чтобы тут таилась хоть тень преступления. В Порт-Артуре он был совсем новым человеком.

Не больше месяца, как прибыл он сюда, намереваясь при первой возможности отпроситься в отпуск и побывать в Пекине, куда его влекли не дела службы, а сердце... Там со своим семейством жила невеста молодого поручика, и чтобы быть поближе к ней, Шатов перевёлся в Порт-Артур из одного из сибирских полков.

Однако как ни мало времени он был здесь, а уже успел приглядеться к установившимся взаимоотношениям русских солдат и китайского населения городка. Люди жили между собой настолько дружно, что даже в празд-

ник, когда кое-кто из солдат совершал слишком усердное возлияние Бахусу, особенно сильных столкновений не бывало. Казаки же из приамурских станиц не могли даже считаться новичками в близких сношениях с китайцами. В своих станицах по берегу Амура они постоянно сталкивались с ними, и, таким образом, здесь, в этом новом русском приобретении, знакомство было уже далеко не новым, так как «длиннокосые» никому из них в диковинку не были.

— Что же, далеко твой дом? — спросил Уинг-Ти Шатов, чтобы прервать скучное молчание, начинавшее томить его.

— Сейчас, вот тут, — ответила та и опять смолкла.

Теперь она поняла, что навела на свою семью серьёзную беду. Если посланник Дракона будет взят из их фанзы, то пострадает от этого её отец, которого обвинят в недонесении о появлении подстрекателя. Она же, мало того, что навела на него казака, теперь вела ещё офицера, который в её мнении был всемогущим.

В нескольких шагах от своей фанзы Уинг-

Ти остановилась как вкопанная. Она так и замерла вся... Из фанзы в тишине вечера прямо к ней доносились шум отчаянной борьбы и громкий голос, по которому она узнала, что Зинченко уже там.

— Нет, прёшь! Раз обойти себя дал, а теперь не попадусь, — кричал казак, — я тебе покажу кузькину мать! Я те дам с ножом на живого человека лезть... Врёшь, не уйдёшь теперь...

Шатов сделал быстрое движение вперёд и в два прыжка очутился на пороге фанзы.

При тусклом свете фонаря глазам его представилось следующее. На земляном полу у самого капа дюжий казак барахтался с тщедушным китайцем. Но тщедушным тот казался только с виду. Китаец, по-видимому, мало уступал в физической силе молодцу-сибиряку.

Зинченко, не на шутку встревоженный непонятными словами Уинг-Ти, одним духом домчался до фанзы её отца. Бесцеремонно войдя внутрь жилища, он прошёл прямо в семейную комнату и едва перешагнул порог её, как увидел перед собой запечатлевшуюся в

его памяти физиономию китайца, которого он задержал на Мандаринской дороге.

Может быть, всё бы обошлось для Синь-Хо вполне благополучно, но на этот раз он не выдержал характера. Появление казака было слишком неожиданно. Первой мыслью посланника Дракона было то, что Юнь-Ань-О предал его.

— Презренный раб! — крикнул он. — Ты осмелился выдать меня в руки врагов!.. Горе тебе! Я не останусь не отмщённым!

А Зинченко в это время без особенно дурных намерений, даже и не думая снова задерживать этого китайца, шагнул вперёд, протягивая, в виде особой любезности, как старому знакомому, Синь-Хо руки.

То, что произошло затем, в первое мгновение ошеломило казака. Китаец присел на корточки и, словно оттолкнутый пружиной, прыгнул на него с обнажённым ножом в руке.

Чувство самосохранения, независимо от всякого соображения, заставило Зинченко податься в сторону. Это спасло его. Нож Синь-Хо, направленный прямо в сердце, соскользнул,

разорвал мундир и только слегка оцарапал кожу на боку. Сам же убийца, не встретив в своём прыжке конечной точки опоры, брякнулся об пол, и через мгновение Зинченко уже облапил сто.

Но взять посланника Дракона оказалось не так-то легко. В его тщедушном теле оказалась громадная физическая сила. Если он и не был сильнее казака, то, во всяком случае, и не уступал ему. Напрасно Зинченко сдавливал сто в своих медвежьих объятиях. Синь-Хо вывёртывался из них, и борющиеся подкатывались всё ближе и ближе к дверям.

— Я те, брат, покажу, как казённые мундиры рвать! — хрипел казак. — Ежели ты мирной, то какое право имеешь на христолюбивого воина с ножом кидаться! Нет, брат, пойдём к начальству!

Оп уже изловчился и крепко держал китаяца, когда раздался оклик:

— Стой! Что здесь такое?

Зинченко, услышав эти слова, мгновенно бросил пленника, оглянулся и, видя офицера, быстро вскочил на ноги и вытянулся во фронт.

— Что такое? В чём тут дело? — повторил Шатов, делая шаг вперёд.

Но прежде чем Зинченко успел ответить, Синь-Хо ловким прыжком очутился у дверей, оттолкнул с силой в сторону Шатова и выбежал из фанзы.

Всё это было делом нескольких мгновений. Зинченко двинулся было вперёд, но увидев, что офицер пошатнулся, бросился к нему на помощь.

— Ваше благородие! Не убил ли он вас? — заботливо спрашивал он, стараясь подхватить Шатова под руку.

— Нет, ничего!.. Спасибо! — отвечал тот, придя в себя. — Что здесь такое?

— Честь имею доложить... Юнанка! Стул господину поручику! Извольте присесть... Честь имею доложить, — начал казак. — Как я был на представлении их беса, то прибежала ко мне вот евойна дочка и говорит: «Беги, все бегите, всех вас убьют!». Я и испугался. Думаю, что за оказия? И так как этого длиннокомого знаю, то побежал к нему осведомиться, в чём дело! А тут — подозрительная личность. Извольте посмотреть, мундир располосовал, а

мундир-то почти новёхонек.

— Да за что же? — с недоверием спросил Шатов. — Ведь так зря никто с ножом бросаться не станет! Вероятно, ты обидел этого китайца?

— Ни в жизнь, ваш-бродь! Действительно, бывши в разъезде, мы с Васюхновым задержали его было подле их моленной на Мандаринской дороге, да потом отпустили, потому никаких признаков к задержанию не было, а кто он такой — извольте спросить вот у этого самого Юнанки.

Юнь-Ань-О, дрожавший всеми членами своего старого тела, кинулся на колени перед Шатовым.

— Встань, встань! Зачем это? — воскликнул тот. — Ты лучше скажи мне, обидел тебя этот казак, да?

— Нет, капитан, нет! — только и смог пролепетать тот. — Он меня не обидел...

— Тогда, может быть, он обидел твоего гостя? Ты говори, не бойся...

— И его не обижал...

— Тогда я не понимаю, в чём дело? Что же у вас такое случилось? За что же твой гость

хотел ударить его ножом?

— Я... я не знаю...

— Решительно понять ничего нельзя...

Твоя дочь встретила меня, перепуганная, плачущая; она просила меня вернуть вот его, не допускать в твой дом; она говорила, и я мог понять, что тебя собираются убить...

— Нет, нет, — твердил одно и то же Юнь-Ань-О.

— Ну, тогда я уже не знаю! Ты, — обратился Шатов к казаку. — Доложи о случившемся с тобою по начальству, а я подтверждаю твоё донесение.

— Слушаю, ваш-бродь! Дозвольте просить.

— Что ещё?

— Прикажите вот этому самому Юнанке отдать грамотку, которую он от меня взял.

— Какую грамотку?

— Китайскую, ваш-бродь. Надо её по начальству представить, потому что, видимо, здесь дело нечисто.

— Ты слышишь? — взглянул Шагов на Юнь-Ань-О. — Он говорит, что ты у него что-то взял.

Старик так и затрясся.

— Нет, нет! — как эхо, повторял он.

— Тогда, ваш-бродь, дозвольте его в полицию отвести. Дружба — дружбой, а служба службой!.. Он, как грамотку брал от меня, весь позеленел ажно... Видится, там что-то неладное прописано.

— А ты сам её где ваял?

— В моленной ихней на дороге. Думал в станицу послать, братниным ребятам позабыться. А теперь вижу, дело нечисто. Добром, Юнанка, отдавай, не то сволоку ведь!

Юнь-Ань-О понял, что отпирательство и сопротивление ли к чему не приведут. Дрожащими руками достал он из-за пазухи послание Дракона и передал Зинченко. При атом лицо старика выражало такое отчаяние, что и Шатову, и казаку стало его жаль.

— Она самая! — воскликнул Зинченко. — Да ты, брат, не рюмься! Ежели тут ничего нет, так я тебе завтра же её назад принесу... Владей на здоровье! Мне ведь этого добра не жалко!

Шатов, между тем, поднялся со стула.

— Прощай, старик, — сказал он. — Я пришёл к тебе по зову твоей дочери, желая по-

мочь. Ты, очевидно, не хочешь говорить, в чём дело, мне же кажется, что во всём этом и в твоём поведении также кроется какая-то загадка. Конечно, всё это не замедлит разъясниться, но для тебя было бы лучше, если бы ты открыл правду сам. Не хочешь? Как хочешь — это твоё дело! Где твоя дочь, позвавшая меня?

Уинг-Ти нигде не было видно. Бедная девушка убежала обратно на базарную площадь — разыскивать братьев.

— Так смотри же! — снова приказал Шатов казаку. — Немедленно иди и доложи обо всём... Очень может быть, тут есть что-либо такое, что не терпит отлагательств.

— Слушаюсь, ваш-бродь! Будет исполнено!

Зинченко проводил офицера и пошёл с докладом. Через четверть часа Шатов был уже у себя.

Он не думал, чтобы всё происшедшее могло быть чем-либо серьёзным. Напротив того, Николай Иванович был склонен видеть в этом любовную подкладку. Почему-то ему показалось, что подозрительный китаец — жених хорошенькой Уинг-Ти, и, увидав казака,

заподозрил в нём соперника и кинулся в порыве ревности с ножом.

Вообще влюблённые способны везде и всюду причиною всех совершающихся событий видеть одну только любовь... Николай же Иванович переживал самую хорошую пору любви. Хотя и теперь его отделяли от любимого существа не только суша, но и воды Перчилийского залива, но его невеста в мечтах, в сновидениях всегда была с ним... Засыпая в эту ночь, он видел во сне Пекин и свою ненаглядную Лену...

Страшный шум, свистки, барабанный бой прервали сновидения молодого человека. С усилием раскрыв глаза, он взглянул в окно. Всё небо было освещено ярко-багровым заревом недалёкого пожара.

VI НА КРАТЕРЕ ВУЛКАНА

Любленному поручику Пекин в сновидениях представлялся каким-то дивным уголком земного рая... Пожалуй, что этот клочок земли и мог бы быть таковым, если бы его, как и всё на земле, не портили люди.

Столица Поднебесной империи лежит на равнине так, что Пекин появляется перед глазами путешественника только тогда, когда он приблизится к самым стенам этого своеобразного города. Впечатление, безусловно, величественное, получается только тогда, когда путник, пройдя через узенькую калитку сбоку, вступает в сам город и направляется к южным воротам в стене, окружающей Маньчжурский (Татарский) город. Впечатление на

первых порах получается грандиозное. Слева за рвом открывается вид на внешний Китайский город, направо поднимается мощная, без малого в шесть саженей, стена, словно выросшая из непроходимых песков. Стена эта такой ширины, что по ней, точно по стене Древних Вавилона или Ниневии, могли бы свободно разъехаться, не задевая друг друга, пять или шесть древних колесниц, вполне готовых к бою... Достаточно сказать, что толщина стен достигает пяти с лишком саженей!..

Татарский город есть столица Китая в том смысле, как принято понимать это слово, хотя, собственно говоря, весь Пекин есть соединение вместе двух разных городов. После покорения страны царствующей династией маньчжуры, монголы и китайцы были разделены на восемь знамён, или полков. Маньчжуры, как первенствующее племя, составляли войско и селились вокруг дворцов своих принцев и князей, а купцы и вообще простой народ были выселены в особые кварталы, отгороженные от Маньчжурского города каменной стеной. Так создались все главнейшие города Китая. В этой обособленности одного

племени от другого сказывалось недоверие завоевателя к побеждённым и желание путём вооружённой силы постоянно держать их в своей власти.

Внутри Маньчжурского города находится Императорский город, обособленный и отдалённый от всего остального высокой стеной. В свою очередь, в Императорском городе, где находятся цунг-ли-ямень, присутственные места, дворцы принцев крови и высших государственных сановников, как в скорлупе, заключён в высоких розовых стенах святая святых Китайской империи Священный, или Запретный, город, где построен дворец самого «сына Неба» — богдыхана.

Китайский — внешний — город окружён рвом и стеной. Шестнадцать ворот в нём, и все они с наступлением ночной темноты запираются. Также запираются ворота всех внутренних городов, так что ни в один из них нет возможности попасть ночью.

Чудный вид открывается со стены Маньчжурского города на весь Пекин. Окрестностей у столицы Поднебесной империи нет. Река Пей-хо вьётся голубой лентой в своих со-

вершенно пологих берегах. Она в течение всего дня необыкновенно оживлена. Джонки и шампунки, нагруженные всяким товаром, быстро движутся вверх по течению. По обоим берегам реки тянутся маковые посевы и поля, покрытые белыми цветами. Совсем близко под Пекином со стороны реки раскинулись невысокие горы, застроенные виллами-дачами постоянно живущих в столице Китая иностранцев, уходящих сюда на дождливое время года, когда на улицах Пекина стоит грязь, в которой, как бывали уже тому примеры, тонули путники, нечаянно вывалившиеся из экипажей.

Особенно хорош вид со стены Маньчжурского города в ясный солнечный день на южную часть Пекина. Здесь всё сады и сады, по которым и сам Пекин зовётся «городом садов». Куда ни падает взгляд, всюду море зелёное, и в этом зелёном море выделяются, как небольшие островки, причудливые крыши китайских строений, архитектура которых не признает прямых линий. Если же взор падает на Императорский город, то невольно кажется, что все крыши там не иначе как золотые...

Переливаясь всеми цветами радуги, блещут на солнце крытые глазированными жёлтыми, голубыми и зелёными черепицами крыши дворцов и храмов, все сливаясь вместе, и придают этому городу, если смотреть на него сверху, вид какого-то золотого моря...

Днём Пекин необычайно оживлён. Огромные караваны из вьючных двугорбых верблюдов тянутся бесконечными вереницами по длинным и извилистым улицам столицы. На них китайские купцы, обегая железную дорогу, привозят не только предметы роскоши, домашнего обихода и съестные припасы, но даже уголь и извёстку. По улицам всюду богатые магазины, чаще всего с позолоченными фронтонами. Но тут же на самих улицах раскинулись палатки, лари, простые стойки, в которых чем-нибудь да торгуют. Около них, обыкновенно группами, расхаживают маньчжуры в своих красных или жёлтых куртках, шапках и высоких сапогах.

Впереди палаток, большинство которых торгует готовым платьем, стоят зазывалы, да такие, что и Апраксин Двор Петербурга мог бы позавидовать им. Стоит только прохоже-

му остановиться около палатки, как его без всякой церемонии схватывают под руки и вталкивают внутрь палатки; здесь он глазом моргнуть не успеет, как он уже раздет, и сейчас же начинается примерка. Впрочем, к чести пекинских зазывал, следует сказать, что никогда они не отпускают «крылатых слов» по адресу почему-либо не сошедшего с ними покупателя. Расходятся тихо, мирно, по хорошему.

Тут же на улицах кухмистерская. Собственно говоря, в строении находится одна только грязная кухня, а столующиеся располагаются на открытом воздухе у дверей. Здесь они утоляют свой голод далеко не аппетитно пахнущими блюдами и кофе, а иные угощаются подогретой водкой, которую подают в оловянных и всегда грязных кувшинах. Смешение магазинов полное. Рядом с роскошным магазином, отделанным на европейский лад, помещается грязная маньчжурская мясная лавка, перед дверьми которой навалены туши, но без голов и шеи. Эти части считаются особенно лакомыми и, вместе с жирными хвостами и внутренностями, развешаны внутри

лавки. Тут же бойкий китаец торгует свиной, любимым мясом китайцев. Кругом бесчисленная и оживлённая толпа, в которой нельзя видеть женщин, потому что китайский обычай предписывает им как можно реже появляться на улицах. Свободнее других держат себя маньчжуры — хозяева положения. Они чувствуют себя здесь господами, тогда как истые китайцы принижены и выглядят какими-то загнанными, вечно чего-то боющимися. Вокруг китайского акробата, дающего свои представления при участии себя самого, ещё лохматой козы и какой-то голубоватой туземной породы обезьяны, толпа глазующих маньчжур и китайцев. Все оживлённо веселы. Другая толпа собралась тесным живым кольцом около сказочника, передающего историческую повесть «О трёх царствах» и по окончании её перешедшего к передаче содержания китайского романа не совсем цензурного содержания. Его слушают очень внимательно и по окончании рассказа начинают вместо аплодисментов вертеть особые трещотки, издающие совершенно неприятные звуки. Над всей этой толпой носятся

целые облака пыли, приносимой сюда из пустыни Гоби. Пыли этой так много, что от неё даже почва приняла жёлто-коричневый оттенок, но китайцы привыкли к ней и не обращают на неё даже внимания.

Таков Пекин.

Наступал чудный вечер. Жара начинала уже заметно спадать. Солнечный диск, мечущий свои последние жгучие лучи, уже опустился за линию горизонта. Весь запад был озарён ярко-багровым заревом от лучей заходящего дневного светила. Жизнь в столице Поднебесной империи ещё кипела, но это уже были последние её вспышки: зайдёт солнце, ночная тьма окутает землю, замкнутся на свои запоры все шестнадцать ворот внутреннего Пекина, и замрёт эта жизнь вплоть до того времени, когда дневное светило снова выплывет из неведомых бездн востока на небесную твердь.

На стене маньчжурского города собралось, пользуясь часами отрадной сумеречной прохлады, небольшое общество европейцев. Были дамы, которым, вопреки существующим китайским законам, запрещавшим женщи-

нам из опасения бога Гуань-лоо-э выходить на стену, разрешалось посещать её; им сопутствовали офицеры стоявших в Пекине охраненных посольских отрядов: англичане, французы, японцы, русские, студенты русско-китайского банка, весёлые молодые люди, и несколько стоявших в отдалении китайских слуг, словно замерших в почтительных позах.

Среди европейских дам невольно должна была бы привлечь к себе внимание молоденькая блондинка в изящном весеннем туалете. Черты её лица нельзя было бы назвать правильными, но именно эта-то неправильность и придавала ей неотразимую прелесть. Кокетливая головка с золотистой косой, голубые глаза, смотревшие весело и наивно, румянец щёк, милая простота движений — всё невольно так и влекло к этой девушке, как казалось, недавно ещё вышедшей из детского возраста и только ещё начинавшей развиваться в женщину. Так было и на самом деле.

Около блондинки собралось большинство мужчин. Ни на мгновение не смолкавшие французы несли всякий вздор и околесицу, чтобы только вызвать улыбку на её пухлень-

кие губки. Солидные англичане, проживавшие в Пекине по всевозможным коммерческим делам, не отступали от неё ни на шаг. Русская молодёжь окружала её, как преданный верный конвой, готовый охранять каждое мгновение своего маленького кумира от всякой опасности. Даже хмурый серо-желтокожий японец — полковник Шива — и тот словно поддался чарам этого молодого существа, и его раскосые глаза с удовольствием останавливались на изящной фигурке молодой девушки, не обращавшей, впрочем, на сумрачного японца никакого внимания. Она избрала себе постоянного кавалера, и в этом выборе сказался природный такт, ибо ни для кого выбор этот не мог быть обидным.

Постоянным кавалером в этот вечер оказался старый профессор английского языка Губерт Джемс, по уши влюблённый в Китай и во всё китайское. Вне этой любви для него ничего не существовало, и женские чары не производили на почтенного учёного никакого влияния.

Молоденькая красавица была не единственной представительницей прекрасной

половины рода человеческого в этом небольшом кружке. Вместе с нею была подруга её, высокого роста бледноватая женщина с типичными русскими чертами лица. Она казалась несколько старше своей молоденькой подруги. В её движениях замечалось более уверенности, так сказать, солидности, важного покоя, который обыкновенно и отличает особенным отпечатком уже замужних женщин. Золотое гладкое кольцо на безымянном пальце доказывало, что она уже действительно была замужем, но в то же время заметно было, что держит она себя совершенно свободно и легко среди всей этой разнородной компании.

Молодая девушка была Елена Васильевна Кочерова, дочь русского богатого коммерсанта Василия Ивановича Кочерова, более года по торговым делам своим жившего вместе с семейством в столице Поднебесной империи.

Её-то и видел во сне Николай Иванович Шатов в тот вечер, когда он вернулся в холостую квартиру из фанзы бедного Юнь-Ань-О. Ею он и бредил, когда шум тревоги разбудил его, а рвавшееся прямо в окна зарево пожара

разом рассеяло все его грёзы и мечты.

Подруга Елены Васильевны была жена её родного брата Варвара Алексеевна. Михаил Васильевич Кочеров, единственный сын и единственный помощник отца во всех делах его, был в это время далеко от них — в пустынях Маньчжурии, где у него были дела по подрядам на восточнокитайскую железную дорогу, и молодая женщина более полугода уже оставалась, что называется, «соломенной вдовушкой».

Молодая компания шумела и смеялась, шутила, перекидывалась всевозможными остротами, вовсе не стесняясь небольшой кучки мужчин, стоявших невдалеке и с жаром разговаривавших между собой.

Тут были все до некоторой степени «властители положения»... Серьёзный англичанин, посол Великобритании сэр Клод Макдональд, холодный, бесстрастно-важный и словно застывший в своём напускном бесстрастии. В сравнении с ним живой, необыкновенно подвижный м-г Пишон, представитель Франции, составлял резкий контраст. Он один говорил и смеялся за всех, оживляя сво-

ей неподдельной непринуждённостью всю эту небольшую компанию дипломатов. Тут же был дымивший сигарой, грубоватый, надменного вида германский дипломат барон Кеттелер, как-то свысока глядевший на всех присутствующих. Вместе с дипломатами вышли подышать вечерней прохладой на стену Дмитрий Дмитриевич Покатилов, управляющий русско-китайским банком, лучший в мире знаток Крайнего Востока, профессор Позднеев, великий знаток Маньчжурии. Не обошлось, само собой разумеется, и без представителей прессы. «Седьмую великую державу» в этом небольшом кружке представлял д-р Марриссон, знаменитый корреспондент лондонского «Times», серьёзный пожилой человек, всё видевший и делавший в то же время вид, что он ничего не замечает.

Кроме них, тут же было ещё несколько пожилых и важного вида людей: английских и германских крупных негоциантов, банкиров и даже один из представителей «воинствующей католической церкви», почтенный старик миссионер д'Аддозио.

В то время, как молодёжь шумела, смея-

лась, наполняя своим шумом всё вокруг себя, дипломаты вели себя сосредоточенно-важно, словно они составляли из себя какую-то конференцию, а не пользовались минутами выпавшего на их долю отдыха.

— Нет, господа, что бы вы ни говорили, а в Китае чувствуется что-то такое совершенно небывалое! — говорил пожилой краснощёкий м-р Раулинссон, лондонский негодциант, представитель своей фирмы в Пекине. — Я могу считаться здесь старожилом и думаю, что хорошо знаю китайцев. Почему-то они мне кажутся чересчур подозрительными.

— Что-то особенное замечаете вы, почтенный сор? — спросил у него коротенький толстенный Макс Миллер, немец, тоже немало живший в Китае. — Я не вижу в поведении наших желтолицых друзей ничего особенного. Они приветливы, вежливы, тихи, как и всегда.

— Не скажите: всё это — маска!

— Но почему вы так думаете?

— Меня прежде всего поражает необыкновенная солидарность между маньчжурами и китайцами.

— Что же тут особенного?

— Очень много! Маньчжуры всегда свысока относились к китайцам, считая их людьми ниже себя; если у них явилась солидарность — заметьте, солидарность победителей и побеждённых, — стало быть, есть общие, дорогие для тех и других, интересы...

— Всё это легко может быть! Люди живут столько времени вместе, что этим интересам и немудрено появиться и даже очень уже давно.

— Однако прежде этого не было... Потом, то в одном, то в другом дворце с тех пор, как избран наследник престола, происходят какие-то тайные совещания. И это чуть не каждый день, вечер, я хотел сказать. Обратите также внимание на то, что к Пекину ежедневно стягиваются отборные татарские войска, и главнокомандующий ими, этот ужасный Дун-Фу-Сян, стал одним из первых друзей отца престолонаследника — принца Туана!..

— Опять это объясняется очень просто. Туан, этот поэт-мыслитель, очень умный человек и ищет опоры на всякий случай для своей будущей! династии.

— Может быть, может быть! Только если мотивы этого сближения иные?

— Какие именно?..

— Ну, хотя бы... как вам это сказать? Хотя бы избавление Китая от влияния белых дьяволов... Вам известно ведь, что этим милым прозвищем наши желтолицые друзья-хозяева величают всех нас без исключения...

— Этого никогда не может быть! — пылко воскликнул один из французов, внимательно прислушивавшийся к разговору Миллера и Раули неона. — Да, никогда не может быть!

— Почему вы так думаете? — улыбаясь, спросил Раулинссон.

— Китайцы все поголовно — трусы, это прежде всего...

— Не скажите...

— Это общеизвестно...

— Не забудьте, однако, что в массе китайского народа множество монголов, а уж кого-кого, а их в трусости заподозрить никак нельзя... Потом, заметьте себе, что китайцев вообще масса. Они в состоянии подавить врагов если не храбростью, то своей численностью...

— И это ничего не значит! Европейские пушки разредят эту вашу массу, а штыки европейских солдат докончат всё остальное... в этом не может быть сомнения.

Почтенный англичанин покачал головой и только что хотел ответить своему пылкому оппоненту, как в группе молодёжи раздались громкие восклицания:

— Смотрите, смотрите, что это с ними!

Подлинное имя столь прославившегося за последнее время этого китайского патриота Дуань-Ван, но мы будем здесь называть его уже установившимся за ним среди европейцев именем Туана.

Здания посольств и дома европейцев, поселившихся в Пекине, находились в Маньчжурском городе, в той его части, которая отделяла дворец от Китайского города. Как и все в Китае, европейцы жили вполне обособленно, контактируя с китайцами исключительно через свою китайскую прислугу. Со стены европейский квартал казался прелестным уголком, утопавшим в зелени садов. Но сейчас же рядом с ним картина резко менялась. По соседству с европейским посёлком раскинут

был целый монгольский лагерь, состоявший из войлочных палаток. Обыкновенно тут жили торговцы, снабжавшие Пекин бараниной и дичью, но с некоторого времени характер населения лагеря резко изменился. Появились совершенно новые люди — все сравнительно молодые, сильные, здоровые и, как казалось, жившие в Пекине без всякого дела. Они ярко выделялись в массе остального населения, может быть, благодаря своему особенному костюму. Каждый из этих людей носил на голове красную повязку и был поверх одежды опоясан крест-накрест по груди или талии красным же шнурком, которым были также обвиты и их ноги. Их грудь всегда была увешана множеством вещиц, почитавшихся среди китайцев талисманами. Очень часто они проделывали какие-то таинственные упражнения, похожие на упражнения европейских акробатов, и теперь собравшаяся на крепостной стене европейская молодёжь имела возможность наблюдать одно из них.

На тщательно выровненной и утрамбованной площадке стояли в ряд человек 10-15, обратясь лицами на юго-восток. Перед каждым

из них в некотором отдалении был воткнут прямо в землю горевший ярким пламенем смоляной факел. Все эти люди, раскачиваясь из стороны в сторону, произносили нараспев какие-то слова, в которых очень часто упоминалось имя китайского бога войны Гуань-лоо-э. Всё это продолжалось довольно долго и, наконец, стало наскучивать европейцам.

— Что это они делают? Вероятно, это какой-нибудь религиозный обряд, мистер Джемс? — спросила. Лена у своего почтенного кавалера.

Учёный не замедлил с ответом.

— О, вы не ошиблись, мадемуазель Елена! — воскликнул он, и в голосе его послышался восторг. — Эти прекрасные люди, члены сообщества «И-хо-туан» — добровольного ополчения, как они себя называют, или «боксёры», как мы называем их. Они, повторяю, прекрасные, безобидные люди, не делающие никому зла и, скорее, приносящие населению пользу.

Слышавший эти слова мрачный полковник Шива при восторженном заявлении ми-

стера Джемса как-то странно улыбнулся.

— Что же они проделывают? — спросила теперь уже Варвара Алексеевна. — Глядите, они жгут какие-то бумажки.

— В этом и заключается весь молитвенный обряд этих людей. Они думают, что их моления богу войны делают их неуязвимыми. Право же, от того, что они думают так, никому вреда нет, и не будем смеяться над верой этих простых людей.

— А зачем им быть неуязвимыми? — шуточно спросила Лена.

— Большая часть их служит проводниками караванов и охраняет их от разбойников, а этого добра в Китае не занимать.

— Только и всего?

— Да, только...

— Я думала, что цель их другая... Право, всегда кажется, где видишь подобные обряды, что здесь не одна только прозаическая сторона... Это скучно! Немножко поэзии никогда не мешает.

— Если вы останетесь в Пекине, m-lle, — вмешался угрюмо молчавший дотоле Шива, — то будете иметь случай познакомиться

очень близко с этими людьми.

— Да? Вы думаете, полковник?

— Уверен...

— У них будет возможность испытать на деле, действительны их заклинания или нет! — вставил замечание один из молодых людей, прислушивавшийся к разговору.

— Как так? На чём? — быстро спросила его Елена Васильевна.

— Не знаю, чьё сердце не было бы уязвлено вами, вашими глазами! — последовал сопровождаемый поклоном ответ.

Лена рассмеялась.

— Глядите-ка, они теперь проделывают что-то совсем новое.

Действительно, часть боксёров, после сожжения молитвенных бумажек, сложив как-то по-особенному руки, стали на четвереньки, и каждый из них принялся делать туловищем качательные движения из стороны в сторону. На стене не спускали с них глаз, ожидая, что будет далее. Появились бинокли, в которые можно было разглядеть всю сцену в малейших подробностях. На боксёров то и дело «накатывал дух». С ними делались судо-

роги, подобно эпилептическим. Время от времени кто-нибудь из них падал в корчах на землю и начинал биться в жестоком нервном припадке. Потом, словно его толкнули, он вскакивал на ноги и начинал неистово размахивать руками и кричать. На губах этих несчастных показывалась пена, глаза наливались кровью и выкатывались из орбит — вблизи на них страшно было бы смотреть.

До находившихся на стене ясно доносились их неистовые крики:

— Тиау-тие-тау! Па-хсиен-кан[20]! — кричали одни из них.

— Чин-чие хой-куей-хдо-лун-чуан[21]! — вторили им другие.

И громче всех остальных раздавался крик:

— И-кай-куей цысцы-счьян-ша-чин[22]!

— Шен-чу-чуан[23]! — вырывалось из глоток, когда призыв к убийству смолкал.

— Профессор, вы слышите? — спросил Шива у Джемса, указывая на беснующихся боксёров.

— Слышу! Что же вы тут находите дурного?

— Вы понимаете их?

— Конечно!

Шива чуть заметно пожал плечами.

— Тогда я уже не знаю, что и сказать вам, — холодно произнёс он.

— Полноте, дорогой полковник! — с убеждением ответил ему Джемс, заметивший его телодвижение. — С того времени, как вам, японцам, не удалось кончить свою войну с Китаем, как вам хотелось, везде и во всём вы видите ужасы. Ну, кричат они; что же из этого? Мало ли где кричат!.. От крика, право, очень далеко до дела.

Шива смотрел угрюмо, ничего не отвечая на эти слова. О, он-то знал, что означало происходившее перед их глазами! Не в интересах его родины было сейчас осведомлять европейцев. Японец давно уже был готов ко всему, но ни одним словом не обмолвился о том, что ежедневно доносили ему рассыпанные по всему Пекину его шпионы.

Он молчал, а его редких намёков никто не хотел понимать.

Загорался со всех концов дом, его же обитатели спокойно давали распространиться пламени, не ударяя пальца о палец до прибы-

тия пожарной команды.
Роковое ослепление!

VII ЛЕНА И ВАНЬ-ЦЗЫ

Олнце совсем уже село.

— Леночка, нам пора домой, мама будет не на шутку беспокоиться о нас, — сказала Варвара Алексеевна.

— Ах, Варя, тут так хорошо, так вольно дышится! Побудем ещё немножко!

— Пойдём лучше! Ты ведь знаешь, сегодня приходит почта, и, может быть, есть и на твоё имя письмо...

— Ах да! — как-то холодно, словно не интересуясь этим, отвечала молодая девушка. — Письмо от Коли... Но, взгляните, бедные, бедные! Как мне всегда бывает жалко, когда я вижу эту сцену!

Она указала в сторону Императорского го-

рода на ворота Цянь-Минь.

В значительно поредевшей уже, но всё-таки ещё многочисленной толпе происходило какое-то движение, слышался звон бубенцов, хлопанье бичей, громкие крики. Через толпу двое носильщиков несли богато убранный паланкин с каким-то, вероятно, очень высокопоставленным лицом. Об этом свидетельствовал многочисленный конвой телохранителей и слуг, бежавших по обе стороны паланкина. Передние из них длинными бичами расчищали в толпе дорогу, за ними следовали слуги со значками и зонтиками, хотя был уже вечер. Едва только прошла эта процессия, как её сменила другая, такая же.

— Вот поглядите! — обратился к Миллеру Раулинссон, собиравшийся уже уходить со стены.— У Туана опять тайное совещание. Кан-Ий и Юн-Ши-Кай, эти убеждённые и заклятые враги европейцев, спешат в Императорский город. Я уверен, что если бы нам с вами удалось проникнуть за его стены, мы встретили бы там блестящее собрание.

— Пусть их! — равнодушно ответил Миллер.— Какие бы решения ни были приняты

на этих, как вы говорите, тайных совещаниях, я уверен, пушки Круппа или Крезо быстро заставят изменить нежелательные решения.

— И я, пожалуй, согласен с вами! — кивнул англичанин. — Но всё-таки будет очень жаль, если заговорят пушки, а не дипломаты; язык последних мне более нравится.

— О вкусах не спорят, но я с большой охотой присоединяюсь к вашему почтенному мнению, — любезно согласился с ним Миллер.

Стена быстро пустела. Европейцы, проведя в полном покое час-другой своего отдыха, расходились по домам.

Варвара Алексеевна и Лена, провожаемые русской молодёжью, без всяких приключений достигли «посольского», или, вернее, европейского квартала, где, неподалёку от русской миссии, находился дом их отца.

Снаружи дом Кочеровых несколько не отличался от других китайских домов Пекина. Та же лёгкая постройка с выгнутой затейливой крышей, украшенная причудливой резьбой, в которой в основном преобладали изображения всяких драконов — и спокойных, и

разъярённых. Внутри же этот китайский домик имел совсем другой характер.

Не было ничего напоминающего Китай. В симметричном порядке была расставлена европейская мебель, на окнах были повешены тюлевые занавесочки, в передних углах комнат теплились лампадки перед «Божьими благословениями» в массивных серебряных ризах. В зале стояло новенькое пианино. Фонарей, которыми освещают дома китайцев, нигде не было; их здесь заменили свечи в бронзовых подсвечниках. Словом, казалось, будто взята нарядная и богатая русская дача и перенесена откуда-нибудь из-под Петербурга или из-под Москвы в этот город на Крайнем Востоке. Только прислуга — китайцы и китаянки — говорила о том, что эта нарядная дачка находится не в Павловске или Кунцеве, а в Китае.

Варвару Алексеевну и Лену встретила чуть ли не на пороге мать последней — Дарья Петровна. Это была почтенная старушка с добрым чисто русским лицом, одетая очень просто, как часто одеваются богатые, но не оставившие «старинны» купчихи в России.

— Вернулись, гуляки! — ласковым упрёком встретила она дочь и невестку. — А я уже посылать за вами думала!

— А что, разве папа вернулся? — быстро спросила Лена.

— Нет, отца ещё не бывало... Гость у нас сидит.

— Гость? В такую пору? Кто же?

— А этот... как его... Ну... Иван Иванович, что ли! Китайский басурман твой!

По лицу Лены скользнула тень.

— Мама говорит о твоём поклоннике, Леночка! — заметила Варвара Алексеевна. — Вань-Цзы!

Молодая девушка ничего не отвечала.

— А почта, мама, пришла?

— Как же! Как же! Только от Николи ничего нет! Забыл он совсем!.. Зато от Мишеньки есть: тебе, Варя, особо, отцу — особо.

— Что он пишет? — спросила Варвара Алексеевна. Где он теперь?

— Не знаю... Я ведь писем без отца не вскрываю... Пойди, прочитай!

— Сейчас, конечно, сейчас же! Где письма, мамочка? Лена, ты бы заняла пока нашего го-

ствя... Я очень скоро явлюсь тебе на помощь.

Варвара Алексеевна чуть не бегом умчалась в свою комнату. Вести от мужа приходили очень и очень редко — трудно было Михаилу Васильевичу посылать письма, слишком уж несовершенна была маньчжурская почта. Зато какая радость была в семье, когда они приходили. Их по нескольку раз читали и перечитывали, и все они, как святыня, сохранялись, одни у Варвары Алексеевны, другие у старика Кочерова.

— Пойди, в самом деле, Ленушка, к гостю-то! — сказала Дарья Петровна. — А я к Варваре пройду, очень любопытно знать мне, что Мишенька пишет.

Личико Лены покрылось густым румянцем. Несколько мгновений она колебалась, потом, гордо поведя своей хорошенькой головкой, быстро пошла в гостиную.

Там, при входе её, почтительно поднялся молодой красивый человек в богатом маньчжурском костюме.

Это был Вань-Цзы — китайский поклонник Лены, как назвала его Варвара Алексеевна.

На китайца он походил, однако, очень мало. Кожа Вань-Цзы была почти белая, глазные впадины едва скошены. Только чёрные жёсткие волосы да длинная коса указывали на его китайское происхождение. Вань-Цзы даже и в Европе сошёл бы за красивого молодого человека. Черты лица его были очень приятны благодаря общей своей правильности. При этом он держался с европейским изяществом, и ничего китайского ни в его манерах, ни в его обращении не было. Он казался вполне европейцем.

Да и немудрено. Отец Вань-Цзы был довольно видным чиновником одного из европейских посольств Китая. Вань-Цзы родился и вырос в Европе на руках англичанина-гувернёра и вернулся в Китай почти юношей. Вскоре после его возвращения в родную страну отец его умер, оставив ему крупное состояние. Молодой человек, готовившийся тогда к экзамену на получение учёной степени, что необходимо в Китае каждому, кто желает составить себе общественное положение, бросил учение Конфуция и с молодым пылом принялся за европейские науки, с началами

которых он познакомился ещё в Европе. Истины китайского мыслителя мало интересовали его. У него был ум, склонный к положительным наукам. Молодость же везде и всюду честна. Юному китайцу хотелось, чтобы его народ просветился на европейский лад и стал бы снова в числе народов с живой, а не мёртвой культурой.

Вместе с тем Вань-Цзы не был и отщепенцем среди своих. Он охотно бывал в домах китайцев, пресерьёзно рассуждал с ними о гневе и милости Дракона, но никогда не позволял себе не только осмеивать, но даже оспаривать их суеверные мнения. Очень может быть, только это и спасло его, когда знаменитый китайский реформатор Кан-Ю-Вей, ближайший друг слабовольного императора Куанг-Сю, задумал слишком круто перевернуть на другой лад весь строй китайской жизни. Много тогда погибло от руки палачей сторонников европейских новшеств, но Вань-Цзы, к своему даже удивлению, остался вне всяких подозрений.

В европейском квартале Вань-Цзы был частым и желанным гостем. Почти всех сколь-

ко-нибудь выдающихся европейцев он знал в лицо и был принят в их семьях. Когда в Пекине поселились Кочеровы, он скоро познакомился с ними, сперва с Василием Ивановичем, а потом и с Леною.

Вань-Цзы был молод, Лена же хороша собою. Несколько встреч, несколько сперва мимолётных фраз, а потом более продолжительных разговоров и непринуждённая весёлость молодой девушки сделали своё дело: сердце китайца вдруг забилося сильнее, чем когда-либо; несколько ночей, проведённых без сна в мечтах, dokonчили остальное. Китаец полюбил русскую девушку так, как может любить только непосредственная натура.

Однако европейское воспитание сказалося. Вань-Цзы сдержал себя и ни одним словом никогда ещё ни Лене, ни кому другому не обмолвился о своей любви. Это была его тайна, тайна мучительная, но вместе с тем и сладкая.

Но подобного рода тайны никогда не могут укрыться от зоркого глаза женщины. Варвара Алексеевна первая, притом очень скоро, догадалась, что за магнит притягивает Вань-Цзы в

русскую семью. Ничего серьёзного она не могла видеть тут — Лена ведь была уже просватана, и потому она со смехом сообщила ей о своём открытии.

Та сперва тоже весело и громко хохотала, но потом призадумалась... Никогда и ничто не может так сильно влиять на женское сердце, как страдания и муки, вызванные любовью. Лена начала жалеть Вань-Цзы, а потом... потом в её сердце шевельнулось к нему какое-то новое непонятное чувство. Это не была любовь, но что-то очень-очень близкое к ней. Молодая девушка стала отдаляться от китайца, была с ним сдержанна, старалась избегать встреч с ним, но в то же время её что-то так и тянуло к нему — что именно, об этом она никогда и не думала.

В этот вечер ей почему-то не хотелось видеть своего тайного поклонника, но чтобы не стать самой в неловкое положение, она должна была решиться на эту встречу.

— Здравствуйте, мистер Вань-Цзы! — громко сказала она, входя в гостиную.

Вань-Цзы в безмолвном поклоне склонился перед ней.

— Садитесь же, чего вы стоите! Ну, скорее! Мама и Варя сейчас придут. Мы вас напоим чаем на русский лад из самовара. Хотите?

Мне довольно того, что я уже вижу вас! — глухим голосом ответил молодой! китаец. — Но я сегодня пришёл к вам, чтобы поговорить серьёзно.

— Очень серьёзно?

— Да, очень!

— Можно спросить, о чём?

— Говорить придётся долго и много. Нам могут помешать, а мне хотелось бы...

— Вот как! Уж не хотите ли вы сделать мне предложение? — рассмеялась Лена. — Преду-преждаю — напрасно.

Я уже невеста, как вы это давно знаете.

Лицо Вань-Цзы затуманилось.

— Да, я это знаю! — печально проговорил он. — Я долго думал об этом, прежде чем прийти сюда, к вам... Но, наконец, я решился... Что же делать? Каждому из нас суждено своё... Назначенное же судьбой изменить не в наших силах.

— Вань-Цзы! — вскричала Лена. Ваш тон торжественен, приподнят. Обыкновенно вы

говорите не так, а гораздо проще... Что с вами?

Тот продолжал, словно не слыша обращённого к нему вопроса:

— Чувства не в нашей воле... Конфуций говорит: «Нельзя дождь заставить падать не на то место, куда он падает. Так же нельзя заставить женщину полюбить не того, кого она любит уже». Но что же из этого? Нельзя заставить себя любить, так же как нельзя вырвать любовь из своего сердца. Если человек любит, то его любовь прежде всего должна быть бескорыстна. Иначе это будет не любовь, а только страсть слепая, безрассудная страсть животного, недостойная человеческого существа. Да, бескорыстие в истинной любви — прежде всего!

— Это, Вань-Цзы, вы тоже у Конфуция нашли? — несколько насмешливо спросила Лена.

Китаец строго посмотрел на неё.

— Конфуций, как вы его называете, Конфу-Цзы, как зовём его мы, был великий мыслитель, великий настолько, что все последующие, кто бы и где бы они ни были, только уче-

ники его. Конфуций — истинное солнце, все остальные — это светила, которые светят через отражающиеся от них лучи. У Конфуция можно найти мысли и поучения на каждый случай жизни. Всё предусмотрено им заранее, и всё объяснено с божественной мудростью. Вы, Елена, относитесь с лёгким сердцем к моим словам и не желаете выслушать меня, а между тем это необходимо... для вас необходимо.

— Да говорите же! Вы рассуждаете о любви, о Конфуции и только подстрекаете моё любопытство... Ваш вид таинственен, слова напыщенно важны. Что всё это только значить может — я не понимаю.

— Я постараюсь разъяснить вам, но прежде вы дослушайте...

— Опять из Конфуция?

— Всё равно: говорю я!

— Говорите же, говорите, я слушаю...

Вань-Цзы, помолчав с минуту, начал снова очень торжественно:

— Если нам нравится какая-нибудь вещь, то вместе с этим мы уже и любим её. Человек же везде человек — и в Европе, и в Китае...

— Вы говорите с прописи!

— Я говорю дело! Он готов отдать другому ту вещь, которая правится ему, чем дать её разбить... Бывает, что люди лучше уничтожат нравящееся им. Но тут не любовь, тут то, что у вас в Европе называется эгоизмом. Мать на суде Соломона предпочла отказаться от своего дитяти, чтобы только сохранить ему жизнь...

Лена сделала нетерпеливое движение.

— К чему вы клоните, Вань-Цзы?

— Вот к чему! — произнёс гот, поднимаясь со своего места.

Он оглянулся по сторонам, словно опасаясь, чтобы кто-нибудь не подслушал того, что он хотел сказать, и потом, наклонясь к молодой девушке так, что она отшатнулась в сторону, тихо прошептал:

— Уезжайте, Елена, из Пекина! Скорее уезжайте отсюда... как только можно скорее... Бросьте всё и спешите... Выехав в полдень, вы к вечеру будете уже в Таку. Там вы легко найдёте европейский корабль, который унесёт вас далеко отсюда... Уходите послезавтра, лучше — если даже завтра, спешите, уходите, по-

ка ещё есть время!..

Вань-Цзы волновался. Его волнение передалось и его собеседнице. Девушка была удивлена и не знала даже что и подумать о загадочных словах гостя..

— Вань-Цзы! — воскликнула она. Что всё это значит? Почему вы советуете бежать мне из Пекина?

Китаец откинулся всем корпусом назад и голосом, в котором звучали и муки, и слёзы, проговорил:

— Потому что я вас люблю, Елена... Потому что я скорее готов видеть вас принадлежащей другому, чем мёртвой.

Эти последние слова заставили задрожать девушку. Китаец высказался совершенно определённо.

— Как это мёртвой? — поддаваясь волнению, дрожащим голосом спросила Лена. Кому нужна моя жизнь? Кто убьёт меня?

— Когда пылает костёр, то в нём сгорает и драгоценное дерево так же, как и самое простое! — последовал ответ. — Я вам сказал, Елена, более, чем имел право. Больше я ничего сказать не могу. Уходите, спешите к вашей-

му жениху, он сумеет, быть может, защитить... Теперь прощайте! Ещё раз умоляю вас последовать моему совету.

И Вань-Цзы так поспешно вышел из гостиной, что Лена не успела удержать его.

Её испуг был так велик, что она не обратила внимания на сделанное Вань-Цзы признание в любви. Оно как-то ускользнуло от неё, не поразив даже её слуха, но зато в её ушах всё ещё раздавался чуть слышный шёпот:

«Уходите, пока есть ещё время!»

— Господи! Да что же это всё может значить? воскликнула девушка. — Этот Вань-Цзы не такой человек, чтобы пугать напрасно... Ясно, что в Пекине что-то затевается... Но что? Он не решился, может быть, даже не смел мне сказать... Какая опасность грозит нам? Нужно сказать всем... нет, только не маме и не Варе: я не хочу пугать их...

Сердце Лены так и билось тайной тревогой... Невольно вспомнился Николай Иванович, о котором она вообще редко вспоминала в последнее время под влиянием кружившего ей голову весёлого общества молодых людей, отчаянно ухаживавших за ней.

«Что-то с ним! — думала с грустью Лена. — Милый мой, дорогой, хороший! Вот кто бы сумел и ободрить меня, и успокоить, да и защитить в минуту опасности!»

Теперь она жестоко порицала себя за легкомыслие, с которым относилась к своему жениху.

«Непременно нужно написать ему, — решила она. — Сегодня же написать и послать на почту с нарочным. Тогда дня через три письмо уже будет у него в руках. Хоть бы папа до тех пор вернулся... Чего он там застрял в своей поездке?.. Такое время!..»

Какое время — этого она, пожалуй, сказать не могла, но предупреждения Вань-Цзы не выходили у неё из головы.

От отца мысли её перешли к брату.

«Пойду, узнаю у Вари, что пишет Миша!.. — вдруг, встряхнув головой, решила Лена. — Чего думать-то раньше времени? Вань-Цзы говорит, что «неизбежного не избежать», и прав он!»

Мать и Варвару Алексеевну она застала в совершенно разных настроениях. Дарья Петровна казалась очень грустной, глаза её были

даже влажны, словно она или уже плакала, или собиралась плакать. Зато Варвара Алексеевна была необыкновенно весела.

— Вот, Ленушка, покидает нас Варенька, — плаксивым голосом заговорила старушка, едва завидя дочь. — Сиротеем мы...

— Как покидает, мама? Что вы! — воскликнула та. — Быть не может этого!

— Нет, Лена, нет, мама говорит правду, — весело отозвалась Варвара Алексеевна. — Миша прислал письмо, как ты знаешь, и пишет, чтобы я непременно ехала к нему... У них теперь там всё, слава Богу, хорошо и покойно. Жить мы будем в Харбине. Помнишь, он не раз нам писал про него? Есть такой город... Так вот туда... В Никольске-Уссурийском он встретить обещает...

Сердце Лены мучительно сжалось. Варвара Алексеевна была её единственной подругой в Пекине. С остальными молодыми девицами русской колонии, державшими себя с высокомерием, Лена никак не могла сойтись. В Варю она теряла друга, с которым давно уже привыкла делиться всеми своими думами и планами, порой очень широкими.

— Ты едешь? — спросила она.

— Уж как это можно не ехать? — отвечала за Варю Дарья Петровна. — Ведь не кто иной, а муж родной зовёт... Добрая жена послушаться не смеет.

— Да, Леночка, еду, — твёрдо ответила Варвара Алексеевна. Как только вернётся папа, а, может быть, если он запозднится, так и не дождусь. Миша назначает срок: день и час, когда я должна быть во Владивостоке и выехать в Никольск. Медлить никак нельзя.

Лене стало грустно.

«Вот, она уходит, ей есть к кому стремиться, есть у кого искать защиты, я же не имею даже права говорить о Николае так, как она говорит о брате».

Она ничего не сказала ни матери, ни Варваре Алексеевне, мысли её снова унеслись в Порт-Артур к жениху, о котором необходимость заставляла Лену вспоминать всё чаще и чаще.

VIII

ПЕРВАЯ МОЛНИЯ

ревога, пробудившая Николая Ивановича, была не шуточной. Пламя так и охватывало одну за другой лёгкие постройки в китайском городке. Поднялся слабый морской ветер. Огненные языки так и переносились с фанзы на фанзу. Взовьётся в воздух огненный клуб, взлетит вверх и стремглав падает вниз. Где только он упал, сейчас же раздавался сухой треск, вырывался один, другой клуб тёмно-серого дыма, и вслед за ним вставал ярко-багровый столб пламени, протягиваясь до неба своей огненной вершиной.

Суматоха царила страшная. Китайцы, впрочем, были тихи и спокойны. Они даже и не пытались бороться с огненной стихией. Ту-

пая покорность судьбе была ясно написана на всех лицах этих закоренелых фаталистов, твёрдо уверенных в том, что «неизбежного не избежать»... Зато русские молодцы-солдатики не думали и не размышляли. Они видели, что «красный петух» грозит всему городу, и, не рассуждая, везде отчаянно смело кидались на борьбу с ним.

Николай Иванович поспешно вышел на пожар, чтобы в случае надобности и самому принять участие в этой борьбе с ужасным, всё поглотавшим врагом.

— Где загорелось? У кого? — слышались кругом тревожные вопросы. — Как это могло случиться? Китайцы так осторожно обращаются с огнём.

Пока ещё никто не мог ответить на эти в сущности совершенно второстепенные вопросы. Не всё ли равно, где загорелось, когда огонь усилился уже до того, что пожар угрожал быстрым истреблением всему городку?

Никто пока ещё не знал, что загорелось в фанзе бедного, старого Юнь-Ань-О.

Дружные усилия сибирских солдат, к которым присоединились оправившиеся и при-

шедшие в себя китайцы-полицейские, наконец увенчались успехом. Несколько фанз с обеих сторон пожарища были быстро разнесены, образовались естественные интервалы, и огонь стал мало-помалу утихать. Незадолго до рассвета всякая опасность уже миновала, и к восходу солнца огонь окончательно стих. Пожарище ещё дымилось, но там, где начался пожар, даже и дыма не было видно.

Зинченко усердно работал вместе с другими солдатами. Он был одним из первых, прибежавших на пожар. «Китайскую грамотку» от него взяли, протокол о нападении на него неизвестного ему китайца составили. На другое утро должно было начаться расследование — никто особенной важности этому столкновению не придавал, и причиной его считали скорее казака, чем китайца. Тем не менее, Зинченко сразу же почувствовал облегчение: теперь долг службы был окончательно исполнен им, и казак решил немедленно же повидать приятеля-китайца, чтобы разузнать у него истинную суть всего происшедшего.

Теперь и ему самому невольно думалось,

что подозрительный китаец, которого он дважды видел в тот день, — жених Уинг-Ти и хотел убить его, не иначе как под влиянием чувства ревности. Зинченко был даже доволен, что всё так вышло. Хорошенькая Уинг-Ти не на шутку затронула сердце удалого казака, и ему очень неприятна была мысль о каком бы то ни было соперничестве. Но едва только Зинченко очутился на улице, как огромный столб пламени ослепил его.

— Да никак это у Юнанки! — так и вздрогнул казак. — Что же это такое? Уж не образина ли поджёт... От этого народа всё статья может... Ахти, беда какая!

Он стремглав кинулся бежать к фанзе Юнь-Ань-О. Тревога уже была поднята, взводы солдат спешили к месту пожара. Зинченко не пристал ни к одному из них. Он был впереди всех. Но когда казак прибежал к ближайшему от объятого огнём дому месту, фанза его приятеля представляла из себя пылающий костёр, она полностью была объята огнём.

«Где же Юнанка? Неужели он сгорел?.. И Уинг-Ти? — весь дрожа от волнения, думал обеспокоенный донельзя казак. — Поджёт об-

разина, как нить дать поджѣг... Ну, попадись он мне теперь!»

Около пожарища он увидел Чи-Бо-Юя и Тянь-Хо-Фу, сыновей старого китайца. Оба парня стояли, беспомощно сложив руки, и глядели на огонь, не трогаясь даже с места, чтобы пробовать затушить его. Только когда пламя вдруг устремлялось к ним, инстинкт заставлял их несколько отодвигаться.

— Вы чего стоите, бездельники? — закричал им Зинченко. — Где отец, сестра?

— Почём мы можем знать это? — пожимая плечами, отвечал Чи-Бо-Юй.

— Как почём? Кто же должен знать?

— Всесильный Ианг знает всё...

Зинченко вспылал.

— Эх вы! — закричал он. — А ещё на русскую службу хотите! Куда вам. Ну, живо за мной!

Окрик подействовал. Китайцы так привыкли к пассивному повиновению, что всякое приказание исполнялось ими беспрекословно. Вместе с казаком они принялись тушить пожар, к которому только что даже и не думали приступаться.

Шатов тоже совершенно верно определил как место начата пожара фанзу Юнь-Ань-О. И ему показалось, что между этим бедствием и тем, что произошло при нём в фанзе старого китайца, есть неразрывно-тесная связь. Он поспешил к тому месту, где была фанза старика, но ему так же, как и другим, долго нельзя было подступить к пылающему костру, в который быстро обратилась лёгкая постройка. Ещё издали он заметил Зинченко, усердно растаскивавшего пылающие бревёшки.

— Где сестра-то, спрашиваю я вас? — говорил он Чи-Бо-Юю и Тянь-Хо-Фу. — Её словно бы не видать нигде...

Уинг-Ти и в самом деле нигде не было.

Братья попробовали было поискать её в толпе, но сколько они ни расспрашивали попадавшихся на глаза знакомых, никто не видел маленькой китаянки.

С этим печальным ответом оба сына старого китайца вернулись к Зинченко. У казака даже холодный пот проступил на лбу, когда он услышал, что Уинг-Ти пропала.

— Господи, да неужели она сгорела? — воскликнул молодец, и кровь хлынула ему в го-

лову.

Только теперь вполне определилось его чувство к маленькой китаянке. До того Зинченко только «баловался», как думал он, а теперь он уже чувствовал, что любит эту Уинг-Ти всем своим простым, не испорченным ещё веяниями жизни сердцем.

Об отце своей возлюбленной, старом Юнь-Ань-О, Зинченко теперь и не думал. Участь старика мало интересовала его. Пока что он думал лишь о том, что странную для него задачу можно разгадать только при помощи старика, и потому так усердно разыскивал его...

Оторвавшись на минуту от своей работы, он увидал Шатова и поспешил к нему.

— Ваш-бродь, дозвоьте высказать соображение.

— Говори, какое?

— Ведь это не кто иной, как образина, «красного-то петуха» подпустил!..

— Какая образина?

— Да та самая, что на меня с ножиком полезла...

— Ты-то почём знаешь?

— Окромя него, некому, ваш-бродь. Вот и Уинг-Ти пропала... Извольте судить, кто виноват...

— Какая Уинг-Ти?

— А девчонка, старикова дочка...

— Ты-то почём знаешь?

— Сердце говорит! — совершенно неожиданно сорвалось с языка у Зинченко; он густо покраснел и закончил уже застенчиво: — Извините, ваше благородие!

Шатов улыбнулся ему в ответ.

— Вот как! Ну, увидим, правду ли говорит твоё сердце!..

— Сердце-то — самый важный вещун, ваше благородие, — осмелел совершенно оправившийся от смущения казак. — Простите, ваше благородие, пойду потружусь ещё...

Он отошёл и вместе с сыновьями Юнь-Ань-О усердно принялся растаскивать тлевшие бревёшки фанзы.

Вдруг из груди казака вырвался крик не то испуга, не то изумления:

— Юнанка... мёртвый!

Среди оставшихся брёвен действительно был виден труп старого китайца. Он почти

что сохранился. Упавшая крыша прикрыла его, и тело старика обуглилось только местами...

Забыв о возможности обжечься, Зинченко кинулся к трупам, и новый крик вырвался у него:

— Глядите-ка, Юнанка зарезан!

Крики казака привлекли к себе внимание. Около него сейчас же образовалась кучка солдат, матросов и китайцев. Они стояли, молча глядя на ужасную рану, зиявшую на горле убитого. Словно опытный хирург оперировал над несчастным Юнь-Ань-О. Голова держалась только на позвонках, шея же была перехвачена с одной стороны на другую ловким, верным ударом. Не было сомнения, что тут действовала опытная рука, привыкшая к операциям подобного рода.

— Что же это такое! — развёл руками Зинченко. — Кто же это его прикончил?

— Кто приканчивал, тот руки с ногой здесь не оставил! — сумрачно заметил один из матросов. — Пойди, ищи теперь ветра в поле! Эх, длинноносые, длинноносые!

Действительно, трудно было бы искать

убийцу несчастного Юнь-Ань-О.

Едва только Шатов, а за ним и Зинченко оставили фанзу старого китайца, как Синь-Хо был уже на их месте.

— Презренный раб! Червь недостойный пресмыкаться у ног верного! — тихо, но грозно заговорил он. — Это ты выдал меня русским?

— Клянусь, господин, памятью моих предков, что не при чём я тут, — воскликнул Юнь-Ань-О, лицо которого выражало теперь смертельный ужас.

— Кто же?

— Я не знаю, кто... ты видел сам, что я не отлучался от тебя ни на шаг...

Синь-Хо задумался.

— Кроме русских, никто не видел меня здесь. Но они даже не знают, кто я такой. Только один ты знаешь, зачем я сюда явился. Может быть, ты и не выдавал меня, но я уже не доверяю тебе. Ты умрёшь, Юнь-Ань-О!

— Господин, пощади! — взмолился старик. — У меня сыновья, дочь...

— Не её ли я видел сейчас?

Луч надежды блеснул для бедняка.

— Может быть, и её... Мне показалось, что я слышал её крик, когда сюда вошёл русский офицер...

Тогда пойд и позови её сюда...

Это приказание встревожило старика.

— Что ты хочешь с нею сделать, Синь-Хо? — воскликнул он.

— Увидим. Пойди и призови её!..

— Ты убьёшь её...

Синь-Хо весь побурел.

— Презренный червь! Какое право имеешь ты спрашивать меня? Или ты забыл, кто я?.. Исполняй, что тебе приказано!

Голос его был так гневен, что Юнь-Ань-О направился было к дверям. Но родительское чувство остановило его. Он почувствовал опасность, грозившую его любимице, и остановился, быстро повернувшись всем корпусом к посланнику Дракона.

— Нет, Синь-Хо! — твёрдо сказал он. — Ты можешь убить меня, но я не приведу к тебе мою Уинг-Ти...

Глаза Синь-Хо засверкали, как у бешеного волка.

— Готовься же к смерти! — глухо крикнул

он и обнажил скрытый под платьем кривой нож.

Вся воспитанная многими веками покорность судьбе, полное равнодушие к жизни или смерти сказались теперь в этом старом Юнь-Ань-О. Он знал, что теперь ему пощады нечего ждать, и безропотно покорился своей участи... Тяжело вздохнув, он сам опустился на колени и вытянул шею, сам подставил её под роковой удар.

— Синь-Хо! — произнёс он. — Я — не изменник и не предатель...

— Я и не считаю тебя таковым, но ты всё-таки умрёшь! — холодно отвечал посланник Дракона, схватывая несчастного старика за косу.

— погоди, я готов к смерти, но не позорь меня, умоляю тебя, Синь-Хо!

— Чего же ты хочешь?

— Не обезглавливай меня! Пусть тело моё останется целым...

Синь-Хо взмахнул ножом.

— Хорошо, я оставлю голову твоему туловищу! — обещал он.

— Благодарю тебя! — только и успел ска-

зять несчастный.

Нож скользнул по его шее и врезался глубоко в горловые связки. Из широкой раны хлынула горячая густая кровь, и тело несчастного повалилось на земляной пол... Несколько конвульсивных движений — и для Юнь-Ань-О всё было кончено... Тело замерло. Первая жертва Дракону была принесена...

Синь-Хо несколько раз воткнул нож в земляной пол, желая таким путём уничтожить с него следы крови; при этом убийца был совершенно равнодушен — словно не им было совершено кровавое дело... Взгляд его несколько раз скользнул с полным бесстрастием по трупам несчастного старика, и ни жалости, ни даже волнения в нём не отразилось. Посланник Дракона считал себя вполне правым и был уверен, что его ужасный поступок вызван был исключительно одной необходимостью...

Но всё-таки он решил замести следы преступления и стал сбрасывать на пол всё, что могло гореть.

— Нужно уничтожить все мои следы здесь... Пусть никто не догадывается даже о

моём прибытии сюда! — говорил он сам себе. — Я надеялся на Юнь-Ань-О, но — увы! необходимость заставляет меня обратиться к другим... Кто здесь у меня ещё есть?..

Вдруг шорох в дверях заставил Синь-Хо быстро обернуться.

В дверях фанзы стояла Уинг-Ти, оцепеневшая от ужаса... Бедная девушка даже не кричала: страх парализовал её волю...

Синь-Хо, как тигр, кинулся к ней, грубо схватил её за плечо одной рукой, тогда как другую — с ножом — занёс над её головой. Уинг-Ти даже не вскрикнула. Волнение было так велико, что она была не в силах совладать с собою и лишилась чувств.

Это спасло её...

Что-то похожее на жалость мелькнуло в бесстрастных глазах посланника Дракона. Он сообразил, кто эта молодая девушка, и рука с ножом опустилась сама собой, словно кто-то пригнул её к полу. Ясно было, что у Синь-Хо не хватило духа на новое Злодеяние.

— Нет, нет! — пробормотал он. — Пусть живёт эта маленькая дочка Юнь-Ань-О! Я не хочу её смерти... Но как мне быть? Я не могу

оставить её здесь, она меня видела... Она знает меня... Так вот что тогда!

Он взвалил девушку быстрым движением себе на плечи и затем, поджёгши сложенный им костёр, быстро выбежал из загоревшейся фанзы и скрылся в темноте ночи...

Огонь быстро принялся за ужасное дело разрушения.

Когда дети несчастного Юнь-Ань-О увидели страшную рану на горле своего старого отца, они только переглянулись, но не обмолвились ни словом. Ничего даже мало-мальски похожего на волнение не отразилось на их лицах.

— Ишь истуканы! — заметили в толпе в их адрес, но и это не произвело на них впечатления.

Они молчали, будто думая какую-то долгую, но упорную думу. Потом они все принялись осматривать на месте пожара и скоро нашли нож, забытый впопыхах посланником Дракона.

— Тянь-Хо-Фу, ты видишь это? — спросил старший из парней.

— Вижу, Чи-Бо-Юй!

— И знаешь, чей это нож?

— На нём знак Дракона!

— Тогда мы можем отыскать убийцу нашего отца и отомстить ему за него и за сестру нашу...

— Мы должны отомстить, брат! — как эхо, ответил Тянь-Хо-Фу.

— Только пока никому об этом ни слова... Иначе мы погибнем, не достигнув своей цели... Слуги Дракона всемогущи, а здесь был самый всемогущий из них... Так, брат, помни!

Всё это они говорили вполголоса и с самым бесстрастным видом. Зинченко, между тем, несколько пришёл в себя. Ужас, вызванный злодеянием, прошёл и сменился негодованием. Честный казак теперь был уже вполне уверен, что виною всему был не кто иной, как образина, которого он так легкомысленно упустил на Мандаринской дороге накануне. «Уж попадись ты мне только, треклятый, в руки, я те задам кузькину мать!» — сетовал Зинченко, но, в то же время соображал, что подозрительного китайца теперь вряд ли удастся не только поймать, но даже увидеть. Ветра в поле искать было нечего... Даже и ду-

мать о поимке убийцы не приходилось...

И на Николая Ивановича вид зверски убитого старика произвёл самое тяжёлое впечатление. Теперь он себя обвинял, что вмешался и это дело и до некоторой степени являлся виновником того, что подозрительному китайцу удалось ускользнуть от Зинченко.

«Нужно будет непременно сделать об этом самое подробное донесение! — думал Николай Иванович. Без сомнения, тут кроется что-то далеко не обычное... Здесь тайна, может быть, очень и очень важная!..»

Весьма скоро ему пришлось убедиться, что он нисколько не ошибался.

К полудню уже был известен перевод доставленного Зинченко воззвания. В городе только и говорили о нём. Послание Дракона комментировалось на все лады, но никто не хотел думать, чтобы крылось под всем этим что-либо серьёзное.

— Э! Каждый-то год в Китае такие вспышки случаются! — говорили артурцы. — Ничего только особенного не выходит из них. Не в первый раз...

— Это всё против миссионеров движение

народа...

— Именно! Да и то сказать, эти господа, что осенние мухи: как от них ни отмахивайся, лезут с назойливостью...

— Попятно! У всех миссионеров Запада цели не просветительные, а политические: они только расширяют своё влияние, подчиняют себе Китай, воображая, что таким путём можно овладеть этой машиной... Поплатятся они за это...

— И всё-таки идут!

— Посылают — ну и идут! Жаль только, что из-за них роняется имя европейца в понятии китайцев.

— Но теперь эта вспышка обещает быть серьёзной... Этот призыв...

— Что же? Он нас, русских, не касается... Китайцы никогда не считали нас врагами...

— Чем, однако, всё это кончится?

— Обычно! Пошлют несколько судов в Пей-хо, погрозят пушками, вот мандарины сейчас же и пойдут на все уступки... Так бывало всегда...

Такие разговоры шли в городе.

Несмотря на явные признаки надвигаю-

щейся грозы, все были как-то странно спокойны, будто никому в голову даже не приходило, что сонная махина может проснуться и наделать всевозможных бед.

Китайское население Квантунского полуострова держало себя с виду совершенно спокойно. Не замечалось никаких признаков брожения. Смерть Юнь-Ань-О не произвела никакого впечатления, об этом случае даже говорили мало. Старика похоронили на его поле и, согласно китайским обычаям, считали его ещё «живым», что должно было продолжаться целых три года. Только сыновья старика ходили всё более и более удручёнными. Очевидно, их тяготила какая-то дума. Когда оба молодых китайца были одни и не опасались того, что их могут подслушать, они вели шёпотом долгие таинственные разговоры, в которых часто поминались имена их отца и сестры...

Между прочим, они стали чуть ли не постоянными гостями у Николая Ивановича, но пока что всё ещё не решались посвятить его в свои планы.

Однако не все в Порт-Артуре были так спо-

койны. «Власть имущие» уже знали, что в Китае готовятся серьёзные события, и энергично готовились к ним. В порт-артурскую гавань стягивались суда тихоокеанской эскадры, производились частые учения войск, но гром всё ещё не был слышен, хотя приближение грозы с каждым днём чувствовалось всё сильнее.

IX СРЕДИ КИТАЙСКИХ ПАТРИОТОВ

Яонец Шива, лучше чем кто-либо другой, знал, каково положение дел, в то время когда европейские дипломаты чувствовали себя совершенно спокойными в стенах своих игрушечных домиков в улице Посольств. Недаром же он жил в Пекине с самого окончания японско-китайской войны, недаром он прекрасно знал китайский язык и, главное, недаром был сам таким же природным азиатом, как и китайцы. Он, конечно, не мог проникнуть за стены Запретного города, доступ куда был возможен даже не для всех мандаринов и иных высокопоставленных лиц, но зато он знал, что во дворце богдыхана чуть не еже-

дневно происходят продолжительные совещания, на которые собираются все высокопоставленные сановники Пекина и главари бесчисленных китайских сообществ.

Запретный город, где живёт «сын Неба», весь утопает в бесчисленных садах и аллеях. В тени их везде понастроены сверкающие золотом дворцы, павильоны, террасы и галереи. В садах всюду пруды, около них искусственно созданные гроты, мостики, лёгкие и необыкновенно изящные, рыбные садки, в кои напущены любимые китайцами золотые рыбки. Всюду необыкновенная восточная роскошь, ослепляющая глаз европейца, и, вместе с тем, необыкновенная простота в обстановке, ещё более усиливающая контраст. Дворцы Запретного города двухэтажные. Главная комната их — приёмная, посвящённая домашним богам и предкам. Остальные залы с неизменными кангами, которые могут служить в одно и то же время и постелью, и диваном.

Когда с наступлением ночи наглухо закрываются ворота Запретного города, в нём остаётся единственный только мужчина — это

сам «сын Неба», богдыхан. Всё же остальные это участники общества «Лао-кун», или «старых петухов», то есть евнухов, которые и охраняют в ночное время покой своего повелителя. Так было заведено уже издревле, но полковник Шива имел самые точные сведения, что эта древнейшая традиция весной прошлого года подверглась жестокому нарушению. Незадолго до запора ворот в Запретный город тайно пробирались в императорский дворец члены великого совета, цунгли-яменя, министры, цензоры, командиры китайских и маньчжурских полков и главари особенно значительных сообществ: «И-хо-туан», конечно, «Хин-лу-дзе», то есть «Ослов, торгующих солью», и «Леу-минга», то есть нищих.

Последнее сообщество, после «И-хо-туана» самое влиятельное в Пекине. Шестая часть населения столицы Поднебесной империи принадлежит к нему, и каждый дом Пекина обложен особой податью в пользу «князя нищих», в получении которой он выдаёт квитанции за своей печатью. «Леу-минг» особенно сильно своей правильно поставленной ор-

ганизацией. Члены его — нищие, в сущности не что иное, как отчаянные грабители и воры; но в то же время они все непременные участники во всех китайских процессиях: похоронах, свадьбах и т.п., на которых исполняют роль «публики». Все они распределены на отдельные дружины, из которых каждая действует в своём строго определённом районе, и только квитанция «князя нищих» обеспечивает торговцам и обитателям безопасность от их нападений.

Что такое это общество по существу своему — доказывает уже то, что правительство в случае народных волнений всегда старалось привлечь нищих на свою сторону и часто с помощью только их одних избавлялось от серьёзной! опасности — столь велико их влияние...

В одну из ночей в главном павильоне императорского сада происходило тайное собрание — далеко уже не первое. Собрались китайские патриоты, и на этот раз, Как это было видно по их озабоченным лицам, собрание должно было иметь решающее значение.

Было около двадцати мандаринов, оста-

вивших на этот раз всякую заботу о соблюдении каких бы то ни было церемоний, столь обычных в жизненном обиходе.

Впрочем, неё были сосредоточенно важны, тихи, страстных обсуждений вопроса не было — говорили только о том, что непосредственно касалось дела.

Это не были изуверы-дикари, какими принято считать всех без исключения китайцев с европейской точки зрения. Нет, это были люди, может быть, и не по-европейски, но, безусловно, развитые, хотя и со своим особенным взглядом на положение вещей. Достаточно уже того, что каждый из них был основательно знаком со всеми тонкостями учения величайшего из мировых философов — Конфуция, и знаком не в смысле познания одной только буквы, но и философской сущности. Большинство их не раз и подолгу бывало в Европе и достаточно насмотрелось на установившиеся там порядки, чтобы желать насаждения их и в своей стране. Кроме того, в каждом из собравшихся сказывалась выработанная целыми поколениями привычка повелевать и встречать в подчинённых беспреко-

словное повиновение. Мандарины спокойно выслушивали, ни на миг не перебивая, говоривших, спокойно, но твёрдо высказывали своё мнение, приводя в подтверждение ему свои доводы. Это было собрание государственных людей в полном смысле слова.

Говорил принц Туан, отец наследника престола и один из умнейших людей своей страны.

Это был человек невысокого роста, с бесстрастным лицом, тихими, плавными движениями и медленной, но красивой речью. В Китае все знали его как поэта, и уличные рассказчики разносили по всей стране его поэтические сказки, которыми простой народ просто заслушивался. Несколько лет в своей молодости он прожил в Бельгии — в Брюсселе, был даже там причислен к карабинерному полку и щеголял в бельгийской офицерской форме. За эти годы он присмотрелся к быту европейцев и возвратился на родину убеждённым консерватором, воочию увидевшим, что для его народа европейские порядки не добро и польза, а несомненная гибель.

Можно ли винить этого человека за то, что

он так думал? Ведь он ничего, кроме пользы, не желал своей стране, и недавние события доказали всему миру, что и китайский народ всецело разделял его воззрения.

Теперь он в пространной речи передавал собравшимся взгляды на взаимоотношения Европы и Китая, ссылаясь при этом на авторитет знаменитого Ли-Хун-Чанга, этого дипломата и патриота, которым гордиться могла бы каждая европейская страна.

— Европейцы, — говорил Туан, — смотрят на Китай, как на сладкий пирог, от которого можно отрезать ломти соразмерно с аппетитом каждого. Но их громадные пушки, направленные со всех сторон, вовсе не доказывают их права на обладание нашей страной. Наши взгляды на жизнь совершенно противоположны европейским и далеки от них, как небо от земли. В нашей стране стремление каждого, идеал его — Жить и работать для себя, для своей семьи, в Европе же люди живут и работают на государство. Это потому, что мы по самому существу наших стремлений и идеалов — любвеобильные семьянины и строгие хранители законов наших предков,

завещанных нам издревле. Мы ненавидим и презираем войну и ужасаемся перспективы какой-либо перемены, могущей изменить нашу жизнь, оторвать нас от нашего родного очага, от земли, которую мы с такой искренней любовью обрабатываем. Мы сами о себе заботимся, достаточно успеваем в этом и не желаем, чтобы в Китае возникали вопросы нового общественного переустройства. Могут ли европейцы обвинять нас за это? Разве они не видят сами, что в странах больших и малых государств социальные вопросы являются ядром глубоко внедрившихся беспокойств, вулканических потрясений, которые угрожают правящим классам? Во всех европейских государствах, за исключением одной России, социальный вопрос господствует над всеми другими. Я хотел бы спросить европейцев, могут ли они по совести, честно, советовать нам возложить на самих себя добровольно бремя социализма только потому, что у них на него теперь мода? Конечно, нет! Какое нам до них дело! Далее, европейцы жалуются, что мы питаем отвращение к их влиянию, к их цивилизации. Но разве мы можем когда-нибудь за-

быть, что первое знакомство наше с европейской цивилизацией началось с массового убийства именно европейцами нашего народа? Припомните остров Люсон, где в одну неделю было вырезано 20 000 наших труженников-колонистов. И кто совершил это злодеяние? Европейцы-испанцы! Вот с чего началось наше знакомство с европейской цивилизацией! Неужели же в Европе полагают, что это забыто нами? Нет, тысячу раз нет! Эта отвратительная резня только укрепила народ наш в справедливом решении не пускать к себе таких цивилизаторов, несущих с собою смерть!

Туан на мгновение замолчал, а потом продолжал по-прежнему ровно, спокойно, как будто он говорил сам с собой:

— Европейцы называют нас варварами, а между тем сами совершают убийства своих соотечественников на наших глазах около нашей границы. Разве убийства неизвестны в Европе или Америке? Разве там в междоусобицах мало было пролито крови? Реки, моря, океаны! А они идут к нам с упрёками в варварстве, с учением любви, которой они сами

не знают и законов которой не исполняют... Они кричат повсюду о притеснениях и гонениях христиан. Но пусть бы они дали возможность сотне или двум из наших буддийских проповедников явиться к ним и начать проповедовать свою религию в её полноте, хотя бы против содержания армий под ружьём... что бы они сказали? Разве не стали бы повсюду гнать этих проповедников? И такой проповеди в Европе терпеть не стали бы, в ней увидели бы подрывание устоев, разрушение общественного строя, опасное для государства, а европейские миссионеры каждый день в году учат наш народ нарушать законы его собственной страны, не повиноваться им... Что же это такое? Разве может быть допущено подобное вторжение где-либо? Да, были случаи, что у нас убивали христиан, но ведь и китайцев убивали и убивают в Америке, и в голландской Индии, и в английских колониях, и повсюду... А ведь Китай никуда не посылает миссионеров, никому не навязывает своих религиозных убеждений. Мы не спесивы и не горды, но мы понимаем всю неделикатность предписывать кому бы то ни было образец,

по которому он должен молиться Богу; мы не спрашиваем никогда, как нам молиться, но и никого не заставляем молиться по-своему. А европейцы всё это стремятся проделывать, и это лишь отвращает народ наш от них. Ведь одним из самых сильных и пагубных приёмов является упрашивание, принуждение силой признавать достоверность предлагаемой формы Божества. Мы никогда этого не делаем, а нас зовут варварами. Разве мы стремимся отнять у кого бы то ни было его достояние? Нет, грабежом мы не занимаемся! А Европа? Одно сильное государство за другим приступает с ножом к нашему горлу, желая ограбить нас. Понятно, когда мы чувствуем европейский нож у своего горла, то на всё, чего только хочет Европа, мы соглашаемся. Но когда опасность миновала, мы забываем всё происшедшее. Вот этому приёму мы научились уже от европейцев. Франция по договору отдала Германии Эльзас и Лотарингию, и если бы она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы позабыть этот договор, не забыла ли бы она его? Сейчас же и забыла бы — это несомненно! То же самое и с теми провинци-

ями, которые отобрала у нас Европа. Одно только обстоятельство спасает нас от слишком больших урезок и жертв — это зависть, с которой европейские государства следят одно за другим. Европейцы больше ненавидят друг друга, чем мы их, и в то же время порицают нашу враждебность к ним за то, что они же ограбили нас... О, у них давно решено, что делать с Китаем! Юг и центр Китая — Англии, остальное Франции и Германии. Это у них уже всё спроектировано. Они не оставляют нам ничего. Всё для них, ничего для Китая. Неужели же мы допустим нашу Родину до этого? Нанести поражение Китаю нетрудно, но завоевать и подчинить его — это грудная работа. Европейцы и американцы набросятся на нас, как на лакомое для них блюдо. Только как им удастся переварить его? Сомневаюсь, чтобы это удалось! Их завистью, их жадностью к грабежу и пожиранию одного государства другим воспользуемся мы в игре против них. Пусть у них всего больше, чем у нас, но они и представить себе не могут той неограниченной энергии, которой обладает Китай и его народ и которой каждый из китайцев про-

никнут до мозга костей[24]. Но нам невозможно ждать, пока они примутся делить наше достояние. Мы должны предупредить это сами, а для этого есть единственный способ — изгнать иностранцев из пределов нашей страны и никогда больше не допускать их к нам. Мы достаточно сильны для этого теперь. Я сказал всё...

После того, как Туан смолк, несколько минут длилось молчание.

— Я признаю также необходимость изгнать иностранцев, — заговорил Кан-Ий, — и чем скорее это свершится, тем лучше. В особенности я настаиваю на изгнании их проповедников. Они более всего приносят зла нашему народу, развращая его своими поучениями не повиноваться законам и надеяться на защиту извне. Что будет с народной массой, если она увидит, что правители её бессильны поддержать уважение и к себе, и к богам? Наша страна погибнет, если европейцы будут оставаться среди нас.

— Изгнать их очень трудно! — заметил Юн-Лу. — Но я думаю, что народ поднимется сам на них.

— Все, составляющие «И-хо-туан», «Хин-лудзе», «Леу-минг», только ждут приказания. Что же касается войск наших, то сами европейцы позаботились о том, чтобы подготовить их к предстоящим битвам. Европейские офицеры обучили наши войска военному искусству, европейские заводы снабдили нас артиллерией! и снарядами. Мы готовились недаром. Теперь пришло время.

— Европейцы принесли нам с собой немало хорошего! — сказал Сюй-Цзин-Чен, бывший очень долго посланником в Петербурге и Берлине и занимавший пост председателя Восточно-Китайской железной дороги. Их железные дороги, их телеграф и теперь уже стали необходимыми даже и для Китая.

— Это справедливо, — отозвался принц Туан, — во всём этом польза.

— Как же тогда отказаться от них?

— Отказываться незачем! Мы не хотим, чтобы европейцы были среди нас, но то, что есть у них хорошего, мы оставим. Найдутся у нас и свои люди, которые заменят европейцев и на железных дорогах, и на телеграфе. Это несомненно. Затем... я слышал здесь мне-

ние, что изгнать европейцев будет трудно. Мне кажется, наоборот. Теперь это не составит труда. Но я всё-таки боюсь одного, и сильно боюсь...

— Чего? — прозвучал вопрос.

— Чтобы к ним не пристали русские... Если это случится, то наше дело будет очень трудно.

— Но если мы изгоним европейцев, — вскричал Кан-Ий, — то вместе с ними будут изгнаны и русские.

— Нет, — холодно сказал Туан, — русские — наши друзья...

— Но Лиантунгский полуостров? Наш Люй-Шунь-Коу[25]?..

— Мы добровольно уступили им этот клочок земли. Они не вынуждали нас силой, не грозили нам. Это была наша добрая воля. Русские — наши соседи. У Китая никогда не было с ними войны. Мы живём с ними в полном согласии, и разрывать старой дружбы не следует. Пусть они владеют Порт-Артуром и Та-лиенванем. Не забудем, что они строят нам железную дорогу, и дорога эта будет наша[26]. Нет, русские никогда не входили в число гра-

бителей-европейцев. Им ничего от нас не нужно, они бескорыстны. Их проповедники никогда не учили наш народ дурному, а напротив того, всегда внушали почтение к существующей власти. Они не вносили растления в народ, а укрепляли его в нравственных основах. Русские пусть остаются, мы всегда им очень рады.

— Но если они пойдут против нас?

— Они не пойдут! Им не нужно от нас ничего. Но если пойдут, то наш план не удастся. Впрочем, я вижу выход. Если русские вступятся за европейцев, мы можем отвлечь их. На семь тысяч вёрст тянется граница между нами. Если сделать там где-нибудь нападение, они направят свои полки туда, европейцы останутся одни, и мы очень скоро управимся с ними, а с русскими заключим вечный мир и союз. Только они страшны нам и никто более! Но, вместе с тем, должно соблюсти полную осторожность. Пусть великое дело изгнания начнут люди, принадлежащие к «И-хо-туану» и «Леу-мингу!». «Сын Неба» в этом случае останется в стороне, и никаких неудовольствий и нареканий на него не будет. Восста-

нет народ, и, может быть, европейцы поймут, что сопротивляться народу невозможно.

— Поймут ли они? — вздохнул Кан-Ий.

— Если не поймут, то народная ярость устрасит их. Они погибнут и не посмеют больше являться к нам... не поймут — горе им! Мы терпели долго, пришёл конец терпению нашему. Но осторожность — прежде всего. Конфуций говорит, что осторожность — мать безопасности.

Итак, изгнание европейцев было решено китайскими патриотами.

Но каких европейцев?

Тех, которые сами воспитали против себя ненависть огромного народа.

Кто бы и что бы ни говорил про Китай в оправдание европейцев, но нельзя никогда требовать, чтобы вторжения, подобные вторжению, «панцирных кулаков» и прочих... не возбуждали терпящих от этих вторжений.

Ни один хозяин не позволит чужому человеку заводить в его доме свои порядки, как бы хороши они не были.

Х РАБЫНЯ НА ПРЕСТОЛЕ

Когда решение было принято окончательно, сейчас же возник вопрос, в какой именно срок должно быть назначено изгнание европейцев из страны Неба.

— Чем скорее свершится это, тем лучше для Китая! — высказал своё мнение непримиримый враг иноземцев Кан-Ий, фактический глава «И-хо-туана», почётным председателем которого был принц Туан, отец наследника престола.

— Но мы должны ещё получить указ «сына Неба»! — попробовал хоть таким путём выразить свой протест против принятого решения Сюй-Цзин-Чен, убеждённый друг европейцев.

— Что указ Куанг-Сю будет подписан, в

атом сомневаться нельзя! — холодно взглянув на него, ответил Туан. — Куанг-Сю после того, как удалось удалить от него проклятого Кан-Ю-Вея, сделает всё, что пожелает Тце-Хси, а она так же, как и все в нашей стране, желает освобождения от иноземцев.

— Ты прав, Туан! — вдруг раздался голос из-за шёлковой занавеси, отделявшей часть залы. — Тысячу раз прав! Я мечтаю только о том, чтобы иностранные дьяволы были убраны от нас навсегда.

Занавес при этих последних словах распахнулся, и перед собравшимися патриотами появилась знаменитая Тце-Хси — императрица-мать.

Это была пожилая уже женщина с волевыми чертами лица и, несмотря на лета, довольно красивая. В её чёрных, глубоко впавших глазах отражался несомненный ум. Все движения были властны, голос резок и отрывист, тон же его казался не допускающим никаких возражений.

У всех народов мира были, есть и будут свои знаменитые женщины, и Тце-Хси в числе их занимает не последнее место.

Прежде всего, эта женщина — «рабыня на престоле», как её называли китайцы, — из праха ничтожества сумела подняться на высоту престола и снискать себе своим умом, своим политическим талантом общее уважение не только в своей стране, но и далеко за её пределами.

Настоящее имя её Тце-Хси-Тоаглу-Канги-Шаойю-Чайсиг-Шокунг-Чики-Хин-Чен-Си. Даже для китайцев оно представляется трудным, и они сократили его для удобства произношения в Тце-Хси.

Судьба её чрезвычайно интересна и свидетельствует о том, какую громадную роль играет в жизни человека случай. Было распространено мнение, что Тце-Хси низкого происхождения: родители её будто бы были бродячие актёры или торговцы, но это не так. Отец её — Ли-Туан — был благородный маньчжур и за несколько лет до рождения дочери занимал высокий пост в Пекине. Но обстоятельства изменчивы. Ли-Туан потерял и должность, и здоровье и мало-помалу дошёл до ужасного положения.

Если бы он был природным китайцем, то у

него был бы исход из такого положения: у него были взрослый сын и красивая молодая дочь. Их можно было бы продать, как практикуется среди китайцев, но Ли-Туан был маньчжур, и подобное дело противоречило его убеждениям и сильно развитому в нём родительскому чувству. Решиться на продажу детей он не мог. Тогда энергичная Ин-Линг сама принудила своего отца к этому... Она словно чувствовала, что судьба наградит её за такую жертву, сделав впоследствии повелительницей четвёртой части населения земного шара.

Семья Ли-Туана в то время жила в Кантоне. Бедность была ужасная, и только мир и любовь, царившие в семье, несколько скрашивали быт. Случилось так, что в Кантон приехал родственник императора, генерал Ти-Ду, бывший в счастливые дни Ли-Туана его хорошим знакомым. Этому-то мандарину и заставила, отца продать её энергичная Ин-Линг. Бедняк Ли-Туан привёл дочь к Ти-Ду, рассказал о своём бедственном положении, и результатом было то, что Ти-Ду купил Ин-Линг в «карманные Дочери» за пятьдесят та-

элей.

Из свободной молодая девушка стала рабыней, но с того времени и засияла её счастливая звезда.

Ти-Ду и его жена были бездетны, Ин-Линг же, по китайским понятиям, была очень красива, почтительна и вела себя очень умно в своём новом положении. Мало того, она была довольно образована, и это тоже имело своё значение.

Благодаря всему этому её положение в качестве рабыни было весьма сносно. Её ум и сравнительная начитанность поразили генерала — «карманного родителя». Словно предчувствуя её будущее, он не поскупился пригласить к «наёмной дочке» учителей, и Ин-Линг под руководством их изучила многие науки, необходимые в Китае для того, чтобы стать вполне образованным человеком. Уже пятнадцати лет от роду она считалась самой умной женщиной во всём Кантоне, и такая репутация была вполне заслужена молодой Ин-Линг.

Случилось так, что однажды, проходя по улицам Кантона, Ин-Линг увидела объявля-

ние богдыхана Хсинг-Фунг о том, что все маньчжурские девушки должны явиться в Пекин, где из числа их будет выбрана вторая жена для «сына Неба». Ин-Линг была необыкновенно честолюбива. Ей было известно, что из разряда «вторых жён» выбирается заместительница императрицы в случае смерти последней. Честолюбивые мечты овладели ею. Она сейчас же по возвращении домой объявила Ти-Ду, что желает стать второй женой Хсинг-Фунга. Ти-Ду и его супруга воспротивились этому, но Ин-Линг так умело повела своё дело, что знатный мандарин официально признал её своей приёмной дочерью, одел её, как подобает быть одетой невесте из богатого и знатного маньчжурского рода, и отослал в Пекин ко двору богдыхана. Там произошёл выбор. Шестьсот маньчжурских девушек допущены были к нему, но из них чести избрания во вторые жёны императора удостоились только десять, и Ин-Линг была в числе этих счастливых.

Она произвела прекраснейшее впечатление на императрицу-мать, которая производила этот выбор. Восхищенная старуха во все-

услышание объявила, что нет той добродетели, которой не было бы у Ин-Линг, и вот вчерашняя рабыня стала одной из самых высокопоставленных дам громадной страны.

Так началась карьера этой замечательной женщины, обладавшей ненасытным честолюбием и скоро ставшей центром всех придворных интриг. Мало того, она сумела вкратость в доверие первой супруги Хсинг-Фунга, императрицы Тци-Ан, стала её подругой, обратила на себя внимание императора и сумела влюбить его в себя.

Тци-Ан была бездетна, Ин-Линг скоро сумела подарить Хсинг-Фунгу наследника престола.

Итак, её честолюбивые мечты были уже близки к осуществлению. Она, рабыня, стала матерью того, кто должен стать «сыном Неба». Разве могла она в таком положении остаться второй женой? Конечно, нет. Но императрица была жива, и Хсинг-Фунг не знал, как ему поступить в таком случае.

Начитанность выручила Ин-Линг.

Она напомнила императору, что несколько сот лет тому назад был точно такой же слу-

чай, и тогда он решился так, что мать наследника престола была уравнена во всех правах с царствующей императрицей, получив титул «императрицы Запада».

Хсинг-Фунг ухватился за эту мысль. Брат его принц Кунг поддержал Ин-Линг, и вскоре она названа была западной императрицей именно в качестве матери наследника престола.

С той поры Ин-Линг навсегда исчезла, вместо неё явилась Тце-Хси-Тоаглу и так далее, или же Тце-Хси.

Она достигла своей цели, но успех не вскружил ей голову. Она держана себя с прежним тактом и успела сделать своим другом ревновавшую её Тци-Ан. При этом она перестала довольствоваться положением императрицы и начала вмешиваться в политические дела, выводить на арену политической деятельности своих людей.

Знаменитый Ли-Хун-Чанг был выведен ею именно из ничтожества и стал мировым деятелем, которому удивляются и которым восторгается всякий развитый человек.

Но особенно сильно оказалось влияние

Тце-Хси во время нападения на Китай! Франции и Англии в 1860-м году. Она советовала уступить иностранцам и стояла вместе с принцем Кунгом на стороне партии мира, тогда как за войну и немедленное изгнание иностранцев были сильные партии принца Ай и Шу-Шунь. Эта партия одержала верх, и легко могло бы случиться, что ужасный погром ожидал бы Китай, совершенно неподготовленный к войне, но Хсинг-Фунг догадался умереть «от простуды», а назначенный регентом четырёхлетнего императора Тунг-Чи принц Ай через несколько дней после смерти богдыхана даже без особенного труда был убран императрицей, расправившейся с ним и Шу-Шунем с чисто азиатской жестокостью.

Теперь Тце-Хси была совершенно самостоятельна. Она немедленно принялась за внутреннее устройство Китая, проводила реформы в армии, устроила цунг-ли-ямень, но вместе с тем всегда старалась показать европейцам, что она не желает никакого с ними сближения. В душе Тце-Хси была искренней патриоткой и убеждённо верила, что в жизни Китая должен наступить момент, когда он по-

бедит иностранцев, без сожаления уничтожавших его святыми, ломавших установившийся веками строй жизни.

В 1872-м году пришёл, казалось, конец самостоятельности Тце-Хси. Её сын Тунг-Чи достиг того возраста, когда ему должно было жениться и принять в свои руки бразды правления. Но мать видела, что её сын совсем не пригоден для царствования. Он отличался необыкновенно своевольным характером, был необуздан в желаниях и, кроме того, был слаб здоровьем[27], а это не обещало долгого царствования. В Жертву Интересам Родины эта необыкновенная женщина не задумалась примести и сына, как принесла уже мужа. Тунг-Чи умер.

Это было в 1875-м году.

Теперь уже Тце-Хси решила не выпускать более власть из своих рук. Законным наследником престола был старший сын принца Кунга, но он не был угоден императрице. Она приказала доставить своего малолетнего племянника Куанг-Сю и посадила его на престол.

Власть опять оставалась в её руках.

Но каким образом могла так действовать

эта женщина? В чём была причина её успехов?

Дело просто. Она всегда опиралась на народ, который видел себе пользу в её деятельности. Она была правительницей в духе народа, и народ поддерживал её. Он не мог забыть, что во время голода Тце-Хси собирала деньги для голодающих, что она ради помощи им сократила издержки двора и щедрой рукой раздавала пожертвования народу из своих личных средств.

Действительно, при своём уме Тце-Хси никогда не была жестокосердной. При расправе с принцем Ай и Шу-Шунем она уменьшила их страдания, укротив зверскую месть их противников. Она никогда не была антихристианкой и с большим удовольствием приняла поднесённый ей в день её шестидесятилетия Новый Завет. При ней православие проникло даже в Запретный город; если же и были при ней так называемые гонения на католиков, вроде уничтожения католической миссии в Тянь-Цзине, то тут действовала толпа, ответственность за которую никогда нельзя возлагать на правящие классы.

Могла ли она любить европейцев? Нет, никогда!

На её памяти произошёл в 1860-м году погром пекинского дворца, когда грубо и бесцельно уничтожались собираемые в течение тысячелетий сокровища науки. При ней начались европейские захваты территорий Китая. Франция отняла Тонкин, начав этим целую серию захватов. После Симоносекского мира, которым закончилась война с Японией, «панцирный кулак», как назвала себя Германия, отхватил у Китая; Шантунг с Прекрасной гаванью Киау-Чаун Франция тоже не отставала, захватив для себя «в вознаграждение» за приобретение немцами Киау-Чау — Лейчван, Чайнан, да ещё прихватила в своё «экономическое» влияние Юннан, огромную провинцию с миллионным населением. Англия тоже явилась, чтобы к своей старой! колонии Гонконг прибавить Вей-Хай-Вей. Соединённые Штаты и даже ничтожные Италия и Бельгия и те пытались рвать Китай. Понятно, что при таких условиях, чтобы несколько обезопасить себя от назойливых представителей Запада, Китай с восторгом уступил Люй-Шунь-

Коу и Да-Лянь-Вань на Лиантунгском полуострове своему старому другу и соседу — России, в полной уверенности, что Россия в случае надобности не даст его в обиду.

Тце-Хси видела всё это. Она постигала всю опасность, грозившую её стране, которую она любила, которой она отдала все силы своего ума, все свои супружеские и материнские привязанности. Но она всё терпела, надеясь, что европейцы наконец насытят свои интересы и оставят Китай в покое. Не тут-то было! Едва только слабый безвольный Куанг-Сю достиг совершеннолетия, сейчас же проявились следствия европейских происков. Около него оказался Кан-Ю-Вей, человек европейского образования, но, очевидно, недалёкий и учёный исключительно кабинетный. Реформы, создаваемые в тиши кабинетов, — одно, а проведение их в жизнь, пригодность их для жизни — другое. Он убедил императора в том, что одним росчерком пера можно изменить устанавливавшийся в течение многих веков строй быта непеременичивого народа, поставить его жизнь на европейский лад во всём, начиная с перемены национального костю-

ма. Куанг-Сю согласился с этим и уже готов был возвестить свои реформы, как вдруг явилась Тце-Хси с отречением от престола в руках. Она молча протянула перо племяннику, но при этом взгляд её был столь ужасен, что Куанг-Сю, весь дрожа, в страхе попятился от неё, холодный пот выступил на его лбу: в этом взгляде он прочёл свою смерть в случае отказа подписать отречение и понял, что он должен или слушаться, или умереть. Он избрал первое, но когда отречение было подписано, волнение его было столь велико, что кровь хлынула из его горла.

Но теперь смерть племянника была не нужна Тце-Хси. Жил он или нет — при существовании отречения было для неё безразлично. Она же не хотела новой кровавой жертвы. Ей довольно было мужа и сына. Императрица перевела Куанг-Сю в особый дворец Инг-Тей и сама во время его болезни ухаживала за ним с добротой любящей матери.

Однако этот случай открыл ей глаза. Она поняла, что с европейцами путём «непротивления злу» ничего не поделать. Рано или поздно, а они решили растащить по кусочкам

страну Неба, обратив всё её население в слуг, обречённых на вечную работу на своих белокожих повелителей. Могла ли она примириться с таким положением? Китай, как бы миролюбив он ни был, а всё-таки достаточно силён, чтобы стряхнуть с себя, как пёрышко, иноземное иго. Тце-Хси знала, что все её приближённые сочувствуют ей. Только немногие из близких престолу сановников поддались обаянию Европы. Истинные же патриоты видели, к чему ведёт политика «панцирных кулаков», и понимали, что неприкосновенность страны требует немедленного сильного отпора всем этим поползновениям.

Тогда-то во дворцах Запретного города и начались тайные совещания, на которых решено было во что бы то ни стало изгнать из Китая всех европейцев, кроме русских, которых каждый китаец считал своими естественными друзьями.

Теперь, как и всегда, императрица в конце совещания явилась среди патриотов, чтобы своей энергией поддержать их решительность.

— Пусть приготовят указ! — говорила

она. — Куанг-Сю подпишет его, иначе...

Её взгляд досказал то, что хотел выразить язык, и все поняли его.

— Да, пора! — словно, сама с собою заговорила Тце-Хси. — Пора вымести всех этих белокожих людей! Нам придётся принести многие жертвы, речей крови прольются, но что могут они значить, если Китай будет спасён... Ничего не делается без жертв. Погибнут десятки тысяч, их потеря не будет даже заметна... Но готовы ли мы?

Патриоты, вставшие со своих мест при появлении императрицы, внимательно слушали её речь.

— Великая «дочь Неба», повели — и свершится всё по твоему слову! — ответил за всех главнокомандующий маньчжурской армией Тун-Фу-Сянь. — Пусть раздастся это слово, и мы начнём войну...

— Я верю этому, но пока не надо войны! Я хочу сделать попытку. Я слышала, Туан уже говорил вам, что лучше, если сам народ начнёт изгнание европейцев. Неужели они не поймут и этого?

— «Дочь Неба»! — возразил ей глава цунг-

ли-яменя принц Цин. — Не говори пока этого слова.

— Почему? — поинтересовалась Тце-Хси.

При этом глаза её засветились недобрым огоньком. Она знала, что Цин очень расположен к европейцам.

— Не одни только бедствия войны постигнут наше Отечество, — спокойно ответил принц. — Если ты повелишь начать это дело теперь, то жатва на полях останется необранной, и к ужасам кровопролития присоединится ещё бедствие голода...

— Он прав! — воскликнула Тце-Хси. — Пусть сперва соберут жатву, сделают запасы, и тогда мы начнём великое дело освобождения нашей страны от чужеземного ига!

— Как было бы хорошо, если бы иностранцы догадались убраться сами, — вполголоса заметил Кан-Ий. — Боюсь, что мне не удастся удержать народ. Нищие Пекина уже соединились с ихотуанцами. И теперь уже трудно сдерживать их. Везде, где только появляется иностранец, раздаются, подобно реву морского прибоя, крики: «Ша, ша! Убей, убей!». Народ ярится, а его массу сдерживать очень труд-

но.

— Но это необходимо.

— Я сделаю попытку, но не ручаюсь, «дочь Неба», ни за что... Я боюсь даже, что в случае народной расправы пострадают и русские, которых мы решили оставить в покое.

— Русские должны быть неприкосновенны! — вскричала Тце-Хси. — Если волос упадёт с головы русского, погибнет всё наше дело... Только они нам страшны, только с ними одними мы должны жить в вечном мире. Я приказываю это, слышите? И кто ослушается — горе тому!

Голос императрицы звучал искренним убеждением. Да и все остальные ясно понимали справедливость её слов. Столетия мира и дружбы между двумя народами вселили во всех уверенность, что никогда между ними дело не может дойти до ужасной кровавой борьбы...

— Итак, великое дело освобождения Родины решено, — продолжала Тце-Хси. — Больше нам ничего не остаётся. Мы должны погибнуть, если не сумеем с оружием в руках отстоять свою Родину. Идите по своим жили-

щам и принесите жертвы богам, чтобы они даровали нам успех.

С безмолвными поклонами повелительнице Китая патриоты стали расходиться из дворца. Лица их были бесстрастны, но принятое решение давило их сердца, их души своей тяжестью: все они понимали, что борьба должна начаться не на жизнь, а на смерть, что только одна победа, и победа полная, могла привести к желанному результату.

Но какие гигантские усилия должен был сделать Китай, чтобы достигнуть этого успеха...

Теперь патриоты были рады отсрочке начала борьбы. Всё-таки оставались несколько месяцев на приготовления к ней...

«Любая самая ничтожная вспышка, — думал Кан-Ий, — и народ сам кинется на чужезстранных».

ХІ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕНЫ

Вань-Цзы покинул дом Кочеровых в страшном волнении. В самом деле, в этот вечер он всё, даже самое жизнь свою, поставил на карту. Ведь он выдал тайну, которую все патриоты Китая хранили как зеницу ока. Его не опасались, правда, но если бы в Запретном городе узнали только, что это он предупредил иностранцев, смерть его была бы неизбежна.

Впрочем, Вань-Цзы был китаец, и вопрос о смерти был для него безразличен. Он думал только о том, как бы заставить Лену покинуть Пекин. С грустью он видел что девушка особого значения его словам не придавала высказаться же яснее он не считал себя вправе.

Лена в самом деле почти забыла о предостережении своего китайского поклонника. Она всецело была поглощена мыслями о предстоящей разлуке с Варей. Мало того, даже признание Вань-Цзы было забыто ею. Варвар; Алексеевна между тем поспешно готовилась к отъезду. Только возвращение свёкра несколько отвлекало её от этих приготовлений.

Василий Иванович вернулся из своей поездки сумрачный и, как казалось, чем-то напуганный. Это было заметно по его лицу. Он, очевидно, что-то скрывал от семьи но Лена была его любимицей, и угнетённое состояние духа отца сразу бросилось ей в глаза.

— Что с тобой, папочка? — спрашивала она.

— Ничего, детка! Право, ничего! — отвечал тот, но тень беспокойства ясно отражалась и в его тоне, и во взглядах, странно потупленных.

Семья Кочеровых была простая, чисто русская. Василий Иванович был коммерсантом русской складки. Вышел он из простого народа, сколотил тяжёлым трудом кое-какой ка-

питал, но дух инициативы был в нём развит сильно, а завязавшиеся с Китаем торговые сношения сулили такие выгоды, что ради них он не задумался перебраться из Владивостока в Пекин, захватив с собой и семью. Год, проведённый в столице Поднебесной империи, не только оправдал его надежды, но далеко превзошёл их, и Василий Иванович даже подумывал совсем остаться здесь, благо у него был незаменимый помощник в лице сына, работавшего по подрядам на Восточно-Китайской железной дороге.

О своём пекинском житье-бытье Василий Иванович всегда отзывался с большой похвалой, но теперь, когда Лена стала слишком усердно просить его открыть причину грусти, он обмолвился:

— Хорошо нам жить здесь, слов нет, а вот всё-таки придётся убираться подобру-поздорову.

— Как так? — изумилась Лена.

Да так! Затевают длиннокосые что-то недоброе!..

— Что, папочка?

— Кто их знает, что! Кабы понимать по-их-

нему, а то ведь неведомо, что они лопочут...

— Так откуда же ты знать-то можешь, что они затевают?

— Видишь ли, был я по делам в Дунь-О-Дуне. Знаешь, сельцо это, где православные из китайцев живут. Ну, зашёл я к местному батюшке чайку попить. Зашёл, был принят радушно. А тут случилось так, что ихнего бонзу принесло. Там наш батюшка с ихним ча-стенько сходятся и разговоры ведут. Вот этот и пришёл. Я его угостил хмельным, что с собою в запасе было. Он подвыпил и говорит: «Хорошие вы люди — русские, а всё-таки уходили бы поскорее от нас». Я стал его расспрашивать, а он только смеётся да на горло показывает; понимай, дескать, что коли добром не уйдём, так зарежут.

— Папа, так отчего же вы не сообщили в посольство? Ведь это так важно! — Лена тут вспомнила загадочные слова Вань-Цзы.

— Эх, кто слушать меня будет! Я вот в банк зашёл, говорю там, так только смеются над моими страхами, даже совестно не на шутку стало.

— Всё-таки сказали бы! — настаивала

дочь.

— Нет, и соваться не буду... Верно, там все знают лучше меня, а только как дела закопчу, заберу вас всех и прощай, китайская столица! Бог с ними, с барышами-то, лишь бы ноги унести поскорее.

— А Варя?

— Варвара пусть едет; пока что всё спокойно. До Тонг-Ку доберётся в полной безопасности, а там морем не бог знает сколько проехать.

Василию Ивановичу было уже известно о письме сына и об отъезде снохи.

— Как же Варя одна поедет? — спрашивала Лена у отца.

— Зачем одна? Я её провожу!

Отъезд Варвары Алексеевны был назначен на следующий день. Уезжала молодая женщина так спешно, что даже поступилась блестящим весенним праздником, который устраивала французская колония. Кочеровы были приглашены, но Варвара Алексеевна, конечно, воспользоваться этим приглашением не могла.

— Смотри, Леночка, не уппусти случая пове-

селиться! — говорила она, прощаясь с девушкой.

— Какое уж, Варя, веселье без тебя!

— Как какое? Вдвойне; и за себя, и за меня.

Что поделать! Я не могу остаться, но ты не должна скучать. Не будешь? Дай слово... Не пропускай праздника.

— Это видно будет, Варя. Что-то сердце не на месте во все эти дни...

— Что же такое с тобой?

— Предчувствия какие-то одолели.

— Полно, не думай!.. Скоро сюда приедет твой Николай. Все твои страхи тогда исчезнут, как дым от ветра.

— Скорее бы он приезжал...

— погоди ещё немного, и он приедет!

Варвара Алексеевна старалась всеми силами успокоить Лену, но в то же время было заметно, что она вся живёт мыслями о муже и о свидании с ним. Лена это видела, и странное чувство неудовольствия овладевало ею. Она завидовала свояченице и завидовала не на шутку.

Наконец Варвара Алексеевна, сияющая, довольная, уехала в сопровождении Василия

Ивановича. Всем другим способам сообщения она предпочла железную дорогу, хотя этот способ путешествия представляет массу неудобств для едущих, по сравнительно с другими он более безопасен и совершается всё-таки быстрее, чем путь на лодке по Пей-хо или сухим путём по невозможным грунтовыми дорогам.

Прощание вышло каким-то холодным. Дарья Петровна всплакнула было, но потом утешилась тем, что при ней остаётся её любимица, а Варя каждую неделю будет писать им о жизни в глубине Маньчжурии.

— Смотри же, не скучай без меня, веселись! — наказывала Лене Варвара Алексеевна.

«А в самом деле, — подумала Лена, — с какой стати оставаться мне дома только из-за того, что мне не с кем будет прийти на праздник. Я попрошу Вань-Цзы быть моим кавалером, и он, наверно, не откажет мне».

Она послала к молодому китайцу записочку с просьбой навестить их.

Вань-Цзы не замедлил явиться.

— Вы, Елена, не последовали моему сове-

ту, — с грустной улыбкой сказал он, — и остались здесь... О, как вы будете каяться!

— В чём каяться, Вань-Цзы? Бросьте ваши загадки и говорите толком.

— Зачем я буду повторять то, чего вы не хотите слушать?..

— Перестаньте меня пугать. Скажите лучше, не хотите ли вы сопровождать меня на праздник во французскую колонию?

Лицо Вань-Цзы побледнело.

— Вы хотите идти, Елена? — вскричал он. — Заклинаю вас, оставьте эту мысль! Оставайтесь, по крайней мере, дома, если не хотите подвергнуться величайшей опасности!

— Опять какие-то таинственные страхи! Нет, Вань-Цзы, я начинаю в вас разочаровываться! Вы задаёте мне какие-то загадки, которые я не в состоянии разгадать. Скажите мне, хотите ли вы быть моим кавалером?

— Я не приглашён!

— Можно устроить это приглашение. Ведь это так легко. Хотите?

Вань-Цзы покачал головой.

— Нет, Елена! — объяснил он. — Я не могу

быть. Никого из китайцев не будет там. Но вы хорошо сделали, что предупредили меня о своём намерении. Я, по крайней мере, знаю, как поступить мне. Но я вижу, вы сердитесь. Прощайте же! Самое близкое будущее покажет вам, что я прав, поступая так, а не иначе.

Лена ничего не отвечала. Вань-Цзы, грустный, обеспокоенный, поспешно оставил её.

«Хорошо же, длинноносый! — зло думала Лена. — Я пойду на этот праздник хотя бы для того, чтобы досадить тебе... Но что, однако, могут значить все его угрозы?»

Лена была молода, а молодость всегда беззаботна. Теперь девушка думала только о том, кого выбрать ей в провожатые на весёлый праздник, устраивать которые французы такие мастера.

Но побывать на празднике ей не удалось.

Около полудня того дня, когда назначен был праздник, Лена приказала подать себе паланкин, чтобы отправиться в знакомое русское семейство, с которым она и намеревалась быть вечером во французской миссии.

— Вы не бойтесь за меня, мама, говорила она Дарье Петровне. — Я, вероятно, и заночую

у Ситских, поэтому я и спешу к ним засветло...

Бал, можно ожидать, затянется до утра.

— Ох, не дело ты задумала, Леночка! — качала головой старушка. — Какие теперь балы да веселья! До того ли?

— А что же Такое, мамочка?

— Да, вижу я, что-то неладное затевается! Кругом нас басурмане всё о чём-то шушукуются, а как только подойдёшь к ним, разбегаются... Слов нет, в нашем доме все православные служат, а только и на них ведь нельзя положиться. Я вот сколько времени в храм Господень сходить собираюсь, а всё боюсь... кто их знает!

Лена весело засмеялась в ответ.

— И трусиха же вы, мамочка! — говорила она. — Я не понимаю, чего там бояться. Посмотрите, сколько офицеров живёт в нашем посольстве, а матросики наши, а казаки? Да разве дадут они кого в обиду? Полно, подумайте!..

— Всё бы лучше, если бы ты дома осталась. На душе покойнее было бы.

Но Лена и не думала: слушаться матери.

Надев бальное платье, она уселась в па-

ланкин, носильщикам которого было заранее сказано, куда отнести молодую девушку. Садясь, Лена не заметила, что оба молодца как-то странно переглянулись между собой. Да если бы и заметила, вряд ли бы придала этому значение.

Жара и мерное покачивание паланкина так убаюкали девушку, что она задремала. Ей казалось странным, что несут её дольше, чем это следовало по расчёту времени, но вместе с тем овладевшая истома мешала ей сделать движение рукой, чтобы отодвинуть занавеску и взглянуть на дорогу. Вдруг паланкин как-то странно заколыхался. Толчки следовали за толчками. Девушка сразу вышла из состояния апатии и быстрым движением раскрыла окопные дверцы. Она увидела вокруг себя совершенно незнакомое место. Не на улице польского городка был теперь паланкин, а в каком-то тенистом, большом саду, которого Лена никогда прежде не видела.

— Где я? Куда вы занесли меня? — в страшном испуге закричала она, тщетно стараясь отворить двери.

Но это не удалось ей. Дверцы паланкина

оказались крепко заперты снаружи.

— Отворите же, выпустите меня! Где я? Как вы смели отнести меня не туда, куда приказано вам! — кричала Лена, всеми силами стараясь вырваться из паланкина.

Вдруг одна из дверей распахнулась, будто кто-то отпер её. Инстинктивно девушка кинулась в неё и очутилась в каком-то здании, тускло освещённом через маленькие окна под крышей. На одно мгновение Лена остановилась в недоумении, не зная, что ей делать. Потом она оглянулась, рассчитывая увидеть дверь, через которую она попала из паланкина в свою неожиданную тюрьму. Но двери уже видно не было... Её успели бесшумно затворить, и Лена поняла, что она находится в плену, тяжёлом своей неизвестностью столько же, сколько и неожиданностью. Девушка в отчаянии громко рыдала, не надеясь даже, что её рыдания будут кем-либо услышаны.

— Не плачьте, Елена, успокойтесь! — прозвучал вдруг среди мрака чей-то голос, показавшийся, однако, знакомым. — Вы здесь в полной безопасности!

Лена вздрогнула от неожиданности.

— Кто говорит это? — воскликнула она. — Кто здесь?

— Верный друг!

— Если это так, то пусть он выпустит меня.

— Нет, пока это невозможно! Вы должны остаться здесь ради вашей же безопасности.

В сумраке откуда-то выступила фигура. Глаза Лены уже привыкли к полутьме, и она сейчас же узнала, кто это.

— Вань-Цзы! — вскричала она. — Это вы!

— Я, дорогая Елена!

Вань-Цзы — это действительно был он — подошёл к Кочеровой совсем близко, и девушка могла теперь даже разглядеть его грустную улыбку.

— Не сердитесь на меня, Елена, — говорил молодой китаец. — Вы, конечно, негодуете на меня за то, что я лишил вас возможности веселиться на французском балу. Но я сделал это только по необходимости.

— Это не необходимость, а насилие!

Вань-Цзы покачал головой.

— Когда не действуют убеждения, только и остаётся прибегнуть к силе! — заметил он. — Так гласит мудрость, которой много ве-

КОВ.

— Вы не смели так поступать! Выпустите меня сейчас же! Я буду жаловаться на вас! Какое вы имеете право держать меня в плену?

— Вы, Елена, не пленница здесь, а дорогая гостья. Никто не осмелится причинить вам вред... Но вы устали. Прошу вас, сядьте. Сейчас я освещу этот уголок.

Вань-Цзы сделал шаг к стене, и сейчас же вся комната оказалась залитой потоками электрического света. Лена осмотрелась по сторонам. Комната, где находились она и Вань-Цзы, была большая, высокая и обставленная на европейский лад. Обычного в китайских гостиных канга не было. Вдоль стен стояли европейские стулья, диван, стол. На стенах висели картины европейских художников. Всё было очень просто, но в самой этой простоте сказывался вкус.

— Где я? — повторила девушка.

— Вы у меня, Елена!

— Но скажите же мне, ради бога, что всё это значит? Я не хочу думать, чтобы вы, Вань-Цзы, с какими-нибудь целями решились прибегнуть к грубому насилию...

— У меня была одна только цель, Елена: сохранить вас в полной безопасности. И теперь я уверен, что это мне вполне удастся.

— Но что же мне может грозить?

— Может быть, смерть, а может быть, и худшее для женщины, чем смерть.

— Но что же? Оставьте загадки!

— Сядьте, Елена, и успокойтесь прежде всего! Дайте мне вашу руку, дайте смело, потому что моя рука — рука друга. Прошу вас, забудьте хотя бы на миг ваше негодование и уверьтесь, что вы здесь не пленница, а желанная гостья!

Голос Вань-Цзы звучал с такой искренностью, что Лена невольно поддалась его обаянию. В самом деле, чего ей было бояться этого человека, который — Лена это знала чутьём женщины — любит её более всего на свете, который! всегда был с нею и с её семейством почтителен и деликатен. Если он поступил так, стало быть, имел для этого веские основания.

— Я верю вам, Вань-Цзы, — кивнула после минутного колебания девушка. — Но вы, наконец, должны раскрыть мне все свои тайны.

— Теперь я, пожалуй, могу сделать это, не подвергая вас опасности. Прошу вас! Садитесь здесь. Осмотритесь кругом. Может быть, вам придётся пробыть в этих стенах очень долго!

— Вы опять пугаете меня!

— Я предупреждаю вас только; что некоторое время вам, возможно, придётся побыть под моим кровом. Но верьте, что скорее погибну я, чем допущу, чтобы хоть один волосок упал с вашей головы.

— Опять таинственные угрозы, опять загадки!

— Вы хотите разгадать их? Прислушайтесь...

XII КИТАЙСКИЙ ПАТРИОТ

акой-то отдалённый неясный гул донёлся до слуха Лены. Казалось, это был рёв какого-то тысячеголового стада разъярённых и неожиданно очутившихся на свободе диких зверей. Голоса, что-то неистово кричавшие, сливались в один хаос звуков, и гул их всё рос и рос, то удаляясь, то приближаясь к тому дому, где была молодая девушка. Это было что-то похожее на прибой внезапно взбушевавшегося моря, выбрасывавшего свои горы-валы на прибрежные утёсы и разбивавшегося о них. Лена слушала несколько минут, не давая себе отчёта, что это такое. Однако инстинкт уже подсказал ей, что в этом рёве десятка тысяч голосов таится что-то несомненно ужасное,

грозящее опасностью смертельной и ничем неотвратимой.

— Вань-Цзы, что происходит там такое? — бледнея от волнения, воскликнула девушка.

— А, я вижу ужас на вашем лице, — довольно спокойно отвечал тот. Теперь и вы почували близкую опасность. Вы спрашиваете, что это такое? Хотите, я вам покажу издали улицы Пекина?

— Покажите, умоляю вас!

— Но прежде дайте мне слово, что вы не попытаетесь уйти отсюда...

— Ах, что вам до меня! Вань-Цзы, что происходит там?

— Даёте слово?

— Да, да! Только скорее!

Вань-Цзы с почтительным поклоном предложил Лене руку. Вне себя от волнения девушка оперлась на неё и пошла вместе с китайцем, не замечая даже, как дрожит его рука.

Они подошли к стене, и которой была скрыта потайная дверь. Нажав кнопку, Вань-Цзы отворил её. Перед ними открылась лестница, поднимавшаяся наверх.

— Прошу вас! — китаец предложил Лене идти вперёд.

Она чуть не побежала по крутым ступеням. В несколько секунд лестница была уже пройдена. Лена очутилась перед открытой дверью. В лицо ей пахнуло ночной свежестью. Она остановилась.

— Здесь терраса, — предупредил её Вань-Цзы. — Идите, Елена, смело!

Девушка сделала несколько шагов вперёд и очутилась на просторной террасе, с которой открывался вид на китайскую часть Пекина. То, что увидела она, ужаснуло её до глубины души. Вся китайская часть города была освещена заревом огромного пожара. Казалось, во многих местах были разведены гигантские костры. Дым их, чёрный, густой, высокими столбами поднимался к небесам. Когда налетал ветер и разгонял тучи дыма, прорывалось пламя; его огненные языки высоко-высоко взвивались над Пекином, качаясь, увлекаемые ветром, в разные стороны, словно искали себе новых жертв.

С той же террасы было видно, что, несмотря на позднее время, Пекин не спал. По узким

улицам его китайской части мелькали огоньки смоляных факелов. Этих огоньков было бесчисленное множество. Они двигались в разных направлениях, то пропадая в темноте ночи, то вдруг появляясь сразу во множестве мест. Только по ним можно было заключить, что здесь люди. Фигур не было видно, слышен был лишь прежний перепугавший Лену рёв.

Я ничего не понимаю, Вань-Цзы, что происходит там такое? — прошептала Лена, хватая китайца за плечо.

— Народ Китая приносит великую жертву! — не без торжественности в голосе отвечал тот. — Настало время, когда Китай решил стряхнуть с себя иноземное иго, и то, что вы видите, Елена, там... начало величайших событий, величайших одинаково и для Китая, и для Европы...

— Какая жертва? Какие события?

— Китайский народ, Елена, соединился во едино, чтобы прогнать от себя чужестранцев. Это не обычная вспышка гнева, это — серьёзное народное движение, с которым европейцам придётся считаться...

— Чего же хотят эти люди от нас?

— Изгнать всех белолицых!

— Изгнать? И это говорите вы, Вань-Цзы, друг европейцев, воспитанный в Европе?

— Да, Елена, это говорю я, несмотря на то, что я всецело принадлежу Европе и связан с нею более тесно, чем со своими соотечественниками.

Тон Вань-Цзы был весьма торжественен, но Лена была настолько взволнована, что даже не замечала этого. Мысли её были теперь около близких ей людей: отца, матери, которые, может быть, в это самое время подвергались ужаснейшей опасности.

— Вань-Цзы, вы сказали «изгнать»; но если европейцы не захотят подчиниться изгнанию? Если они не уйдут? — спрашивала она. — Тогда что?

— Тогда они погибнут! — глухо произнёс китаец. — Погибнут все!

— Не может этого быть! Китайцы всегда были так добры... Я видела их близко, это чудный, добродушный народ.

— Но исполнилась мера его долготерпения... Однако, Елена, спустимся вниз. Вы уже достаточно видели для того, чтобы убедиться

в правдивости моих слов. Мы здесь ничему не поможем, ничего не остановим, а, между тем, ночь холодна, с Пей-хо поднимается сырость... Пойдёмте, Елена!

Он подал ей руку, и девушка машинально последовала за ним, опять по той же лестнице.

Очутившись в прежней комнате, оба они молчали некоторое время.

— Я знаю, Елена, что вы боитесь за вашу семью, — тихо заговорил наконец хозяин. — Не бойтесь, по крайней мере, сегодня. Завтра. Если не произойдёт ничего особенного, ничего такого, что бы усилило народную ярость, может быть, её обойдётся благополучно, и европейцы успеют покинуть Пекин невредимыми.

— Вы так думаете? Вы, может быть, только утешаете меня? — воскликнула с отчаянием в голосе Лена. Может быть, моя бедная мама уже убита? Скажите мне всю правду!

— Нет, я уверен в своих предположениях. Пока что гнев толпы направлен только на тех, кого они считают преступными. Наше правительство, которое гордые европейцы

презирают, мудро. Оно не желает делать зло своим белым братьям, но то, что происходит теперь, должно послужить им указанием... Горе им, если они не поймут его.

— Но что могли сделать европейцы Китаю, чем они восстановили народ против себя? Разве не с добром они явились к вам? Скажите же, Вань-Цзы!

Китаец молчал, будто собираясь с мыслями.

— Вы хотите знать причины этого ужасного движения, Елена? Хорошо, я скажу вам. Вы назвали меня другом европейцев. Верьте, что я таков и на самом деле. Недаром же я родился в Европе и провёл там детство, юность... Но я, вернувшись сюда, посвятил себя изучению моей родины, я прочёл всё, что написано о Китае в; Европе. И знаете, к какому я пришёл заключению?.. Мы, китайцы, стоим на высшей степени культуры, тогда как Европа только-только приближается к подножию её пьедестала. Погодите, я договорю. То, что Европа переживает теперь: различные степени рабства — рабство силы, рабство финансовое рабство ума, всё это уже пережито нами за

целые тысячелетия до этого времени. Мы прошли: через все стадии общественной жизни и, наконец, создали себе формы быта, наисовершенные, далее которых идти уже некуда. Мы их пережили, а Европа только начинает переживать. Нас европейцы называют «мёртвым народом», считают дикарями. А так ли это на самом деле? Взгляните сами, взгляните беспристрастно. Далеко до нас Европе. Кто в Китае стоит во главе народа, распоряжается его судьбами? В Китае во главе народа стоит сословие литераторов, учёных — людей светлого ума... Постойте, постойте, Елена. Вы сейчас скажете, что наши чиновники — вымогатели и взяточники, что в судах у нас прав тот, кто больше даст. Но где их нет, где вы найдёте полное совершенство? Мало того же самого в Европе? У нас от взяточничества и вообще от недобросовестности наших чиновников страдает отдельная личность — там целые народы. А разные тлетворные европейские влияния? Да о них в Китае никто никогда не слышал, а страны Европы с их хвалёной цивилизацией изнемогают от них. Не доказывается ли воочию, что как ни плох строй нашей жиз-

ни, а наш народ доволен им. Неужели же те, кто стоит во главе его, должны допустить прививку к народной массе злокачественных язв, разрушающих организм Европы? Да никогда! Кто же захочет добровольно сделаться больным? А Европа нам навязывает болезнь, европейцы хотят во что бы то ни стало и нас заразить своими недугами. Народ понимает это своим инстинктом и сторонится от занесения заразы. Вам не скучны, Лена, мои слова?

— Нет, нет... Это всё?

— Далеко ещё не всё. Это — только начало. Теперь послушайте. Есть у европейских народов и ещё одно, от чего, пожалуй, страдают там все: и бедные и богатые, и старики и дети, и больные и здоровые. Каждое из европейских государств вытягивается из последних средств на содержание армии. Почему же это так? Да потому, что там, в Европе, иначе нельзя. Там каждый сосед только и смотрит, как бы пожрать соседа. Мир поддерживается постоянной угрозой войны. Жалкое положение, жалкий мир! Трудиться в поте лица, чтобы большую часть своих трудов отдавать на

поддержание своей безопасности путём постоянных вооружений. Жалкое положение, говорю я. Но и мы когда-то переживали его и благополучно пережили. Европейцы стремятся вооружаться, чтобы поддерживать мир, мы стремимся к противоположному, мы отказались от всяких вооружений, и каждый в Китае живёт только для себя. Сейчас мне возразят, что это — узкая цель, что так может рассуждать лишь крайний эгоист. Пусть так. Пусть мы, китайцы, узкие эгоисты, но таковы мы все. Я не стану отрицать, что самоотречение на пользу ближнего — дело святое. Но разве европейский земледелец, отдавая на содержание армии более половины своего заработка, совершает великий акт любви к ближнему? Да нет. Необходимость поддерживать мир угрозой войны — это нужно небольшой кучке финансистов, как это доказала война в Южной Африке. Но вот им показалось мало тех соков, которые они выжимают из своих соотечественников, и они захотели и нас, китайцев, заставить работать на них в том же направлении. Они захотели и с шестисотмиллионного Китая собирать свою жатву. Только

вряд ли удастся всё это. Не дети стоят во главе Китая. Таких умниц, как покойные принц Кунг, маркиз Тзенг и ныне здравствующие принц Туан, маркиз Ли-Хун-Чанг, императрица-мать Тце-Хси, поискать да поискать. Напрасно думают, что они — невежды. Они всё видят, всё знают и теперь начали великую борьбу... Народ же, он, пожалуй, и не соображает, в чём дело, но он, повторяю, чувствует ужасную опасность. Пусть уж лучше грабят его мандарины, которые ему же возвращают то, что берут от него, чем грабят чужие люди, у которых с Китаем и китайцами нет ничего общего. Вот причина того, что происходит и произойдёт. Жребий брошен. Великая борьба жёлтой расы и белой расы началась.

Вань-Цзы смолк. Рёв толпы утихал, но в узкие окна павильона всё ещё врывался отблеск зарева.

— Я могу поздравить Китай с таким патриотом, как вы, Вань-Цзы! — сказала Лена, и голос её прозвучал скрытой насмешкой, — Но неужели же вы находите, что на вашей родине всё хорошо, что си и её народу ничего лучшего желать не приходится и что никаких ре-

форм Китаю не нужно?

— Нет, Елена, этого я не скажу. Многое и очень многое в моей стране требует коренных реформ. Всё, что я говорил вам до сих пор, я говорил для того, чтобы выяснить причины грядущих великих событий. Но я не смею утверждать, что всё у нас хорошо. Весь строй нашей жизни требует реформ — причём коренных. Знаете, я ведь принадлежу к партии Кан-Ю-Вея. Это — знаменитый человек и великий патриот. Он любил Китай и искренно желал ему добра. Но его дело было зданием, построенным на песке. Нельзя снять рис, когда не приготовлена почва. Посев пропадёт непременно. Точно так же нельзя насильно проводить великие реформы в народ, совершенно неподготовленный к ним.

Лена сделала быстрое движение, намереваясь перебить собеседника. Но тот жестом остановил её.

— Погодите, Елена, я знаю, что вы хотите сказать. Знаю, на что и на кого вы хотите сослаться. Вы сошлётесь на пример вашей истории, вы укажете, что ваш император Пётр Великий сумел провести реформы. Я знаю это.

Но вот что... Этот ваш император опирался на народ. Его реформы проведены были в жизнь не одним только взмахом пера. К восприятию его реформ ваше отечество готовилось издавна. Оно постоянно находилось в соприкосновении с теми, от кого реформы были заимствованы в их основаниях. Вашему Петру предшествовал ряд государей, проводивших в жизнь своего народа незаметно новшества. Ему приходилось только довершать их начинания, потому что для этого приспело время. И притом реформы исходили от него. Они были подлажены хотя бы до некоторой степени под дух народа. Чужестранцы не являлись в Россию насильно насаждать свои порядки, а когда они являлись, народ прогонял их. Вспомните ваш двенадцатый год. Ведь великий Наполеон шёл к вам в Россию с добром. Он шёл дать полную свободу миллионам крепостных, а эти же крепостные прогнали его от себя, потому что им не нужны были никакие блага из рук чужого. Да! Почему же Китай должен кланяться и благодарить, когда являются чужие и стараются насильно навязать ему то, что не нужно? Следует же быть спра-

ведливым! Потом вы сошлётесь на пример японцев, за тридцать с небольшим лет сравнявшихся во многих отношениях с европейцами. Но это только декорация. Незначительная часть японского народа приняла внешний европейский вид, внутри же каждый японец остался прежним. А стали ли японцы от этого счастливее? Не думаю! Тридцать лет тому назад у Японии не было государственного долга, теперь народ изнемогает под тяжестью его, а я уже говорил вам, что это значит. Так это, Елена, поверьте, что так, и когда вернётесь домой, постарайтесь убедить, кого можете, покинуть Китай, хотя бы на это смутное время. Впрочем, вы не бойтесь, европейцам не грозит ничто, если они одумаются сами. Уйдут они от нас и сразу утихнет грозная буря.

— Ещё, Вань-Цзы, — перебила его Лена, — вы знаете Европу, вы видели её армии... Неужели вы думаете, что можете противостоять им со своими солдатами?

Вань-Цзы грустно покачал головой.

— Много жертв будет принесено, много крови прольётся, но в конце концов победа

всё-таки останется на стороне Китая. Не забудьте, что население Китая считается в шестьсот миллионов. Сколько бы Европа ни присылала армий, они будут ничтожны в сравнении с массой населения. Вы, может быть, следите, хотя бы по газетам, за событиями. Тогда вам известно, что на юге Африки чуть более года ничтожная горсть народа борется против государства, общая масса населения которого превосходит даже и Китай. И что же? Колосс не в состоянии одолеть пигмея. А что же будет тогда, когда пигмеи нападут на колосса? Ну, будет уничтожен миллион, два, три, десять миллионов моих несчастных соотечественников, а какая масса их останется! Не хватит солдат в Европе для того, чтобы перебить их, и в этом — важнейший залог нашего успеха, нашей победы... Мы победим, и тогда-тогда на горе европейцам мы примемся за внутреннее переустройство.

Вы сказали, на горе?

— На, горе Европе, если Китай перестроит себя на европейский лад. Тогда он будет предписывать законы миру, и никто, даже в самом отдалённом уголке земли, тогда не осме-

лится послушаться его! Но, Елена, я вижу, вы утомились... Вряд ли вы привыкли к таким разговорам...

— Я слушала вас внимательно... Надеюсь, что вы найдёте возможность доставить меня домой?

— Нет, Елена! — покачал головой китаец. — Вы останетесь здесь...

— Вань-Цзы, это — насилие!

— Это — необходимость!.. Я не могу поручиться за вашу безопасность, если даже пойду проводить вас сам. В такое время не разбирают, кто попадается навстречу; ночью не различить, с кем придётся иметь дело. Вы должны остаться у меня. Пока ничто здесь не грозит вам. Мой дом хорошо охраняется. Сейчас я пришлю прислужниц, и они помогут вам устроиться... Забудьте все; помните, что здесь вы дома...

Вань-Цзы почтительно склонился перед девушкой и бесшумно скрылся за потайной дверью.

Лена осталась одна.

— Я верю ему, он — честный человек, — тихо прошептала она, — но оставаться здесь я

не решусь ни за что. Будь, что будет! Но как мне выбраться?.. Посмотрим, может быть, что-нибудь и найдём...

Девушка огляделась вокруг. Стены павильона были высоки, и до окон достать было невозможно. Тогда Лена стала обшаривать и обстукивать стены, горя одним только желанием поскорее уйти из-под гостеприимного крова этого человека, который, несмотря на всю его порядочность, казался ей нарушителем её прав.

Лена по своему характеру была очень энергична... Она стала прислушиваться к доносившимся извне звукам. Теперь уже совершенно стих гул голосов, зато слышно было, как по лёгкой крыше павильона барабанил проливной дождь.

XIII ИСКРА И ВЗРЫВ

Огда в порох попадает ничтожная искра, происходит взрыв. Возбуждённые народные толпы — тот же порох. Самого ничтожного обстоятельства, которое во всякое другое время прошло бы совершенно незамеченным, достаточно, чтобы эти толпы воспламенились и произошла катастрофа.

Партия рабочих, китайцы и маньчжуры, явилась на станцию железной дороги Тянь-Цзинь — Пекин — Чан-Сянь-Вань и взяла билеты на отходивший поезд. Почему-то им не удалось попасть в вагоны, и поезд ушёл без них. На следующий же с билетами, оставшимися на руках, этих пассажиров не пустили и предложили взять новые и за новую плату.

Деньги, таким образом, пропадали. Бедняки возмутились. Европейские соображения не были им понятны. Они стали настаивать на возвращении денег. В ответ на это их грубо начали гнать с платформы и из вокзала. Началась драка. Китайских рабочих было больше. Вокзальной прислуге волей-неволей пришлось отступить. Разбушевавшиеся буяны воспользовались этим и принялись разносить вокзал. Вытребована была охранная стража, которая, конечно, совладала с буйствующей толпой. Несколько десятков буянов было перевязано и под охраной часовых оставлено на станции. Сейчас же вокруг арестованных собралась толпа, в которой преобладали боксёры.

— Что с ними сделают? — слышались голоса.

— Всех обезглавят! — ответил неосторожно один из часовых.

Словно искра пролетела по толпе.

— Белые дьяволы убивают китайцев! Их нужно убить самих! — раздались со всех сторон отчаянные вопли.

— Убивайте белых дьяволов, они — колду-

ны и чародеи! Не жалейте их! Смерть им!

Толпа вопила, кричала на все лады. Появились ножи, колья, ружья. Миг — и арестованные буяны были освобождены. Они слились с толпой. Началась свалка, слышались выстрелы, застонали раненые, пролилась первая кровь.

Без особенного, впрочем, труда толпа была разогнана, но этого ничтожного случая было довольно, чтобы по всем окрестностям Пекина пронеслась ужасная весть: «Белые дьяволы убивают китайцев. Кто не хочет быть убитым ими, убивай их сам!».

Мина была уже подготовлена. Боксёры тысячами сходились в Пекин. Пекинские нищие заключили с ними союз. Ничтожная искра — и костёр вспыхнул. Рассвирепевших людей без кровопролития нельзя было удержать, но правители Китая вовсе не желали пустить на толпы волнующегося народа стянутые к Пекину войска. Всё равно изгнание иностранцев было уже решено. Борьба начиналась несколько раньше, но раз остановить боксёров было невозможно, приходилось только продолжать задуманное и решённое дело.

Однако правители Китая действовали с полнейшей осторожностью. Они не хотели пока открытой борьбы и сдерживали боксёров.

Между тем, толпа, разгромившая железнодорожную станцию, не ограничилась одним этим. Она уже чувствовала свою силу. С пением гимнов богу войны боксёры с Чан-Сянь-Ваня направились к станции железной дороги Фьен-Той, которой заканчивается железная дорога на Пекин. Чем дальше шли эти возбуждённые люди, тем всё более увеличивалось их число. К ним примыкало соблазненное возможностью безнаказанного грабежа население окрестностей Пекина. Вся эта толпа, будто живая лавина, обрушилась на станционные постройки. Часть обезумевших людей кинулась грабить железнодорожные склады, боксёры принялись за разрушение вокзала.

В Пекине увидели, что волнение разгорается не на шутку, и против буянов были высланы войска, но зато в самой столице Поднебесной империи уже начался открытый мятеж.

— Убивайте иностранцев! кричали боксёры, в исступлении потрясая кривыми ножами. Убивайте всех: женщин, детей, стариков!.. Пусть никого из них не останется среди нас!

Но невидимая власть твёрдой рукой сдерживала народ.

Далее криков и уличных драк с китайцами-христианами не шло. Но едва наступила ночь, там и сям в китайском городе запылали пожары. Это провокаторы поджигали дома, чтобы потом всю вину в появлении пламени свалить на европейцев.

Однако, по странному ослеплению, те оставались спокойными.

В европейском квартале собирались небольшие кучки французов, немцев, англичан и хладнокровно обсуждали совершившиеся события.

— Это несерьёзно! — говорил знакомый уже читателям мистер Раулинссон. — В Пекине множество голытьбы и всякого бездомного люда. Они-то и производят беспорядок.

— Может быть, это и так, но я на случай зарядил свой револьвер на все его гнёзда! — отвечал Миллер. — Так как будто спокойней.

— Это, конечно, не мешает... Вообще иметь при себе револьвер здесь никогда не лишнее.

— Посмотрите на французов: они веселятся, не обращая даже внимания на эти безумные крики.

Действительно, тот самый бал, на который так неудачно собралась Елена Васильевна, был в полном разгаре... в момент, когда обезумевшая толпа была уже готова на всякие ужасы.

Весело гремела музыка, в огромном зале неслись в весёлом вальсе одна за другой нарядные пары. Дамы в изящных бальных туалетах звонко смеялись, кавалеры, большей частью посольская молодёжь, острили, ухаживали, любезничали. Никого не пугали ни рёв толпы, ни зарево пожаров. Все были довольны праздником.

Праздник на вулкане!

Вдруг оркестр смолк, танцующие невольно остановились, с недоумением оглядываясь вокруг и всё ещё не понимая, в чём дело.

В открытые настежь окна зала ворвался оглушительный вопль бесчисленных голосов. У самых, окон на улице волновалась, крича-

ла, шумела, потрясая тускло горевшими смоляными факелами, толпа боксёров, нищих и всякой голытьбы.

Невольное смятение овладело недавно ещё так искренно веселившимися людьми — столько ужасных звуков слышалось в этих непонятных для большинства воплях. Дамы побледнели, растерялись. Многие из мужчин были также смущены. Они явились на этот бал, не предчувствуя ни малейшей опасности, и только у немногих из них было с собой оружие.

— Что им нужно? Отчего не разгонят этих людей? раздавались тревожные вопросы. — Как они смели явиться сюда?

И вот, словно для увеличения смятения и суматохи, в открытые окна полетели камни.

М-г Пишон, французский посланник, был бледен как полотно.

— Они осмеливаются нарушать неприкосновенность посольств! — пробормотал он. — Хорошо! Дорого поплатятся за это негодяи!

А камни, палки, комки грязи продолжали лететь в зал.

Пишон поспешно отдал какое-то приказа-

ние, и через две-три минуты звуки военной трубы, звуки тревоги, раздались во дворе по-сольского здания.

Но как раз в это время в небе, затянутом тучами, ослепительно сверкнула молния и раздался удар грома.

Полковник Шива, находившийся среди приглашённых на бал, улыбнулся при этом.

— Mesdames! — крикнул он так, что его слышно было всем. Успокойтесь. Всякая опасность миновала. Через несколько мгновений никого из этих негодяев не останется здесь... Прошу вас, успокойтесь, мы можем продолжать наш бал, забыв об этом маленьком инциденте.

Его насмешливый тон подействовал на всех ободряюще. Гости опомнились, пришли в себя и стали прислушиваться к тому, что происходило под окнами.

Шива оказался пророком.

Над Пекином разразилась гроза. Грохотал, не умолкая, гром, сверкали молнии. С окутанных ночным мраком небес полил дождь — настоящий тропический ливень.

С первого момента грозы крики на улице

смогли. Все эти только что неистовствовавшие люди опрометью ударились в бегство, словно кто-то невидимый гнал их. Нежданным помощником и покровителем европейцев явился именно этот тропический ливень, так кстати разразившийся над столицей Китая. Сыны Поднебесной империи боятся дождя более всего. Они видят в нём одно из проявлений гнева дракона, и в дождь ничто не заставит их остаться под открытым небом.

Лишь только миновала непосредственная опасность, прежнее веселье вернулось к участникам бала. Опять слышались шутки, благо для них явилась новая нежданная тема. Шутили все — и оправившиеся от недавнего испуга дамы, и их растерявшиеся было кавалеры.

— Явилось слишком много неприглашённых гостей, — слышалось в зале. — Нам негде было принять их!

— Но нельзя сказать, чтобы концерт, который мы только что слышали, отличался особенной мелодичностью...

— Особенно под аккомпанемент камней, которые были брошены.

Но шутили и острили те, кто не сознавал всей важности только что пережитого момента.

Дипломаты, напротив, были сумрачны.

— Это было нападение! — старался доказать один из них. — И оно явилось следствием погрома станции Фьен-Той.

Но куда смотрит цунг-ли-ямень? Неужели не могли удержать толпы? Я тоже думаю, что это неистовство не случайное... Вообще должно признать, что замечается небывалое доселе брожение. Зачем в Пекине такая масса бездомного люда именно теперь? Что значат эти тайные совещания в императорском дворце?

— Что бы всё это ни значило, нужно принять меры!

— Потребовать десант?

— Да, это — самое верное средство унять всякое брожение в народе. Прибытие десантов всегда благотворно действует на китайское правительство...

— Нет, господа! — раздался звучный, энергичный голос; это говорил представитель России. — Дело гораздо серьёзнее, чем это можно сейчас думать. Всё, что происходит, зависит

не от одного случая. Давно уже в Китае подготавливаются события, и нам следует быть готовыми ко всему.

— Ох уж эти русские! — чуть слышно пробормотал Шива. — Зачем ему предупреждать их! Ведь не против России поднимается Китай. Пусть бы они попробовали управиться с ним... О, только одна Япония могла бы тогда снасти европейцев и дополучить то, что было отнято у неё в Симоносекс!

Между тем, дипломаты составили маленький неофициальный совет или, лучше сказать, обмен мыслями. Вызов десанта был решён почти единогласно. Все послы сошлись на том, что это помешать не может.

Прерванный было бал закончился на рассвете. Только с первыми лучами солнца разошлись по своим домам эти беззаботно веселившиеся люди, которых не страшил даже грозный признак народного восстания — так пренебрежительно относились они к китайскому народу.

Весь следующий день[28] кавалькады европейцев совершали прогулки в Фьен-Той, чтобы посмотреть на задержанных там буя-

нов. Были ли это те, которые нападали на станцию, или другие, совершенно к погрому непричастные, — этим вопросом никто и не интересовался. Явилось новое развлечение, новая цель прогулок, а что же могло быть интересного в пятнадцати жалких людях, которые, скрученные верёвками, были брошены около станции для внушения страха населению.

В эти дни в семействе Кочеровых царило смятение. Василий Иванович, проводив повестку до Тянь-Цзиня, вернулся домой на другой день после первых пекинских беспорядков, и первое, что его встретило дома, это было известие, что его любимица Лена пропала.

То, что Лена не вернулась домой в тревожную ночь, Дарью Петровну не встревожило особенно.

— Ночует у Ситских, — решила она. — Куда же ей было идти в грозу?

Но прошло утро, наступил полдень, а Лены всё ещё не было. Старушка Кочерова начала не на шутку тревожиться.

После полудня явился Вань-Цзы. Обыкновенно сдержанный, молодой китаец казался

страшно взволнованным.

— Ваша дочь дома? — было первым его вопросом, едва только он переступил порог дома Кочеровых.

С Леной Вань-Цзы говорил по-французски. Дарья Петровна никакого другого языка, кроме русского, не знала. С ней молодому китайцу приходилось общаться через переводчика. Но прежде, чем ему был переведён ответ Кочеровой, он уже знал, каков он. Испуг, бледность лица и нервная дрожь старушки сказали ему, что Лены нет дома. Он сам почувствовал, как болезненно забилось его сердце.

У него в доме Лены тоже не было!

После того, как они расстались, прислужницы явились в павильон, где оставалась девушка; они принесли ей ужин, устроили постель. Лена казалась очень задумчивой, не сказала им ни слова. Всё это Вань-Цзы знал. Но когда он утром пришёл, чтобы отвезти свою гостью-пленницу в дом её родных, в павильоне девушки уже не было. Ужин остался нетронутым, постель не смятой. Но как Лена могла выйти из павильона — этого Вань-Цзы не мог понять. Чуть ли не впервые сказался

азиат в этом кротком, всегда сдержанном человеке. Он грозил жестокими наказаниями всей своей челяди, он разослал людей отыскивать пропавшую, кинулся сам, но нигде даже и следов Лены не было. Его невольная гостя исчезла, как в воду канула. Ужас и отчаяние овладели Вань-Цзы. Он считал себя единственным виновником случившегося, а когда узнал, что Лены ног и дома, он окончательно потерял голову.

— Скорее в посольство, идите в посольство, заявите там, что ваша дочь пропала! — захлёбываясь от волнения, говорил он. — Спешите, чтобы не было поздно.

Дарья Петровна плохо соображала, что, в сущности, так волнует «басурмана». Она лишь смутно понимала, что с её Леной случилось недоброе...

— Что ты, батюшка! Да как это я пойду в посольство? — растерянно говорила она. Да разве меня пустят туда? Вот сегодня Василий Иванович приедет...

Но Вань-Цзы продолжал настаивать. Старушечка быстро собралась, но отправилась не в посольство, а к Ситским, в то семейство, с

которым Лена собиралась идти на праздник у французов.

Там она сейчас же узнала, что Ситские не видали Лены даже в глаза...

Как добралась старушка домой, она и сама не помнила. Горе подавило её своей тяжестью. Одна в чужом городе, Дарья Петровна чувствовала себя беспомощно одинокой, не знала, что делать, куда идти, к кому обратиться... На её счастье Василий Иванович возвратился домой в тот срок, в который обещал.

Горе отца не знало пределов.

— Проклятые! Отняли её у меня! — стонал он, бегая по дому. — Где ты? Где ты, моя Лена? Что с тобой?

Но он был всё-таки мужчина. Когда первый взрыв отчаяния прошёл, он кинулся сделать заявление о пропаже дочери. Ему обещали сделать всё, что только можно. Но до того ли было в то время!..

18-го мая под вечер в Пекин вступил соединенно-европейский десант под общим начальством русского военного агента в Китае полковника генерального штаба К. И. Вогака. В Пекине, казалось, воцарилось спокойствие.

Боксёры и бездомная голытьба куда-то исчезли. Скопления народа на улицах не замечалось. В десанте, вызванном посланником, казалось, не было никакой необходимости.

Китайские власти пропустили десант с большим Неудовольствием. Они по нескольку раз пересчитывали людей, а когда те вошли в ворота, вдруг задержали багаж. Каждый тюк осматривали с подозрительной тщательностью, словно боялись пропустить скрытые в нём пушки. Наконец всё было улажено. Моряки разошлись по своим посольствам. Жизнь с их появлением сразу приняла другой характер. Небольшой посёлок европейцев заметно оживился. У ворот посольств появились военные караулы. По нескольку раз в день раздавались то барабанный бой, то звуки труб. Присутствие военной охраны отразилось и на обитателях посёлка. Тревога рассеялась, страхи улеглись. Жизнь вошла в свою обычную колею.

XIV В ПОРТ-АРТУРЕ

Если в Пекине все европейцы беспечно поселились, не предчувствуя никакой опасности, не видя, что китайский Дракон уже раскрыл свою пасть, чтобы поглотить обречённых ему на жертву белокожих людей, то в Порт-Артуре гораздо более были осведомлены о характере положения.

— Эх, не обойтись без свалки! — говорили в порт-артурских кружках.

— Чего только спят там... Получили по семидесяти пяти человек десанта и успокоились... А здесь за них страдай.

Страдать, действительно, приходилось. Несмотря на успокоительные извещения из Пекина, десант в четыре тысячи человек был

уже готов, чтобы по первому приказанию пойти на выручку своих в столицу Поднебесной империи. Ежедневно происходили учения, примерная посадка людей на суда, манёвры. Люди были воодушевлены, но неизвестность томила их: дни шли за днями, не принося с собой ничего нового.

Шатов переживал дни тревоги. Он знал из письма, что Варвара Алексеевна уехала во Владивосток, но приходившие тревожные вести о волнениях вокруг Пекина заставляли его бояться за дорогих ему людей, оставшихся среди мятежной толпы.

За эти дни он приобрёл себе совершенно неожиданных друзей.

Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу, сыновья несчастного Юнь-Ань-О, словно переродились после той ужасной ночи, когда они так неожиданно потеряли отца и сестру. Но они, по крайней мере, знали, что отец их убит, что же случилось с их сестрою — было неизвестно.

Маленькая Уинг-Ти пропала без следа... Никто более не видел её в Порт-Артуре, а братья даже не пытались искать её.

— Мы знаем, где она! — однажды сказал

Чи-Бо-Юй Зинченко, с которым у них завязалась тесная дружба.

— Где?

— Далекотсюда!

— Так пойти бы да отобратъ!

— Нет, казак! — покачивал головой молодой китаец. — Это невозможно.

— Как так невозможно! Скажи только, изпод земли, если нужно, достану.

— Погоди, узнаешь сам!

От всяких пояснений братья уклонялись.

Почему-то оба парня вдруг стали выказывать необыкновенное расположение к Николаю Ивановичу. Они часто приходили к нему и целые часы проводили в его комнатке, не говоря ни слова.

Шатов сперва думал, что приходят они, надеясь покормиться около него. Но Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу наотрез отказывались от всех предложений и денег и кушаний, какими он угощал их. Оба они довольно сносно говорили по-русски, все понимали сами и вообще казались очень смышлёными людьми.

Отказываясь от всего, что ни предлагал Шатов, братья, в свою очередь, готовы были

на всякие услуги. Они старались угадать, что нужно молодому человеку, и исполнить прежде, чем он попросил бы их. При этом они выказывали замечательную расторопность и редкую выносливость.

Шатов терялся в догадках, что им могло быть от него нужно.

Наконец братья высказались.

— Русские скоро пойдут на Китай, — сказал однажды Чи-Бо-Юй, говоривший первым как старший.

— Говорят, что пойдут, — отвечал Николай Иванович. — Только не знаю, верно ли это: может быть, не за чем идти будет:

— Нет, русские пойдут!

— Ты почём знаешь?

— Знаю... Наш отец умер, потому что любил русских...

— Вот как! Почему же?

— Потому что здесь был посланник Дракона. Это он убил нашего отца.

— Какой посланник Дракона?

— Великий Дракон Китая ненавидит иностранцев. Они роют землю и причиняют ему боль, мешают спать.

— Ну, Чи-Бо-Юй, признаюсь, я считал тебя умнее!..

— Я говорю верно, Дракон ненавидит иностранцев, и его слуги истребят их всех. Русские должны пойти, чтобы отомстить за гибель своих.

Николай Иванович теперь почувствовал смысл в словах китайца. Он знал их суеверия и какую роль в них играл дракон.

— Ты так думаешь? — переспросил он.

— Не думаю, а знаю. Посланник Дракона приходил сюда призывать всех верных к избиению иностранцев. Казак Зинченко видел его дважды и не сумел удержать в своих руках. У него было послание Дракона. Посланник Дракона — Синь-Хо. Мы нашли на пожарище его нож. Он убил нашего отца и увёз Уинг-Ти, нашу сестру.

— Так чего же вы молчали! — с сердцем воскликнул Шатов. — Ваше первое дело было явиться и сообщить начальству о своих подозрениях.

— Нет, этого мы не хотели сделать.

— Да почему же?

— Потому что мы погибли бы, не успев

отомстить убийце отца.

— Напрасно вы так думаете, русские всегда сумели бы защитить вас.

— Однако они не защитили нашего отца.

Шатов не нашёлся, как ответить на это.

— Что же вы хотите теперь делать? — спросил он.

— Мстить!

— Теперь-то, когда ваш посланник Дракона, верно, давно уже у себя в Пекине или где там ещё!

— Теперь это и возможно, если ты, господин, захочешь нам помочь.

— Я? Как же я помогу вам?

— Ты это можешь. Когда русские пойдут в Китай, возьми нас с собой. Просим тебя, возьми! Мы не будем даром есть ваш хлеб, мы принесём пользу.

Николай Иванович задумался.

— Не знаю, как это и сделать! — пожал плечами он.

— Мы хотели поступить в русские солдаты, но нам сказали, что если нас и возьмут, то оставят здесь, а в Китай на Пекин не пустят. Ты, господин, попроси командира. Он тебе

позволит взять нас.

— Хорошо, я попробую, но не ручаюсь, что получится.

Лица братьев расцвели от радости.

— Благодарим тебя, господин, только ты проси за нас получше... Поклонись ему за нас, а мы... мы будем служить так, что все будут довольны.

Мало надеялся Шатов на то, что просьба братьев будет исполнена, но всё-таки, встретив командира своей роты в офицерском собрании, передал ему их просьбу. Вопреки всяким ожиданиям, он не получил решительного отказа.

— Вы говорите, что на них можно положиться? — спросил капитан.

— О да, вполне!

— И ими в их желании руководит чувство мести за отца?

— Так во всяком случае они говорят.

— А каковы парни сами по себе?

— Насколько я мог заметить, очень способные, рассудительные... Они совсем не похожи на всех остальных китайцев, которых мы здесь видим. Уже само желание мстить — я

не сомневаюсь, что оно вполне искреннее, — показывает, что они не таковы, как все.

— Гм!.. Об этом можно подумать.

После этого разговор перешёл на интересовавшие всех события, и собеседники стали внимательно прислушиваться к громкому разговору в кучке их сотоварищей, окружавших какого-то старого отставного морского офицера.

— Трудно угадать, что только выйдет из всей этой заворотки! — заговорил старый седой моряк. — Представьте себе, я прекрасно помню шестидесятый год, когда совершилось нечто подобное тому, что может свершиться теперь. И знаете, что я вам скажу! Очувтившиеся в плену европейцы действительно пережили ужасы. Немногие остались в живых, и как зло надсмеялись тогда китайцы над требованием выдачи несчастных пленников! Они отвечали согласием и действительно выдали, но выдали-то их в гробах. Как вам это понравится? Некоторые были положены туда живыми. Солдаты, уже видавшие много смертей, плакали при виде этих несчастных.

— Но позвольте, Россия тогда не участвова-

ла в Пекинском походе.

Старый моряк улыбнулся.

— Русским посланником в Пекине был тогда умный человек — граф Игнатъев. Знаете ли вы, что только ему европейцы обязаны сравнительной лёгкостью, с которой они завладели тогда столицей Китая? Знаете ли, что если Пекин не подвергся тогда бомбардировке, то он — виновник этого? Это не то что теперь.

— Но как же это?

— Вот так! Во время всех ужасов наш посланник совершенно спокойно жил в своём доме, и китайцы не только его, но даже никого из русских пальцем не тронули. Напротив того, когда союзники подошли к Пекину, он явился к ним... вестником мира. Французы и англичане готовились бомбардировать красивейший в мире город. Разве им чего-нибудь жалко! Граф Игнатъев, явившись к ним, стал их отговаривать от этого неистовства. Его и слушать не хотели. Бомбардировка была решена, и решение подписано. Казалось, никакие силы, даже небесные, не в состоянии были предотвратить разрушение Пекина, но это

смог, благодаря своему уму и находчивости, сделать наш русский посол. Он рассказал союзникам, что в Пекине есть храм, построенный для албазинцев и их потомков, окитаившихся, но сохранивших в неприкосновенной чистоте свою религию — древнее, отеческое православие. При этом он предупредил, что если хоть один боевой снаряд попадёт в этот храм, то вся Сибирь сочтёт это оскорблением святыни, и нельзя будет удержать сибиряков-казаков от нападения всей их массы на союзные войска. Адмиралы перепугались. Сибирские казаки ведь не китайцы: с ними не так-то легко управиться. Взрыв религиозного фанатизма вызвать в них было бы небезопасно. Начали расспрашивать графа, в какой части Пекина находится эта церковь, обещая не пускать туда своих снарядов. Но граф опять нашёлся. Он рассказал, что церковь ветхая и может разрушиться от сотрясения воздуха при пушечных выстрелах. При этом он, конечно, пояснил, что казаки разбирать не будут, от каких причин разрушился храм, а все поставят на счёт европейцам и не замедлят расправиться с ними по-свойски. Как ни

кинъ — выходило всё клин. Адмиралы были в смущении, они не знали, что делать. Наш посол вызвался им помочь в их затруднении и вступил с китайцами в переговоры о сдаче Пекина. Те верить не хотели, чтобы он решился отправиться в город, полный враждебно настроенных азиатов, для которых никакой посол вовсе не был неприкосновенным. Граф только улыбался. В обыкновенном паланкине отправился он в забаррикадированный Пекин. В лагере союзников на него смотрели, как на обречённого на смерть, на живого покойника. Но наш посол знал китайцев. Он шёл смело и приказал носильщикам паланкина переходить баррикаду, не обращая внимания на укрывшихся за ней солдат. Те было схватились за своё допотопное оружие, но когда узнали, что это русский, встретили графа почтительно, как милого гостя. Без всякого затруднения, не встреченный даже выстрелом, добрался наш посол до советников бежавшего богдыхана и уговорил их войти в переговоры с европейцами. Так те и поступили, и мир скоро был заключён[29]. Так вот как действовал тогда русский посол. В благодар-

ность за оказанную им услугу китайское правительство утвердило Айгунский трактат; по нему переходило к ним всё Приамурье, о котором до тех пор шёл спор. Все остались довольны, а о русских китайцы сохранили самые добрые воспоминания — как о своих верных друзьях и защитниках против ненавистных им уже и тогда белых чертей... Вот, господа, что было... Дай Бог, чтоб и теперь то же вышло. Только вряд ли. Теперь новые птицы — новые песни. А жаль, если придётся воевать с китайцами.

— Почему же? — спросил кто-то. — Разве они такие серьёзные враги?

— Враги? В том-то и дело, что они никому врагами быть не могут. Хороший народ, трудолюбивый народ. Что там говорят об их лживости, нечестности всё это европейские провокационные выдумки. Если китайцы лживы, так это их высокопоставленные сановники, их мандарины, судьи их, власть имущие. А настоящий китаец всегда честен, гостеприимен, услужлив. Они любят русских, и вовсе нежелательно было бы нам восстанавливать их против себя. А что до того, чтобы поколо-

тить, так поколотим, потому что мы — русские и с нами Бог! Жаль и того, что нам придётся действовать теперь сообща с западными европейцами. Ох, видел я, что это за птицы! Они пойдут за нашей спиной, и все их неистовства будут отнесены китайцами на наш счёт. Вот что скверно!

— Ну уж вы очень строги к европейцам! — заметил кто-то из собрания.

Не строг, а справедлив! — ответил моряк. Что? Не читаете вы здесь разве газет и не знаете, что проделывают кичащиеся своей высшей культурой альбионцы в Южной Африке? Не хороши они? А ведь там какие ни на есть — белые. Что же они будут проделывать здесь, у китайцев, которых они считают хуже дикарей? Уму непостижимо! Но при всё этом заметьте, что все храбрые рыцари Европы пойдут за чужой спиной и воспользуются плодами всех её побед, оставив её ни с чем.

Вообще здесь, в Порт-Артуре, все были, от мала до велика, уверены в неизбежности войны.

Воинские части прибывали одна за другой. 12-й стрелковый сибирский полк был пере-

правлен сюда в полном составе. Командир его, полковник Анисимов, истинный «слуга Царю, отец солдатам», как говорили все, получил назначение командовать первым нашим отрядом, который! отправлялся на поле битвы. Ему подчинялись и казачьи сотни, и артиллерия. Все одобрили этот выбор — Анисимов действительно был известен как превосходный служака, человек дела, личной инициативы и храбрец, каких мало. Солдаты его любили и готовы были всюду следовать за ним. Когда он на учениях появлялся перед фронтом, их обычное «здравия желаем» звучало совсем иными, чем в прочих случаях, оттенками. Ласка и искренняя почтительность всегда слышались в нём.

Впрочем, все приготовления велись тихо, незаметно. Не было видно никакой особенной суматохи, обычно предшествующей сигналу к военным действиям. Чувствовалось только какое-то особое нравственное напряжение, нервность, но всё это сдерживалось, и все — и военные, и штатские — старались делать вид, будто ничего серьёзного впереди не предстоит.

Даже разговоры о событиях смолкли, но это не значило, чтобы были сердца, которые не бились бы тревогой. Грядущее виделось грозным и таинственным. Что крылось в нём — не знал никто. Но для всех было ясно, что дымившийся вулкан готов был запылать и излить мощные потоки лавы.

Нечего и говорить, что в этом случае кратером являлся Пекин, около которого собралось столько горючего материала.

Но все скрывали свои чувства, и жизнь в Порт-Артуре, за исключением вполне понятного оживления, внесённого прибытием новых воинских частей, текла своим обычным порядком.

Шатов все эти дни пребывал в необыкновенном волнении. Из Пекина приходили вести одна тревожней другой. Говорили, что там собрались бесчисленные скопища всякого сброда, готового на всевозможные бесчинства, что правительственные войска братаются с этим сбродом, против которого власти не предпринимают никаких мер, и как будто даже одобряют его выходки, оставляют их безнаказанными. Прошли слухи, что начались

уже избиения отдельных европейцев, что после разрушения боксёрами железнодорожных станций европейцам-инженерам, жившим по линии железной дороги, приходилось с оружием в руках отстаивать свою жизнь. Говорили о частых перестрелках, в особенности с «большими кулаками», как здесь, с английской лёгкой руки, стали называть и-хо-туанов; рассказывали об убийствах миссионеров в Бао-Дин-Фу, где некоторые из них были даже зверски замучены. Всё это способствовало общему возбуждению, но всё это скрывалось под маской искусственной беспечности.

— Куда только смотрят адмиралы! — говорили в порт-артурских кружках. — Разве трудно перебросить десанты к Таку? Оттуда по железной дороге всего полсуток езды до Пекина. Две-три сотни казаков, пехоту им на поддержку, вот и будет весь этот сброд разогнан... Только время упускают...

— Да что же поделать, если из Пекина никаких просьб о помощи нет?

— Может быть, там ослепли все? Не видят, что творится?

— Да, движение не шуточное! Это не то, что было прежде.

Николай Иванович прислушивался ко всем этим разговорам. Он уже успел выхлопотать себе назначение в передовой отряд Анисимова и знал, что если войска будут двинуты, он будет с ними. С этой стороны молодой человек был спокоен. Мучила его только одна неизвестность об участи семьи Кочеровых.

Но вот его томление наконец получило некоторое удовлетворение...

Однажды вечером, когда Шатов был в офицерском собрании, ему подали телеграмму. Он, то бледнея, то краснея, вскрыл её и впился глазами в её содержание. Лицо его вдруг окаменело, невольный стон вырвался из груди. Телеграмма была от Василия Ивановича Кочерова. И содержала следующее:

«Приезжай, пока ещё можно, немедленно! Елена пропала без вести»...

Листок выпал из рук молодого человека, он почувствовал, как дыхание спёрлось в груди; в глазах потемнело, голова пошла кругом. Он был близок к обмороку.

Товарищи встревожились.

— Шатов, что с вами? — окружили они его. — Какое известие вы получили?

Николай Иванович только жестом мог указать на телеграмму. Её подняли и прочитали.

— Да ведь это ваша невеста? Вот горе-то! — слышались соболезнования.

— Успокойтесь, Шагов, будьте мужчиной, полноте! Скоро мы все пойдём и выручим вашу невесту!

Тяжким усилием воли Николай Иванович овладел собой.

— Благодарю вас, господа! — довольно твёрдо сказал он. — Да, мы пойдём. Но найдём ли мы её?

— Найдём, найдём! — как-то, однако, неуверенно отвечали ему.

Всем было ясно, что пойти, прийти — это было одно дело, а найти пропавшую — совершенно другое.

Вдруг появление одного из офицеров, близких к контр-адмиралу Алексееву, начальнику Квантунской области, отвлекло общее внимание от Шатова. Все поняли, что это появление неспроста. Слишком много было работы, чтобы близкие к адмиралу сотрудники являлись

в такое время в офицерские кружки.

Сейчас неё бывшие в зале окружили бывшего, смотревшего на них как-то особенно.

— Есть новости? — заговорили разом десятки офицеров. — Что китайцы? Какие вести из Пекина?

— Погодите, господа, погодите... Дайте время!

— Да не томите! Вам-то всё известно.

— Сами завтра узнаете.

— Что? Что узнаем? Поход?

— Да, господа!

— На Пекин?

— Ну нет. Пока, может быть, обойдётся и без этого... До Пекина не дойдём...

— Да что же? Подробности...

— Какие же вам, господа, подробности? Впрочем, могу сообщить по секрету. Из Пекина пришло уведомление, что «роль послов там кончена и деятельность передаётся в руки адмиралов»... вот вам... Понимаете, что это значит?

— Наконец-то! Слава Богу! — раздались восклицания. — Стало быть, тугонько при-

шлось там нашим...

— Верно, не сладко... Впрочем, особой опасности для наших пекинцев нет и быть не может. В Тянь-Цзине английский адмирал Сеймур. С ним две тысячи европейских солдат. Правда — разных национальностей. Но всё-таки это внушительная сила для Китая...

— А наша роль?

— Сеймур пойдёт на Пекин, мы сменим его в Тянь-Цзине... Вот пока всё, что известно.

— Но поход несомненен?

— Да, полковник Анисимов поведёт первый эшелон нашего отряда.

Не из одной груди вырвался вздох зависти. Анисимов и сибирские стрелки казались всем счастливцами. Много накопилось богатырской силы за двадцать два года непрерывного мира. Для многих и очень многих война казалась не ужасным бедствием, а удалой потехой. Никто не думал об её ужасах, все видели только её парадную сторону. Каждому хотелось стать поскорее героем, показать молодецкую удасть; но особенно радовало всех, что кончилось томительное ожидание и туман будущего развеивался.

Долго не смолкало «ура!» в этот вечер. Шампанское лилось рекою, гости за русские победы возглашались один за другим. Даже Шатов и тот в сём кипучем оживлении почувствовал себя ободрённым; надежда возвращалась к нему. Он был уверен, что скоро, всего через какую-нибудь неделю, он уже будет в Пекине; а там он найдёт Лену, живую или мёртвую.

На другой день адмирал Алексеев поздравил отряд с походом после торжественного молебствия. В кратких выражениях он указал солдатам, чего требует от них долг, напомнил, что русские побеждали везде и всюду и, вместе с тем, всегда были милостивы к побеждённому. Но что более всего произвело на будущих бойцов впечатление — это напоминание адмирала, что они идут выручать своих, спасти православные храмы, которых не пощадили, как было уже известно в Порт-Артуре, изуверы.

— За веру, значит, идём!;— толковали солдатики. Ежели за веру, так и помереть не боюсь, потому что прямо в Царство Небесное попадёшь...

— Ишь ведь, что выдумали длинноносые! Православную церковь сжечь[30], храм, стало быть, осквернить... Ну, теперь держись только, разнесём!

— Да и думать нечего! Разнесём — как пить дать!..

— И своих в обиду не дадим...

— Известно, не дадим! Длинноносые тьфу! Какие это, можно сказать, враги? Зайцы трусливые и те их храбрее...

В первую голову в Тянь-Цзинь отправился эшелон под командой полковника Анисимова. Его составляли 12-й восточносибирский стрелковый полк с четырьмя полевыми орудиями, взвод сапёров и взвод казаков. Всего в отряде было две тысячи человек, и этих сил казалось вполне достаточно для борьбы с проснувшимся и расствирепевшим Драконом.

Да, более ничего не оставалось делать, как прибегнуть к силе русского оружия... Кровавый пожар разгорался со всё возрастающей силой. Волей-неволей приходилось тушить его всеми возможными средствами. А такие пожары тушатся не чем иным, как кровью...

После многих лет мира на долю русских

воинов выпадало труднейшее дело. Видно, им приходилось первыми выступить на борьбу с противником, помериться силами с которым им никогда ещё не удавалось. Им приходилось спасти «Европу в Китае», ту самую Европу, которая и вызвала этот ужасный пожар...

Смело, бодро, с полной надеждой на Бога, который никогда ещё не оставлял ни России, ни русских, пошли наши солдатики, эти бесстрашные сыны Руси святой, туда, куда звал их долг человеколюбия.

Пошли — с нами Бог!

XV ОКОНЧЕННАЯ РОЛЬ

Европейцы в Пекине, успокоившиеся было после прибытия десантов, вдруг снова почувствовали, что жизнь их висит на тончайшем волоске.

Что ни день, то приходили всё более и более ужасающие известия из окрестностей столицы Китая. Только и слышно было, что о зверствах, с какими убивали рассвирепевшие боксёры всех попадавшихся им в руки европейцев. Страсти полудикарей разнуздались. Они почувствовали свою силу, европейцы же в Пекине были столь малочисленны, что не смогли бы дать надлежащий отпор своим свирепым врагам, словно насмежавшимся над их бессилием.

Да, они действительно оказались бессильны!

Окрестности Пекина кишели боксёрами; в Бао-Дин-Фу произошли массовые неистовства. Бежавшие оттуда европейцы попали в руки боксёров и кончили жизнь в ужасных муках.

Затихло в Посольской улице Пекина обычное оживление. Никто более не думал о веселье. Будущее казалось всем ужасным — не могли же эти несколько сотен человек и думать о долгом сопротивлении десяткам тысяч расвирепевших изуверов, готовых на всё, чтобы только избавиться от белых дьяволов, столь им ненавистных.

Но европейцы всё ещё надеялись.

Надеялись они прежде всего на то обаяние, которое оказывали они дотоле на китайские массы, надеялись на скорую помощь. Да, пожалуй, и уверены были. Но только в скорой этой помощи и теплилась надежда на благополучный исход событий. Кое-кто хотел, забывая об опасности, выбраться из злополучного города, но, к счастью этих последних, сами китайцы постарались остановить их

безумное намерение.

22-го мая пришёл из Тянь-Цзиня в Пекин последний поезд по железной дороге. Затем сообщение стало невозможным; рельсовый путь был испорчен боксёрами, телеграф уничтожен, и все европейцы Пекина оказались отрезанными от остального мира.

Наступили дни ужаса.

— Нам остаётся только одно, — сказал на одном из совещаний дипломатического корпуса английский посол Макдональд М. К. Гирсу, — это занять Пекин войсками, хотя бы из Порт-Артура... Правительство Китая сразу отрезвилось бы...

Но это было легко сказать, а далеко не легко выполнить.

Китайское правительство бездействовало и безмолвствовало, словно ничего особенного не происходило ни в Пекине, ни вокруг него. Сношения между дипломатами и членами цунг-ли-яменя продолжались своим чередом. Мандарины и принцы были любезны, уговаривали европейцев сохранять спокойствие, так как всё происходящее — не что иное, как обычная вспышка буянов, которых усмирить

ничего не стоит; главное же, на чём настаивали советники богдыхана, это было то, чтобы европейцы не вызывали для своей охраны новых десантов: это-де произведёт такое впечатление на народ, что его невозможно будет удержать от насилия, и в этом случае правительство не может ручаться за безопасность даже самих представителей держав...

Но были у европейцев и друзья.

Директор русско-китайского банка Д. Д. Покатилов в качестве представителя интересов Восточно-Китайской железной дороги даже и в эти смутные дни имел частые беседы с председателем правления этой дороги, членом цунг-ли-яменя Сюй-Цзин-Ченом, сановником, близко знавшим Европу и Россию, и потому безусловным другом русских.

— Со дня на день возрастает движение против христиан и европейцев, говорил Сюй-Цзин-Чену в одной из бесед[31] господин Покатилов. — Между тем, против него правительство богдыхана не принимает никаких мер. Неужели они не замечают его? Такое ослепление прямо непонятно. Нельзя также думать, чтобы у правительства не хватало

сил справиться с этим движением — ведь оно вполне беспорядочное, бунтовщики действуют без всякого плана. У них нет также главы. Всё сводится к бесчинствам отдельных шаяек, производящих грабежи и насилия. Что стоит регулярным войскам рассеять эти шайки? Они распадутся при одной только вести о том, что на них идут солдаты.

Сюй-Цзин-Чен только грустно улыбался в ответ. По лицу его было видно, что он хотел бы говорить, но не осмеливался.

— Между тем, — продолжал Покатилов, — всякая медлительность в этом отношении гибельна для вашего же правительства. Каждое насилие над европейцами вызовет соответствующее возмездие. Во всяком случае, последствия могут быть очень серьёзные, а гнев Европы должен страшить Китай...

— Разве я не понимаю этого? — тихо, словно боясь, чтобы кто-либо не услышал его, заговорил Сюй-Цзин-Чен. — Да и не я один — принц Цин[32], председатель цунг-ли-яменя, лучше, чем кто-либо другой, сознает всю опасность происходящих событий и опасность именно для Китая. Неужели не ясно,

что о неспособности правительства справиться с движением не может быть и речи? Нет, правительство наше достаточно сильно, чтобы разом унять все волнения...

— Но чем же объяснить всё происходящее?

— Увы, приходится считаться с нежеланием высших правителей принять соответствующие меры...

— Как же так?

Сюй-Цзин-Чен пожал плечами.

— Нельзя не сознаться в том, что в настоящее время необыкновенно усилилась противная европейцам партия при дворе. Да, она очень сильна. Все наиболее высокопоставленные сановники принадлежат к ней. Оба канцлера Кан-Ий и Сюй-Тун, члены высшего совета Ци-Сю, Чжао-Шу-Цао, командир лучших маньчжурских войск Тун-Фу-Сян, а главное, отец наследника престола Туан[33] проникнуты глубочайшей ненавистью к европейцам. Они-то и убедили императрицу, что настало время освободить страну от пришельцев, и при этом все они убеждены, что это удастся совершенно легко... И они не одни. Их уверенность, их убеждения разделяет множество

высших сановников не только в Пекине, но и в провинциях... Народ же следует за ними и является слепым орудием выполнения их замыслов...

— Но тогда императрица должна немедленно удалить их от себя! Это покажет всем остальным, что высшее правительство не одобряет подобного движения, и последнее тогда само собой затихнет.

— Об этом и речи быть не может... Кто в состоянии убедить нашу императрицу, чтобы она не доверялась противникам европейцев? Нин не пользуется никаким влиянием. На него смотрят, как на изменника, как и на всех членов цунг-ли-яменя. Антихристиане уже грозят сжечь дворец Цина вместе с домами иностранцев и храмом христиан. Я и На-Тун тоже вызываем подозрения своей оппозицией противной партии. Единственный из государственных людей, пользующийся влиянием, канцлер Жун-Лу опасно болей и не принимает в делах никакого участия... Вот как сложились обстоятельства. Но Жун-Лу никогда не благоволил, как известно, к иностранцам — это так, но он, во всяком случае, не

ослеплён безумной ненавистью, какой охвачены вожаки антихристиан и сочувствующие их движению сановники. Он сознает невозможность изгнания европейцев и видит необходимость подавить народное волнение...

Само собой разумеется, что подобные беседы не могли действовать успокоительно, но и от них была польза... По крайней мере, рисовалось положение дел, и можно было составить представление о том, что ожидает европейцев в недалёком будущем.

Однако среди обитателей европейского квартала всё ещё было много оптимистов, просто не желавших признавать всего ужаса положения.

— Что мы сделали китайцам? — спрашивали они. — Ничего, кроме хорошего. Да и при том разве осмелится само правительство не прийти к нам на помощь? Вот, поглядите, оно для того и стянуло под Пекин лучшие свои войска, чтобы уничтожить все эти жалкие шайки бездомной голи!

Грозное опровержение ждало эти розовые взгляды.

По всему европейскому посёлку распространился слух, что войскам отдай тайный приказ не стрелять по боксёрам и вообще не вступать с ними в борьбу. Каждый ослушавшийся этого приказа объявляется изменником отечеству.

Рушилась ещё одна надежда! На помощь со стороны представителей высшей власти в стране нечего было и рассчитывать. Приходилось ждать прибытия европейских войск.

Но пока что «открытой игры» ещё не было. Правители Китая на случай неудачи всё ещё желали оставить себе лазейку. Из Пекина были посланы к Бао-Дин-Фу мандарины для убеждения боксёров разойтись по домам и вообще прекратить волнения...

Это было злой насмешкой над европейцами: посланные, один из которых был член высшего совета Чжао-Шу-Цао, были заклятыми врагами христиан и вообще иностранцев и сами принадлежали к сообществу «И-хо-туан». Ясно, к каким результатам должна была привести их миссия...

Таково было положение дел, когда из Порт-Артура была получена телеграмма от

адмирала Алексеева, что ввиду возможности совместного действия международных эскадр в Таку им отправлен туда адмирал Гильтебрандт на крейсере «Россия».

Это известие несколько ободрило приунывших европейцев.

Собственно говоря, до сих пор все их опасения относились к будущему. В настоящем же китайцы держали себя довольно покойно и даже не затрагивали европейцев, живших в отдалённых от посольств частях Пекина. Но разве кто-либо из европейцев *сегодня* мог поручиться за то, что будет *завтра*?

Пока даже доступ в Пекин был довольно свободен. Извне в него можно было ещё проникнуть. Боксёры же, как оказалось, уничтожив железнодорожный телеграф, не тронули правительственных проводов, и посланники могли ещё сноситься со своими правительствами.

А боксёры всё продолжали усиливаться. До европейцев доходили рассказы лиц, которым нельзя было не верить, что население сел и деревень с восторгом встречает их. Приход боксёров был там праздником. Накануне по-

явления их перед каждым домом выставлялись столы с угощением: чаем, хлебом и варёным просом, воскурялся жертвенный фимиам, и боксёры проходили по таким селениям, никого не обижая...

— Мы идём на отступников, объявляли они, — мы враждуем только с христианами. Духи вселились в нас и сделали нас неуязвимыми... Горе тем, кто не против них, и да пребудет мир с друзьями нашими...

Организовалось, таким образом, движение на религиозной почве. Суеверное донельзя население, присутствуя при «благочестивых упражнениях» и-хо-туанцев, когда на них «накатывал дух», всё более и более проникалось уверенностью в действительную неприкосновенность этих людей. Даже регулярные войска смотрели на них, как на людей не от мира сего.

Из Тянь-Цзиня вышел было по направлению к Пекину отряд лучших в Северном Китае войск генерала Нэ-Ши-Чена, при котором, между прочим, состоял наш полковник Воронов с несколькими гусарами. Но-Ши-Чен был один из генералов, не веривших в успех борь-

бы Китая против Европы. Пошёл он по собственному почину, и его солдаты перед выступлением зарезали нескольких чёрных собак, кровь которых, по их мнению, должна была обезопасить их против волшебства и-хотуанцев.

Известие о движении Но-Ши-Чена быстро достигло европейского квартала в Пекине. Сердца обитателей его снова забились надеждой.

— Теперь всё близко к концу! — предрекали оптимисты. — Против этих негодяев отправлены правительственные войска. Солдаты быстро разгонят и уничтожат шайки этого сброда!..

Японец Шива только мрачно улыбался, шевеля при этом как-то странно углами губ.

«Беспечные люди! — думал он. — Недалёковидные дети! Они не хотят открыть глаза на то, что пять лет изо дня в день подготавливается здесь. Пусть, пусть! Тем лучше! Тем больше козырей для нас в этой игре. Только одна Япония, моя великая Страна восходящего солнца, будет готова, когда настанет время... Китайцы усыпили их бдительность, но не на-

шу. Мы следили за каждым их шагом и готовы, не даром же, конечно, освободить их... Никто из них не успеет на помощь к этим беспечным, недальновидным людям. Придём мы, и Китай окажется в наших руках. То, что не дали нам совершить пять лет назад, совершим мы теперь!»

И картины одна красивее другой! рисовались в воображении мрачного японца. Ему представлялось, что японская армия, подоспев первой на помощь, вступает в Пекин, покорённый ею. Японцы одни. Европейские силы столь ничтожны, что даже не могут идти в счёт. Им, раз японцы утвердятся здесь, делать нечего. По праву победителя Япония будет господствовать в Китае. Она сольётся с этой богатейшей и великолепной страной, заключив с ней теснейший союз. Разве есть что-то несбыточное в этом? Это вполне возможно... А тогда — тогда Китай подчинится влиянию Японии. Он будет реформирован весь, и на Дальнем Востоке образуется величайшее государство, могущественнейшее среди всех в мире, и оно будет предписывать свои законы всей вселенной.

«Только бы не помешали нам русские. Они — единственные, кто может стать нам поперёк дороги», — думал Шива и при одной только этой мысли начинал скрежетать зубами.

Как и все японцы, после последней войны с Китаем, он ненавидел русских всеми силами своей души, считая их одних виновниками того, что война не принесла ожидаемых результатов. Но теперь он был уверен в полном успехе. И русские не подозревали о возможности всеобщего народного восстания против иностранцев. Одни лишь японцы были дальновидны и так организовали в Пекине шпионство, что им были в точности известны все замыслы китайских патриотов...

Действительно, шпионство организовано было в Китае японцами замечательно. Едва только начались беспорядки, как к Шиве стали являться японские офицеры, о пребывании которых в столице Китая никто и не подозревал... Одни из них жили здесь под видом торговцев, другие содержали цирюльни, третьи состояли в труппах бродячих актёров. Они жили среди народа и знали всё, что дела-

ется даже в тайных заседаниях высшего совета... Теперь их роль была кончена, следить было незачем, и они собирались вокруг своего начальника. Всё это были тихие, скромные люди, незаметно служившие своей родине и довольные уже тем, что их труды увенчались успехом.

Но были в Пекине и ещё люди, которые давно уже видели возможность ужасных беспорядков. Это были католические миссионеры. Много уже лет католическая пропаганда с успехом, казалось, действовала в Китае. Прозелитов отцы-миссионеры считали десятками тысяч. У них ведь обращение в христианство делалось просто. Попадался какой-нибудь негодяй, для которого и виселицы мало, и, чтобы избавиться от смерти, объявлял, что он — христианин. Сейчас же в тюрьму являлся святой отец, удостоверялся, что перед ним «овца римского стада». Начинались хлопоты, происки, где можно — пускался в ход подкуп, где нужно — не жалели угроз; и в конце концов добивались своего: вместо того, чтобы уничтожить негодяя, его отпускали на все четыре стороны даже без обычных в Китае пы-

ток, от которых там никто не застрахован, и рядом с ним за пустяшную вину казнили человека, у которого не было столь влиятельного защитника.

Попятно, с какой ненавистью относился народ к таким христианам. Но отцы-миссионеры принимали всех без разбора в свою паству. Качество новообращённых было для них не важно, им нужно было только количество, и им они могли всегда похвастать...

Не так действовали православные пастыри в Китае и там, где были православные церкви. Они никого не звали к себе, не старались во что бы то ни стало обратить кого-либо в православие. Даже тех, кто приходил сам, они допускали к крещению только после строжайшего испытания. Пропагандой православия никто из них не занимался, а скромно служил примером и образцом к тому, кто принял православную веру не из-за выгоды, а по глубокому внутреннему убеждению.

У католиков в Пекине были три больших собора: Бей-Тан — в северной части города, Душ-Тан в восточной и Нань-Тан — в южной. Первый из них оказался настоящей непри-

ступной крепостью, снабжённой громадным количеством оружия, боевых запасов и провианта. Католический епископ Пекина монсиньор Фавье оказался человеком предусмотрительным и заблаговременно приготовил всё к осаде.

Зато сам европейский квартал казался совершенно беззащитным. Единственным укреплением его являлась уверенность его обитателей в том, что никто из китайцев не осмелится даже приблизиться с враждебным намерением к жилищам европейцев. Укрепление не особенно падежное!

Пока не начались ещё открытые нападения, дипломатический корпус ежедневно собирался на совещания для обсуждения положения. Говорили горячо и красноречиво, каждый вопрос обсуждался всесторонне. Особенно с увлечением говорилось на тему о том, что ждёт Китай в будущем, когда подойдут европейские армии... Из красноречия, впрочем, мало выходило толка. Когда через цунг-ли-ямень было послано императрице Тце-Хси письмо с предложением принять меры к прекращению беспорядков и с указани-

ем на могущие произойти политические осложнения, последовал ответ, что письмо «принято к сведению», и только... Очевидно, всё дело ограничилось пустой формальностью, слишком при таком положении дела отдававшей злой иронией...

Но, несмотря на всё это, надежда не покидала никого из обитателей европейского квартала.

— Бояться нечего! — говорили там. Нэ-Ши-Чен разгонит бунтарей...

На императорские указы, которыми боксёрские действия одобрялись, мало обращали внимания. Ждали, что будет делать Нэ-Ши-Чен.

Наконец этот генерал подошёл к станции Ань-Тин и принялся разгонять боксёров, скапливавшихся там с очевидным намерением действовать одновременно и против европейцев в Пекине, и против Тянь-Цзиня.

— Ура! Победа! — ликовали в европейском квартале. — Кто будет теперь сомневаться в искренности правительства! Этих негодяев-боксёров стали разгонять и разгонять...

Что могло быть более убедительным? Те-

перь даже и пессимисты примолкли... Но, увы! Снова горькое разочарование ждало всех, кто только что так положился на правителей Китая... Нэ-Ши-Чен за свою победу над боксёрами получил строгий нагоняй, и ему приказано было убраться в место постоянной его стоянки — в местечко Лу-Тай, близ Тянь-Цзиня.

— Что же это такое? — заговорили окончательно теперь перепуганные дипломаты. — Чего хотят от нас китайцы?

— Разве это не ясно из того, что они проделали до сих пор? — ответил на один из таких, случайно обращённых к нему, вопросов японский капитан Аидо, недавно появившийся среди европейцев Посольской улицы.

— Чего же?

— Они хотят, чтобы все иностранцы оставили навсегда Китай.

— Зачем это им нужно?

— Они находят, что прежде, когда европейцев среди них не было, они жили более счастливо, чем теперь. Есть и другая причина. Не все из высокопоставленных людей Китая руководятся только одним этим соображением.

В высшем совете и в цунг-ли-ямене есть вполне просвещённые люди, вовсе не считающие, что прежнее их изолированное положение было хорошо...

— Тогда чего же они добиваются?

— Они, эти просвещённые китайцы, безусловные патриоты. Европейские захваты последних лет убедили их в том, что иностранцы решили разделить Китай между собой. Это убеждение заставило их примкнуть к партии противников европейцев. Они готовы на самые крайние меры, но никогда добровольно не подчинятся разделу.

— Что же нам делать? Ведь нельзя ждать, когда боксёры явятся и станут нас резать!

— Конечно, нельзя!.. Следует принять меры к самозащите, к защите женщин и детей... Ждать не нужно, пока настанет последний момент. Пока есть силы защищаться, надежды терять нечего...

Так могли говорить только японцы, давно уже готовые ко всему и, мало того, ждавшие этого ужасного взрыва, чтобы извлечь из него для себя пользу...

Смятение всё росло. Приходилось стра-

питься за женщин и детей. Теперь воочию было видно всё коварство китайских правителей, всё их вероломство. В довершение всего, они свою дерзость простёрли до того, что осмелились напустить боксёров на деревушку Дунь-О-Дунь, всё население которой было православное. Туан, очевидно, забылся. Успеха пока не было, но зато он видел, что все иностранцы Пекина были беззащитны. Русские не уходили. Стало быть, и они становились такими же врагами Китая, как и все остальные. Тогда забывшийся организатор кровавого дела осмелился бросить вызов и России. Боксёры явились в Дунь-О-Дунь. Началось избиение православных. Одним из первых погиб священник отец Митрофан Цзи, погиб смертью мученика... Это был природный китаец, но столь проникнутый верой, что принял смерть от рук своих озверевших соотечественников, не подумав даже, что отказом от православия он может спасти себе жизнь.

Вместе с отцом Цзи погибли в Дунь-О-Дуне катехизатор Павел Вань, учитель Иннокентий Фань, метеоролог Пётр Ли, типограф Ка-

питон Инь, все пономари, все певчие. Зверски убита была вместе со своими ученицами и призреваемыми в богадельне старшая учительница женской школы Ия Вень...

Эти имена навсегда останутся в истории православия как имена людей, непоколебимо верных своим убеждениям и принявших мученическую кончину, но не отказавшихся от них.

Православный храм, построенный с таким трудом, школа, богадельня, все жилища причта были разрушены и сожжены.

Думал ли преосвященный Флавиан[34], когда, будучи начальником пекинской духовной миссии, он с величайшим трудом создал православную общину, что её постигнет такая участь?..

Сожжением православного храма в Дунь-О-Дуне впервые были затронуты в Китае русские интересы. Ждать долее было нечего. 27-го мая русский посланник отправил в Петербург телеграмму, в которой доносил, что ввиду явного нежелания китайского правительства принять меры к прекращению беспорядков он признает роль свою здесь оконченной

и считает необходимым для восстановления спокойствия ввести в Пекин иностранный оккупационный отряд.

XVI ГОРЕ-СТРАТЕГ

Лазом не окинуть равнины. Всюду поля, заросли. Среди них голубой лептой извивается речка. Это — Пей-хо.

Берега речки низменны — почти вровень с водой. Кое-где заросли. Всё тихо; ни одной лодки не заметно на обыкновенно оживлённых волнах. Только как-то странно стаяй суется над рекой большие хищные птицы. Они то и дело опускаются к самой воде, садятся на что-то плывущее по ней и начинают клевать это «что-то».

Смрад идёт от реки; с чего бы? Да с того, что недаром вьются над ней хищники пернатые. Вон плывёт труп, другой, третий... много трупов... Как ужасен их вид! Посинелые, раз-

дутые, все они тихо-тихо качаются на спокойных волнах. Но отчего на каждом из них видны ужасные раны? У одного голова почти что отделена от туловища, у другого располосована грудь, третий! со вспоротым животом. Мелких ран на каждом и не сосчитать...

А недавно все эти несчастные были живы, наслаждались жизнью и не думали, что ужасный конец так близок.

Это были недавние служащие пекинской железной дороги. Неистовствующие боксёры начали своё дело разрушения. Под Пекином до Линь-Фо все станции разгромлены, рельсовый, путь уничтожен. Погибла работа многих лет. Обращены в ничто громадные затраты. Из служащих, кто мог, бежал, но — увы! — и в бегстве не было спасения. Беглецов хватали, прежде чем они успевали добраться до Пейхо, где рассчитывали спуститься вниз по течению на лодках или плотях. Кто попадался в руки, того убивали после страшных истязаний.

Станный народ китайцы!

Об их гостеприимстве, радушии, трудолюбии можно отозваться только с похвалой, но

тысячелетия, пережитые этим народом, выработали в нём какой-то особый взгляд на жизнь. Для китайца жизнь — ничто. Он смотрит на смерть, как на совершенно естественное жизненное явление: она должна прийти, а не всё ли равно, когда она придёт, рано или поздно?..

Но замечательнее всего то, что для китайца безразличен и сам рад смерти. Как умирать: на своей ли постели, под ножом ли палача, в страшных ли муках — ему всё равно, словно чувствительность китайского тела притуплена до последней степени. И при всём этом он так же хладнокровно смотрит на муки другого, как переносит их сам. Во время публичных пыток гримасы пытаемого вызывают искренний смех в зрителях. Когда палачу приходится отрубать головы нескольким из осуждённых, то каждый его ловкий удар вызывает самое искреннее одобрение тех, кто сейчас же должен подставить под него свою шею... Тут уже какая-то особенная психологическая черта — чисто китайская, вероятно, тоже наследие пережитых веков. И вот всех несчастных боксёры, прежде чем

убить, подвергали жесточайшим мучениям, выдумывали пытки, на которые только и способна необузданная фантазия азиата.

Несколько в сторону от Пей-хо раскинулся лагерь этих людей. Они бездействуют, будто ожидая чего-то.

Какие все, как на подбор, свирепые лица! Раскосые глаза, вдавшиеся в плечи головы, морщинистая жёлтая кожа, сутуловатость — производят отталкивающее впечатление. Между тем, народ всё молодой, крепкий, сильный. Вооружены они, чем попало и как попало. У большинства, впрочем, кривые ножи. Попадают старинные, чуть не кремнёвые ружья. У многих дубины, ломы. Больше всего длинных копий. Всё это — «носители духа», неуязвимые боксёры.

Одни сидят на корточках, устремив вдаль бессмысленный взор. Часть трудится над уничтожением рельсового пути: выворачивают из земли шпалы, разбивают рельсы. Ни звука не слышно между ними. Свою разрушительную работу они выполняют молча — словно священнодействуют.

В нескольких верстах от того места, где

скопились боксёры, громяхают колёса трёх длинных поездов, разогнанных насколько возможно быстрее машинистами.

Поезда битком набиты людьми. В первом из них преобладают красивые мундиры, слышна характерная английская речь. В этом поезде англичане и американцы. «Старшие и младшие братья» поместились вместе, обособились от всех остальных. Ещё бы! Недаром же англичане считают себя передовой нацией, а янки сами признают себя младшими братьями Джон Буля.

У них в поезде весело. Американцы успели прихватить порядочный запас виски. Алкоголь порядочно бодрит, и им так же, как и сынам Альбиона, тоже не промахнувшись по части хмельного, всякое море по колено.

За этим поездом другой. На нём царит безмолвие — тут только японцы. Они ни с кем не смешиваются, держатся совершенно обособленно, понимая, что белые европейские люди будут смотреть на них не иначе как свысока, а вовсе не как на себе подобных.

В третьем поезде полное вавилонское смешение языков. Французскую шансонетку со

скабрёзным рефреном покрывает собой тенор, поющий на звучном итальянском языке какую-то оперную арию. Тут же слышен нечистый немецкий говор. На этом поезде французы, итальянцы, австрийцы.

Все эти люди спешат на выручку попавших в Пекине в беду своих соотечественников. Это — та помощь, которую так страстно ждали очутившиеся во власти Дракона европейцы.

Но где же русские, которым должно бы идти чёрными, где, наконец, «честные Михели» — германцы? Отчего их нет среди воинов остальной Европы?

И они здесь, наши русачки.

Русско-германский поезд идёт довольно далеко от первых трёх. Запоздал он. Ему приходится нагонять ушедших вперёд товарищей.

Вся русская эскадра Тихого океана была к 28-му мая сосредоточена в устье Пей-хо, у китайской крепости Таку, от которой начиналась железная дорога на Тянь-Цзинь — Пекин.

28-го мая немедленно после того, как наш

посол Гире «признал свою роль в Пекине» оконченной, приказано было спустить на берег 200 человек десанта, принять орудия с «России» и «Сисоя Великого» — броненосцев, стоявших на рейде Таку, и отправляться в Тянь-Цзинь, где русский десант должен был войти в состав международного отряда, который, под командой английского вице-адмирала Сеймура, отправлялся на выручку европейцев в Пекин.

— Как я вам завидую! — говорил начальнику десанта доставивший с «Сисоя Великого» пушки лейтенант Бураков. Выпадает такая честь!

— Ну уж и честь! — ответил тот.

— А то как же, конечно! Вы идёте в первую голову...

— Чего же не хлопотали?

— Хлопотал, сильно хлопотал...

— И что же?

— Не пускают... Хорошо вам: через день много два будете в Пекине, освободите наших бедняг, застрывших там... Слава-то какая!

— Погодите, и на вашу долю останется!

— Нет, чувствую, что не придётся мне ни в

Тянь-Цзине, ни в Пекине побывать.

— Кончится, думаете?

— Конечно же! Ведь война не затянется, всё дело ограничится освобождением посольств и тех, кто ещё там есть. Только и всего.

Бедный молодой человек! Сбылось его роковое предчувствие, не пришлось ему побывать в Пекине, только не потому вовсе, что слишком скоро «всё» кончилось...

В тот же день десант был уже в Тянь-Цзине, где соединился с прибывшим туда несколько ранее отрядом, спущенным с «Корейца», «Дмитрия Донского», «Сисоя Великого» и «России». Всего русских оказалось триста человек. В Тянь-Цзине к ним присоединились немцы. Сеймура отряды не застали — он уже вышел из Тянь-Цзиня, и теперь пришлось его догонять.

Тесно было в поезде. Людей набилось столько, что маленькие китайские вагончики едва-едва вместили всех. Выходили из Тянь-Цзиня силой. Китайские железнодорожные рабочие не пускали к стрелкам. Пришлось прогнать их, а на паровоз поставить защиту.

Протрубили поход. С локомотива взвизгнул свисток, и поезд, громокая колёсами, тронулся в недалёкий, но опасный путь.

— Господи, благослови! — истово крестились солдатики. — Кому-то вернуться доведётся!

— Вернёмся!..

— Только бы поспеть да своих вызволить.

— Вызволим! Долго ли ехать? Почитай, завтра будем на месте.

— Хорошо бы так!

Поезд шёл по безлесной равнине. Скучная картина открывалась из окон, и в них никто не смотрел.

— Не совсем приятно, что приходится идти под начальством чужого! — говорили в офицерском отделении.

— Что же поделаешь? Сеймур старший в чине... Хитрецы эти англичане. Они везде так; где мало-мальски серьёзное дело, сейчас у них адмирал и начальствует всеми по старшинству. Предусмотрительный народ!

— Вот как-то он здесь себя покажет?

— На чём же ему показывать?

— Как на чём? Да разве шуточное это де-

ло — без дозволения правительства явиться в столицу громадной страны только с двумя тысячами людей и устроить в ней мирные порядки?

— Но ведь этого никто Сеймуру не поручал.

— Так он и сам знает, что делать. К тому же у него есть на этот счёт, вероятно, свои собственные соображения.

Да, они, эти «собственные соображения», несомненно, были у английского моряка-дипломата, когда он рискнул на этот безумный поход жалких единиц против многих десятков тысяч. Всё ставилось на карту, не только жизнь этих так покорно следовавших за Сеймуром людей, но и тех, кого он шёл спасать, не только престиж Англии, но даже престиж всей Европы, даже будущая удача в рискованном деле. Ведь понимал же этот англичанин, что малейшая неудача ободрительно повлияла бы на всех китайцев, они увидели бы воочию всё бессилие Европы, так долго державшей их в страхе перед собой и вдруг оказавшейся бы бессильной перед жалким отрядом вооружённых копьями, кремнёвыми ружья-

ми да ножами дикарей. Но гордый лорд, несмотря ни на что, рискнул. Слишком уж лакомой приманкой показался ему Пекин. Стоило только попасть туда с вооружённой склон, так никто бы в мире не выгнал оттуда англичан; ни китайцы, ни европейцы. Столица Китая стала бы их городом, раз над нею взвился бы английский флаг. Понадеялся же Сеймур на то, что военный престиж Англии стоит слишком высоко в Китае. Ведь знал он, что даже такие могущественные государства Европы, как Франция, начинали трепетать, когда британский Лев стучал своим мечом. А тут жалкий Китай!.. Да как он, китайский Дракон, смеет не испугаться, когда к нему явится посланник всемогущего британского Льва?.. Испугается, конечно же, испугается, падёт в страхе ниц и будет смиренно просить пощады...

Думал ли гордый лорд, что британскому Льву придётся трусливо поджать хвост, так как китайский Дракон даст ему внушительного пипка, доказав, что этот пресловутый Лев храбр только тогда, когда его противниками являются беззащитные женщины и де-

ти, как это он воочию подтвердил в Южной Африке, где с позорной трусостью бегал так, что сверкали пятки, перед мужчинами, которых было в десять раз меньше, чем его наёмных слуг, и победоносно громил фермы, где оставались лишь беззащитные женщины?

Нет, вероятно, лорд Сеймур ничего не думал такого, иначе он не пошёл бы на безумный риск. Он, безусловно, был уверен в своей удаче...

Мерно гремят колёса вагона, «кляк, кляк, кляк» отбивают, подпрыгивая на стыках рельс. Унылый ландшафт, однообразный донельзя, мелькает в окно купе, где лорд погрузился в радужные мечты. Как далеко он унёсся в них! Он уже видит в мечтах, что ликующий английский народ громко называет его превзошедшим славу героя Трафальгара — великого Нельсона. Ведь это он лорд Сеймур — вплёл в английскую корону новую драгоценную деталь, жемчужину — великолепную страну Неба. Да, она принадлежит Великобритании, её подданные хозяйничают в ней. А есть с чем похозяйничать. Страна грандиозно богата, народа в ней — как песка на

дне морском. И как вовремя он успел окончательно подчинить её своей родине!.. Индия, когда-то такая же богатая, теперь истощена вконец. Она давно уже обратилась в вышелушенную дочиста скорлупу. От неё поживиться нечем, но теперь можно быть спокойным. Он, Сеймур, подарил Великобритании Китай, из которого можно выжимать соки гораздо дольше, чем из Индии... Он, всё он!

Вдруг раздалось шипение тормоза Вестингаузена. Поезд сразу замер на месте.

Гордый лорд от внезапного толчка качнулся вперёд и ударился в стенку высоким лбом.

Раздался звон шпор... Это в купе адмирала явился его адъютант.

Сеймур, не оправившийся ещё от неожиданности, стоял посреди купе, держась рукой за ушибленное место. Он ничего ещё не мог пока сообразить.

— Кто смел остановить поезд без моего приказа?! — закричал он. — Вперёд!

— Сэр! — с невозмутимостью обратился адъютант. — Имею честь доложить вам, что это совершенно невозможно...

— Это почему? Разве я не приказывал?

— Путь дальше испорчен...

— Ах, да, да! Путь испорчен, — озираясь во круг, бормотал лорд и вдруг закричал в порыве гнева: — Но кто это смел сделать? Сейчас же расстрелять негодяев, расстрелять всех до одного!

Увы, он позабыл, что «негодяев» следовало сперва поймать...

— Я прошу вас, сэра, — предложил адъютант, — лично убедиться в неисправности пути и отдать свои приказания.

— Распоряжения? Да! Хорошо! Сейчас!

С радужных облаков грёз гордому лорду пришлось упасть в холодную вонючую лужу... Бедный лорд!

Он надел свою адмиральскую шляпу, оправил мундир и с неприступно-гордым видом вышел из вагона. Путь был действительно испорчен, но не очень сильно. Очевидно, боксёры не успели закончить свою разрушительную работу. Никого из них не было видно. А что были они здесь ещё совсем недавно, на это указывали свежие следы бесчисленного скопища людей.

Из вагонов повыскакивали офицеры и сол-

даты. Слышался говор на всех европейских языках. Осматривали повреждения пути и высказывали замечания. Но при виде адмирала все умолкли.

Сеймур окинул взглядом путь и вдруг, словно осенённый наитием свыше, вдохновенно воскликнул, подымая к небесам указательный перст:

— Чинить!

Американцы взглянули с удивлением, между французами пронёсся смех.

— Ну если так, то мы не очень скоро будем в Пекине! — послышалось замечание.

— Н-да!.. Пока мы будем чинить путь здесь, там китайцы так починят наших, что нам и делать будет нечего!

Однако послушаться начальника не посмели. Началась починка. Видно было, что над уничтожением рельсов работали неумелые руки. Особенно сильной порчи не было. Рельсы оказались разворочены, но не убраны; шпалы пытались сжечь, но те успели только обгореть. Работали весело, и наконец путь был поправлен.

Снова разместились в вагоны, поезда тро-

нулись далее.

Двигались медленно. Машинисты вели первый поезд с большой опаской, зорко глядя вперёд.

У Ян-Цуна, большой станции, вправо от неё, что-то белело. Пригляделись — это был китайский лагерь. Поднялась было тревога. Солдаты схватились за ружья, стали примыкать штыки. Однако в китайском лагере всё было спокойно. Никто там не шевельнулся даже, когда проходили поезда с европейцами. В вагонах все просто диву давались. Скоро загадка объяснилась... Лагерь, мимо которого проходили поезда, был занят войсками Нэ-Ши-Чена!

— Не стоило тревожиться! — начались разговоры. — Это — «наш»!

Действительно, храбрый китайский полководец не имел ни малейшего желания ратоборствовать с европейцами. Незадолго до выхода Сеймура из Тянь-Цзиня он через полковника Воронова просил германского и других консулов оказать ему покровительство, если он впадёт в немилость, когда не исполнит распоряжения своих начальников об отступ-

лении. Конечно, недостатка в обещаниях не было, и генерал спокойно пропустил мимо своего лагеря освободителей. Мало того, из окон вагонов у самого полотна видны были трупы боксёров, перебитых его солдатами.

До Ян-Цуна поезда добрались благополучно. Но зато после этой станции картины резко изменились. Телеграфных столбов вдоль пути уже не было. Они были спилены и унесены вместе с проволокой далеко в сторону. Здесь, похоже, работали уже опытные люди. Повреждения пути становились всё серьезнее, поездам приходилось останавливаться всё чаще. И каждый раз отдавалось Сеймуром приказание:

— Чинить!

Когда наступила ночь, еле-еле добрались до станции Линь-Фо.

Хвалёное слово впрок не пошло.

Сеймур категорически заявил, что эту ночь[35] он проведёт в Пекине. Истинно вышло по пословице: «Не хвались, едучи на рать»...

XVII НЕУДАЧА

Транна мальчишеская самоуверенность серьезных, казалось бы, людей в таких делах, когда речь идёт о жизни и смерти...

Ничего не могло быть легкомысленнее. «Умные» европейские люди, эти величайшие стратеги на бумаге и в тиши своих кабинетов, словно целью себе поставили не спасти тех, кто с страстным нетерпением ожидал их в Пекине, а самим себе устроить ловушку.

Все десанты были налегке, запасы провизии взяты были с собой ничтожные — на двое, на трое суток, и то на последний срок захватили только те, кто был подальновиднее. Не один провиант был в «умалении». Самонадеянность Сеймура оказалась так велика, что,

отправляясь вглубь возмущившейся страны, он боевые запасы захватил также в ничтожном количестве — всего по 200—250 штук на человека.

Не было обоза, не было лошадей. Вторжение в охваченную пламенем народного возмущения страну казалось Сеймуру какой-то увеселительной поездкой. О сухопутном походе он и не думал. Стоило сесть храбрым воинам в поезд, машинисту дать свисток и открыть регулятор, чтобы всем освободителем очутиться в Пекине. Ну, там могут быть кое-какие повреждения пути, так на этот случай захвачены были мастера и материалы. Исправить замеченные повреждения можно быстро. Не взяли с собой ни карт, даже железнодорожных, ни людей, которые были бы знакомы с местностью. Зачем всё это?.. Освободители были уверены, что — самое позднее — через сутки они будут в хорошем помещении пекинских миссий, и потому решительно ничего не желали предусматривать.

И вот, вместо ночёвки в Пекине, им пришлось застрять около уничтоженной боксёрами, забытой Богом железнодорожной стан-

ции.

Однако счастье не совсем отвернулось от этих горе-воителей... Именно в эту ночь, когда они уже начинали понимать весь ужас положения, в которое поставив их Сеймур, соединительный отряд догнал поезд с русскими чудо-богатырями. Теперь «освободители» воспряли духом. Раз прибыли русские — все они могли быть уверены, что, по крайней мере, «честь оружия» будет сохранена...

Громкими «ура», полными восторга и надежды на благополучный исход освободительной экспедиции, встречены были русские солдаты, когда они вышли из вагонов. Слово само мужество явилось в лице их. На немцев обращали меньше внимания, хотя по численности они были вторыми в отряде[36]. Русских окружили со всех сторон. Французы и американцы стремились пожимать им руки, называя их славными боевыми товарищами. Даже англичане и те изменили своему обычному равнодушию и восторженно приветствовали русаков.

Ещё бы! Ведь это были первые воины в мире, умевшие только побеждать или умирать.

В них был залог дальнейшего успеха.

У Сеймура собрался военный совет. Были голоса за возвращение обратно, но одержало верх мнение продолжать путь.

— Ясно, что хотели остановить нас на полпути! — говорили на этом совете. — Не так же безумны китайцы, чтобы в самом деле испортить весь рельсовый путь вплоть до Пекина... Немного погодя мы найдём неповреждённые рельсы и завершим движение без всяких препятствий.

Однако опыт показал, что наугад действовать не приходится. Даже русские согласились с тем, что их родимые «авось, небось да как-нибудь», так часто их выводившие из труднейших положений, могут не беспокоиться приходить им на помощь.

Послана была английская рота на разведку. Вот вернулись разведчики и доложили, что за этой станцией на большом расстоянии даже и следа нет рельсового пути. Рельсы и шпалы были не только сорваны, но и убраны.

— Всё равно! — воскликнул расхрабренный после прибытия русских чудо-богатырей Сеймур. — Мы не отступим до тех пор, по-

ка можно будет пройти, хотя шаг вперёд! На нас смотрит вся Европа.

Спорить не стали.

Сейчас же отправили вперёд рабочих — русских, которые должны были но возможности исправить путь. Ночь и день продолжалась работа, живая, дружная. На безлюдной равнине так и звенела молодецкая русская песня. С ней работа кипела. Поезда могли двигаться, и 31-го мая они дошли до станции Лонг-Фанг, предпоследней от Пекина.

До столицы Китая было рукой подать — оставалось 30 вёрст...

Теперь уже никто в освободительном отряде не сомневался, что он скоро, очень скоро будет в Пекине и вырвет попавших в западню людей, напрасно томившихся там в мучительном ожидании.

— Только бы дойти! Только бы успеть вовремя! — толковали в русском отряде.

— Успеем! Тридцать вёрст — плёвое дело.

— Не помешали бы китайцы...

— Куда им! Их нигде не видно... И духу их не слышно...

В самом деле, станция Лонг-Фанг была ра-

зорена до основания. Камня не было там оставлено на камне. Водокачалка была не только разрушена, но и засыпана. Начинал чувствоваться недостаток воды для паровозов. Окрестности станции казались вымершими. Деревни все были оставлены жителями. Ни души кругом...

Китайцы, казалось, оставляли освободительный отряд в покое... До сих пор не было ещё не только ни одной стычки с боксёрами, но даже никто их в глаза не видел.

— Куда это подевались кулачёнки-то! — смеялись русские солдатики.

— Ещё бы! Прослышали, что мы пришли, ну, конечно, и дали дёру поскорее!

Дурные примеры заразительны.

И наши простодушные молодцы стали хвастаться по примеру своих европейских товарищей по отряду.

Но если они и похвастались, то и на деле они вскоре же смогли доказать, что их хвастовство не пустой звук...

На станции Линь-Фо, когда поезда отбыли от неё, был оставлен небольшой английский караул при одном, орудии.

Главные силы отряда были ещё у Лонг-Фанга, когда у Линь-Фо появились 2000 боксёров и окружили со всех сторон ничтожную горсточку людей. Боксёры бесновались, делали свои заклинания, придававшие им «неуязвимость», и затем кинулись на крошечный отряд. Казалось, гибель была неизбежной. По сравнению с ним боксёров было так много, что эти последние могли перехватать своих противников голыми руками. Это выражение нужно понимать буквально. Боксёры, напавшие на караул, не имели никакого оружия, по крайней мере, огнестрельного. Но они верили в свою неуязвимость и лезли на англичан, не обращая внимания на сыпавшиеся на них пули и картечь, опустошавшие их ряды. Наступало решительное мгновение. Англичане готовились к смерти. Боксёры торжествовали свою первую победу. Для них не было никакого сомнения в победе — в первой победе над европейцами, которых они дотоле считали неуязвимыми. Вдруг в пылу начинавшегося рукопашного боя вспыхнуло где-то совсем недалеко от сражавшихся могучее русское «ура!». Неуязвимые «и-хо-туане» вздрогнули

и смешались. «Ура!» всё близилось и близилось. Показались бежавшие со штыками наперевес солдаты.

— Русские! Русские идут! Бегите, мы пропали! — поднялся отчаянный крик среди нападавших.

Куда девалась их храбрость! Забыта была уверенность в неуязвимости... Двухтысячная толпа рассеялась во все стороны, поддавшись паническому ужасу при одной только мысли об открытом столкновении с русскими. Через несколько минут их и следов не осталось на голой равнине, окружавшей Линь-Фо...

Выручил злополучных англичан десант с «России», прибежавший сюда под начальством лейтенанта Заботкина, едва только в Лонг-Фанг дошли вести о тяжёлом положении английского отряда.

Это была первая стычка европейских войск с боксёрами.

Не объявленная ни с одной стороны война тем не менее началась...

Защитники Китая рассчитывали, что, испортив путь, они не допустят освободительный отряд до Пекина, но с прибытием рус-

ских их надежды рухнули. Соединённый европейский отряд не только не отступал, но непрерывно двигался всё вперёд и вперёд.

Тогда-то китайцы решили начать открытую борьбу и не пустить европейцев в Пекин вооружённой силой.

С этих пор начались непрерывные, хотя и незначительные стычки с боксёрами. Впереди освободительного отряда высылались небольшие партии для рекогносцировок. По случайности или нет, или партии всегда выделялись из русского отряда. Они шли на несколько миль впереди. Довольно большие партии боксёров, теперь уже вооружённых, то и дело появлялись перед ними, но нападать на русских не осмеливались. Если же они решались на подобную дерзость, то достаточно было одного только могучего «ура!», чтобы заставить их удирать без оглядки куда глаза глядят...

Неизвестно, что было бы, если бы впереди отряда шли не маши солдаты, а какие-нибудь другие... Вряд ли бы им так легко удалось заставить боксёров показывать тыл...

Но как бы то ни было, враги постоянно да-

вали знать отряду, что они близко и бодрствуют. Зарево пожаров по обеим сторонам горизонта постоянно показывало, что китайцы не дремлют...

Однако во всех этих стычках до сих пор ничего серьёзного не было... Освободительный отряд продвигался вперёд, хотя и очень медленно.

Теперь европейцам приходилось страдать не на шутку. Днём стояла невыносимая жара. Солнце так и палило почти отвесными лучами. Люди изнемогали от жажды, а утолять её было нечем: воды хватало только на удовлетворение самых насущных потребностей, провиант тоже истощался, положение становилось критическим.

Всё-таки кое-как продвигались вперёд. К четвёртому июня отрядом пройдены были версты четыре.

— Всё ближе к Пекину! — слышались разговоры в кучках солдат.

— Чего там дорогу-то чинить! Эти тридцать вёрст давно бы и пешком прошли. Только время теряем даром...

— Прошли бы! Так нас и пустили бы!

— А то как же! Ведь до сих пор препятствий не было. Скомандовали, так и пошли бы. А если бы стали не пускать — на штыках пробились бы. Небось пропустили бы... за милую душу!

В самом деле, вместо того, чтобы с решительной смелостью кинуться на китайцев, ошеломить их неожиданностью удара, заставить расступиться, Сеймур топтался с отрядом на месте, чинил путь и всё это в то время, когда освободители были менее чем на полдня пешего хода от своей цели.

А все признаки указывали на то, что решительное движение непременно увенчалось бы полным успехом.

Из Пекина несколько раз приходили к Сеймуру от послов вести. Письма с ними доставлялись в отряд с китайцами-перебежчиками. Сперва получены были уведомления о том, что столицу защищает прекрасно организованная армия, которая готова оказать европейцам упорное сопротивление; потом указывались слабые пункты, приступ которых мог бы быть удачен, и, наконец, было получено известие, что чем ближе подходил отряд к

столице, тем всё более пугались его приближения правители Китая, и испуг этот был так велик, что императрица Тце-Хси и весь двор собирались даже бежать из Пекина.

Казалось бы, и раздумывать тут было нечего. Следовало бросить поезда и рискнуть пойти вперёд, но Сеймур оставался на месте. После всех совершенных им глупостей он не решался на шаг, который, если бы в крайнем случае и не удался, всё-таки покрыл бы его имя славой.

В ночь на четвёртое июня, в ту самую ночь, когда, по сведениям из Пекина, был назначен отъезд двора из столицы, русский разведочный отряд возвращался к главным силам из рекогносцировки. Были моряки с «Наварина» и «Корнилова». Шли они назад с важными известиями. Им довелось узнать, что от Пекина идёт на освободительный отряд десяти тысячный китайский корпус и на этот раз уже правительственных войск. Это известие было чрезвычайно важно. Оно показывало, что правительство Китая решилось дать европейцам отпор. Положение, таким образом, весьма осложнялось.

Русские подходили тихо. В темноте они увидели, что у паровозов шевелятся люди. Остановились и прислушались. Ветер донёс обрывки слов.

— Да это наши там! — пронеслось по отряду.

Ошибки не было, доносился русский говор. Подошли. Действительно, у паровозов были русские Моряки, наливали котлы водой. Не успели, однако, подойти, как с того места, где были англичане, грянул залп, и в русских ударил свинцовый дождь.

— Это что такое? Не стреляйте! Свои! — закричали русские офицеры.

Но их не расслышали, или не захотели слышать. Новый залп!.. В небольшом русском отряде семеро матросов тихо опустились на землю. Послышались хрипение умирающих, стон раненых. По рядам остальных пронёсся сдержанный ропот, в котором так и слышался гнев.

— Своих бьют! — закричали солдаты, беря без команды ружья наперевес.

— Смирно! — раздалась команда офицера, и раздалась она вовремя.

По команде вооружённый взвод отошёл в сторону. Моряки иначе бросились бы в штыки на невидимого в темноте неожиданного врага.

Между тем в отряде поднялась суматоха. Барабаны били тревогу, слышалась команда «к оружию!». Догадались наконец осветить местность электрическими фонарями. Тогда ошибка разъяснилась. Англичане объяснили, что они приняли подходивший отряд за китайцев.

Были у русских тяжело раненные. Один из матросов получил четыре пулевые раны в плечо, так что ему пришлось отпять руку. Другой, кинувшийся на платформу, где находились англичане, получил удар штыком, несмотря на то, что кричал им:

— Русс, русс!

Это ужасно разобидело молодца.

— Ваше благородие, — горько жаловался он офицеру, — нетто так делают? Воюем вместе, союзно, а они штыком! Я кричу им: «Русс, дескать, русс», а они всё жарят. Так не можно! Вы им скажите, ваше благородие!

Положим, у страха глаза велики, но эти

ошибки Джон Булей стоили русским двух товарищей убитыми и пятерых ранеными.

Следующий день продолжали топтаться на месте — ни взад, ни вперед. Да теперь вперед-то и идти уже нельзя было. Со всех сторон подходили китайские войска. Это уже были не жалкие банды боксёров, а стройные, обученные военному делу европейскими инструкторами полки, прекрасно вооружённые. Были все три рода оружия: пехота, конница и артиллерия. Само собой разумеется, что не могло быть и речи о миролюбивых намерениях. С трёх сторон они раскинулись цепью, а с четвертой из леска выезжала кавалерия — эскадрон за эскадроном. Загремели выстрелы, живое кольцо начало стягиваться вокруг освободительного отряда.

— Русские, вперед, в цепь! — раздалась команда. — Стрелять в цепи залпами.

Словно по мановению волшебной палочки выскользнула вперед русская рота и раскинулась веером впереди паровозов. В это же время четыре батальона китайской пехоты пришли в движение.

— Они нас обходят! — раздались в освобо-

дительном отряде восклицания. — Нельзя допускать их...

— Vorwärts! Вперёд! — скомандовал немецкий офицер, и неуклюжие Михели стройно, как на параде, пошли на китайцев.

В то же самое время русские резервы, построившись в каре, отбивали атаку китайской конницы, бешено наседавшей на своих противников.

Началось правильное сражение, первое с начала ужасных событий.

Залпы русской цепи были так энергичны, что загнали наступавшую китайскую пехоту в лес; немцы прервали обходное движение и тоже погнали китайцев. Отбитая кавалерия рассеялась и более не смела подступаться. Китайцы засели в лесу и открыли оттуда по освободительному отряду адский огонь. Целый свинцовый дождь сыпался на храбрецов. Положение было опасное. Пока китайцы не пристрелялись, их выстрелы особенного вреда не причиняли. Они сыпали пулями, но ведь и шальные пули несли смерть. Решено было выбить их из леса и прогнать. Сеймур отдал приказание начать общую атаку. С

громким «ура!» кинулись русские чудо-богатыри со штыками наперевес вперед. Японцы и немцы не отставали от них. Англичане выказали всё своё благоразумие и держались очень осторожно, предоставляя русским и немцам прогнать китайцев и только поддерживая их, где было не так опасно.

Благодаря беззаветной удали наших солдатиков и храбрости немцев атака удалась. Китайцы не выдержали натиска. Русское «ура!», казалось, гипнотизировало их. Едва слышав его раскаты, они бросали оружие и пускались в бегство беспорядочными толпами, оставляя на месте убитых и раненых. Поле битвы осталось за союзниками. В первом же сражении китайские правительственные войска были разбиты наголову.

Более пятисот китайских трупов осталось на поле битвы. Трофеями победителей были одно орудие и два знамени, по которым узнали, что сражавшиеся против союзников войска принадлежали к императорской гвардии.

Вся честь победы несомненно принадлежит русским и немцам. Отличились также японцы, французы, американцы и австрий-

цы. Все они показали себя в бою с прекрасной стороны, и если бы Сеймур повёл их на Пекин, оставив починку пути, то, без сомнения, они были бы уже в городе.

Англичане, конечно, последовали бы за ними...

Русским это дело обошлось в 12 человек убитыми, в числе которых был один офицер, и в 45 раненых[37]. Общее командование русским отрядом принадлежало начальнику десанта капитану 2-го ранга Чагину.

Победа над китайцами была полная. Но положение союзников по-прежнему оставалось отчаянным. Китайцы, правда, были разогнаны с поля битвы, но освободительный отряд был отрезан и от Тянь-Цзиня, и от Пекина. Китайские войска окружили его со всех сторон. Между тем, пищевые запасы истощались, патронов оставалось всё меньше. Явились раненые, которых не на чём было везти — не было ни повозок, ни лошадей. Не на чем было везти и пушки.

В таком положении Сеймур созвал военный совет.

— Мы не можем сделать ни шагу впе-

рёд, — объявил он. — Поэтому мы должны пойти назад.

Конечно же, он был прав! Назад всё-таки была кое-какая надежда прийти, а вперёд... время было упущено, китайцы осмелели и теперь уже не пропустили бы союзников в Пекин.

Решено было возвратиться в Тянь-Цзинь.

— Удастся ли только туда-то вернуться? — слышалось в отрядах. — Как бы не погибнуть всем на пути!..

Нехорошо было на душе и у офицеров, и у солдат. Вместо славы освободителей им пришлось покрывать себя позором отступления... Отступления — перед кем? Перед неприятелем, которого в Европе принимали за столь ничтожного, что даже не находили нужным считать его за неприятеля.

Та беспечность, с которой Сеймур повёл подчинённый ему отряд на столицу крупнейшего в мире государства, как нельзя лучше доказывала это... Прежде чем пускаться в поход, он должен был узнать, что под Пекином собрано 50 тысяч гвардии и 40 тысяч маньчжур, кроме бесчисленных скопищ бок-

сёров. А он пошёл, даже не обеспечив себе тыл, даже без средств передвижения на случай, если бы отряду пришлось бросить поезда. Он был главным начальником освободительного отряда, он должен был позаботиться обо всём, по возможности предусмотреть каждую случайность. Ничего этого не видно в данном случае, и вся ответственность в постигшей освободительный отряд неудаче должна пасть ни на кого другого, как на Сеймура.

Всякая деликатность в отношении его излишня. Имея такой прекрасный боевой материал, как русские солдаты, немцы, японцы, французы, не говоря уже об итальянцах и австрийцах, он не сделал ничего в пользу предпринятого дела и, напротив того, воочию показал китайцам бессилие европейцев.

Утром 6-го июня бросили поезда, весь багаж и пошли к Пей-хо, чтобы спуститься по течению этой реки в Тянь-Цзинь.

Бедные иностранцы в Пекине! Они в это время с минуты на минуту ждали своих освободителей...

В первый день отступавшие союзники

прошли немного. Заночевали в открытом поле под охраной часовых. Раненые, орудия, остатки провизии были размещены в четырёх найденных на Пей-хо барках. Отряд шёл берегом по ту и другую стороны реки. Что это был за путь! Китайские солдаты наседали и на отступавших. Они осмелели до неслыханной ещё дерзости: европейцы, в которых они видели своих жертв, уходили от них. Прежнее почтение, прежний страх исчезли. Союзники ста саженой пути не делали спокойно. То и дело приходилось штыками отбрасывать наседавших гвардейцев богдыхана. Орудийный и ружейный огонь не прерывался ни на минуту. Словно ад какой-то стоял вокруг. Спереди по измученным людям била шрапнель, сзади громыхали залпы, справа то и дело жужжали гранаты, слева трещали ружья. Гром орудий, треск выстрелов, крики китайских солдат, заунывные звуки рожков — всё это сливалось вместе. Только атаки несколько заставляли смолкнуть этот хаос. Посылали, заметив батарею, роту-две в обход и с двух сторон кидались на врага. Не было примера, чтобы китайцы выдерживали такие штыко-

вые атаки. Едва раздавалось «ура!», они бросали ружья, даже пушки, и ударялись в беспорядочное бегство. Но только что удавалось прогнать одних, наседали Другие. Пришлось даже побросать тележки с патронами, но орудия оставить врагам союзники не смогли — духа не хватило.

Между тем баржи переполнялись ранеными. Люди в отряде были утомлены до последней степени. Только страх за жизнь заставлял позабыть про усталость. Шли всё-таки быстро, и вдруг 9-го июня горсти этих людей пришлось с ужасом убедиться, что идти дальше некуда. Ни вперёд, ни назад нельзя было сделать ни шагу. Китайцев, Одних только регулярных солдат, не считая боксёров, собралось 30 тысяч человек. Маленький европейский отряд был окружён со всех сторон. На обоих берегах Пей-хо видны были несколько ниже по течению грозные форты: два на правом берегу и один — на левом. Форты казались неприступными твердынями. Со стен их глядели жерла шестидюймовых пушек. Обойти эти укрепления нечего было и думать. Пришлось бы бросить раненых, число которых

достигало уже двухсот. Даже англичане не осмелились сделать этого. Миновать форты вниз по течению значило бы идти на верную смерть: перекрёстный огонь моментально уничтожил бы всякое судно, да у европейцев их и не было... На четырёх барках даже раненые помещались с великим трудом. Положение было безвыходное; приуныли даже русские молодцы...

Видно, смерть пришла, ребята! — говорили солдаты, с тоской поглядывая на ничтожное количество оставшихся в сумках патронов.

— Эх, помирать-то что! А вот чистых рубах с собой не захватили. Это — беда... Как в грязном умрёшь?..

— Последний заряд для себя береги! — наставляли молодых солдат старослужащие. Живыми, братцы, в руки не давайтесь — замучают!..

— Да ладно, не дадимся!.. Убьют, так убьют. На всё Божья воля...

Среди европейцев шёл разговор о том, что все правила военного искусства предписывают отрядам, попавшим в подобное положение, сдаваться на милость победителя... И сда-

лись бы эти горе-вояки, если бы против них были не китайцы! Тут о «милости победителя» мечтать не приходилось: пленников ждали страшные муки — это было всем известно...

Китайские генералы ясно видели, что европейцам от них не уйти. Живое кольцо сдавливало союзный отряд всё более и более. Китайские батареи и форты начали огонь шрапнелью по жалкой горсточке измученных людей. Но китайские артиллеристы были не из важных. Снаряды редко разрывались в рядах союзников. Одни из них не долетали, другие перелетали. Тогда китайцы сами пошли в атаку. Упорство их было беспримерное. Пять раз кидались они на союзников, но те успевали отбивать нападения. Тем не менее, конец был близок: люди изнемогали...

Подошла ночь. Непроглядный мрак окутал землю, укрыв и союзников, и китайцев. Последние были так уверены, что врагам уйти некуда, что прекратили свои атаки.

У Сеймура происходил военный совет. Говорили о том, как спастись. Многие видели перед собой одно только — смерть.

Наконец принято было решение, решение отчаянное... Умирать так или иначе всё равно приходилось, но перед смертью решили сделать ещё одну попытку, отчаянную, казавшуюся большинству просто невозможной: взять штурмом форты на берегах Пей-хо... Это было уже отчаяние обречённых на смерть.

Обсуждение этого вопроса вызвало споры. Форты представлялись неприступными.

— А всё-таки их нужно взять! — высказал своё мнение один из русских.

— Это невозможно!

— Если нужно, всё возможно. Форты необходимо взять, и мы их возьмём!

Твёрдость, с которой высказано было это, повлияла на окончательное решение.

Смелость города берёт!

В два часа ночи очень тихо союзный отряд двинулся вперёд. Китайцы никак не могли ожидать этого движения и прозевали противников. Незаметно подошли европейцы к фортам. Две роты русских моряков были рассыпаны в цепь. Начался штурм, и к пяти часам утра оба ближайших форта были взяты, а гарнизоны их перебиты[38].

Прежде чем китайские генералы опомнились, европейцы засели в фортах, и теперь их уже нужно было выбивать отсюда.

Положение, впрочем, изменилось мало. Только роковая минута была отсрочена. Гибель же всё-таки казалась так или иначе неизбежной. Ведь союзный отряд был окружён более чем 40 тысячами китайцев...

XVIII БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

а тов почувствовал, что у него на душе стало легче, когда он очутился на вокзале железной дороги в Тянь-Цзине, куда прибыл 30-го мая восточносибирский стрелковый полк с сапёрами, казаками и полевыми орудиями.

Морское ли путешествие, постоянное ли пребывание на людях или же ожидание близкой опасности благотворно повлияли на него — этого он не знал. Только тревога его не была так ощутительна, как в тот день, когда он получил роковую телеграмму. Мысли о Лене не выходили у него из головы, но он относился к случившемуся уже с большим спокойствием.

Кругом товарищи только и говорили, что о

предстоящей кампании. Никто не думал об опасностях, все мечтали только о славе. Морской переход, а затем путь от крепости Таку до Тянь-Цзиня прошёл незаметно. Ничто не напоминало до этого города о начале войны. В Таку их беспрепятственно допустили сойти на берег и сесть в вагоны на железнодорожной станции Тонг-Ку; поезд шёл с обычной скоростью. Но едва только отряд полковника Анисимова очутился на вокзале железной дороги в Тянь-Цзине, картина резко изменилась.

Железная дорога из Таку на Пекин идёт до станции Ян-Цун по левому берегу Пей-хо, и вокзал в Тянь-Цзине отделён от самого города рекой. Тянь-Цзинь находится на правом берегу чуть выше по течению, чем вокзал.

Собственно говоря, он состоит из трёх городов. Посередине крепости — внутренний город, защищённый глинобитными стенами в четыре сажени высоты и глубоким водяным рвом. Севернее крепости — китайский город, а на юг от него — европейские концессии. Под Тянь-Цзинем расположены два больших арсенала, которые, в свою очередь, являются

сильными крепостями. Третий арсенал — Сичу, главный из всех, находится в пяти верстах выше Тянь-Цзиня на Пей-хо.

В нём и засел Сеймур с отрядом.

С первого взгляда, брошенного на Тянь-Цзинь, полковник Анисимов, явившийся старшим из офицеров всего небольшого отряда союзников, определил, что с теми ничтожными силами, какие были у него, ничего другого делать не приходится, как только укрепиться на железнодорожном вокзале и защищаться там, если последуют нападения.

Весь русский отряд расположился на вокзале в его полуразрушенных зданиях. Тут же было несколько десятков французских и немецких солдат, оставленных Сеймуром на всякий случай для охраны станции.

Сейчас же между всеми союзниками установились самые дружественные отношения. Общая опасность соединяла их и примиряла всякую вражду даже между французами и немцами.

Русские быстро освоились на новом месте — словно они тут всю жизнь провели.

В урочный час барабан пробил зарю, по-

том — на молитву. И солдатики, выставив караулы, завалились на боковую.

Шатов не мог уснуть, хотя чувствовал себя сильно уставшим. Он вышел на платформу. Вечер после жаркого дня был тихий, прохладный. С Пей-хо веяло свежестью. Вокруг вокзала было всё тихо, но из самого Тянь-Цзиня доносились крики и шум.

Вдруг, словно из-под земли, выросли перед ним две человеческие фигуры. Появление их было так неожиданно, что Николай Иванович слегка вскрикнул, но, быстро оправившись, схватился за эфес сабли.

— Господин! — раздался тихий шёпот. — Мы пришли к тебе!..

Николай Иванович сейчас же узнал по голосу Чи-Бо-Юя. Спутником же его не мог быть никто иной, как его брат Тянь-Хо-Фу.

Ещё в Порт-Артуре Шатов знал, что обоим китайцам, благодаря его просьбе, удалось пристроиться к отправлявшемуся в Тянь-Цзинь полку стрелков, но после этого он не видел их и даже успел забыть о них. Теперь братья стояли перед ним.

— Вы ко мне? С чем? — спросил Шагов.

— Пришли проститься с тобой...

— Как проститься! Разве вы уходите?

— Да, господин...

— Куда же?

— Туда! — указал Чи-Бо-Юй в сторону Тянь-Цзиня.

Николай Иванович удивился.

— Это что же значит? — воскликнул он. Вы хотите изменить русским?

Чи-Бо-Юй покачал головой.

— Нет, мы не изменники!

— Зачем же вы тогда уходите?

— Так нужно!

— Но вас не пропустят. Разве вы не знаете, что кругом расставлены пикеты?..

— Мы имеем пропуск... Не сердись, господин, на нас и не считай нас неблагодарными. Но уйти мы должны. Кровь нашего отца требует отмщения.

— Если бы вы остались с русскими, ваша месть была бы вернее...

— Нет... Мы должны спешить, вам же не удастся скоро дойти гуда, куда нужно нам. Мы идём в Пекин! — пояснил Чи-Бо-Юй.

— В Пекин? Зачем?

— Там наш враг. Там, может быть, сестра наша Уинг-Ти. Потом у нас есть поручение туда от начальника... серьёзное поручение. Вот мы и идём. Если у тебя есть знакомые в Пекине и ты хочешь передать им от себя весть, поручи нам, и мы исполним всё, что будет приказано тобой.

Яркая мысль мелькнула у Николая Ивановича. Он теперь знал, что эти два парня идут в Пекин неспроста. Вероятно, они вызвались доставить туда какое-нибудь сообщение к запертым там европейцам. Иначе им не дали бы пропуск. Если это так, то, стало быть, они легко могут найти дорогих ему стариков и, может быть, Елену.

— Вот что, — сказал он, — если вы будете в Пекине, найдите там русское семейство Кочеровых и постарайтесь защитить их от опасности, пока наши войска не войдут туда. Это всё, что я хочу от вас. Я не останусь в долгу перед вами.

— Будет сделано, господин! — тихо ответили братья и скрылись во мраке ночи.

Раскинувшийся по обоим берегам Пей-хо Тянь-Цзинь хранил томительно-грозное мол-

чание. Пей-хо в этом месте не шире Фонтанки в Петербурге. На левом берегу реки склады, а на правом — военная школа, так называемая «немецкая». Школу окружает густой тенистый сад, опоясанный валом. Немецкие учителя китайцев, постарались. Они словно, предусматривали события, предвидели, что Китаю предстоит борьба с европейцами, и постарались везде, где только можно, понастроить укреплений. Школа была преобразована ими в маленькую крепость и даже обнесена высоким земляным валом. Германские «умники» в своей кичливой гордости никак не думали, что все эти форты, эти крепости они возводят против самих же себя и что их же солдатам придётся грудью в открытом бою брать построенные ими по всем правилам науки сооружения.

Дальше по правому берегу был европейский город, а рядом со школой — китайский, потом вокзал и депо локомотивов, а затем второй китайский город. Из школы и из китайского города шла непрерывная стрельба по европейской части Тянь-Цзиня.

В день прибытия русского отряда китайцы

Тянь-Цзиня открыто не выказывали ещё вражды к европейцам: Не было ещё никаких распоряжений из Пекина, и тянь-цзиньские власти не осмеливались сами напасть на своих исконных врагов. Но едва только отряд Сеймура вышел на Пекин, глухое волнение началось в обоих китайских городах и прежде всего передалось в военную школу, где, словно в крепости, засели вооружённые лучшим европейским оружием её воспитанники, усиленные ещё небольшим пока отрядом регулярных войск, составлявших китайский гарнизон Тянь-Цзиня.

Прибытие русского отряда Анисимова несказанно удивило китайцев.

— Русские пришли! — толковали они. — Неужели они собираются воевать с нами? Ведь мы никогда не вели с ними войн и не хотим нарушать эту традицию.

— Но зато они хотят воевать против нас!

— Напрасно! Китай никогда не был врагом России.

Однако наш русский отряд допущен был без сопротивления. Китайцы только посмеивались над ничтожной горстью русских и бы-

ли уверены, что смогут истребить их всех до одного, лишь только будут получены о том приказания из Пекина.

Тихо-тихо в русском отряде. Ночь. Снят русские воины, но тревожен их сон. Все начеку. Каждую минуту может быть тревога. Знают все — и офицеры, и солдаты, — что им предстоит тяжёлый подвиг. Они шли сюда в полной уверенности встретить пустяшного врага каких-то жалких боксёров, вооружённых чуть ли не луками со стрелами. Никто не сомневался, что скопища их разбегутся при первой стычке. И что же? Вместо жалкого сброда даже не бунтовщиков, а просто заурядных нарушителей порядка пришлось маленькому отряду стать лицом к лицу с грозным врагом, с профессиональными солдатами, вымуштрованными такими опытными учителями, как германские инструкторы. Но никто из этих беззаветно преданных своему долгу людей, простых сердцем, не мудрствующих лукаво, не думает об отступлении, не думает об ужасной опасности. Все твёрдо надеются на Божью помощь и готовятся до конца исполнить свой долг...

Спят герои, но нет времени для сна их командиру. Полковник Анисимов не смыкает глаз. Он больше, чем кто другой в отряде, понимает всю опасность положения, но лицо его даже весело, с губ не сходит улыбка. Ничто не страшит его: он — русский! Нет времени ему ни для отдыха, ни для сна. То и дело слышен стук копыт, или возглас:

— А где полковник?

Это являются с донесениями уже высланные на разведки казачьи разъезды. Молодцы-сибиряки необыкновенно быстро освоились со своим положением, с местностью, и, едва отряд стал лагерем, уже начали рыскать в окрестностях Тянь-Цзиня. Сведения, которые приносили они, все были необыкновенно ценны. Трудно было себе представить, как им удавалось добывать их в стране, языка которой никто из них не понимал; сказывалась необыкновенная русская смётка, необыкновенное умение русских людей принаравливаться ко всяким обстоятельствам.

Вот два казака на всём скаку остановили коней у помещения, занятого штабом отряда. Остановили так, что кони присели на задние

ноги.

— Тише вы, дьяволы этакие! — слышалось из темноты. — Ишь угорелые!

— Чего лаешься!.. К полковнику! — громким шёпотом последовал ответ.

— С чем ещё?

— Из разъезда! Вести есть!..

— Так идите к адъютанту. Их благородие не спит ещё...

Спустя минуту оба казака уже были у начальника отряда.

— Что скажете, молодцы? — спрашивает тот, окидывая взглядом прибывших.

Вид их далеко не привлекателен. Ясно сразу, что молодцы успели побывать в переделке. Они запыхались, так быстро пришлось примчаться сюда. Шинели их в полном беспорядке; у одного пола разорвана пополам, у другого вместо мундира какие-то лохмотья. Лица перепачканы грязью.

— Из разъезда, ваше благородие... с донесением.

— А, хорошо. Что же?

— Китайцы идут... Видимо-невидимо китайцев... Только это не ихние солдаты, потому

что без всякого оружия, а ежели у кого оно и есть, так самое ледащее, ничего не стоящее...

— Очевидно, боксёры! — замечает один из офицеров.

— Во-во, ваше благородие! Они самые и есть! — даже с какой-то радостью воскликнул один из казаков. — Все оголтелые какие-то! С флагами они. Мы было на них нарвались... как это они не догадались нас сцапать — уже и понять не можно...

По лицам казаков расплываются улыбки, будто они вспомнили нечто очень смешное.

— Уж простите, ваше благородие! — говорит один из них, вдруг потупясь.

— Простить за что?..

— Мы там кое-кого из них малость повредили... Зачем они на нас лезли, коли войны меж нами нет? Должны же мы были острастку им дать...

— Напали они на вас, что ли?

— Так точно!.. Мы, значит, разъезжаем самым смирным манером, а вдруг их откуда ни возьмись, боксёров этих самых, более чем полёта, пожалуй, охватили нас, лопочут что-то по-своему, а сами всё норовят с коней нас стя-

нуть. Мы видим, дело плохо... Сперва этак ласково их — нагайкой то есть... одного, другого... не помогает... Не помогает! Не хотели, а пришлось повредить... Ничего, слава Богу! Отбились всё-таки!

Просто всё было в рассказе молодца. Он и сам не думал, что на первых же порах пришлось ему с товарищем совершить подвиг, на который вряд ли способен какой-либо другой солдат в мире. Оба они были действительно окружены толпой боксёров, намерения которых, очевидно, были враждебны. Молодцы поняли это и сперва «ласково» пустили в ход нагайки. Не подействовала эта ласка. Не долго думая, они с обнажёнными шашками кинулись на боксёров сами, гикая и крича «ура!». Это было вовсе не отступление, а нападение. Сама дерзость его подействовала на китайцев, не ожидавших ничего подобного. Они словно окаменели; когда же увидали, что двое или трое из них грохнулись с разрубленными головами, вдруг в паническом ужасе кинулись врассыпную. Казаки, не долго думая, ударились их преследовать, но вовремя заметили, что на подкрепление к их против-

никам бегут не десятки, а сотни китайцев, повернули коней и были таковы. Им было смешно такое проявление совершенно непонятной им трусости, и ни тот, ни другой не придавали ни малейшего значения своему подвигу.

— Спасибо, молодцы! — услышали они благодарность начальника. — Как фамилии?

— Зинченко! Васюхнов! Рады стараться! — воскликнули те.

— Да, это донесение очень важно! — заметил командующий отрядом, отпустив незаметных героев. — Нам нужно подготовиться ко всему... Но хуже всего эта полная неопределённость положения. Буквально не знаешь, с кем имеешь дело... Придётся выжидать; если нас не тронут, то нам и ввязываться нечего...

Появления боксёров в Тянь-Цзине долго ждать не пришлось. Около полуночи на 7-е июня скопища их с зажжёнными фонарями в руках вступили в китайский город.

Разом прежняя, хоть и грозная, но всё-таки тишина сменилась отчаянным шумом. Крики в течение нескольких часов не умолкали ни на минуту. Просто рёв какой-то доносился из

китайского Тянь-Цзиня до русских.

В европейском городе воцарился ужас. Население его теряло голову. Предвидя предстоящие неистовства, семьи европейцев стали готовиться к выезду из Тянь-Цзиня, но как раз в это время было получено известие, что от Пекина к этому городу идут правительственные войска.

С великой радостью встречена была эта весть. Явилась надежда, что всё уладится, что солдаты богдыхана разгонят скопища боксёров... За чем же иным и было посылать императору свою гвардию?..

На боксёров смотрели только как на грабителей, разбойников, которые рады смуте, чтобы поживиться за счёт мирных жителей.

Боксёры стали скапливаться в Тянь-Цзине с первого июня, как сказано выше. Странно они вели себя! Оружие их действительно было «ледащее»: широкий плоский нож за поясом да длинное копьё с грубым, самодельной работы наконечником. Стрелки Анисимова только посмеивались над ними...

Не успели Зинченко и Васюхнов добраться до того места, где расположилась на стоянку

казачья сотня, как вдруг раздался барабанный бой — мелкий, заунывный.

В одно мгновение весь полк был на ногах. Сна как не бывало. Стрелки поспешно расхватывали составленные в козлы ружья, офицеры суетливо выстраивали солдат в шеренги, а барабан всё трещал и трещал.

— Форменная тревога! Ну, братцы, кажись, дело будет! — пронеслось по рядам стрелков.

— Как пришли, так и за работу... Глядите-ка, братцы, что это такое?

Действительно, к выстроившимся стрелкам приближалось более чем странное шествие. До двух тысяч китайцев шли на наших, словно готовясь раздавить их своей массой, смести их со своего пути...

У каждого из наступавших был в руках зажжённый фонарь.

— Чего это они? — дивились солдаты. — Или думают, что нам темно целиться будет? Небось, не промахнёмся...

— Вот они, боксёры-то каковы... Ну уж и народ!.. Э! глядите-ка, стали!

Не доходя немного до стрелков, наступавшие действительно остановились, храня гроз-

ное молчание. Не было сомнения, что они сейчас бросятся в драку.

— Целься! — раздалась команда.

Ружья в руках солдат брякнули, и грозно ощетилившиеся шеренги были готовы встретить свинцовым ураганом наступавших изуверов.

А китайцы, между тем, подняв указательные пальцы на уровень глаз, поводили ими в разные стороны, громко выкрикивая таинственные заклинания, предписываемые ими их верованиями. Они воображали, что этого будет вполне достаточно для полного уничтожения неприятеля. Конечно, роты стрелков продолжали стоять, как ни в чём не бывало.

Когда, по мнению боксёров, все силы небесные были созваны их заклинаниями, фанатики медленно двинулись вперёд.

— Рота!.. Пли! — пронеслась по рядам стрелков тихая команда.

Грянул залп, другой, третий.

Боксёры валялись целыми рядами. Но это не действовало на оставшихся. Они по телам своих товарищей, хотя и очень медленно, но наступали.

Залпы следовали за залпами. Каждая пуля находила себе жертву. По самому поверхностному счёту больше пяти сотен фанатиков было положено на месте. Только тогда остальные несколько образумились. Под градом пуль оставшиеся в живых подобрали раненых и тела убитых и поспешили уйти[39], оставив стрелков в полном недоумении...

— Да зачем же тогда они и подходили-то? — поражались солдаты. — Или им жизнь надоела? Вот так война!..

Они не поверили бы ни за что, если бы им рассказать в то время, что эти их первые враги отказались принять от своего правительства огнестрельное и холодное оружие, — так они были уверены в том, что сами силы небесные охраняют их. Даже вид смерти на поле битвы не пугал никого из этих фанатиков. Чего им было бояться, когда у каждого из них за красным кушаком хранилось «божественное удостоверение» в том, что если кто-либо из них будет убит на поле сражения, то через семь дней непременно воскреснет...

Главари «И-хо-туана» чрезвычайно ловко воспользовались фанатизмом массы. У них

даже на случай невыполнения «божественного удостоверения» оставлена была лазейка. «Воскресения» через семь дней не следовали, и тогда объявлялось, что такой «невоскресший» в чём-либо преступил правила секты и Бог отвернулся от него...

Но так думали одни только и-хо-туанцы. Стрелкам скоро пришлось иметь дело с врагами уже серьёзными. К Тянь-Цзиню явились регулярные войска...

XIX ШТУРМ ТАКУ

С его в сорока пяти верстах от Тянь-Цзиня в самом устье Пей-хо стояла крепость Таку [40], оплот Срединного Китая, главная защита столицы Небесной империи Пекина.

Природа и германские инженеры словно соревновались друг с другом в стремлении сделать Таку во что бы то ни стало неприступным. Устье Пей-хо очень мелко. Только речные суда могут проникать в него. Морским же судам ближе, как на несколько вёрст, и не подойти к берегу, защищённому бесчисленными отмелями. Подойти же к самой крепости, которую они могли бы разгромить из орудий, им невозможно, и только с суши можно было взять этот «ключ» Пекина.

А о том, чтобы это не случилось, позаботились европейские инженеры. Шесть фортов, из которых каждый сильнейшая крепость, устроены по обоим берегам Пей-хо. Четыре из них на южном берегу, два на северном. Все они сооружены из белой глины, обнесены валами в 1—4 сажени высоты, с настолько крутыми откосами, что взобраться на них можно, только произведя предварительно обвалы. Вокруг валов глубокие, полные воды рвы. Все форты вооружены пушками. Китайское правительство своими заказами дало много барыша Круп ну, и его завод постарался доставить орудия, вполне совершенные, новейших образцов. Китайцы же не поскупились, и на некоторых из фортов Таку было до 30 орудий, не считая уже тех, которые по своему типу устарели для нашего времени. В свою очередь, инженеры укрыли орудия в каземате, так что они все были в безопасности от артиллерийского огня атакующего флота.

Китайцы не даром были уверены в полной неприступности Таку. Тому, кто захотел бы овладеть им вооружённой силой, нужно было взять сразу все форты, а не один какой-ни-

будь из них. Таким образом, для овладения крепостью приходилось произвести одновременно шесть отдельных штурмов, а на это вряд ли у кого-либо из главнокомандующих хватило бы энергии.

Что такое эта крепость, лучше всего доказывается тем, что европейцы трижды уже — в 1858, 1859, 1860 годах — штурмовали её и только в последний раз смогли её взять. А тогда к Таку ещё не приложили свои познания лучшие из военных инженеров Германии.

И вот об этой неприступной крепости 2-го июня шёл спор среди адмиралов: английского, германского, русского, французского, японского и командиров судов других наций, стоявших на якоре в Печилийском заливе в нескольких верстах от устья Пей-хо. Проходил решительный совет, собранный на борту русского крейсера «Россия», под председательством русского адмирала Гильтебрандта.

Краснощёкий Брисс, заместивший Сеймура, сухощавый живой француз Куржоль, важный Бендеман, германский адмирал, величаво спокойный Яков Аполлонович Гильтебрандт, явившийся сюда по распоряжению

начальника Квантунской области Алексеева, все заняты были решением чрезвычайно трудного вопроса, едва ли когда выпадавшего на долю даже самого высокого чина моря ков.

До сих пор не было в истории всех времён примера, чтобы вопрос об открытии военных действий решался кем-либо, кроме правительств заинтересованных государств. Это право всегда и везде принадлежало и принадлежит одной только высшей власти, и присвоившие его себе отдельные личности признавались или сумасшедшими, или пиратами, но теперь всякая медлительность казалась собравшимся начальникам эскадр прямо пагубной, и они обсуждали ни более ни менее вопрос об ультиматуме, который было предположено отправить к коменданту Таку.

Этого, по их мнению, требовало общее положение дел. Вся огромная страна была охвачена народным движением против европейцев. В разных местах шайки боксёров производили уже неистовства над своими соотечественниками-христианами, причём пострадали уже двое европейских миссионеров.

Регулярные китайские войска явились и

заняли Таку; ожидалось, что за ними придут и остальные, так что весь путь до Пекина будет преграждён, и туда придётся пробиваться не иначе как силой. О Сеймуре, отправившемся в Пекин, не было ни слуха ни духа. Дошёл ли он со своим отрядом или застрял на пути, живы ли десанты или перебиты — ничего не было известно. Об участи послов и европейских обитателей Пекина приходили ужаснейшие вести. Сообщали перебежчики-китайцы, что все европейцы в Пекине перебиты, что их перед смертью ещё живых одних варили в котлах, других поджаривали, что дамы, оставшиеся в Пекине, подверглись невозможным насилиям. Создались уже легенды о «кровавой пекинской бане». Английские газеты, печатали их на своих столбцах, выдавая за страшную уже свершившуюся действительность. После этого уверениям китайских посланников в Европе и высших сановников в провинциях, что все европейцы живы, здоровы, невредимы, перестали верить. Оставалось не рассуждать, а действовать.

Кому же иному, как не представителю Рос-

сии, было показать пример решительности?..

И Я. А. Гильтебрандт остался на высоте своего призвания. Он был за отправку ультиматума командиру Таку. С ним спорили. Указывали на то, что если Таку не будет сдан, то его придётся взять силой, а так как в крепости находились правительственные войска, то это равнялось бы формальному объявлению войны Китаю; говорилось также, что силы союзников ничтожны для штурма первоклассной крепости, так как близко к Таку могут подойти только миноноски да ещё мелко-сидящие канонерские лодки, что, наконец, с военных судов нет возможности спустить сильные десанты. Короче, начались разногласия, которые приходилось вице-адмиралу Я. А. Гильтебрандту примирять... И это удавалось ему только в силу необычайного обаяния, которое он производил на окружающих, вследствие его спокойной правдивости и ясности движений его чистой души. Трудна и ответственна была его работа как руководителя совета союзных адмиралов, который являлся в самые тяжёлые дни единственным коллективным представителем союзных дер-

жав в Китае...

Наконец ему удалось убедить всех участников совета, кроме американского адмирала, который впредь до получения распоряжений от своего правительства отказался от всякого участия в затевавшемся деле.

Ультиматум был составлен точно, ясно, определённно. Им предписывалось коменданту Таку сдать крепость. На размышление давалось время только до 2 часов ночи на 3-е июня. Если к этому моменту он не сдаст крепость, то союзники объявили, что возьмут её силой... Этот ультиматум был подписан всеми адмиралами. Только упрямый американец продолжал упорствовать в своём намерении начинать военные действия против Китая не по своему желанию, а не иначе как по распоряжению своего высшего правительства.

Ультиматум был передан командиру мореходной канонерской лодки «Бобр» капитану первого ранга Кириллу Романовичу Добровольскому для отсылки его вице-королю в Тянь-Цзинь и командиру Таку.

Соединённая эскадра стояла на рейде. В

устье же Пей-хо находились канонерские лодки: русская «Бобр», французская «Lion» и немецкая «litis» — в Тонг-Ку, станции железной дороги, идущей на Тянь-Цзинь — Пекин; русские «Кореец» и «Гиляк» между Тонг-Ку и Таку и английская «Algerin» в Таку. Кроме того, были ещё английские миноносцы-истребители «Whiting» и «Fame», и на якорю стоял германский пароход «Knivsberg», на котором нашли себе приют множество беглецов: бельгийцы с их семьями и крещёные китайцы.

Были ещё два судна: японское «Atago» и американское «Moposasy», но первое было повреждено, командир же второго, следуя предписанию своего адмирала, отказался от участия в предстоявшем бою.

Капитан Добровольский сейчас же созвал всех командиров — и русских, и европейцев — для предъявления им полученного ультиматума. Ему, как старшему в чине, приходилось начальствовать в бою, и, таким образом, все остальные были ему подчинены. Не дело собравшихся было рассуждать об уместности ультиматума; они являлись только исполнителями, и каждый из них ни на мгнове-

ние не задумывался над необходимостью исполнить приказание высшего начальства.

Прежде всего решено было отправить ультиматум. Передача его коменданту Таку была поручена младшему из командиров — лейтенанту Бахметеву, а отвезти его в Тянь-Цзинь назначен был мичман Шрамченко, провожать которого должен был матрос Савчук.

Затем был составлен план артиллерийского боя и была определена роль десантов в предстоящем штурме крепости. Начальником сухопутных сил был назначен капитан Поль, начальник германского военного судна «Ганза». Все роли были распределены, оставалось только ждать возвращения парламентаря.

В ожидании этого на всех судах быстро заканчивались последние приготовления...

Вот и ночь спустилась на землю. Ночная тьма непроглядно-мрачным покровом окутала устье Пей-хо. Тихо, мертвенно-тихо. Что-то необычайное, зловещее, тоску наводящее, чувствуется в этой проклятой тишине...

Ночную мглу несколько рассеивают большие костры около местечка Тонг-Ку, железнодорожной станции грозной крепости Таку,

несокрушимого оплота Пекина со стороны Печилийского залива.

Крепость грозно молчит. Ни звука, ни малейшего шороха не доносится со стороны её ни до тихо покачивающихся на сонных волнах устья Пей-хо военных судов, ни до Тонг-Ку, где вокруг бивачных костров в безмолвном ожидании расположились четыре очень небольших отряда вооружённых людей.

Вот самый большой отряд. Малорослые неуклюжие обезьяноподобные человечки с приплюснутыми лицами, в формах, напоминающих французскую, сидят на корточках перед кострами. Их порядочно. Раз, два, три, десять, сто, триста. Это — самый большой, а стало быть, и сильный десантный отряд. Это — японцы.

Они не новички в этих местах. Лет пять тому назад эти же люди, эти азиаты, только что примкнувшие к европейской культуре, пытались уничтожить несокрушимый оплот Пекина. Они по опыту знают, что это почти невозможно, что крепость неприступна. Но в то же время знают они, что если поведут их, то они пойдут на верную смерть, лягут все до

одного, но всё-таки пойдут.

Они и теперь считают себя обречёнными на гибель, но относятся к своему положению со спокойствием философов. Они хотя и одеты на европейский лад, но всё-таки — дети Азии и уже по одному этому убеждённые фаталисты. Смерть неизбежна, неизбежного не избежать, а рано или поздно умереть — всё равно.

Пламя костра озаряет их холодные, бесстрастные лица. Никакой мысли не выражается в их чёрных, глубоко впавших глазах. Ни малейшего страха за будущее, никакого оживления перед наступающим... Полное тупое азиатское равнодушие...

Несколько в стороне от них немецкий бивак. Честные Фрицы, Генрихи, Михели — народ практичный. Не стоит умирать натоцк. Они спешат подзакусить и выпить, может быть, последний раз в жизни... У них тоже незаметно особенного оживления. Специально германская муштра положила на всех их свой отпечаток. Давно уже отучены они рассуждать, соображать, думать. Дисциплина обратила их в ходячие машины. Они так же, как

и японцы, не чувствуют страха перед предстоящим им кровавым и смертельно опасным делом. Для всех их известен один только страх: перед своим начальством.

Немцы сосредоточенно молчат, потому что молчит и их начальник, холодный, бесстрастный капитан Поль, весь ушедший в свои думы, в свои воспоминания...

О чём думает этот человек? Может быть, честолюбивые грёзы одолевают его, может быть, он думает о далёкой родине, дорогом отечестве, может быть, вспоминает оставленную семью? Кто это знает?.. За одно только можно вполне поручиться, что нет и тени страха в его душе. Смерти он не боится, да и о близкой опасности не думает.

В третьей группе слышны громкие разговоры, порой смех. Тут здоровые, крепкие люди держат себя вполне непринуждённо. Присутствие офицеров не стесняет их. Они совершенно свободно в полный голос толкуют о политике своего правительства, критикуют его на все лады. Имена Салисбюри, Чемберлен, Робертс, Китченер так и слышатся в отдельных группах. У всех их вино, бисквиты —

словом, не приготовления к бою идут, а какой-то пикник на полях, которые скоро будут политы кровью человеческой... Нужно ли и говорить, что это — английский десантный отряд?

Эти люди знают, зачем они сюда пришли. Им бояться нечего. Что бы ни было: победа или поражение, а своего они не упустят. Может быть, некоторые из них и погибнут, ну что ж такое! Ведь жалованье получено вперёд. О чём же беспокоиться?

О, эти наёмники уже смекнули, в чём дело... Недаром разные «Times», «Daily News» ежедневно просвещают их в отношении политики. Недаром они рассказывают всевозможные сказки об ужасной участи европейцев в Пекине и возбуждают недоверие к его правительству... Им это на руку. Где-где, а здесь, на равнинах Китая, Англия останется в выигрыше. Ведь здесь не одним англичанам придётся действовать. Это не то что в Южной Африке, где четверть миллиона английских храбрых воинов в течение года не могут сломить сопротивления нескольких тысяч вооружённых как попало мужиков. Здесь они

победят, здесь они возьмут своё.

Вот она, их заручка, вот она, их сила и их могущество, вот отмычка, которая должна отворить для Англии двери богатейшей страны...

Совсем отдельно от японцев, немцев и англичан, у составленных в козла ружей прилегли на сырую землю вокруг двух своих командиров полторы с небольшим сотни русских чудо-богатырей Да, это — они, орлы, витязи русские, дети великой России.

Как они все величественно спокойны.

Это не спокойствие отчаявшихся фаталистов-японцев, не подавленность всех человеческих чувств немцев, не беспечность английских наёмников, это — величавое русское спокойствие, основанное на покорности воле Божьей. Эти герои — сводная рота 12-го восточносибирского стрелкового полка, уже ушедшего со своим полковником Анисимовым вглубь объятай мятежом страны. Это — люди, которых на своём совете более всего страшились все китайские патриоты, решившие полностью изгнать из Срединной империи назойливых европейцев...

Это — русские.

Командир роты поручик Станкевич оживлённо разговаривает с подпоручиком Янчисом, единственным после него офицером. Они знают, что ультиматум послан и что если до 2 часов ночи Таку не сдастся на милость победителя, они со своими молодцами возьмут неприступную твердыню или лягут все на месте, помня завет, что «мёртвые срама не имут». Для русских ничего иного быть не может: победить или умереть!

Среди солдатиков спокойное оживление, толки, разговоры, добродушный смех.

— Пришла пора, стрелочки, под китайку идти! — говорил один из унтер-офицеров. — Постараемся!

— А ещё бы не постараться! Небось присягали!

Десант Таку состоял из сводной роты 12-го восточносибирского стрелкового полка. Строевой состав роты: 2 обер-офицера, 11 унтер-офицеров и 157 стрелков. Германцев 100 человек, столько же англичан и 300 человек японцев.

В другом углу типичный еврей веселит то-

варищей, строя всевозможные гримасы. Кругом хохочут.

— Ой, Гершка! — потешаются солдаты. — Смеёшься, а у самого брюхо со страха подводит! То-то не очень благоухает!

— Ай, зачем же брюхо подводить! — отвечал расхрабренный сын Израиля. — Как это можно! Чем я не воин! Да я хоть сейчас один на всех китайцев пойду...

— Ты-то! Смотри, от первого не удери!

— Ребята, не обижай Шумирая! — слышится оклик унтер-офицера.

Вдруг проносится неизвестно откуда полученная весть: посланный с ультиматумом офицер возвратился, ответ комендантом крепости будет дан ранее назначенного срока...

В самом деле, так и было.

Когда лейтенант Бахметьев явился к коменданту Таку, простившись с Шрамченко, который вместе с Савчуком отправился в Тянь-Цзинь по железной дороге, мандарин встретил его с полной приветливостью и любезностью. Он внимательно прочёл предъявленный ему лейтенантом ультиматум и даже улыбнулся, очевидно, не считая его серьёз-

НЫМ.

«Что бы сказал комендант Кронштадта, если бы к нему осмелился какой-нибудь адмирал обратиться с подобным предложением? подумал китаец. — Что, они меня за сумасшедшего принимают? Разве уже объявлена война? Я не слыхал об этом...»

Однако сказалась природная китайская сдержанность. Мандарин и вида не подал, какие чувства волнуют его.

— Здесь есть для меня неясность! — сказал он, хитро улыбаясь.

— Смею, ваше превосходительство, спросить, в чём именно?

— В вашем ультиматуме не сказано, который именно из фортов вы хотите, чтобы я вам сдал?

— Как который? — удивился Бахметьев. — Конечно, все!

— Все? Так вот как! Что же, я подумаю.

— Ультиматумом назначен крайний срок — два часа ночи.

— Будьте уверены, я дам свой ответ гораздо ранее этого срока.

Делать было нечего, Бахметьев откланялся

и оставил крепость. Для него было ясно, что мандарин жестоко иронизирует. Насмешка так и звучала в его голосе. Очевидно, этот комендант считал свою крепость неприступной даже для русских.

Об остальных комендант Таку, по всей вероятности, и не думал. Слишком уж ничтожны были японцы, немцы и англичане для такого могучего колосса, как Китай.

Было 11 часов ночи, когда Бахметьев возвратился с докладом об исполнении поручения на борт «Бобра». Капитан Добровольский выслушал своего подчинённого с сосредоточенным вниманием.

— Что же, подождём эти три часа! — усмехнувшись, сказал он и затем прибавил, обращаясь к лейтенанту уже попросту, как приятель: — Голубчик, а вы что думаете?..

— Я, Кирилл Романович, полагаю, что этот ответ — несомненная насмешка!

Кирилл Романович задумался.

Все вокруг него тоже молчали, вполне понимая всю необыкновенную важность переживаемых мгновений.

— А Якову Аполлоновичу-то[41] каково те-

перь! — вдруг тихо, словно сам с собою, не обращаясь ни к кому непосредственно, заговорил Кирилл Романович. — Он-то, он какие минуты переживает! Всё поставлено на карту: с шестью сотнями людей взять неприступную крепость, защищённую тремя тысячами по-европейски обученного войска... Если только будет неудача, так всё обрушится на него... Всё! Всё — и свои, и весь свет. Им первым подписан ультиматум. Тяжёлое бремя поднял он на себя. Чего стоило ему склонить остальных адмиралов! Ведь все они были против нашего требования, потому что никто не надеялся на успех. А действовать было необходимо. Каждый упущенный час усилит неприятеля, ускорит гибель Сеймура, наших, а за ними — кто знает! и несчастных, запертых в Пекине. Жаль, жаль!..

— Кирилл Романович! не тоскуйте, голуби всё ещё сидят! — раздалось замечание.

— Как, всё ещё?

— Как присели на покот фок-рея, так и не улетают... Голубь — вестник мира.

— Давай Бог, господа, давай Бог! Я ведь уверен, что Таку мы возьмём; мы — русские, с на-

ми Бог!

В это время капитану донесли, что в устье Пей-хо стягиваются, согласно диспозиции, союзные суда.

Согласно этой диспозиции, составленной немедленно после получения от адмирала Гильтебрандта ультиматума, русские суда шли против врагов в первую голову. Ближе всех к Таку, прямо под выстрелами, должен был расположиться «Гиляк», за ним «Lion», далее «Кореец», «Бобр», ниже всех на Пей-хо «Itis» и «Algerin». Японская лодка «Alago» была повреждена и осталась у Тонг-Ку.

Потянулись бесконечно длинные, томительные минуты ожидания. Вдруг после половины первого часа ночи из Таку блеснул свет... Оттуда наводили прожектор.

Всё замерло на судах.

Дважды появились огненные блики, и затем всё опять погрузилось во тьму.

Было без десяти час ночи.

«Господи, да скоро ли? — так и рвалась на язык каждого одна неотвязная мысль. — Хоть бы один конец!»

В непроглядном мраке ночи вдруг блеснул

ослепительно-яркий свет, и, мгновение спустя, грянул пушечный выстрел. Что-то тяжёлое пролетело, со свистом рассекая воздух, и грузно бултыхнулось в воду тихой уснувшей реки.

То комендант Таку, сдерживая слово, ранее указанного ему срока посылал из пушечного жерла ответ на требование, предъявленное ни от какого другого, а от русского имени. Это была дерзость, которая не могла быть оставлена без немедленного наказания...

Над Пей-хо раздались крики, плач, вопли... Ядро из крепостного орудия попало в якорную цепь германского парохода «Knivsberg», где были выгнанные уже из Таку и Тянь-Цзиня бельгийцы с их семьями и до двухсот китайцев-христиан. Они вообразили, что пришла их последняя минута, и подняли панику.

Но не успели смолкнуть в ночном воздухе перекаты первого выстрела, как ночная тишина разом была прервана трескотнёю барабанов, бивших тревогу. С русских судов загромыхали один за другим пушечные выстрелы. Крепость отвечала на них. Все её шесть фортов то и дело опоясывались огненным коль-

цом. Свист снарядов, резавших воздух, гром выстрелов, визг, вопли и стоны с парохода «Knivsberg», всё это смешалось в общий хаос звуков. Английские истребители миноносцев «Whiting» и «Fame» на всех нарах промелькнули мимо бомбардирующей эскадры к самым стенам Таку, где укрылись два китайских миноносца...

Шум и блеск выстрелов, ослепительный свет электрических солнц, рёв сирен, крики создавали картину внезапно воцарившегося на земле ада. Хуже всех приходилось «Гиляку», принявшему на себя первые вражеские выстрелы. Одним из самых первых китайских снарядов сбита была мачта над боевым марсом, причём осколками были ранены минный лейтенант Богданов и два матроса и убит наповал минный квартирмейстер Иванов. Палуба «Гиляка» была орошена русской кровью. Китайцы пристрелялись. Их снаряды попадали в цель. На это не обращали внимания. До того ли было в этом аду? Вдруг в самый разгар боя из «Гиляка» повалил пар. Весь корпус судна задрожал. Раздался оглушительный взрыв, и «Гиляк» погрузился во мрак...

Снаряд из китайской пушки угодил в левый борт, пробил его и попал в кочегарное отделение, в угольную яму, где и разорвался. Два кочегара были убиты, шестеро ранены. Вся кочегарня оказалась исковеркана, провода электрического освещения порваны, и все фонари погасли...

Только что успели исправить эти повреждения, как новый снаряд пробил борт ниже ватерлинии, разрушил непроницаемые переборки, взорвал патроны. Пятерым он стоил жизни, 38 было переранено, а лейтенант Титов обожжён. Вспыхнул пожар... В то же время вода через пробоины с шумом наполняла трюм...

Кто бы не потерял голову в таком положении?

Но на «Гиляке» были русские.

Ни тени замешательства, ни мгновения паники... Матросы будто заранее научены были тому, что им делать. Одни кинулись к помпам и потушили пожар в то самое время, когда пламя подходило к патронному погребу. Кочегар Плутиков, заметив близость страшной опасности, забыв о себе, кинулся со

шлангом в самое горячее место пожара. Он выказал нечеловеческую выносливость. Только после того, как пламя было затушено, силы оставили его, и он, страшно обожжённый, упал без чувств... Рулевой Улановский, несмотря на то, что прибывавшая вода затапливала погреба всё выше и выше и достигала ему выше пояса, остался в патронном погребе и подавал снаряды, потому что, несмотря на все повреждения, стрельба не была приостановлена ни на мгновение.

Около орудий старался командор Вереютин. Палубу «Гиляка» осыпал град китайских снарядов, а командор с непонятным увлечением возился у своего орудия, пуская из него выстрел за выстрелом.

В каюту, когда перевязывали раненого в рот и щёку лейтенанта Богданова, принесли страшно обожжённого взрывом снарядного погреба матроса. Лейтенант просил приостановить его перевязку, указав, что есть более тяжёлый раненый. Этот же офицер, услышав, что на палубе кричат «пожар», несмотря на страшную боль в ране, бросился наверх, но, выходя, попал под выстрел большой кормо-

вой пушки, и газами ему сорвало с лица всю повязку, что только и заставило его вернуться вниз. Врач Свечников не переставал перевязывать раненых в течение десяти часов подряд, отказываясь даже от глотка вина в их пользу. Обожжённый матрос Викулин схватил кишку и стал поливать выскакивавших из погреба, обратившихся в пламенные столбы товарищей. Мичман Фукс, также поливавший горевших, неоднократно посылал Викулина на перевязку, но тот всё отговаривался тем, что есть более тяжело раненные, чем он; а между тем, у него оказались такие ожоги, что через три дня он от них скончался. Тяжело раненный лейтенант Титов, положенный в своей каюте, собрал все силы и, встав с койки, уступил её обожжённому матросу, сам же сел на стул в кают-компании и упал в обморок.

Матрос Назаров был тяжело ранен при взрыве погреба; рядом с ним матрос Гилин представлял собой столб пламени. Когда на нём погасили одежду, он, весь обгорелый, сам притащил на спине Назарова на перевязочный пункт.

Все показали себя героями...

Вдруг огненно-багровый столб поднялся над южным фортом. Казалось, весь воздух задрожал от сотрясения. Это удачный выстрел, направленный Вереютиным, взорвал пороховой склад... Пулемёты с «Гиляка» осыпали в то же время форты снарядами, заставляя прислугу орудий то и дело разбежаться за закрытия. В то же самое время лейтенант Бахирев уже подводил под пробоины пластырь, работая со своей командой под непрерывным огнём...

Все, от командира и до последнего кочегара, невзирая на величайшую опасность, работали без суматохи, с рвением, словно гордясь выпавшей на их долю участью доказать перед лицом всей Европы, что более удалых моряков, чем в России, нет.

Не слаще приходилось и «Корейцу». Один за другим два снаряда пробили его борт и зажгли кают-компанию над кормовым бомбовым погребом. Первый из них, словно ножом, срезал голову спустившегося с палубы лейтенанта Евгения Николаевича Буракова, того самого офицера, который так рвался в экспе-

дицию Сеймура. Оправдались его предчувствия. Слава героя осенила его только после смерти.

На гибель славного моряка не было времени даже внимания обратить. Бледные как полотно матросы кинулись со шлангами, видя, что их товарищ, «хозяин трюмных отсеков», Ларионов, который должен был открыть краны трюма для затопления бомбового погреба, был ранен, хотя и слегка, вторым неприятельским снарядом и потерял ключи от них... Опасность была велика, как никогда. Взрыв «Корейца» мог повлечь за собой гибель его соседей. Это и произошло бы, если бы молодцы-матросы не затопили через помпы крьюйт-камеру и бомбовый погреб и не успели в последнюю минуту затушить пламя.

А на палубе словно и не замечали той опасности, которая царила под ногами всех этих удальцов. Хотя во время боя лодка и не двигалась с места, рулевой старшина Малих всё-таки счёл своим долгом стоять у руля и только когда у него сильно пересохло в горле, решился оставить свой в сущности добровольный в данной обстановке пост и сошёл

вниз напиться воды. Когда он возвращался, его ранило в обе ноги, тем не менее, он, едва добравшись до руля, стал у него. Отправили его на перевязку, но после неё он опять приполз на своё место. Тогда уже в дело вмешался командир лодки и приказал Малиху уйти и лечь, чему тот повиновался, но с видимой! неохотой. В это время артиллерийский бой был в полном разгаре. Метким выстрелом командора Вавилова был взорван пороховой погреб ещё одного форта, но это не заставило китайскую крепость умолкнуть. Новый снаряд впился в борт «Корейца», разворотил его и, разорвавшись внутри судна, смертельно ранил четверых матросов и ревизора лейтенанта Василия Егоровича Деденёва. Через несколько минут новый снаряд пробил правый борт, испортил непроницаемые переборки и положил при разрыве на месте ещё одного матроса...

«Бобр» со своих бортов так и сыпал смертоносные снаряды на намеченные им по диспозиции форты. Оттуда отвечали адским огнём, но замечательно, что ни один человек на борту «Бобра» не был убит, на нём не было ране-

ных и даже никаких повреждений это судно не получило...

— Голубки спасли! — говорили после матросы, вспоминая о двух голубках, усевшихся на фок-реях и улетевших только после окончания боя, когда всё кругом уже утихло...

Досталось и «Itis». Судьба сыграла с немцами очень злую шутку. Едва только начался бой, как снаряды с фортов так и стали вливаться в борта германского судна... Семеро матросов были убиты, командир корабля Ланс тяжело ранен.

— Проклятье! — восклицал он, когда пришёл в себя. — Ведь китайцы испортили моё судно, убили меня и моих матросов из германских пушек, снарядами, выпущенными с германских заводов...

Что может быть злее подобной иронии судьбы?

Германские пушки германскими снарядами расстреливали германское судно и убивали детей Германии.

Впрочем, немцы могли гордиться. Они сами на себе, на своей шкуре испытали добросовестность своих фабрикантов...

Рассвет давно уже начался. Над Таку выплыло, заливая огненными лучами картину разрушения, ярко-багровое солнце.

Один из фортов горел.

В это время подан был сигнал, чтобы соединённые десанты пошли на штурм фортов с суши.

Новая забота для судов.

Одно за другим они стали приближаться к фортам. Первым пробралось «Algeria», за ним подтянулись «Бобр» и «Lion». Под ужаснейшим огнём с берегов притащились искалеченные «Гиляк» и «Кореец». Вдруг совершенно неожиданно к ним присоединилась и американская канонерка. Оказалось, что одна из китайских гранат случайно попала в «Моносасу» и разбила спасательный бот.

— Вот и мы теперь можем примкнуть к этим сумасбродам! — объявил своим офицерам командир «Моносасу», старый моряк-волк, уже тридцать лет плававший в китайских водах. — У нас теперь руки развязаны...

Согласно военным законам его страны, американцы не смели начать боя без распо-

ряжения высшей власти, но тот же закон обязывал их отвечать на произведённые по ним выстрелы.

Несмотря на упорство артиллерийского боя, сделано было очень немного. Все форты оставались невредимы. Они даже отвечать стали лениво. Ведь китайцам было известно, что сухопутные силы союзников крайне малы.

Вся надежда была на штурм, но что мог поделывать отряд, численность которого немного превышала 700 человек?..

Было невероятной дерзостью идти с такой горстью на штурм шести крепостей, несколько не ослабленных предыдущим артиллерийским боем.

Но десант всё-таки пошёл.

В авангарде были немцы. За ними шли русские и японцы, и перед рассветом присоединились англичане. В 800 шагах от фортов штурмующие остановились, ожидая, когда артиллерийский огонь ослабит форты. Китайцы даже и не заметили их — так они увлеклись боем с судами союзников.

Ожидание было мучительно. Солдаты то-

мились. Впечатление притуплялось. Германцы и англичане притихли, боязливо поглядывая в сторону крепости. Только сибирские стрелки были по-прежнему спокойны, да ещё японцы застыли в своём безразличии ко всему, что будет с ними.

Рассвело. Ясно стало, что огонь с судов был бесполезен.

Капитан Поль созвал всех начальников союзных отрядов, кроме русского, на совещание. Они долго говорили, и только когда приняли решение, надменный немец пригласил к себе командира стрелков, поручика Станкевича.

— Вы видите, артиллерия не нанесла никакого вреда форту, — начал он, указывая на Таку.

— Вижу, и что же? — вскинул брови Станкевич.

— Штурм в этом случае невозможен... Мы совещались и решили отступить на прежние позиции.

Краска негодования залила лицо русского офицера.

— Как отступить? Да разве это возмож-

но? — вскричал он.

— Я повторяю, что четырёхчасовой огонь не причинил фортам ни малейшего вреда! — сухо ответил Поль.

— Но подождите хоть час ещё... Может быть, морякам удастся пробить бреши...

— Нет... Медлить не приходится! Нас могут заметить и открыть по нам огонь. Мы уходим...

— Тогда уходите же! — вскричал Станкевич. — Я не отступлю...

— Что же вы намерены делать здесь? — с покровительственной насмешкой спросил Поль.

Как что? Конечно, штурмовать вот этот форт!

И Станкевич указал на самый сильный из фортов Таку — южный.

Поль посмотрел на него не то с недоумением, не то с состраданием.

— Но это безумие! — улыбнулся он. — Вас перестреляют прежде, чем вы успеете подойти к укреплениям.

— Пусть так! Но мы, русские, не отступаем...

— Как вам угодно! — пожал плечами немец. — Я начальствую в бою, но вне его вы не подчинены мне.

Он слегка поклонился поручику и пошёл к своим. Но и десятка шагов не сделал рассудительный тевтон, как услышал за собой русскую команду:

— Рота, стройся! Шагом марш!

Поль обернулся. Стрелки стояли в боевом порядке. Некоторые из них сняли шапки и благоговейно осеняли себя крестным знаменем.

— Безумец! — пробормотал капитан. — Он ведёт этих несчастных на верную гибель. Пусть же погибнет...

Станкевич тоже на ходу обернулся. Немцы и японцы свёртывались в походные колонны и уходили. Англичане медлили. Им было уже известно, что предпринимает русский офицер, и эти пичужки боялись упустить случай воспользоваться подвигом русских орлов...

Стрелки подошли и стали за валом сильнейшего форта, выжидая момента для штурма. Китайцы не замечали их. Англичане, видя, что намерение русских вполне серьёзно,

сейчас же рассыпали цепь несколько правее стрелков. В свою очередь, поражённые беззаветным героизмом русских, остановились японцы, и, наконец, даже и немцам стало стыдно за выказанную ими поспешность ретироваться: они сами Стали шагах в 200 от прежнего месторасположения.

Теперь китайцы заметили русских и открыли по ним ружейный и артиллерийский огонь, но слабый и не причинивший нашим героям вреда. Солдатики освоились со своим положением. Всякое боязливое чувство оставило их.

— Нас, братцы, этим не доймёшь! — перекрикивались они, перебегая с места на место всё ближе и ближе к форту.

Англичане не отставали.

Вдруг в русских рядах раздаётся отчаянный вопль:

— Ай-вай! Гевалт! Ратуйте!

Это китайская шальная пуля обожгла стрелка пятой роты Герша Шумирая.

— Дьявол, молчи! — останавливает его стрелок четвёртой роты Крафт. — Чего визижишь... в руку, что ли? Невидаль какая! Смот-

ри!..

И он показывает Шумираю свою раненую ногу.

— С такими пустяками да виз поднимать! — презрительно говорит он, подталкивая товарища впереди себя.

Герш удерживает крики и храбро бежит вперёд.

К пяти часам утра цепь стрелков была уже у глассиса и залегла. Китайцы так и поливали наших удальцов свинцовым дождём, палили по ним и из полевых орудий. Но стрелки знали своё дело. Они пули не выпустили без пользы.

— В орудийную прислугу целься! — отдавались им приказания.

И китайские артиллеристы один за другим падали около своих орудий, так были метки выстрелы залёгших в цепи стрелков.

Но всё это было далеко не то, что нужно. Как ни метки были выстрелы, а перестрелять всех китайцев было, конечно, невозможно.

— Ребята! — крикнул Станкевич. — Видите вы этот форт? Он самый сильный из всех. Мы его должны взять...

— Возьмём! Отчего не взять! — пронеслось по рядам.

— Тогда с Богом... Через ров нам не перебраться, пойдём в ворота... Вперёд! Ура!..

— У-р-р-а! — понёсся перекатами русский победный клич, и стрелки кинулись за своим командиром.

Дорога к форту была прикрыта воротами. Стрелки вмиг снесли их и очутились у стены. Там были другие ворота, ведущие в сам форт. Тут удальцы стали. Пришла критическая минута. Солдатики не знали, что им делать, и в нерешительности топтались у ворот. Станкевич понял, что ещё мгновение — и момент будет потерян.

— Янчис! Унтер-офицеры! — крикнул он. — За мной!

И буквально растолкав смутившихся солдат, оба офицера со стрелками Алимовым, Бужновым, Тепловым[42], Лыковым и Доббинным очутились у ворот форта и принялись прикладами сшибать двери...

Смущение прошло. Стрелки последовали за храбрецами. Несколько мгновений — и двери были сшиблены. С громоподобным

«ура!» русские ворвались в форт...

В то же время другая часть стрелков перебралась по горло в воде через ров и вскочила на бруствер.

С двух сторон вспыхнуло могучее русское «ура».

Англичане по следам русских храбрецов уже вошли в форт. Их офицер развернул английское знамя, намереваясь вознести его над взятой русскими твердыней...

— Флаг! — хрипло крикнул Станкевич, заметивший это.

Флага не оказалось.

Станкевич, не долго думая, сорвал погон с плеча унтер-офицера и поднял его на штыке над фортом.

А что же китайцы? Они бежали, увидев русских у ворот с одной стороны и на бруствере с другой. Могучее русское «ура!» привело их в панический ужас. Одним из первых бежал комендант Таку, вскоре после этого покончивший с собой.

Станкевич сдержал своё слово: русские взяли твердыню, от которой, как от неприступной, отошли их союзники.

И этот подвиг стоил всего только трёх раненых: Шумирай — в кисть руки, Крафт — в ногу да ещё стрелок Ткач — в горло.

Только и всего.

Из всех союзников лишь японцы отличились в этом беспримерном деле. Едва их командир увидел, что русские стрелки штурмуют сильнейший из фортов, он повел своих солдат на другой, также сильно укрепленный, форт. С ловкостью обезьян карабкались воины Микадо на стены; первому из очутившихся на стене китайцы срубили голову, но остальные взобрались и быстро очистили форт от противника.

Англичане и немцы, уже когда главное дело было совершено, тоже взяли штурмом один из второстепенных фортов. Впрочем, и они кое-что сделали. Китайские орудия были обращены ими против китайцев же, и одним удачным выстрелом удалось взорвать пороховой погреб... После этого взрыва защитники фортов разбежались.

Таку был взят.

Капитан Поль первым же делом позаботился о том, чтобы занять квартиру комен-

данта взятой русскими крепости под свой штаб. Какое чувство умиления должно было овладеть им, когда в зале изгнанного из Таку китайского мандарина он увидел портрет своего императора[43]...

Когда пыль и воодушевление бойцов несколько улеглись, осмотрелись и только тогда поняли, какой подвиг был совершён русскими стрелками...

Крупп, германский производитель пушек, снабдил китайцев такими усовершенствованными орудиями, какие сама Германия только ещё собиралась вводить у себя... Но и Крупп не помог... Непреступная крепость, которую защищали три тысячи отборных китайских солдат, не смогла устоять перед ротой русских чудо-богатырей... Да! Взятие Таку, как, немного спустя, и Тянь-Цзиня, сражение под Хе-Си-у, взятие Пекина, Мергенъ, Ажехе, Эхо, Цицикар, Нингута — это дела, описание которых составит славнейшие страницы в истории русской армии.

Это немеркнущие солнца русской славы, но...

Но равный Конфуцию по глубине мысли,

по широте её полёта китайский философ Лао-Цзы сказал: «Блистательнейшая из побед не что иное, как зарево пожара. Победителям воздавайте погребальные почести, встречайте их слезами и воплями скорби, и пусть памятники их побед будут окружены могилами»...

Великая мудрость в этих словах!

Таку был взят в ночь с 3-го на 4-е июня.

4-го июня китайские правительственные войска впервые начали военные действия против отряда полковника Анисимова в Тянь-Цзине. 5-го июня китайские правительственные войска впервые начали военные действия против отряда Сеймура, который до того они совершенно спокойно пропускали мимо себя. 7-го июня был убит в Пекине германский посланник фон Кеттелер, и собственно с этого времени началось то, что так громко называют «осадой посольств». До этого времени правительственные войска не только не выступали против европейцев, но даже не раз разгоняли силой оружия скопища волнующейся черни...

Sapienti sat[44].

— C'esL presque miraculeux[45]! — воскликнул французский адмирал Куржоль, когда на другой день после штурма осматривал взятую крепость.

Да, адмирал был прав.

А вот на ютах «Гиляка» и «Корейца» под русским военным флагом в безмолвном спокойствии смерти лежали те, кто ценою своей жизни[46] вызвал это восклицание впечатлительного француза. Для них всё было кончено, и никакая сила в мире не могла вернуть им жизнь, отнятую чудесами только что закончившегося боя...

А они, эти жертвы чудес, были дети великой России. Их кровь вопиет к небу об отмщении тем, кто был виновником этих чудес...

XX ПЕРЕД ВЗРЫВОМ

Такое время, какое переживали в конце мая прошлого года собравшиеся в Пекине иностранцы, высокопоставленным лицам было не до того, чтобы обращать внимание посольств на просьбы и ходатайства по частным делам обитателей европейского квартала.

Это прекрасно понимали и старики Кочеровы, так внезапно потерявшие свою любимицу. Вся их надежда теперь была на одного Вань-Цзы, единственного человека, не оставившего стариков в беде. Мало того, Вань-Цзы будто позабыл, что он китаец. Казалось бы, ему должна была грозить месть со стороны его соотечественников за частые визиты в

Посольскую улицу, но он даже не обращал внимания на это. Он раздобыл пропуск у одного из влиятельных лиц европейской колонии, и дня не проходило, чтобы он не побывал в домике Кочеровых.

Разговоры велись только о Лене.

Василию Ивановичу было уже известно, при каких обстоятельствах пропала Лена, Вань-Цзы рассказал всё.

Глупая, взбалмошная девчонка! волновался старик Кочеров. — Она, конечно, сама виновата... Но что случилось с ней? Что могло случиться?

— Я обыскал весь Пекин! — отвечал Вань-Цзы. — Все мои люди поставлены на ноги. Елену ищут и...

— И что же?

— Нигде нет ни малейшего следа её... Я даже не знаю, как она могла убежать из моего павильона, где я предложил ей моё гостеприимство, пока не минует непосредственная опасность.

— Что же делать теперь? Как искать дочь, как хотя бы узнать, что с ней?

Вань-Цзы в ответ только печально опускал

голову.

— Не знаю... Я теряюсь в догадках, — говорил он. — Во всей нашей столице осталось лишь одно место, где я не искал вашей дочери, да там её и быть не может! Она не могла попасть туда никаким образом. Это — Запретный город, где живёт наш император.

— Уж как и попасть ей туда? А всё-таки посмотреть не мешало бы... Может быть, она там!

— Не думаю, но всё-таки приму меры, — обещал Вань-Цзы.

Дарья Петровна целые дни плакала, но только этим пока выказывалось всё её горе. Она уже отчаялась когда-либо увидеть дочь в живых, считала её уже «упокойницей» и даже в молитвах номинала её, как «убиенную», хотя Василий Иванович строго запретил ей это.

— Ты, мать, свой «за упокой» оставь, пока мы досконально не знаем, что с Ленкой... Это не годится. Кто её знает? Может быть, и жива она...

В сердце отца всё ещё теплилась смутная надежда.

— Беда, ахти беда! — говорил он, когда настоятель русской миссии архимандрит Иннокентий со всем своим причтом перебрался в здание русского посольства. — Совсем последние времена наступают... Жить становится нельзя.

Духовные особы миссии вели себя с уверенностью на помощь свыше.

— Бог дал, Бог и взял, — говорили некоторые из них. — Страшны и-хо-туане, их неистовства превосходят всякую меру, но надейтесь на Господа, и ни один волос не падёт с вашей головы. Господь — наше прибежище и сила!

Как успокоительно действовали эти простые слова на перепуганных за свою участь людей... Они будто новую бодрость вселяли в души приготовившихся уже к гибели несчастных.

Однако несмотря на то, что и Китайский, и Маньчжурский города были полны уже не одними только боксёрами, но и приставшим к ним сбродом, всё ещё «ни один волос не падал с головы» европейцев. Словно какая-то невидимая рука защищала их, не подпускала

к ним волнующихся фанатиков.

Вдруг все сердца воспрянули надеждой: в Посольскую улицу пришло известие о том, что славный английский адмирал Сеймур летит уже на помощь бедным узникам, обречённым на гибель.

— Мы спасены! — раздались крики в посольствах. — День-два, и наши десанты окажутся здесь. Китайцы будут наказаны... Мы уж им покажем, что значит поступать так с европейцами...

Русские люди держались в стороне от всех этих восторгающих приближением Сеймура англичан, французов и немцев, думавших уже о наказании, когда приходилось думать лишь о том, как бы поскорее вырваться из раскрытой и готовой сомкнуться «пасти» Дракона. Каждая честная русская душа ясно видела всю ложь, всю фальшь совершавшихся событий...

Но, тем не менее, положение было грозное. Хотя в Пекине и находились правительственные войска, но ими командовал генерал Тун-Фу-Сян, и это не сулило европейцам ничего хорошего. Однако все они продолжали успо-

каивать себя...

— Придёт Сеймур, и всё волнение утихнет! — предрекал мистер Раулинссон своему постоянному собеседнику Миллеру, с которым он встречался ежедневно.

— Вы думаете? — сомневался тот.

— Не приходится думать, я уверен в этом. Разве осмелится кто-либо в Пекине и даже во всём Китае противиться моим соотечественникам?

— Если они будут поддержаны славными германскими войсками, — подсказал Миллер.

Англичанин сделал кислую гримасу, но промолчал.

— Однако мы всё-таки отрезаны и заперты, — продолжал Миллер.

— Ну что же! Пусть-ка попробуют только сунуться к нам китайцы, мы им покажем, что такое значат европейцы...

Миллер покачивал головой. Честный немец был сильно смущён. И он видел, что «заваривалась каша», расхлёбывать которую придётся прежде всего им.

— Китайцев миллионы, а нас десятки, — ворчал он. — Притом они сражаются за пра-

вое дело.

На лице Раулинссона отразился ужас.

— За правое дело! — воскликнул он. — И я слышу это от вас, от человека, родившегося в Европе! Да разве могут быть в чём-нибудь правы китайцы? Как можно это думать? Их следует истребить всех до одного...

— За что же? — изумился Миллер.

— А хотя бы за то, что они — китайцы!

— Но имеют же они право на существование!

— Пусть существуют. Но не иначе, как в качестве британских подданных... Только в этом случае я согласен примириться с фактом их существования!

Но Миллер не мог согласиться с такими доводами.

— Вот идёт наш милейший Вань-Цзы, — указал он на молодого китайца, проходившего по Посольской улице к Кочеровым. — Он сообщит нам все новости. Эй, Вань-Цзы, что, друг мой, слышно?

Грустно улыбаясь, подошёл Вань-Цзы к собеседникам.

— Вы спрашиваете, что нового в Пекине?

Подождите, это будет очень скоро известно.

— Но когда?

— Может быть, даже через час или меньше этого.

— Это почему?

— Как? Разве вам не известно, что мандарины Сюй-Цзин-Чен и Юань-Чан объезжают посланников — всех без исключения?..

— Мы видели их паланкины... Верно, какая-нибудь новая хитрость, новая ложь?

Негодование ясно отразилось на красивом лице молодого китайца, но он сдержался.

— Зачем говорить о лжи моих соотечественников? — по возможности спокойно сказал он. — Разве мало лгут в Европе? Там всё с начала и до конца построено на лжи и поддерживается только ложью.

— Как вы смеете так говорить! — закричал Раулинссон. — Кто вы такой, чтобы порицать людей высшей расы!

— Я с первых дней моего существования на земле и до недавнего времени прожил в Европе и среди европейцев, — усмехнулся Вань-Цзы, — и достаточно насмотрелся на всё. Я могу судить об этом.

— Да, но со своей точки зрения — с китайской!..

— Я стал китайцем-патриотом только тогда, когда ознакомился с историей моего великого народа.

— Пойдите! — перебил спорящих Миллер. Вы, друг Вань-Цзы, скажите-ка нам лучше, зачем явились к посланникам мандарины? Если не ошибаюсь, оба они члены цунг-ли-яменя?

— Да, вы не ошибаетесь; они заседают в ямене. Мало того, они — убеждённые друзья европейцев. Ради общей пользы они умоляют теперь посланников не вводить в Пекин отряды европейских десантов. И так уже ненависть народа возрастает со дня на день... Если отряд войдёт, то наше правительство ни за что уже не сможет поручиться.

— Что же, прикажете нам, как телятам, подставлять свои шеи под китайские ножи? грубо буркнул англичанин.

— Нет, до такой необходимости не дойдёт. Наше правительство сумеет охранить вас даже в минуту величайшей опасности, и теперь все его заботы направлены исключительно

на то, чтобы отдалить эту минуту.

— Оно и видно! — отозвался Раулинссон.

— Вы думаете, что я говорю неправду? поднял на него глаза Вань-Цзы. — Миссия наших мандаринов доказывает это... Если, повторяю вам, отряд лорда Сеймура войдёт в Пекин, не будет никакой возможности сдержать народные массы... Но опаснее всего то, что на сторону волнующегося народа станут солдаты всех полков: и маньчжурских, и китайских. Знаете ли, что я скажу вам? Если бы правительство пожелало допустить ваши войска, то этому воспротивятся сами солдаты... Вот когда настанет величайшая опасность для европейцев... И они как будто стремятся к тому, чтобы приблизить её к себе, они как будто принимают все меры к тому, чтобы вызвать взрыв... Дорого им придётся заплатить за это!

— Вы, кажется, начинаете угрожать! — нахмурился Раулинссон. — Берегитесь! Вы не забывайте, что я имею честь принадлежать к числу подданных королевы Виктории и угрозы ваших не могу слышать без протеста.

— Какие могут быть угрозы со стороны человека, лишённого всякой власти? — пожал

плечами Вань-Цзы. — Я только стараюсь прояснить положение. Вы же, как я вижу, в странном ослеплении не хотите открыть глаза...

— На что это, позвольте спросить вас?

— На то, что происходит теперь вокруг вас... Вы считаете себя жертвами, тогда как вы сами же стремитесь вызвать взрыв, как уже создали почву для него...

— Благодарю! Теперь вся вина падает на нас!..

— Увы! Это так!

— Вы откровенны, Вань-Цзы, — с раздражением бросил Раулинссон. — Но я уверен, что с прибытием лорда Сеймура вы измените свои взгляды.

— Лорд Сеймур не появится в Пекине.

— Это почему?

— Его не пустят сюда...

Раулинссон покраснел от гнева.

— Вот как! — вскричал он. — Хотел бы я посмотреть, кто осмелится преградить ему дорогу!

— Китайский народ!

— Китайский народ! Ха-ха! — рассмеялся

англичанин. — Да где он? Как он посмеет открыто возмущаться против нас?

Теперь Вань-Цзы не мог более сдерживаться от охватившего его негодования.

— Вы говорите о возмущении, — весь дрожа воскликнул он. — Вы чересчур смелы, сэр! Китайский народ способен возмутиться! Он — свободный народ, и если хотят у него отнять эту свободу, то он, как один человек, встанет на защиту своих поправленных прав. Вы забываетесь, говоря о возмущении. Так вы могли бы говорить о несчастных жителях Индии, которых вы поработили, но китайский народ ещё не порабощён никем.

— Это мы посмотрим! — пробормотал англичанин, но Вань-Цзы не слышал его слов.

Боясь, что сдерживаться долее не хватит сил, он молча поклонился и поспешил оставить надутого альбионца.

— Нет, Раулинссон, вы не правы, — заметил Миллер. — Наш добрый Вань-Цзы, как подобает патриоту, заступает за своё Отечество.

— Пропади пропадом и он, и его отечество... до тех пор, пока оно не вошло в состав

Британской империи!

— Это было бы очень трудным делом.

— Вовсе нет! — неприятно улыбнулся Раулинссон.

— Напрасно вы так думаете; покорение Китая не под силу даже Великобритании, как она ни велика, как ни много у неё вооружённой силы.

Англичанин заносчиво хихикнул:

— Нам для покорения народов не нужно солдат. Зачем нам заниматься таким грязным делом, как война? Разве нет дураков на свете, которые всю грязь примут на себя, а нам останется только пожинать плоды их работы? Когда в 1860-м году этот же самый Китай осмелился запретить нашим купцам привозить опиум и торговать им, разве не заставили его силой отменить это убыточное для английской торговли распоряжение? Припомните-ка, как тогда отличались там французы. Они геройствовали, они совершали подвиги величайшей храбрости, а опиумом принялись торговать наши негоцианты. Что? Вы скажете, что французы были не одни? Да, в той экспедиции были и английские солдаты,

но только их по сравнению с французами было самое ничтожное количество и держались они благоразумно в стороне, уступая славу французам, а выгоды и китайские капиталы забирая себе.

— Ну это когда было-то? — пожал плечами Миллер.

— Что было тогда, то будет и теперь.

— Не думаю! Самосознание народов возросло. «Дураков», как вы изволили выразиться, теперь нет.

— Найдутся! Для нас найдутся, вот посмотрите... Их ведь Не сеют, они сами рождаются... Вы увидите, найдутся такие, что будут геройствовать, совершать чудеса храбрости, а всё, что только представляет выгоду, достанется нам. Геркулесы вообще глупы. Они будут ломить, всё разнесут, всё разгромят, а умный пигмей и воспользуется... Геркулес-то только глазами похлопает да будет утешаться думами: вот, дескать, какой я сильный, а у пигмея-то и карманов не хватит для добычи...

Раулинссон хотел ещё что-то прибавить, но в это время показался паланкин Сюй-Цзин-Чена.

На лице дипломата выражалась глубокая печаль. Миссия его не увенчалась успехом. Посланники наотрез отказами и ему, и Юань-Чану в просьбе не вводить в столицу империи военные отряды, а оба китайские сановника прекрасно знали, что это значит... Им было известно, как трудно их правительству сдержатъ отдельных генералов, кипевших негодованием против иноземцев и не только не помогавших своему правительству в миролюбивых устремлениях, но даже возбуждавших народ против дерзких пришельцев.

Сильно боялся Сюй-Цзин-Чен и за свою участь... Он знал, что его коллеги по цунг-ли-яменю косо посматривают на него, зная его симпатию ко всему европейскому и подозревая в нём поэтому стремление к измене... А подобные подозрения были равносильны смертному приговору...

Сюй-Цзин-Чен, побывавший в Европе, приглядевшийся к её жизни, уже не так философски относился к вопросу смерти, и ему далеко не было безразлично — жить или умереть... Но несмотря на европейскую цивилизованность, этот дипломат всё-таки был китаец,

для него неизбежное оставалось неизбежным. Знал он, что это «неизбежное» или, вернее, начало этого неизбежного было близко, совсем близко...

Глухо ревет волнуемая чернь на узких и кривых улицах китайской столицы. В толпах уже не одни только боксёры. К ним прикнул народ. Энергичные маньчжуры, смелые, готовые на всё — во главе черни. Мало того, они преобладают в ней. Это — не робкие, миролюбивые китайцы, а воинственные потомки великих завоевателей, прошедших с Тамерланом всю Древнюю Азию и покоривших все попавшиеся на пути народы. Они возмутились, они волнуются, убеждённые, что их правительство бессильно и не в состоянии противиться чужеземцам... Им уже известно, что на Пекин идёт европейский отряд, и разъярившаяся толпа сама решила не пропускать в стены своей столицы дерзких оскорбителей народного достоинства.

Среди бесчисленных, как морской песок, толп снуют упитанные, жирные бонзы и фанатики-боксёры, возбуждающие и без того достигшую высшей точки волнения толпу.

— Убивайте чужестранцев, или они убьют вас! — раздаются их крики. — Убивайте потому, что иностранные колдуны — это сор, который должен быть выметен. Разве не были мы счастливы, когда их здесь не было! Разве до их появления дети смели не повиноваться родителям, жёны — мужьям? Настают последние времена. Великий Дракон в гневе. Иностранцы не дают ему покоя. Они раздражили его, и он погубит весь Китай, если обидчики останутся здесь. Спешите умиловать Дракона! Спешите принять на себя духа, покинувшего пещеры! Идите на иностранцев и убивайте их! Силы бесплотные сошли на вас и вселились в верных. Не люди будут сражаться с европейцами, а божества... Спешите на помощь Дракону, освободите его от белых дьяволов, успокойте его, если не хотите погибнуть сами. Час пробил, минута настала! Идите, верные, с вами бесплотные духи матери-земли! Начинайте, начинайте!

Несколько десятков боксёров, распалённых фанатиками, достигших крайней степени исступления, кинулись в Посольскую улицу.

— Идём, идём спасать нашу страну, наши семьи! — кричали они, размахивая кривыми саблями, единственным, чем они вооружились в твёрдой уверенности, что при помощи вселившихся в них духов им ничего более не нужно для победы над врагами...

— Китайцы идут! И-хо-туане! — пронеслась тревожная весть по европейскому кварталу. — К оружию!..

Было около полудня[47]. Дрогнули от ужаса многие сердца, когда перед европейскими домиками показались эти исступлённые люди в красных кушаках и повязках, составлявших главный отличительный признак их секты. Они идут, произнося свои таинственные заклинания, идут в полной уверенности, что европейская пуля и европейский штык совершенно безопасны для них, охраняемых всемогущими силами земли и неба.

Европейцы притихли, попрятались в своих непрочных убежищах, этих красивых карточных домиках, где они считали себя в полной безопасности от всякого нападения только потому, что они — европейцы...

Германский посол Кеттелер прекрасно

знал китайскую массу. Этот человек с большим презрением относился к людям, среди которых ему приходилось жить. Он был вполне уверен, что небольшая остратка отрезвляюще подействует на этих людей.

— Китайцы таковы, — не раз говорил он, — что только решительность действует на них... Стоит лишь пропустить момент и не показать им своей силы, чтобы они уверились в своём превосходстве. Им никогда ни в чём нельзя давать поблажки.

Теперь на деле предстояло проверить эти наблюдения беспечного германца.

Кеттелер, променявший карьеру воина на поприще дипломата, в самом деле был человеком решительным. В основе его дипломатии заложена была прямолинейность германского солдата.

— Прогнать этот сброд! — отдал он приказание начальнику немецкого десанта и сам во главе солдат кинулся на пробравшихся в Посольскую улицу боксёров.

Они явились уже не одни. Следом за ними шла громадная толпа, но, очевидно, не с враждебными намерениями пока, а просто

привлечённая любопытством. Этой толпе хотелось посмотреть, как будут боксёры расправляться с белыми дьяволами, избивать их и их женщин и детей, поджигать их жилища, которые можно будет в этом случае и ограбить.

Но эти надежды не оправдались.

Германские моряки храбро кинулись на боксёров. Завязалась свалка, но к оружию не прибегали. Действовали кулаками, но и этого оказалось довольно. Боксёры разбежались, оставив в руках немцев одного из своих.

— Вот так воин, вот так бунтовщик! — раздались насмешливые восклицания. — Что, у них никого другого не нашлось?

Задержанный боксёр оказался совершенно незрелым юнцом...

— Запереть его покрепче и следить, чтобы не убежал! — распорядился Кеттелер. — Что? Не прав я был, утверждая, что Маленькая острастка немедленно отрезвит этих негодяев?..

В самом деле Посольская улица мгновенно опустела. Боксёры и не думали выручать своего. Они разбежались, не выдержав натиска

немцев...

Но это было только начало.

XXI ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Рогнанные из Посольской улицы боксёры отошли недалеко. Острастка повлияла на них, но не особенно внушительно. Они собрались вокруг своих вождей неподалёку от иностранного квартала и ожидали их приказаний.

Вожди их совещались. В небольшой кумирне, разукрашенной изображениями расшвырявшего дракона, важно заседали до двадцати китайцев и маньчжур в одеждах, убранных всеми отличиями и-хо-туанов. Это были главари сообщества. Все они с большим почтением относились к одному из своих, в котором уже по одному только этому почтению можно было признать высшего из на-

чальников боксёров. Это был Синь-Хо, убийца старого Юнь-Ань-О и похититель маленькой Уинг-Ти. Он держан себя среди собравшихся товарищей с холодным бесстрашием человека, привыкшего во всём к беспрекословному подчинению.

— Что повелишь нам теперь, сын Дракона? — спрашивал у Синь-Хо «князь» пекинских нищих, главный руководитель всего сброда, наиболее заинтересованного в начавшейся смуте. — Приказывай, и мы готовы повиноваться!

Синь-Хо, слушавший дотоле с опущенными в землю глазами, поднял голову и окинул единомышленников гордым взглядом.

— Наступает великое время, братья, — проговорил он. — Пробил час нашей мести. И ничто не отвратит нас от нашей святой цели. Мы должны двинуться на врага и освободить от него нашу Родину. Я обошёл все земли Китая от востока на запад и от севера на юг, и везде верные готовы сбросить с себя ненавистное иго иностранцев. В Шандуне, занятом немцами, в Лиантонге у русских, в Куанг-Сю — везде ждут знака Из Пекина, чтобы

начать великое дело. Мы здесь должны подать этот знак. Всё готово, но не нужно торопиться, и наше решение должно быть обдуманно, а не принято наугад.

— Говори, говори, сын Дракона, что думаешь ты? — раздались голоса.

— Наш великий патриот князь Туан, верховный глава «И-хо-туана», уполномочил меня сказать каждому из вас, что гнев Дракона и месть его должны быть направлены не на европейцев, а на тех, кто, преступая все законы, отказался от Родины, от веры своих отцов и стал рабом пришельцев. Я говорю про тех недостойных наших соотечественников, которые продались белым дьяволам и держат их сторону. Они прежде всего достойны наказания... Пусть же оно и падёт на их головы.

— Но иностранцы? Разве мы должны оставить их ненаказанными?

— Божественный Кон-Фу-Цзы говорит: «Прежде чем наказывать, прими все меры для исправления провинившегося и казни его только тогда, когда твои попытки не будут иметь успеха!». Так говорит мудрейший из мудрецов, и мы должны следовать его ука-

занятиям и в нашем великом деле.

— Что же делать нам? Как заставить европейцев убраться из нашей страны? — выступил глава нищих. — Никто из них не согласится нас слушать, никто из них не примет наших наставлений...

— Не нужно увещеваний! — отвечал Синь-Хо. — Есть средство, которое может подействовать на них...

— Назови его...

— Страх!

Собравшиеся смолкли, очевидно, не совсем уразумев сказанное.

Ты, сын Дракона, говоришь о страхе, выступил старик-боксёр. — Но разве иностранцы боятся чего-либо? Не лучше ли сразу покончить с ними?

— Нет! — резко отвечал Синь-Хо. — Это невозможно. Мало того, это бесполезно. Мы без малейшего труда можем взять всех их и предать самой лютой смерти, но что же из этого? Будут истреблены живущие среди нас теперь, на их место явятся другие. Они приведут своих солдат и разорят нашу страну, мстя за гибель своих. Этого не хотят ни «сын Неба»,

ни мудрая Тце-Хси. Китаю пока ещё не под силу борьба со всеми народами. Поэтому нужно поугатать их ужасами грозящей им участи, но оставить им жизнь. Страх перед смертью заставит их покинуть нашу страну, и дело уже наших мандаринов будет не пустить их обратно... Но те из наших соотечественников, которые изменили своей Родине, да погибнут! Истребляйте их, и да не родится жалость к ним в сердцах ваших... Помните это!

Синь-Хо не успел закончить речь, как в кумирню вбежал молодой боксёр. На лице его ясно отражался испуг.

— Спасайтесь! — кричал он. — Белые дьяволы идут... Они вооружены, и вам грозит гибель. Белые дьяволы окружают этот храм.

Лицо мрачного Синь-Хо загорелось гневом.

— Как они смеют распорядиться так! — воскликнул он. — Кто дал им право нападать на китайский народ, который не сделал им ещё никакого зла! Разве Пекин уже завоёван, что они хотят ввести в нём свои порядки?..

— Их немного, сын Дракона! — воскликнул молодой боксёр, принёсший весть о приближении европейцев. — Прикажи, и мы сметём

их всех с лица земли.

Синь-Хо на мгновение задумался.

— Нет! — сказал он. — Хотя пробил час, но в чаше нашего долготерпения есть ещё место для нескольких капель... Нужно подождать... Разойдитесь, братья, и будьте готовы действовать по первому знаку...

В одно мгновение кумирня опустела. Да и пора было. Отряд из нескольких десятков французских, германских и итальянских матросов быстро окружил её. Намерения европейских моряков были далеко не из мирных. Они шли в грозном молчании, держа наперевес ружья с примкнутыми штыками. Изредка только раздавалась команда офицеров.

Никогда и нигде ещё на белом свете не совершалось ничего подобного. В незавоёванной столице государства, которому даже и войны объявлено не было, распоряжались не его правители, а никем не уполномоченные чужаки, распоряжались, грозя послушникам в случае неповиновения вооружённой силой, в полной уверенности, что именно так и следует поступать...

И кто же были от и люди?

Да те самые, которые всегда провозглашали, что «сила не право», кто выше всего ставил «свободу человека», «демократию» и постоянно твердил о том, что мир держится на трёх великих устоях: свободе, равенстве и братстве.

С великой гордостью следует отметить, что среди этих своевольников не было ни одного русского.

Пришли эти люди, заняли кумирню и, не найдя там никого, с торжеством как «победные трофеи» захватили кучу красных тряпок, которыми украшали себя, в отличие от всех остальных, боксёры. С этими трофеями все отряды и разошлись по своим посольствам.

Но ответ не замедлил последовать.

Едва только начало темнеть, как почти около самого иностранного квартала в Хадамынской улице Маньчжурского города вспыхнул пожар...

Горела протестантская часовня.

Это Синь-Хо и его друзья отвечали европейцам за их легкомысленную выходку.

Пожар был пустяшный, но в европейском квартале начался переполох.

— Вот то, чего я более всего опасался! — говорил полковник Шива, собрав около себя кружок европейцев. — Теперь следует принять все меры безопасности. Ужасы близки...

— Но что? Что нам грозит? — сыпались тревожные вопросы.

— Я получил сведения, что боксёры явятся сегодня в ночь выгонять нас: так решили их вожди.

— Полковник, вы знаете всё, что делается здесь; скажите, неужели же высшее правительство Китая бессильно против этого сброда?..

— Не бессильно, но оно не имеет желания останавливать это движение.

— Чем мы провинились перед ним?

— Вероятно, у императрицы и Туана создавалась строго определённая цель. Мой совет — принять все меры предосторожности и прежде всего забаррикадировать улицу с обеих сторон. Всё-таки — хоть какая-то защита...

Этому совету поспешили последовать. На конечных пунктах Посольской улицы: у русской миссии с западной стороны и у итальянской — с восточной, из первых попавшихся

материалов брёвен, досок, пустых бочек и телег — были сооружены баррикады, за которыми укрылись отряды моряков, готовых встретить врага и дать ему отпор, если только тот посмеет сделать решительное нападение.

А зарево пожаров всё разгоралось над Пекином. В разных частях города один за другим вспыхивали новые пожары. Ярко-багровые облака плыли над Пекином. Было светло, как будто день наступил среди ночи. Никто в европейском квартале, уже превратившемся в вооружённый лагерь, и не думал спать. До сна ли было? С городской стены, примыкавшей к Посольской улице, видно было, как пылали здания русской духовной миссии, охваченные со всех сторон всепожирающим пламенем. Вот огненные языки показались из окон величественного Дунь-Танского (восточного) собора: боксёры добрались и до него. Запылали здания морской таможни. Зарево отдельных пожаров, поднявшись к нему, слилось, и висело над городом в облаках, как некий огненный венец. До собравшихся на стене европейцев ясно доносились треск загоравшегося дерева, грохот обваливавшихся и

подгоревших зданий, дикие завывания всё более и более разнузданной толпы.

На Посольской улице господствовало смятение. Из каждого дома слышались плач детей, перепуганных доносившимся шумом, истерические рыдания женщин, уже видевших опасность перед собой. И вот среди всего этого хаоса пронёсся крик:

— Боксёры!

На мгновение стало тихо. Смолкли женщины и дети. Только у итальянской баррикады заметно было движение. Это занимали позиции итальянские моряки, на долю которых выпадало отражение первого натиска китайских патриотов.

Большой отряд боксёров, кончив поджигать европейские дома, храмы и часовни в Китайском городе, прорвался через Ха-Да-мынские ворота в Маньчжурский город и теперь шёл в улицу посольств, не ожидая встретить на своём пути серьёзной преграды. Боксёры шли сплошной массой. Ни у кого из них не было огнестрельного оружия. Пики и ножи — вот и всё их вооружение... И с этим жалким оружием они ни на минуту не задумыва-

лись броситься вперёд даже тогда, когда увидели перед собой баррикаду.

Впереди главного отряда шли несколько десятков совершенно безоружных боксёров, нёсших факелы, которыми они освещали путь остальным. По пятам отряда следовала огромная толпа нищих, оборванцев и бездомной черни — желающая поживиться при разгроме посольств.

Все эти обезумевшие люди шли не так, как ходят обычно. Они на ходу низко кланялись и приседали, словно призывая на помощь покровительствующее им божество. Свои призывы к этому божеству они сопровождали ужасным криком:

— Ша! Ша! Убивайте!

Крики сотен голосов, передававшиеся на всём огромном пространстве, леденили кровь в жилах защитников посольств. Иностранцы с ужасом поглядывали друг на друга. «Нас так мало! — выражали эти взгляды. — Боксёры задавят нас числом».

— Солдаты! — тихо отдаст приказание командир итальянских моряков. — Помните свой долг. Если нам суждено умереть, мы

должны как можно дороже продать свою жизнь... Стрелять залпами!

— Последний патрон беречь для себя! — тихо шепчут друг другу солдаты, замирая в напряжённом ожидании.

Боксёры подошли на выстрел. Грянул залп. Пули дождём брызнули в ряды наступавших. Это не остановило их. Ещё залп, ещё и ещё. Перед баррикадой выросли горы тел. Слышались стоны, вопли, предсмертное хрипенье и — о диво! — боксёры будто только затем и пришли к баррикаде, чтобы уложить около неё несколько десятков своих товарищей. Толпа сброда, сопровождавшая «носителей духа», разбежалась при первых же залпах, а сами боксёры под выстрелами европейцев подобрали своих убитых и раненых и в прежнем порядке удалились в Китайский город.

Первый натиск был отбит, но все в европейском квартале понимали, что это — начало, продолжение же не замедлит последовать.

Однако день, наступивший за этим нападением, прошёл довольно спокойно. По всей Посольской улице были расставлены карау-

лы не только из моря ков-десантов, но и из числа русских студентов и служащих в русско-китайском банке. Опасались не столько нападения, сколько внезапного пожара.

— Огня следует бояться более чем боксёров, — толковали среди европейцев. — Китайцы — искусные поджигатели, и беда будет, если мы не успеем вовремя доглядеть за ними.

— Но неужели же это неё будет продолжаться? Неужели мы предоставлены только себе?

Полковник Шива, появлявшийся везде, где только начинались подобные разговоры, пожимал плечами и загадочно улыбался.

— Это — только начало! — говорил он.

— Начало! Не может быть! Давно уже должна была явиться помощь... Лорд Сеймур...

— Он не придёт сюда! — холодно ответил японец. — Не ждите лорда.

— Не ждатель? Но почему же? Разве у вас есть сведения?

— У меня есть сведения обо всём, что происходит... и даже о том, что произойдёт... Я и мои люди недаром безвыездно живём здесь

пять лет. Мы знаем всё.

На Шиву смотрели с недоумением.

— Позвольте, полковник, — вмешался Раулинссон, — если вы знали, что предстоят эти ужасы, почему же вы заблаговременно не покинули Пекин?

— Никакой солдат не оставляет своего поста без позволения начальства.

— Но вы даже никого не предупредили о том, что готовится здесь.

— Зачем я буду предупреждать? Я работаю на пользу своей Родины, и не моё дело указывать другим на то, что они должны были бы видеть сами.

Всё это японский полковник говорил медленно, не допускающим возражений тоном. Каждому, кто прислушивался к его словам, было ясно, что этот человек — одна из тех незаметных глазу пружинок, которые приводят в действие сложный механизм, направив ход его в ту или другую сторону.

Теперь он говорил с такой уверенностью о том, что помощи от отряда Сеймура ждать попавшим в западню европейцам нечего, что ему начинали верить.

— Лорд Сеймур иначе не желает прибыть в Пекин, как совершив путь от Тянь-Цзиня по железной дороге! — пояснял Шива. — Он находит, что только этот способ передвижения достоин европейцев. Но теперь рельсы давно уже сняты, и по железной дороге Пекина не достичь.

— А знаете ли вы, полковник, что в Тянь-Цзине находится русский отряд? — вступил в разговор новый собеседник, близко стоявший к русскому посольству и поэтому располагавший достоверными сведениями.

Шива смутился:

— Да, я знаю это! — пробормотал он.

— А знаете ли вы, что русские солдаты не нуждаются в железных дорогах, когда им приказано идти вперёд, и такой переход, как от Тянь-Цзиня до Пекина, они легко могут проделать за трое суток. Что вы скажете?

— Я знаю и это! — оправился японец. — Но опасаясь, что русским нельзя будет выйти из Тянь-Цзиня... Поверьте, мне известно, что такое русские, но и для них есть невозможное...

— Вы думаете, что их не пустят?

— Боюсь этого...

— Будущее, конечно, покажет, кто из нас прав, но надежды на помощь извне, как кажется, терять не следует.

— Да, вы правы! — угрюмо улыбнулся Шива. — Надежда на будущее — это сладкий соус, под которым можно примириться даже с таким скверным блюдом, как настоящее. Но слышите выстрелы?

Действительно, со стороны английского и бельгийского посольств трещала ружейная перестрелка. Боксёры произвели нападение на англичан и бельгийцев. Залпами удалось их разогнать и на этот раз, причём боксёры бежали так поспешно, что оставили у позиции англичан тела своих убитых товарищей.

Надежда — это действительно такой соус, который самое отвратительное жизненное блюдо превращает в произведение лучшего повара.

Несмотря на категорическое заявление Шивы о том, что Сеймура ждать нечего, все европейцы по-прежнему были вполне уверены, что помощь близка. Стоило только где-либо раздаться шуму, похожему на отдалённые пушечные выстрелы, как по всей Посольской

улице с быстротой молнии проносились
весть:

— Сеймур идёт! Европейские войска близко!

Но чем сильнее были надежды, тем ужаснее разочарование.

Через перебежчиков-китайцев были получены несколько известий от начальников международного отряда. Неутешительны были эти вести. Отряд освободителей продвигался столь медленно, что нечего было и ждать его скорого прибытия.

А расправа боксёров с теми, кого китайцы считали изменниками Родины, уже началась. Подождён был великолепный Нань-Тан (южный собор), вокруг которого жило множество китайцев-католиков. Едва только клубы чёрного дыма показали над величественным храмом, как началось массовое избиение всех, кого только боксёры признавали за христиан. Не было никому пощады. Женщин, детей, стариков убивали, где только находили их. Дома сейчас же поджигались, а пекинская чернь кинулась грабить имущество этих несчастных жертв народной свирепости.

Но европейцев боксёры не трогали.

— Невозможно спокойно переносить все эти ужасы! — заговорили в европейском квартале, когда пришло известие о неистовствах боксёров и черни вокруг Нань-Тана. — Мы должны перестать уважать себя, если не подадим руку помощи несчастным.

— Как же помочь им? Тут нужна сила и сила немалая... Нет возможности выйти отсюда.

— А это необходимо!

— Никто не решится идти на верную гибель...

Но такие смельчаки были. Нашлись среди злополучных обитателей европейского квартала люди, годовые идти на всякую опасность, чтобы подать в несчастье руку помощи себе подобным, хотя и совершенно чужим и по духу, и по крови. Эти смельчаки были русские.

Никто не решался выйти из-за баррикад Посольской улицы. Хотя и не надёжная, а всё-таки это была защита. За баррикадами и боксёры теперь уже не были так страшны. Но совсем другое дело было оставить эту защиту и идти жалким ничтожным единицам против

тысяч, вырвать из их рук обречённых на гибель, вступать в открытую борьбу с обозлённым народом.

На такую самоотверженность способны только русские.

Небольшой отряд наших моряков, забывая об опасности, вышел из забаррикадированной улицы и ровным шагом, каким обыкновенно ходят наши солдатики, когда им приходится бывать на дозорах, пошёл в Нань-Тан.

К удальцам присоединились несколько американских матросов, но отряд всё-таки был очень мал. Никто и не думал, чтобы эти отважные люди могли вернуться назад.

Но они, эти беззаветные удальцы, вернулись, ведя с собой несколько сот китайцев, спасённых ими от ужасов обрушившейся на них мести боксёров... В приведённой толпе были мужчины, женщины, дети. Все они, только что пережившие страшные минуты своей жизни, дрожали от ужаса при одном только воспоминании о том, что творилось в эти последние часы в китайской! части Пекина. Даже матросы, народ не особенно чувствительный, плакали, рассказывая о том

зрелище, какое им пришлось видеть. Вокруг Нань-Тана трупы лежали грудками. На некоторых были заметны бесчисленные раны. Несчастных не только убивали, но и издевались над их телами. Детям боксёры разбивали головы о камни. Взрослых, ещё живых, разрезали на куски, сдирали кожу, отрубали руки и ноги, оставляя их в мучениях истекать кровью. Многих живыми бросали в пламя горевших домов. В толпе проснулся зверь. Убийства для боксёров было мало, им нужно было видеть, как мучаются их жертвы. Месть их не ограничивалась смертью. Страсти разгорелись, и звери-мстители изощряли свою фантазию, изобретая муки, одну страшнее другой...

Но пока их жертвами являлись только китайцы. Русско-американский отряд прошёл среди масс рассвирепевшего народа и возвратился обратно, не потеряв ни одного человека.

Мало того, русские привели с собой около десятка разбойников, которых удалось захватить на месте преступления... Их товарищи даже и попытки не сделали их отбить.

— Запереть этих негодяев в конюшню! — последовал приказ. — Если они попытаются бежать, стрелять по ним!

Моряки с большим усердием следовали приказанию. Захваченные боксёры были крепко связаны и заперты в конюшне русского посольства.

Пример русских удальцов подействовал. Видя, что они возвратились целыми и невредимыми, сейчас же расхрабрились немцы и даже увлекли за собой англичан. Составился англо-германский отряд, который со всеми мерами предосторожности пошёл в восточную часть Пекина, где ещё накануне всё уже было выжжено и уничтожено боксёрами и где, пожалуй, их уже и не было. Ходили и вернулись с успехом, привели с собой ещё несколько сот Китайцев-протестантов, но никого из боксёров захватить не смогли.

В Посольской улице были и дома китайцев. Едва только начались беспорядки, как все они ушли, оставив свои жилища на произвол судьбы. Спасённых несчастных расселили частью в этих брошенных домиках, частью во дворце князя Су-Цин-Вана, тоже

оставленного хозяином.

Смелое появление русских матросов среди бушующей массы произвело и на боксёров, и на примкнувший к ним сброд впечатление. Целый день в Пекине царила тишина, но едва только стемнело, опять запылали пожары всё в той же восточной части китайского города. Китайцы поджигали последние оставшиеся целыми жилища христиан, христианские храмы, часовни. Они не пощадили ни американских больниц, ни школ — всё предавалось пламени, всё разрушалось до основания, словно в этом были причины китайских бедствий.

Но пока боксёры ограничивались только истреблением своих земляков и уничтожением построек. Никто из европейцев ещё не пострадал.

Это был тот самый день, в ночь после которого был взят русскими удальцами Таку...

XXII ОТРАДНАЯ ВЕСТЬ

Вань-Цзы, остановленный Раулинссоном и Миллером, спешил к старикам Кочеровым, и только врождённое чувство деликатности заставило его вступить в разговор, принявший столь неприятный для китайского патриота характер. Чувствуя, что самообладание покидает его, молодой китаец поспешил уйти, жался, что не сделал этого ранее.

«Как они рассуждают! — с грустью думал он, идя вперёд по улице. — И так, как рассуждает этот, рассуждают все они... Какая напыщенность, какая самоуверенность! Только они — люди; только они имеют право жить и наслаждаться жизнью... А все остальные живут единственно для того, чтобы служить им

и работать на них... И это — люди, осмелившиеся хвастаться своей культурой, называть свой народ величайшим народом мира!»

Невольно в сердце Вань-Цзы зарождалось озлобление против европейцев. Он начинал думать, что его соотечественники правы, поднимая народ против европейцев.

«Но отчего же русские не таковы? — пришло новое соображение. — Я знаю многих из них. Есть и между ними плохие люди. Но даже в негоднейшем русском я никогда не замечал такого презрения к другим, какое я вижу среди англичан, немцев и даже французов. Высокомерное презрение! Неужели же они не понимают, что этим они же сами роняют своё человеческое достоинство?»

Негодование так и кипело в сердце бедного Вань-Цзы, когда он думал о разговоре с Раулинссоном.

Домик Кочеровых был уже виден, когда задумавшемуся молодому человеку кто-то преградил дорогу.

Вань-Цзы так был погружен в свои думы, что даже не обратил на эту встречу внимания и хотел уже обойти встречного, но тот

сам остановил его, протягивая вперёд руку.

Теперь молодой китаец быстро пришёл в себя и поднял голову.

— Синь-Хо! Ты! — воскликнул он.

Перед ним стоял тот, кого среди боксёров величали сыном Дракона.

— Да, это я, Вань-Цзы! Ты не ошибся! — отвечал Синь-Хо.

Лицо его не было сейчас так мрачно, как всегда. Напротив того, он даже улыбнулся.

— Я вижу, что ты узнал меня, и очень рад этому! — говорил он. — Обыкновенно меня стараются не узнавать...

— Но что тебе нужно от меня? Как ты очутился здесь?

Синь-Хо улыбнулся презрительно.

— Отчего же мне не быть здесь? Разве эта земля, на которой мы стоим, не принадлежит китайскому народу? Разве дети этого народа лишены уже права ступить по родной земле?

— Но опасность!

Синь-Хо пожал плечами.

— Я не боюсь ничего. Притом здесь меня никто не знает. Не случайно же я имею пропуск... Видишь, он выдан в английском по-

сольстве...

— Как ты приобрёл его?

— Как? Чего нельзя приобрести за золото, звон которого так ласкает слух каждого европейца?.. Но это всё неважно. Я пришёл за тобой, Вань-Цзы!

— За мной? — в голосе молодого китайца послышался страх.

— Да, за тобой. Почему тебя это пугает? Или изумляет?.. Или и ты уже изменил своей Родине и переметнулся на сторону её врагов?

— Нет, я верен по-прежнему...

— Это хорошо. Я знаю, что ты говоришь правду и скорее согласен умереть, чем сказать ложь... Ты видишь, что я тебе верю, и даже твои частые посещения этого проклятого места не поколебали моего доверия.

— Что же тебе нужно от меня, Синь-Хо?

— Я послан призвать тебя к делу.

Вань-Цзы вздрогнул.

— Не бойся! — заметил это Синь-Хо. — Дело тебе будет дано по твоим силам. Величайший из патриотов князь Туан по-прежнему милостив к тебе. Он зовёт тебя, и ты должен повиноваться.

— Я приду... Когда мне велено явиться?

— Завтра перед закатом солнца. Туан будет ожидать тебя. Ты знаешь свою участь, если ослушаешься. Теперь прощай!

Синь-Хо повернулся, чтобы уходить, но в это мгновение внезапная мысль осенила Вань-Цзы.

— Синь-Хо! — воскликнул он голосом, в котором слышалась мольба.

Тот остановился и исподлобья взглянул на Вань-Цзы.

— Что тебе?

— Ты могущественный человек, Синь-Хо! — спеша и захлёбываясь словами, заговорил молодой китаец. — Ты — слава всемогущего «И-хо-туана» и его великий жрец. Кто может знать пределы, до которых простирается твоя власть, великий сын Дракона?

— Что же из этого? — скривился в насмешливой гримасе Синь-Хо. — Я польщён, что ты, считающий дракона пустой выдумкой, вдруг говоришь о всемогуществе его слуги. Не робей, говори, что тебе нужно от меня?

— Тут, Синь-Хо, была девушка, русская... Она никому не сделала зла, Синь-Хо, клянусь

тебе в этом.

— Что же с ней?

— Она пропала. Бесследно пропала в ту ночь, когда верные хотели разогнать веселившихся иностранцев. Она, эта девушка, была очень легкомысленна и сама виновата в своей беде; она убежала из-под падежной защиты, и её нигде нет. Даже следов не найти.

— Ты говоришь, русская девушка? — подумав с мгновение, переспросил Синь-Хо.

— Да... Только ты можешь найти её.

— А ты почему так интересуешься ею? Какое тебе дело до неё?

Вань-Цзы смутился:

— Ах, Синь-Хо!..

Сын Дракона как-то криво улыбнулся.

— Не из-за неё ли ты такой частый гость в этом проклятом месте? О, Вань-Цзы, я начинаю думать, что на тебя нельзя положиться. «Кто любит чужую женщину, тот не любит своей матери», — говорит мудрец. Но всё равно. Что ты хочешь от меня?

— Я прошу тебя узнать, что с ней, жива ли она или умерла... Ты это можешь, Синь-Хо!

— Может быть, я уже знаю, где та, о кото-

рой ты говоришь!..

— Знаешь, Синь-Хо? — так и кинулся к нему молодой китаец. — Дай мне возможность успокоить её отца, её мать, умирающих от тоски по ней.

Синь-Хо покачал головой:

— Нет, я ничего тебе не скажу, пока ты не заслужишь это! Если действительно девушка дорога тебе, то ты не посмеешь изменить нам, боясь за участь, что ожидает её в случае твоей измены.

— Так она жива! — засиял от радости Вань-Цзы. — Именно так я должен понять твои слова, Синь-Хо?

— Жива.

— О, благодарю тебя! Благодарю от всего сердца, от всей души! Я не смею больше спрашивать тебя о чём, но, Синь-Хо... я знаю, что ты добр, что ты не позволишь обидеть это ни в чём не повинное существо.

— Всё зависит от тебя... Прощай, я должен спешить! Не забудь приказания. Помни, Туан ждёт тебя...

И медленными шагами Синь-Хо пошёл прочь, оставив Вань-Цзы трепещущим от вне-

запно охватившего его восторга.

Синь-Хо шёл по европейскому кварталу вполне уверенно, как человек, который знает, что ему бояться здесь нечего. На ходу он низко кланялся высокопоставленным европейцам, встречавшимся ему, и даже смелость свою простёр до того, что совершенно свободно заговаривал с солдатами.

Благодаря пропуску он беспрепятственно миновал Посольскую улицу и скоро затерялся в толпе, шумевшей и волновавшейся у Ха-Дамыньских ворот.

Вань-Цзы, между тем, забывая даже своё достоинство, опрометью бросился бежать к домику Кочеровых.

— Она жива, жива! — кричал он, вбегая на порог.

Вид его был такой радостный, что оба старика поняли: парень явился с хорошими известиями.

— Что такое? Жива! Лена жива! — воскликнул Василий Иванович, кидаясь навстречу китайцу. — Наша Лена? Вы узнали это? Господи, благодарю Тебя!

Кочеров кое-как говорил по-английски, по

крайней мере настолько, что мог достаточно свободно объясняться с Вань-Цзы. Дарья же Петровна поняла по его радостному оживлению, что получены хорошие известия о дочери, и тоже прежде всего осенила себя крестным знаменем.

— Жива она! Слышишь, старуха! Жива наша Ленка! — возбуждённо говорил Кодеров. — А ты её за упокой собиралась поминать. Вот хорошо было бы... Да вы откуда это знаете, Вань-Цзы?

— Мне сказал об этом один из самых могущественных людей в Пекине.

— Да, вот как! Вот она, радость-то неожиданная-негаданная... Но где же она? Пойдём к ней скорее, приведём её домой. Что же вы молчите, Вань-Цзы? Где Лена?

— Я не знаю! — опустив голову, печально ответил тот.

Кодеров изумлённо взглянул на него.

— Как же это так, Вань-Цзы? Вы сами говорите, что наша Лена жива, и в то же время не знаете, где она... Это что-то не так.

— Уверяю вас, что я знаю только одно это и не больше... Пока достаточно и этого. Важ-

но, что Елена жива. Можно быть спокойным за неё. Впереди много ещё времени, я сумею разыскать её.

Василий Иванович недоверчиво покачал головой.

— Нет, где уж тут! — он был печален. — Такие времена... Нос на улицу боязно высунуть, а не то чтобы искать... Эх, дочь, дочь! Видно, придётся умереть, не Повидав тебя перед смертью.

— Что с Ленушкой-то? — вмешалась Дарья Петровна. — Или что очень худое, если опять ты так понурился?..

— Не знаю, старуха! Вот Вань-Цзы говорит, что она жива, а где она — и сам не знает... Эх! Жаль, что Михайлы нет! — вспомнил он о сыне.

Для него промелькнул было, но всего на одно мгновение, луч отрадной надежды, и затем всё снова скрылось под мраком неизвестности. Он даже почти не слушал, что говорил ему гость.

— Нет, добрый батюшка! — Вань-Цзы всегда так называл старика Кочерова. — Теперь я вполне надеюсь, что мне удастся вернуть вам

дочь. Вы знаете, кто мне сказал, что она жива? Синь-Хо, сын Дракона, глава и жрец сильнейшего и могущественнейшего из тайных обществ Китая. Десятки и даже сотни, тысячи людей, рассеянных по всей стране Неба, беспрекословно повинуются ему. Для них каждое его слово — закон. Он знает всё, что делается в стране, и ничто не ускользает от его внимания. Он всемогущ, потому что в глазах своих подчинённых он — носитель духа и властен наделять его великой силой всех простых смертных. Пусть это — жалкое суеверие, пусть это — ослепление, но с ним всё-таки нужно считаться. Ослеплённые суеверы пойдут на смерть по первому знаку своего вождя. Всё, что происходит теперь в Пекине, всё — его дело. Он поднял народ на европейцев. Недавно только Синь-Хо вернулся из поездки по отдалённым иностранным провинциям, где он объявил всем верным китайцам волю Дракона. Трудно будет европейцам бороться с ним. Он один думает за всех, он один ведёт дело разрушения, он всемогущ. Если он говорит, ему можно верить безусловно. И про то, что Елена жива, сказал мне он...

Вань-Цзы торжественно посмотрел на Кочерова, ожидая с его стороны какого-нибудь замечания, но старик молчал, погруженный в свои думы.

— Счастливица Варвара, — будто в забытьи, проговорил он. — Живёт теперь спокойно, никаких страхов не испытывает. Вовремя уехала!

— А где она? — спросил китаец.

— В Благовещенске.

— Как? Там? — вскрикнул Вань-Цзы. — Ведь вы же говорили, что она поехала во Владивосток. Отчего же она не осталась в этом городе?

— Вышло так. Пишет, что муж велел ей как можно скорее отправиться в Благовещенск. Там, дескать, спокойнее. А около Владивостока эти ваши хунхузы так и рыщут. Долго ли до беды?

— А сам ваш сын где?

— Он всё ещё в Харбине...

Вань-Цзы покачал головой:

— Вы жалуетесь на своё положение здесь, а мне вот думается, что здесь вы в гораздо большей безопасности, чем ваш сын и его же-

на в Маньчжурии!

— Да что же это значит? — вскричал в отчаянии Кочеров. — Совсем несуразное выходит! Взбесились, что ли, ваши китайцы? Ну, Харбин ещё туда-сюда; это — ваш город. А Благовещенск? Разве посмеют они косо посмотреть на русские владения?

— Тонущий, Чтобы спасти свою жизнь, готов схватиться за раскалённое железо, заметил китаец. — Теперь всё возможно. Такое настало время, когда исполняется даже неисполнимое.

— Ай-ай! Да ведь это же может очень плохо кончиться для ваших земляков, Вань-Цзы... Ведь вы ещё так недавно оказались бессильны перед маленькой Японией. Что же вы будете делать, когда на вас ополчится вся Европа? Вас разнесут...

— Наши правители боятся только русских, остальные не страшат никого в Китае, и управиться с ними будет совершенно пустым делом...

— Не думаю... Эх, на старости лет в такую передрыгу мы со старухой попали!.. Никому не приведи Бог! И ушли бы, было ещё время,

да вот Лена... Дочка, дочка! Грех тебе так стариков обижать!

— Я уже сказал вам, добрый батюшка, что Елена вернётся к вам! — горячо воскликнул китаец. — Я верпу её, хотя бы для того пришлось мне пожертвовать еврей жизнью. Бойтесь не за неё, а за невестку нашу... Она может пережить больше опасностей, чем вы и Лена...

Старику не хотелось верить, чтобы китайцы осмелились напасть на Благовещенск. Но Вань-Цзы говорил с полным убеждением. И Василий Иванович понял, что молодому китаюцу известно значительно более, чем он говорит.

XXIII НЕЖДАННОЕ ГОРЕ

Анвара Алексеевна, покинув Пекин, без всяких приключений достигла Тонг-Ку, где из поезда железной дороги она пересела на поддерживавший рейсы во Владивосток пароход.

Путешествие по Печилийскому заливу совершено было при самых благоприятных условиях. Даже качки особенной не замечалось. Пароход, на котором, пришлось плыть молодой женщине, принадлежал Восточно-Китайской дороге. Это был первоклассный ходок с машинами самой новейшей конструкции. Шёл он замечательно быстро. Переход на Чифу, а затем оттуда по Жёлтому морю в Нагасаки был совершён незаметно.

Пассажиров было не особенно много, но

зато подобрались все люди бывалые, знавшие Китай и китайцев.

Между пассажирами шли бесконечные толки и всё на одну и ту же тему: о признаках какого-то странного брожения, замечавшихся в Китае в течение зимних месяцев и весны.

Варвара Алексеевна с тревогой прислушивалась к этим разговорам.

— Всегда боксёров было в Китае много множество, но они держали себя смирно! — говорили в кают-компании. — Пожалуй, они были даже полезны, потому что из их среды набирался конвой для караванов, отправлявшихся вглубь страны...

— Да, это было, но теперь они отказываются от всяких сношений с европейцами... Они теперь всецело предались своим таинственным заклинаниям... Несомненно, что готовятся события, притом не без участия высшего правительства...

— Но оно при чём?

— О, китайские дипломаты очень хитры! Они выпускают боксёров, чтобы в случае неудачи свалить на них всю ответственность, а самим остаться в стороне.

— Стало быть, приходится ждать осложнений?

— Выходит, что так...

Когда пароход пришёл в Нагасаки, вести приняли положительно угрожающий характер. Говорили уже о том, что в Порт-Артуре стоят войска, готовые идти на границу Китая по первому приказанию, по первому вызову из Пекина. Всем было также известно из телеграмм, что около устья Пей-хо вокруг Таку собрались все эскадры европейских держав и со дня на день можно ожидать начала военных действий.

«Господи! — у Варвары Алексеевны замирало сердце. — А мои-то старики, а Лена-то!.. Что будет с ними, если там, в Пекине, вспыхнет бунт? Одни, совсем одни... беспомощные, беззащитные... Какие ужасы придётся им перенести!.. И зачем я только оставила их? Неужели Михаил ничего не знает?»

Теперь она уже жалела, что по пути не захала в Порт-Артур к Шатову. От него бы она скорее всего могла узнать, в чём дело, но теперь возвращаться было поздно, да и на судне поговаривали, что без военного конвоя совер-

шать рейсы далеко не безопасно: не только в Жёлтом, но и в Японском море появилось множество китайских пиратов. Их джонки целыми флотилиями следили за каждым купеческим судном, готовые напасть на него при первой только возможности.

Чем дальше шёл пароход, чем большее расстояние отделяло Варвару Алексеевну от близких, тем всё более тоскливо становилось у неё на сердце. Толки о подготавливавшихся событиях стали стихать; с удалением от очага волнения ослабевал и интерес к нему, но тем всё более думала молодая женщина о стариках Кочеровых, об этой хохотушке Лене, которую она так искренно любила...

О себе Варвара Алексеевна думала мало. Она спешила к своему естественному защитнику — мужу, и была уверена, что Михаил Васильевич сумеет оградить её от всех шестисот миллионов китайцев один.

Жизнь на пароходе тянулась однообразно. Все дни были похожи друг на друга. И день, и ночь только и видно было, что небо да вода. Даже разговоры стихли — истоцились все темы, говорить было не о чем.

Почти у самого Владивостока рано утром, когда солнце ещё только поднялось над водной пустыней, весь пароход встревожен был криками:

— Эй, на борт! Пароход под ветром!

Все путешественники засуетились, засуматошились. Встреча в море вносила в монотонную жизнь некоторое разнообразие.

Палуба, несмотря на ранний ещё час, вся покрылась пассажирами. Явились бинокли, слышались нескончаемые толки о том, кого это «Бог даёт навстречу».

По волнам Японского моря, несколько накренившись, что придавало ему очень кокетливый вид, нёсся на всех парах один из красавцев-пароходов русского Добровольного флота.

Варвара Алексеевна с кое-какими новыми знакомыми тоже вышла из каюты и внимательно наблюдала, как сближались суда.

— Не время, как будто, «добровольцу» проходить! — услышала она позади себя.

— Отчего?

— Рейс не подходит...

— Экстренный, быть может!

— И то! Разве что экстренный!

Но вот встречный пароход стал надвигаться всё ближе и ближе. Теперь уже можно было разглядеть его во всех подробностях; видна была даже палуба.

— Много народа... — заговорили на пароходе. — Откуда это столько?

Действительно, палуба «добровольца» сплошь была усеяна пассажирами. Едва только оба судна поравнялись и на «пассажирском» взвился в виде салюта флаг, как с борта встречного судна вдруг загремело:

— Ур-ра!

На палубе все пассажиры в недоумении смолкли, и вдруг пронёсся говорок:

— Солдаты... Мобилизация!..

У Варвары Алексеевны замерло сердце.

Одно только слово «мобилизация» привело её в ужас. Оправдывались все тревожные толки: мобилизация всегда и везде была предшественницей войны. Но с кем? С кем же иным могла быть война в этих местах, как не с Китаем?

А мощное, громоподобное «ура» так и неслось раскатами над необозримой водной пу-

стыней...

Суда разошлись.

Теперь явилась новая неистоощимая тема для разговоров.

На пароходе, где была Варвара Алексеевна, находились также несколько китайских торговцев, державших путь во Владивосток. Эти люди сейчас же сделались предметом внимания и бесконечных шуток со стороны русских спутников. Никто ничего точно не знал, но все уже старались предугадать события...

— А уржи! — дразнил китайского купца какой-то русский пассажир. — Вот видишь, какое дело выходит... Ваши с нами мало-малю воевать хотят... Разве это хорошо?

Глаза китайца растерянно бегали.

— Я ничего не знаю. Ты покупай, я продавай! — лепетал он. — Кто хочет, воюй, а мне не надо...

— А всё-таки, коли война, так вам чики-чики придётся делать, не воюй вперёд!

Китаец казался испуганным ещё более, хотя и понимал, что весь этот разговор и добродушные угрозы не более, как шутка, хотя и грубая.

— Я — не хунхуза! — бормотал он. — Мне чики-чики не нужно делать. Моя — купца. Я торгуй!

Разговоры, подобные этому, слышались везде на палубе. Китайцами вдруг заинтересовались. Опять пошли толки о Поднебесной империи. Но странное дело! Никто серьёзно не относился к такому ужасному делу, как начинавшееся кровопролитие, все — и русские, и японцы, да, пожалуй, и сами китайские пассажиры — смотрели на всё предстоящее, как на пустяки...

Но Варвара Алексеевна, прожившая в Пекине, уже как-то инстинктивно соображала, что дело обстоит далеко не так просто, как смотрели на него эти близорукие люди, не желавшие видеть и тени опасности в наступавшей грозе.

Она припомнила мистические заклинания боксёров, которые не раз видела и слышала со стены Маньчжурского города во время вечерних прогулок; вместе с этим вспомнились ей и зловещие предсказания Шивы, этого мрачного японца, игравшего такую таинственную роль среди европейцев Пекина.

Припомнила всё это молодая женщина и поняла весь ужас грядущей опасности для оставшихся в охваченном волнением городе её близких.

Но она была одна, чужая всем, на этом пароходе.

Напрасно она пыталась при разговоре указать, что не всё так просто, как кажется, что Пекин давно уже охвачен народным волнением и что на этот раз дело не ограничится незначительными вспышками, а грозит перейти в серьёзное восстание. Её слушали со снисходительными улыбками и только старались успокоить уверениями, что, дескать, никогда ни один китаец не осмелится взглянуть враждебно на европейца.

Молодая женщина видела, что ей не верят, и наконец совершенно отстранилась от своих спутников, с нетерпением ожидая того часа, когда пароход отшвартуется у пристани во Владивостоке.

И вот этот, с таким нетерпением ожидаемый, момент наступил.

— Хань-Шень-Вей! Хань-Шень-Вей! — заголосили китайцы, когда в отдалении показались

лась береговая полоса с пятью горами, у подножия которых вырос в какие-нибудь несколько лет этот город, превратившийся из жалкого приморского посёлка в прекрасную столицу русского Дальнего Востока.

Очень красив Владивосток издали, со стороны моря. Берег поднимается высоко благодаря гористой местности, окаймляющей бухту Золотой Рог и Амурский залив. Со стороны моря видны острова, отделённые от материка проливами. На них, в бухте, в заливе — всюду океанские суда: русские, японские, английские. Все флаги мира бывают здесь в гостях, и нельзя было лучше подыскать конечного пункта для рельсового пути, пролегающего и по Маньчжурии, и по Сибири, чем этот город.

Более чем на семь вёрст раскинулся он по береговой полосе. Сразу заметно, что это — город русский: ни малейшей симметрии в расположении улиц, площадей. Строились кое-как, где попало. Но эта неправильность не ко вреду общего вида. Она-то и придаёт Владивостоку своеобразную прелесть. Видно, что люди здесь живут кипучей жизнью, что город год от года всё растёт...

Каменные строения правительственных, железнодорожных и промышленных зданий выстроены вперемежку с деревянными домиками, но ни одно из них не имеет убогого вида. Всё ново, всё благоустроено на европейский лад. Только крепости и форты, расположенные на возвышенностях, как бы подчёркивают то, что Владивосток не только торговый центр, но и неприступная твердыня, грозная для врагов великой России.

Всего только сорок лет, как этот уголок земли стал русским[48], но жизнь его началась гораздо позднее, а именно когда в 1891-м году в присутствии ныне благополучно царствующего Государя Императора, тогда Наследника Цесаревича, состоялась закладка Уссурийской железной дороги, предназначенной быть Концом рельсового пути, соединяющего Балтийское море с Великим океаном. С этого момента и началась жизнь. С его центра огромного Приамурского края. В бухте заpestрели флаги иностранных судов, тысячами стали являться китайцы и японцы, хлынули русские люди, и за пять лет, прошедших с открытия железной дороги, Владивосток пре-

образился так, что его и узнать нельзя... Явились учебные заведения, торговые дома, фабрики, заводы, гостиницы, начались издаваться газеты... словом, закипела жизнь.

Варвара Алексеевна сравнительно недавно ещё покинула этот замечательный город, не успела забыть его и потому не была особенно поражена происшедшими в нём переменами. Она не обратила внимания даже на то, что набережная, на которую она сошла, прежде непролазно грязная, теперь вся оделась в гранит, и пароход, на котором она прибыла, прямо подошёл к ней.

Молодая женщина спешила в знакомое семейство капитана Неронова, где она предполагала остановиться по приезде. Несказанно она была удивлена, что на пристани муж не встретил её. Напрасно она озиралась вокруг, никого знакомого она не замечала. Не было не только мужа, но и никого из семьи Нероновых, которые, казалось бы, непременно должны были её встретить, даже и в том случае, если бы Михаил Васильевич по какому-либо поводу не прибыл во Владивосток в назначенный им же самим день.

Молодой женщине ничего не оставалось другого, как взять возницу и с пристани направиться к Нероновым, жившим в одном из домов главной улицы Владивостока — Светланской. Так она и сделала.

Возница попался ей русский, старик-молоканин. Он оказался очень разговорчивым и, увидев в Кочеровой приезжую, сейчас же пустился рассказывать ей о всех событиях последних дней.

— Не приведи Господи, что тут делалось, когда войска-то уходили! говорил он.

Что же? — спросила Варвара Алексеевна.

— И радость, и горе! Солдаты-то радуются, словно на праздник какой идут, офицеры — то же самое; а ежели кто женат да дети есть, так видно, что только крепится да храбрится, а у самого на сердце кошки скребут...

— Много ушло-то?

— Порядочно... Из Порт-Артура, слышно, затребовали...

— А здесь как, тихо?

— Чего же не тихо быть?

— А китайцы?

— Китайцы здешние ничего, они все мир-

ные. Чего им бунтовать-то? Вот хунхузы, это разбойники китайские, те осмелели... Под самым городом бродят...

— Что же, прогнать их разве не могут?

— А зачем гнать? Они пока худа не делают... Так, бродят, что волки голодные... Мы их здесь не боимся. Вот бабье, как солдате» провозжало, так голосило. Заживо хоронили. Не чают, пожалуй, что и вернётся кто...

Старик помолчал, но через минуту заговорил.

— И чего это людям мирно не живётся? Ведь так на драку да на смертный бой и лезут. Земли да неба, что ли, им мало? Всем хватает... Положим, что китаец для нашего брата, простого человека, куда какой народ вредный, а всё-таки и они пить-есть тоже хотят.

— Чем же они вредны для вас? — Варвару Алексеевну этот незатейливый разговор отвлек от мрачных мыслей.

— А то Как же! Нам из-за них скоро здесь питаться нечем будет.

— Это каким образом?

— Так... примерно, наш русский: столяр, что ли, или сапожник, или иной какой, рабо-

тает и кормится от своей работы, живёт сам и семью кормит. Сводит он концы с концами — и ладно. А от него и другой кормится. Нашему и нишу повкуснее нужно, и одежду, а кто из них и выпивает. Сам, значит, пользуется и другим пользу даст. Так?

— Так, а китаец?

— Китаец тьфу! Семьи у него нет здесь; стало быть, на одного себя только работает. Придёт, за полцены всякую работу делает и, нечего греха таить, може, и хуже, чем наш-то, зато добросовестнее: Китаец в своё время на работу выйдет, трезвый придёт; будет работать рук не покладая, ну, знамо дело, каждый хозяин такого работника уже из-за одной дешевизны предпочтёт.

— Да ведь это же хорошо! воскликнула Кочерова.

— Хорошо-то хорошо, да только не для рабочего. Чужой человек у нас хлеб отбивает, а мы зубы на полку клади. Притом же наш, сказал я уже, и сам живёт, и другим жить даст, а китаец никому ничего. Горсточку риса в день дай ему, и сыт он. Копит деньги, а потом неё к себе на Родину увозит. Ох, много беды будет

нам, русским, от китайца, да и не одним тем, что поблизости от него живут, а и всем прочим...

— Ну какая же беда!..

— Э, барыня милая, не говорите! Вот они и теперь ждут не дождутся, когда через Маньчжурию чугушка пройдёт. Русские, говорят они, добрые. Как дорогу откроют, мы все к ним пойдём, они нас не обидят. В Америку их, слышь, не пускают, так вот они к нам собираются... Будет беда! Почитай, хуже крыс этот народ. Крыса нажрётся и сыта, а китайцы всегда голодны.

— Да чем же они русским, притом ещё внутри России, повредить-то могут?

— Сказал, всю работу отобьют. Они и плотники, они и каменщики, они и кухарки, и прачки, и няньки, на все руки, словом. А что русскому будет делать, когда ему, по жизни, за работу меньше рубля взять нельзя, а китаец то же самое за двугривенный делать будет с великим удовольствием? Ложись да помирай тогда.

— Ну, до этого-то не дойдёт!

— Дойдёт, дошлый народ!.. Вы в этот дом,

барыня, изволите? — указал старик на чистенький домик, приютившийся около каменной громады.

— Да, сюда...

— Не к капитану ли Неронову?

— К нему.

— Так-с! Самого капитана дома нет, с ротой ушёл, а хозяйка его больна после этого шибко...

«Так вот отчего никто не встретил меня! — подумала Варвара Алексеевна. — Теперь я понимаю».

Дверь ей отворил «бой» — слуга-китаец. Очевидно, он был уже предупреждён о приезде гостя, потому что не выразил никакого удивления при виде её.

Действительно, Варвару Алексеевну ждали. Ей была приготовлена комната, но никто из хозяев не показывался. В доме царила мёртвая тишина. Даже дети примолкли — Кочерова знала, что у Нероновых двое ребятшек. Всё это немало смутило молодую женщину. Ей стало очень неловко за свой приезд не вовремя, несмотря даже на то, что их семья была в самых дружеских отношениях с

семейством Неронова. Но делать было нечего; остановиться в одной из гостиниц, вечно переполненных всяким интернациональным сбродом, Варвара Алексеевна не решалась. Впрочем, очень скоро появление старушки-матери Неронова вывело молодую женщину из затруднения.

Лицо старушки было заплакано. Она не могла удержаться от слёз и кинулась в объятия Кочеровой, лишь только увидела её.

— Марья Дмитриевна! — воскликнула та. — Да скажите же, что такое приключилось! Что всё это значит?

— Оленька больна. И война всему причиной! — так и захлёбываясь слезами, отвечала старушка. — Этакая беда! Жили тихо, смирно, вдруг война, как снег на голову! Взяли Васю, ушёл он от нас, а Оля-то... маленького ждала. И так она в этом положении нервна всегда, а тут, как Вася уехал, сколько ни крепилась, не выдержала, свалилась... Неблагополучное разрешение... Выживет ли, неведомо. А Васе и писать нельзя. Ему тоже не сладко. Сердце-то, поди, так и рвётся. Несчастные мы! И зачем только люди проклятую войну придумали!..

— Что же с Олей?

— Без памяти она... Ещё что там будет, а здесь уже война жертву потребовала... Не одна, поди, Оля на Руси теперь так же страдает: каждая жена, каждая мать все глаза выплакала...

Варвара Алексеевна, насколько могла, утешила старушку. Та под влиянием ласковых слов несколько успокоилась, вспомнила, что гостя с дороги устала, и сейчас же принялась хлопотать по хозяйству.

— Уж простите, милочка! — говорила она. — Совсем я старая, с ног сбилась. Как Оля слегла, везде одна.

Через несколько минут в столовой уже кипел самовар, явилась лёгкая закуска. Варвара Алексеевна успела побывать у больной. Нервнова действительно была без памяти. Нервы не выдержали, и жестокая болезнь свалила с ног молодую женщину, только что даровавшую жизнь новому человеческому существу.

Да, это истинно была жертва войны. Какое дело было несчастной больной до славы побед, до всех дипломатических ухищрений и политических осложнений? Что ей было за

дело до того, что наглецы Запада, гнавшиеся за коммерческими выгодами, взбаламутили «живое жёлтое море» и разбудили свирепого Дракона? Ведь это они отняли у неё мужа, отца её детей, это они от тихой семьи бросили его в крошечный ад штурмов, битв, кровопролития... Ничего ещё не было сделано, а жертвы уже были налицо...

Взволнованная донельзя, со слезами на глазах, смотрела Варвара Алексеевна на свою бедную подругу, и мысли её невольно неслись к тем, кто мог уже стать жертвой прогневанного Дракона.

Марья Дмитриевна за чаем передала ей все подробности разлуки её сына с семьёй:

— Знаю я, сильно страдал Васенька. Только и виду не подал, что у него на сердце творилось. Словно на пустяшный какой манёвр с ротой своей пошёл. Улыбался всё. Пока он был, и Оля крепилась. Его мужество на неё действовало. Да как ему иначе было! Он пример должен был показывать другим — подначальным. Русский, ведь, он! Как поход объявили, будто переродился, будто другой стал. Ходит к солдатам, послужить уговаривает.

Всех ободрил, все не на смерть, а на потеху пошли...

Так оно и было на самом деле. Старушка не преувеличивала. Велик дух русского воина! Во Владивостоке, откуда были отправлены в Порт-Артур первые воинские части, повеление о походе явилось полнейшей неожиданностью, но не было никого, кто бы при известии о походе выказал хоть на мгновение и тень слабости. От высших офицеров до последнего ротного замухрышки все выказали себя истинно русскими людьми. Без сожаления покидали тихие семьи, насиженные места. На смертельную опасность шли, как на весёлый праздник. Всеми руководило одно только стремление: с честью выполнить свой долг перед Родиной. Да, велик русский воин могучим духом, способным горами ворочать...

Долго ещё рассказывала Марья Дмитриевна гостю о сыне, об его мужестве, сама не замечая, что молодая женщина так и порывалась спросить о том, нет ли для неё каких-нибудь известий о муже. Наконец она вспомнила.

— Ах! — всплеснула руками Марья Дмит-

риевна. — Вот что значит старость не радость... Из ума вон. О своих делах толкую, а позабыла совсем, что вам телеграмма есть... да и не одна ещё, а целых две!

Варвара Алексеевна мгновенно оживилась:

— Где же? От кого?

— Сейчас, сейчас! Одна от супруга, верно, а другая, уж не знаю, из Пекина, кажется...

Старушка побежала во внутренние комнаты и через минуту вернулась с двумя телеграммами.

Кровь так и хлынула в голову молодой женщины, когда у неё в руках оказались эти пакетики. Она не могла даже решиться вскрыть их сразу. Только совладав с волнением, Варвара Алексеевна, не глядя, открыла первую попавшуюся под руку телеграмму. Один взгляд, и содержание было уже известно. Сердце замерло у неё в груди, голова закружилась, в глазах потемнело...

Это была телеграмма из Пекина. Старики Кочеровы уведомяли невестку, что Лена пропала без следа...

Несколько минут молодая женщина была

как в забытьи. Едва придя в себя, она схватила вторую телеграмму.

Эта была от мужа.

Михаил Васильевич телеграфировал жене, что он не может встретить её, не может даже оставить своего поста. Он просил или почти приказывал ей немедленно ехать в Благовещенск, где у них был свой дом, потому что, по его мнению, во Владивостоке было далеко не безопасно. В Благовещенск он обещал прибыть и сам при первой возможности.

Телеграмма мужа была составлена в таких выражениях, что Варваре Алексеевне только и оставалось повиноваться.

Марья Дмитриевна заметила бледность, внезапно разлившуюся по лицу Варвары Алексеевны.

— Что с вами, милочка! На вас лица совсем нет! — воскликнула она. — Худое известие получили?

Кочерова горько усмехнулась:

— Лена пропала, Миша не может выбрать, чего же ещё? Пришла беда со всех сторон. Вот посмотрите.

Она передала Марье Дмитриевне теле-

граммы.

Старушка ахнула, когда узнала об исчезновении Лены, которую помнила ещё маленькой девочкой.

— Что же теперь делать-то? Беда такая! воскликнула она.

— Как что! Мне нужно ехать в Благовещенск.

— Почему ехать? Полно! Успеете! Погостите, отдохните...

— Нет, нет!.. Может, Миша уже там... Телеграммы пришли три дня тому назад. Его надобно предупредить. Не пропадать же нашим старикам...

Сколько ни упрашивала Марья Дмитриевна гостью отдохнуть немного, Кочерова твёрдо стояла на своём. С первым же поездом Уссурийской дороги она уже мчалась в Благовещенск.

Быстро мелькали в окнах вагона виды один другого живописнее. Вот поезд, громыхая колёсами, пошёл по скалистому берегу Суйфуна; углублялся в страну. Промелькнули красивейшие Суйфунские, или Медвежьи, щёки — молодая женщина даже не бросила

взгляда на открывавшиеся перед ней великолепные картины. До того ли ей было?.. Она переживала минуты острого горя. Прошедшее рисовалось ей в самом мрачном свете. А будущее? Будущее было окутано туманом неизвестности...

XXIV ОПАСНОЕ МГНОВЕНИЕ

Два только Вань-Цзы покинул Кочеровых и двышел из Посольской улицы, как заметил, что бурлившие и без того народные массы находятся в новом, до последней степени напряжённом, состоянии.

Теперь среди народных толп были уже не одни фанатики-боксёры. В них замешались маньчжурские воины Тум-Фу-Сяна, дотоле державшиеся в стороне. Казалось, теперь они в своём озлоблении не уступали ни боксёрам, ни обезумевшей толпе. Какой-то чисто стихийный гнев овладел всеми ими, разнуздал их страсти и толкнул на ужасные дела.

— Убивайте иностранцев! — кричали тысячи голосов.

— Смерть белым дьяволам! Пусть ни один из них не выйдет живым.

— Месть, мечь!.. Не давайте пощады!

Эти крики неслись со всех сторон в Пекине и всё усиливались.

Очевидно, произошло что-то такое, что ещё более ослепило и возбудило толпу против засевавших за баррикадами европейцев.

В шумевших и готовых на всякие неистовства толпах теперь уже был не один бездомный сброд, примкнувший к и-хо-туанам, этим главным зачинщикам движения. Тут Вань-Цзы видел теперь почтенных старцев, людей с положением: зажиточных торговцев, богатых ремесленников, студентов, готовившихся к экзаменам. Все они словно слились в одном общем чувстве злобы против чужестранцев.

— Друг! — остановил Вань-Цзы одного очень почтенного с виду маньчжура, не отстававшего в своём неистовстве от других. — Скажите мне, пожалуйста, что произошло такого нового, что привело наш кроткий! народ в ярость?

— Где же ты был, если спрашиваешь об этом? раздражённо воскликнул маньчжур. —

Уж не сидел ли ты у европейцев, когда пришло известие о позоре нашей страны?

— О позоре? Что ещё?

Ты не знаешь! Он не знает о новом оскорблении... Ах, несчастный! Ты не плачешь, ты не горюешь вместе с вами... Уж не изменник ли ты?

— Я не был и не буду им! гордо вскинул голову Вань-Цзы. — Иначе я презрел бы память моих предков. Но неведение никому не может быть поставлено в вину. Неведомое до тех пор неведомо, пока не раскрыта его сущность. Поэтому знающие да спешат просветить не знающих. Так говорит великий учитель. Последуй же ты его совету и поспеши просветить меня в моём неведении!..

— Тогда узнай. Иностранцы, даже не объявляя войны, потребовали, чтобы им была сдана наша крепость Таку в устье Пей-хо... Разве не оскорбление это всей страны?

Гнев теперь так и запылал на лице молодого китайца. Он всем своим сердцем чувствовал ужасное оскорбление, нанесённое Европой его Родине.

— Как, неужели? — только и мог восклик-

нуть он. — Разве Китай уже находится в войне с Европой?

— Нет, «сын Неба» не обмолвился об этом. Не слышно ничего...

— Как же тогда?

— Так! — будто даже торжествовал маньчжур. — До сих пор народ всё ещё щадил пришельцев — щадил, потому что не было войны между Китаем и ими. Те, кто из них погиб, казнены справедливо народом за свои проступки, но теперь этого ничего не может быть. Народ терпеть более не может. Его гнев, направленный только против своих изменников, разразится и над головами белых дьяволов.

— О, нет, нет! — воскликнул Вань-Цзы. — Пусть народ повременит ещё немного...

— Ты — друг иностранцев?

— Я — дитя нашей страны. Неисчислимы бедствия могут постигнуть её, если народ поступит так. Пусть всё решат наши правители...

— Они бездействуют...

— Никогда! «Дочь Неба» и её слуги знают, что им делать. Если они молчат, значит, так

нужно.

Маньчжур печально покачал головой:

— Теперь народ не остановить. Невозможно успокоить морские волны во время бури. Так нельзя успокоить и народ, раздражённый донельзя. То, что было возможно до сих пор уладить путём мирных переговоров, стало немыслимо после их угрозы. Но что будет, если только они приведут её в исполнение, — сказать трудно...

Глаза Вань-Цзы наполнились слезами. Сердце его до боли сжалось томительным предчувствием. О, кто-кто, а он-то уж знал, что такое европейцы. Недаром он прожил среди них столько долгих лет, давших ему полную возможность приглядеться к ним, наблюдать их бессердечие, эгоизм, прикрытый мишурной декорацией якобы благородных порывов. Знал он, на что они способны, и заранее уже содрогался за свою несчастную Родину, давно уже привлекавшую к себе стан западных европейцев, нёсших с собой под знамёнами культуры одни только беды, уничтожение и смерть для всех тех, среди кого они появлялись...

— Если они нападут на Таку, — воскликнул он, — война неизбежна! Бедное, бедное моё Отечество! Сколько горя, сколько ужасов придётся перенести тебе!..

Кругом него собралась уже толпа, жадно прислушиваясь к каждому его слову.

— Это — богач Вань-Цзы! — послышалось в толпе. — Он — друг иностранцев!

И только раздалась эти слова, как толпа уже ревела:

— Смерть ему! Смерть всем друзьям иностранцев!

— Убивайте их, верные, дабы не погибнуть самим от их колдовства!

— Сжигайте их дома, разбивайте головы их детям, уничтожайте их женщин, потому что каждая из них или уже мать, или будет матерью врага страны Неба!

— Смерть им всем, смерть без пощады!

К несчастному Вань-Цзы протягивались уже десятки рук. Чувство непримиримой злобы всецело овладело этими людьми, готовыми на любое ужасное действие без всякого к тому повода.

Вань-Цзы почувствовал себя погибшим.

Разве мог он справиться с разъярённой толпой, отбиться от этих рук, хватавших и уже рвавших его платье.

Но так свойственная каждому китайцу беспредельная покорность своей участи, как бы ужасна она ни была, не оставила этого молодого человека. Перед лицом смертельной! опасности Вань-Цзы кротко улыбался, даже и не думая о сопротивлении.

Его схватили. Вань-Цзы слышал, как трещала его одежда, разрываемая на клочки.

— Смерть изменнику, смерть другу иностранцев! — гудели тысячи охрипших от крика голосов.

«Бедная Елена! — промелькнула в голове молодого китайца огненная мысль. — Как-то удастся тебе спастись теперь?»

Он ни на мгновение не сомневался в близости рокового момента.

Он уже был сшиблен с ног и лежал на земле под сыпавшимися на него ударами.

Вдруг словно что-то оттолкнуло от него бесновавшуюся толпу, только что готовую разорвать его на клочки. Руки опустились, и несчастный Вань-Цзы очутился на свободе.

— Прочь все! Да не коснётся его рука верного! — услышал молодой китаец голос Синь-Хо.

Вань-Цзы поднял голову и увидел, что сын Дракона, холодный, бесстрастный, стоял перед толпой, заслонив собой! жертву.

— Что вы хотели от него? — спросил Синь-Хо.

— Это — друг чужеземцев! — объяснил кто-то.

— Он изменник родной страны! — поддержали. — Он забыл законы предков.

— Смерть ему!..

Синь-Хо только улыбался.

— Верные, ко мне! — призвал он. — Услышьте: сын Дракона созывает вас. Явитесь по его зову!

В одно мгновение более сотни и-хо-туанов, до того рассредоточенных в толпе, окружили вождя.

При виде их толпа стала отступать всё далее и далее, так что образовалось свободное пространство.

И-хо-туане замерли на месте, обнажили свои длинные, похожие на косы ножи. Лица

их были мрачны, брови нахмурены. Глаза от их людей так и блистали бешеными огоньками. Синь-Хо был спокоен так он был уверен в неколебимом послушании этих людей.

— Вань-Цзы не изменник! — заговорил он. В этом я ручаюсь. Он дружит с иностранцами, но в то же время остаётся верным сыном своей Родины. Он нужен ей. Слышите вы это! Горе тому, кто осмелится поднять на него руку! Дракон запечатлел его!

С этими словами Синь-Хо наклонился к Вань-Цзы.

— Встань! — он протянул молодому китайцу руку.

Вань-Цзы с трудом поднялся и едва удерживался на ногах. Синь-Хо заботливо осмотрел его.

— Ничего! Это всё пустяки! — тихо заметил он. — Я подоспел вовремя.

— Мне очень тяжело, Синь-Хо, — сплёвывая кровь, признался молодой китаец. — И я благодарю тебя за помощь!

— Не нужно благодарности. Её ты можешь доказать нам делом, а не словами... Паланкин! — приказам он своим.

Несколько боксёров кинулись в толпу, расталкивая людей направо и налево.

— Вы слышали известие, принесённое из Тянь-Цзиня? — громко спросил Синь-Хо, обращаясь к окружающим. — Заморские дьяволы грозят нам разбоем в нашей великой стране. Нет больше терпения переносить их дерзость. Весь народ, все верные должны дать им отпор, дабы не посмели они более тревожить покоя великого Дракона.

— Смерть им! — пронеслось в толпе.

— Да будет так! Но те, кто засели там, должны быть пощажены! — и Синь-Хо указал в сторону европейского квартала. — Однако нельзя нам оставить в покое тех, кто в городе нашем, в древней столице страны Неба, сам нарушает права гостя и становится врагом радушно принявшему их народу. Пощадите их жизнь, но пусть ужасом будут полны их сердца. Пусть страх смерти не даст им покоя ни на мгновение, пока они сами не уйдут из нашей страны. Борьба неизбежна. Оружие пусть решит участь нашей Родины. Все верные пусть поднимутся на защиту Китая и будут все, как один, и один — как все!

Синь-Хо сделал величественный жест рукой, как бы повелевая всем разойтись.

С громкими криками хлынула толпа с площади в узкие улицы, ища себе новых жертв, готовая на всякое дело разрушения.

Сын Дракона, между тем, заботливо усадил в паланкин совершенно обессилевшего Вань-Цзы и приказал нести его в Императорский город.

Начинало темнеть, наступила ночь 3-го июня.

Все, кто только мог в Посольской улице покинуть свои дома, поспешили выйти на стену. Чувствовалось, что эта ночь будет более тревожна, чем все предшествовавшие.

Угнетённое настроение было заметно. Не слышалось прежних хвастливых разговоров и смеха; все примолкли, ожидая, чем разразится стоявшая в Китайском городе странная тишина.

Недавно ещё кипевший волнением город вдруг затих. Со стены улицы его казались вымершими, не видно было ни боксёров, обыкновенно в это время скоплявшихся на площадях и начинавших таинственные заклина-

ния, ни пекинской черни.

Так продолжалось час, два. Европейцы стали успокаиваться.

— Вероятно, подходит к Пекину отряд лорда Сеймура, — громко заговорил мистер Раулинссон. — Посмотрите, как притихли. Такая тишина совершенно не в правах этих негодяев.

— Правда! Правда! — слышались восклицания. — Только близостью этого отряда и можно объяснить такое спокойствие.

— Только одно подозрительно...

— Что? Что?

— Лорду Сеймуру давно уже следовало бы быть здесь, а его всё ещё нет... Чего он медлит?

— Нам известно, как ему приходится продвигаться вперёд... Путь испорчен, приходится чинить его. Мог пройти оставшиеся несколько миль и пешим ходом... Вероятно, он — сторонник правила, что следует спешить медленно.

Разом все уверились, что Сеймур уже у ворот Пекина; и, стало быть, всякая опасность миновала.

Группа серьёзных и важных дипломатов теперь уже толковала совсем о другом. На Сеймура они не особенно надеялись. Мало того, дипломатам было уже известно, что он «застрял» на пути. Зато послами была получена весть, в точности которой никто из них не сомневался. Через перебежчиков-китайцев пришло уведомление, что русский двухтысячный отряд под командой полковника Анисимова высадился в Таку и следом за отрядом Сеймура идёт на Пекин.

В том, что русским героям этот поход удастся, сомнений не было. Что Сеймур застрял в своей поездке, попятно было всем — нельзя же было в самом деле английскому лорду ехать по железной дороге, когда сняты были рельсы. Но что же могли значить для русских орлов каких-то полтора ста вёрст, отделявших устье Пей-хо от столицы Поднебесной империи? Три-четыре дневных перехода — и только.

Представитель Японии, едва только пришло известие, немедленно заговорил о том, что и его правительство пришлёт отряд такой же численности. Возбуждился уже вопрос, как

разместить столь большое число людей... Начали пересчитывать более или менее удобные помещения, спорить о продовольствии для солдат, а когда эти вопросы были исчерпаны, принялись решать судьбу Поднебесной империи, как будто она была уже завоёвана и великому народу можно было предписывать свои условия, распоряжаться им согласно не его воле, а своему желанию. Исполнялась в лицах старинная присказка: делили шкуру медведя, который не был ещё убит...

— Всё центральное управление мы должны изменить коренным образом! — совершенно серьёзно говорили дипломаты[49]. — Иначе никогда не будет порядка!

— Прежде всего должна быть совершенно отстранена от власти эта Тце-Хси... Вот первое дело.

— Но как же поступить с богдыханом?

— Очень просто...

— Как же?

— Известно, что Куанг-Сю болезнен и слаб. Таким образом, он должен быть взят под опеку...

— Регентство?

— Хотя бы и регентство!

— Но кто же будет регентом?

— Кто? Конечно, князь Цин...

— Я на это не могу согласиться! — последовало возражение одного из дипломатов. — Я никогда не допущу, чтобы Цин стал регентом.

— У вас, вероятно, имеется в виду свой кандидат?

— О да... Юн-Ши-Кай!

— Шандунский губернатор?

— Да, он!..

— На это я не могу согласиться.

— И я, и мы! Это противоречит всем нашим интересам... Вы тогда будете пользоваться исключительным влиянием.

— Есть ещё достойный, это — Нэ-Ши-Чен, генерал лучших войск. Он — самый подходящий регент...

— Нет, я стою за Юн-Ши-Кая!

Споры в этом духе продолжались ещё долго; о собственном опасном положении никто из дипломатов и не думал.

Вдруг страшный вой уже не сотен, а десятков тысяч хриплых голосов разом нарушил зловещую тишину над Пекином. Все вздрог-

нули. Многие побледнели. Невольная дрожь пробежала кое у кого по телу...

Но ещё несколько мгновений царила тишина.

Прошли эти мгновения, и вся столица Поднебесной империи озарилась колоссальным заревом. Казалось, загорелся весь Китайский город...

Такого пожара ещё не было ни разу с того дня, когда началось народное волнение.

Недаром примолкли боксёры. Едва только наступила ночь, они разом подожгли все лавки китайского Пекина, где были иноземные товары. Не разбирали, свой ли, чужой ли торговал в такой лавке. Достаточно было заметить несколько европейских вещей, и участь здания решалась моментально. Его поджигали со всем, что в нём находилось.

— Кто верный, пусть придёт за талисманом, — объявляли боксёры всем купцам торгового квартала. — Дома и магазины изменников обречены на гибель, но верным бояться нечего... Пламя не тронет их имущества, так вещают вышедшие из пещер духи.

И в самом деле боксёры или, вернее, пе-

кинские нищие от их имени раздавали за плату заклинательные надписи, которые должны были предохранять от пожара те здания, на воротах которых они будут приклеены... Все остальные были подожжены, и Пекин пылал. Более трёх тысяч домов, двадцать банков, бесчисленное множество лавок в торговом квартале были объаты огнём.

Зрелище с маньчжурской стены открывалось величественное. Вряд ли кто из стоявших на ней видел прежде что-либо подобное. Пламя уже не отдельными столбами, а сплошной массой поднималось к небу. Ярко-багровые тучи так и расплывались на всём огромном пространстве столицы. Было светло, как днём. Даже окрестности Пекина были видны на много вёрст в окружности.

— Безумцы! — твердил пришедший в негодование Раулинссон. — Что они делают! Что они хотят доказать этим? Кому они приносят вред? Самим себе только...

Русские, тоже бывшие на стене, молчали. Они припоминали пожар Москвы в великую Отечественную войну. И там так же поднявшийся на дерзких до наглости пришельцев

народ без сожаления жёг свои жилища. И там так же со стен Кремля глядели на огненное море с тоской, тревогой и негодованием те, кто осмелился пойти против народа, против дорогих ему заветов старины. Русские понимали всё значение, всю сущность открывавшейся перед ними ужасной, но всё-таки грандиозной картины...

— Посмотрите, эти негодяи не дают гасить пламя! — слышались голоса.

В самом деле, не только боксёры, но солдаты и полицейские силой прогоняли тех, кто пытался бороться с пламенем, заливая его водой.

Пожар становился всё сильнее. Ветер нёс громадные тучи дыма к северу, и они гигантским ковром расстилались над Императорским городом. Огненные языки лизали и маньчжурскую стену.

Крик ужаса раздался среди европейцев...

Вспыхнули ворота Цын-Минь, в ближайшем соседстве с Посольской улицей.

— Огонь перейдёт и в наш квартал, сгорим и мы!.. — слышались тревожные восклицания.

Вдруг снизу, с Посольской улицы, донёсся отчаянный крик:

— Пожар! Горим!

Пользуясь суматохой, несколько боксёров подобрались к небольшим воротам Пай-Лоу, запирающим западную часть Посольской улицы, и ловко подожгли их.

Теперь уже опасность непосредственно грозила всему европейскому кварталу. С ворот огонь свободно мог перейти на лёгкие строения, и тогда вся Посольская улица рисковала в несколько минут стать жертвой пламени.

К счастью для европейцев, этого не случилось. Моряки сумели очень быстро затушить огонь, и замысел боксёров не удался.

Целую ночь и утро продолжался этот грандиозный пожар... Выгорела огромная площадь, китайский Пекин превратился в груды тлеющих досок, брёвен, балок. Пепелище дымилось и, когда настал день, распространяло вокруг себя угарный смрад.

Европейцы, всё ещё питавшие надежду на Сеймура, понурили головы...

Да, их положение становилось весьма за-

труднительным. Опасность возросла с тех пор, как к скопищам боксёров и черни при-мкнули солдаты правительства.

Железное живое кольцо, выбиться из которого было нелегко, всё ближе и теснее окружало пленников, а Сеймур не только не шёл на выручку к ним, но даже было получено известие, что, не дойдя нескольких миль до Пекина, он повернул вспять...

XXV У ТУАНА

Вань-Цзы от слабости лишился чувств, едва только его усадили в паланкин. Сильно было только что перенесённое потрясение. Сказывалась приобретённая в Европе нервность, обыкновенно совершенно несвойственная китайской натуре. Так, в беспомощности и пронесли молодого китайца по улицам Китайского и Маньчжурского города в Императорский город.

Когда он очнулся, он даже не мог понять, где находится и что с ним. Мягкая удобная канга, на которой лежал Вань-Цзы, находилась в совершенно незнакомом ему покое. Убранство кругом было роскошное. Всюду золото, серебро, тончайшая резьба, ковры. Крас-

ные фонарики разливали мягкий свет, не раздражающий, а успокаивающий. Когда Вань-Цзы открыл глаза, ему представились богато разукрашенные алтари с дымившимися на них курениями — жертвами в честь предков. Великолепие алтарей поражало взор не менее, чем роскошь остальной обстановки, и по одному атому можно было заключить, что владелец покоя был лицом важным и знатным.

«Где же это я? — молодой китаец старался припомнить всё, что было перед тем. — Я не у Синь-Хо, тот живёт аскетом. Неужели я во дворце?»

Ещё раз оглядевшись, он убедился, что его догадка могла быть верной. Только во дворце была возможна роскошь, подобная той, какая окружала его.

Но это мало заинтересовало молодого человека. Тело его всё болело. Он чувствовал то жар, то озноб, голова была тяжела, веки смыкались.

«Неужели я захворал?» — Вань-Цзы не на шутку встревожился.

Он помнил, как очутился во власти разъ-

ярённой толпы, но помнил также и то, что ничего особенного ему не успели сделать благодаря вмешательству Синь-Хо.

«Тогда что же со мной?»

Он хотел было приподняться на своём ложе, но это не удалось. Велика была ещё слабость. Вань-Цзы смирился со своим положением и задремал.

Лёгкое прикосновение к плечу заставило Вань-Цзы открыть глаза. Он увидел перед собой маленькую очень молоденькую китайянку.

— Те!.. — она приложила палец к губам.

— Кто ты? Зачем? — молодой человек приподнялся, забывая свою слабость.

Молоденькая китайянка протянула ему маленькую, сложенную вчетверо записку и исчезла так же незаметно, как и появилась.

Вань-Цзы дрожащими руками развернул записку и невольно вскрикнул от изумления. Вот что он прочитал:

«Обо мне не тревожьтесь, я в полной безопасности. Сообщите отцу и маме. Когда увидите маленькую Уинг-Ти, скажите ей, как их здоровье. Она передаст мне. Елена».

Этих немногих строк было достаточно, чтобы всю слабость, всё недомогание Вань-Цзы как рукой сняло.

Молодой человек, не помня себя от восторга, вскочил на ноги. Силы вернулись, он чувствовал себя совершенно бодрым и здоровым.

«Елена! Это она пишет мне! Она! Она в безопасности. Она здорова. Чего мне желать ещё? Как я буду счастлив сообщить эту радостную весть старику-отцу и матери! Я успокою их. Синь-Хо прав. Не он ли и спас Елену? Если он — вечная ему моя благодарность, я готов быть ему верным рабом...»

Вань-Цзы был в таком восторге, что не заметил, как из-за портьеры, отделявшей покой его от смежного, вышли двое людей и теперь с улыбкой смотрели на него. Одни из них был Синь-Хо.

Вместе с ним вошёл среднего роста маньчжур, одетый просто, но вместе с тем с царственной роскошью.

— Я очень рад видеть вас, дорогой! Вань-Цзы, на ногах, бодрым и здоровым. Какое лекарство произвело на вас столь благотворное действие?

Вань-Цзы быстро обернулся.

— Принц Туан! — воскликнул он и с благоговением преклонил колени перед великим китайским патриотом.

— Не нужно, друг мой, не нужно этого, — мягко сказал Туан. — Встаньте! Знаки величайшего почтения необходимы только перед толпой, потому что ей нужен пример. Здесь же, где присутствуют одни избранные, можно обойтись и без этого.

Туан сделал несколько шагов вперёд и опустился в мягкое глубокое кресло, сделал Вань-Цзы знак присесть на низенькую скамеечку у его ног.

Синь-Хо стал позади, опираясь на спинку кресла.

Минуты две длилось молчание. Принц обдумывал что-то, Вань-Цзы с восторгом глядел на этого человека, которого обожал весь народ, видя в нём единственного защитника заветов предков.

— Я давно уже хотел вас видеть, потому что часто мне приходилось слышать о вас, — заговорил наконец Туан. — Когда несчастный безумец Кан-Ю-Вей пытался в своём ослепле-

нии потрясти всю страну Неба стремлениями к неисполнимым реформам, я знал вас. Знал я, что вы сочувствуете в принципе Кан-Ю-Вею, желаете для нашей Родины нового строя жизни, но в то же время считаете безумием сразу перестроить здание, на возведение которого были затрачены тысячелетия. Это доказывало ваш ум, и тогда я решился приблизить вас к себе. Поймите — цель моя проста и определённа. Вы не столько китаец, сколько европеец. Я знаю вашу жизнь. Дорого мне в вас то, что вы, став европейцем, в то же время остались искренним патриотом, для которого нет ничего дороже родной страны. Теперь я призываю вас на служение ей. Не бойтесь, я не потребую от вас ничего такого, что бы противоречило создавшимся у вас под влиянием европейцев убеждениям. Я хочу, чтобы вы стали носителем правды и, когда настанет время, выступили защитником своей Родины перед всем миром.

Туан на мгновение смолк и потом продолжал:

— Вы являетесь свидетелем величайших событий, величайших не только для страны

Неба, но и для всех государств. Начинается великий спор: борьба двух рас — жёлтой и белой. Трудно сказать, чем кончится она. Горько мне думать, что ближайшее будущее будет очень печально для моей страны, но я убеждён, что в конце концов победа останется за жёлтыми. Так будет. Иначе, чем так, быть не может.

Чем дальше говорил Туан, тем всё более оживлялось его лицо. Исчезло прежнее спокойствие, глаза блистали, движения руки становились быстрыми, грудь высоко вздымалась; даже ноздри — и те характерно раздувались, словно говорившему не хватало воздуха, и он старался поболее вобрать его в себя.

Вань-Цзы слушал принца, затаив дыхание, как очарованный. Он боялся пропустить хотя бы одно слово из его речи. Синь-Хо тоже сосредоточенно молчал.

— Я тоже, как и вы, был в Европе и несколько, хотя меньше вас, знаю её, — продолжал Туан. — Но я опытнее вас, кругозор мой обширнее, и многое, что проходит для вас бесследно, получает иное значение в моих глазах. Что происходит теперь, вы видите

сами. Я поведу речь о том, что произойдёт. Случилось то, чего мы боялись более всего. К европейцам пристали русские. Зачем? Что сделал им Китай — я не знаю. Постоянный мир был у нас с нашим великим соседом, и вот теперь этот сосед, бывший целые века нашим добрым другом, идёт на нас военной грозой. Нет сомнения, что мы будем побеждены. Да, грустно, но это так. Европа не страшна для нас. Всем её армиям не одолеть Китая. Но Китаю не устоять против России. Мы — родственники! Мало разве монгольской крови течёт в русских жилах? Но ничего не поделаешь, так суждено. Идут русские, мы будем бороться и с ними, хотя заранее уже уверены в своём поражении. Горе нам, горе!

Принц опустил голову на ладонь и в таком положении оставался несколько мгновений. Когда он опустил руку, глаза его казались влажными.

— Таку взят! — глухо сказал он.

Вань-Цзы вздрогнул.

— Взят? Кем?

— Русскими!

Туан ударил кулаком по ручке кресла.

— Да, взята русскими самая неприступная из наших крепостей, оплот нашей столицы. Они непобедимы. Вот почему я сказал, что борьба белой и жёлтой расы началась и должна кончиться поражением последней. Но мы приняли уже некоторые меры. Война — так война. Мы отвлечём русских от европейцев. В Мукден, Гириин, Цицикар к дзяньдзюню Шеу послано приказание начать военные действия на всей русской границе; это отвлечёт их отсюда, и мы выметим, как сор, всех этих союзников, прежде чем они успеют даже пошевелиться, чтобы пойти сюда. О, тогда, когда мы прогоним их, мы заключим мир с Россией и вечный союз... Тогда настанут блаженные времена для всего мира, потому что кто же посмеет пойти против Медведя и Дракона, когда они соединятся? И я уверен, что русские не отвергнут нас... Теперь о себе. Все величают меня извергом, убийцей. Посмотрите английские газеты. Там только и вестей, что о моих злодействах. А кому я что сделал? До сих пор ни один ещё иностранец не погиб по моей воле. Я сдерживаю народные массы, я оберегаю этих несчастных, которые сами се-

бя заперли в ловушку. Они свои целостность и невредимость приписывают исключительно себе. Так ли? Мне стоит сделать знак, и их перехватывают всех, даже не прибегая к оружию. На каждого из них кинутся тысячи наших людей. Они не успеют стрелять. Их приберут, и тогда даже я не могу ручаться за их участь. Народ разъярён и может забыться. А те словно умышленно распаляют его страсть. Стоит только подойти к стене несколькими и-хо-туанам, в них начинают стрелять и убивают. Я ещё удивляюсь долготерпению нашего народа. Он всё это видит, но миролюбие берёт верх. Европейцы остаются невредимыми. Скажут, что в эти дни в Пекине была масса убийств. Но это высказалась воля народа, которая — высший закон даже для его правителя. Народ сам уничтожал тех, кого ненавидел. Но иностранцев не тронули нигде. Что же, разве можно поверить, что четыре десятка матросов, засевших в Бей-Тане, в состоянии оказать какое-либо сопротивление нескольким сотням тысяч наших? Да, они сопротивляются там, пока я допускаю это. Мой жест — и они вместе с Бей-Таном будут стёрты с лица

земли. Это я, изверг, злодей, ненасытный убийца, непримиримый враг белых, т Туан горько усмехнулся, — охраняю всех их от народной ярости. Я отстаиваю сохранение их жизни в высшем совете, где, кроме двух членов его, все расположены против этих несчастных безумцев, утопающих с своей гордости! Все: и Кан-Ий, и могучий Тун-Фу-Сян, и Юн-Лу, и любимец Тце-Хси — Ли-Шань, действительный повелитель Китая, они все требуют уже их голов, их крови, а я, Туан, зверь во плоти, злодей, убийца, отстаиваю их. Да не подумают, что я — друг их, что я люблю их и они мне дороги. Никогда! Я убеждён, что они виновники всех бед моей страны, но я верю, что гибель их была бы позором для страны, и я не хочу, чтобы тень позора легла на мой народ. Но на оскорбление, на издевательство, за это разбойничье нападение, которое, не боясь позора, сделали иностранцы на нас, я отвечу. Генералу Ма уже приказано открыто начать войну с ничтожным Сеймуром, который пропал бы давно, если бы в его отряде не было русских. Нэ преградит дорогу европейцам на Тянь-Цзинь и осадит запертый там русский

отряд. Шеу будет обстреливать из своих пушек весь пограничный берег Хей-Лунь-Дзянь [50] для отвлечения русских туда. Я не пощажу великолепного сооружения — Восточной железной дороги. Увы, ценою жертв только приобретена будет свобода Китая. Мы, китайцы, не поступим, как они. Мы объявим войну и не позволим себе нападения врасплох, как сделали это они. Мы пойдём на них с открытым лицом, прямо, честно, а не станем действовать из-за угла. Это будет нашим ответом на Таку... Они так хотят, пусть будет так, по желанию их, пусть борются с народом, пусть победят его и разгромят его, но только, — Туан вдруг засмеялся, — даже погромом Китая они готовят себе гибель, приближают её... Так, так это! Гибель европейцев и в их же проклятых гнёздах была бы несомненна, если бы не вмешались русские, а мы могли бы ждать. Мы сильны. Мы взяли у Европы её деньги и на них же купили оружия у них же. За деньги европейцы всё продадут. Их оружейные заводчики поставили нам пушки, каких нет у их государей, учителя-европейцы учили наших солдат, как бороться против их

воинов. О, они хотели направить нас против русских, они готовили нас для борьбы с Россией в надежде, что мы ослабим великого Медведя, нашего соседа. Но их оружие и их опытность мы обратим против них же самих. Они, а не Россия, заклятые наши враги. Но если мы теперь и потерпим поражение, то всё-таки будем продолжать борьбу с Европой и, лишь только оправимся от погрома, который теперь неминуем, грозным, всеокрушающим потоком хлынем на них всей своей массой, и наш шестисотмиллионный народ раздавит ненавистных нам западных; европейцев, сотрёт их с лица земли...

Туан опять смолк.

— Повелитель! — прервал его молчание Синь-Хо. Но зачем ты хочешь щадить этих белых дьяволов, которым правится дразнить наш народ, убивая его сыновей? Какой позор в том, чтобы уничтожить врага? Прикажи — они погибнут.

Туан покачал головой:

— На что мне нужна их жизнь? Враг так жалок, что я даже не хочу обращать на него внимание. Пусть живут.

— И совершают бесчинства, расхаживают по городу, избивают народ, повинный только в том, что он желает жить по-своему? Ты хочешь этого, повелитель?

Лицо Туана потемнело.

— Нет, я этого не допущу более! Довольно! Я не позволю кому-либо, кроме законных правителей, распоряжаться в моей стране...

— Ты подашь знак? — обрадовался Синь-Хо. — О, мы готовы!

— Нет... Я сказал, что мне их жизнь не нужна! Они хотят остаться здесь, пусть остаются, но горе им, если они осмелятся выйти из своего логовища, решатся покинуть свой угол. Таких дерзких ждёт смерть, да, смерть, кто бы ни оказался...

Принц громко хлопнул в ладоши. Вошёл один на дворцовых слуг и, приняв почтительную позу, остановился в дверях покоя.

— Позвать Эн-Хая! — велел Туан, принявший, очевидно, какое-то решение.

Все трое молчали. Так длилось до тех пор, пока в покое не появился офицер дворцовой гвардии Эн-Хай, занимавший во дворце караулы.

Несколько мгновений Туан смотрел на него испытующим взглядом, будто желая заглянуть ему в самую душу.

— Эн-Хай, — сказал, наконец, он. — Я даю вам важное поручение, которое, надеюсь, вы исполните... Поручение очень ответственное.

— Я слушаю, ваша светлость, — отвечал гвардеец. — Я — солдат и свой долг знаю.

— Прекрасно! Тогда вот что... Вы возьмёте лучших из своих солдат и поставите караулы с обеих сторон Посольской улицы, той, где живут иностранцы. Вы должны оберегать их от всяких нападений и ответите мне за их жизнь.

Эн-Хай поклонился.

— Но, — продолжал Туан, и глаза его загорелись зловещим огнём, — если только кто-нибудь из них осмелится выйти из улицы, осмелится сделать попытку проникнуть в другие улицы, вы убьёте дерзкого... Слышите? Убьёте, кто бы он ни был...

— Будет исполнено, ваша светлость! — отвечал гвардеец.

— Я уверен в этом, идите! — милостиво кивнув Эн-Хаю, принц отпустил его.

Снова несколько мгновений прошло в молчании.

Заговорил Туан:

— Запомните, Вань-Цзы, это моё приказание. Вы видите, что такой изверг, как я, принимает все возможные в моём положении меры, чтобы спасти от народной ярости ничтожную горсть людей, открыто проклинаящих меня и ненавидящих мой народ. Будущее рассудит нас. Будущее! А настоящее? Увы, увы! Настоящее полно несказанных ужасов. Горе Пекину, когда придут сюда европейцы! Они не оставят камня на камне в нашей великолепной столице. Наши дворцы будут сожжены и разграблены, храмы поруганы, сокровища науки, собираемые тысячами поколений, будут уничтожены. Горе, горе нам! Они победят, но не надолго. Горе им, если Китай поднимется на них и пойдёт сам, а он только и будет думать об этом после своего поражения. Оправляясь от погрома, он будет грезить о расплате. Пусть погибает Пекин, пусть будут осквернены храмы, пусть прольются реки крови — но, по великим законам природы, нет преступления, которое осталось

бы без возмездия. А теперь жребий брошен, и избежать борьбы более нельзя. Весь народ заставляет принять сделанный нам вызов, и если не примем его мы, вершители судеб народа, правители его, то он, оскорблённый в лучших своих чувствах, поднимется сам, и тогда уже никто не в силах будет удержать его.

В голосе Туана слышалась глухая тоска, великая душевная мука; временами он дрожал так, что казалось, вот-вот выступят слёзы на глазах китайского патриота, спешившего воспользоваться минутами откровенности и высказаться по мучившему его вопросу.

— Запомните всё это, Вань-Цзы, — грустно закончил он. — Сохраните для будущих времён память великой борьбы, свидетелем которой вам предстоит быть. А теперь вы и Синь-Хо Оставьте меня. Скоро начнётся заседание высшего совета, а я, как вам известно, назначен его председателем. Идите, Вань-Цзы, с миром... Синь-Хо! Я поручаю его тебе, ты должен позаботиться о полной его безопасности...

Грустно улыбнувшись на прощание, Туан отпустил молодого китайца, но знаком оста-

вил при себе Синь-Хо.

Вань-Цзы, очарованный тем, кого весь цивилизованный мир считал безумным извергом, вышел из покоя. Он чувствовал, что силы снова вернулись к нему, явилась прежняя бодрость, а вместе с ней и желание послужить Родине, хотя бы на том поприще, которое указал ему Туан. Молодой человек страдал жестоко. Его гордость как патриота была уязвлена до последней степени; он ясно видел, что во многом Туан несомненно прав. Он чувствовал все эти мгновения такую ненависть к европейцам, что зверь, скованный до толе внешним воспитанием, стал пробуждаться в нём, и были уже мгновения, когда Вань-Цзы готов был сам встать в ряды бушующего народа и погибнуть за дело, которое он считал правым и святым.

Переходы дворца, по которым пришлось идти Вань-Цзы, казались словно вымершими. Незаметно было даже слуг, обыкновенно дежуривших здесь чуть не в каждом углу. Теперь не было никого. Царила мёртвая тишина, но Вань-Цзы знал общий план постройки и скоро выбрался в большой сад, окружав-

ший дворец.

Как только он очутился на крыльце его, перед ним мелькнула какая-то тень. Молодой человек на мгновение остановился и тотчас же услышал тихий шёпот. Голос был женский, мелодичный, и, как ни тихо были произнесены слова, Вань-Цзы всё-таки расслышал, что его приглашали куда-то.

Он на мгновение поколебался:

— Кто это говорит?

— Тс-с! — слышалось в темноте. — Иди, не бойся! Я — друг. Русская девушка послала меня за тобой, и я обещала привести тебя к ней... Иди, опасности нет.

Чувство радости быстро овладело всем существом молодого человека.

— Иду! Ты ведь Уинг-Ти? — зашептал он. — Так? Веди же меня скорее...

XXVI ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕНЫ

Инг-Ти — это была она — торопливо шла впереди, шла так быстро, что Вань-Цзы едва поспевал за пен.

В саду, окружавшем дворец, было несколько павильонов затейливой архитектуры, и к одному из них привела маленькая китаянка своего спутника.

— Здесь, сейчас! — прошептала она, стараясь в темноте отыскать вход в павильон.

Сердце Вань-Цзы сильно билось. Нетерпение овладело им. Как могла очутиться здесь Елена, которую он в глубине души до разговора с Синь-Хо считал погибшей, — он не мог понять. Однако он сознавал, что здесь любимая девушка в полной безопасности, и созна-

ние этого наполняло его душу радостью. Но всё-таки сердце его замерло, когда он вошёл в павильон, тускло освещённый несколькими бумажными фонарями.

Однако вместо Елены он увидел в полутьме павильона какую-то китаянку и стоял теперь, смущённый донельзя, не зная, что ему делать.

— Что же, Вань-Цзы, разве вы не узнаете меня? — раздался здесь хорошо знакомый ему голос.

— Елена! воскликнул молодой человек и кинулся к той, которую он только что принял за свою соотечественницу.

Теперь, когда глаза его достаточно привыкли к полумраку, он в китаянке, стоявшей перед ним, действительно узнал молодую русскую.

— Вас ли я вижу, Елена! — дрожащим от волнения голосом воскликнул он. — Вы здесь, в таком наряде!

— Это я! Как я рада вас видеть! — говорила девушка в ответ. — Но садитесь же, прошу вас, вот сюда! — указала она на низкий лёгкий табурет. — Скажите, прежде всего, что

отец? мать?

— Они живы и здоровы, тоскуют по вас... Они думают, что вас уже нет в живых...

Бедные, бедные мои! — со слезами воскликнула девушка. Какое ужасное горе причинила я им моим легкомысленным поступком!..

— Да, Елена, большое горе!..

— А виноваты всё-таки вы...

— Как? Чем?

— Своим непрошенным арестом...

— Но я боялся за вас и не видел иного способа удержать вас от посещения этого бала... Всем там грозила опасность.

— Вы должны были сказать мне.

— Простите, я не мог быть изменником... Это значило бы предать своих... Но что делать? Скажите мне...

— Пойдите. Прежде всего... отец и мать, вы говорите, здоровы? Господи, благодарю Тебя!.. Теперь скажите, что здесь творится? Что всё это значит?

— Увы, Елена, моя Родина переживает ужасное время!

— Что это? Народное восстание?

— Теперь оно перешло в открытую войну... Европейцы добились своего... У них есть повод уничтожить Китай, и они приводят в исполнение свой план... К великому сожалению, ваши соотечественники действуют с нами заодно...

— Да... вы говорите, война... Это ужасно... Ах, боже мой, если бы вы знали, что пережила я!..

Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Вань-Цзы встревожился:

— Что, Елена! Что случилось с вами? Умоляю вас, скажите мне. Скажите всё. Помните, что во мне вы имеете преданнейшего друга. Вас обидели? Оскорбили?

— Нет, нет! — запротестовала Лена. — Никто мне не причинил ни малейшего зла...

— Но тогда что же?

— Ужас, страх за будущее заставил страдать меня невыносимо.

— Но расскажите, умоляю вас, скорее...

Елена отняла от лица руки и начала свой рассказ. Вань-Цзы с жадностью слушал каждое слово, забыв даже, где он и что с ним.

Когда Лена осталась после ухода Вань-Цзы одна в его павильоне, то негодование на молодого хозяина овладело всем её существом. Пока Вань-Цзы был с Еленой, его ласковость, его задушевный голос умиротворяюще действовали на неё. Мало того, она даже прониклась уверенностью, что этот её неожиданный арест вызван только крайней необходимостью, что Вань-Цзы вынужден был поступить так, а не иначе. Но едва он ушёл, ей захотелось во что бы то ни стало поступить по-своему и доказать «дикарю», что европейскую женщину нет возможности задержать силой, если только сама она того не захочет. Упорство её с минуты на минуту росло всё более. Она начала уверять себя, что именно так должна поступить, хотя бы для того, чтобы доказать преимущества белой расы над жёлтой. Она стала обдумывать способ, как бы уйти ей из «тюрьмы», какой она считала богато убранный павильон молодого китайца. Явились новые соображения, поддерживавшие в ней упорство. Ночь, проведённая в доме совершенно чужого ей человека, по мнению девушки, могла запятнать её репутацию, и

единственным способом снять с себя это пятно было, по её мнению, немедленное бегство. Вся дрожа от нетерпения, она принялась ощупывать стены, надеясь отыскать хоть следы двери, через которую Вань-Цзы вывел её на балкон павильона. О том, что она видела оттуда, Лена и не думала. В своей гордости она не допускала даже и мысли о том, чтобы кто-либо из китайцев осмелился напасть на неё — белую женщину. В эти мгновения она жила только одним желанием: уйти поскорее из павильона. Поиски её в конце концов увенчались успехом. Лена нашла кнопку, открывавшую потайную дверь, нажала её, и дверь, к её великой радости, открылась. С лёгким криком восторга она взбежала наверх по крутой лестнице и очутилась на балконе. Было светло — зарево всё ещё стояло над городом. При свете его Лена могла осмотреться и увидела, что желанный выход есть. С балкона спускалась лёгкая лесенка. Не долго думая, девушка ступила на первую ступеньку и скоро очутилась в саду. Теперь оставалось лишь выбраться из него, а это казалось девушке совершенно лёгким делом. Она знала, что ки-

тайцы не строят прочных, высоких оград вокруг своих жилищ, а довольствуются лёгкой! изгородью, в большинстве случаев низенькой. Отыскать изгородь было пустым делом не прошло и трёх минут, как Лена уже была на улице. Но тут вдруг словно живая волна подхватила её и понесла куда-то вперёд, не давая возможности вырваться на свободу или изменить направление.

Девушка попала в толпу, явившуюся было к тому злополучному дому, где она думала провести этот вечер. Неожиданный ливень распугал волнующуюся чернь. Все без оглядки кинулись бежать, куда попало, и теперь в своём страхе перед обычным и вполне естественным явлением беглецы не заметили даже попавшей в их массу Лены. Они сплошной толпой бежали вперёд. Вокруг девушки были только китайцы. Инстинкт самосохранения заставил Лену не противиться движению пришедших в ужас людей и следовать вместе с ними. Да и можно ли было противиться? Эти тысячи ног смяли бы её, если бы она упала, что было неизбежно при первой же попытке выбиться из толпы. Лена задышалась,

воздуха не хватало, но она бежала-бежала, сама не зная, куда, зачем...

Незаметно толпа вынесла её из пределов Маньчжурского города, и она очутилась на узких улицах китайского Пекина, всё ещё озарённого отблеском затихающего пожара. Здесь толпа стала редеть. Люди кидались в боковые улицы и переулки. Лена скоро могла уже остановиться, чтобы перевести дух. Но теперь она с ужасом поняла, что из огня ей пришлось попасть в полымя. В павильоне Вань-Цзы она всё-таки была в полной безопасности и знала, где она находится. Здесь же улицы были совершенно незнакомы ей. Спросить дорогу она не могла, не зная китайского языка. Да и прямо не смела сделать это. Теперь девушка понимала, что каждый, к кому бы она ни обратилась здесь, увидел бы в ней заклятого врага, которому её страдания и — что хуже их — позор только доставили бы удовольствие.

Положение её в самом деле было безвыходным. Обыкновенно смелая и находчивая, она положительно не знала, что теперь делать, и боязливо жалась к домам, стараясь

только, чтобы её не заметили проходившие и пробежавшие мимо люди, в числе которых она явно различала и-хо-туанов по их перевязям и амулетам.

Пока шёл ливень, никто не замечал Лены, спрятавшейся в тёмном углу за выступом какой-то лавки. Но когда дождь прошёл, то первый же появившийся на улице китаец сразу заметил дрожавшую в лихорадке девушку и спешно подошёл к ней.

Лена даже присела, ожидая рокового удара.

— Сжальтесь! — только и могла пролепетать она.

Но китаец смотрел на неё и качал головой.

— Как вы попали сюда? — услышала Лена вопрос на плохом французском языке. — Вы белая женщина, и вам следует быть дома в своём квартале.

— Я заблудилась! — воскликнула она. — Спасите меня, и мои близкие щедро наградят вас за это... Умоляю вас, окажите мне помощь... Я останусь вам вечно благодарна.

Китаец только покачивал головой, но Лена теперь уже ободрилась. Она видела, что перед

ней не враг, а, напротив, искрение сочувствовавший её положению человек.

Китаец что-то соображал. Лицо его было хмурым и одновременно выражало некоторое смущённо.

— Спасти вас, — заговорил наконец он, коверкая слова. — Да, спасти вас, когда я сам не могу поручиться, буду ли я... будет ли моя семья живы к восходу солнца? Нечестивые язычники рассвирепели, они решили убить всех, кто оставил учение Конфуция и Лао-Цзы и уверовал во Христа...

Из этих слов Лена поняла, что перед ней один из обращённых в христианство пекинцев.

— Тогда молю вас сделать для меня что-либо ради Христа! — воскликнула она. — Я вижу, что вы веруете в Него. Тогда Он защитит вас силой креста... Вспомните Его заповедь о любви к ближнему...

Китаец как-то странно улыбнулся в ответ на это напоминание.

— Если бы люди с таким же цветом кожи, как ваша, помнили заповеди, которым они учат нас, не было бы ничего того, что проис-

ходит теперь... Но я — не европеец, будь, что будет... Идёмте, я сделаю попытку. Может быть, мне и удастся помочь вам...

Китаец подал Лене знак следовать за ним и осторожно двинулся вперёд, стараясь не выходить из тени на освещённые лунным светом места.

Непосредственная опасность для Лены миновала, но зато теперь она ясно представляла весь ужас своего положения. Одна на улицах объятых волнением города, среди скопищ фанатиков и озлобленной черни, она не могла быть уверена даже за один миг своего будущего. Защита, так неожиданно явившаяся ей в тот момент, когда она положительно теряла голову, была совершенно ненадёжна: Что мог сделать для неё человек, который сам подвергался смертельной опасности, так как каждый!

боксёр, каждый из приставшего к этим фанатикам сброда видел в нём обречённую жертву, уже отданную на удовлетворение его ярости?

Но как бы малонадёжна ни была защита, Лена чувствовала себя гораздо спокойнее,

чем в то время, когда была совершенно одна. Всё-таки около неё было человеческое существо, очевидно, расположенное к ней, и уже одно это действовало на девушку ободряюще.

Улицы, по которым приходилось идти Лене и китайцу, казались вымершими — так распугал пекинцев неожиданно хлынувший ливень, в котором они увидели выражение гнева небесною дракона. Все они попрятались в свои логовища, и пока с неба падала хоть одна дождевая капля, ни один из них не решился бы выйти из-под кровли. И Лева, зная об этой боязни китайцев к дождю, могла чувствовать себя совершенно спокойной. Но теперь она жестоко упрекала себя за легкомыслие, с которым она покинула гостеприимный кров Вань-Цзы. Теперь она вполне понимала поведение своего китайского друга, но — увы! — осознание этого пришло слишком поздно, и бедной девушке приходилось расплачиваться за своё упрямство...

Китаец-христианин шёл впереди, то и дело приостанавливаясь и прислушиваясь, не слышно ли на их пути подозрительного шума. К счастью и для него, и для Лены, всё ещё

было тихо на улицах Пекина.

Наконец они, после долгого пути по каким-то кривым закоулкам, вышли на площадь, где красовалось величественное здание Бей-Танского собора.

— Я живу здесь неподалёку, — сказал проводник Лены. — Но чувствую только, что жизнь моя скоро оборвётся.

В голосе его звучали уверенность в неизбежности близкой гибели и полная покорность судьбе.

Лену до глубины души тронула его печаль, так ясно прозвучавшая в голосе.

— Бог даст, всё обойдётся! — пробовала утешить спутника она. Не звери же ваши земляки, чтобы уничтожать без разбора и правых, и виноватых...

Китаец покачал головой:

— Они считают, что все, уверовавшие во Христа, изменили Отечеству. И поступают с ними, как с презренными изменниками.

— Но вы же остаётесь верными вашей Родине!

— Конечно! Ни я, ни кто-либо из иных наших христиан не думал об измене.

— Тогда чего же они хотят?

— Они хотят, чтобы проповедники Христа оставили нашу страну.

— Но зачем?

— Увы! В этом виноваты сами отцы-миссионеры: они, проповедуя заповеди Христовы, сами не исполняют их и сеют ненависть между моими земляками.

— Не может этого быть! — горячо воскликнула Елена. — В последнее время я только и слышу, как все нападают на проповедников Христова учения, но вся русская миссия мне знакома, и я ни от одного из миссионеров не слышала, чтобы они проповедовали что-нибудь недостойное их сана.

Китаец, приостановившись, взглянул на Лену.

— Вы, стало быть, русская? О, тогда... тогда я жалею, что решился оказать вам помощь.

— Почему же?

— Вы — схизматичка... Вам нечего ждать спасения вашей души, и вам, чем скорее погибнуть, тем лучше...

— Как? — вне себя от изумления воскликнула Лена. — Откуда вы это знаете? Кто ска-

зал вам такое?

— Отцы-миссионеры... Они постоянно говорят, что только те спасутся, кто верует по обряду западно-католической церкви. Кто покорен римскому первосвященнику, только тот может надеяться на спасение, всё же остальные должны погибнуть в адских мучениях...

Лена задрожала, услышав эти слова. Теперь, когда она переживала ужасные минуты, эта проповедь человеконенавистничества, проповедь, которую внушали простому народу те, кто должен был бы быть носителями высшего идеала, показалась ей чудовищным, ужасным преступлением, недостойным человека; теперь она начинала — хотя и смутно — понимать маньяческие причины совершившихся ужасов.

— Как? Неужели отцы-миссионеры учат вас этому? — поразила она.

— Да, они проповедуют это нам в своих храмах и школах... Ваши проповедники, положим, ничего не говорят об этом, но зато у них совершенно нет прозелитов... Очень тяжело испытанию подвергают они тех, кто при-

ходит к ним... Они ничего не дают за крещение, и креститься всегда выгоднее у миссионеров Запада, чем у ваших священников... У нас есть такие ловкачи, что ухитряются креститься по несколько раз, и за каждый раз они получают приличное вознаграждение. Для бедного китайца крещения у отцов-миссионеров дают хороший заработок.

Этот несчастный даже не понимал всего цинизма своих слов...

Лене становилось неловко, именно этот цинизм, вовсе не напускной, а совершенно естественный, коробил её. Но кто же мог винить этого бедняка, с такой наивной искренностью высказывавшего свои убеждения, за то, что внушено ему было теми, кто принял на себя обязанность просвещать его ум и сердце светом величайшей любви, но вместо неё сеял в них только мрак человеконенавистничества?

XXVII ВО ВЛАСТИ БОКСЁРОВ

Осле многих поворотов в переулки и переходов по ним Елена и китаец вышли, миновав Бей-Тан, в узкую улицу, упиравшуюся в соборную площадь.

— Здесь! — сказал Елене её спутник и жестом указал на маленький грязный домик, погруженный в мёртвую тишину.

Девушка остановилась в нерешительности. Невольный ужас охватил её. Переступив порог этого дома, она всецело отдавала себя во власть этого чужого человека — Жака Чи, как она уже узнала, китайца-католика, служившего при католическом госпитале в приходе Бей-Танского собора.

Чи заметил её нерешительность и горько

усмехнулся:

— Не бойтесь, входите смело. Я на коварство не способен, и вы можете довериться мне. Я не хочу вашей гибели!

— Я и не боюсь ничего! — возразила Лена.

— Ступайте же тогда смело в мой дом!.. Если суждено нам погибнуть, то погибнем вместе.

Он пошёл вперёд, Елена последовала за ним, внутренне упрекая себя за то легкомыслие, с которым она оставила дом Вань-Цзы.

Но теперь нечего было и думать о том, чтобы исправить свою ошибку. Вся её дальнейшая участь безусловно была в руках этого Чи, казавшегося с виду хорошим малым. Но Елена не знала его и даже боялась, слыша его циничные рассуждения по религиозным вопросам.

Домик Чи, как и все дома Пекина, был самой лёгкой постройки. Его внутреннее расположение было самое обыкновенное: одна большая комната с печкой и кангой, затем клетушки — узкие, низкие и тесные.

На пороге их встретила пожилая китаянка с грудным ребёнком на руках.

— Моя жена, — указал на женщину Чи и заговорил с ней на грубом печилийском наречии.

Жена, покорно улыбаясь, что-то отвечала ему, склоняясь при этом в знак согласия.

Наконец они что-то решили.

— Гость в доме — это дар Бога! — внушительно изрёк Чи, обращаясь к Елене. — Что бы ни было, я и семья моя окажем вам, мисс, возможное покровительство. Можете положиться на нас.

— О, благодарю, благодарю вас! — сказала Елена. — Моей единственной просьбой будет... доставить мне возможность вернуться к моим близким в Посольскую улицу.

Чи покачал головой:

— Что будет завтра, это мы увидим. А сегодня об этом нечего и думать...

— А если бы попытаться?

— Нет! К чему бесполезная попытка? Теперь ночь, все ворота заперты, и в Маньчжурский город пройти невозможно.

— Но когда же?

— Мы попробуем завтра. Моя жена отдаст вам своё платье, и вы, переодевшись в него,

пойдёте за мною. Теперь же ночь, и лучше всего будет, если мы предадимся сну... Он необходим всем нам.

Чи сказал несколько слов своей жене. Та поклонилась мужу, вышла и через несколько минут вернулась, неся очень незатейливый ужин китайских бедняков.

Елена сильно проголодалась. Молодость брала своё. Как ни велико было пережитое ею волнение, а всё-таки молодой организм требовал подкрепления. Кроме того, девушку тронула деликатная заботливость, которою Чи и его жена окружили её — их неожиданную гостью. Она невольно сравнивала этих жалких китайских бедняков с теми европейцами-простолюдинами, которых ей приходилось видеть, и вывод был далеко не в пользу последних.

Чи был настолько деликатен, что, оказывая совершенно чужому ему человеку гостеприимство, грозившее ему опасностью, и обещая свою помощь, даже не заикался о каком бы то ни было вознаграждении.

Ужин состоял из нескольких блюд. Были только овощи и в очень умеренном количе-

стве, но зато все они были приготовлены так вкусно, что девушка ела с большим аппетитом.

После ужина Чи удалился, и его жена подала Елене полный костюм китаянки и знаками предложила ей переодеться. При этом она ласково улыбалась, стараясь ободрить так и трепетавшую от вполне понятного волнения Елену. Та повиновалась и быстро превратилась в пекинскую простолюдинку. Китаянка сделала ей причёску на китайский лад и только, указывая на ноги, покачала головой, как бы желая сказать, что обман при взгляде на них может быть сейчас же открыт. Это сообразила и Елена, впадшая, что только женщины маньчжурских семейств не уродуют себе ноги, а все остальные китаянки сразу узнаются по своим ножкам совершенно неестественной формы.

Но ей не хотелось думать о завтрашнем дне. Пережитое волнение сказывалось, и глаза Елены смыкались. Хозяйка заметила это и с лёгким поклоном вышла из комнаты, указав Елене знаком, что канга в её распоряжении.

Едва Лена осталась одна, как она поспешила опуститься на колени и, прежде чем заснуть, стала горячо молиться Богу об избавлении её от опасности, столь близкой и почти неизбежной.

Крепко спала девушка вплоть до самого утра, так крепко, что даже снов никаких не видела в эту ночь. Когда наутро она проснулась, то была уверена, что Чи сейчас же поведёт её в европейский квартал. Но прошло утро, наступил полдень, китайца всё не было видно. Его же жена, по-прежнему предупредительная и ласковая, только улыбалась в ответ на все вопросы Елены, не понимая их.

Чи вернулся перед сумерками. Он был очень грустен и казался чем-то не на шутку озабоченным.

— Нечего и думать попасть сегодня в Посольскую улицу, — сказал он, вежливо поздоровавшись с Еленой.

Сердце девушки болезненно сжалось:

— Отчего же?

— И-хо-туаны заняли все улицы, ведущие к Ха-Дамынским воротам.

— Но разве нельзя обойти их?

— Нет! Их там много, они не пропустят никого...

— Тогда что же мне делать?

— Приходится ждать...

— Ждать? Но, дорогой! Чи, разве не могли вы подать обо мне хотя бы весть в посольство? Я уверена, что там попытались бы выручить меня!..

Чи покачал головой:

— Я боюсь, что сами посланники попались в ловушку и не осмелятся выйти из своих убежищ.

— Их осадили?

— Пока нет... Но разве можно дразнить зверя, который разъярён и без того?

— Неужели всё это так серьёзно?

— Вы слышите? — сделал знак прислушаться Чи.

Рёв толпы ясно доносился до убогого жилища этого бедняка.

— «И-хо-туан» бесконечно силён пока. Его боятся даже императорские солдаты, уверенные, что их пули бессильны против людей, которых осенил дух...

— И вы, христианин, верите этому? — изу-

милась Елена.

— Я говорю только то, что знаю! — пожал плечами Чи. — Я не верю, но зато верят в это миллионы моих земляков. Они пойдут за их-туанами, и тогда — горе всем европейцам...

— Что же нам делать?

— Я уже сказал: терпеливо ждать.

— Долго?

— Не знаю... День, два, может быть, более... Ждать, пока не придёт помощь извне...

Опять ужас объял девушку. Она даже заподозрила было Чи в неискренности, но тон китаяца был так правдив, что не могло быть и речи о каком бы то ни было коварстве с его стороны.

В трепетном ожидании провела Елена весь следующий день. Она только удивлялась тому спокойствию, с которым переживали тревогу их положения Чи и его семейство. Опасность была несомненная. Елена знала, что боксёры начали кровавые расправы с теми, кого считали изменниками. Рёв фанатиков и черни не смолкал теперь целые сутки. Слышны были отдельные выстрелы, потом залпы. К ним примешивались звуки трещоток, гон-

гов, барабанов, пронзительное взвизгивание рожков. Обыкновенно спокойный, Пекин нельзя было узнать. Он превратился в ад. Ночью зарево пожаров венчало его огненной короной. Иногда крики и завывания фанатиков раздавались очень близко от домика Чи. Кровь тогда застывала в жилах девушки, и её даже брала досада на улыбку, никогда не сходившую с лица китаянки.

«Что же мне делать? — мучилась вопросом Елена. — Неужели я не могу принять меры к своему спасению и должна с такой же пассивностью, без борьбы покориться участи? Где же хваленая европейская энергия, находчивость? Нет, я не могу так, лучше уже один конец!..»

Елена начала подумывать, как бы ей ускользнуть из-под гостеприимного крова! И она привела бы в исполнение свою новую безумную затею, но, видно, ей суждено было испытать в полной мере все ужасы народного возмущения...

Смутно помнила Елена всё свершившееся с ней в ту ужасную ночь, когда боксёры открыто пошли против ненавистных им ино-

странцев.

Было совершенно темно, и только зарево громадного пожара несколько рассеивало мрак ночи. Крики, вопли и завывания боксёров и их спутников раздались вдруг около домика Чи, которого до тех пор фанатики почему-то оставляли в покое. Невозможно было разобрать отдельные восклицания и слова; толпа гудела, как гудит море, разбиваясь волнами о скалы. Елена увидела, как вдруг побледнел Чи; с лица его даже исчезла обычная улыбка. Его жена кинулась к детям; это было инстинктивное движение самки, стремящейся защитить своих детёнышей, хотя бы ценой собственной жизни.

— Чи, дорогой Чи! Что это? — похолодела Елена.

— Это... Это — смерть! — молвил китаец. — Они знают, что я крещён.

— Но разве можно отдавать свою жизнь без сопротивления?

— К чему оно? Неизбежного не избежать... Их там — что песку на дне морском... Они уже попробовали крови и вошли во вкус её... Молитесь! Час смерти настал. Только чудо мо-

жет спасти нас.

Елена услышала громкий треск и в то же время невыносимый запах, который ещё более напугал её.

— Они подожгли дом! — прошептал Чи. — Если мы не хотим погибнуть от огня, то должны будем умереть под ножом.

— Господи! Спаси меня! — воскликнула Елена.

Она индола, как Чи, к которому вернулось прежнее спокойствие, жестом указал жене на выход из домика и как та с улыбкой, будто застывшей на лице, покорно пошла навстречу смерти.

— Чи, куда вы? — крикнула Лена. — Они убьют вас, не ходите!

— Что поделать! Так суждено мне! Я сделал для вас всё, что мог. Прощайте!.. Если чудо спасёт вас, отслужите за мою душу обедню! — сказал Чи. — Я иду, потому что смерть от огня мучительна, а там ждёт меня скорый конец.

Он пошёл, даже не оглянувшись на Елену. Та кинулась за ним.

Она слышала, как взвыла смолкшая на

мгновение толпа, и ясно различила душераздирающий вопль ребёнка. Не помня сама, что она делает, Елена, словно повинувшись какому-то внутреннему толчку, кинулась к выходу. Да и пора уже было. Домик горел, и все его клетушки наполнились дымом. Девушка, очутившись на пороге, так и застыла на месте. Глазам её представилась ужасная картина. Жена Чи отчаянно отбивалась от громадного парня, вырывавшего из её рук ребёнка. Старшая девочка — дочь Чи — валялась уже на земле с разбитой о камень головой. Самого китайца не было видно...

Опять девушка почувствовала, что будто кто-то толкает её вперёд. Не помня себя, она кинулась к фанатику, уже успевшему вырвать ребёнка из рук матери, и, прежде чем тот успел ударить малютку головой) о камень, вдруг с неестественной силой вцепилась в его руки своими маленькими ручками...

Недаром Елена была не изнеженная европейская девушка, а природная сибирячка. Она и так, была физически сильна, но теперь ужас ситуации учетверил её силы. Здоровый

парень, увидав такое совершенно неожиданное нападение, растерялся. Толпа вдруг смолкла.

Всякая неожиданность действует на китайцев поражающе. А тут была такая неожиданность, какой никто даже предвидеть не мог.

— Как вы смеете! — раздался в наступившем безмолвии крик Елены. Как осмеливаетесь вы поднять руку на ребёнка!..

В своём истерическом исступлении Елена выкрикивала эти слова по-русски. Она не думала даже, что её некому здесь понять. Но это-то и спасло её.

Едва только раздался дикий крик бедной девушки, как сразу последовало какое-то приказание, отданное толпе грубым мужским голосом.

Услыхав этот голос, все боксёры разом стихли и почтительно расступились, пропуская к Елене Синь-Хо.

Глава «И-хо-туана» подошёл к девушке, всё ещё не выпускавшей из своих рук руки боксёра, давно уже оставившего малютку. Синь-Хо посмотрел на девушку долгим пристальным

взглядом и спросил:

— Ты русская?

— Да, я русская! Кто осмелится поднять на меня руку? — не помня себя от волнения, воскликнула Елена. — Или вы забыли, что Белый царь всемогущ? Он жестоко отомстит вам за каждый волос, который по вашей воле упадёт с головы хоть одного русского...

Синь-Хо мрачно улыбнулся:

— Когда охотятся на хищных волков, то и кроткие овечки подвергаются опасности, если их не узнают. Но довольно...

Затем Синь-Хо, обращаясь уже к своим подчинённым, произнёс несколько слов по-китайски.

Сейчас же к Елене бросились трое дюжих парней с красными перевязками через плечо. Бедная девушка пробовала было бороться с ними, но это было выше её сил. В несколько мгновений её схватили. Теперь Елену оставили не только силы, но и сознание. Она лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, то увидела, что находится в роскошно убранном в китайском стиле покое. Сделав страшное усилие, она

приподнялась на локтях, осмотрелась вокруг себя и заметила, что, кроме неё, в том женское, очевидно, ожидая, когда она придёт в себя, сидит маленькая китаянка, такая миниатюрная, что Елена сперва приняла её за ребёнка.

— Кто бы вы ни были, умоляю вас, дайте воды! — простонала девушка.

Китаяночка с хорошей, доброй улыбкой поднялась с табурета и поднесла Елене кувшин с каким-то ароматным питьём.

— Пейте, не бойтесь! Уинг-Ти — ваш друг, — молвила она по-русски.

Елена даже не удивилась, услышав родной язык не до того было ей. Она с жадностью выпила поданный ей напиток и вдруг почувствовала, что веки у неё отяжелели и смыкаются. Спустя мгновение она уже спала непробудным сном.

Уинг-Ти склонилась над Еленой, прислушалась к её ровному дыханию и улыбнулась.

— Русская девушка теперь будет здоровой, — сказала она и тихо вышла из покоя.

Уинг-Ти — это была дочь несчастного Юнь-Ань-О давно уже была в Пекине. Жалость ли

проснулась в душе свирепого посланника Дракона, с таким хладнокровием казнившего несчастного старика при одном только подозрении в измене, другое ли какое чувство родилось в его душе, только Синь-Хо, поджёгши дом старика, поспешил скрыть Уинг-Ти у одного из своих сторонников в Порт-Артуре. Передав ему затем свои инструкции, он, пользуясь вызванной пожаром суматохой, никем не замеченный выбрался из русского города в Кин-Джоу, но не один, а вместе с дочерью своей жертвы. Он навёл на неё такой ужас, что бедная девушка и не помыслила о сопротивлении, хотя в Порт-Артуре был такой! момент, когда ей достаточно было только крикнуть, чтобы Синь-Хо схватили стражники, только из-за суматохи не обратившие внимания на убегающую вон из города странную пару. Воля Уинг-Ти была парализована. Она стала сама не своя и покорно следовала за Синь-Хо, всюду, куда только бы ни вёл её. Так они очутились в Пекине.

Поведение Синь-Хо в отношении пленницы тоже отличалось странностью. Этот суровый человек обращался с молоденькой де-

вушкой, как с ребёнком. Ни малейшего насилия он не позволил себе по отношению к дочери своей жертвы. Напротив того, он обращался с ней, как с родной дочерью. И Уинг-Тини в чём не могла пожаловаться на своего господина.

Очувившись в Пекине, она совершенно покорилась своей участи и даже перестала думать о том, чтобы как-то вернуться домой. Она совершенно не скучала по братьям, но когда ей вспоминался бравый казак Зинченко, глаза её затуманивались внезапными слезами.

В Пекине Синь-Хо окружил Уинг-Ти такой роскошью, о какой она и мечтать не могла, когда жила в убогой фанзе своего старого отца. Теперь целый павильон в парке императорского дворца был к её услугам. Слуги появлялись по первому её зову, всё, чего ни пожелала бы она, подавалось по первому её требованию. Уинг-Ти была почти счастлива. В своей молодой наивности только и мечтала она о том, чтобы это счастье разделить с молодцом-казаком, смутившим однажды её сердечко.

Что происходило вокруг её, Уинг-Ти не знала. Она не имела ни малейшего понятия о совершившихся в Пекине грозных событиях. Зареве частых пожаров сперва пугало её, но потом она привыкла к ним и перестала обращать на пожары внимание.

Лишь постоянное одиночество томило её. Зато как же она была обрадована, когда однажды вечером принесли в её павильон бесчувственную Елену.

— Это — русская, — сказал ей Синь-Хо. — Ты должна заботиться о ней, как сестра, потому что она останется здесь.

— Я сделаю всё по твоему слову, мой господин, — последовал покорный ответ.

— Ты говоришь по-русски, и потому-то я поручаю её тебе. Будь добра с нею!

— Я буду ей сестрой...

Суровость на мгновение исчезла с лица сына Дракона; с каким-то особенным чувством он погладил по голове маленькую Уинг-Ти и быстро ушёл вершить далее своё ужасное дело разрушения.

Елена проспала, ни разу не проснувшись, всю ночь и всё утро. Зато когда она просну-

лась, она почувствовала себя совершенно здоровой. Силы вернулись к ней, но вместе с тем явилось сознание того, что теперь она в неволе, в плену, из которого ей уже не удастся вырваться.

Напрасно она расспрашивала Уинг-Ти, безотлучно находившуюся при ней, где именно она находится; маленькая китаянка не могла ответить ей на вопросы. Она и сама не знала, и от Елены от первой — услышала о тех событиях, о тех ужасах, что происходили в Пекине.

Елена и Уинг-Ти быстро сблизились между собой. Маленькая китаянка так и подкупала своей молодой наивностью и неподдельной ласковостью, и нельзя было не полюбить её. Скоро это сближение стало ещё теснее. Уинг-Ти на первых же порах рассказала Елене о своей жизни на родине, в Порт-Артуре. Елена узнала о её знакомстве с Шатовым. Уинг-Ти искренно обрадовалась, когда услышала от своей русской подруги, что молодой русский офицер — её жених, и, с своей стороны, не замедлила рассказать Елене о Зинченко. Явились общие интересы. Девушки теперь целые

часы проводили в разговорах и не замечали, как проходило время.

Синь-Хо не показывался, хотя Уинг-Ти знала, что он бывает в большом дворце, который, как ей теперь уже было известно, принадлежал принцу Туану.

Ни та, ни другая девушка не имели понятия, зачем Синь-Хо держит их взаперти — как пленниц — и вместе с тем окружает всеми знаками внимания.

В тот день, когда Вань-Цзы был принесён во дворец Туана, Синь-Хо впервые появился в павильоне у девушек. Только теперь Елена могла рассмотреть его, но он вовсе не поразил её своим мрачным видом. Напротив; Елена помнила, что именно ему она обязана своим спасением.

Когда Синь-Хо вошёл в павильон, она принялась его благодарить. Но тот довольно резко перебил её:

— Не благодари меня. Если бы ты не была русской, то погибла бы! Только это спасло тебя... Потом, если ты хочешь уведомить твоих отца и мать о себе, я разрешаю тебе написать им несколько строк. Здесь Вань-Цзы, которого

ты знаешь. Я разрешу Уинг-Ти передать ему твоё письмо.

— Благородный мандарин, принц или ещё кто-то... Скажи мне, чем я могу отблагодарить тебя? — с искренним чувством воскликнула Елена.

— Вот чем: когда вернёшься в Россию, скажи своим соотечественникам, что китайский народ не зверь, что он был выведен из терпения европейцами Запада и потому начал ныне, практически против своей воли это страшное дело... Вот, девушка, чем ты можешь меня отблагодарить!

Синь-Хо ушёл, отдав Уинг-Ти кое-какие распоряжения.

— Он не только позволил передать письмо твоему другу, — воскликнула Уинг-Ти, когда девушки остались наедине, — но даже разрешил ему посетить тебя... Он сам сказал мне это!

Так Вань-Цзы очутился у Елены.

XXVIII В ЖИВОМ ЖЕЛЕЗНОМ КОЛЬЦЕ

Вань-Цзы слушал рассказ Елены, боясь пропустить хотя бы одно слово. Он переживал вместе с ней все её приключения, все её страхи.

— Вот видите, Елена! — сказал он, когда девушка замолчала. — К каким последствиям привело вас ваше упрямство!

— Увы, дорогой Вань-Цзы, прошлого не вернёшь...

— Несомненно. Но скажите: здесь вам хорошо?

— Да, я ни на что не могу жаловаться.

— Так примите мой совет, добрый совет, Елена, помня, что я — искренний друг ваш...

— Я верю этому... Но что вы мне скажете?

— Не старайтесь уйти отсюда! Здесь вы в полной безопасности.

— Ах, меня грызёт тоска по моим старикам.

— Не причиняйте же им ещё большего горя. Вне этих стен ни за что поручиться нельзя. Вся столица охвачена мятежом...

— Господи! Маме и отцу грозит опасность... Их убьют эти звери!

— Нет... Правительство взяло их под свою охрану. В высшем совете не хотят их крови. Но должен вам сказать, иностранцы ведут себя просто вызывающе... Я надеюсь, однако, что всё обойдётся благополучно. Оставайтесь здесь, Елена, умоляю вас об этом! Синь-Хо, этот таинственный глава всех политических обществ нашей страны, сын Дракона, как называют его, при настоящем положении дел всемогущ, и вы, очевидно, находитесь под его защитой... Поверьте, ни один самый свирепый из и-хо-туанов, как бы он ни был ослеплён ненавистью к врагам своей Родины, не осмелится даже поднять своего взора на вас, пока вы здесь. Если же вы снова покинете это

надёжное убежище, то помните, что Синь-Хо не вездесущ, и легко может случиться ужаснейшая катастрофа, которой... которой я не переживу.

Последние слова Вань-Цзы произнёс с такой грустью, что Лена с удивлением и любопытством взглянула на него.

— Ах, друг мой! — со вздохом сказала она. Чем только я могла заслужить такую заботливость с вашей стороны?

— Я уже сказал вам, Елена, что люблю вас, — просто ответил молодой китаец. — Люблю хорошей, чистой любовью. А кто любит, тот всегда страшится за любимого человека и готов на всё, чтобы только сделать его счастливым...

Елена хотела что-то ответить Вань-Цзы, но в этот момент явилась Уинг-Ти и заговорила с молодым китайцем.

— Она говорит, что я должен уйти! — поднялся с табурета гость. — Собрание высшего совета кончилось, и все расходятся... Какое-то решение приняли они: страшное оскорбление нанесено моей Родине, и как горько думать, что даже вековая дружба не помешала

вашим соотечественникам, Елена, вмешаться в это дело!.. Но что же делать! Так predetermined, а против того, что уже predetermined высшими существами, не пойдёшь... Будьте спокойны, Елена, за ваших близких... Теперь, когда я знаю, где вы, я сумею подать вам весть о них.

С низким поклоном он вышел из павильона, сопровождаемый Уинг-Ти.

Несколько минут после ухода Вань-Цзы девушка провела в глубокой задумчивости.

— Он меня любит! — прошептала она. — Любит! А чем я могу наградить его за эту любовь? Я — невеста другого и не могу полюбить его иначе, как друга, как брата... Но как велика и чиста должна быть та любовь, которую человек не находит нужным даже скрывать!.. Он ничего не ждёт, ни на что не надеется... Я не знаю, кто из европейцев способен на такое чувство!..

Да, права была эта русская девушка. Не найти нигде на земном шаре белого человека, который смог бы любить бескорыстно... Ненавидеть ни за что ни про что эти люди могут, но любить — никогда...

А Вань-Цзы любил Елену именно той чистой, святой любовью, к которой никогда не примешивается ни малейший расчёт или корысть в той или иной форме. Он горько мучился, когда не имел никаких сведений о любимой девушке, и теперь, увидев её, как он был вполне уверен, в совершенной безопасности, чувствовал себя несказанно счастливым.

Едва стало светать, он поспешил в Посольскую улицу. Там господствовало относительное спокойствие. У баррикад стояли часовые; к своему положению все стали мало-помалу привыкать, и даже сам интерес к происходящим событиям стал ослабевать. Если и были разговоры, то Только об отрядах, появления которых в стенах Пекина всё ещё ждали с минуты на минуту.

— Что бы это могло значить?— удивлялся теперь Миллер, по обыкновению не отступавший от своего друга Раулинссона. — Нет никаких известий о движении русского отряда... О лорде Сеймуре я Уже не говорю... Но, кроме русского отряда, должен подойти ещё и японский.

Полученное известие о возвращении Сеймура вспять нисколько не убавило смеси у надутого англичанина.

— Где же прийти им сюда, — важно отвечал он, — когда этого не смог сделать адмирал, столь опытный, столь храбрый, как лорд Сеймур?..

Миллер только покачивал головой:

— На что же мы можем надеяться?

— Мало ли на что... Вот хотя бы на этот дождь, что прошёл сегодня в полдень[51].

— Что же в нём?

— Как что! Китайцы, сами знаете, мой милый Миллер, народ практичный. Прошёл дождь, орошены поля, они примутся за полевые работы, и волнения прекратятся сами собой.

— Хорошо бы, когда бы так было! Но китайцы зашли так далеко, что возвращение назад для них опасно.

— Во всяком случае, боксёры, самый буйный элемент восстания, будут значительно ослаблены. И правительственные войска легко справятся с ними.

— Если только сами не пристанут к ним...

— Ну, на это никто не решится ни в Высшем совете, ни в цунг-ли-ямене... Не допустят этого. Разве посмеет кто думать о войне со всем миром?

Но — увы! — ответ на эти предположения скоро пришёл...

Целый день вокруг Посольской улицы царило спокойствие.

Боксёры притихли. Видно было со стены, что они занимаются своими обычными упражнениями, очевидно, призывая на себя новое «сошествие духа». Пекинские нищие тоже куда-то попрятались. На улицах Китайского города как будто восстанавливался порядок. Только дымящиеся развалины напоминали об ужасах последних дней.

Вань-Цзы, имевший пропуск от двух посланников, без особого труда пробрался в Посольскую улицу. Здесь к нему так привыкли, что даже не обратили внимания на его появление. Всем было известно, что он посещает дом Кочеровых, дочь которых, как знали все соседи, пропала без следа.

Однако когда он появился, Раули иссоп не мог удержаться от насмешки.

— Эй, Вань-Цзы! — закричал он, когда увидел проходившего мимо молодого китайца. — Скоро вы объявите нам войну?

— А разве вам хотелось бы этого?

— Ещё как! Знаете, я — большой любитель бокса и не прочь поразмять мускулы... Вы не думайте, что мы будем тратить на Вас порох, если вы сунетесь к нам... прямо боксом!

Вань-Цзы только пожал плечами на грубую остроту хвастуна.

— Вы рискуете ошибиться, мистер Раулинссон. Жаль, когда человек не желает видеть грозовую тучу над собой и разъярённого тигра возле себя...

— Вы опять за свои угрозы!

— Увы! Могу ли я грозить, когда у меня нет ни малейшей власти?.. Однако я оставлю вас... Вон, поглядите, если я не ошибаюсь, к баррикаде подходит посланный цунг-ли-яменя. Вам выдаётся случай узнать самые последние новости.

С этими словами Вань-Цзы поспешил к дому Кочеровых.

С какой радостью встретили Василий Иванович и Дарья Петровна вести, принесённые

их молодым другом! Теперь, когда он сам видел Лену, сомнений более не могло быть. Старик крестился, на глазах их выступили слёзы; теперь они были готовы перенести самые тяжёлые испытания, благо знали, что любимица их близко и в полной безопасности.

— Непременно попрошу батюшку отца Иннокентия отслужить молебствие! — говорила Дарья Петровна. — Теперь он близко... в посольстве со всем причтом живёт...

— И отслужи, мать!.. А всё-таки я тебе скажу: неплохой народ эти китайцы! — радовался Василий Иванович. — Не тронули нашу Лепку да берегут ещё... Хороший народ! Можно жить с ними в мире да согласии. И зачем дразнят их — не понимаю совсем.

Как Вань-Цзы был благодарен этому простому русскому человеку за такой отзыв о его соотечественниках!.. Только русский хорошо отзывался об обиженном, оскорблённом во всех лучших чувствах народе, всё же другие представители «культурных» наций только сыпали насмешками и всеми силами старались усугубить горечь обид, уже нанесён-

НЫХ...

Грубая шутка Раулинссона оказалась пророчеством.

Посланный цунг-ли-яменя вручил посланникам европейских держав ноту, доказывавшую, что даже терпеливо переносившие все оскорбления правители Китая вышли из себя.

Содержание ноты скоро сделалось известным.

Вот этот исторический документ...

«По донесению вице-короля провинции Чи-Ли, французский генеральный консул дю-Шейлар 4-го (16-го) июня письменно заявил, что командиры всех европейских эскадр назначили 5-е (17-е) июня предельным сроком, до которого все форты Таку должны быть им выданы; по истечении этого срока форты будут заняты силой. Ямень чрезвычайно поражён этим сообщением. Китай до сих пор жил в мире с иностранными державами, однако открытая угроза насильственно занять форты является явным доказательством того, что иностранные державы желают нарушить мир и открыть неприязненные действия. В столице восстали боксёры, и население нахо-

дится в страшном возбуждении. Посольства, их фамилии и их штабы пребывают в опасности, и китайское правительство не в состоянии обеспечить им достаточную охрану. Мы поэтому Должны их просить в течение 24 часов в полном порядке выехать из Пекина, чтобы направиться в Тянь-Цзинь. Мы гарантируем им полную безопасность. Мы снабдим их военным эскортом и предпишем местным властям принять надлежащие меры»[52].

Это было уже ни более ни менее, как официальное, объявление войны Китаем одиннадцати великим державам, представители которых находились в Пекине.

— Да что эти несчастные? С ума сошли? — толковали во всех кружках.

— Чем мы так разобидели их?

Как бы ответом на это явился манифест богдыхана к народу, в котором «сын Неба» выяснял все причины готовившегося кровопролития.

«С самого основания нашей династии, — говорилось в этом эдикте, — мы относились благожелательно ко всем европейцам, посетившим Китай. Во время царствования Тао-

Куанга и Хсинг-Фунга им было разрешено вести у нас торговлю и открыто исповедовать свою религию. Сначала они охотно подчинялись китайскому контролю, но за последние тридцать лет они стали злоупотреблять добротой китайского правительства, начали занимать китайские земли, угнетать китайский народ, выжимать из нас деньги. Каждая уступка китайского правительства повышала их дерзкие притязания. Они стали притеснять мирных жителей и оскорблять богов, чем вызвали сильное возмущение в народе. Этим объясняется тот факт, что храбрые патриоты принялись поджигать часовни и убивать новообращённых. Престол старался избежать войны и издал несколько эдиктов, в которых предписывал защищать посольства и обходиться как можно мягче с китайцами-христианами. Декреты, в которых говорилось, что боксёры и новообращённые — равно дети китайского государства, были изданы с той целью, чтобы прекратить всякую распрю между китайцами, исповедующими старую религию, и их земляками, принявшими христианство. Желая избежать всякой рас-

при, мы относились и к иностранцам со всевозможной любезностью.

Но эти люди не знают благодарности, и притязания их всё растут. Вчера мы получили депешу дю-Шейлара, в которой он требует, чтобы мы передали ему форты Таку, угрожая в противном случае отнять их у нас силой. Эта угроза достаточно характеризует их враждебное настроение. Во всех международных сношениях мы никогда не отказывали им в любезных уступках; они же, называющие себя «цивилизованными державами», не обращают никакого внимания на справедливость и опираются только на свою военную силу. Мы царствуем уже около 30 лет и обращались с народом, как с нашими детьми. Народ уважает нас, как божество. Нам пришли на помощь наши предки, боги ответили на нашу мольбу, и никогда ещё страна не была охвачена такой могучей вспышкой патриотизма, как в настоящую минуту. Со слезами на глазах мы перед алтарями наших предков объявили иностранцам войну. Лучше решиться на крайние меры и доверить свою судьбу честному бою, чем позорить своё имя

новыми уступками. Все чиновники нашей империи, без различия рангов, охвачены одной мыслью, и собрались уже, без всякого поощрения с нашей стороны, несколько сот тысяч патриотических воинов. Даже дети вооружились копьями для защиты Отечества. Пусть другие правительства прибегают к хитрым увёрткам, мы надеемся на правосудие неба. Наше дело — правое. Боги нам помогут. Под нашей властью находятся 20 провинций и 400.000.000 верноподданных. Нам будет нетрудно отомстить за поругание нашего Отечества»[53].

Этот манифест рассеивал всякие сомнения... Сверхалось то, что давно уже было подготовлено европейскими торговцами, стремившимися только к одному — эксплуатации богатейшей страны мира, целые тысячелетия накапливавшей богатства...

Но для тех, кто был в Пекине, этот манифест стал неожиданностью. Он явился как снег на голову. Как засуетились все в европейском квартале!

Видны были экипажи послов, собиравшихся на совещание... Суетились и обсуждал и во-

прос теперь, когда грянул гром, и никто не думал ранее посмотреть на небо, не собираются ли там грозные тучи...

Все члены дипломатического корпуса были несколько перепуганы полученной нотой — не столько объявлением войны, сколько известием об ультиматуме, предъявленном китайскому правительству русским вице-адмиралом Гильтебрандтом.

— Как это могло случиться? — вопрошали на собрании дипломатического корпуса. — Этот ультиматум предъявлен без нашего ведома!

Все только удивлялись и пожимали плечами, не находя ни малейшего объяснения совершившемуся...

Так и решили ответить, что требование сдать форты Таку было предъявлено китайскому правительству «без ведома» представителей тех государств, адмиралами которых оно было подписано, и что послы удивлены получением такого известия от китайского правительства[54].

Теперь явился на очередь новый и ещё более важный вопрос.

Что должны были делать все те европейцы, которые находились в данное время в Пекине? Мнения разделились в кружках европейцев.

— Нас гонят — мы должны уехать отсюда! — говорили более молодые и пылкие. — Позорно было бы оставаться здесь.

— Но как же мы выйдем отсюда?

— А что же? Правительство гарантирует нам свободный путь.

— Разве можно верить китайцам? Железные дороги разрушены, а если мы двинемся с таким обозом в путь, со всеми нашими женщинами и детьми, то те же боксёры перебьют нас, лишь только мы выйдем за стены Пекина.

— Притом как же собратся в такой путь за одни сутки? Такой срок — просто насмешка.

— Но что она значит?

— А значит то, что взяла при императрице верх та партия, которая непримиримо ненавидит европейцев...

— Тогда останемся ли мы здесь, выберемся ли — наше положение ничуть не изменяет-

ся... За городом нас перебьют боксёры, здесь перестреляют китайские войска.

— Это им будет сделать очень легко... Стоит только занять стену, на которой мы так часто прогуливались, и все миссии очутятся под прицелом...

— Тогда лучше было бы выбраться за город и укрепиться там...

— Ну нет! Здесь мы всё-таки можем рассчитывать, что к нам подоспеет помощь...

Так толковали в Посольской улице везде, где только сходилась кучка европейцев. Вопрос был одинаково важен для всех, потому что теперь не могло уже быть сомнений: речь шла о жизни и смерти всех этих людей, так ещё недавно шутивших над очевидно собиравшейся над их головой опасностью.

С понятным нетерпением все ждали, какое решение примут продолжавшие совещаться послы. Наконец стало известно, что дипломатический корпус решил послать в цунглиямень просьбу об увеличении срока для выезда, причём ответ на это должен быть дан немедленно.

В ожидании ответа все стали собираться к

отъезду.

Шли часы — томительные часы. Пекин продолжал оставаться совершенно спокойным. Будто разом прекратились волнения целого народа, когда стало известно, что ненавистным ему белым дьяволам приказано оставить столицу великого государства. Но это было грозное спокойствие. Всякий из европейцев понимал, что кроется за ним. Русские начали уже очищать помещения китайского банка, стараясь увезти оттуда хотя бы важнейшие из документов.

Так закончился день, так прошла ночь, ответ всё ещё не приходил... А между тем все ясно видели, что на Посольской улице за баррикадами появились солдаты правительственных войск, занявшие караул.

— Что теперь делать? — спрашивали на состоявшемся в девятом часу утра совещании послов. — Очевидно, ответа ждать не приходится.

— А наше положение должно быть выяснено! — воскликнул испанский посланник, старейшина европейского дипломатического корпуса в Пекине.

— Непременно! Но какой путь мы должны избрать для этого? — высказался Ростгорн, австро-венгерский поверенный в делах. — Наше положение ужасно... Мы ответственны не только за интересы уполномочивших нас государств, но и за жизнь всех остающихся с нами.

— Я предлагаю послать коллективную ноту! — звался посол Англии Клод Макдональд.

— Но разве можно поручиться, что мы получим на неё ответ? — воскликнул французский посланник Пишон. — Я предлагаю всем вместе отправиться в цунг-ли-ямень и там вместе с его членами выяснить наше положение.

— Позвольте мне сделать со своей стороны предложение! Мне кажется, я нашёл средство.

Это говорил германский посланник Кеттелер, бывший солдат, променявший военную карьеру на карьеру дипломата.

— Говорите, барон, — предложил испанский посол. — Мы слушаем вас и надеемся, что найденное вами средство действительно выведет нас из затруднительного положения.

— Я рекомендую вот что! — начал Кеттелер. — На ноту мы рискуем не получить ответа. Всем идти — это имело бы вид, будто мы выражаем покорность, а одно предположение такое увеличит дерзость этих негодяев, потому что они увидят в этом несомненный признак нашей! слабости. Лучше всего, если пойдёт в цунг-ли-ямень кто-нибудь один и потребует от Цина или Туана или кто там найдётся ответа. Если мне будет позволено, эту обязанность я приму на себя.

На мгновение собрание стихло.

— Ваше предложение наилучшее, — тихо заметил старейшина дипломатов. — У него есть шансы на успех... Но разве не подвергаете вы свою жизнь риску? Нет, я стоял бы за поездку всех туда.

— Э! Не говорите о риске! — воскликнул Кеттелер. Разве нет у нас примера русского посла Игнатьева, который спокойно разъезжал по баррикадам Пекина, когда французские и английские войска готовились, к его бомбардировке? Он остался невредим. Я надеюсь, что буду так же счастлив, как Игнатьев. У меня, кроме того, есть перед всеми вами,

господа, большое преимущество: я знаю язык страны, и переговоры мне будут вполне по силам. Итак, решено. Вы уполномочиваете меня на переговоры, и я еду немедленно.

Кеттелера принялись отговаривать от этой затеи, но он стоял на своём и отдал приказание военному эскорту быть готовым сопровождать его.

— Напрасно, господа, вы боитесь за меня! — говорил он. Я знаю этих каналий! Разве они осмелятся поднять руку на представителя великой Германии? И в доказательство того, как я презираю всех их, я беру с собой только драгомана Кордеса и двух-трёх мафу [55], скорее в виде почётного конвоя, чем для защиты от скопищ этих негодяев. Я побываю в цунг-ли-ямене и надеюсь, что мне легко удастся образумить этих жалких безумцев. Ждите меня, господа, я заранее уверен в успехе моей миссии!..

Весело собрался барон в недалёкий путь. Он отправлялся в посольском паланкине; за ним также в паланкине следовал драгоман Кордес и вооружённый конвой из унтер-офицера и четверых солдат.

Прошли всего несколько минут, как до европейцев, толпившихся у баррикад со стороны улицы Чез-Ай-Фу-Ту-Хун, долетел звук одинокого выстрела и затем двух залпов, следовавших один за другим.

Едва только загремели они, как дрогнули все сердца, побледнели лица: выстрелы доносились именно с той стороны, в которую направился Кеттелер.

Прошли ещё несколько минут, и раздался стук копыт мчавшихся во весь опор лошадей.

Теперь все вскрикнули от ужаса. Это были мафу, сопровождавшие Кеттелера и Кордеса.

— Посланник убит! Драгоман тяжело ранен! — ещё издали кричали они.

В самом деле, несчастная мысль пришла в голову немецкому послу, когда он вздумал поступить по примеру своего русского коллеги.

И тут оправдалась пословица: «Что русскому здорово что немцу смерть». Граф Игнатьев преспокойно разъезжал по китайским баррикадам в 1860-м году, но он был русский, и китайцы встречали его с полным почтением.

Не то ожидало несчастного Кеттелера.

Караулы на углах улицы Чез-Ай-Фу-Ту-Хун

занимал отряд гвардейцев Тинг-Тзе-Туй, находившийся под командой только одного офицера Эн-Хая, которому ещё накануне Туаном было отдано категорическое приказание не пропускать из забаррикадированной Посольской улицы никого из иностранцев. Этот приказ перед назначением в караул был подтверждён генералом Фу-Лиангом.

Эн-Хай был честный солдат, твёрдо знавший свой долг повиновения без рассуждений. Несколько часов он провёл на страже. Никто не показывался, и только утром в роковой для Кеттелера день он увидел быстро подвигавшийся к нему со стороны миссии поезд.

Разве мог он знать, кто находится в паланкинах? Да если бы и знал, мог ли бы он не исполнить своего долга?.. Он был солдат, обязался исполнять приказания, а рассуждать о последствиях — это было не его дело. К тому же Эн-Хай знал, что в Европе щедро награждают тех воинов, которые исполняют распоряжения начальства без колебания, и в военное время расстреливают всякого, кто осмелится оказать неповиновение.

Паланкины были ещё довольно далеко, ко-

гда Эн-Хай приказал своим солдатам преградить выход из улицы и взять идущих на прицел.

— Стой! Возвратиться назад! — крикнул он, когда паланкины приблизились.

— Кто тот негодяй, который осмеливается преграждать мне путь? закричал Кеттелер, высовываясь с револьвером в руке из паланкина. — Вперёд, или я буду стрелять!

Паланкины тронулись, но в это время грянул залп. Кеттелер выстрелил в свою очередь. Его пуля просвистела над ухом Эн-Хая. В этот же момент грянул второй залп. Раздался ужасный крик. Это кричал раненый Кордес, а Кеттелер уже лежал на земле, смертельно раненный двумя пулями. Эн-Хай наклонился над ним, умирающий что-то лепетал, роя землю руками и ногами в предсмертных конвульсиях. Потом он откинулся на спину и умер.

В это самое время Кордес, обезумевший от страха, забывая о своей ране и боли, выскок из паланкина и бросился бежать, не видя перед собой ничего. Солдаты Эн-Хая не стали его преследовать — так приказал им началь-

ник. Зато лишь только Кордес свернул в узкую улицу Ти-Тай-Эн, как откуда-то взялись четыре боксёра, вооружённых кольями, и бросились со всех ног преследовать его, крича:

— Ша, ша! Убей!..

Началась ужасная охота. Четверо здоровых парней бежали за несчастным раненым, оставлявшим после себя кровавый след, и не могли догнать его. На пути Кордесу встречались люди, но никто не обращал на него внимания, никто не хотел отвечать на его вопросы, все сторонились немца из опасения навлечь на себя гнев и-хо-туанов.

Наконец один из нищих сжалился над изнемогавшим от боли и потери крови Кордесом и указал ему дорогу к американскому госпиталю. Истекая кровью, свалился на пороге его несчастный раненый. Его подняли в беспомощности и поспешили сделать перевязку. Рана, к счастью, хотя и оказалась тяжёлой, была далеко не опасной для жизни.

Между тем, Эн-Хай внимательно осмотрел труп Кеттелера.

— Он мёртв! — сказал Эн-Хай своим солда-

там. — Это, кажется, был важный господин... Он сам виноват в своей смерти... Но я сохраню память о нём.

С этими словами Эн-Хай взял часы и револьвер Кеттелера.

— Что же делать с ним? — спросил один из солдат.

— Отнесите его на улицу Гу-Ай-Фу, там генерал Су-Лу-Тай отдаст свои распоряжения... Запрещаю вам касаться трупа. Он должен быть передан генералу неприкосновенным, иначе белые дьяволу обвинят нас в издевательствах над трупом... Неповреждённость его тела будет нашим оправданием.

Солдаты подняли труп и быстро унесли его.

В это время из Посольской улицы выбежал отряд немецких матросов и с примкнутыми штыками кинулся к месту ужасной драмы.

Освирепевшие немцы, не разбирая ни пола, ни возраста, убивали всех беззащитных, попадавших им на пути; но лишь только они услышали о приближении правительственных войск, как поспешили, «боясь быть окружёнными»[56], возвратиться поскорее в

посольство...

Панический ужас овладел всеми узниками Посольской улицы. Они поняли, что жребий был брошен, что теперь уже, когда с обеих сторон пролилась кровь, надежды на спасение мало. Всем им приходилось заботиться о сохранении своей жизни, и простое благоразумие заставляло их не показываться более за баррикадами, где они были всё-таки в некоторой безопасности.

Было же всех 800 человек, и между ними насчитывалось до 200 женщин и детей.

С какой ненавистью поглядывали теперь все эти люди на четырёхтысячную толпу китайцев, которых они пригнали сюда, надеясь на скорую помощь освободительного отряда! Теперь все эти люди являлись для них совершенно лишним бременем, потому что и их нужно было кормить.

Сколько времени — этого никто не мог знать... Железное живое кольцо сомкнулось, и разорвать его было теперь невозможно.

Сказывались последствия взятия Таку.

XXIX РУССКИЕ ГЕРОИ

Ока всё это происходило в Пекине, злополучный отряд лорда Сеймура сидел в падежном форте, куда попал исключительно благодаря героизму русских матросов, ворвавшихся на штыках внутрь его и выгнавших китайцев из этого укрепления.

Сами матросики даже мало внимания обратили на совершенный ими подвиг. Молодцы и того не заметили, что штурмовать форт пришлось им одним. Европейцы в это время делали вид, что обороняют раненых от нападавших боксёров, за которыми виднелись массы правительственных войск. Но едва русское могучее «ура!» загремело на стенах китайской твердыни, как англичане, немцы,

французы и итальянцы стремглав кинулись в занятое русскими матросами укрепление, оставив при этом японцев одних сдерживать наступавших врагов. Очутившись в безопасности, и они прокричали боевой клич, будто и в самом деле эта победа была их достоянием.

Матросики, видя всё это, только посмеивались:

— Э-эх! Воители!..

— Куда им! Кашу заварили, а как расхлёбывать пришлось, так и Митькой звали!..

Капитан 2-го ранга Чагин, начальствующий русским десантом, благодарил своих молодцов, со смущением принимавших эту благодарность, хотя их обычное «рады стараться» звучало, как и всегда, могуче и задорно.

Европейцы, очутившись в занятом русскими матросами форте, прежде всего принялись осматривать, что в качестве военной добычи досталось на их долю.

Конечно, искали прежде всего денег, драгоценностей, но, к великому своему огорчению, ничего этого не находили. Зато были найдены значительные запасы риса и всевоз-

возможные перевязочные средства.

— Глядите-ка, братцы! — радовались матросы. — Китайцы-то для нас и папироски припасли... Спасибо им!

Всякой малости радовались, как дети, не обращая даже внимания на то, что опасность становилась час от часу всё более угрожающей.

Форт сей оказался арсеналом и был известен у китайцев под именем Сичу. Тут хранились всевозможные орудия и боевые снаряды. Достаточно сказать, что в Сичу оказались захвачены 52 орудия Круппа да более 11 тысяч ружей, чтобы понять всё значение этого места для китайцев. Немудрено, что правительственные войска, уже получившие из Пекина повеление начать военные действия, приложили все усилия, чтобы возвратить себе форт и уничтожить занявший его освободительный отряд.

И они, без всякого сомнения, успели бы в этом, если бы в отряде Сеймура не было русских матросов.

После занятия Сичу немедленно состоялся военный совет, на котором председательство-

вал неудачный герой лорд Сеймур.

— Что нам делать теперь? — спрашивал он. — Идти вперёд нет возможности, оставаться здесь — тоже, потому что нет ни патронов, ни сил для сопротивления... В рукопашном бою нас задавят численностью...

«Горе-героя» надоумили, что против китайцев можно воспользоваться их же пушками и ружьями, патроны к которым были в изобилии.

Так и сделали. Весь отряд был перевооружён, а на валах были установлены китайские пушки.

День прошёл относительно спокойно.

Около форта оставались несколько строений; китайцы засели там и открыли по форту беспорядочную стрельбу, но на штурм не решались.

Тем не менее европейские солдаты заметно приуныли. Они боялись наступления ночи, ожидая непременно решительного приступа в ночном мраке. Боялись за себя, а о тех, выручать кого их послали, не было и помина....

А русские и не думали унывать. Матросы

пересмеивались между собой, словно и не представляя себе всей опасности положения.

— Чего бояться-то! — шёл между ними говор. Мы — русские. С нами Бог!

— Так-то так! А всё же... ежели полезут длиннокосые...

— Ну что же? Полезут, так и пугнём их... Эка невидаль!

И чем дальше шло время, чем ближе подходила ночь, тем спокойнее становились наши герои.

— Гляди-ка, ребята, как камрады-то приуныли!

— Как им не приуныть? На то ведь они и союзники!..

— Да чего им унывать-то? Разве солдат может бояться смерти в честном бою! Коли присягу дал, нос вешать нечего...

В конце концов матросы так развеселились, что вдруг под сумерки над низкими берегами Пей-хо загремела удалая русская песня...

Осаждавшие были настолько этим поражены, что даже перестали стрелять... Китайцам непонятна была эта беспечная весёлость

русских в момент серьёзной опасности.

Но вот настала и ночь. Непроглядный мрак окутал и форт, и реку, и берега её, и бивак китайских войск. Было необычайно тихо. И осаждавшие, и осаждённые замерли в ожидании решительного момента... На валах и у ворот были расставлены часовые от всех отрядов. Они молчали, напряжённо глядя в окутанную тьмою даль; но там всё было неподвижно и тихо...

В отдельных группах велись разговоры шёпотом.

— Мало нас! — оглядывали друг друга англичане. — Мы попали в западню. Самое лучшее — это сдать...
— Но китайцы замучают нас...

— Они не осмелятся на это. Разве они не знают, кто мы? Разве британский Лев перестал устрашать их?..

В немецком отряде царило молчание. Там превращённые в живые машины люди тупо молчали, не смея даже думать о будущем, раз это не было дозволено воинским уставом. Смолкли и болтливые французы — до болтовни ли было теперь? Японцы, которых было

больше, чем других, спокойно снами; итальянцы молились. Русские же удалцы-матросики вполголоса толковали о своих родных деревнях, вспоминали эпизоды из своего прошлого, вполне готовые ко всему тому, что прячет в себе для них ночь.

Один из матросов, стоявший на часах на валу, вдруг встрепенулся. До слуха его донёлся какой-то неясный шорох. Часовой перегнулся вперёд всем телом и вскинул ружьё.

— Кто идёт? — не громко, но внушительно спросил он. — Отвечай!, не то стрелять буду.

— Свой! — послышался голос.

Часовой успокоился.

— Из секрета, что ли? — спросил он, когда прямо перед ним вынырнула из мрака тёмная фигура.

— Вот-вот! Оттуда... К высокоблагородию...

— Что там?

— Китайцы... ползут... видимо-невидимо... доложить надо...

И фигура быстро исчезла по эту сторону вала.

Часовой только крепче сжал ствол ружья и совсем выдвинулся вперёд, страшась пропу-

стить неслышно надвигающегося неприятеля.

Он теперь уже не расспрашивал то и дело взбиравшихся на вал товарищей, оставивших секрет и возвращавшихся к своим частям. За валами уже слышалось лёгкое движение — это отдельные отряды готовились встретить врагов, пощады от которых ждать не приходилось.

— Братцы, не выдайте, помните: мы — русские! — ободряли солдатиков офицеры.

— Будьте, ваше благородие, благонадёжны! — слышалось в ответ. — Умрём, а китайцу не сдадимся.

— То-то! Помни присягу!..

— Не забудем! Эх, поскорее бы!..

Глядя на русских, приободрились и европейцы. Их геройское спокойствие воодушевило даже англичан, оставивших мысли о сдаче.

А китайцы всё приближались. Защитники Сичу ясно слышали характерный шорох, который производили тысячи ползущих людей; мало того, слышалось фыркание лошадей! — очевидно, в числе китайских войск была да-

же кавалерия.

Но, кроме этого, ничего другого не было слышно. Китайцы чего-то дожидались и не шли на штурм.

— Картечью бы их! — возбуждённо прошептал кто-то.

— Рано ещё. Подождём, пусть себя обнаружат...

Снова всё стихло вокруг небольшого форта, за валами которого притаилась эта ничтожная горсть людей.

Да, готовился бой кровавый, беспощадный. И все шансы на успех были на стороне штурмующих...

Мрак ночи стал уже сереть, на востоке появилась светлая полоса, возвещающая близость рассвета.

Мучительно долго тянулись минуты напряжённого, ожидания. Союзники не начинали боя сами.

— Не боксёры, а регулярные солдаты, — тихо проносилось тревожное по рядам.

— Чего же они медлят? Четвёртый час на исходе...

— Целый кавалерийский полк с ними...

Вот странные вояки! Окопы штурмуют конницей...

Внезапно раздавшийся крик тысяч голосов нарушил тишину ночи. Разом словно ожило всё поле вокруг Сичу. Затрещали выстрелы, и кое-где у самого вала вдруг вынырнули из сумрака китайские пехотинцы.

— Пли!.. — раздалась команда сразу на нескольких языках.

Тридцать орудий громыхнули залпом. Картечь так и брызнула прямо в ряды наступавших. Форт опоясался огнём... Кавалерийский полк китайцев, подскакавший к самым воротам форта, лёг весь. Но это не остановило пехоту. Китайские солдаты лезли на вал, не обращая внимания на убийственный огонь. При наступившем уже рассвете можно было ясно разглядеть, как быстро смыкались их ряды после каждого залпа. Орудия смерти вырывали десятки жизней, но штурмующих не убывало. Участь союзников, казалось, была решена...

Бледные, с искажёнными от ужаса лицами, стояли эти обречённые на гибель люди. Они не видели для себя положительного ис-

хода. Приходилось умирать, потому что и выстрелы были бы бесполезны на таком расстоянии, где ружья обращались в бесполезные палки. Одолеть же врага в рукопашном бою нечего было и думать.

Китайцы были уже на гребнях валов...

Казалось, всё было кончено, сейчас должен был начаться рукопашный бой — бой десятков против тысяч.

Совсем рассвело... Ясно можно было различить искажённые злобой физиономии китайских солдат. Передние из них остановились на гребне, будто выбирая себе жертвы...

Вдруг среди защитников Сичу произошло движение, загремело полное мощи русское «ура», и на китайские штурмовые колонны бросились в штыки русские матросы.

Свершилось что-то непонятное, поистине сказочное...

При первом натиске русских, «ура!» которых так и не смолкало, китайцы в необъяснимом ужасе сперва присели на земле, и лишь только наши матросы ударили на них, они быстро смешались и кинулись и беспорядочное бегство...

За несколько мгновений валы Сичу были очищены от штурмующих...

Удальцы не стали их преследовать. Несколько пришедшие в себя артиллеристы союзников проводили беглецов орудийными залпами... Когда же солнце взошло, то увидели, что вся равнина вокруг форта усеяна трупами китайцев...

Штурм был отбит, союзный отряд — спасён от гибели, которая так ещё недавно казалась неизбежной.

Как ни в чём не бывало, возвращались наши удалцы на свои места, не придавая даже особого значения своему подвигу...

Штурм обошёлся китайцам в 1500 человек убитыми и ранеными, у союзников же выбыло из строя 60 человек.

Несмотря на то, что нападение было отбито, положение мало изменилось. До тридцати тысяч регулярных китайских войск окружали Сичу. Не было сомнения, что, оправившись, китайцы снова пойдут на штурм; кто бы поручился, что и на этот раз могучее русское «ура» произведёт на штурмующих прежний эффект? Нужно было держаться, держаться во

что бы то ни стало...

А между тем в отряде было уже более трёх сотен раненых. Ряды защитников редели. Раненые требовали ухода, отвлекали к себе здоровых.

А глава отряда, которому все эти люди были обязаны своим ужасным положением, мало того, которому вся Европа была обязана тем, что китайцы ободрились и сами впервые перешли в нападение, оставался верен себе!..

— До Тянь-Цзиня всего пять вёрст! — говорил он. — Пробриться через этот сброд не представляет затруднений...

— Тогда отчего же, не попытаться? спрашивали его.

— Но я не могу оставить раненых. Чувство человеколюбия запрещает это... Не будь раненых — было бы совсем другое дело...

Он теперь уже помалкивал о том, что этих раненых не было бы, если бы вместо серьёзного похода во восставшей стране им не были предприняты какие-то увеселительные поездки по железной дороге...

Однако следует отдать справедливость почтенному лорду: он нашёл способ выкараб-

каться из беды.

В экспедицию союзники не захватили с собой ни провианта, ни патронов, ни карт местности, но приборы для оптического телеграфирования на всякий случай были взяты...

Теперь оптический телеграф пригодился.

Засверкали световые блики — это лорд Сеймур умолял находившегося в Тянь-Цзине русского героя полковника Анисимова о немедленной помощи, сообщая в подтверждение своей мольбы, что продержаться они могут не более двух дней...

XXX ЕЩЁ ЖИВОЕ КОЛЬЦО

Там, в Тянь-Цзине, был ад, какой Сеймуру и всем европейцам и во сне никогда не представлялся.

Только русские орлы, чудо-богатыри русские, могли перенести то положение, которое создалось для них после взятия Таку...

После отражения первого нападения боксёров — нападения скорее шуточного, чем серьёзного, — настало значительное спокойствие; но, увы! — не надолго.

Шатов был со своей ротой на вокзале. Молодой человек томился нетерпением. Будь только его воля, так бы и полетел он со своими людьми на выручку дорогого ему существа.

Но личным чувствам теперь не было места, каждый! — и высший офицер, и простой рядовой — все являлись исполнителями своего долга.

Разговоры только и вертелись, что вокруг события дня.

— Помилуйте, да с кем же мы воюем? — горячился командир одной из рот. — До сих пор мы не видели ещё ни одного солдата, а этот сброд, этих жалких фанатиков совестно даже принимать всерьёз...

— Погодите, они ещё покажут себя!

— Нет, это уж извините... Против ваших боксёров нужна нагайка, а не штыки и пули. Право, не хочется и рук о них марать...

— Было бы странно воевать с правительством, которому не объявили войны...

— Тогда зачем же мы явились сюда? Не прогулка же это в самом деле. Да и вообще положение наше курьёзное. Пришли, стоим, является неприятель — не то монахи китайские, не то бог знает кто, лезут на пули и кривляются... А этот форт, — говоривший указал на крепость, господствовавшую над всем Тянь-Цзинем, — молчит. Словно всё это их не

касается.

О Таку и о взятии его русскими здесь ещё никто, во всяком случае из европейцев, не знал. Союзники, засевшие в Тянь-Цзине на вокзале и в европейских кварталах, не знали и того, что не одни боксёры были вокруг них...

Разговор на станции ещё не смолк, как откуда-то издали донеслась трескотня ружейных выстрелов.

— Кто это? — вырвалось невольно у всех.

— Как кто? Анисимов!

— Что такое?

— Сапёры чинят дорогу... Это мошенники-бунтари напали на них, и полковник наш сам повёл отряд на выручку.

Перестрелка вдали от Тянь-Цзиня всё разгоралась. Сердце у всех замерло, когда к трескотне ружейных выстрелов вдруг примешался гром орудий...

— Это чьи? — пронеслось в рядах русских. — По звуку слышно, что не наши.

— Какое наши? У нас допотопные старушки с бору да с сосенки понабраны, а это — крупновские... последнего образца.

Действительно, гроыхание орудий, доносившееся до тянь-цзиньского вокзала оттуда, где всего часа два назад шёл бой между ротами Анисимова и предполагаемыми боксёрами, отличалось особой правильностью: орудий с таким звуком у союзников не было. Их пушки были набраны откуда попало. У англичан оказывались пушки даже из-под Лэдисмита. Здесь же на выстрелы союзников отвечали великолепные, правильно поставленные артиллерийские орудия.

— Не могу поверить, чтобы у боксёров была такая прекрасная артиллерия! — воскликнул Шатов, позабывший под впечатлением опасности о своём горе.

— Какая уж тут боксёрская артиллерия! — отвечали ему. — Тут что-то посерьёзнее.

И, как бы в подтверждение последних слов, вдруг совсем с другой стороны гроыхнул выстрел, и граната большого калибра глубоко зарылась в песок около станции...

Все бывшие на перроне невольно вскрикнули и присели.

Это заговорил с союзниками через жерла своих крупновских чудовищ правительствен-

ный форт, господствовавший над Тянь-Цзинем...

Одна граната, другая, третья... Китайские артиллеристы ещё не пристрелялись, и снаряды их пока не причиняли вреда. Но долго ли было им пристреляться при несомненном превосходстве их орудий, и тогда они могли своим огнём буквально снести все эти жалкие постройки, за которыми приютились русские герои.

— Господа! — вдруг возвысил голос кто-то из офицеров. — А третья рота-то?..

— Что это с ней?

— Да ведь она одна охраняет мост там, на полпути из Таку сюда... Если регулярные войска начнут дело, она будет уничтожена...

Никто не ответил, но у всех стало нехорошо на душе.

В самом деле, могла ли горсть стрелков держаться против правильно организованных корпусов, которые вели в бой, по всей вероятности, лучшие из китайских генералов?

Но впечатления в такое время быстро меняются. О злополучной 3-й роте не успели ещё перемолвиться и пожалеть её, как к пер-

рону во весь опор подлетел на взмыленном степняке казак. Он что-то прокричал и сейчас же понёсся далее.

«Двум ротам с удвоенным запасом патронов и с пушкой идти на поезде в подкрепление», — таково было приказание полковника Анисимова.

Люди зашевелились. Идти приходилось 6-й и 7-й стрелковым ротам. У многих до боли сжалось сердце. Ещё бы! Предстояло первое «боевое крещение», боевой экзамен.

С необыкновенной быстротой собрались люди, пока составляли поезд. На платформу уже поставили скорострельное орудие с английского военного крейсера «Орландо». Английские канониры уже приспособлялись действовать и готовили заряды.

На паровоз в качестве машиниста поднялся французский моряк-механик с двумя моряками-кочегарами, тоже французами. На платформе же поместили часть 7-й роты с её командиром, остальные забрались в вагоны.

— С Богом! — раздалась русская команда.

Но едва поезд отошёл, как на железнодорожном пути появились люди... При первом

взгляде на них узнали китайских регулярных солдат с жёлтыми знамёнами.

— Какие уж это боксёры! — заговорили солдаты и офицеры. — Дело серьёзное. Это знаменные войска. Лучшие в Китае.

— Всё равно, нужно прогнать их с пути...

— Непременно! Но как они осмелели!..

Рота, занимавшая вокзал, открыла огонь по китайцам и заставила их отойти от полотна. В этот момент поезд был пущен вперёд и понёсся на всех парах, осыпаемый с обеих сторон китайскими пулями.

Шатов был на платформе. Он был совершенно спокоен. Опасность не существовала для него; всей душой молодой, человек так и рвался в бон.

Китайцы, казалось, были везде. Поезд с русскими стрелками шёл под плотным ружейным огнём.

Русские так хладнокровно относились к своему положению, что ответили на все выстрелы лишь одним залпом.

Но вот и позиция. Машинист затормозил поезд, стрелки вышли, построились в две боевые колонны и двинулись вперёд. Поезд тихо

следовал за ними. Несколько саженой — и удальцы вступили в сферу ружейного и артиллерийского огня.

— Дз-з... — свистели пули.

— Ту-ду-у-у... — ухали гранаты.

— Ту-дз-за!.. — вторила им шрапнель.

Пули сыпались, как дождь; шрапнель то и дело рвалась в воздухе и осыпала смельчаков осколками сверху. Люди, не привыкшие ещё к свисту пуль, невольно приседали, но тем не менее все шли вперёд; об отступлении никто из стрелков не думал.

Вот поезд и рота, на выручку которых спешили молодцы.

— Братцы, держитесь! Мы идём!

— Ур-ра! — прогремело в ответ.

Соединились. С обеих сторон не было пределов радости, но на радость времени не оставалось, приходилось действовать.

— Мы имеем дело с регулярными войсками! Стало быть, дело не шуточное, — пояснил прибывшим начальник отряда. — Прошу заметить, что действующие против нас солдаты обучены немецкими инструкторами. Это — враг серьёзный, и пренебрегать им никак

нельзя.

— Но чему мы обязаны честью помериться с ним силами? — спросил один из ротных командиров.

— Не знаю. Что-то произошло — и, по-видимому, важное... Увы, я начинаю думать, что мы окружены...

— Быть не может!

— К сожалению, да! Против нас десять тысяч прекрасных солдат под командой двух лучших генералов — Ма и Нэ. К ним, как я получил сведения, подходят ещё новые силы...

— Что же! Это пока ещё ничего. Их десять тысяч, нас — две... Это всего по пяти на брата! Не так ещё много...

Старый вояка довольно улыбнулся, слыша такой ответ. Больше всего он боялся, как бы люди его не пали духом. Молодецкий же ответ убедил его, что заветы великого Суворова не забыты его стрелками и число неприятеля никого не приводит в уныние. У него на душе даже стало легче, хотя сердце русского героя так и рвалось на части при одном только воспоминании об оставленной в двадцати верстах 3-й роте. Он не сомневался, что она уже

окружена превосходным неприятелем, и вся надежда оставалась на то, что этой горсти людей успеют своевременно подать помощь из Таку. А если эта помощь не придёт, 3-я рота должна была погибнуть. Нечего было и надеяться выручить её с теми ничтожными силами, которые были в эти дни под командой храбреца.

— Да, да! Всего по пяти на брата! — будто в забытьё повторил он. — Ничего, если и по десятку будет... Я думаю, управимся!

— Управимся, управимся... Сомнения быть не может!

— Так вот... Сегодня поработаем здесь, а завтра я сам пойду, попробую выручить 3-ю роту... Бедные, как они должны там мучиться...

Прибывшие роты были отправлены в обход. Английские матросы с «Орландо» на этот раз поддержали репутацию сынов Альбиона, всегда славившихся хладнокровием. Надо думать, компания с русскими героями воодушевила их. Не обращая внимания на артиллерийский огонь с форттов, они с невозмутимым спокойствием установили своего длинного

Армстронга и начали стрелять по форту, отвлекая этим китайцев от стрельбы по обходным колоннам.

Свежие роты заняли позиции у окружавшего Тянь-Цзинь вала и таким образом прикрыли отступление остальных рот по железной дороге. На них кинулись было боксёры. Фанатики, как и в первый раз, невозможно кривлялись, произносили свои заклинания и по-прежнему были уверены в собственной неуязвимости. Стрелки встретили их дружными залпами. Первые ряды боксёров, как трава под косой косаря, полегли на землю.

Следовавшие за ними подхватывали их под руки и встряхивали, будто ожидая, что после минутной слабости их товарищи снова станут на ноги и пойдут на ненавистных белых дьяволов.

Стрелки только посмеивались над этим.

— Да, оживи его, оживи! — восклицали они. — Нет, братцы, русская пуля, хоть и дура, а своё дело знает туго: ежели с ног свалит, то уже не встанешь...

Боксёры своим нападением словно прикрывали намерения регулярных войск.

Едва залпы стрелков разогнали их, как поротам ударила картечь из цитадели. Свист пуль, визг гранат, гром разрывавшихся снарядов — всё это слилось в общий невообразимый хаос звуков, наполнявший несказанным ужасом даже бестрепетные сердца русских чудо-богатырей.

Но они стояли мужественно под адским огнём вражеской артиллерии, готовые пасть на месте, но не сделать и шагу назад без распоряжения своего начальника.

Шатов стоял со своей ротой в прикрытии отступавших колонн, холодный, бесстрастный с виду. Он уже привык к этому аду, ко всем ужасам кровопролития. Рядом с ним осколок гранаты вырвал челюсть и горло у бравого, молодцеватого стрелка — весёлого всего за мгновение до этого. Предсмертные конвульсии несчастного были страшны.

Николай Иванович только покосился: «Вот она, смерть-то, какова!»

Чего в самом деле! Это ведь только случай, что осколок гранаты угодил в соседа, а не в него. Отскочи этот осколок немного правее — и вместо бедняги-соседа теперь корчился бы

на земле сам Николай Иванович, стрелок же с сочувствием поглядывал бы на него. Всё случай! И более ничего!

Хриплые звуки рожка донеслись откуда-то издали.

Рота засуетилась.

— Сбор! Слава богу! Наши отошли, стало быть! слышались радостные голоса солдат. — Теперь и нам можно...

В стройном порядке рота начала отходить из-под прикрытия к бивуаку.

Там вернувшихся встретили поздравлениями:

— С честью выдержали экзамен! Молодцами вы были, право, молодцами!..

— А дело пришлось иметь с настоящим врагом... Теперь никаких сомнений быть не может, что против нас правильно организованные полки.

Шатов чувствовал себя до того уставшим, что, только добравшись до бивуака, повалился спать. Гром канонады не мог отогнать сна. Гранаты и шрапнель визжали, не умолкая. Пули безостановочно вонзались в стены стационарных зданий, но всё это в сравнении с пе-

режитым было — дело пустяшное.

Молодой человек спал так крепко, что его даже не разбудил пожар, начавшийся от разрывов гранат поблизости бивуака. Не разбудила его и перестрелка, не умолкавшая всю ночь. Только с рассветом он проснулся, разбуженный вестовым.

Что за неприятное это было пробуждение! Шатову снилось, что он в Пекине, около невесты, гуляет с ней по городской стене, о которой он знал из её писем, солнышко ласково светит им, ветерок навевает прохладу, всё кругом мирно, спокойно, и вдруг...

— Ваш-бродь, а, ваш-бродь! — слышит над собой Николай Иванович. — Извольте проснуться... вас требуют...

Шатов открыл глаза. Где он? Что с ним?.. Пушки гремят, но теперь уже с трёх сторон. Грохот их не умолкает ни на миг. В окно видно зарево догорающего пожара.

В одно мгновение Николай Иванович вспомнил всё. Сна как не бывало. Он вскочил и наскоро оправил мундир, в котором так и спал эту ужасную ночь.

— Их высокородие господин полковник

уже ушли! — сообщил словоохотливый служивый.

— Куда? Зачем?

— Выручать 3-ю роту... видно, жутко там бедненьким приходится... А вось, Бог даст вызволить... А вы, ваш-бродь, извольте торопиться... Наша рота в резерве, стало быть, сегодня.

В резерве! Это бездействие в то время, когда кругом кипит отчаянный бой.

Шатов поспешил присоединиться к роте, сбившейся у железнодорожного пути на вокзале.

В самом деле рота, к которой он принадлежал, была единственным резервом — последней защитой героев, сражавшихся на вокзале, куда особенно упорно напирали боксёры и был направлен огонь из цитадели.

— Отдохнули? — встретил Шатова его ротный командир. — Молодецкую высыпку задали! Я будить вас не велел... Силы беречь нужно. А вы поглядите, что за картина!

Действительно, картина была примечательная. Город горел уже с двух сторон. С трёх пунктов был открыт по нему китайцами артиллерийский огонь, на который с перрона

храбро отвечали четыре полевых русских орудия. Понятно, вреда от них неприятелю и быть не могло, но всё-таки русские не оставляли врага без ответа.

— Попужаем-ка, попужаем их, длинноко-
сых! — посмеивалась прислуга орудий.

И русские пушки «кашляли» в ответ на гулкие удары великолепных крупновских орудий.

В европейской части Тянь-Цзиня, на которую были направлены стволы в фортах, царила паника. Боксёры, ворвавшись туда, неистовствовали над своими соотечественниками-христианами. Многие дома были обрызганы кровью ещё до прихода боксёров. Этим предатели-китайцы давали знак, что в таком доме есть туземец-христианин. Заметив отмеченный кровью дом, фанатики врывались в него, как дикие звери, и уводили несчастных соотечественников за город в свой лагерь. Там бедняков ждала казнь после всевозможных пыток.

На стенах появились объявления боксёров, что все европейские дома будут сожжены, а иностранцы перерезаны. Тон же участью фа-

натики грозили и своим землякам, находившимся на службе у европейцев. Угрозы действовали. Китайская прислуга разбежалась. Начались попытки отравлять иностранцев, а те были так беспечны, что не обращали внимания на всё это, вполне уверенные, что даже озверевшие фанатики не осмелятся поднять руку на белых людей.

Только когда по европейскому городу стали летать гранаты — ужас овладел беспечными. Всё население кинулось в «Gordon Hall» — английскую ратушу, каменное строение, в котором все эти люди могли считать себя в относительной безопасности. Европейский Тянь-Цзинь опустел. Начались отдельные пожары европейских домов — боксёры появились на улицах, но к «Gordon Hall» подступать не осмеливались.

Шатов смотрел на Тянь-Цзинь, и опять нехорошо стало у него на душе. Если здесь такой ад, то что же делается в Пекине, где нет такой падежной защиты, где на одного европейца приходились десятки тысяч освирепевших врагов?

Но думать об этом не было времени.

К русскому резерву со стороны китайского города то и дело прибегали посланные от оборонявшихся там японцев и французов. Им приходилось очень туго. Там трескотня отдельных выстрелов чередовалась с залпами, слышно было характерное «дадаканье» американских пулемётов. Но всё это хорошо было только до тех пор, пока китайские войска не переходили в открытое наступление.

— Беда нам, если прорвутся! — услышал Шагов замечание командира своей роты.

— Да, несдобровать тогда! — согласился он. — Вот ад-то!

— А что ещё впереди будет!..

— Попали мы в переделку! Где-то теперь полковник?

— Слышите?

На севере от Тянь-Цзиня раздавались ровные, словно на ученье, залпы.

— Это наши там...

— Что-то близко... Полковник пошёл к 3-й роте, а она — на железнодорожном мосту...

Невольно сказывалась в эти моменты связь с героем-полковником. Теперь для тянь-цзиньского отряда Анисимов был начальни-

ком не по одному только назначению, он был его главой по духу, и когда его не было с подчинёнными, те чувствовали себя сиротами...

Канонада китайцев не умолкала. Словно у них были в запасе миллионы снарядов, и они тратили боезапас, не жалея. После такого огня следовало непременно ожидать атаки. Опасение, что китайцы прорвутся, овладевало всеми. На всякий случай стрелки принялись возводить баррикады. В ход шло всё, что попадало под руку. И только когда появились ограждения, люди вздохнули спокойнее. Всё-таки явилась какая-то защита! Едва баррикады были возведены, стрелки, утомлённые донельзя многими часами боя, завалились под ограждения, и все, кто только мог, скоро заснули. Так прошёл день. Стало темнеть. Канонада стала реже. Видно, и китайцы порядочно притомились и поняли, что их пальба во все не производит аффекта, на который они рассчитывали. Залпы за Тянь-Цзинем тоже смолкли. Сердца измучившихся людей замерли. Что это могло значить? Неужели Анисимов погиб со всем своим отрядом? не могли же его стрелки замолчать ни с того ни с сего...

Время шло, а никаких известий от полковника не приходило...

— Не пойти ли нам на выручку?— предлагали наиболее нетерпеливые.

— Оставить своё место? Разве это возможно?

— А если приключилась беда?

— Там мы ничем не поможем...

Но вот часам к шести вечера[57] вдруг по всем ротам, стоявшим на вокзале Тянь-Цзиня, пронеслась долгожданная весть:

— Анисимов!

Снова с той стороны, где были русские, загремели выстрелы. У всех от сердца отлегло.

— Анисимов не погиб... отбил... возвращается! — раздавались со всех сторон радостные восклицания.

— Слава Богу! Теперь и мы уцелеем. Полковник с нами — всё полбеда!

К вокзалу, шипя и пыхтя, подошёл поезд. Вмиг платформа оживилась. Из вагонов стали выскакивать стрелки. Это были роты, ходившие с полковником на выручку товарищей. Солдатики пасмурны. Они идут, понурив головы, стараясь не глядеть на товари-

щей.

— Что? Что? — останавливают прибывших защитники Тянь-Цзиня.

Солдатики не отвечают.

— Где же 3-я рота? Отчего её не видно? С вами она? — кинулся Шатов к одному из офицеров.

— Нет! — было ответом.

— Отчего же?

Прибывший только махнул рукой.

— Не добрались даже! — глухо сказал он.

— Много китайцев?

— Как песку в море правительственные войска.

И вдруг среди измучившихся до последней степени людей пронеслась ужасная весть: «Тянь-Цзинь со всех сторон окружён китайскими войсками»...

Да, это было совершенно верно.

Живое кольцо окружало иностранцев в Пекине, такое же живое кольцо, но ещё плотнее, окружало двухтысячный тянь-цзиньский отряд.

Численность китайских войск всё возрастала. К Тянь-Цзиню со всей страны собира-

лись подкрепления, и живое кольцо быстро сжималось...

XXXI ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Стороне от Тянь-Цзиня, выше по течению Спей-хо, раскинулся огромный китайский лагерь. Много там народу. Страна Неба свела под эти жёлтые знамёна с изображённым на них драконом своих лучших детей.

Многие тысячи солдат, сильных, рослых и здоровых, расположились прямо под открытым небом на голой земле. Но странные эти люди. Ни малейшего воодушевления в них не заметно. Сильно их тело, немощен их дух. Сознание долга отсутствует в них. Словно не за родную страну подняли они оружие, а сошлись сюда, сами не зная зачем.

Между тем в каждом из этих солдат заметна прекрасная воинская выправка. На любом

параде в Европе они сделали бы честь своим учителям. Каждое движение правильно, ружейные приёмы красивы, дисциплина доведена до совершенства, но и только.

Присланные из Германии инструкторы — унтер-офицеры — постарались над попавшим им в руки сырым материалом. В какие-нибудь пять лет они сумели обратить китайцев в такие же живые машины, какими были сами. Но они не сделали с ними одного: не вложили в них великого духа, способного, когда нужно, горами ворочать... Они не понимают смысла борьбы; цель для них не существует. Все эти люди знают, что они умрут, если им прикажут, но для чего умрут, каков будет смысл в их смерти, что будет достигнуто ею — это для них «темна вода во облацех»...

Вот их начальники.

Они так же невежественны, как и подчинённые. Воин, солдат никогда не был уважаемым лицом в стране Неба. Об образовании и воспитании его никто не заботился. Учёный, купец, земледелец пользовались всем, солдат — ничем, и образовалась армия, громадная по количеству, но ничтожная по своей

сущности.

Утром этого дня полчища китайцев, напав на горсть европейцев, засевших в арсенале Сичу, пришли в ужас от одного только русского боевого клича и разбежались в тот момент, когда полная победа над противником казалась несомненной.

Но с каким поразительным равнодушием отнеслись эти люди к своему позорному поражению! Все лица — и солдат, и офицеров — совершенно равнодушны, будто не свершилось ничего особенного. И офицеры, и солдаты молчат, ожидая нового приказа идти вперед, а куда идти и на кого — это им всё равно.

В богатой палатке в центре лагеря собрались на совет два командира окружавших Тянь-Цзинь и Сичу корпусов. Это генералы Ма и Нэ, образованнейшие из китайских полководцев. И тот и другой удручены. Оба они — друзья европейцев, но вместе с тем они прекрасно понимают, чего добиваются иностранцы от их Родины, и поэтому-то, вопреки своим симпатиям, они, лишь только было получено повеление из Пекина, откры-

ли военные действия, справедливо считая их ответом на штурм Таку.

Как поражён был Нэ, когда утром 4-го июня, подойдя к Таку, он нашёл форты уже занятыми союзниками. Нэ растерялся. Вместо того, чтобы, пользуясь численным превосходством, отнять форты, что в этот день весьма легко было сделать, он отвёл свои войска. Даже не сделал и попытки штурма.

— Я не решился поступить иначе, — дрожащим голосом объяснял Нэ своему собеседнику Ма. — Об объявлении войны мне ничего не было известно.

— Но ты уже знал об ультиматуме союзников? Они прислали его в Тянь-Цзинь.

— Да, знал. Но мог ли я принимать подобный ультиматум всерьёз?.. Мой повелитель не отдавал мне приказания о войне с европейцами. А как я мог действовать без согласия своего правительства? Но и вы, кажется, допустили соединённый союзный отряд почти к воротам столицы.

— Я действовал по тем же побуждениям, которыми руководились и вы, мой дорогой друг.

— Вот видите! Но теперь у нас руки развязаны...

Ма глубоко вздохнул в ответ на это замечание. Он вспомнил, что случилось с ним при штурме Сичу. Без малого две тысячи его людей полегли под арсеналом, и даже эта потеря не привела ни к какому результату.

— Да, развязаны, — потупил он глаза. — Но мне кажется, что это ни к чему не приведёт.

— Как это? Разве наши силы недостаточны?

— Нет, не то... Но видите ли... И вы, и я — мы оба хорошо знаем наших противников.

— Надеюсь.

— Это давало нам полную возможность надеяться на успех в борьбе, теперь же борьба уже не имеет смысла.

— Почему так?

— Как почему? — вскинул глава на собеседника Ма. — Разве вам это не ясно?

— Понимаю, вы хотите сказать, что не будь здесь русских, мы вышли бы победителями?

— Да, я в этом уверен... Мои солдаты бегут, когда слышат их крик, да и вы со всем вашим

корпусом не могли смять ту горсть русских, которая с непонятной смелостью нападала на вас за Тянь-Цзинем.

Теперь Нэ поник головой. Он ничего не мог возразить.

Оба генерала на минуту замолчали.

— Что же теперь делать? — спросил, наконец, Нэ. — Какое решение примете вы?

— Я решил исполнить волю моего повелителя и исполнить её честно.

— То есть продолжать борьбу?

— Да, непременно!

— Даже не веря в её успех?

— Даже не веря... Что поделаться! Много придётся пострадать нашей Родине... Бедная она, бедная... Страдалица она! Но, может быть, это послужит ей на пользу.

— Вы думаете?

— Почти уверен. Несомненно, после погрома пробудится народное самосознание. Сейчас наш народ слишком миролюбив. Он слишком счастлив в своей жизни, но когда его постигнут беды, он сам начнёт искать исход и легко стряхнёт с себя иностранное иго. Вспомните, таковы ли были наши солдаты

до японской войны? Тогда это был жалкий сброд, а теперь это — прекрасно обученная армия.

— Пожалуй, вы правы. Но этот погром, о котором вы говорите... Неужели он неизбежен?

— Неизбежен, повторяю.

— Однако европейцев в Китае всего горсть.

— Теперь. Но меньше, чем через неделю, их будут многие тысячи. А вскоре — и десятки тысяч... Имейте в виду, что они владеют теперь Таку, ключом к Пекину.

— Им не успеть за неделю собрать войска.

— Не забывайте про русских: они у нас под боком.

— Но вы, в свою очередь, не забудьте и того, что силы русских, по крайней мере, главные, будут отвлечены в Дунь-Сань-Шень [58]. В Хей-Лунь-Дзянь-Шень [59] уже послано из Пекина повеление цзицикарскому дзянь-дзюню отвлечь русских, начав там войну против них.

— Когда бы так удалось! — опять вздохнул Ма. — Но что делать, неизбежного не избежишь! Что бы ни было, а мы должны продол-

жать начатое!

Опять несколько минут прошли в молчании.

— Мне кажется, прежде всего мы должны во что бы то ни стало, — сказал Нэ, — овладеть Сичу и уничтожить иностранцев в Тянь-Цзине. Это подействует ободряюще на наш народ и поднимет его против иностранцев.

— Да, это необходимо. И нужно успеть сделать это до прибытия к ним подкреплений.

— Я думаю, этот план удастся. Но, чу!.. Что это за шум?

Собеседники стали прислушиваться.

Из Сичу доносились звуки отдельных выстрелов. Там не жалели китайских снарядов, и пальба шла, не умолкая ни на минуту. К грому выстрелов в китайском лагере тоже привыкли, слух притупился, и поэтому удары гонга среди грохота пушек выделялись довольно заметно.

Ма и Нэ переглянулись. У них на лицах ясно отразилась тревога. Гонг указывал на то, что в их лагерь направляется некая важная персона.

С чем? Это был вопрос жизни и смерти для

генералов.

Очень может быть, что в Пекине уже были получены известия об их неудачах, и разгневанная правительница посылала кого-нибудь объявить им своё неудовольствие, а это было равносильно смертному приговору.

Звуки гонга раздавались всё ближе. Ма и Нэ поспешили выйти из палатки. Прямо к ним приближался паланкин, перед которым несли жёлтые знамёна.

— Посланный «сыном Неба»! — восклицал бежавший впереди глашатай.

Паланкин остановился, и из него вышел мандарин, равный по своему положению обоим генералам.

Военачальники, однако, низко склонились перед ним, ожидая, что им придётся услышать от этого вестника.

— Вы, Ма, и вы, Нэ! — изрёк мандарин. — Слушайте! Величественный и могущественный «сын Неба», император наш, божественный Куанг-Сю, шлёт вам своё благоволение. Духи земли, воды и неба оскорблены белыми варварами; он решил изгнать белых из своей страны, дабы избежать мести божества. Вой-

на объявлена, и вам с высоты престола приказывается не щадить сил для изгнания иностранцев из пределов Китая.

Да, жребий был брошен, война была объявлена в то время, когда бои шли уже в нескольких пунктах...

Спавшая тысячелетняя махина пробудилась, расвирепевший Дракон открыл свою «пасть»...

XXXII ТЯЖЁЛЫЕ ДНИ

Огда на рассвете 4-го июня над Печилий-Оским заливом окончательно расцвёл яркий солнечный день, кровавое дело было уже кончено. Побеждённые с позором бежали, победители мирно отдыхали после кровавой работы этой ужасной ночи.

С первого взгляда казалось, будто ничего ужасного не произошло в этих по-прежнему грозно молчавших фортах, казавшихся теперь совершенно вымершими. Победителей было слишком мало по сравнению с взятой твердыней, и теперь они с великим удивлением глядели на дело рук своих.

— Братцы, да неужто это всё мы сотворили? — с изумлением восклицал стрелок-сол-

датик, оглядывая внутренность взятого ротой Станкевича сильнейшего форта Таку с высоты окаймлявшего его вала.

— А то кто же? — отвечал другой стрелок, старослужащий сумрачный солдат. — Приказано было, вот и взяли... Вот и вся недолга!

— А китайцы-то где же?

— Китайцы-то? Фью! Митькой их звали! Китайцев, почитай, теперь и след простыл!

— Дивны дела Твои, Господи! Ни в жисть бы не поверил, что такую крепостищу можно было забрать!

Говоря так, солдатик с удивлением и ужасом оглядывал форт. Особенных следов разрушения не было заметно. Кое-где были груды щебёнки — последствия бомбардировки. Везде, куда только ни падал взгляд, видны были трупы защитников форта. Вид их был ужасен. Разгорячённые боем стрелки работали в эту ночь не штыком, а прикладами, раскалывая ими, как орехи, головы китайцам. Но всё-таки трупов, сравнительно с ожиданиями, было немного. Защитники форта, слышав русское «ура», разбежались в ужасе, и внутри форта остались лишь те, кому не удалось спа-

стись бегством.

— Стрелки! На работу — живо! — послышалась команда. — Форт убирать!

— Чего убирать-то? Снёс тела в одну кучу — вот и всё!

— Начальство скоро прибудет. Разве можно не в порядке встретить?

В одно мгновение все оставшиеся свободными от караулов стрелки, смешавшись с присланными с судов командами моряков, принялись за работу. Дело делали молча. Сказывалось свойственное русским людям почтение перед смертью. Павшие враги были для победителей уже не врагами, а просто покойниками, тела которых с честью следовало предать земле.

Незаметно было ни малейших попыток к мародёрству, к грабежу. «С мёртвого грех брать, — верил русский народ. — У покойника ежели что возьмёшь, он к тебе ходить начнёт». Так рассуждает весь народ, так были убеждены и добрые наши солдаты, эти славные дети великого русского народа. Они даже с нескрываемым ужасом говорили о том, что делалось в фортах, занятых японскими моря-

ками.

— Обезьяны-то эти, — толковали солдаты, — как ворвались, сейчас же за грабёж... Всё дочиста обирают... Покойников так нагишом в реку и валят. Сейчас видно, креста на них нет!

В самом деле, японцы, в этом грандиозном деле явившиеся достойными, хотя и не равными, союзниками русских по храбрости, лишь только овладели фортами, штурм которых выпадал на их долю, сейчас же принялись за страшное дело грабежа и истребления.

Это они проделывали систематически. Как будто какая-то давно сдерживаемая расовая ненависть вдруг пробудилась в японцах к неожиданному врагу. Они никого не брал и в плен. Всякое чувство жалости молчало в сердцах этих низкорослых, желтолицых людей. Никому не было пощады. Японцы добивали даже легко раненных. Враг, даже и поверженный, оставался для них врагом. Они снимали с убитых всю одежду и бросали трупы один за другим в Пей-хо, предоставляя реке уносить их в залив.

Форты очень скоро были очищены ими, и они сейчас же принялись за укрепление их, на случай, если бы китайцы попробовали взять свою крепость обратно.

Любо-дорого было смотреть на этих людей за работой. Они быстро исправляли повреждения, очищали ров, ставили заграждения. Всё это они проделывали в полной тишине. Работа так и кипела.

Англичане и германцы, спустя очень немного времени, превзошедшие даже японцев в грабеже и жестокости по отношению к побеждённым и вызвавшие порицание всего мира, пока ещё не выказывали своих наклонностей. Они не грабили, но и сами решили отдохнуть после своего «подвига». В работе они поступали очень практично, заставив очищать форты тех китайцев, которые попались им в плен.

Солнце поднималось всё выше, день разгорался. В устье Пей-хо медленно покачивались на волнах прилива герои артиллерийского боя, русские «Кореец», «Гиляк», «Бобр», французская «Lion», американец «Моносасу» и белая японская лодка «Акагу». «Ittis» со своим

смертельно раненным командиром Лансом, пользуясь приливом, ушла на рейд к стоявшей там эскадре.

С берега Пей-хо раздались одиночные выстрелы по «Бобру». Это китайцы из Тонг-Ку, потеряв головы, начали было стрелять по победителям из домиков на берегу реки.

Два-три выстрела из скорострельного да из девятифунтового орудий скоро разогнали всех их, причём был легко ранен один из матросов «Бобра».

Был собран военный совет из командиров судов. Прибытия адмиралов ожидать скоро было нельзя, потому что начался отлив, и устье Пей-хо обмелело; подойти к Таку глубокосидящим морским судам и даже миноносцам не было возможности.

Вдруг около полудня по всем фортам разнеслась тревожная весть:

— Китайцы!

В самом деле откуда-то издали доносились звуки гонга и барабанов.

Высланы были разведчики. Они вернулись с неутешительными вестями. Подходили регулярные китайские войска под командой од-

ного из лучших китайских генералов Но.

Теперь сердца победителей забились невольной тревогой: их была ничтожная горсть, китайских же войск подходили тысячи. И это был противник, который мог показать себя. Все солдаты правительственных войск были вымуштрованы германскими инструкторами, стало быть, являлись по своей выучке вполне равными европейским войскам. Все преимущества были на их стороне. Они были снабжены превосходным оружием, поставленным им германскими и английскими фабрикантами. Силы их были свежие, да и числом они превосходили всех союзников, овладевших в эту ночь неприступной крепостью.

Мёртвая тишина воцарилась в фортах. Орудия были уже обращены в сторону надвигавшегося неприятеля. На судах орудийная прислуга тоже заняла свои места. Готовился новый бой и бой неравный.

— Что, молодцы, вот беда когда пришла! — слышались разговоры в русском форте.

— Ничего, с нами Бог!

— Так-то так! А говорят, что китайцам чис-

да нет. Так и прут!..

— Пусть! Пусть сунутся! Мы им покажем силу русского оружия...

Но тут случилось то, чего никто и ожидать не мог...

Китайцы подошли, но на такое расстояние, что до них не доставали пули. Постояли, постояли да и ушли... Словно они и приходили только затем, чтобы удостовериться в победе союзников!

— Вот так герои! — были насмешливые восклицания. — Стоило ноги мозолить...

— Да и хорошо, что ушли! Ишь их сколько: голыми руками нас перебрали бы.

Быстро восстановилось спокойствие и теперь восстановилось уже окончательно. Союзники уверились, что китайцы не осмелятся напасть на них, и принялись за устройство и крепости, и прибрежного посёлка на свой лад.

Дня через два, через три нельзя было узнать Тонг-Ку. Всё там кипело небывалым оживлением. Полки высаживались за полками. С непостижимой быстротой были переброшены русские силы из Порт-Артура; под-

ходили подкрепления из Владивостока. Наши войска пока были главными силами среди союзников.

Наспех организовался отряд, который должен был выручить окружённых в Тянь-Цзине стрелков Анисимова.

А герои Тянь-Цзиня были уже на краю гибели.

Не за себя, не за своих стрелков страшился в эти дни командир 12-го полка Анисимов. Знал он, что все они сумеют умереть с честью на поле битвы. Но вместе с тем знал он, что стоит только китайцам смять, уничтожить защитников Тянь-Цзиня, сейчас же погибнут и те несчастные, которые запёрлись в ратуше английской концессии. А там были беспомощные женщины и дети, там были старики, не имевшие сил защитить себя. Знал Анисимов, что, прорвись китайцы, погибнет и отряд легкомысленного Сеймура, державшийся в арсенале Сичу только благодаря отчаянной храбрости русских моряков, отбивавших нападения, вдохновлявших к новым подвигам союзников, дух и бодрость которых заметно падали под тяжестью постигшего их испыта-

ния. Знал герой и то, что если не удержится он, Тянь-Цзинь будет трудно взять даже свежим силам, Путь на Пекин окажется закрыт, и придётся пробиваться с оружием, поливая своей кровью каждую пядь земли.

Умирать было никак нельзя. Надо было жить обязательно!

А как жить, если даже и надежда на помощь была слаба?

Китайцы окружили Тянь-Цзинь со всех сторон. Единственным выходом из него была река. Но напрасно отправляли вниз по Пей-хо защитники Тянь-Цзиня паровые баркасы — ни одному из них не удалось пробиться к устью: по обоим берегам реки выросли грозные китайские батареи, и никакому судну не удавалось проскользнуть под их перекрёстным огнём.

Положение было критическое. Приходилось умирать, когда необходимо было жить.

«Господи, научи, как подать нашим весть! — молился герой. — Они выручат, верю! Не оставлять же без помощи!..»

В одно из таких мгновений тяжёлой тоски и муки за близких людей Анисимову доложи-

ли, что явился из европейского Тянь-Цзиня какой-то англичанин и очень желает видеть командира.

— Говорит, что берётся пробраться в Таку и передать известие о нашем положении! — пояснил доклад адъютант.

— Просить! Скорее просить! — велел полковник и даже сам кинулся навстречу этому словно с небес свалившемуся храбрецу.

Луч надежды засветил для него.

В каморку, которую занимал полковник, вошёл рослый парень со всеми типическими особенностями англо-саксонского племени.

— Джим Ватс! — отрекомендовался он, снимая шляпу.

— Рад, очень рад! Мне доложили, что вы берётесь доставить в Таку адмиралу мою записку?

О да, — ответил англичанин.

— Но как же вы это сделаете? Мы окружены.

— Где нельзя пройти сотням и десяткам, там пройдёт один! Я — лучший наездник в Тянь-Цзине и думаю, что сумею проскакать эти сорок вёрст.

— Но вас могут убить!

— Постараюсь, чтобы этого не случилось.

Парень казался довольно смелым, глядел он весело, и Анисимов почувствовал к нему доверие.

— Мистер Ватс! — полковник положил руку на плечо англичанину. — Если только вы это сделаете, весь мир будет благодарен вам.

— Тем лучше для меня! — улыбнулся Ватс.

— Но я не хочу подвергать вас одного опасности, — продолжал Анисимов. — Если бы вы согласились проводить моих людей, это было бы вашей огромной заслугой.

— Хорошо, я согласен на это! — отвечал англичанин. — Оно лучше: кто-нибудь из нас да доберётся до Таку.

— Спасибо! Русское спасибо, мистер Ватс!.. Когда вы можете отправиться?

— Хотя бы сейчас!

— Прекрасно! В случае удачи вы завтра уже будете в Таку!.. С Богом! Я сейчас сделаю распоряжение, вызову людей...

Не прошло и пяти минут, как перед вокзалом выстроилась казачья сотня.

— Ребята, есть дело! — обратился к сибиря-

кам командир, оглядывая зорким оком каждого.

— Рады стараться, ваше высококородие! — раздался дружный, бодрый отклик.

— Так вот... Враг насаждает, покоя не дают китайцы, нужно дать знать о нас в Таку. Там кто-нибудь да есть из наших. Нашёлся проводник, который берётся провести посланных. Я назначаю троих из вас. Охотники есть?

Вся сотня, как один человек, двинулась на командира, так что он невольно отступил назад.

— Спасибо, я этого и ждал от вас! — полковник был растроган до глубины души. — Спасибо, молодцы! Помните: за Богом молитва, за русским царём служба не пропадает... Все хотите, а нужно только троих. Придётся выбирать! Не обижайтесь, пусть трое идут, а остальные здесь царю послужат.

Выбор был сделан, и лишь только наступил вечер, четверо всадников: Ватс и трое казаков: Дмитриев, Корчин и Большаков, с карабинами в руках бесшумно выбрались из укреплений Тянь-Цзиня и помчались по берегу Пей-хо к её устью.

«Что будет? Удастся ли им? — думал Анисимов, проводив взглядом скрывшиеся во мраке тёмные фигуры. — На них последняя надежда. Не удастся им добраться и подать весть, мы погибли; ещё дня два, много три продержимся, а там... Ну да на всё воля Божья!»

А кругом него неумолчно свистели пули, рвалась шрапнель. Китайцы словно осатанели и решили не давать покоя своему врагу, которого, как они были уверены, они держали уже в полной своей власти.

В это же самое время на тёмном фоне неба то и дело вспыхивали световые блики.

Это просил помощи изнемогавший в борьбе отряд Сеймура, засевший в Сичу.

Шатов в это время, когда ему пришлось каждое мгновение быть лицом к лицу со смертью, весь ушёл в самого себя. Будущее словно перестало существовать для него. Он даже мало думал о Елене в последние дни, да и когда было думать, если каждый миг приходилось страшиться... не за себя, нет, а за тех, кто был рядом, под его начальством?

Он видел теперь смерть и привык к ней.

Ужасы кровопролития не пугали его, но и ему не хотелось умирать, не узнав, что с невестой, какая участь постигла её.

Здесь, в Тянь-Цзине, было уже известно, что европейцы в Пекине осаждены народными массами, и никто не сомневался, что если они ещё не погибли, то обречены на смерть.

В самом деле, кто бы мог думать, что малая горсть людей, изнеженных, не привычных к военному делу, может отсидеться, отбиться от десятков тысяч обозлённых пекинцев?

Гибель европейцев, а с ними и Елены, даже и для Николая Ивановича была вне всякого сомнения. Он не смел даже и мечтать о том, чтобы увидеть свою невесту в живых, но ему хотелось, по крайней мере, увидеть хладное тело её, чтобы оплакать. Теперь бы страстно желал только одного: поскорее прийти в Пекин и убедиться в ужасной участи дорогого существа. Неизвестность сама по себе тяжёлая мука...

В тот вечер, когда Ватс и казаки отправились в опасный путь, рота, в составе которой находился Шатов, была отправлена на отдых.

Собственно говоря, отдых — это было

слишком громкое обозначение для того временипрепровождения, которое имело место быть. Отдыхавшие стрелки исправляли повреждения, причинённые вражескими снарядами, чистили ружья и едва находили несколько минут, чтобы вздремнуть после наскоро проглоченной нищи.

Во время такого отдыха перед Шатовым вдруг появился Зинченко.

Казак уже не раз позволял себе приходить к Николаю Ивановичу, чувствовавшему к нему некую симпатию и всегда охотно беседовавшему с ним.

Лицо казака отражало какое-то лукавое до-вольство.

— Ваш-бродь! — шёпотом обратился Зинченко. — Доложить позвольте!

— Что тебе? Говори!

— Чибоюйка-то тут с братишкой...

— Что с ними? Убиты?

— Какое, ваш-бродь! Живёхоньки! Они теперь, стало быть, среди этих самых боксёров находятся.

Шатов вздрогнул.

— Негодяи! — глухо сказал он. Они изме-

нили нам...

Не извольте так говорить, ваш-бродь! горячо запротестовал казак. — Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу не изменили! Кабы они только осмелились на это, я бы им первый головы свернул!

— Так как же ты говоришь, что они среди боксёров теперь?

— Это у них своя политика! Как я в секрете или в разведке, Чи-Бо-Юй всегда мне разные сведения даёт. Вот и теперь он рассказал, что боксёры-то, значит, ещё день нас жарить будут, а потом всем скопом пойдут на штурм, значит... думают, что нам крышка.

— Это верно? Ты доложил по начальству?

— Так точно! На нас пойдут и на тех, что на реке засели, чтобы сразу, значит, захватить всех. Беда, если подмога не подойдёт...

— А что, Зинченко, — вдруг поддаваясь волнению, спросил Шагов, — как ты думаешь, что теперь в Пекине?

— С нашими-то, ваш-бродь? Да ямам дело, пожалуй... Да вы не извольте беспокоиться: и нам то же будет!.. Только, думаю я, казачки доберутся и весть о нас подадут... Дошлый на-

род пошёл... Господин командир словно знал, кого выбрать! Самых отчаянных. Эти дойдут, но англичанин не надёжен; он бы дела не испортил, а те дойдут!..

— Да чем он испортит-то?

— Он один дорогу знает... бросит их, пойдут блудить, ну и проплутают даром...

В это время ударили сбор, и разговор сам собой прекратился.

Огонь китайцев становился всё сильнее. Они пристрелялись, и снаряды ложились теперь прямо по намеченной цели. В европейском Тянь-Цзине то и дело вспыхивали пожары. Станционные здания превратились в решето. Держаться можно было только в военной школе, которая была взята стрелками штурмом. Более всего досаждал китайцам наведённый русскими мост через Пей-хо. Они по нему направляли свои снаряды, но мост держался каким-то чудом.

Казалось, не было возможности и глаз сомкнуть в том аду, какой был в Тянь-Цзине. Но человек так уж устроен, что привыкает ко всему. Несмотря на непрерывное грохотанье пушек, солдаты и офицеры находили время

не только вздремнуть, но и уснуть.

А снаряды китайцев не переставали сыпаться и все теперь были направлены на вокзал. Он был совершенно уже разрушен.

Но не одни эти затруднения, затруднения боевые, пришлось переживать герою Тянь-Цзиня, полковнику Анисимову. Было ещё и другое, пожалуй, даже более опасное, чем китайские пули. Он бесстрашно разъезжал под свинцовым дождём, показывая пример мужества подчинённым, но когда ему приходилось бывать на ежедневно собиравшихся военных советах, то это было для него чистой мукой.

На советах только русские да ещё англичане, которым прямо-таки нельзя было уйти, стояли за то, чтобы оставаться в Тянь-Цзине. Остальные же — немцы, японцы и американцы — только и говорили, что об отступлении, в особенности тогда, когда стало известно, что на помощь к осаждавшим явились ещё генералы Ма и Сун с 20 000 солдат.

Каково было выслушивать предложения об уходе из Тянь-Цзиня русскому герою, предпочитавшему смерть позору отступления?..

На всех советах Анисимов хранил угрюмое

молчание, решив раз и навсегда, что с подобными союзниками всякие разговоры — пустая трата слов, но всё-таки, решив не отступить, а лучше умереть, он не мог не сознавать, что положение его отряда отчаянное.

— Патронов всего по двести на ружьё, сухарей только на два дня! — докладывали ему. — Что прикажете?

— Держаться до последней возможности...

— Большая убыль в офицерах, четверо уже убиты, один ранен пулей во время сна и умер... Двести человек раненых!

— Держаться, потому что мы не можем бросить их китайцам!

— Китайцы готовят решительную атаку на 9-е июня.

— Атаку отбить, китайцев прогнать!

В ожидании решительной атаки были всюду возведены баррикады. Люди приготовились к худшему. Предвиделся бой грозный, решительный, где тысячи шли против десятков. Но против каких десятков — русских!

С трёх сторон повели наступление китайские войска на кучки отчаянных храбрецов. Была тёмная ночь. Даже лупа скрылась за ту-

чами, будто не желая освещать ужасы кровопролития.

Шрапнель беспрестанно рвалась, ослепляя людей яркими вспышками. Китайцы наступали, по своему обыкновению, молча. Их встретили залпами, но они даже не сочли нужным отвечать на них — так велика была их уверенность в полной победе.

Они были уже совсем близко, как вдруг содрогнулся воздух: это грянуло русское «ура!», и стрелки со штыками наперевес кинулись в самую густую массу врагов.

Грозный боевой клич русских всегда действовал на китайцев сильнее, чем грохот крупновских пушек. Едва слышали они его, как уже дрогнули и попятились...

А могучее «ура!» так и неслось, передаваясь от роты к роте и не смолкая ни на мгновение.

Китайцы отошли, даже не подпустив к себе удальцов, но бой всё-таки продолжался около трёх часов. Наступающие были отбиты...

Словно светлый праздник был этот день для удальцов. Честь русского имени ещё раз

была спасена ими.

Все позиции удалось удержать.

Да, удалось! Но что будет завтра?

Патронов оставалось самое малое количество, такое малое, что защитники Тянь-Цзиня даже перестали отвечать на китайские выстрелы.

Но утро вечера мудренее.

Наступило завтра — 10-е июня, день, который никто из оборонявшихся в Тянь-Цзине героев не забудет, потому что он был днём радости, днём исполнения утраченной надежды.

В этот день было получено известие, что на выручку тянь-цзиньского отряда идёт с полком генерал Стессель, идёт с постоянным боем и надеется прибыть в Тянь-Цзинь не позже 11-го июня.

Это ли было не счастье!

Все — и Анисимов, и его офицеры, и солдаты вздохнули свободно и истово осенили себя крестным знаменем, получив это известие.

Они чувствовали себя уже спасёнными. Да и не только себя. Никто в анисимовском отряде не сомневался, что теперь удастся спасти и

беднягу Сеймура с его отрядом и прогнать китайские войска от Тянь-Цзиня...

XXXIII НЕЗАМЕТНЫЕ ГЕРОИ

Ибиряки-казаки совершили подвиг, равного которому, пожалуй, нет в новейшей военной истории.

Они втроём (Ватс, как оказалось, вскоре явился для них обузой) прорвались через цепь укреплённых китайских лагерей.

Выбравшись из Тянь-Цзиня, маленький отряд с полчаса мчался вперёд совершенно спокойно.

Ватс, как и следовало ожидать, прежде всего позаботился о своей безопасности. Впереди его был казак, а позади — другие двое. Таким образом, «неустрашимый» сын Альбиона оказывался прикрытым и спереди, и с тыла.

Спутники Ватса, впрочем, этого даже и не

заметили. Передовой, то и дело поднимаясь в стременах, зорко осматривался вокруг, нет ли где врагов.

Но в первые полчаса пути китайцев нигде не было видно. Всё было тихо, только удары копыт звонко отдавались по сухому грунту дороги.

Вдруг передовой на всём скаку остановил своего степняка.

— Чего ты? — товарищи его тоже остановили лошадей.

— Деревня, братцы, ихняя... вон фанзы!

— Большая деревня-то?

— Не то чтобы большая... следственная. Народу не видать...

— Тогда промахнём духом — там нас не ждут, ошалеют и пропустят.

— Так! Гайда, станичники!..

И с диким гиканьем понеслись удальцы во весь опор, направляя коней прямо по широкой деревенской улице... Там были китайские солдаты.

Никто из них не мог ожидать такой дерзости. Гиканье и свист изумили и действительно ошеломили их. Вместе с солдатами здесь

были и боксёры. Один из них кинулся было к казакам и протянул руку, чтобы поймать поводья, но сибиряк нашёлся. Он что было силы огрел китайца по руке нагайкой, и тот отскочил, крича от боли.

Казачки и Ватс выскочили уже из Деревни, когда китайцы пришли в себя и открыли по ним огонь. Толпа боксёров, громко крича своё «ша!», кинулась было им вслед, но где же было догнать им, пешим, летевших, как вихрь, удальцов?

— Слава тебе, Господи! Пронесло! — перекрестились молодцы, очутившись в поле. Что, мусью, страшновато было, небось?

Но Ватс, говоривший только по-английски, само собой, не понял этого вопроса. Впрочем, выпятив вперёд грудь, он хвастливо поколотил в неё, как бы показывая этим, что такой удачей отряд был обязан ему.

Около часа после этого они продолжали путь совершенно спокойно, пока не попалась на пути какая-то новая деревня.

Ободрённые первой удачей, смельчаки и на этот раз решили прибегнуть к рискованному манёвру. Они построились в боевой поря-

док и помчались вперёд с диким гиканьем и свистом.

Но на этот раз, удача оставила их.

У первых же фанз казаков встретили выстрелами. Ватс знаками посоветовал взять в сторону по узенькому проулку. Он, а с ним и его спутники надеялись этим путём выбраться в поле. Свернули, помчались и вдруг — о, ужас! — увидели перед собой толпу вооружённых китайцев, а за ними высокую глиняную стену.

— Пали в них! раздалась команда старшего. И все назад!

Прежде чем китайцы успели сообразить, что им сделать, грянули три выстрела, и трое из толпы грохнулись на землю. Только тогда китайцы схватились за ружья, но смельчаки были уже далеко.

Однако хотя они и спаслись, всё-таки они ничего не выиграли. Маленький отряд очутился в поле. Здесь пала лошадь Ватса, которую ранили китайцы в деревне. Хорошо ещё, что станичники оказались предусмотрительными и захватили с собой запасного коня, не то бы Ватсу пришлось остаться; да, впрочем,

и был момент, когда англичанин раздумывал — не отказаться ли ему от затеи.

Готовясь отправиться дальше, казаки заметили, что Ватс, страшно волнуясь, делает им какие-то знаки. Он поворачивал лошадь назад и махал рукой в сторону Тянь-Цзиня, стараясь увлечь спутников за собой.

— Никак он нас обратно зовёт? Ах он, шельма! возмутились удальцы. — Чего ты, мусью?..

Ватс принялся показывать жестами, что он вовсе не желает быть убитым и предпочитает возвращение в город.

— Да что он? Смеётся над нами? — разозлились казаки. — Мы лучше умрём, а приказ начальства исполним!.. Струсил шельмец! Пусть один возвращается, а мы... ганда вперёд!

Кое-как они объяснили Ватсу своё решение. Тот попробовал снова убедить их вернуться, но казаки и слушать его не хотели. Перспектива остаться среди поля одному показалась англичанину не совсем приятной, и он, ворча и бранясь, всё-таки последовал за казаками.

Теперь маленькому отряду пришлось ехать по лем. Прорваться через деревню нечего было и думать. Там все ждали нового нападения. Приходилось деревню обогнуть и затем выбираться на дорогу, идущую по берегу Пей-хо. Это стоило немалого труда. Ночь выпала совершенно безлунная, ориентироваться было почти невозможно.

Но лихие сибиряки преодолели все эти затруднения. До рассвета они раза четыре натыкались на китайцев, но теперь уже счастье было с ними. Никем из врагов незамеченные, переправились они вплавь через Пей-хо, но тут наткнулись на огромный неприятельский лагерь. Только благодаря предрассветному туману не попались удальцы здесь в руки китайцев.

Совсем уж рассвело, когда отряд очутился перед фортами Таку.

Храбрецы в смущении остановились.

— Чего же нам, братцы, теперь делать? Как быть? Это же китайская крепость! — начал совет старшой.

— Что делать? Поразведать нужно!

Сказано — сделано. Ползком подкрались

казаки к фортам и тотчас же убедились, что китайцев там нет...

Когда взошло солнце, они уже были в Таку и явились к начальству.

— Что за люди! Что за молодцы! — слышались вокруг храбрецов восклицания, когда они окончили доклад. — Ведь они прошли через все неприятельские линии, через сплошной неприятельский лагерь, в чужой незнакомой стране, среди народа, язык которого им неизвестен... Это — чудесный подвиг.

Молодцы стояли навытяжку и «ели глазами начальство».

— Спасибо, ребята! — сказал с особенным чувством генерал Стессель, назначенный начальником международного отряда. — Спасибо ещё раз! Как отблагодарить вас за такое старание?

Молодцы замялись и смущённо поглядывали друг на друга.

— Что же вы! Говорите! Мистер Ватс, — обратился генерал к англичанину. — Какую награду желаете получить вы?

Ватс выпятил грудь колесом.

— Конечно, генерал, — заговорил он, — я

буду скромнен, но, вы сами понимаете, никакой труд не должен оставаться без вознаграждения, особенно такой опасный, какой был предпринят мной ради спасения несчастных, попавших в ловушку...

Генерал нахмурился:

— Конечно, конечно! Но что же вам угодно?

— Я оставлю этот вопрос на ваше усмотрение, генерал.

— Хорошо-с! Ну а вы, ребята, надумали?

Опять смущение ясно отразилось на лицах казаков.

— Да говорите, чего вы! — настаивал генерал.

— Уж, ваше превосходительство, ежели только милостивы будете, — начал, путаясь в словах старшой. Только награждать нас совсем не за что, потому что мы — по долгу службы...

— Знаю это! Дальше что?

— Так уж будьте милостивы, прикажите по новым сапогам выдать, из станицы теперь не дождёшься, а здесь взять негде ...

Генерал расцвёл в улыбке, выслушав эту

наивную просьбу героев, рисковавших жизнью И не нашедших для себя другой награды, кроме как по паре сапог, которые они и без того легко бы могли получить.

Привезённая казаками от Анисимова записка ускорила формирование отряда. 8-го июня войска уже выступили из Таку. Командовал отрядом генерал Стессель, так как русские преобладали над всеми численностью.

Как только разнеслась среди высадившихся уже в Тонг-Ку европейцев весть об отчаянном положении Анисимова и его отряда, зашуматошились все: и немцы, и англичане, и французы.

Шуточное разве дело предстояло им! Сорок с небольшим вёрст, отделявших Таку от Тянь-Цзиня, на всём своём протяжении превратились в сплошной вражеский лагерь, через который иначе и пройти нельзя было, как силой.

Европейцы рассуждали...

— Это очень трудно! Неужели русские думают пешком пройти весь путь! — слышались недоумевающие голоса, когда было разнесено приказание генерала Стесселя немед-

ленно 8-го числа выступить отряду Кнобельсдорфа на Тянь-Цзинь.

— Конечно же! Иного способа передвижения нет... Нельзя думать, чтобы китайцы оставили рельсовый путь неразрушенным!

Но, несмотря на все рассуждения, до которых так охочи европейцы, авангард всё-таки выступил.

Прозвучала труба, возвещавшая отход воинского поезда, запыхтел локомотив, не сразу сдвинув тяжело нагруженные людьми вагоны. Но вести поезд приходилось с большой опаской. На каждом шагу ожидали найти путь повреждённым и к следующему утру еле-еле добрались до станции Чун-Лион-Ченг, приблизительно в трети пути от Таку до Тянь-Цзиня.

Факт, отмеченный в своё время.

Далее ехать на поезде было нельзя. Рельсы исчезли, шпалы оказались выворочены, так что даже о починке пути нечего было и думать.

Авангардный отряд Кнобельсдорфа, в котором были и русские, смело тронулся вперёд пешим ходом. Китайцы отступили к своим

главным силам. Немцы на первых же порах показали себя достойными сынами своего отечества. Горящие деревни показывали путь следовавшим за ними русским храбрецам[60]. Где проходили немцы, там всё сметалось с лица земли. Не разбирали ни правых, ни виноватых. Всё уничтожали, как будто целью похода было именно одно только разрушение.

В 10-12 километрах от Тянь-Цзиня отряды стали на бивуак.

Китайцы были очень недалеко, и только артиллерийский огонь сдерживал их от нападения.

Людей мучили и голод, и жажда, и нестерпимая усталость. Никто из солдат не отдыхал всю ночь на 10-е июня и весь день накануне. Каждому пришлось тащить на себе все нужные вещи, обоза не было, стало быть, не было и запаса провианта. Солдаты довольствовались лишь походными, порционными, о горячей пище думать не приходилось.

Только нестерпимая жажда вынуждала пить отвратительную воду из Пей-хо, где плывущие трупы китайцев были видны даже

ночью. Но радовались и такой воде. Иначе пришлось бы совсем плохо. Солнце палило невыносимо. Громадная равнина, на которой действовал соединённый отряд, лишена была даже намёка на тень.

Перед началом последнего дня немецкий майор Крист испросил разрешение сражаться в первых рядах. Генерал Стессель выразил согласие, и Кристу был дан в команду левый фланг.

Но этот последний бой начать довелось всё-таки русским храбрецам. Они первыми столкнулись с гарнизоном китайского арсенала, который осыпал их градом снарядов и пуль, но остановить в движении вперёд не мог.

До 11 часов утра сражение шло как-то нерешительно. Союзники подвигались вперёд, но это движение стоило многих жертв. Слишком сильны были китайцы за стенами своего арсенала. Оттуда они могли на выбор бить наступавших, и генерал Стессель решил пока отложить штурм, а только ограничиться соединением с отрядом Анисимова.

Трогательная, простая с виду, но величе-

ственная по своей сущности, сцепя произошла в этой битве.

Немцы, увлечённые боем, зарвались слишком далеко и понесли весьма чувствительные потери. Они отступали, унося своих убитых и раненых. При отступлении им пришлось проходить мимо русской цепи, залёгшей для обстрела противника. В цепи был и генерал Стессель. Едва показались немецкие санитары, нёсшие раненых и тела павших товарищей, генерал прекратил огонь и поднял своих людей. По его распоряжению солдаты взяли на караул, отдавая последнюю почесть храбрецам. Хор музыкантов исполнял похоронный марш во всё время, пока немцы не вышли из-под выстрелов.

А китайские пули так и сыпались.

Немцы со слезами умиления вспоминали этот эпизод, наполнивший их чувством уважения к русским товарищам.

Последнюю часть пути идти пришлось с рукопашным боем. Везде путь вперёд был преграждён сильными войсками противника. Но отряд продвигался с неизменной победой. Чуть что, с могучим «ура!» кидались рус-

ские в штыки, и всякий раз китайцы, слышав русский боевой клич, убегали.

— Ну уж и народец! — удивлялись солдаты. — Дивиться на него надо!

— А что же?

— Да как же! Ты на него со штыком, а он сейчас ружьё бросит и стоит, глазами хлопает... Ни пардону не просить, ни обороняться не хочет... Ну, плюнешь на такого, да и мимо!

В самом деле, был такой случай: во время одной стычки налетел стрелок на китайского солдата, бросившего ружьё и со спокойствием фаталиста-азиата готового принять удар.

Солдат, ожидавший всего, только не этого, так осерчал, что плюнул своему противнику в физиономию...

— Не стоит о такого олуха и штык тупить! — говорил он после товарищам.

Около трёх часов пополудни соединённый отряд приблизился к стенам Тянь-Цзиня. Анисимов сейчас же выдвинул своих стрелков, и китайцы оказались между двух огней.

Где же выдержать им было! После первых залпов ими овладело замешательство, и они поспешили оставить позиции.

В четыре часа отряд генерала Стесселя уже соединился с защитниками Тянь-Цзиня...

Теперь 12-й полк был спасён, но дело далеко не кончилось.

— Надо непременно выручить Сеймура! — было решено на военном совете.

XXXIV В ПОХОДЕ

О извилистому берегу Пей-хо, вверх по течению реки за Тянь-Цзинем стоит тишина.

Жарко. Полуденный зной прямо-таки невыносим. Солнечные лучи почти отвесно падают с небесной выси. Дорога превратилась в камень и даже местами растрескалась. Ни малейшего ветерка. Узкая река не даёт прохлады полям: солнце и её так нагрело, что мутная вода чуть-чуть только не поднимается кверху паром.

Над рекой вьются стаи воронья. Есть немалая пожива хищникам. То и дело вниз по чуть заметному течению проплывают, медленно колеблясь на поверхности, вздутые, безобразные трупы. Много их. Трупы всё ки-

тайские. Ужасные раны безобразят их. Но лишь одно воронье и обращает на них внимание. Птица За птицей спускаются на трупы, клюют их, и некому помешать этому ужасному пиру.

Вдруг стая хищников необычно встрепелулась и с громким карканьем поднялась в воздух. Их испугнули гул и шум, донёсшиеся снизу — из-за крутого поворота реки.

Слышно громыхание колёс по твёрдому грунту. Это громыхание сливается вместе с неким дребезжанием — словно железо бьёт о железо. Среди этих звуков резко выделяются топот копыт, людские голоса...

Это идёт вверх по Пей-хо один из передовых русских отрядов, уже покончивших с Тянь-Цзинем и теперь выступивших по направлению к Пекину на выручку оставшихся там нескольких сот европейцев.

Впереди не старый ещё, но уже седой начальник отряда. Жарко ему. Солнце так и печёт, но он и вида старается не показать, что ему не по себе. Как тут выказать слабость? Кругом люди, которым начальник должен показывать пример. Он бодрится, и они за ним

тянутся...

Солдаты идут молча, то и дело перекладывая ружья с одного плеча на другое. Тяжело им. Полковник всё-таки на коне, а они ломают поход пешими, да ещё не порожняком, а с грузом — ружья да сумки просто все плечи оттянули.

Вот казакам — тем хорошо; казаки верховые. Уселись на коньков и в ус себе не дуют. Папахи у них сдвинуты набекрень, мундиры нараспашку, а груз какой, так тоже не они, а кони несут.

Хорошо и артиллеристам — и артиллерия есть в отряде: целая батарея следует в некотором отдалении за пехотой. Артиллеристы тоже едут. Им весь этот путь — пустяшное дело.

Идёт отряд уже давно. Скоро и на привал станут — пора отдохнуть. Где тут в такое пекло тащиться? Уж лучше бы днём спать, а всю ночь идти.

И не дальний путь: всего сто с небольшим вёрст. Да долго тянется... Невыносимо долго. Поскорей бы к Пекину подойти.

Так и сжимается у каждого в отряде сердце, как Пекин на ум придёт! Что-то там, как-

то там!.. Больше месяца с Тянь-Цзинем проводились, а ни одной верной весточки из Пекина не пришло. Живы ли там европейские бедняги, так внезапно очутившиеся в пасти свирепого китайского Дракона, перерезаны ли они — никто точно не знает. Были вести, да все разные. Одни говорят — живы, другие — что и косточек не осталось.

Были и такие вести, что у слушателей сердце в груди замирало, кровь застывала в жилах, волосы дыбом становились и на глазах Проступали невольные слёзы — такие ужасы передавались в этих известиях...

Говорили, например, что не просто были убиты несчастные европейцы обозлёнными китайцами. По суткам мучили их озверевшие люди: кипятком тело поливали, вырывали ножи, с живых сдирали кожу и, отрубив руки и ноги, оставляли умирать медленной смертью на жгучих лучах солнца... Рассказывали о посаженных на кол, о растопленном олове, которое вливали в горло жертв палача. С ужасом слышали европейцы Тянь-Цзиня о знатных дамах, ставших рабынями дикого произвола подонков пекинской черни. С восторгом

упоминалось в этих рассказах о том, с какой непостижимой твёрдостью, с каким нечеловеческим героизмом пекинские мученики встречали пытки и смерть. Говорили об улыбках во время ужасов казни, о благословении Родины в последние мгновения жизни!.. Об обороне европейского квартала слышались просто чудеса. Героями были не только моряки-солдаты, не только мужчины, но и женщины и чуть ли не дети. Изнеженные знатные дамы сразу обратились в чудных воительниц, не знавших во время обороны ни минуты отдыха. Они бились со своими мужьями и братьями бок о бок. У каждого или у каждой были припасены на последний конец или заряд для револьвера, или яд. Все боялись только одного: попасть в руки врагов живыми. И гибли, гибли все, умирали даже от собственной руки: мужья в последние мгновения убивали жён, матери — детей. Оборона посольств мало-помалу обратилась в сказочную эпопею, оборонявшиеся — в чудесных героев... Более всего было вестей об ужасной! участи и гибли послы. Говорили чуть ли не о них одних, как будто они одни являлись страдальцами

за всех. Возмущалось до последней степени национальное чувство. Каждый из европейцев считал себя оскорблённым лично, и в сердцах разгоралась неумолимая ненависть к извергам-палачам и жажда самой ужасной кровавой мести...

Под воздействием всевозможных вестей о пекинских ужасах разжигались самые низменные инстинкты. Французы, немцы, англичане и пр., и пр. забывали свои громкие речи о человечности, о братстве людей, о культурности. Они обращались в кровожадных людей, готовых на всякие неистовства...

Но — странное дело! — говорили о страданиях и гибели европейцев всех наций: немцев, французов, англичан, итальянцев, испанцев, даже японцев, и все, словно сговорившись, обходили молчанием участь русских людей. О русских молчали, как будто их ни души не было в Пекине. На эту странность никто не обращал внимания — все проникнуто было только одним общим ужасом перед гибелью всех без исключения европейцев.

И вот, проникнувшись чувством самой искренней жалости к пекинским мученикам,

поднялся для освобождения или мести за них великий Северный Медведь. Он пошёл на рас- свирепевшего китайского Дракона.

Пошёл — и вся мощь страны Неба оказа- лась перед ним пустым звуком.

Пока что европейцы представляли собой всевозможное смешение племён. Попадались печальные горе-герои — англичане из-под южно-африканского Лэдисмита, Кимберлея и даже Мефкинга. Лучшие из них воины — это индийские кавалеристы — сикхи, которых кое-как успели перебросить сюда из своей разорённой колонии сыны Альбиона. Были аме- риканцы с Филиппин, где они силой оружия вырывали последние остатки воли У исстра- давшихся под игом сперва испанцев, а йогом их же самих островитян; были немцы из Ки- ау-Чау, этого уголка страны Неба, овладением которого немцы возбудили ненависть китаЙ- цев к Европе. Полубольные французы из Тон- кина, тщедушные итальянцы, помнившие, как жестоко под Алдой поколотили их дика- ри-абиссинцы, малое количество австриЙ- цев — вот что представляла собой Европа, двинувшаяся для освобождения или мести за

своих мучеников-детей.

Понятно, что всем этим горе-воителям можно было не кричать о своих воинских доблестях, благо, по пословице, и ржаная каша сама себя хвалить может и хвалит; но от слова до дела ох как далеко было!

Ничего бы никогда не поделатъ было Европе в этом её составе с Китаем, если бы на берегах Пей-хо не было внушительной силы, перед которой всякий ничтожество.

Эта сила — были стройные русские полки, словно из-под земли выросшие, лишь только понадобилась их мощь для защиты несчастных.

Была на берегах Пей-хо и другая сила, конечно, значительно уступающая во всём русской, но тоже очень внушительная и появившаяся в эти тревожные дни весьма кстати. Это были японцы.

Они тоже одними из первых явились сюда на этот кровавый пир и достойно делили славу русских воинов, идя с ними бок о бок на всякую опасность.

Как это случилось — пока никто не знал, но только японцы словно предвидели пред-

стоящий поход и оказались совершенно Пловы к нему. Всё, решительно всё до последней мелочи: и провиант, и боевые запасы, и медицинские средства, не говоря уже о живой силе... оказались приготовленными, так что они могли тронуться в путь по первому приказанию своих властей.

Мало того, даже путь до Пекина, вся топография страны оказалась изученной до мельчайших подробностей; составлены были превосходные карты местностей, на которые были нанесены все деревни, импани, все пригорки, которые могли бы служить для китайцев естественными укрытиями. Японцы будто знали в точности о предстоящем походе и явились вполне подготовленными к нему.

И невольно вся Европа стушеввалась, уступила пальму первенства двум этим могучим силам, действовавшим тихо, без самовосхвалений, но зато непреодолимо твёрдо.

Главное начальство над соединёнными отрядами перешло к русскому военачальнику, боевому генералу Леневицу, и он вёл на Пекин отряд, изнемогая не столько от стычек с китайцами, сколько от ненужных споров и

препятств с начальниками союзных отрядов, великими стратегами на военных советах, где можно было поговорить, посудить да порядить, и всегда тушевавшихся, когда приходилось встречаться лицом к лицу с врагами на ратном поле.

Только благодаря умелым и полным твёрдости распоряжениям генерала Леневица и удалось так скоро организовать поход на Пекин, среди покрытой тьмой вражеских сил страны.

Идут, словно и устали не знают; зной не останавливает русских чудо-богатырей. Это словно бы и не люди, а машины какие-то, но только живые машины, полные сознания необходимости без всяких рассуждений исполнять свой долг.

Идут, впрочем, тяжело. Притомились солдаты. Их рубахи взмокли, хоть выжимай. К ногам словно гири привязаны — еле-еле передвигать удаётся. Изредка только вырывается вздох, никто не ропщет.

Этот отряд — авангард главных сил. Он невелик; на его долю выпала честь принять на себя первые вражеские удары, но зато и

первыми увенчать себя лаврами...

Ехавший впереди отряда полковник встретился, словно вспомнив что-то, и тихо сказал несколько слов адъютанту.

По отряду пронёсся оклик:

— Поручика Шатова к командиру!

Из рядов выделился офицер, высокий, подтянутый, с загорелым открытым лицом и, спешно оправляя мундир, отправился на зов.

Это Николай Иванович Шатов, временно командующий одной из рот своего полка, в которой под Тянь-Цзинем выбыли все старшие офицеры.

Как он возмужал и окреп за эти дни испытаний. Узнать его просто нельзя. Лицо Шатова мужественно, взгляд серых глаз суров и твёрд, на лбу залегла морщина, как бы свидетельствовавшая о непреклонной силе воли этого человека.

Он — новый человек среди солдат и очень недавно начальствует над ними, но успел уже сделаться общим любимцем.

Русские солдаты — это взрослые дети. Они инстинктом чувствуют, кто любит их, кто готов делить с ними все радости и печали. Они

видели, что Шатов в минуты величайшей опасности ни в чём не отделяет себя от них, так же, как и они, стоит под свинцовым дождём, только посмеиваясь над заунывным шипением гранат и шрапнели и равнодушно пропуская мимо ушей свист пуль.

Шатов действительно сильно возмужал в эти дни тянь-цзиньских испытаний. Постоянные картины смерти приучают человека к мысли о ней, воспитывают в нём равнодушие к роковому концу, который возможен в каждое мгновение. Действительная опасность совершенно преобразует, перевоспитывает человека.

Так было и с Николаем Ивановичем. Он, sentimentalный по природе человек, закалился и стал неузнаваемым. Сердце замолкло в нём с той поры, как исчезла всякая надежда на спасение «пекинских мучеников». Николаю Ивановичу были известны все слухи, все вести, приходившие из столицы Китая, и мог ли он не верить тому, в чём уверены были все вокруг него. Ни малейшего сомнения не было для него в том, что вся семья Кочеровых погибла ужасной смертью, и теперь злоб-

ное чувство разгорелось в нём. Каждый китаец, кто бы он ни был, стал ему личным заклятым врагом. В каждом из них Николай Иванович, видел палача дорогих ему людей...

Когда до его слуха долетел призыв к командиру, он сразу понял, что для него нашлось какое-то поручение, и полковник, давая его, предоставляет вместе с тем возможность молодому офицеру отличиться.

Не без некоторого трепета предстал Шатов перед командиром.

Тот сперва окинул его суровым взглядом, а потом строго официальным тоном заговорил.

— Поручик Шатов, вы со своей ротой и полусотней казаков немедленно поедете вперёд. Пока люди отдыхают, вы должны подготовить переправу на тот берег реки. Здесь недалеко, по японским картам, есть брод. Но это место — очень может быть — защищается китайцами. Вы там увидите сами, что и как: если возможно, то выбьете китайцев, если нет, займёте их до прибытия отряда. Поняли?

— Слушаюсь! — козырнул Шатов.

— С Богом тогда! Да слушайте... Прежде чем решиться на что-нибудь, не забудьте сде-

лать с помощью казаков разведки...

Николай Иванович уже повернулся, когда услышал голос полковника опять. На этот раз тот говорил совсем другим тоном: что-то отечески-заботливое слышалось в голосе. Когда Шатов обернулся, то увидел перед собой не сурового командира, а доброго, милого старика, с отеческой нежностью смотревшего на него из-под густых нависших бровей.

— Уж вы, голубчик, постарайтесь! Я прошу вас об этом! — задумчиво-ласково говорил полковник. — Пункт очень важный, а люди устали, выбились из сил... Так вы как-нибудь там... Ну, сами знаете... Вы — молодец у меня, каких мало...

— Будет исполнено! — улыбнулся Шагов.

— Верю, не сомневаюсь... Это и в ваших личных интересах, кажется? Всё к невесте поближе будете...

Лицо поручика даже и под загаром покрылось румянцем.

Полковник приветливо засмеялся:

— Ладно, ладно! Не буду больше... С Богом! Дайте, перекрещу на счастливый путь!

Николай Иванович обнажил голову, и ста-

рик трижды осенил его крестным знамением.

— Валяйте, родной! — подал он руку на прощание. — Жду скорой вести об успехе. Предоставляю всё на ваше полное усмотрение. Если что заметите, пришлите записку с казаком.

Шагов быстро направился к своей роте.

Кругом слышался шёпот:

Счастливец! В первую голову идёт...

— Уцелеет — быть ему с белым крестом.

— Да и то сказать: Шатов этого стоит; молодец, каких немного!

Николай Иванович слышал перешёптывания и чувствовал себя счастливым. Это было первое ответственное поручение, выпавшее на его долю. Являлся случай показать себя, выделиться из общей массы. Какой человек хладнокровно отнесётся к такому?

Когда Шатов подошёл к роте, там уже знали о данном полковником поручении. Солдаты приободрились, подтянулись. Прежнего утомления будто как не бывало. Казачья полусотня уже выдвинулась из рядов. Молодцы-сибиряки поглядывали весело, готовые, как всегда, идти не только на китайцев, но и

в огонь и в воду.

Рота Шатова построилась в стороне. Николай Иванович прошёл по рядам, внимательно приглядываясь к лицам солдат, словно стараясь почерпнуть в них уверенность в успехе предприятия. И глядя на добрые загорелые лица, он и сам укрепился духом.

— Ребята! Полковник на нас надеется! — весело крикнул он.

— Рады стараться! — было дружным ответом.

— Да, нужно... Товарищам облегчение...

— Не выдадим уже, чего там! — слышались отдельные голоса.

— Отлично!.. Равнение направо!.. Справа повзводно — вперёд!

Рота двинулась с места и, пропустив вперёд казаков, стала быстро обгонять отряд.

Когда Шатов пропускал казаков, то с большим удовольствием заметил среди них Зинченко, тоже Весело вскинувшего глаза на офицера.

Давние симпатии связывали двух этих людей, совершенно различных по своему положению. Ничего панибратского или такого, че-

го не допускала бы воинская дисциплина, между ними не было, но между тем оба они радовались, когда встречались друг с другом. Кроме того, Зинченко все ценили не только в его сотне, но и в других войсковых частях; имя этого казака было известно даже и высшим начальникам — Зинченко дорожили. Да и было за что. Как-то так получалось, что Зинченко будто из-под земли добывал всегда самые точные и полные сведения о неприятеле, и не было случая, чтобы его донесения оказывались ошибочными.

Только Шатов знал секрет казака, а также и то, что если идёт куда-нибудь русский отряд, то поблизости от него всегда укрываются сыновья несчастного Юнь-Ань-О, с непостижимой ловкостью и хитростью следившие за своими соотечественниками и сообщавшие русским всё, что могло быть полезным для последних.

Казак умел совершенно незаметно сообщаться со своими приятелями и уверился в них так, что даже перестал проверять их сообщения.

— Не обманывают ли тебя эти китайцы? —

как-то выразил сомнение Шатов.

— Это Чибоюйка-то с братишкой? Да что вы, ваш-бродь! Какие они китайцы! Разве по косе только! Да они всех своих длинноколых, как вода огонь, любят: только и стараются, чтобы поменьше их на земле осталось.

— Однако странно это.

— Никак нет-с! За отца простить не могут. Да сестрёнка ещё... Где-то она, бедняжечка! Мстят они, значит, по-своему... Парни добрые, много нашим пользы от них.

И теперь, увидев Зинченко в числе назначенных под его начальство казаков, Шатов ещё более уверился в успехе предприятия. От него будут самые верные сведения о противнике, а стало быть, и шансов на успех становилось больше.

Маленький отряд Шатова скоро обогнан товарищей, остановившихся уже на отдых, и остался один посреди бесконечных полей, тянувшихся вдоль ровного низкого берега Пейхо.

XXXV ТЯНЬ-ЦЗИНЬСКИЕ ГЕРОИ

а тов перед тем, как его позвали к полковнику, заново переживал все недавние события, участником которых ему привелось быть. Воспоминания так и наплывали на него...

Живо припомнилось Николаю Ивановичу, какое радостное «ура!» вырвалось из груди изнемогавших защитников Тянь-Цзиня, когда с востока донеслись пушечная пальба и трескотня ружейных выстрелов. Все поняли, что это идёт генерал Стессель со свежими силами.

Да, это шёл он, шёл, отражая чуть не еже-часные отчаянные атаки китайцев.

Но разве возможно остановить реку в её

течении? Разве возможно остановить русские полки, когда им приказано идти вперёд?

11-го июня генерал Стессель со своим отрядом был уже в Тянь-Цзине. С чувством гордости и со слезами радости обнял генерал-полковника Анисимова, сумевшего с горстью бойцов отстоять честь русской армии от неприятеля, в десятки раз сильнеею.

Но на ликование не было времени.

Безостановочно работал в Сичу прожектор, посылая в Тянь-Цзинь световые телеграммы, одна другой отчаяннее. Туго приходилось засевшему там отряду, и не было возможности ни одного мгновения медлить с помощью.

В ночь на 12-е июня только что прибывшие стрелки вместе с защитниками Тянь-Цзиня и с европейским отрядом уже пошли на Сичу выручать товарищей, попавших в беду из-за легкомыслия английского адмирала.

Была ночь безлунная, непроглядно мрачная. Только один Тянь-Цзинь был освещён заревом горевших домов, Канонада из китайских фортов смолкла. До тех пор дерзко нападавшие враги словно почувствовали, что теперь им самим придётся плохо, и оробели, па-

ли духом и готовились уже не к нападению, а к защите.

У канала к отряду присоединился ещё десяток, можно сказать, разношёрстных английских рот, поступивших, как и весь отряд, под начальство подполковника Ширинского.

Пошли. Китайцы с фронта заметили это движение, и поняли, что оно значит. Шрапнель хлестнула по воде канала, но, к счастью, китайские артиллеристы были не из важных, скоро пристреляться к движущейся цели не были в состоянии, и их выстрелы не причинили вреда.

Шатов со своей ротой был в этом отряде. Его, как офицера более или менее знакомого с окрестностями, назначили в цепь. Тут приходилось держать ухо востро. Действительно, только что переправились, как перед цепью уже появились китайские кавалеристы. Роты развернулись. Раздалась команда стрелять залпами. Защёлкали выстрелы, и сразу же китайские всадники закувыркались с лошадей. Оставшиеся повернули и бросились врассыпную.

Путь был очищен.

Живо припомнил Шатов, как, выйдя из леса, они откуда-то услышали громкое «ура». Это осаждённые в Сичу заметили освободительный отряд. Китайцев уже не было, они все разбежались, едва только союзники начали выходить из леса.

Отряд Сеймура был освобождён.

После храбрый лорд говорил; что он без труда пробился бы через китайские полки, но ему жалко было бросить раненых, участь которых в этом случае была бы ужасна.

Что бы ни говорил почтенный лорд, очутившись на свободе, а факт остаётся фактом: только русскому подполковнику Ширинскому обязан он был своим избавлением от решительного разгрома.

Дальше припомнил Николай Иванович всё происшедшее во вторую половину июня. Шальная пуля в это время и уложила его на несколько дней на лазаретную койку; но он всё-таки оставался в непосредственной близости от совершавшихся грозных событий. Более двух недель прошли в постоянных боях с китайцами, не оставлявшими своих укреплений. Китайские генералы, видя, что рус-

ские и союзники не повели на них немедленно по своём приходе нападения, вообразили, что союзники боятся их, и осмелели настолько, что стали выходить из города, Зажигать дачи европейцев в окрестностях Тянь-Цзиня, захватывать дома англичан. Нападения их становились чаще день это дня. Они могли бы причинить громадный вред, если бы не молодцы-казаки. С непостижимым искусством сибиряки разузнавали о всех передвижениях неприятеля, и их своевременные донесения позволяли союзникам каждый раз приготовиться к встрече врагов.

Нужно же было, наконец, дать китайцам острастку. 14-го июня японцы, англичане и американцы кинулись на город. В подкрепление им даны были две роты русских.

Ужасен был вид города. Всюду были видны развалины домов, образовавших почти неприступные баррикады. Горы обезображенных разлагавшихся трупов заражали воздух зловонием.

И в этом аду пришлось иметь жаркое дело. Да будет позволено сделать здесь небольшое отступление и передать это славное дело

словами очевидца и участника боя.

«Сижу я, — рассказывает в письме к матери офицер-стрелок, — в китайской новенькой палатке, взятой в сеймуровском арсенале, попиваю чай, даже книжку стал читать. Вдруг слышу голос адъютанта:

«Седьмой роте изготовиться!»

Допил я чай, надел всю амуницию, мешок с сухарями и бутылку чаю. Вышел к роте.

Тут новый приказ:

«Седьмой роте вперёд — к общему резерву».

Пошёл я туда. Там всё спокойно, словно боя и нет совсем.

Взошли мы на подъём. Пули по земле бьют, пыли поднимают. Развернул я и положил свою роту. Сам вышел к линии железной дороги, в бинокль поглядываю. Вижу и глазам не верю — одна рота отходит от арсенала... Раненого бросили, другого... Смотрю, мчится туда наш полковник Анисимов. Видно, дело не шуточное. Англичане из своей пушки, привезённой из-под Лэдисмита, жарят из арсенала уже вовсю. Наблюдаю я это.

Вдруг Анисимов машет мне...

«Придвиньтесь с ротой на наш крайний фланг и действуйте там по усмотрению, стараясь приблизиться к противнику!» — приказывает он.

Пошёл я вдоль полотна железной дороги под прикрытием. Над головой — свист пуль. Товарищи десятого полка на пути.

«Куда это вы?» — спрашивают.

«А в арсенал!» — отвечаю.

«Не далеко ли хватили?» — смеются.

Подошёл к одному прикрытию, развернул роту, командуя перевалиться через прикрытия. Защёлкали пули, поднимая пыль. Рванули гранаты. А мы все идём. Дошли шагов на пятьсот, отметили себя для командира и открыли огонь по оружейной прислуге и по защитникам вала. Палим себе! А жарко — и от солнца, и от пуль...

Подбегает сзади ещё полурота, подбегают немцы, приближаются англичане и французы. Скачет ко мне казак с запиской.

«Без приказа не подвигаться дальше», — читаю я в ней.

Обошёл я три взвода, лежавших в цепи по копаным ямам, проверил прицелы; смотрю,

скачет командир полка.

«С Богом! Горнист, атаку!» — слышу его команду.

Я уже внизу. Поднял взводы, и скорым мелким шагом по ровному открытому Полю понеслись мы к валу. Свист адский. Стали падать люди. Не пробежали мы и 200 шагов, а четверо уже легли...

Ещё немного, и я выхватил шашку. Немцы были справа от меня — так надо, чтобы всё по уставу было. Грянули мы «ура», добежали до вала и повалились в прикрытие от пуль...

Глядь, а впереди ещё ров с водой — настоящий-то вал далеко.

Отошли мы немного от усталости, как дух перевели. Глотнул я чаю из бутылки, вскочил, обежал бойцов. Вижу: ничего, могут.

«Цепь, вперёд! — командую. — И в воду».

Захлюпали за мной, как один, стрелки, кто по пояс в воде, кто меньше. Вязко! Пули отчаянно брызгают по воде. Двоих свалило. Мои сапоги в тине остались. Мы вылезли и — на вал. Не выдержали китайцы, дали ходу! Мы вдоль вала за ними. На нас пушку наводят, мы — залп и навалились. Пушка выстрелить

не успела. Мимо её бежим. Добежали до оконечности вала. Арсенал квадратный. Мы атаковали с юга, другие роты — с запада. Добежали до восточной стороны и от изумления ахнули: по открытому ровному полю густыми толпами убегают китайцы. И начали же мы их жарить за все прошлые неприятности! Как снопы на поле, улеглись они... Не сочтёшь. А главное, они так поспешно бросили свои укрепления, что везде остался обед, только ещё поданный, кипела вода, чай стоял в чайниках.

Мы, конечно, всему этому сделали честь и поблагодарили хозяев за работу.

Справа к нам подоспели от арсенала немцы, седой ротный преважно поздравил с победой и предложил фляжку с ромом.

Через некоторое время прискакал Анисимов, довольный, радостный.

«Сколько потерь?» — спрашивает.

«Восемь человек!» — докладываю я.

Начали подходить остальные роты. Прибыл генерал Стессель. Благодарил, обнимал, целовал.

«По статуту П., — говорил ему Аниси-

мов, — имеет несомненное право на Георгия!»

«Как так?»

«Он ворвался через ров первым!»

Стессель опять поздравляет и целовать начал...»

Но это не было ещё решительным делом. Китайцы держались в Тянь-Цзине. Нельзя было оставить их в тылу. Так или иначе, а с Тянь-Цзином следовало покончить во что бы то ни стало.

Едва только начало светать 30-го июня, как сорок орудий открыли огонь по Китайскому городу и по импаням, занятым китайскими войсками. Пальба была удачна. Снаряды ложились прямо туда, куда их посылали. Одна за другой смолкали китайские пушки, подбитые орудиями союзников.

Русские выбрали для себя самую трудную задачу: войти в Китайский город с востока — со стороны совершенно открытой равнины, для того чтобы выбить китайцев с их позиций, отнять их полевые батареи и по возможности добраться до фортов-импаней. С южной стороны, также совершенно открытой, долж-

ны были наступать тоже русские войска, чтобы отвлечь на себя внимание неприятеля. С западной стороны должны были атаковать застойный Китайский город и по возможности тоже до импаней-фортов японцы, англичане и американцы. Немцы шли с нашими войсками, французы — частью с нами, частью с японцами.

Тремя колоннами полковников Антюкова, Анисимова и подполковника Ширинского шли русские богатыри на этот штурм, столь прославивший Россию. Колонна Антюкова занимала одну за другой все китайские позиции, попадавшие ей на пути. Анисимов со своими стрелками шёл вдоль Лутайского канала, а авангард Ширинского, далеко видневшийся в виде двух белых цепей — передней и резервной, — быстро наступал на китайские позиции с северо-востока.

На пути колонн показалась сотня китайских кавалеристов. Наш залп заставил их укрыться в ближайшей импани. Оттуда они открыли ружейный огонь. Посыпались со свистом пули. Урона они, однако, не причиняли. Вдруг над Китайским городом взвился

столб дыма, послышался отдалённый гул. Это русская граната взорвала пороховой погреб в китайской импани.

Первая удача! Она подействовала ободряюще, вселила в сердца людей надежду на удачный штурм.

Что было очень кстати. Колонна вошла в сферу китайского огня. Видно было со стороны, как то спереди, то позади наших что-то взрывает песок, поднимает облака пыли. Это падали гранаты. Или вдруг забелеет в воздухе облачко и послышится взрыв — то шрапнель, разорвавшись в воздухе, сыплется на ряды русских героев дождём стальных и чугунных осколков.

Генерал Стессель, наблюдавший за боем, вдруг увидел на берегу канала причудливой формы каменное здание без окон, окружённое высокой каменной, совершенно глухой оградой.

— Это что такое? — спросил генерал. Не пороховой ли склад?

Ответить сразу не могли.

— Узнать! — последовало приказание.

Капитан Болховитинов и поручик Коры-

тович с взводом солдат отправились на осмотр. Генерал не ошибся. За оградой были три сарая, доверху набитых ящиками с порохом и взрывчатыми веществами. Четвёртый сарай был полон снарядов.

— Необходимо взорвать! — приказал генерал. — Взорвать немедленно, пока не сделали это сами китайцы... Тогда будет хуже, пострадают штурмовые колонны. Но кому я поручу это?

Генерал на мгновение задумался. В отряде не было артиллериста, которому можно было бы поручить такое важное дело. Стессель вспомнил, что из Кохинхины французами прислана горная батарея, и он предложил командиру её, капитану Жозефу, взять на себя это предприятие.

Бравый француз сейчас же принялся за дело.

В это время штурмовавшим частям было приказано одним продвинуться как можно дальше вперёд, другим остановиться позади.

Вскоре пущенная Жозефом мелинитовая граната угодила в пороховой склад.

«Я помню, что успел осмотреть таинствен-

ное здание порохового склада, увенчанное остроконечными крышами, — рассказывал очевидец. — Сзади меня шли казаки и вели под уздцы лошадей. Вдруг какая-то сила приподняла меня, заставила сделать сальто-мортале в воздухе и бросила с казаками и лошадьми на землю. Я увидел перед собой величественное зрелище. Океан пламени всех цветов радуги, чёрные, золотые, алые, бирюзовые лучи — вся эта фантазмагория огня и искр на одно мгновение застыла высоко в воздухе и так же мгновенно исчезла, смешавшись с океаном золы, сажи и дыма, который, как исполинский гриб, медленно полз кверху. Этот серый гриб-исполин клубился и извивался вокруг себя и, поднимаясь всё выше, вытянулся на высоту версты, освещаемый багровыми лучами солнца».

Так взлетели на воздух двести тысяч пудов пороха!

Взрыв был слышен, как говорили после, в Тонг-Ку, то есть за сорок вёрст. Кругом на расстоянии трёх-четырёх вёрст люди и лошади были сбиты с ног. Сотрясение почвы оказалось так сильно, что вода в Лутайском канале

вышла из берегов. Генерал Стессель и вся его свита были разбросаны в разные стороны.

Сейчас же после взрыва с неба посыпался дождь золы, сажи и осколков. Дым был так удушлив, что бывшие вблизи от порохового склада рисковали задохнуться, но ветер понёс весь этот смрад прямо на китайцев.

На авангард штурмующих этот взрыв произвёл впечатление сигнала к решительной атаке.

Наступавшие роты подполковника Ширинского были сбиты взрывом с ног, но люди успели быстро оправиться, вскочили и в порыве какого-то непонятого восторга бросились вперёд с громким криком. Люди бежали, окутанные пороховым дымом, словно шапкой-невидимкой.

Напуганные взрывом китайцы, не видя русских войск в клубках дыма, которые надвигались на них со стороны наступающих, растерялись. Они слышали приводивший их всегда в панический ужас клич, но совершенно не знали, куда им стрелять. Ничего не видя перед собой, кроме дыма, они открыли беспорядочную пальбу. Стреляли куда попало, со-

вершенно не ожидая нападения русских со стороны железной дороги.

А в это время русские были уже на городском валу и взобрались на железнодорожную насыпь, за которой они увидели китайскую батарею и лагерь.

Подпоручик 12-го полка Краузе бросился на батарею и мгновенно отбил четыре орудия, перебил часть прислуги и взял остальных в плен.

Китайцы в смятении забегали по лагерю, не зная, что предпринять. Произвели они было попытку увезти оставшиеся четыре орудия, но русские подстрелили лошадей у трёх из них, и увезти китайцам удалось только одно.

Пока происходило это, авангардные роты подполковника Ширинского все уже собрались на железнодорожной насыпи, важнейшей из позиций. Семь прекрасных дальнобойных и скорострельных орудий Круппа стали трофеями победителей. Их сейчас же приладили и обратили против их же недавних владельцев.

Китайцы потеряли присутствие духа. Кое-

где ещё шла перестрелка, но победа с этого момента склонилась уже к русским войскам. Участь Тянь-Цзиня была решена.

Китайские войска охватил ужас. Солдаты богдыхана видели, что русские неустрашимо наступают вперёд, что ни пули, ни гранаты, ни шрапнель не останавливают их. Тогда они вообразили, что само небо покровительствует их противникам, скрывая их движение густым дымом. Это соображение убедило их в полной бесполезности сопротивления. Солдаты стали бросать ружья и разбежаться кто куда. Китайский город, огромный лагерь, все импани-форты с орудиями — всё было брошено на произвол судьбы. Но пушки китайцев ещё не смолкали. Они в этот день, можно сказать, пели свою «лебединую песню»; только к вечеру они стали смолкать, а на другой день ни одного китайского солдата или боксёра не оставалось в Тянь-Цзине.

Второй оплот Пекина пал перед силой русского оружия.

Как Таку, так и Тянь-Цзинь — это дело русских рук. Русские чудо-богатыри доказали всему миру, что нет силы, которую они не за-

ставили бы склониться перед собой, нет крепости, которая не пала бы перед, ними.

XXXVI НА ПЕКИН

Сё это совершенно ясно припомнил Шатов Степерь, готовясь к опасному поручению своего командира. Он решил идти до конца, не отступая, напролом, как говорится: уж очень хотелось молодому офицеру покачать себя перед видимо расположенным к нему полковником.

Они отошли уже довольно далеко от главного отряда: Шатов ясно видел, что солдаты сильно притомились и выбиваются из последних сил.

«Нужно дать им отдых, а то они ни на что не будут годны!» — решил Шатов и остановил отряд.

— Ложись, ребята, где стоишь, отдыхай,

кто как хочет, — заговорили солдаты, опускаясь на землю.

Тяжёлое физическое утомление было на лицах у всех. Казалось, заставь их пройти ещё версту — и все они лягут на месте от полного упадка сил.

Кто-то развернул сумы, доставая сухари, но большинству было не до еды: только бы дух перевести, а всё остальное потом.

Сам Николай Иванович не терял ни минуты. Сразу после остановки он приказал позвать к себе казацкого офицера, командовавшего полусотней.

— А дело-то не шуточное предстоит нам, Митрофан Никанорович, — встретил он его.

Казак, пожилой, начинавший сидеть подъяесаул, с топорщившимися кверху усами, пошевелил ими и как-то мрачно заметил:

— Уж на войне какие шутки!

— Конечно! Так вот что же мы с вами теперь делать станем?

— Инструкция командира есть. Так вот... согласно с ней.

— Какая там инструкция! Инструкция всегда одна не отступать!

Казак словно обиделся:

— Помилуй Бог, отступить! Зачем же!

— И не отступим, а в отношении прочего приказано поступать по усмотрению.

— Что же! Так и будем!

— Так вот... Усмотрение-то и нужно!

— На разведки, что ли, выслать?

— Это первым делом... Цепь уже выставлена... Пусть те из ваших, кто поотдохнул, посмотрят, что там такое... А мы с вами обсудим после, как приступить к делу.

— Хорошо-с, я вышлю разъезды...

— Вы Зинченко не забудьте... А потом милости просим ко мне поснедать, чем Бог послал.

Лицо подьесаула прояснилось.

— Вот за это спасибо... У меня-то, признаться, насчёт съестного плохо!

— Так вот милости прошу...

— Спасибо. Я мигом распоряжусь.

Минут через пять послышалось фыркание казачьих лошадей, потом их топот по каменистому грунту, и немедленно вслед за тем к Шатову явился подьесаул.

Николай Иванович уже приготовился к

визиту. Прямо на земле разостлал он чистый платок, поставил флягу с ромом, хлеб, куски холодного мяса. Был у него и сухой чай, можно было бы и воду, пожалуй, вскипятить, да Пей-хо так пропитался трупным запахом, что Николаю Ивановичу пить его воду было противно, и он прибегал к ней только в самых редких случаях.

Казак явился не с пустыми руками.

— Мы к вашему чайничку с нашим самоварчиком, объявил он, показывая Шатову курицу, только что освежёванную.

— Откуда это? — удивился поручик.

— Казаки принесли. Я было тоже «откуда?» спрашиваю. Смеются стервецы... «Бог послал», говорят. Я Допытываться не стал. Кто их там разберёт? И что бы вы думали! Курица-то живая была. «Ежели, говорят мои-то стервецы, — по такой погоде да говядину везти, протухнет так, что вашему благородию и подать невозможно». Ну да всё равно, спасибо и на том. Сжарить бы хорошо...

— Что же, это можно, пожалуй. Пока день, и огня заметно не будет.

— Так вот, прошу, распорядитесь...

Скоро курица поспела на небольшом костре. К тому времени между обоими офицерами уже велась задушевная беседа.

Подъесаул, несмотря на свою суровость, оказался очень словоохотливым. Он был с Амура, часто встречался с китайцами и маньчжурами и отзывался о них с большой похвалой.

— Хороший народ, трудящийся. Жаль, что теперь поссорились, очень жаль...

— Ну какой же хороший! — отозвался Шатов. — Слыхали, что в Пекине наделали?.. Неужели это хорошо?

— Худо, правду скажу, худо, что и говорить. Только одно я думаю: на их месте каждый так же бы поступил. Очень уж их разобидели. Приходят чужие, своевольничают, законов не уважают. Посмел бы кто у нас в Сибири — косточек не сосчитал бы. А что белый народ они там у себя в Пекине попортили, так же ли лес рубят, щепки летят...

Шатов не нашёлся, как возразить.

— Как вы думаете, доберёмся мы до Пекина? — спросил он.

— А чего же не добратся-то? Мы не ан-

глийские барс, что иначе, как по железной дороге, и двигаться не могут... Вон уже сколько отмахали. Дойдём! За милую душу!

— Да я не про то. В этом-то и я не сомневаюсь.

— А вы про что же?

— Китайцы-то пустят ли нас в Пекин? Вот про что!

— Посмотрел бы я, как это они нас не пустили бы! Говорю же вам, что народ это мирный. Только и думают, как бы от трудов своих пропитаться. А войны прямо терпеть не могут. Сами знаете: у нас солдат — христолюбивое воинство, везде в почёте; у них же презреннее солдата нет никого. Вот они какие войны, их всякий обидеть может.

— А боксёры?

— Это молохи ихние? Так те что? С голыми руками на штыки лезут, только молитвы бормочут! Их, хотя им нет числа, брать во внимание нечего.

— Уж будто они безобидный народ! — усомнился Николай Иванович.

— Не то чтобы безобидный, им тоже, что нашим амурским хунхузам, живой в руки не

попадайся, а не опасный народ они. Наши хунхузы — совсем другая статья. Те разбойники, и драться лихо умеют, а эти, — и вместо определения казак сплюнул. — Да вот, к примеру сказать, помните, как мы были припёрты в Тянь-Цзине, пока его превосходительство генерал Стессель не изволили прибыть с подкреплениями? Так вот тогда, позвольте-с, 7-го июня это было, слышали немцы, что со стороны Таку выстрелы слышны, пушки, значит, там заговорили. Ну, послали сотню казаков, ещё Ловцов, Григорьев и Семёнов с ними ходили. На пять вёрст отошли, тут их и окружили эти самые боксёры. Да как окружили-то — что стеной — куда больше тысячи их было. А сотня велика ли сила? По-настоящему, плюнуть да растереть, и следа от неё нет. Так что же вы думали бы? Казачки, как пить дали, пробились. Один было поотстал. Хотели выручать идти; машет — не надобно, дескать, сам управлюсь. И управился, шельмец! Обленили было его боксёры, кто под уздцы коняку, кто с седла стащить норовит, только он как принялся шашкой работать, мигом дорожку прочистил — как от стены горох, посыпа-

лись... Вот какие вояки. А о том, как Дмитриев, Корчин да Большаков с этим английским парнем через все их лагеря пробивались, сами слышали...

Старик разговорился, и лицо его оживилось... Рассказы сыпались за рассказами. Шатов слушал его довольно рассеянно. Он вспомнил, что в боковом кармане его мундира лежит письмо от Варвары Алексеевны. Молодая Кочерова просила будущего своего шурина при первой возможности уведомить свёкра и свекровь, застрявших в Пекине, что она добралась до Благовещенска благополучно, мужа ещё не видела, хотя он обещал поспешить к ней. Судя по письму, никаких грозных признаков волнения в Маньчжурии не замечалось, хотя давно уже была объявлена мобилизация. Это письмо Шатов получил, когда в Тянь-Цзинь пришёл отряд Стесселя и роздана была прихваченная с собой корреспонденция. Но с того времени, как было написано письмо, прошло более полутора месяцев. Никаких вестей из Маньчжурии не приходило, и кто мог знать, как там изменилось за такой срок положение дел.

Шатов воспользовался случаем и спросил своего собеседника, что бы могло выйти из нападения китайских войск на русскую границу.

— Трудно-с это предвидеть и решить, — отвечал казак. — И так, и этак может быть. Если у них там всё подготовлено, то в первую голову они наших «за столбами»[61] расчешут, потому что наша граница совершенно открытая: друг против друга стоим, и только река промеж нас. У них там и крепости всякие хотя бы Айгунь, что вблизи Благовещенска стоит, а у нас там лишь на собственные кулаки вся надежда. Христолюбивого воинства там нет, всё сюда ушло. Станицы по Амуру пусты. Так что на первых порах китайцы легко возьмут верх. Но потом им несдобровать. Знаю я наших сибиряков, в обиду себя не дадут. Там у них к тому же и генералы — молодцы все, орлы, одно слово. Один Гродеков чего стоит! Он с длинноносыми церемониться не станет. Таковую «соку с кокой» им пропишет, что всему китайскому небу станет жарко. А вот если там, на китайской дороге, не дай Бог, что выйдет, так нашим, что в Харбине, Телине да и в

Хайларе самом, несдобровать. А на станциях, что все понастроены уже, там живому никому не выбратся — перережут, не китайцы, так хунхузишки эти самые перережут...

Словоохотливый подъесаул, тяжело вздохнув, вытащил кисет и, указывая на него Шатову, с большим чувством сказал:

— Дочка расшила... На память!

Он опять вздохнул и принялся набивать трубочку.

Прошло уже довольно времени, и разведчикам давно пора было бы вернуться. Шатов обеспокоился не на шутку. Хотя он и был уверен, что казаки в руки не дадутся, но ему жалко становилось терять время, а, между тем, до возвращения разведчиков ничего нельзя было предпринимать.

Он уже начинал терять терпение, когда показался мчавшийся во весь опор казак. Это был Зинченко. Лошадь его была вся мокра, но не от пота, а от воды. Около самых начальников он так осадил её, что она присела на задние ноги.

— Имею честь явиться! — начал он было рапорт по обычной форме.

— Хорошо, хорошо, знаем! Что принёс? — крикнул ему подъесаул.

Зинченко едва дышал после бешеной скачки. Тяжело дышала и его лошадь.

Переведя дыхание, он начал доклад. По его словам, верстах в семи по Пей-хо китайцы устроили на берегу реки заставу. Они были осведомлены о движении отряда и приготовили ему грозную встречу. Их солдаты засели на противоположном берегу в прибрежной деревне. Вдоль берега были поставлены орудия, так что идти пришлось бы под ружейным и орудийным огнём. Миновать укрепление было нельзя, так же, как и оставить его у себя в тылу, стало быть, оставалось выбивать китайцев силов, а это не могло обойтись без значительных потерь.

— Ну что вы на это скажете? — спросил Шагов подъесаула.

— Что? Обойти их, шельмецов, а как наши подойдут да ударят с фронта, нам грянуть на них с тыла. Струсят и разбегутся... Чего лучше!

Шатов задумался.

— Ваш план хорош, — кивнул он. — Но как

мы их обойдём?

Зинченко словно ждал этого вопроса:

— Дозвольте доложить, ваш-бродь... Обойти их — плёвое дело, потому что о нас они ничего не знают и не узнают.

— Как так? — вскинул на него Шатов удивлённые глаза.

— Дозвольте умолчать.

— Опять Чи-Бо-Юй с братом?

— Они самые... Они и брод указали, тут неподалёку. Ежели его перейти, да так не по дороге, а через поля, — прямо длиннокосым в тыл и выйдем. Я уже и дорогу знаю, да и товарищи...

— Где они? — спросил подъесаул.

— Я их в секрете по той дороге, что в обход идёт, заложил... За длиннокосыми, значит, следить...

— Ах ты!.. Да как ты без позволения смел? — вскинулся было на него начальник.

— По обстоятельствам дела... Прикажете, мигом сниму...

— Не надо, молодец! Дорогу в обход, стало быть, твёрдо знаешь?

— Помилуйте, ваш-бродь! Как же иначе! —

обиженно воскликнул Зинченко. — Что я за казак был бы, если бы всего, что нужно, не разведаль... Я к самым их линиям подобрался. Ничего, народ хороший. Жаркое дело может выйти.

— Ладно, ладно! Замолола мельница... Ну и что же, поручик? Идём, а?

— Конечно же! Если нам и не удастся обойти противника, незамеченными, то мы всё-таки отвлечём на себя его внимание... Идём, идём! Надобно только уведомить полковника.

— Непременно! Пишите-ка записку!

— Несколько минут спустя один из казаков уже мчался 378 с запиской назад. К главным силам отряда, а остальные, тихо снявшись с привала, уже подходили к броду.

Зинченко словно родился и этих местах. Оказалось, что он до мельчайших подробностей успел изучить путь. И он подвёл своих прямо к тому месту, где был брод.

Бесшумно начали сходить солдаты в мутную воду Пей-хо. На них неслись отвратительные раздутые зловонные трупы. С отвращением отталкивали их прочь солдатики, ду-

мая только о том, как бы поскорее выйти на противоположный берег.

Не одно мужественное сердце ёкнуло в груди, когда переправа была кончена.

Да и было отчего прийти в некоторое смущение. С переходом Пей-хо всякий путь назад был отрезан. Крошечный отряд шёл на противника, безмерно превосходившего его в силе. Больше вероятности было умереть, чем остаться живым. Но о смерти мало кто думал. Умереть были готовы все, но хотелось только, чтобы эта смерть принесла пользу делу, которое каждый из этих людей считал святым.

Творя крестное знамение, тронулись солдаты за своим командиром. Шли тихо, стараясь даже ступать без шума. Благо, на этом берегу Пей-хо росла трава.

У Шатова тревожно сжималось сердце, а дум не оставлял единственный вопрос: «Чем же всё закончится?..»

XXXVII МАНЬЧЖУРСКИЙ ГРОМ

Арвара Алексеевна не думала успокаивать родных, приукрашивая положение, когда рассказывала в письме, без всяких затруднений добралась из Владивостока до Хабаровска; а оттуда и до Благовещенска.

Всё на пути было спокойно.

— Представьте себе, — говорили попутчики молодой Кочеровой, когда узнали, что она едет из Пекина, — эти тамошние несуразные волнения сделали здесь совершенную пользу.

— Как ото? — недоумевала Кочерова.

— Очень просто. Край этот кишел хунхузами. А вы ведь знаете, что такое эти господа! Теперь их не видно и не слышно.

— Куда же они подевались?

— Вероятно, все ушли к Пекину...

— Итак, тут всё спокойно?

— О да! Ни малейших признаков волнения... Болтали было, но разве можно верить всякой болтовне?

— А на железной дороге? — даже не стараюсь скрыть тревогу, спрашивала молодая женщина.

— Это на «Китайке»-то? Что же там может быть особенного? Слышно, что там и китайцы, и маньчжуры волнуются... но это не впервой уже. Разве им выгодно с нами ссориться? Железная дорога столько народа кормит и поит... А позвольте узнать, у вас на «Китайке» есть кто-нибудь близкий?

— Да, есть... муж!

— Где же он сейчас?

— Не могу сказать теперь точно. В Харбине или в Телине...

— Ну, так не извольте беспокоиться. Если что и выйдет, то до Телина никак не дойдёт.

Так в то время думал не один только собеседник Варвары Алексеевны, а и все обыкновенно столь осторожные, зорко приглядывавшиеся ко всему сибиряки. Они хотя и знали,

что «за столбами» далеко не всё благополучно; но как-то без особой настороженности относились к происходящему.

На трёх участках Китайской Восточной дороги были три пункта, особенно переполненных русскими: Хайдар в западном отделении, Харбин — в восточном и Телии — в южном. Последний в одно и то же время был наиболее близким и наиболее отдалённым, а стало быть, и опасным пунктом Великой Китайской Магистральной. Далёк он был и от Уссурийского края, и от Приамурья, где постоянно собирались русские силы и где был оплот русского могущества на Дальнем Востоке; близок он был к конечному пункту Южно-Маньчжурской линии — Порт-Артуру, но по своему положению всё-таки находился совершенно в центре китайских владений, был окружён китайским населением. Да не таким миролюбивым и кротким, каким являлось население северного Китая, а грозными, воинственными маньчжурами, воителями по самому народному духу.

Михаил Васильевич Кочеров по своим подрядным делам постоянно был на участке пу-

ти между Телином и Харбином. Но подряды были настолько выгодны, что когда появились в местном населении первые признаки брожения, он и не думал оставлять дела и спешить в более безопасные пункты.

— Э, мы — русские! — часто говаривал он. — С нами Бог! Он не попустит, китаец не съест.

Впрочем, и другие русские в Телине были того же мнения. Край волновался. Из-под Пекина приходили вести одна другой тревожнее. Но в грядущую опасность никто не хотел верить.

— Ничего, с нами Бог! — беззаботно говорили все, когда приходили вести о появлении многочисленных шаек хунхузов.

В самом деле! Хунхузы! Вот какая невидаль!

Отношения между русскими Телина и китайцами продолжали оставаться дружественными даже тогда, когда разыгрались известные события под Таку и Тянь-Цзинем.

— Шанго! Доброго здоровья! — с улыбочками восклицали китайцы, встречая русских, и при этом в знак особенного удовольствия

поднимали вверх большой палец.

Русские добродушно отвечали на эти приветствия.

И вот в Телине стали появляться «первые ласточки», предвестницы грядущих грозных событий.

Телии был маленький, чистенький, совсем не на китайский лад городок. Его исконные обитатели, невольно подпав под русское влияние, завели у себя чистоту в городе, хотя и не образцовую. По улицам Телина можно было не только пробираться, но и гулять. Это уже свидетельствовало о некоторой степени благоустройства города.

Однажды, освободившись от обычных занятий, Михаил Васильевич вышел из своей главной конторы, намереваясь навестить кое-кого из знакомых.

Молодой Кочеров был типом русского богатыря. Высокий, статный, с широкой выпуклой грудью, с плечами, о которых говорят, что промеж них косую сажень уложить можно, он казался великаном среди малорослых китайцев. Весело посвистывая, он большими шагами шёл по главной улице Телина, на-

правляясь к железнодорожной станции, где рассчитывал застать нужных ему людей.

На душе у Михаила Васильевича было легко и весело. Дела шли хорошо, подряды приносили большие барыши, но не это, главным образом, радовало молодого человека; он жил под влиянием ожидания скорого свидания с женой. Его дела в Телине подходили к концу. Он рассчитывал перебраться в Харбин, где уже и оставаться до тех пор, пока Великая Сибирская Магистраль не будет совершенно закончена. Бродячая жизнь порядочно ему надоела, и лишь только явилась возможность зажить своим домом, Михаил Васильевич спешил устроиться на семейный лад.

«В Харбине чудно жить можно! — думал он. — Варя у меня хозяйка, каких мало. Дом сумеет поставить, как следует. Заживём полной чашей. У стариков в Пекине Лена останется, она скоро замуж выходит, со стариками молодые будут жить, так им Вари и не нужно совсем. А мне здесь тяжело: не холостой, не женатый!»

Полный самых радужных грёз, шёл он по Телину, не обращая внимания на давно зна-

кому и уже наскучившую ему картину местной жизни.

Казалось, в городке всё шло обычным порядком. Те же совершенно голые ребятишки барахтались в лужах немощёных улиц. Китайцы-торговцы восседали у своих лавочек, ожидая русских покупателей, которых особенно ценили за их щедрость; то и дело пробегали, семеня Изуродованными ножками, раскосые китаяночки... Но вот, к крайнему своему изумлению, Михаил Васильевич заметил какое-то небывалое оживление в городке!

«Праздник у них какой, что ли?»

Но у китайцев строго определённых праздников нет. Вся их жизнь проходит в тяжёлом труде, от которого они не отрываются ни на минуту. Если же они побросали работы и все спешат куда-то, стало быть, случилось нечто особенное.

Поддавшись невольному любопытству, Михаил Васильевич остановился у лавчонки знакомого китайца. Обратился к нему:

— Любезный друг! Какой сегодня праздник у вас?

Тот как-то странно усмехнулся в ответ.

В этой усмешке не было обычной, столь свойственной китайцам любезности, не было старания быть вежливым, кто бы ни обращался; напротив того, в ней заметна была злоба... Впрочем, это выражение через миг изменилось, лицо торговца было само подобострастие, он смиренно склонил голову и произнёс слащаво-приторно:

— Я удивляюсь сам, что такое случилось с моими соседями... Праздника нет, а они, оставив труды и дома, спешат послушать какие-то речи... Какие-то вести принесли из священного Пекина.

— Из Пекина? — удивился Кочеров. Кто же оттуда прибыл?

Китаец заволновался:

— Я не знаю. Я никогда не видел этих людей.

Михаил Васильевич, надо сказать, даже обрадовался тому, что в Телине появился кто-то из пекинцев. Он был так уверен в дружелюбии китайцев, всех вообще, и в их полном расположении к русским, что у него сейчас даже зародился план — найти этих новоприбывших и поговорить с ними о пекинских со-

бытиях.

«Пекин — большая деревня! — думал он. — Европейцы там все на виду, их знают наперечёт. Может быть, и моих тоже знают?»

Он распрощался с лавочником и поспешил к городской площади. Идти пришлось недалеко. Когда Кочеров подошёл туда, на площади стояла сплошная масса китайцев. Все были очень сосредоточены, не слышалось обычного оживлённого говора. Михаил Васильевич, заметив, что китайцы смотрят на что-то, поспешил протолкаться поближе к центру. Там он увидел загадочное зрелище. Толпа стояла вокруг троих подростков, с красными перевязями вокруг тела и огромными пуговицами на груди. Все трое были совсем ещё мальчишки: старшему можно было дать не более 16 лет. Но при первом же взгляде на них вид их поражал. Глаза каждого из подростков были неестественно выпучены, на губах выступала пена, все они дрожали и кривлялись, словно на них нашёл истерический припадок. По временам то один, то другой падали на землю и издавали хриплые звуки.

Кочеров кое-как мог понимать местное на-

речие и поэтому, прислушавшись, стал различать отдельные слова.

— Духи спустились из пещер и вселились в нас! — выкрикивали кривлявшиеся подростки. Они поднимают руки всех верных на белых дьяволов. Следуйте за нами — в нас дух! Гоните и убивайте чужеземцев, осквернителей святыни! Смерть им всем! Идите на битву вместе с нами без боязни. Бесплотные духи сделают вас неуязвимыми.

И как бы в доказательство своих слов мальчишки хватали ножи — очень острые — и с удивительной ловкостью принимались жонглировать ими. Это была очень опасная игра. Те жонглёры, которые дают представления такого рода в Европе, могли бы показаться жалкими учениками в сравнении с этими ребятами. Опасное оружие взлетало вверх, быстро падало, крутясь... вот-вот оно должно было вонзиться в обнажённую и подставленную под удар грудь фанатика, но совершенно незаметное для постороннего глаза движение руки и тела — и пож пролегал мимо. При быстроте, с которой всё это проделывалось, действительно, получалось впечатление, что

кто-то невидимый чудесной силой отклоняет острые клинки и спасает от неминуемой смерти «носителей духа».

Кочеров долго смотрел на этих мальчишек.

«Фокусники», — решил он, но не ушёл.

Его привлекла поразительная ловкость, с которой проделывались описанные упражнения. Пронзительным воплям, какими призывались телинцы к истреблению чужеземцев, Кочеров не придал ни малейшего значения.

В Маньчжурии знали очень хорошо и очень близко хунхузов. Часто на них из Владивостока, Хабаровска, Никольска-Уссурийского предпринимались, как на опасных зверей, настоящие охоты. Нередко отправлялись воинские команды. Бывали случаи, что на Амуре останавливались пароходы, и пассажиры, скуки ради, с ружьями выходили на подобного рода охоту. Всё это по положению дел представлялось вполне естественным. Это был закон борьбы за существование. Уссурийский край и Приамурье были местности с новым населением, на долю которого, как на до-

лю квакеров американского материка когда-то, выпала не только колонизация края, но и борьба с противниками пришельцев. Хунхузы были свирепейшими из свирепых китайских разбойников. Это были отбросы населения, отвергнутые даже своими. Они жили исключительно грабежом и для грабежа. Для них всё равно было, кого грабить: чужого ли, своего ли. Китайцы ненавидели хунхузов ещё более, чем русские. Михаил Васильевич не раз видел, как китайские власти расправлялись с попавшими в их руки разбойниками. Человек он был далеко не сентиментальный, но его мороз продирает по коже при виде этих расправ, которые он находил, впрочем, вполне заслуженными.

Но это были хунхузы-разбойники, ненавидимые всему населению.

Об и-хо-туанах, то есть боксёрах, в Маньчжурии совсем не было слышно. Они явились сюда впервые с призывом возмущения против иностранцев. В глазах простого народа эти люди действительно являлись «святыми», «избранниками духа». Их слушали, им верили, за ними народ готов был последовать всю-

ду.

Михаил Васильевич хотя и не придавал особенного значения виденному им зрелищу, однако, встретив на станции одного из офицеров охранной стражи, поспешил рассказать ему о виденном и слышанном.

— Пустяки, наверное! — закончил он свой рассказ.

К удивлению Кочерова, его собеседник отнёсся к рассказу более чем серьёзно.

— Нет-с, батенька! не совсем пустяки... Как бы из-за этих пустяков да не пришлось мам убираться отсюда подобру-поздорову.

— Что вы! Почему?

— А потому, что сидим мы в этой глуши... и не знаем, что на белом свете делается.

— Да что же в самом деле такое?

— А вот что! Вы говорите, что фигляров видели, фокусников, ан нет, пришла из Порт-Артура телеграмма одна, что не всё благополучно в Китае. Это не фигляры, не фокусники, а убеждённые, проникнутые до мозга костей идеей люди, фанатики, изуверы — всё, что хотите, но только неспроста они сюда явились. Они разносят призыв к народному восста-

нию.

— Против кого же? Против нас?

— Против всех иностранцев... В Ин-Коу уже началось... Там так потрепали кое-кого, что, кажется, из Порт-Артура через Кин-Джоу уже солдаты отправлены, чтобы беспорядки унять. Знаете ли вы, что во всех сибирских округах объявлена мобилизация? Об этом мы помалкиваем. Чего зря народ пугать?.. Вот что я вам скажу... Хотите — примите мой совет, хотите — нет. Это ваша добрая воля. А только вот что... Слышал я, супругу свою вы сюда выписали. Так вы пошлите ей телеграмму, чтобы она сюда и не показывалась, и не только сюда, а даже от Владивостока поспешила убраться подальше...

— Разве так опасно?

— Никто не знает, что может случиться!

Эти слова сильно смутили Кочерова. За себя он несколько не боялся. Но подвергать жену хотя бы малейшей опасности он не хотел.

Однако он не совсем ещё был уверен в справедливости опасений, начинавших уже закрадываться в умы знакомых с положением дел людей.

Скоро эта неуверенность рассеялась. Сами китайские власти, с «тифон-гуаном»[62] во главе, предложили русской колонии отправить всех её членов в Харбин, где находилось центральное управление по постройке железной дороги, или в Порт-Артур. В Телине было объявлено военное положение.

Итак, не оставалось ни малейшего сомнения, что гром грянул...

Да и какие могли быть сомнения, когда в руки русских случайно попал императорский указ, предписывавший китайским властям присоединить войска к боксёрам и начать повсеместное изгнание иностранцев.

В указе говорилось:

«Государство, насчитывающее в себе более четырёхсот миллионов населения, может не бояться никакой армии. Пусть каждый ребёнок возьмёт в руки палку и будет по мере сил своих помогать святому делу изгнания чужеземцев».

С этим указом случилась странная вещь. Казаки захватили почту, где, между прочим, был тюк с казёнными документами. В тюке обнаружилось множество узких и длинных

книжечек в жёлтой государственного цвета — обложке. Их показали драгоману.

— Пустяки! Какие-то административные распоряжения из Пекина, — объявил он, вскользь пробежав первую строку.

Документы, а в том числе и жёлтые книжечки, были возвращены сопровождавшему почту китайскому офицеру. Только одна из них совершенно случайно осталась в руках у русских. На другой день один из членов русской колонии, знавший по-китайски, случайно просмотрел валявшуюся без всякого внимания жёлтую книгу и... можно себе представить, какой переполох поднялся тогда!

Это был вышецитированный указ богдыхана, присланный для раздачи в провинциях на севере от Телина.

— Что же это такое! Это — измена, предательство! рвали на себе волосы беспечные русаки. — Это же призыв к вооружённым нападениям на Россию... Он теперь уже разослан в сотнях экземпляров.

Да, задержи тогда этот указ русские в Телине, может быть, всё по-другому бы пошло. Как после выяснилось, открытие китайцами во-

енных действий в Маньчжурии и знаменитая телеграмма цицикарского дзянь-дзюня Шеу к главному инженеру Юговичу, уведомлявшая последнего, что между Россией и Китаем началась война, — всё это совпало по расчёту времени с днём получения выпущенного из рук русскими рокового императорского указа...

Вряд ли бы указ вторично был прислан в Маньчжурию. Во всяком же случае, для русских была бы полная возможность подготовиться к открытию военных действий, и тогда китайцы не застали бы их врасплох...

Но близок локоть, да не укусишь.

Теперь русским железнодорожникам в Телине пришлось думать только о том, чтобы самим поскорее убраться подобру-поздорову.

Да и пора, давно пора уже была...

Толпы боксёров наводняли край, появились регулярные войска.

В Ляо-Яне отряд полковника Мищенко был окружён врагами; в Мукдене поручик Валевский с 30 солдатами и с 21 вольнослужащим должен был выдерживать натиск 500 китайцев. В самом Телине капитан Ржевуцкий то и

дело имел стычки с китайскими отрядами...

Кочеров, лишь только убедился, что опасность близка, послал на имя владивостокских знакомых телеграмму для Варвары Алексеевны, прося её приехать в Благовещенск, но сам и не подумал оставить охваченные возмущением места. Напротив того, он поспешил из Телина в древнюю столицу Маньчжурии Мукден, чтобы по возможности спасти там имевшееся у него имущество. Михаил Васильевич не был героем, но зато он был простым русским человеком, который всегда готов встретить лицом к лицу всякую опасность, полагаясь на великие русские «авось», «небось» да «как-нибудь», которые очень часто вызволяют русского человека из беды.

А в Мукдене для всех, кто хотел сохранить свою жизнь, только на эти три русские при сказки и оставалась надежда.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ НА АМУРЕ

Благовещенск после долгого и утомительного пути на дрянном пароходишке по Амуру Варвара Алексеевна прибыла только около полудня.

Благовещенск — областной город, единственное городское поселение в Амурской области, местопребывание военного губернатора и других военных и гражданских властей и присутственных мест. Город расположен при слиянии Амура и Зеи палевом обрывистом, неровном берегу, окаймлённом с запада и северо-запада невысокими холмами. Основан город в 1856-м году в качестве военного поста под названием Усть-Зейского, в 1857-м году переименован в станицу, а в 1858-м году

возведён в степень города — административного центра вновь образованной Амурской области. 21 мая 1858-го года граф Н. Н. Муравьёв-Амурский, по приезде своём в Усть-Зейский пост, донёс Государю Императору о заключении Айгунского договора с китайцами, и в тот же день был заложен архиепископом Иннокентием храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, и одновременно Усть-Зейская станица переименована была в город Благовещенск в ознаменование того, что здесь прежде всего распространилась «благая весть» о присоединении Амурского края к России. Новый город, благодаря выгодному положению при двух судоходных реках и близкому соседству с населённой частью Маньчжурии, начал постепенно развиваться. Особенно быстро стал расти город с 1880-го года благодаря развитию золотопромышленности в крае и усиленному движению колонизации в Зем-Буреинские равнины. Город распланирован правильно: улицы широкие, прямые. Вдоль Амура тянутся параллельно кварталы; мощёных улиц нет. В городе несколько садов — общественных и частных. За городом

небольшие рощицы. Домов свыше 3500, из которых каменных не более 60; церквей — 8, из которых 4 домовые. Украшением города, ознаменовывающим выдающееся в его истории событие, служит каменная триумфальная арка, выстроенная в 1891-м году ко времени посещения города ныне благополучно царствующим Государем Императором Николаем Александровичем в бытность его Наследником Цесаревичем. Эта арка построена на береговой полосе Амура. В Благовещенске издаются две частные газеты — «Приамурский край» и «Амурская газета», оперируют четыре банка: Государственный, общественный, сибирской торговли и русско-китайский, несколько средних и низших учебных заведений и много торговых фирм.

У Кочеровых был здесь свой дом, но молодая женщина предпочла остановиться у знакомых. Она так долго не была в родных местах, что совершенно отвыкла от Благовещенска, и одиночество пугало её. К тому же она не надеялась найти здесь Михаила Васильевича, так как от Владивостока в Благовещенск можно было гораздо скорее добраться,

чем из Харбина, Телина, Мукдена, где, но её предположению, мог быть в это время её муж.

Путешествие так утомило молодую женщину, что она едва дождалась того момента, когда её проводили в приготовленную для неё комнату.

Встречена она была очень радушно. Хозяйка весело смеялась над её тревогами, пережитыми во время путешествия.

— Китайцев-то бояться! — восклицали они, когда Варвара Алексеевна передавала им свой страх за близких. — Вот ещё!..

— А у вас спокойно?

— Да ещё как!.. Там, говорят, под Пекином, мятеж происходит, много войска туда угнали, а у нас всё слава богу!

— А на магистрали как?

— Что у кого болит, тот про то и говорит! О супруге беспокоитесь?

— Да, сердце не на месте.

— Там, говорят, какие-то пустячки происходят... Ни о чём серьёзном, однако, не слышать. Да что серьёзное может быть? Живём мы с китайцами да маньчжурами в ладах.

Здесь их видимо-невидимо. Сами знаете, женской прислуги здесь нет, так китайцы у нас за горничных и за кухарок, за нянек — на все руки!

Эта беседа совершенно успокоила молодую женщину.

«Здесь не могут не знать положения дел, — размышляла она, ложась в постель. — Ведь соседи. Живут бок о бок. Чуть что — всё было бы известно».

Был яркий солнечный день, когда заснула утомившаяся путница. Сон её был спокоен и крепок. Она была у желанной пристани, и ничто теперь не беспокоило её...

Долго бы проспала ещё Варвара Алексеевна, если бы неожиданные, похожие на отдалённый гром удары не заставили её проснуться. Но усталость была так велика, что ещё несколько минут она не могла разомкнуть глаз.

Удары, между тем, не смолкали, к ним присоединилось какое-то странное щёлканье...

«Что же это такое? — подумала Варвара Алексеевна. Кажется, стреляют... Верно, пол-

ковое учение или манёвры».

Она хотела уже повернуться на другой бок и снова погрузиться в сон, как вдруг что-то очень тяжёлое грохнулось на крышу дома и разорвалось с ужасным треском. Дом так и задрожал весь до основания, стёкла посыпались из окон. Отдалённые крики доносились с улицы.

Что-то неожиданно ужасное случилось в Благовещенске...

Вся дрожа от испуга, Варвара Алексеевна вскочила с постели и кинулась к разбитым окнам. На улице ревела, беспорядочно металась в панике толпа мужчин, женщин, детей. Были приисковские рабочие, городские, переселенцы в типичных, ещё не снятых великорусских костюмах, виднелись в этой потерявшей голову толпе и китайцы в своих длинных балахонах. Все эти люди то куда-то убежали, то появлялись вновь. У большинства из них были топоры и только у очень немногих — ружья.

А выстрелы откуда-то, и совсем с недалёкого расстояния, гремели, не умолкая. Ружейная трескотня была слышна безостановочно...

«Бунт какой-то! — мелькнула у Варвары Алексеевны мысль. — Но кто?»

О китайцах она словно позабыла в эти минуты.

«Что же? Разве и дома никого нет?» — торопливо одевшись, она пошла к дверям.

На пороге она столкнулась лицом к лицу с хозяйкой. Бедная женщина была испугана донельзя. Она вся дрожала и, видно, всякое соображение покинуло её.

— Марья Гавриловна! — воскликнула Кочерова. — Скажите мне, ради бога, что здесь такое делается? Я ничего не понимаю...

— Китайцы, они и нападают, спасайтесь! — озираясь в страхе, лепетала та.

— Быть не может! Вы же говорили, что всё у вас спокойно...

— Ах, я не знаю... Ничего не знаю... Что вышло такое, зачем...

— Да как началось-то?

— Переселенцы... пошли купаться... Плавали в Амуре... Китайцы стали палить по ним из пушек... Из Айгуна[63], за сорок вёрст, пальба слышна...

В самом деле, никто в Благовещенске

утром не мог и подозревать того, что произойдёт вечером...

В конце июня пришла в этот городок большая переселенческая партия человек в шестьсот и стала на привале. Это было совершенно обычное явление, и никто не был обеспокоен, когда переселенцы большой толпой отправились купаться в Амуре.

Спокойствие царило в Благовещенске, и никакие опасения не беспокоили его обывателей.

Это уже доказывалось тем, что город был оставлен совершенно беззащитным. В обыкновенное время гарнизон Благовещенска составляли два линейных батальона, небольшая местная команда да две батареи. Случилось так, что обе батареи ещё в мае ушли на лагерный сбор в Никольск-Уссурийский, почти за тысячу вёрст, для практической! стрельбы — никто и не подозревал, что цель для неё так близка — на противоположном берегу. В то же самое время мелководье Амурса не позволяло своевременно укомплектовывать батальоны новобранцами, и они оставались недостаточными по численности... Всё

одно к одному было.

А между тем, имелись обстоятельства, которые должны были бы заставить принять меры предосторожности.

В Благовещенске жили до 3000 китайцев и маньчжур: плотников, кирпичников, каменщиков. Вели они себя очень тихо, так что когда пришли вести о беспорядках на Китайской железной дороге, то один из батальонов и одна из батарей, вернувшись к тому времени, смело были отправлены на выручку Харбина, и китайцы в Айгуне пропустили их без препон.

Отряд провожал пограничный комиссар. И проводил его довольно далеко. Когда он возвращался на своём пароходе «Михаил», китайцы в Айгуне встретили его ружейным и артиллерийским огнём.

Это только показало китайцев в настоящем их свете. С их стороны не последовало ни малейшего предупреждения об открытии военных действий.

Это какое-то прискорбное недоразумение, которое не замедлит выясниться, — решили в Благовещенске.

Посланы были по берегу небольшой отряд из пехотинцев и казаков, да ещё одна рота на пароходе по Амуру.

Но тут пришлось убедиться, что дело вовсе не шуточное и никакому недоразумению нет места.

Едва только наши стали подходить к китайскому берегу, как китайцы открыли по ним огонь из окопов, уже сооружённых ими на протяжении 15—20 вёрст вдоль берега.

Они буквально засыпали подходивший русский пароход пулями; нечего было и думать пристать к их берегу.

В то же время из Сахалина[64] — китайской деревни, лежавшей напротив Благовещенска, китайцы начали стрелять по купавшимся переселенцам и по мирно гулявшим по набережной жителям.

Стреляли китайцы очень плохо. Их пули и снаряды не причиняли вреда. Но у них в Сахалине было шесть пушек, да собралось их там около десятка тысяч; ружья у них были великолепные, били далеко, стреляли же китайцы залпами, так что вся набережная Благовещенска оказалась осыпанной ужасным свинцо-

ВЫМ ДОЖДЁМ.

При первых выстрелах благовещенцы даже не поняли, что это такое, но зато, как только сообразили, в чём дело, сразу же нашлись.

Все бросились в думу, где были старинные ружья[65]. За какие-нибудь два-три часа сформировалась дружина добровольцев. Часть их принялась рыть вдоль берега ложементы, и на другое утро уже Благовещенск мог отвечать на выстрелы из Сахалина.

Куда пропал минутный страх, охвативший было не ожидавших ничего подобного обывателей. Они прекрасно чувствовали себя в ложементах, и их огонь принёс вреда китайцам больше, чем огонь последних Благовещенску. Установили кое-как орудие, которое открыло пальбу по деревне — да так удачно, что вскоре в Сахалине вспыхнул пожар.

— Ай да мы! — радовались добровольные защитники Благовещенска. — Вот мы как-вы! Христолюбивому воинству не уступим!

— А солдаты-то так без ружей и остались...

— Как ото?

— Разве не знаете? Двум батальонам приказано было сдать винтовки для отсылки в

Хабаровск.

— Знаем. А вчера им не выдали?

— Какое! До того ли было, чтобы разбираться! Нам выдали, а солдаты без ружей — на смех остались!

Впрочем, беда скоро была поправлена; получили ружья и солдатики, тоже засевшие в окопы.

Многие возмущались поступком переселенцев-молокан.

— Неслыханное дело!

— Что такое?

— Молокане отличились!.. Им ружья дали, а они сложили их в свои телеги да и отъехали в кусты...

— Закон их запрещает!

— Какой там закон! По всякому закону русские люди должны Отечество защищать, а эти хуже баб...

— Вот то-то за них бабы и отличались... Утёрли им нос!

— И то сказать, у нас баба молодец, всем бабам королева!

Говорили они о действительно замечательном подвиге двух женщин — Настасьи

Юдиной и её подруги.

Когда началась неожиданная бомбардировка, нужно было во что бы то ни стало собрать лодки на Амуре. Приходилось проделывать это под китайским огнём.

Никто из мужчин не решился. Тогда Юдина с подругой кинулись в воду, вплавь добрались до лодок и пригнали их к берегу. Женщины так стойко держали себя под выстрелами!.. Они не выказали и тени страха, когда пули Летали около них.

— Теперь им хоть Георгия дать, и то впроу! — шутили «русские буры», как сами себя прозвали добровольцы.

Весь их страх прошёл. Над китайскими выстрелами они смеялись. Всё было успокоилось, когда вдруг по Благовещенску пронёсся новый слух...

В город во весь опор примчалось несколько крестьян из организованной ими дружины. Они Казались очень испуганными и, носясь по городу, кричали, что было мочи:

— Спасайтесь! Китайцы перешли за Зею!

Тут всем пришлось не на шутку смутиться. Дрогнули и самые храбрые. Да и было отчего.

Зея — река, впадающая в Амур выше Благовещенска, и притом как раз у Айгуна.

Переход китайцев через Зею указывал на то, что они через несколько часов всеми силами обрушатся на Благовещенск... А в том, что многим тысячам китайцев никакого труда не составив стереть его с лица земли, обратить в груды развалин — никто ни минуты не сомневался.

Вой, крик, шум, паника поднялись в городке.

— Батюшки, смерть подходит! — слышались вопли.

— Нечего пардону ждать от проклятых нехристей... Всех нас они перережут здесь...

Ах беда! Слышали, что длиннокосые делают?

Новый ужасный слух пронёсся среди благовещенцев... Слух казался достоверным, так как распустили его очевидцы...

По их рассказам, китайцы наголову разбили русских защитников Благовещенска и, взяв несколько десятков пленных, умертвили их после ужаснейших мучений.

— Уж как они терзали бедненьких, как

терзали-то! — говорили «очевидцы». — Ноготки им повырывали, ушки пообрезывали, кипятком обливали, а потом Жарить начали, всё равно как говядину, на сковородках... Мученики так и извивались, как жариться пришлось, а после того головушки им всем поотрубали и на кольшках поразвешали, чтобы мы глядели на них да себе ждали такую же участь.

Рассказывали все эти ужасы простые крестьяне. Они были дружинники сформированной крестьянской дружины, и всем было известно, что их уже водили в бой против китайцев. Не верить им казалось невозможным.

— Господи! Что только будет! — метались в смертельном ужасе мужчины и женщины.

— Спасибо, что хоть на покаяние время дают! Надобно бежать, просить, чтобы собор открыли.

Находились и скептики.

— Да молодцы-то пьяны! — убеждённо говорили они, повнимательнее взглянув в лица вестовщиков и послушав их речи.

— Пьяны? Быть не может! — не верили перепуганные благовещенцы.

— Сами взглянете; в стельку!

Эти заявления не имели успеха.

— Пьяны? Так что ж! Как же военному человеку и не выпить! Кому же приятно на смерть идти!

В Благовещенске совсем приготовились к гибели. Кто был починовнее — забрался в губернаторский и казённые дома, кто попроще — в церкви и казармы; много народа побежало из города «в кусты». Жёны чиновников, благовещенская аристократия, готовились к смерти по-своему. Дамы запасались кто бритвой, кто револьвером...

— Живыми в руки извергам не дадимся, — торжественно объявляли они, эффектно потрясая своим оружием. — Смерть легка, и мы сумеем умереть с честью!

Заботливые маменьки, ещё и в глаза китайцев не видя, уже умоляли своих подруг застрелить детей, когда неприятели ворвутся в город. Даже «русские буры» в своих окопах смутились и присмирели. Короче говоря, весь Благовещенск приготовился к смерти, и всякий, кто мог, готовил дорого продать свою жизнь...

Как и всегда, оказалось, что у страха глаза велики.

Никогда и нигде китайцы и во сне не видали ни малейшей победы над русскими. На Благовещенск они даже и не думали идти, никаких истязаний «десяткам пленных» не делали.

Но как всегда, так и в этом случае, дыма без огня не было.

Тот небольшой отряд, что был послан по берегу Амура к Айгуну, совершенно благополучно и даже без выстрела добрался до поста, около которого были остановлены пароходом «Михаил», очутившимся под огнём китайцев, баржи.

Эти баржи были брошены без всякой защиты, но они оставались нетронутыми. Как их бросили, так они и стояли у берега...

Китайцев не было заметно. Длиннокосые засели в своей крепости, сидели там тихо и носу не высывали. Отряд, не подозревая даже возможности иметь какое-либо серьёзное дело с неприятелем, совершенно спокойно расположился в зданиях поста на ночлег не выставили даже цепи. Да предполагалось, что

это и не нужно, так как впереди поста, выше по Амуру, расположилась крестьянская дружина, которая, собственно говоря, и заменяла цепь.

Ночь прошла довольно спокойно. На рассвете дружинники ещё до солдат поднялись и пошли с обозом вперёд. Всего через несколько сотен шагов дружинники наткнулись на густую цепь китайцев, сейчас же перешедших в наступление при виде далеко не важного врага. Случилось то, что и должно было случиться. Совершенные новички в военном деле, крестьяне-добровольцы, не бросив, впрочем, обоза, повернули и опрометью бросились назад.

— Китайцев видимо-невидимо, тьма тьмущая! — ещё издали кричали они солдатам, уже слышавшим выстрелы и быстро построенным в боевой порядок.

Смутились, но не дрогнули русские солдатики. Сейчас же была выслана вперёд цепь, но китайцы, увлечённые первым и неожиданным успехом, вошли «во вкус побед» и наступали столь стремительно, что цепь пришлось отвести назад.

Началась перестрелка. Одним из первых выстрелов оказался ранен ротный командир. Волей-неволей маленький отряд перешёл в наступление, однако не надолго. Словно на крыльях, прилетел на место боя свежий отряд полковника Печёнкина: рота и сотня казаков с двумя орудиями. Тут дело приняло совсем другой оборот. Печенкинцы долго думать не стали. Едва явившись на место, молодцы с громким «ура» пошли на всё ещё наступавших врагов. Лихие казаки обскакали китайцев с флангов и с диким гиканьем врубались в массу их. Где же было тем выдержать молодецкий натиск? Китайцы кинулись бежать, устилая берег Амура своими трупами. Их преследовали, пока они не разбежались во все стороны.

Но в то время, когда китайцы ещё наступали, они успели захватить двоих местных крестьян. С пленниками они не церемонились и, без сострадания убив их, бросили на месте их тела.

Эти-то две жертвы стычки и обратились в «десятки мучеников» в глазах хвативших лишку зелена вина вестовщиков.

Перепуганные крестьяне-добровольцы и переполошили Благовещенск. Им-то и, главное, их легкомыслию благовещенцы были обязаны всем тем ужасом, который! пережили они в течение нескольких часов.

Пьяных крикунов-вестовщиков сейчас же арестовали и посадили под замок; в это время пришло уже известие о подвигах Печёнкина, и Благовещенск поуспокоился, хотя страх окончательно не прошёл.

Все торговые помещения были заперты, банки прекратили свою деятельность. Обыватели, какие остались, попрятались, куда только могли. Благовещенск как будто вымер. Жизнь сохранилась только на ложементях, да и те стихли, перестали отвечать на выстрелы с китайской стороны. Патронов оставалось малое количество, а снарядов для орудия — и того меньше.

Если бы китайцы были деятельнее, то все пережитые лишь в воображении ужасы могли бы совершиться на самом деле...

Ушёл Печёнкин со своим отрядом за Зею, и в городе остались всего три неполные роты солдат да местные команды на храбрость

«русских буров» особенно надеяться не приходилось; это были люди совершенно незнакомые с военным делом. Каждый из них в отдельности несомненно был храбр, но на войне не столько значения имеет личная храбрость, сколько военная выправка, военное воспитание, умение повиноваться и с разумением исполнять приказания старших.

Итак, Благовещенск оставался совершенно незащищен. Скоро ждать помощи было неоткуда — ближе Хабаровска не стояли войска, а оттуда даже форсированным маршем отряды не успели бы быстро прийти. Будь в Сахалине любые другие, но не китайские войска от Благовещенска, этого единственного города в огромной Приамурской области, остались бы груды дымящихся развалин. Но китайцы словно развлечение себе устроили из бомбардировки. Они из Сахалина с рассвета и до сумерек, не жались снарядов, стреляли по русскому городу. Стрельба их, однако, была безрезультатна. Дальше этого не шло. Из-за своих укреплений китайцы не показывались. Они как будто с нетерпением ожидали, когда в Благовещенск придут русские войска и раз-

гонят их самих.

Когда прошёл первый страх, благовещенцы не только успокоились, но даже стали посмеиваться над своими недавними опасениями.

В это время и вспомнили об одной подробности, переданной явившимися с вестями из-за Зеи добровольцами. Они ещё тогда рассказывали, что в нападении на русских участвовали маньчжуры, которых все считали мирными. Теперь о маньчжурах вспомнили и ужаснулись...

Китайцы казались русским заведомыми трусами, которых бояться нечего, но маньчжуры — не китайцы. Это уже монголы, потомки завоевателей страны, люди умные, храбрые, решительные... Их было до пяти тысяч в Благовещенске, они видели, что город беззащитен, что население безоружно, что даже у многих солдат нет ружей, а вместо них американские дроворубные топоры.

Правда, они держали себя совершенно спокойно, угрожающего положения не принимали, но... чужая душа — потёмки. Разве можно было поручиться, что вся эта толпа не кинет-

ся разом на потерявших голову горожан?

От маньчжур решили освободиться хотя бы для того, чтобы немного успокоить своих, каждое мгновение трясшихся за свою жизнь.

Маньчжур, а вместе с ними и всех благовещенских китайцев, собрали на дворе земского лесного склада. Много их набралось. Сперва им предложили уйти к своим добровольно. Китайцы и маньчжуры зашумели, заволновались. Тогда их под конвоем доставили на берег Амура к тому месту, где начинался брод. Тот был не широк, но по нему можно было перейти реку с полной безопасностью. Судов для переправы не было, да и дать их было нельзя, потому что это значило бы снабдить сахалинских китайцев средствами для переправы. Ничего другого не оставалось, как заставить благовещенских китайцев перейти реку вброд.

Китайцы полезли в воду довольно спокойно и уверенно пошли к своим. Но когда они почти подошли к правому берегу Амура, земляки встретили их ружейным огнём. Несчастные, совсем забыв в испуге, что брод не широк, заметались в разные стороны; многие по-

пали в глубокие места и утонули.

Не открой сахалинские китайцы огня по своим же, катастрофы не было бы; стало быть, совсем неуместны нападки на благовещенцев, якобы виновных в гибели китайцев, нет, в такое время, когда приходится думать о своём жизни, не до сентиментальностей; будь на месте русских в Благовещенске западные европейцы, они не задумались бы перебить несчастных сами, а тут китайцам была предоставлена полная возможность спастись, и если некоторым из них спастись не удалось, то, стало быть, так им на роду написано было и русских за это винить нечего...

С удалением китайцев в Благовещенске все вздохнули свободнее, по положение мало изменилось: город по-прежнему оставался беззащитным...

Варвара Алексеевна все эти тяжёлые дни провела в ужасной тревоге. Нервы её расшатались до последней степени. Она даже начала галлюцинировать. Постоянные пушечные выстрелы не давали ей покоя.

Лишь только забывалась она тяжёлым нехорошим сном, вдруг громыхали пушки.

Бедная женщина вскакивала и начинала метаться по комнате.

— Миша! Это в Мишу моего стреляют! — кричала она. — Отдайте мне его! Где он? Миша! Миша!..

Её с трудом успокаивали. Но какой уж это был покой, когда несчастная молодая женщина всё время видела перед собой окровавленный труп замученного свирепыми врагами дорогого ей человека?

В Благовещенск уже пришли кое-какие вести о всём происходившем на линии Великой Магистралы и южной её ветви.

Китайцы наступали везде. Всё, что созидалось годами упорного труда, было разрушено в несколько дней. Харбин был осаждён; из Гирина, Телина, Мукдена, со всех промежуточных станций русские отгонялись силой, противостоять которой они не имели никакой возможности.

Но всё это были только минутные успехи китайцев. Час грозного возмездия приближался. В Благовещенск подходили из Хабаровска войска, из Никольска-Уссурийского уже вышли отряды храбрецов. Упоенные пер-

выми ничтожными успехами, китайцы ещё осмеливались оказывать сопротивление, однако это было очевидным безумием...

XXXIX НА МАНЬЧЖУРИЮ

—
В

аренька милая! Да успокойтесь вы, ради создателя! Измучилась я, на вас глядя! Ну можно ли, родная, так убиваться?

Это говорила Анна Ивановна Чемисова, та родственница, у которой остановилась по приезде в Благовещенск молодая Кочерова.

Прошли уже пятнадцать дней с того момента, когда безумцы на китайском берегу Амура осмелились открыть стрельбу по городу Белого Царя русского. Они только и делали, что стреляли по Благовещенску, но переходить в открытое наступление не решались.

В Благовещенске так привыкли к выстрелам, что перестали обращать на них внимание. Лавки, магазины, банковские конторы

открылись, на базарах появились крестьяне — вся жизнь потекла по-прежнему. Падали, впрочем, ещё гранаты на улицах, но их обходили и особенного внимания не обращали.

Перепугавшаяся, чуть не обезумевшая от ужаса Анна Ивановна, теперь уже сама первая смеялась над своими страхами и успокаивала Варвару Алексеевну:

— Полно же, говорю вам, Варенька. Вот помяните моё слово: жив ваш сокол ненаглядный, жив и скоро к вам прилетит...

Варвара Алексеевна только плакала в ответ:

— Где тут уцелеть? Сами же вы рассказываете, какие ужасы нашим пришлось вынести...

— Это когда к Харбину-то отступали?

— Да, да! Столько отрядов!..

— Да что же столько: в Телине, Гирине, Ляодуне — все в Харбине сошлись.

— А мукденский-то, мукденский отряд вы забыли...

— Н-да! Вот о нём одном ничего не слышно.

— А Миша мой там ведь!

— Ну что же! Грозен сон, да милостив Бог... Авось и наши мукденцы сойдутся... Пока решительного известия не пришло, головы терять нечего. Всё надежда есть.

Может быть, мукденцы наши давно в Харбине. А там отсилятся, пока подмога не придёт... Я так думаю, что там они уже. Где же им и быть!.. Нам теперь радоваться бы! Христолюбивые воины наши так и подходят[66]. Они живо этих китайских негодников уймут.

— Много подошло?

— Хватит! Пойдём-ка вечерком на военное поле!

— А что там сегодня?

— Будто вы не знаете! Эх вы, голубушка, как в свою горесть ушли, ничего видеть не хотите, ничем не интересуетесь... Сегодня на военном поле напутственное молебствие солдатам, которые на китайца идут... Право, пойдёмте. Все поразвлечётесь малость... Так? И Господу Богу помолитесь... Об одолении супостата будут просить Создателя.

Известие о прибытии войск сразу же успокоительно подействовало на бедную женщи-

ну. Она почувствовала, что явилась надёжная защита, которая сможет оградить Русь святую от всякой напасти, от всякого супостата...

Наступил тёплый, тихий июльский вечер. Сыроватая полумгла окутала Благовещенск и его окрестности. Всё ещё гроыхали китайские выстрелы, но не до них было. Со всего города сбегался народ на военное поле. И старики и дети, и здоровые и больные, и мужчины и женщины — все сошлись сюда и тихо стояли вокруг выстроенных в походные колонны рот в ожидании начала молебствия.

В середине поля был установлен аналой. Около него сошлись: военный губернатор Амурской области генерал Грибский, генералы Субботич, Ренненкампф, высшие чины военные и гражданские. Все были как-то особенно настроены, да и в самом деле переживалась минута, редкая по своему великому внутреннему значению: этим молебствием открывался поход против врага, совершенно нового, с которым никогда ещё не приходилось встречаться на полях брани.

Там, за Амуром, простирались безлюдные пустыни Маньчжурии. На многие сотни вёрст

раскинулись они, и вот предстояло всем этим людям не пройти, а пролететь их...

Да, именно пролететь, и не на крыльях, а на своих на двоих. Иначе невозможно было. Китайцы наседали на Харбин, и только орлиный полёт мог остановить их дерзкие покушения.

Пока ещё не началось молебствие, между собравшимися шли тихие разговоры.

— Собственно, два театра войны здесь, в Маньчжурии, — говорил сурового вида полковник стоявшему рядом с ним штатскому в форме инженера.

— Да, да, Гродеков и Алексеев... Но наступление предположено с четырёх сторон...

Иначе нельзя. Знаете, кто пошёл из Сибири?

— Кто?

Орлов, профессор!

— А, этот знаток Суворова?

— Он самый...

— Ему будет легко применить суворовские приёмы... Говорят, он, так сказать, анатомировал Суворова и его походы, вошёл в суть каждого движения нашего великого стратега...

— Да, он уже и на деле себя показал. Его отряд буквально летит... Мы здесь не трогались, а он уже к Хайдару близко... Поистине суворовские переходы.

— То-то от Мацеевского никаких тревожных вестей не приходит.

— Были вначале...

— Да, Монголия и Кяхта чуть было не вспыхнули... Спасибо Орлову!

В другом кружке беседовали о китайцах.

— Удивительно, зачем они всю эту кутерьму затеяли! — говорил один военный другому. Чего они желали достигнуть этой глупой бомбардировкой Благовещенска?

Не достигли. Но могли достигнуть.

— Ну да, это, конечно, возможно было бы! Завладей они Благовещенском, вся Приамурская область, весь Уссурийский край были бы отрезаны от России...

— План-то кампании был составлен очень умно.

— Только не ими!

— Ну да где же этим горе-стратегам до таких тонкостей додуматься!.. Тут видна опытность. Полный прорыв линии сообщения.

Нет, не в Пекине этот план составлен!

— Да, вот, на всякого мудреца довольно простоты. План хорош, а ничего из него не вышло!

— Бог за Россию!.. Т-с!.. Начинается молебствие.

Было уже десять часов вечера. Раздалась команда:

«На молитву!». Со слезами и в голосе, и на глазах обратился к отправлявшимся в поход священник. Он говорил не о мести дерзкому врагу, а высказывал только уверенность в помощи Божьей, ибо «на начинающего Бог», а русским приходилось идти в этот поход на защиту своей дорогой Родины.

Солдатики слушали, и на лицах этих простых русских людей отразилось сердечное умиление. Они не размышляли, что, как, почему, они знали, что дерзкий враг осмелился нанести оскорбление их великой матери Руси святой, и все до одного готовы были исполнить свой святой долг: на поле брани живот свой положить за веру, царя и Отечество.

— «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твоё», — могучей волной разли-

лось по военному полю.

Это слугитель Бога живого с крестом и святой водой пошёл по рядам благоговейно замерших солдат.

«И победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на супротивные даруй!» — с особенной мощью раздалось в тишине кроткой июльской ночи.

«И Твоё сохраняя крестом Твоим жительство!» словно повинуюсь могучему душевному порыву, подхватила безмолвствовавшая дотолле толпа.

А пушечные выстрелы с китайской стороны гремели, как салют будущим победам славных русских героев.

В толпе, стоявшей на поле, всё пришло в движение.

Там плакали, крестились, крестили ряды солдат, у многих из которых струились по щекам слёзы.

Мощный порыв овладел этими людьми, ещё так недавно пережившими невообразимый ужас ожидания смерти. Они как будто ожили, воскресли в это мгновение, и главными виновниками их чудесного воскресения

явились те простодушные люди — солдаты, которые, замерев в своих рядах, напряжённо следили глазами за седым высоким генералом с очень суровым, но в то же время привлекательным и располагающим к себе лицом.

— Ребята! — начал он, обращаясь к солдатам и офицерам, не глядя, однако, ни на кого из них, а устремив взгляд куда-то вдаль. — Поздравляю вас с походом! С Богом, братцы, идите на врага, нашу Русь обидевшего. Послужим батюшке царю и матушке России, покажем, что нам, русским, никакой враг не страшен. Побьём китайца длинноносого! Всяких мы бивали врагов, теперь и до него очередь дошла... Пусть изведает силу русского оружия. Вперёд, молодцы! Царь-отец на нас смотрит, не посрамит русского имени!

— Рады стараться, ва-е-пр-ство! — дружно прогремели сотни голосов.

Генерал сразу переменил тон. До того он беседовал, убеждал, теперь он начинал приказывать.

— Вперёд идти смело, не оглядываться назад! — отрывисто выкрикивал он. — Вра-

гам-неприятелям спуску не давать! Встретится с оружием — разбивать наголову и гнать, гнать без устали! Сдающихся миловать и напрасно не убивать, мирных жителей не трогать! Мы — воины, защитники веры, царя и Отечества. Помните это! С Богом!

Он махнул рукой.

Раздалась команда. Солдаты мерно, как на учении, перестроились в походный порядок.

Новые команды — и все роты, гулко шагая по высохшему грунту, тронулись по дороге к Верхне-Благовещенску, где назначена была переправа через Амур.

Осняя себя крестным знаменем, уходили в далёкий, полный опасностей поход солдаты; крестили их все остающиеся в маленьком городке. Восторг царил всеобщий. Совершалось событие, которого никто здесь не помнил и помнить не мог. В первый раз отсюда выходили на бранное поле могучие русские силы — в первый раз ещё с той поры, как этот великолепный край был присоединён в великой России.

До самого рассвета не спали в эту памятную ночь благовещенцы. До сна ли было?

Они становились не только свидетелями, но и участниками совершавшихся великих событий.

Не могла уснуть и Варвара Алексеевна. Полное спокойствие овладело ею, лишь только она отслушала на военном поле напутственный молебен войскам. Словно кто уверил её, что теперь всякая опасность, и не для неё одной, для всех её близких, уже миновала. Все прежние страхи исчезли. Молодая женщина уверилась, что теперь она непременно увидит своего Мишу, что эти герои спасут его, если только он попал в руки к врагу.

Она и Анна Ивановна стояли на набережном бульваре, ожидая, когда небольшая благовещенская флотилия «Михаил», «Гражданин» и блиндированная «Селенга», уже разведшие пары, выйдет из Зеи, дабы отвлечь на себя внимание китайцев.

Тихо стояла толпа на берегу, ожидая решительного момента.

Был третий час утра 29-го июля. Только начинала брезжить заря, но ещё было темно.

Вдруг, словно огненный пояс, сперва

узенький, за ним широкий опоясав китайский Сахалин. Раздался гром пушек. На русской стороне все так и всколыхнулись.

— Господи! Идут... Пароходы идут... — пробежал по толпе сдержанный шёпот. — Начинается... Помоги, Боже!

«Михаил» и «Гражданин» шли, теснясь друг к другу, а блиндированная «Селенга» прикрывала их всё время, пока эти пароходы шли через город.

Стрельба китайцев всё усиливалась. Огонь от залпов пробегал по всей китайской стороне. На благовещенском берегу перестрелка была и слышна, и видна. К ружейным залпам примешивалось громоыхание тяжёлых орудий Сахалина. Китайские пули щёлкали по железным пароходным кожухам и обшивкам. В то же время по всем улицам Благовещенска, близким к набережной, как несметные рои невидимых пчёл, жужжали пули, шлёпались о крыши домов, скатывались с них на панели и с сухим, жёстким звуком падали на камни.

Стрельба была беспорядочной. Артиллеристы Сахалина словно не заботились о том, куда выстрелы были направлены и достигали

ли снаряды своих целей... Вдруг к грому с китайской стороны Амура присоединились оживлённые залпы русских батарей, поставленных между городом и лагерем. Это было нечто совершенно другое. Залпы следовали за залпами непрерывно. В громыхании русских орудий слышалось что-то воинственно-спокойное, мощное, чувствовалась полная уверенность в недалёкой победе.

— Вот ад-то крошечный! — восклицали на берегу.

— Такого, как сейчас, и в первый день не было.

— А тогда было страшнее.

— Ещё бы! Впервой было...

Начинало уже светать, когда вдруг небо над Сахалином покраснелось...

— Что, что это такое? — заволновались на русском берегу.

Ответ не замедлил последовать. Густой столб чёрного дыма взвился над китайским посёлком. Налетел ветер и несколько развеял его. За ним ясно были видны зловещие ярко-красные языки пламени...

— Ура-а-а! — загремела толпа на русском

берегу. Наша взяла, зажгли!

Сахалин пылал, но китайцы и не думали прекращать бомбардировку. Напротив, они ещё усилили артиллерийский огонь. Боевых снарядов, очевидно, у них было множество, и китайцы их не жалели...

Манёвр русских удался как нельзя лучше.

Пока китайцы в Сахалине занимались совершенно бесполезной пальбой, русская пехота, казаки и артиллерия около Верхне-Благовещенска перешли на правый берег Амура никем не задержанные...

В первый раз ещё вступали русские врагами на китайскую землю!

Пехота развернулась цепью и стала на горе перпендикулярно берегу в нескольких верстах выше Сахалина.

Это было замечательно удачное движение. Теперь не было уже сомнения в том, что не только Сахалин, но и Айгун скоро будет во власти русских.

Грозным строем началось наступление, а китайцы так увлеклись стрельбой по пароходам, сновавшим по руслу реки для привлечения внимания, что не замечали приближе-

ние грозного неприятеля...

Но к утру устали и китайцы. Канонада мало-помалу стихла. Только изредка слышались отдельные выстрелы. Ночь прошла, засиял белый день.

Наступление русских на Сахалин шло по плану. Отряд подходил к посёлку всё ближе.

— Сотника Вандаловского ко мне! — приказал командующий отрядом.

На этот зов явился бравый казачий офицер, живой, расторопный. Лихой удалец!

— Послушайте, сотник! У меня к вам дело есть...

— Рад стараться, ваше-ство!

— Пожалуйста, возьмите казаков своих, пощупайте длинноносых в Сахалине. Что они там думают о нас?

— Слушаю-с, будет исполнено!

— Надеюсь... Уверен, что вы отличитесь. С Богом! Успеха!..

Вандаловский, лихо козырнув, помчатся во весь опор к своим.

— Сотня, равняйся! — раздалась его команда. — Марш!

Глухо застучали копыта казачьих коней

по ровному каменистому грунту. Замирало сердце у казаков. На их долю выпадала слава первой серьёзной схватки с врагом в только что начавшейся кампании.

— Ребята, по фанзам пошарить нужно! — приказывал сотник. — Чуть где китаец — гнать и гнать!

— Знаем, ваш-благородие! — хором отвечали молодцы. — Уж будьте уверены, не осрамимся.

— То-то! Смотрите у меня!

— Будьте благонадёжны! Как в фанзу, так огонька и вздуем, чтобы теплее было!

Впереди перед сотней, как раз на её пути, раскинулся лесок, довольно густой.

— Китайцы там! — крикнул один из казаков. — Вижу! Сидят, приширшившись!

— Китайцы ежели, так выбить их надо! Чего на них смотреть! — крикнул сотник. — Вперёд, атаманы-молодцы, за мной!

Сотня, вытянувшись почти в прямую линию, понеслась к лесу с залихватским свистом, гиканьем и громким «ура!».

— Ваш-благородие! — подскакал к Вандаловскому казак. — Там этих самых маньчжур

и не счесть.

— Много?

— Видимо-невидимо!

— А, тем лучше! Меньше останется их, — был ответ удалого сотника. — Вперёд, молодцы, гайда!

В лесу были действительно не китайцы, а маньчжуры. Их было очень много, и они храбро поджидали противника. Вандаловский пугнул было их залпом. Маньчжуры отвечали на него градом пуль.

— Пятерых ожгло! — услышал за собой Вандаловский, но и сам закачался в седле; это маньчжурская пуля угодила ему в ногу. Казаки бросились было на помощь.

— Ничего, пустяки, ребята! Бросьте! — крикнул Вандаловский. — Выгоните длинноколых. Видите, орудия подходят... вас поддержат... Вперёд, молодцы!

Станичники уже знали, что «нехристи сотника подшибли».

— Ах, они, такие-сякие-разэтакие! — слышались негодующие крики, и сотня с шашками наголо кинулась на маньчжур.

Натиск был молодецкий. И не такой враг,

как маньчжуры, был бы ошеломлён им. Едва только молодцы-атаманы подлетели к врагам, те уже показали тыл. Вместо того, чтобы нападать, казакам пришлось только преследовать панически бегущего противника.

Меньшая часть ударилась в погоню, остальные на рысях понеслись к Сахалину. Скоро вокруг его запылали фанзы: молодцы-казаки хорошо знали своё дело.

Китайцы в Сахалине вместо того, чтобы приготовиться к обороне, всё ещё продолжали стрелять по Благовещенску.

Но там уже все были спокойны за успех дела.

— Экая пылища-то! — раздались около полудня крики.

— Где, где?

— Вон, ниже Зеи. Сила идёт большая, пыль столбом...

— Наши пли длиннокосые?

— Кто их разберёт!.. Вон, из Сахалина побежали!

Действительно, главные силы китайцев отступили из занятого русскими Сахалина к Айгуну. Отступление было беспорядочное.

В половине второго упали в Благовещенске две последние неприятельские гранаты. Одна из них разорвалась между жилыми постройками дома Урланова на углу Зейской и Мастерской улиц, другая ударилась в окно дома Клосс, пролетела по комнатам и вылетела в другое окно. Разорвалась она в ограде и тяжело ранила осколками по успевшую укрыться старушку Долгову.

Последние гранаты — последняя жертва.

Испытания Благовещенска кончились. Миновали, как тяжёлый сон, двадцать дней осады и бомбардировки, начались дни отмищения...

Весь правый берег Амура против Благовещенска был окутан густым чёрным дымом, сквозь который то и дело прорывались огромные языки пламени. Слышен был треск загоравшихся построек. Внезапно ставший порывистым ветер словно бы помогал делу истребления, раздувая огонь.

Большой и Малый Сахалин перестали существовать!

Так начался знаменитый маньчжурский поход прошлого года...

XL НА ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Ока происходили осада и бомбардировка Благовещенска, пожалуй, ещё более тяжёлое время переживали те, кому пришлось очутиться лицом к лицу с врагом на Сибирской Магистрали и южной её ветви.

Благовещенцы могли ждать помощи из Хабаровска, с верховьев Амура, а в Мукдене, Телине, Гирине, Ляо-Яне и в Харбине, наконец, помощи ждать было неоткуда, и приходилось все надежды возлагать лишь на собственные силы.

Да, но русские люди с честью вышли из тяжёлых испытаний...

Телинцы, прозевавшие[67] указ богдыхана

об изгнании всех иностранцев из Маньчжурии, скоро на себе почувствовали все печальные последствия своей оплошности. Так ещё недавно спокойный Телии вдруг весь был охвачен пламенем мятежа. Регулярных войск ещё не было, но зато явились толпы боксёров, начавших свои неистовства против так ненавистных им иностранцев.

Ржевуцкий и сто команда, небольшие отряды которой были рассеяны на станциях южно-уссурийского участка Великой Магистрали вплоть до Харбина и к Мукдену, приготовились ко всему.

В один день из русского посёлка побежали китайцы, находившиеся у русских в качестве прислуги. Это уже был зловещий признак.

— Что такое? Чего они перепугались?.. — спрашивали взволнованные русские.

Сейчас же всё объяснилось: к Телину подходили правительственные войска.

Ржевуцкий выслал отряд и рассыпал цепь казаков под начальством хорунжего Косинова.

В течение некоторого времени вокруг русского отряда царило спокойствие. Ни боксё-

ров, ни регулярных войск не было видно. Вдруг показалась огромная толпа китайцев, наступавших на отряд прямо с фронта. Это были боксёры. Их беспорядочная толпа остановилась только шагах в сорока от позиции. Заметно было, что все эти люди неестественно возбуждены. Они ломались, кривлялись и что-то кричали, угрожающе размахивая холодным оружием: кривыми саблями и острыми длинными ножами.

— Робята, — тихо сказал один из казаков. — Вот диво-то!..

— Что там ещё? не видел этих сумасшедших?

— Да не то! Сами взгляните: вишь, девка с ними...

Стали приглядываться.

— И впрямь девка! Да ещё какая ладная-то!

В самом деле, впереди толпы боксёров в какой-то дикой пляске отдельно от других кружились три фигуры. Двое были мужчины, третья — молоденькая и хорошенькая китаяночка, скорее девочка, чем девушка. У всех были раскрашенные лица. Они делали невозможные гримасы, кривлялись, ломались, па-

дали на землю, словно сражённые припадком падучей болезни.

Солдаты и казаки в цепи с любопытством ожидали, что будет далее.

— Не трожь, робя, девку-то! — шёпотом переговаривались солдатики. — Сунулась сдуру, как с дубу — несмышлёнка ещё, рано ей помирать-то...

— Не подвернётся сама — ни у кого духу не хватит штыком пырнуть, а подвернётся под пулю — пусть на себя пеняет... Не лезь, баба, в мужское дело!..

Девушка-подросток, похоже, была вождём у боксёров. Фанатики следили за всеми её движениями. Сама она была вполне уверена в своей неуязвимости. В этой своей наивной уверенности она даже красный фонарь прицепила себе на грудь и посему представляла собой прекрасную цель. Но и солдаты, и казаки щадили этого бедного ребёнка, одурманенного фанатическими бреднями.

Кривляния и ломания боксёров продолжались около часа.

Вдруг китайская Жанна д'Арк замахала фонарём и испустила какое-то дикое восклицание.

ние. Сейчас же вся эта возбуждённая до последней степени толпа с диким рёвом и оглушительными криками кинулась на русский отряд.

Там, конечно, не зевали.

Рота, целься! Рота, пли!.. — раздалась команда.

Грянул залп. В толпу исступлённых фанатиков ударили пули. Передние ряды словно метлой смело. «Неуязвимые» грудью легли на месте. Остальные в беспорядке побежали. Но как раз в этот момент из города прямо на отряд вынеслась — и вынеслась, надо сказать, с необыкновенной для китайцев лихостью — их кавалерия и пошла было на русских в атаку. Первые же залпы ссадили с коней пятерых всадников и начальника их. Этого было достаточно, чтобы всю лихость китайскую как рукой сняло. Горе-кавалеристы сейчас же повернули коней и ударились врассыпную, преследуемые одиночными выстрелами.

Отбив противника, солдаты и казаки принялись осматривать поле битвы. Там под грудой тел они нашли труп девочки-боксёра. Смертельная рана в груди уложила её на ме-

сте. Смерть наступила, очевидно, моментально. Бедный ребёнок лежал ничком, широко раскинув руки. На глуповатом детском личике застыло выражение изумления и восторга. Солдаты сумрачно глядели на труп.

— Никто как Бог! — высказался один за всех. — Мы не хотели...

— Сама подвернулась! Кто бы её, сердешную, нарочно стал... А молодая!

— Шестнадцати лет, пожалуй, нет... У меня дома, в деревне, сестрёнка такая осталась. Акулькой звать...

И как бы в память оставшейся в деревне Акульки солдат порывисто перекрестился.

— Зароем её, братцы! Хоть и не наша, а чего ей так валяться! — предложил один.

Бедная китайская Жанна д'Арк в миниатюре сейчас же с особенной заботливостью была похоронена на поле этой битвы...

Все нападения китайских войск и боксёров кончались так же, как и это. Русские отбивались с удивительной выдержкой. Но всему на свете есть мера. Несмотря на постоянные русские победы, число китайцев не убывало. Ряды их пополнялись всё новыми людьми: что

ни день, то подходили свежие войска. Русский же отряд изнемогал от утомления...

— Капитан, здесь оставаться невозможно! Мы должны уйти!

— Да, да! Уйти, пока есть ещё время, пока не поздно...

Так заявили, наконец, начальники 5-го и 6-го участков железной дороги, инженеры Казы-Гирей и Шидловский, командиру охранной стражи штабс-капитану Ржевуцкому.

— Но господа! Я не имею на то разрешения не только от его превосходительства генерал-майора Гернгросса, но даже от прямого своего начальника полковника Мищенко! — ответил тот.

— Запросите их!

— Вы сами знаете, господа, телеграфное сообщение прервано... Послать нарочного разве?

— Это бесполезно! Китайцы перережут нас прежде, чем придёт ответ таким путём. Взгляните, под вашей охраной не только мужчины, но и беспомощные женщины, дети... Боксёры подбираются всё ближе. В нашем посёлке начались уже поджоги... Единственное

средство спасения — это уйти отсюда как можно скорее...

— Но куда?

— На Харбин, конечно! Полковник Мищенко из Ляо-Яня пошёл на Да-Ши-Цао[68], Валевский из Мукдена тоже уходит, нам путь единственный — на Харбин...

Доводы инженеров были убедительны. Храбрый капитан видел полную их основательность. Конец защиты Телина в том случае, если бы русский отряд остался там, был очевиден. Китайцы в конце концов смяли бы горсть русских, и отряд погиб бы, окружив себя вечной славой, но без всякой пользы...

Благоразумие подсказывало, что только в отступлении — спасение и отряда, и тех русских людей, которые были в Телине.

Решено было отступить, и выход был назначен ночью.

Невесёлую картину представлял отряд и караван уходивших русских телинцев. В этом отступлении было что-то похожее на выход французов из Москвы в 1812-м году. У кого из беглецов были лошади, тот ехал верхом. Женщин и ребятишек везли в каретках. Впрочем,

это было преимуществом только русских дам. Китайки, следовавшие за русскими — им нельзя было оставаться в Телине среди своих соотечественников, потому что они приняли христианство, — шли пешком, таща на руках детей. Более всего они, эти несчастные женщины, боялись отстать от отряда. Им в этом случае грозила бы верная ужасная смерть. И тут, в эти минуты опасности, сказывались русские добродушие и мягкосердечие: тех из бедняжек, которые отставали и не могли идти, русские дамы охотно сажали в свои экипажи. Остальной караван представлял даже курьёзный, вероятно, вызвавший бы при иных обстоятельствах смех, вид. Кто-то раздобыл ослов и ехал на них. Один молодой железнодорожный служащий преважно сидел на быке, на спину Которого подстелил красное ватное одеяло... Шли, однако, безостановочно: дорога была каждый час. Чем дальше двигался караван, тем всё более принимал он печальный вид. Усталость брала своё. Люди, измученные бессонницей, еле плелись, конные с трудом держались в сёдлах; лошади едва шли.

И во всё время этого похода ещё приходи-

лось иметь постоянные схватки с противником, далеко превосходившим отряд в силах.

Что помогало измученным людям кое-как ещё держаться против врага, так это — постоянное присоединение небольших казачьих отрядов, охранявших покидаемые станции и посты по пути к Харбину.

Но везде, положительно везде, встречали отступавшие вместо прежних друзей врагов. Из города Кай-Юаня, мимо которого лежал их путь и где до начала военных действий все были расположены к русским, караван был осыпан градом пуль. Едва прошли русские, за ними кинулись в погоню регулярные войска. Отступавшие приняли бой. Здесь отличились: подпоручик Заремба, хорунжий Косинов, корнет Всеволодов и вахмистр 16-й казачьей сотни Жадин. Благодаря крайне смелым и продуманным действиям этого последнего [69] наступление китайцев было задержано, так что весь караван мог пройти совершенно спокойно и стать на ночлег...

Это был всего ещё первый день пути...

На другой день у деревни Шуань-Няо-Цзы, где была также и железнодорожная станция,

отряд попал в засаду. Отбились штыками — мало было патронов. Китайцы словно заметили это и стали наседавать. По приказанию Ржевущего штабс-ротмистр Григорьев всего с четырьмя десятками казаков так лихо атаковал китайские полчища, что все они разбежались без оглядки. Это дало возможность присоединиться к отряду казакам, подвезшим большой запас патронов.

Но лишь только русские двинулись далее, китайцы снова осмелели. Идти приходилось по некоторой возвышенности, пересечённой широким оврагом, склон которого зарос кустарником. Там засели китайцы. Пришлось остановить отряд и начать бой. Недолго думая, передовые под командой Зарембы кинулись на врагов; авангард, которым командовал штабс-ротмистр Григорьев, поддержал их. Не прошло получаса, как китайцы, засевшие в кустах и фанзах, были выбиты. В то же самое время сотник Фадеев и хорунжий Косинов ударили со своими казаками по китайским войскам, кинувшимся на русских с фланга. Смелого казачьего натиска было достаточно, чтобы китайцы бросились бежать

врассыпную. Казаки увлеклись и кинулись преследовать их. В пылу преследования Косинов наскочил на китайца-офицера, при котором было знамя отряда. Хорунжий только кивнул своим казакам, и в один миг командир нападавших был изрублен... Отрядное знамя стало трофеем русской победы... Взято было в этом бою и другое знамя жёлтого правительственного цвета с красной надписью «Боксёр-воин».

Изрубленный китайский офицер был полковник Чен. В отряде стало известно, что он хвастливо обещал при веруй всех русских в идеи и даже раздал своим солдатам верёвки, которыми они должны были вязать пленников. Но вместо этого китайского хвастуна ждали полное поражение и бесславная смерть во время позорного бегства с поля битвы.

Только убитыми китайцы потеряли 400 человек; число их раненых осталось неизвестным. В отряде Ржевуцкого потери были: один убитый и один раненый.

Как только китайцев разогнали, караван мог двинуться дальше.

Везде на пути встречались следы кровопролитной битвы. Фанзы, из которых стреляли по русским, были объаты огнём. Вокруг них валялись груды китайских трупов, изрубленных шашками, с штыковыми ранами.

Казачи, проходя мимо них, лукаво улыбались и как-то странно косили глаза.

— Чего вы? — спросил один из офицеров, заметивший их усмешки.

— Да как же, ваш-бродь! Дюже смешно!.. Извольте поглядеть сами...

— На что?

— Верёвочки-с... Это для нас принесены были... Вот так хорошо связали... Нечего сказать!

В самом деле, у каждого из убитых китайцев была прицеплена сбоку связка тонкой и крепкой верёвки.

Столь велика была их уверенность в победе.

До 2-го июля отряд продвигался довольно спокойно. Имея лишь незначительные стычки с преследовавшим его неприятелем. Но в этот день на рассвете снова пришлось схватиться с китайцами и ещё раз доказать им,

что не с русскими бы им людьми тягаться на поле брани.

Перед тем отряд и караван ночевали в полтора верстах от деревни Сань-Ди-Ань-Цзы. Когда тронулись в дальнейший путь, вдруг раздалась стрельба, и пули, что пчёлы, зажужжали над головой у русских.

Положение было критическое. Отряд в момент нападения находился на совершенно открытом пространстве. Будь на месте китайцев мало-мальски порядочные предки, все бы тут и легли костью. Пули летели в огромном количестве, буквально градом. Они шлёпались о повозки, пролетали над головами лошадей, падали под их ногами. Только одним чудом можно объяснить то, что пройдя под таким адским огнём более полтора версты, вплоть до первой закрытой ложбинки, русский обоз остался невредим. Ни одна лошадь не была в нём даже ранена. Видно, сам Бог в минуты этой ужасной опасности охранял русских людей. Ибо без лошадей пришлось бы бросить раненых, а так как на это среди русских никто не способен, то они вынуждены были бы остаться на месте и погибнуть...

Пока караван пробирался к защищённой хотя немного ложбинке, казаки уже расправлялись с неприятелем по-своему. На этот раз китайцы выказали небывалую стойкость. Ими в этом бою командовал полковник Янь. Это был смелый и решительный человек. Он преградил дорогу отряду и сумел укрепить дух своих солдат. Китайцы не бежали перед русскими, а оставались на месте до самого последнего момента. Только напрасно. Казачья шашка или солдатский штык очень скоро прекращали это усердие. Там, где китайцев трудно было выгнать, казаки поджигали строения. Дым заставлял китайцев выбегать наружу, а тут... тут шашки и штыки уже верно и скоро исполняли своё назначение. Сотни китайских трупов показывали место, откуда был открыт огонь по русским. Как ни стойко держались войска, они всё-таки отступали, но от боя не отказались, заняв сильную позицию на возвышенности. Их отряд казаки выбили лихой атакой. Путь окончательно был расчищен.

Героями этого боя, конечно, были все — и офицеры, и солдаты отступавшего русского

отряда, но особенно отличились сотник Фадеев, хорунжий Косинов, выгнавшие китайцев из фанз, откуда те осыпали караван пулями, затем поручик Заремба, корнет Всеволодов, трубач Омельченко, вахмистр Черныш и урядник Елисеев. На их долю пришлось выбивать китайцев, засевших за стенами дворов, окружавших фанзы. Заремба и Омельченко продавили одну из стен, так что образовалась брешь, через которую могли свободно ворваться их люди. Они первыми кинулись на врага, приводя его в смущение.

Что это был за молодецкий натиск яснее всего доказывает следующее. Русский отряд потерял в бою трёх товарищей; четырнадцать человек были ранены. Китайцев легло 700. Храбрый Янь был в числе убитых. В ближайший город Куанг-Чань-Цзы прибежали только пятеро с поля. Эти люди своими рассказами нагнали такого страха на китайский гарнизон, что многие солдаты побросали оружие и разбежались...

Впечатление, произведённое этим боем на китайцев, было таково, что более они уже не осмеливались преграждать путь русским.

Правда, пытались они ещё раз напасть на отряд уже в самом конце пути, но их разогнали без труда.

На тринадцатый день пути телинский отряд был уже вблизи Харбина.

С чувством облегчения вздохнули все измученные усталостью и тревогой люди, когда, не доходя вёрст десяти до Сунгари, они встретили высланную им навстречу роту. Командир её, штабс-капитан Переверзеев, показался им ангелом-освободителем. Кончились все напасти. Недавние ужасы принадлежали уже к прошлому. Оставалось только вспомнить молодецкие дела, в которых так ясно выразился великий дух русских людей, побуждавших десятком тысячи.

Телинский отряд пришёл в Харбин, потеряв шестерых товарищей убитыми и умершими от ран. Тридцать человек было ранено, но все они, как стало известно впоследствии, выздоровели. Один из людей пропал без вести.

А в Харбине в это время тоже пережиты были далеко не весёлые дни...

ХЛІ ХАРБИНСКИЙ ОТПОР

арбин, или по маньчжурскому произношению — Халбин — Хобин, значит в переводе «весёлая могила». До прибытия сюда русских здесь был ханшинный, то есть водочный, завод. Китайцы доказали своё азиатское остроумие, дав этому месту подобное название.

Русские, избрав Харбин центром управления Великой Сибирской Магистрала, купили его за наличные деньги у владельца и быстро устроились по-своему. Появились чистенькие здания, сады, тротуары, загорелось электричество... явилось всё, что необходимо современному человеку.

Городок сам собой разделился на три части: Старый, Новый город и Пристань.

Река Сунгари, впадающая в Амур, протекает здесь, но Старый город раскинулся верстах в 15 от неё. В этом городе сосредоточились административные учреждения магистрали, здесь же выросли домики главного инженера Юговича, его помощника Игнациуса, генерала Гернгросса, начальника железнодорожной стражи, ротных инженеров, офицеров. Здесь устроены телеграф, почта, школа, гостиница и русские магазины, а также православная церковь.

Незадолго до грозных событий прошлого года начал отстраиваться верстах в пяти-шести от Старого и Новый город, который обещал стать лучшим из городов Маньчжурии. Быстро возводились каменные одно- и двухэтажные домишки в русском стиле. Должны были появиться клиники, лаборатории, больницы, строилась новая церковь, освящение которой предполагалось совершить в августе или сентябре.

Верстах в восьми от Нового города на берегу Сунгари раскинулась Пристань, самая оживлённая, но в то же время и самая грязная часть Харбина. Здесь полнейшая смесь

построек: красивые каменные дома, казармы, грязные китайские фанзы перемешивались между собой. Тут же китайский базар, харчевни, китайские лавки и китайская опиумо-курильня.

Сунгари — большая судоходная река, по которой пароходы ходят до Хабаровска и до Цицикара, где была резиденция дзянь-дзюня [70] Шеу, которого все почему-то считали и умным, и расположенным к русским человеком.

Пришлецы-русские и китайцы жили между собой дружно. Русские «капитаны» — так называли китайцы всех вообще русских чиновников — никогда никого не обижали. А если у «капитанов» и выходили кое-какие «недоразумения» при расчётах с китайскими рабочими, то они скоро улаживались, не оставляя между теми и другими особой неприязни.

Харбинцы были русскими пионерами в этой местности, и они гордились этой своей ролью. С их приходом край оживился, у населения явился заработок, завязалась торговля, весёлые свистки паровозов всколыхнули

угрюмый, безлюдный край.

И вдруг с безоблачного, казалось, неба ударил неожиданный гром!

Маньчжурские генералы частенько бывали в Харбине. Их принимали, как самых дорогих гостей. Ничего опасного не было слышно. Даже когда пришли вести о событиях в Печили: о штурме Таку, осаде Тянь-Цзиня, и то край оставался спокойным.

Правда, произошли кое-какие беспорядки около Харбина, но им невозможно было придавать большое значение. Ещё 21-го июня, когда уже между Таку и Тянь-Цзинем произошла не одна кровопролитная битва, господин Югович находил, что на линии всё обстоит благополучно.

Три дзянь-дзюня: цицикарский, гиринский и мукденский ручались за полное спокойствие страны, если только русские сами не начнут военных действий.

Вдруг — это было 25-го июня, — как снег на голову, упало на харбинцев предложение мукденского дзянь-дзюня убраться подобру-поздорову из Маньчжурии, сдав железную дорогу китайским уполномоченным.

Сперва никто не хотел этому верить.

— С ума он, что ли, спятил? — говорили про мукденского дзянь-дзюня. — С чего это он?

— Это действительно насмешка! Как могла осмелиться такая мелкая сошка, как обыкновенный дзянь-дзюнь, обращаться с подобным предложением? Это же равносильно объявлению войны.

— А под Таку-то!

— Что под Таку?

— И пониже чином были, да осмелились же.

— Но ведь там не китайцам чета были... Не дзянь-дзюнишка какой-нибудь.

— Однако он не один — цицикарский и гиринский дзянь-дзюни тоже подписались.

— Такая же мелочь!

— Мелочь-то мелочь, а как бы беды не наделала она всем нам!.. В Цицикаре объявлена мобилизация... Плохо наше дело.

Но скептиков было меньшинство. Всех восхищал ответ, посланный Юговичем мукденскому дзянь-дзюню:

«Я вижу, что дзянь-дзюнь Мукдена поза-

был долг верной службы своему государю, позволив себе сделать подобное предложение подданным дружественного государства, работающим в Маньчжурии на пользу обеих стран».

— Здорово! По-русски! Молодец Югович! Так и отрезал! На-ка теперь выкуси, дзяньдзюнишка подлый! Что? Взял? Сам изменником очутился! только и слышалось в эти дни в Харбине.

Но скоро оказалось, что мукденский дзяньдзюнь не изменник, а верный слуга своего государя, не осмелившийся предпринять ни одного шага без повеления свыше.

Из Телина пришло известие о задержанном было императорском указе относительно открытия военных действий против русских. Стало известным также, при каких обстоятельствах очутился он у китайцев.

Вместо прежнего оживления воцарилось смущение.

— Да как же наши-то там? — сетовали харбинцы. Попридержали бы указы-то... Когда ещё прислали бы вторые экземпляры?

— Что поделать! Опростоволосились!..

— Самим придётся рассчитывать, да и нам тоже достанется.

Вскоре пришло новое известие об отступлении телинцев. Вместе с тем стали множиться известия о нападениях скопищ китайцев на железнодорожные станции и посты. Господин Югович уже озаботился сбором всех служащих в Харбине.

Подошёл после геройского отступления и телинский отряд.

Это радость была для всех в Харбине, когда увидели входящих телинцев: караван и отряд. Их уже все считали погибшими и встретили, как воскресших из мёртвых. Офицеров благодарили, по они скромно указывали на тех, кто с беззаветной храбростью шёл за ними, сокрушая силы врагов.

— А кто из молодцов молодцом был, — рассказывали возвратившиеся, — так это Шаховцев.

— Из третьей сотни? Семён?

— Он. Все были храбры, а он храбрее всех... Первым в атаки ходил... Жаль молодца!

— А что с ним? Ранен? Убит?

— Хуже! Лучше, если бы так!

— Что же?

— В дисциплинарный батальон приговорён... Придётся отправить[71]!

Однако когда восторги встречи прошли, Харбинцы увидели, что положение их не из завидных. В Харбине было к этому времени несколько тысяч безоружных агентов китайской магистрали и их семейства. Волей-неволей спешили всех, кого только можно было, отправить в Хабаровск. Заблиндировали, чем могли и как могли, пароход «Одесса», дали ему на буксир баржи и отправили в путь по реке, уже занятой китайцами.

Не одно сердце в Харбине замирало тревожно, когда «Одесса» отвалила от пристани. Разве можно было поручиться за благополучное прибытие в Хабаровск? Всем было известно, что китайцы возвели по Сунгари батареи, и вряд ли можно было надеяться на то, чтобы они не попробовали уничтожить русский пароход.

На «Одессе» же было самое дорогое для оставшихся: жёны и дети...

Китайцы, засевшие по обоим берегам реки, стали беспощадно обстреливать пароход.

Пули жужжали, как огромный рой пчёл, сыпались без перерыва и в таком изобилии, что пароход был превращён в решето.

Детей уложили в трюм, прикрыв подушками и узлами, какие нашлись.

Инженер Беренштейн, застигнутый на палубе, был убит. Дочери госпожи Ивашкевич прострелили ногу. Были ещё несколько раненых, но сравнительно немного.

А пули сыпались градом, прыгали в каютах по столам, разбивая посуду, продырявливая платья. Одна дама тут же на пароходе разрешилась; ребёнок оказалось не во что завернуть, так как чемодан с пелёнками весь оказался продырявлен; нашли 21 пулю.

Женщины вели себя, как настоящие героини — ни слёз, ни жалоб. Бессемейные разносили воду для утоления жажды, помогали баррикадировать пароход дровами и корзинами, не позволяя детям рисковать собой. В этом аду и дети вели себя геройски. Раненая девочка госпожи Ивашкевич четверо суток пролежала в грязном трюме, в лихорадочном жару, без хирургической помощи, без перевязки, и ни стонов, ни криков не вырывалось

из её уст. Жара стояла невыносимая, поскольку паровой котёл раскаляли так, что он едва не взлетал на воздух. Капитан — простой русский мужичок — вёл себя с редким присутствием духа при этой ужасной! перестрелке и спросил, что предпочитают пассажиры: попасться в руки китайцам или рисковать взорваться вместе с пароходом:

Все женщины выразили согласие на; последнее. С бешеной скоростью летел пароход по обмелевшей от июльской жары Сунгари; была сделана маленькая передышка лишь тогда, когда пошёл дождь, заставивший китайцев прекратить пальбу.

Пароходу всё-таки удалось после пятидневного плавания благополучно доставить своих пассажиров в Хабаровск.

Это было 9-го июля, а 13-го на рассвете огромные силы китайцев подступили уже к Харбину.

Наступали они с двух сторон, везде оттесняя русские охранные посты. Наступавшие сжигали мосты, и скоро уже густые цепи их стрелков показались на пространстве между Старым и Новым городом и Пристанью.

Вблизи Нового города есть небольшой русский посёлок, названный по имени одного административного лица Ваховкой, или Ма-Ди-Гао по туземному названию. Это-то местечко и должно было скорее всего подвергнуться нападению наступавшего неприятеля.

Известия, одно другого тревожнее, приходили к генералу Гернгроссу. С одной стороны уведомляли, что телеграф перестал работать, с другой доносили, что китайцы устанавливают орудие и пристреливаются, что снаряды их стали уже ложиться в Ваховку. Из Старого города сообщали, что китайцы заняли ханшинный завод в одной версте, и только ружейный огонь сдерживает их от дальнейшего наступления. Они шли уже на Новый город; густые колонны их под прикрытием стрелковой цепи надвигались и на Пристань... На Харбин велась правильная атака со всех сторон.

Китайцы действовали по всем правилам стратегии, и их стрелки подобрались уже к штабелям дров на Сунгари и открыли оттуда огонь, который начал уже охватывать фланги.

С каждой новой минутой успеха китайцы смелели всё более.

— Войсковому старшине Логинову взять ханшинный завод! — полетело приказание в Новый город, где засели казаки, сдерживавшие наступление китайцев.

С двух сторон, поддерживаемые меткими залпами с позиции, кинулись русские в лихую атаку. Генерал Гернгросс с резервом быстро полетел им на помощь — на рысях. Но до завода было ещё далеко, когда прямо к генералу подскакал запыхавшийся от быстрой езды казак.

— К вашему превосходительству! — рапортовал он, переводя дыхание. С важным донесением.

— Что такое? — спросил генерал.

— Честь имею доложить, завод взят, и китайцы оттуда изгнаны.

Генерал сразу почувствовал облегчение.

Взятие завода — это почти была победа.

Молодец войсковой старшина, получив приказание, не стал долго раздумывать.

— Приказано, значит, сделано! и он повёл своих людей на штурм ханшинного завода,

где китайцы уже успели укрепиться.

На русских героев так и сыпались пули. Враги безостановочно стреляли со стен и из башен, русские начали было отвечать на их огонь.

— Нечего, братцы, время тратить! Чего порох-то даром жечь! Деньги за него ведь плачены! говорили казаки. Можно и так прогнать.

Логинов указал им на завод:

— Ребята! Кто со мной, вперёд!

Не прошло и трёх минут, как могучее «ура!» уже гремело у стен завода.

Молодцы, забыв о пулях, принялись за работу. Пробивали бреши — кто работал штыком, кто лопатой, кто ломом.

Эта работа сперва не ладилась. Как ни велико было мужество штурмующих, а всё-таки работать приходилось под обстрелом.

— Чего, ребята, копать-то! — крикнул Шишов. — Прямо на стены — и вся недолга!

Он побежал к одной из башен. По всей вероятности, Шишова не расслышали. Только одни казак Колосов последовал за ним. Эти двое удальцов в одно мгновение вскарабкались на стену. Китайцы так были ошеломле-

ны, что не догадались даже сбросить их. Когда опомнились, момент уже был пропущен. На стене были уже не двое, а все их товарищи. В то же время с противоположной стороны вскарабкался со своими канаками герой телинского отряда, вахмистр Жалнин, и открыл по неприятелю огонь. Шишов же и Колосов, а с ними и остальные, обрекая себя на верную смерть, прыгнули со стен внутрь завода и расправлялись с китайцами штыками. Пока кипел этот бой, через бреши ворвались две роты охранной стражи с поручиком Высочанским во главе и казаки. Как же было выдержать китайцам такой натиск? Они открыли ворота и бросились было наутёк, но и тут им не посчастливилось. Едва они стали выбираться из-за вала, как их встретили залпами телинцы Ржевущкого, который был ранен и которого сменил хорунжий Косинов. Бедняги, не ожидавшие ничего подобного, пустились врассыпную.

Харбин был спасён, самый опасный пункт — отнят у неприятелей.

Преследовать беглецов было почти невозможно — мешала болотистая почва, по и того,

что было сделано, оказалось достаточно... Два прекрасных орудия, пять знамён, множество ружей, огромное количество патронов, рогатый скот, лошади, запасы провианта достались победителям. Более семисот китайцев поплатились жизнью за свою дерзкую попытку закрепиться на ханшинном заводе. Сколько же их было убито за весь день 13-го июля — считать не было времени. О потерях китайцев можно судить по тому, что убирать китайские трупы после этого боя харбинцам пришлось целых три дня.

Четверо нижних чинов и командир 15-й сотни штаб-ротмистр Чаленков пали с русской стороны на поле битвы; кроме того, десятеро, и в их числе горой телинского отряда штабс-капитан Ржевуцкий, были ранены.

Были в этот день и другие герои, правда, незаметные, но, тем не менее, подвиг который был так же величественен, как и подвиг беззаветных храбрецов, грудью отстоявших Харбин и прибавивших новые лавры в победный венок своей Родины.

В самый разгар боя, когда свинцовый дождь так и осыпал штурмовавших ханшин-

ный завод храбрецов, старший священник охранной стражи отец Александр Жуковский был около своих земляков-героев. Этот скромный служитель алтаря напутствовал умиравших воинов, утешал раненых. Тут же, в трёхстах шагах от неприятельской цени, работали врач-ветеринар Рейтер, фельдшера Зыбайло и Вострицкий, работали с необыкновенным самоотвержением, как будто они застраховали себя от всякой опасности.

Скромные герои — великие герои.

Горячо благодарил в этот день генерал Гернгросс победителей. Воздав должное офицерам, он не забыл и солдат.

Вот его слова:

«Нижние чины рвались вперёд и перед таким натиском не мог долго удержаться значительно превосходивший нас в силах противник. Благодаря их храбрости он был обращён в бегство...»

Но, потерпев поражение, китайцы всё ещё упорствовали и укрепились у станции Затон. Мало того, урок показался им недостаточным, и они начали бомбардировать Пристань. Это продолжалось целый день 14-го июля.

— Отчего не приказывают выгнать их? — недоумевали защитники Харбина.

— Следовало бы, непременно следовало бы... Ишь так шрапнелью да гранатами и жарят!..

— Страх-то не особенный!

— Так-то так, а уже кое-кого из наших поцарапали...

— И то сказать: изводят... На «уру» бы их!

К вечеру этого дня разнеслась весть, что генерал вызывает охотников, чтобы отогнать китайцев от позиции. Охотниками оказались все, кто носил оружие, но генерал Гернгросс нашёл, что вполне достаточно и трёхсот человек. Однако и в них не представилось надобности.

Лишь только стемнело, громадное зарево поднялось над Затонам. Сейчас же посланы были разведчики узнать, что это значит. Те вернулись и донесли, что китайцев и след простыл...

В самом деле, китайцы так были перепуганы русским отрядом, что бросили своих убитых, громадные запасы патронов, зажгли все строения Затона и ушли от Харбина в свою

крепость Ху-Лань-Чен на Сунгари.

Сейчас же пустились их нагонять и догнали только за семь вёрст. Отступали китайцы в полном беспорядке. Едва завидели они приближение погони, как с криками ужаса ударились в бегство. До самого Ху-Лань-Чена преследовали их харбинцы. Ещё несколько сот врагов легли под выстрелами преследователей. Другой сильный отряд, укрепившийся в девяти верстах от Харбина, тоже бежал в Ажехе, как только прослышал, что против него выслан отряд казаков под командой Логинова.

Шеу, цицикарский дзянь-дзюнь, отправляя отряд, прислал сказать русским, что он камня на камне не оставит в Харбине, что весь этот посёлок будет стёрт с лица земли.

И что же? Как оправдались слова этого хвастуна?

А вот как: на Харбин из Ху-Лань-Чена и Ажехе были отправлены Шеу 6000 человек, снабжённых оружием и крупновскими пушками новейшего образца. Из них под знаменами остались менее тысячи... Остальные или были убиты, или разбежались. Крупнов-

ские же пушки, почти безвредные в руках китайцев, попали в русские руки и преисправно уничтожали целыми десятками своих бывших хозяев.

Затем хвастливый Шеу объявил, что, разорив Харбин, он истребит всех русских инженеров и агентов железной дороги, а их в Харбине после бегства китайцев находилось до тысячи человек.

Как видно, и у китайцев хвалёное слово в прок нейдёт. Это жалкое хвастовство доказывает только одно: бедняга Шеу вообразил, что имеет дело с ничтожными пигмеями-европейцами, умеющими, как они доказали вскорее, грабить беззащитных и не сопротивляющихся, но вместо этого он встретил титанов — русских. И, конечно, дорого поплатился за свою опрометчивую забывчивость.

А впереди его ждали новые уроки.

XLII ПОЛЁТ РУССКИХ ОРЛОВ

а к жестоко ошиблись пекинские мудрецы, когда вообразили, что им с помощью нападения на русских в Маньчжурии удастся отвлечь туда все русские силы. Расчёт, конечно, был верен. Не будь русских в Печили, не удалось бы никогда ни немцам, ни англичанам, ни японцам добраться до столицы Небесной империи. Русские, только русские вывезли на своих плечах Таку, Тянь-Цзинь, Пекин.

Кто может знать, какой ход приняли бы события, если бы не было в Таку русских, но раз несчастье совершилось, приходилось исправлять его последствия, как бы это ни было тяжело. Русские не оставили Пекин, но и Уссурийский край, и Приамурье, и сооружённая

русскими трудами и на русские деньги Великая Сибирская Магистраль не остались беззащитными.

Только что загремели на Амуре и на магистрали китайские пушки, привезённые из Германии, и раздалась трескотня винчестеров и маузеров, как грозною тучей полетели на защиту родной славы и родного достоинства стаи русских орлов.

Из Забайкалья от Абагая туда победоносно шёл со своим отрядом генерал Орлов на Хайлар, а затем и на Цицикар в гости к хвостуну Шеу. Изящный петербуржец, до того разбиравший по косточкам и со своей кафедры в военной академии, и на публичных лекциях, и в многотомных сочинениях подвиги великих героев России, генерал Орлов подтверждал, что он способен побеждать врагов не только на бумаге, но и на поле брани. С Амура тоже к Шеу, навестить и научить его, шёл генерал Ренненкампф. На выручку доблестных харбинцев из Хабаровска, вверх по Сунгари, направлялся генерал Сахаров с отрядом беззаветных храбрецов. С юга Уссурийского края пошли на Гири генералы Айгустов и Чича-

гов, и, наконец, генерал Флейшер очищал от неприятелей Ляодунский полуостров, чтобы затем овладеть Мукденом, откуда распространился по Маньчжурии призыв к войне.

Всё это были силы очень внушительные, с которыми не только что китайцам, но и никому в мире не по плечу была бы борьба...

Управившись с Сахалином, стрелки и казаки немедленно же тронулись на Айгун. Нужно было уничтожить этот оплот китайской силы на Амуре, и медлить не следовало. Да и люди так и рвались в бой. В Сахалине они нашли голову одного из своих, рядового местной команды Благовещенска Филиппа Калинина. Несчастный попался в руки китайцам во время одной из вылазок в начале осады, и его сочли без вести пропавшим.

Ропот, грозный, говоривший о близком возмездии, так и понёсся по рядам солдат, когда они увидели голову товарища. Калинин был общим любимцем, и солдаты не могли без содрогания смотреть на то, что от него осталось.

— Эх, сердяга! — тихо говорили стрелки. — Царство тебе Небесное, мученику! А уж мы...

Только бы добраться!

Путь к Айгуну был преграждён пологим горным хребтом Кулишан. Это была весьма выгодная для защиты позиция. Местность впереди была совершенно открытая, с прекрасным обстрелом на две версты. Перед перевалом было широкое тонкое болото. Здесь-то, на Кулишане, и засели китайцы, укрепив свою позицию ложементами и пушками.

Во главе нашего отряда шли генералы Грибский и Субботич. Они сразу поняли ситуацию и составили план действий.

— Цепь, вперёд! — раздалась команда.

Тотчас же от 14-го стрелкового полка двинулись раскинутые цепью роты, привлекая на себя внимание китайцев, не замедливших встретить стрелков градом пуль.

— На правый фланг в обход две роты 2-го батальона, на левый — казачья сотня Волкова! Неприятеля обойти и выбить. С Богом!

Словно не в грозное боевое дело, а на красивый манёвр собралась сотня казаков и, растилаясь по земле, на рысях помчалась, забирая влево. Занявшиеся стрелковой цепью китайцы даже и не заметили этого прекрасно

выполненного обходного движения. Вдруг позади них раздались устрашающие гиканье и свист и вслед за тем — могучее, грозное «ура!». Это Волков выскочил со своей сотней в тыл неприятелю. У сотника была лучшая лошадь в отряде. Он нёсся ветром впереди своих людей. Только двое казаков поспевали за ним, остальные скакали на довольно значительном расстоянии.

Китайцы, сначала ополоумевшие, опомнились и пришли в себя...

— Братцы, родимые! Длиннокосые уходят, не пускай! — кричал Волков, видя, что китайцы, бросив орудия, бегут с позиции.

С обнажённой шашкой он наскочил на одного из них, сидевшего на передке орудия, но в тот момент, когда уже шашка взвилась над головой китайца, вдруг что-то громыхнуло, рвануло, и Волкова и двух казаков, а также китайца заволокли клубы густого порохового дыма...

Когда он несколько рассеялся, на земле трепетала куча окровавленного мяса и костей... Это китаец, увидев перед собой лицом к лицу смерть, взорвал пороховой ящик. Он

погиб сам, и вместе с ним погибли трое русских героев.

Чуть не плача, подобрали подоспевшие казаки то, что осталось от их сотника и товарищей, отнесли эти останки в сторону и накрыли их одной шинелью...

Мир праху этих незаметных героев, жизнь свою положивших во славу Родины! Да будет легка им земля! Они погибли трое, но своей гибелью дали время подоспевшим справа стрелкам выбить без потерь для себя врага с его опасной для наступающих позиции.

Кулишанские высоты, защищавшие Айгун, были взяты без особых потерь. Путь на Маньчжурию из Благовещенска был открыт.

Отряд перевалил за Кулишан и стал бивуаком. До Айгуна остались всего 15 вёрст, и солдатам перед боем требовалось отдохнуть.

Генералы Грибский и Субботич расположились прямо на земле в небольшом шатре. Офицеры уже устроились около своих «походных собраний»: столик, на нём самовар, скромная закуска, вина, а вокруг столика сами Я притомившиеся походом люди, кто на барабане, кто на явившемся откуда-то обруб-

ке дерева, кто на ковре, а кто и прямо на земле. Крутом оживление, толки, разговоры о предстоящем бое.

Адъютант уже обнёс диспозицию боя под Айгуном, и теперь её обсуждали на все лады.

— Уходят китайцы на Цицикар! слышалось среди офицеров.

— Осталось и для нас довольно... Слышали диспозицию? Их силы в шести верстах от нас по Айгуно-Цицикарской дороге... Будет жаркое дело... Эх! Кто-то завтра в эту пору будет за этим столом чаек попивать?

— Завтра и увидим... в два часа пойдём.

— Не успеть к Айгуну засветло...

— Ничего не поделаешь, людям нужно дать отдых... Все утомлены донельзя. Вон даже казаков в разъезд не высылали — лошади не идут...

— А на аванпостах кто?

— Запасной батальон... Стоит сходить посмотреть.

— А что такое?

— Маскарад да и только!

В самом деле, последние аванпосты, верстах в полутора от лагеря, содержали роты за-

пасного батальона. Если поглядеть со стороны, то нельзя было бы и подумать, что стоявшие здесь люди — христолюбивое воинство. Полная смесь одежд и лиц. Одни из воинов в картузе, другой — в поярковой шляпе. Кос у кого на голове соломенная панама. Мундиров ни у кого. Вместо них — рубахи-косоворотки всех цветов. Пестрота полнейшая, однообразия никакого. Это собранные на скорую руку ратники. Среди них и благовещенские приказчики, и крестьяне из партии переселенцев, и приисковые рабочие, и даже «спиртоносы», в обыкновенное время старавшиеся не попадаться на глаза властям предержащим, но теперь о ставшие, благодаря своему знанию местности, чуть ли 36 не хозяевами положения. Все эти люди необыкновенно оживлены. Понимают они, что призваны все на защиту русского дела, и неё, как один, готовы отдать жизнь за успех этого предприятия.

После отдыха войска двинулись авангардом, двинулись стройно, словно вспоминая былые учения и манёвры; за ними следовали казаки и стрелки. При главной колонне находился и военный губернатор Амурской обла-

сти генерал-лейтенант К. Н. Грибский.

Отряд шёл, раскинувшись версты на полторы; на флангах были лихие казаки-амурцы, зорко высматривавшие, нет ли где в виду неприятеля.

Первые четыре версты от Кулишана прошли спокойно.

— Вот дивное дело! — говорили в отряде. — Неужели китайцы подпустят?

Спокойствие вокруг казалось подозрительным.

— Осветить местность! — отдан был приказ.

Сейчас же вынеслись вперёд казачьи разъезды. Впереди был овраг, за ним — гора, покрытая лесом, около леса — обнесённая прочным частоколом казарма, укреплённая четырьмя башнями, с видневшимися из окопов орудиями.

— Китайцы там! — почуяли казаки, хотя и казарма, и орудия молчали.

Командующему отрядом немедленно донесли об обнаружении врага.

— Казарму взять! Китайцев разогнать! — последовал приказ.

Казачи кинулись вперёд. Из казармы в них тут же полетели пули, взвизгнула шрапнель; казаки на минуту опешили было, хотя замешательства между ними не произошло никакого.

— Станишники, не сдавай! — послышался оклик командира, приведший их в себя.

Тут же фланговые разъезды понеслись в обход. На краю оврага явилась русская батарея. Стрелки, развернувшись цепью, пошли на штурм. Китайцы, заметив это движение, даже не дождались русских и разбежались.

Ещё две-три версты прошли спокойно, а там новый бой на открытой равнине. Здесь дело было потруднее. Китайцы защищались упорно. Выбить их с позиций удалось только артиллерийским огнём.

— Счастлив всё-таки наш Бог! — толковали солдаты, остановившись на минутный отдых.

— Именно! Будто в сорочке мы родились. Если бы здесь другие были, а не длиннокосые, всем бы нам капут пришёл!

— Верно, на роду ещё не написано помирать...

Да, китайцы оказались очень плохими стрелками. Их позиция, вторая на пути к Айгуну, была такова, что ружейный и артиллерийский огонь из её окопов мог снести всех, кто ни попытался бы подойти с фронта.

К большому удивлению наступавших, ничего не было слышно о Казаках, кинувшихся в обход первой позиции!

— Сплоховали станичники-то! — предполагали стрелки и добровольцы. — Хвалёное слово в прок не идёт!

— Ну, не из таких они, своего не упустят, возражали защитники лихих степняков.

Действительно, не упустили. Только что покончили со второй позицией, как на Цицикарской дороге затрещала перестрелка. Это казаки, недолго думая, кинулись на отступавшие из Айгуна к Цицикару главные силы неприятеля в то время, когда часть их подобралась уже к самому Айгуну.

Было семь часов вечера, когда ярко-багровое зарево поднялось над Айгуном...

Оплот китайского владычества на Амуре пал. Оба берега великой маньчжурской реки стали русским достоянием.

— Слава Тебе, Господи! — воскликнули в рядах наступавших. — Кончено дело!

Кончено, да не совсем!

Китайцы были разбиты и. изгнаны, Айгун пылал, но его защитники пришли в иступление. Высланный для выбора места для бивуака очень небольшой отряд капитана Самойлова совершенно неожиданно был окружён далеко превосходившими его силами неприятеля. Завязался бой. Положение смельчаков было критическое. В отряде было всего шесть человек: три офицера и три вестовых казака, китайцев же — до 400 человек. Русским пришлось отстреливаться из револьверов; но где же единицам было держаться против сотен?

— Эх, помирать приходится! — сказал один из вестовых.

— В плен не давайся только, а помирать всё едино! — поддержал товарищ, но вдруг встрепенулся.

Совсем недалеко послышалось грозное русское «ура».

Каким-то чудом о критическом положении отряда узнал генерал Ренненкампф. Он сейчас же пустил на выручку погибавших две

сотни казаков-амурцев, а сам всего с несколькими офицерами и казаками отвлек на себя внимание неприятеля. Это спасло Самойлова и его товарищей. Пока оторопевшие китайцы перестреливались с подоспевшим неприятелем, явились к месту неравного боя не только казаки, но даже пехота и артиллерия. Последние скопища защитников Айгуна были разогнаны. Наступившая ночная темнота прекратила перестрелку. Да она была и бесполезна. Выяснилось, что победа полная, что Айгун не только взят, но и все его укрепления заняты русскими; китайцев поблизости не осталось.

Когда наступавшие на Айгун войска сошлись около крепости, там уже хозяйничали добровольцы, скатывавшие вражеские пушки и стаскивающие неприятельские знамена на подошедшую к самому берегу «Селенгу».

Благовещенск был отмщён.

— Ребята! Поздравляю вас с полной победой! — провозгласил командир отряда, когда результаты молодецкого дела выяснились вполне.

Все солдаты, добровольцы, казаки, офицеры были настроены как-то особенно.

— Силы небесные помогают нам! Сам Микола Милостивый на китайцев разобиделся...

— Что? Что такое?

— «Селенга»-то! Прямо чудо!

— А! Спасение образа! Действительно чудо!

«Селенге», пароходу министерства путей сообщения, более всех доставалось в эти тревожные дни. Ей и «Сунгари» приходилось принимать на себя все выстрелы китайцев из Сахалина и Айгуна во время частых рейсов по Амуру. В одну из ночей Перед началом похода начали стрелять из Айгуна по «Селенге» из тяжёлых крепостных орудий. Тридцать шесть выстрелов сделали китайцы по этому пароходу и следовавшему за ним «Сунгари». На последнем рубки были обращены в щепы. В борт «Селенги» впился один из тяжёлых снарядов. Только треск раздастся, когда этот снаряд, разворотив стены кают-компаний, ударился среди неё. Всё закачалось от страшного сотрясения. Послышался звон разбитых стёкол, картины полетели на пол. Снаряд, однако, ещё не утративший силы полёта, вылетел наружу. Только тогда могли убедиться, что он

наделал в кают-компании. Разрушение было полное. Все в каюте оказалось перековеркано, переломано, и вдруг — о чудо! — образ Святого Николая Чудотворца, висевший в переднем углу каюты, остался совершенно невредим. Мало того, даже лампадка перед ним мерцала прежним тихим огоньком[72].

Чувство сердечного умиления наполнило сердца всех бывших на «Селенге».

— Чудо! Явное чудо! — радовались они. — Господь с нами!..

— Несокрушимая Десница оберегает нас... Нет врага, который был бы теперь нам страшен!

Не только команда «Селенги» была воодушевлена этим чудесным случаем, но даже и солдаты, участвовавшие в походе на Айгун, прониклись сознанием того, что на полях битвы они не одни, но даже в самые критические минуты они всегда могут надеяться на помощь свыше...

Подъём духа был полный.

Пока «Селенга» стояла у Айгуна, все, кто только мог, побывали на ней и с благоговением помолились перед чудесно оставшимся

невредимым святым образом.

Пока всё это происходило на берегах Амура, в тот же самый день русские знамёна были осенены новой победой.

Со стороны Забайкалья в китайский Хайлар после победных боёв с врагами вступил молодецкий отряд генерала Орлова. Китайцы разбегались перед ним повсюду, где только ни появлялись русские казаки. Даже регулярные войска, услышав о приближении отряда, спешили отойти к Цицикару. Отряд двигался «суворовским» переходом. Ради быстроты движения пехотинцы были посажены на двуколки и совершили таким образом путь, несколько не отставая от кавалерии. И сразу стали заметны результаты этого молодецки выполненного движения. Заволновавшиеся монголы вдруг сократились. Они оказались настолько разумными, что поняли бессмысленность сопротивления и спокойно занялись своими полевыми работами...

22-го июля, в то самое время, когда под Айгуном, возвещая близкую победу, гремели русские пушки, в Хайларе, как вестники мира и милости к врагу, раздавались из походной

церкви слова святого Евангелия: здесь первый раз от сотворения мира совершена была всеобщая по обряду православной церкви...

Торжественно неслись звуки православных песнопений. Умилённо молились русские люди, волею судьбы оторванные от родины и занесённые сюда. Не чувство мести к побеждаемому врагу, не озлобление против него царило в этих простых сердцах, нет, они исполняли свой долг свято, честно. Это были славные защитники родины, для которых враг существовал только на поле битвы и то лишь тогда, когда у него в руках было оружие.

Итак, в Айгуне и Хайларе торжествовали победу, зато в Цицикаре, откуда по Маньчжурии разнеслись первые удары грома, господствовали смущение и уныние. Ещё бы!.. Вести одна другой отчаяннее приходили со всех сторон. Русские войска всюду перешли в наступление. Хайлар был взят, Айгун, Сахалин уничтожены; Харбин, который, казалось, совсем уже был в руках хвастливого Шеу благодаря своему положению между сильнейшими Ажехе и Ху-Лань-Ченом, был 21-го июля уже

освобождён подоспевшим отрядом генерала Сахарова; вместо народного движения против русских народ обратился сам против возмущавших его боксёров. Теперь даже Шеу понял, что положение его критическое...

Он уже не расставался с приготовленной на всякий случай золотой пластинкой, которая должна была избавить его от всех будущих бед и ответственности за оставшуюся невыполненной похвальбу.

А в Благовещенске, где всё ещё так недавно трепетали за свою жизнь, шло ликование. Наперебой читали поздравительную телеграмму генерала Гродекова:

«С помощью Божьей и при доблести наших несравненных войск мы освободились от Айгуна. Поздравляю вас, вверенные вам войска, город Благовещенск и всю Амурскую область от лица службы. Благодарю вас за ваши искусные распоряжения. Передайте нашим несравненным молодцам моё самое горячее спасибо, а амурские казаки, впервые бывшие в бою, показали себя достойными преемниками своих предков, завоевателей Амура, героев Албазинского сидения. Амур-

скому казачьему войску слава, войскам, в бою
освободившим Амур, ура, ура, ура!!!».

XLIII ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВОВ

Покойствие Варвары Алексеевны продолжалось очень недолго. Общее ликование только усиливало её тоску. Она видела, как возвращаются победоносные войска, слышала постоянные вести о победах, об освобождении русских отрядов, там и сям в Маньчжурии отрезанных от главных сил китайцами, но той вести, которая была бы ей дороже всего, вести о муже — не было...

Напрасно добрые люди, у которых она поселилась в Благовещенске, старались развлечь её, это не удавалось.

— Варвара Алексеевна, голубушка, говорила Апия Ивановна, — сегодня привезут китайские знамёна, пойдём посмотреть!

Кочерова только слабо улыбнулась.

— До того ли мне! До торжеств ли, когда сердце разрывается на части... Ведь о Мише ничего не слышно.

— А вы утешайтесь надеждой: никто, как Бог!

Говоря так, Анна Ивановна старалась не смотреть на свою подругу.

Та скоро заметила это.

— Анна Ивановна, вы что-то скрываете от меня! — воскликнула она. — Ради бога, вам, наверное, что-нибудь известно...

Анну Ивановну всю так и передёрнуло: столько тоски было в этом восклицании измучившейся души.

— Э-эх! Один конец! — вдруг решительно сказала она. — Чего вам мучиться, лучше разом отрезать всё.

Молодая женщина схватилась за голову. Сердце её почти перестало биться.

— Вы о Мише? Что с ним? Убит? Замучен? — едва слышно лепетала она.

— Да нет же, нет! Экая вы суматошливая! Ничего не известно ещё...

— Но вы... вы сказали... не томите. Где Ми-

ша?

— Он... он ушёл из Мукдена... Вот всё, что известно здесь...

— Один... О, это — гибель!

— Нет же! С целым отрядом... Поручик Валевский начальник его.

— И что же? Где этот отряд? Разве его не выручили?

Анна Ивановна только руками развела:

— Ничего точно не известно! Все вернулись, а этот отряд — что в воду канул!

Варвара Алексеевна зарыдала.

— Миша, Миша мой! стонала она. — И зачем я не была около тебя! Я бы уговорила тебя, я бы спасла тебя... а теперь... О, Господи!

— Милушка моя, да перестаньте вы, родная! Сходите, помолитесь Николаю Чудотворцу, что с «Селенги» принесли... Зачем заживо Михаила Васильевича хоронить? Может быть, и вернётся... Точно ничего не известно! Эка! Столько людей! Не иголка же они, без вести не пропадут!.. Кто-нибудь да остался бы цел, весть подал бы... Право, сходите, помолитесь, сразу легче будет...

Добрая женщина путалась в словах. Она

хотя и объявила, что будет говорить правду, но на это духа у неё не хватило. Да и как она могла сказать всё, что было уже известно о судьбе мукденского отряда!..

Впрочем, её слова подействовали на Варвару Алексеевну успокаивающе. Она и сама сообразила, что молитва — лучшее средство в те мгновения, когда сердцем и душою овладевает тоска...

Наскоро одевшись, она вышла из дома и направилась к церкви. В своём смятении она не замечала, какими сострадательными взглядами окидывали её на пути встречные.

— Никак молодого Кочерова жена? — спрашивали тихо за спиной.

— Какая жена! Вдова! Верно, панихидку по мужу служить идёт.

— Да разве его убили?

— Чего же ещё, когда в Ляо-Яне голова инженера выставлена на стене.

— Верховского, что ли?

— Его самого, и в клетке даже...

— Вот грех-то! Эх, бедная!.. А Кочерова жаль! Молодец был...

— Был вот, да весь вышел...

— По всей видимости, и могилки не сыщешь...

К великому своему счастью, бедная молодая женщина ничего не слышала из этих пересудов.

Горячо молилась она в церкви, слёзы ручьями текли по её побледневшему лицу. И чем более молилась она, тем более осенял её благодатный покой, умиротворял её душу, примирял даже с ужасным несчастьем... Готовая ко всему, вышла она из храма и почти спокойная пошла домой.

А Благовещенск ликовал... Из-под Айгуна возвращались раненые и добровольцы. Они были привезены на пароходе «Благовещенск». Пароход был по-праздничному разукрашен взятыми в боях китайскими знамёнами... Среди них бросалось в глаза большое чёрное знамя с синей и красной каймами и жёлтыми надписями. Это было знамя боксёров. Тут же было красное с синей каймой знамя правительственных войск. Были и живые трофеи. На пароходе сидели раненые маньчжурки и маньчжурята, подобранные в разорённых фанзах и пощаждённые победителя-

ми. За ними теперь ухаживали, как за своими, и заметно было удивление этих несчастных.

Среди этих людей, не пленных какие же это были пленники? — а скорее несчастных, которые теперь заслуживали сожаления, особенно выделялся один старик-маньчжур с вспухшими от слёз веками. Когда он высадился на берег, толпа встретила его с заметным сочувствием...

— Богатей ихний. Из Амма! — объясняли на берегу. — Теперь нищий...

— Война разорила?

— «Большие Кулаки» с толку сбили. Они обещали в три дня Благовещенск взять и все русские земли за Зеей им отдать...

— И что же?

— Сами знаете, что! Вон он, дым-то, столбом! И теперь ещё их фанзы горят... Старик-то волосы на голове рвёт. Тридцать лет, говорит, жил с русскими в мире и дружбе, а тут вот что вышло... Прибежал к нашим и говорит: хоть убейте, а в Китай не пойду!

— Оставили?

— Местные крестьяне за него поручились.

— Теперь расторгнется. У них это недолго.

Варвара Алексеевна уже знала о китайчонке Цапфу, которого взяли русские из разрушенного Сахалина, Китайчонок этот был Принят на воспитание одним из благовещенцев и пользовался в русской семье такими заботами и уходом, как будто он был родным сыном.

Не успела ещё Кочерова взойти на крыльцо дома, как Анна Ивановна встретила её громким криком:

— Голубушка, идите скорее! Вам телеграмма пришла!

— Откуда? — встрепелась Варвара Алексеевна. — От кого?

— От кого — не знаю, а пришла из Владивостока... Верно, о Михаиле Васильевиче... А болтали, ведь, что и могилки не сыскать.

У Кочеровой даже руки опустились.

— Разве известно что?

Анна Ивановна спохватилась:

— Мало ли что болтают! Вздор всякий... Разве можно верить? Да, милушка, телеграмму-то скорее читайте. Что там?

Телеграмма была действительно из Влади-

востока. «Приезжайте немедленно в Порт-Артур, вы очень нужны», — значилось в ней. Далее следовала подпись того знакомого семейства, у кого Кочерова останавливалась перед отъездом в Благовещенск.

— Что это значит? Тут ничего не сказано! — вскрикнула не своим голосом Варвара Алексеевна. — Кому я нужна? О Мише есть вести? О папе и маме?.. Ехать, скорее ехать надо...

Анна Ивановна в душе была очень довольна этим отъездом.

«Погиб Михайло-то Васильевич, и сомнения в том не может быть! — размышляла она. Да, верно, и погиб-то непросто в муках... Пусть она лучше не от нас это узнает... Уж я и не представляла, как сказать ей о мукденских бедах... Пожалуй, с ума бы бедняжка сошла. Не шутка — всех потеряла. Свёкор со свекровью и золовкой в Пекине погибли, а муж здесь... Эх, горемычная!»

О мукденском отряде приходили в самом деле страшные известия... В гибели его и гибели ужасной никто.

С южной стороны Маньчжурии порт-ар-

турскую ветвь Сибирской Магистралли охраняли два русских отряда — полковника Мищенко в Ляо-Яне и маленький отряд поручика Валевского в Мукдене.

В Ляо-Яне ещё с 14-го июня появившиеся боксёры начали своё дело разрушения: запылали казармы, мост, железнодорожные постройки. Мищенко высылал казачьи отряды для охраны их и наказания виновных. Китайские власти все извинялись, но мер к прекращению беспорядков не принимали. Приходилось действовать только своими силами. Без всякого объявления войны под Ляо-Янем происходили кровопролитные битвы. На русских наступали войска всех трёх родов оружия. Русские одолевали нападавших, потери которых в горячих боях достигали иногда нескольких сотен. Но долго это продолжаться не могло. Русские были уже загнаны в чумный барак, и китайцы сторожили их, не давая возможности выйти. Уходить было опасно, а оставаться — невозможно. Люди, выдержавшие беспрестанные бои, были переутомлены до последней степени, запас патронов подходил к концу. В отряде были раненые,

женщины и дери, о спасении которых приходилось заботиться прежде всего. Решили уйти, и ночью, благодаря самоотверженности поручика Щёкина, это отступление удалось. Но отряд всё-таки погиб бы, если бы из Ин-Коу не подоспели к нему подкрепления; благодаря этому можно было продолжать отступление, пользуясь железной дорогой. Ляо-яньский отряд кое-как выбрался из смертельной опасности, достигнув занятого русскими Да-Ши-Цао, с потерями: 18 человек убитых, 6 пропавших без вести и 26 контуженых и раненых.

С мукденским отрядом было совсем другое.

Мукден — это главный город в Маньчжурии, вторая после Пекина столица Китая. Здесь резиденция тсунг-ту, или генерал-губернатора Маньчжурии, и поэтому сюда ранее всего попал упущенный русскими в Телине императорский указ об изгнании из Маньчжурии европейцев.

В Мукдене римско-католической миссией! был сооружён великолепный собор. Это было первое европейское здание, сожжённое здесь боксёрами.

Михаил Васильевич, у которого здесь работали артели, явился сюда, прослышав, что с рабочими возникли недоразумения. Но когда он прибыл, все рабочие уже разбежались, а народ кругом волновался.

— Не вовремя вы сюда! — встретил Кочеров командовавший местным отрядом поручик Валевский.

— Вижу сам, ну да ничего! — бодрился Кочеров. — Лишний человек вам будет подмогой. Волнуются?..

— Не говорите... Ужасы, каких не дай Бог никому перенести. Собор сожгли, своих, кто в христианство перешёл, без пощады режут, католических миссионеров так и гонят.

— Ну, они это заслужили! Из-за них же вся каша!

— Так-то так! А расхлёбывать её нам придётся...

— Ничего, авось вызволимся!

— Да, главное, что помощи даже и ждать нельзя. Телеграф с Ляо-Янем прерван, мы окружены...

— Тогда мы и сами отобьёмся...

Поручик Валевский был красивый моло-

дой человек с несколько грустным лицом, необыкновенно вежливый и деликатный. Он словно не ко двору был в этой стране, где грубая сила правила балом, но храбрость его и решительность были вне всяких сомнений. Это знали все его подчинённые, общим любимцем которых он был.

— Отобьёмся, я думаю, — отвечал поручик, и заметив подходившего бравого унтер-офицера, крикнул ему: — Что, Пилипенко, отобьёмся от длиннокосых?

— Так точно, ваш-бродь! лихо отковырял тот. А пока что отходить нам нужно.

— Что случилось?

— Китайская конница валом валит!

— Много?

— Видимо-невидимо! Жгут мосты, и пушки с ними... Как бы врасплох не застали...

Валевский задумался.

— Что же! — словно советуясь сам с собой, сказал он. — Отойдём мы в чумные бараки. Они ведь укреплены?

— Так точно! Недавно земляная работа закончена. Пока что — там отсидеться можно.

— Тогда и отступим туда и укрепимся.

Неприятеля ждать пришлось недолго. Китайские кавалеристы, как только собрались, кинулись на горсть русских. Они были отбиты, но Валевский понял, что вторичного нападения ему не выдержать, и сейчас же перешёл со всем отрядом и служащими в бараки, где всё-таки можно было защищаться от неприятеля. Собрались все: военные железнодорожные агенты, инженер Верховский; были две женщины — телеграфистка Лутовенко и жена машиниста Рузанова. Всего было 54 человека[73]. И эту горсть, запёршуюся за деревянными стенами жалкого укрепления, осадили пять тысяч китайцев.

Молодцы не унывали.

— Отсидимся! — весело говорили они. — Пусть попробуют только сунуться. А там наши подойдут.

— Откуда? Из Ляо-Яня и Телина помощи ждать нечего. Там самим не до того!

— На станциях есть... охранные.

— Много ли их! Как бы их самих выручать не пришлось.

— Никто, как Бог! Его святая воля!

Только одна эта надежда и оставалась у

неустрашимых людей.

А китайцы, между тем, не дремали. Было 23-е июня, когда они из четырёх орудий начали с трёх сторон бомбардировать бараки. Одновременно с этим не смолкали ружейные залпы.

— Беда, коли Пристреляются, — говорили солдаты.

Не сдобровать нам!

— А вы, ребята, не позволяйте им пристреливаться, — ободрял Валевский. — Бейте по орудийной прислуге. Орудия-то не прикрыты...

Это помогло. Русские не давали китайским артиллеристам примериться к орудиям. Выстрелит китаец раз, на другой нужно нового: меткая пуля уже свалила бомбардира. Китайские гранаты перелетали через бараки.

Так продолжалось с утра и за полдень. Вдруг около часа дня откуда-то издали донеслись голоса.

— Что это? Никак наши? — заволновались в бараке.

Стали прислушиваться. Голоса всё ближе...

— Что за оказия! С песнями идут! Уж не

подкрепление ли?..

Нет, это отступала с железнодорожной станции Цай-Ло-Ку кучка солдат — в 12 человек всего.

Три сотни китайцев с двумя орудиями наседали на них, а храбрецы шли с громким пением[74].

До барачков они добрались благополучно: Утомлены они были до последней степени. Жажда мучила этих людей. Но на дворе барачков они почувствовали себя на седьмом небе.

— Словно из ада выскочили! — говорили новоприбывшие.

Они расположились на отдых, закурили папиросы и держали себя так спокойно, словно визг гранат и свист пуль были приятной для слуха музыкой.

Отряд Валеvского таким образом усилился, но это имело мало значения. Как ни метки были русские стрелки, но китайцы всё-таки пристрелялись, и их снаряды стали ложиться на дворе барака. Вспыхнул пожар, но его успел потушить солдат Живулько, самоотверженно кинувшийся на крышу барака, не обращая внимания на пули. Ему удалось

сбить пламя, но он тяжело был ранен в ногу.

Под вечер бомбардировка прекратилась, стих и ружейный огонь. Осаждённые могли вздохнуть спокойно.

— Нам мет возможности держаться, — говорил Валеvский своим ближайшим товарищам. — Один убит, двое ранены. Китайцы пристрелялись... Ещё день — и их снаряды разнесут наш барак. Что, господа, скажете?

— Нужно уходить! — выразил своё мнение Кочеров.

— Я то же думаю, и нечего медлить... Счастье наше, что с нами всего две женщины... Им бы предложить переодеться.

— Как переодеться?

— В мужское платье... Это было бы очень удобно при отступлении.

— Мало нас!

— На пути присоединятся ещё!.. Итак, решено: мы уходим!

В ночной темноте тронулся маленький отряд. Ки тайцы, уверенные, что русские не уйдут от них, даже и не сторожили неприятеля, так что удалось выйти из барака и, благополучно миновав китайские деревни, выбрать-

ся на линию железной дороги в восьми верстах за Мукденом. Женщины шли в мужских костюмах и поэтому не особенно мешали на таком опасном пути.

— Знаете что!?! — обратился Валеvский к Михаилу Васильевичу, шедшему около него в голове отряда. — Я предчувствую, что мне не довести моих людей... Скоро меня убьют!

— Бог с вами! Что вы такое говорите! Откуда вы можете знать?

— Чувствую...

— Мало ли что можно чувствовать!

— А на этот раз я не ошибаюсь! не хочется умирать, мама у меня старушка останется. Жаль её, а пуще их жаль! — поручик кивнул на отряд. — Одни они не дойдут, пожалуй.

— Перестаньте вы говорить так! К чему такие мрачные мысли! Вернёмся все живы-здоровы, только бы до Ляо-Яня дойти. Вероятно, полковник Мищенко не ушёл оттуда.

— Не знаю, не думаю, но всё может быть.

Более ни слова не сказал Валеvский о своих томительных предчувствиях, но грусть ясно была написана у него на лице.

Едва отряд вышел на линию, глазам людей

представилась тяжёлая картина. Мосты были сожжены, болты и накладки унесены, рельсы сорваны, шпалы сняты... Работа, долгая и трудная, пропала даром.

Как только рассвело, отступавшим пришлось столкнуться с китайцами. Те грабили линию. Были среди них и регулярные солдаты. Началась перестрелка.

Вдруг по отряду пронёсся вопль:

— Поручик убит!

Действительно, бывший верхом Валевский неожиданно свалился вместе с лошадью. Русские смешались. Это заметили китайцы и кинулись было на них. В самый критический момент перед русскими появился их командир.

— Ребята! — раздался его голос. — Я цел!.. Вперёд! Видите мост, там наши... спасём их!

Разом все ободрились.

— Ура! — загремело с двух сторон, и маленький отряд быстро перешёл в наступление.

Китайцы разбежались...

Валевский оказался прав. На железнодорожном мосту через Хунь-Хэ, протекающую в

Мукдене, засели 18 человек охранной стражи и один агент. Целый день отбивались они от неприятелей, и теперь отряд выручал их из безвыходной ситуации. Радости спасённых не было конца. Их «ура» долго не смолкало. А, между тем, радоваться было совершенно нечему: опасности ещё только начались... Едва прошли ещё несколько вёрст, как чуть было не попали в засаду. Китайцы засели в постройки железнодорожной станции Су-Е-Тунь и сидели так тихо, что Валеvский рискнул послать на станционный двор казачий разъезд. Но едва только семеро казаков очутились там, по ним загремели залпы. Казаки спешили и стали отстреливаться; перестрелка завязалась горячая.

— Слава богу, что так вышло! — воскликнул Валеvский. — Не догадайся я послать разъезд, весь отряд втянулся бы во двор и нас перестреляли бы.

— Смотрите, патронов мало, — предупредил его Кочеров.

— Знаю, я и то приказал стрелять пореже... Но что это? С какими вестями?

К поручику галопом нёсся казак.

— Что случилось? — встревожился Валевский. Какие вести, голубчик?

— Ваш-бродь! — едва переводил дыхание вестовой. — Беда!.. С фронта пехота наступает, с левого фланга конница... что делать — не знаем!

— Сейчас я сам... сам пойду! — дрогнувшим голосом воскликнул поручик. — Эй, лошадь запасную!

— Слушайте, вы не очень под пули подставляйтесь, — остановил его Михаил Васильевич. Что мы без вас будем делать?.. Для нас себя поберегите!..

— Это вы про что? — засмеялся Валевский. — Про то, что я говорил? Не бойтесь, сегодня я уцелею.

Он прямо под пулями помчался к самому опасному месту: на левый фланг. Доехать Валевский не успел под ним снова была убита лошадь. Тогда он кинулся к своим бегом. Китайская пехота так и наседала. Впереди китайцев шёл их командир. От пуль стоял сплошной стон. Русские подавались назад и приближались к линии огня со станции. Опасность была серьёзная.

— В штыки! — скомандовал Валевский. — За мной!..

Он первый кинулся вперёд. Отряд последовал за любимым командиром. Вольнослужащий Охотников, перегнав всех товарищей, кинулся к китайскому командиру. Одно мгновение, один только взмах штыка, и китаец, заболтав в воздухе руками, грохнулся на землю. Опальные были откинuty. Дорога вперёд была открыта.

Тронулись. Идут. Вдруг крик, точнее, вопль ужаса вырывается у передовых. Останавливаются и другие.

— Что такое случилось? — слышатся тревожные восклицания.

— Взгляните-ка, братии! Вот ужасы-то! — понеслось по отряду. — Ах бедные! Ах несчастные! Да как же это так можно!..

Перед измученными, исстрадавшимися людьми два трупа[75]. Это — тела земляков — по рубашкам видно. Они производят ужасное впечатление. Трупы обезглавлены. По ранам видно, что головы не отрублены, а отрезаны. Ни рук, ни ног нет. Кожа на груди вырезана и на ней штыками понаделаны отверстия в ви-

де креста...

— Наши!.. Упокой, Господи, их душеньки в селении с праведниками! Даруй им вечный покой! — слышится шёпот.

— Видно, свои оставили, вот и попались этим проклятым в руки... Замучены...

— И нам то же будет!

— Ну нет! Пусть погодят! — и не одна рука тянется к револьверу, словно желая убедиться, осталась ли там для себя последняя пуля.

— Что же теперь делать? Нужно погрести их, — раздаётся голос.

Все встрепенулись, выход из тяжёлого положения был найден.

— И в самом деле, разве можно оставить так? Ройте, ребята, могилу! — идёт меж солдатами разговор.

— Конечно! Может, и самим так валяться придётся. Не попусти, Господи!

Несмотря на усталость, на посвист китайских пуль, несмотря на то, что каждая минута промедления грозила серьёзнейшей опасностью, солдаты и казаки принялись за печальное дело.

Валевский не останавливал их. Зачем?

Риск был так велик, что смерть, казалось, уже витала над всеми этими людьми. Рано или поздно подойдёт роковая минута.

— Всё бы ничего, да три беды сразу пришли, — жаловался поручик Кочерову.

— Опять пугаете? Что такое ещё?

— Патроны кончаются. Мало остаётся сухарей, всего на три дня взяли, да и то не все... И воды нет.

— А колодцы? Вон их сколько!

Валевский только головой покачал:

— Разве можно оттуда пить? Колодцы все отравлены...

Он старался ободрить людей надеждой на отдых в Ляо-Яне, но видно было, что в душе он и сам не верит в успех отступления.

Теперь шли только ночью. Если видели китайцев, разрушавших железную дорогу, их не трогали: приходилось беречь патроны для обороны в случае наступления неприятеля. Так добирались, вернее, прокрадывались в зарослях по берегу реки Тай-Цзы, пока не приблизились к Ляо-Яню на десять вёрст. Здесь Валевский перевёл весь отряд на остров посреди реки, а инженеру Верховскому поручил

расследовать, есть ли русские в городе или ушли уже оттуда. Верховский с тремя солдатами тронулся на эту отчаянную рекогносцировку и возвратился благополучно, но с самыми печальными вестями.

— Мищенко в Ляо-Яне нет, — доложил он. — Очевидно, он только что ушёл. Ляо-Янь горит, недалеко от него слышны ружейные выстрелы и пушечная пальба...

Все теперь в отряде опустили головы. Свои были недалеко, но не было возможности обратиться к ним. Целая китайская армия оказалась между отрядами Вазовского и Мищенко.

Что было делать? На острове отряд был в сравнительной безопасности, китайцы не заметили его, но нельзя же было сидеть здесь: следовало идти... Но куда?

Вазовского озарила удачная мысль:

— Корея близка, пойдём туда!

— Я предложил бы идти по линии к Ин-Коу, — заметил Верховский. — Так, по крайней мере, выйдем к своим.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Кочеров. — До Ин-Коу везде китайцы... Они не пропустят нас.

Два голоса были против одного, решено было идти в Корею в надежде, что там примут их радушно...

Во время сидения на острове жажда нестерпимо мучила людей. На реку ходить за водой боялись: их могли заметить китайцы. Вырыли колодец и только таким образом достали мутной воды, которой кое-как утолили жажду.

Так провели пять часов в сравнительном покое и безопасности. Вдруг на берегу раздался оглушительный рёв. У всех в отряде замерло сердце.

— Китайцы... заметили! — раздался шёпот.

Китайцы, отставшие от отряда Мищенко, обнаружили убежище русских и сейчас же кинулись на них. Все нападения были отбиты, но маленькому отряду это стоило одного убитого и одного раненого.

Ночью выступили далее. Пошли берегом Тай-Цзы в надежде достичь реки Ялу и по ней уже добраться до Кореи.

Двигались тихо и старались только, чтобы китайцы не заметили их. А те будто и в самом деле не замечали уходившего отряда. Русские

ободрились. По дороге им попался китаец. Он казался таким добродушным и ласковым, что даже Валевский доверился ему и попросил указать дорогу поближе.

— Если пойдёте через гору, это сократит ваш путь, — отвечал тот. — Да и боксёров здесь нет. Нет и солдат.

Он так усиленно предлагал свои услуги провести отряд, казался настолько искренним, что ему поверили, и все пошли за ним.

Подъём на гору был очень труден. Шли по крутой дорожке. Это измучило и людей, и лошадей. Раненых приходилось нести на руках. Одно только было утешительно: китайцы, казалось, совершенно оставили их в покое. По крайней мере, китайцев нигде не было видно. На вершине горы сделали привал. Отдых восстановил силы людей. Начался спуск. Горная тропинка шла отсюда по ущелью. В середине его увидели фанзу; вдали стальной лентой извивалась река. Казаки сейчас же спустились к фанзе, думая, что она брошена, и надеясь найти там корм и воду для лошадей. За ними пошли и другие. Когда последний спускался с горы, вдруг затрещали выстрелы.

Китайцы заманили отряд в ловушку!

— Братцы, — вскрикнул Вазовский. Скорее вон отсюда, бегом, кто как может!

Можно было подумать, что панический ужас овладел этими людьми, жизнь которых теперь была на волоске. Они бежали по ущелью, стараясь поскорее вырваться из него. Китайцы, между тем, были уже на верху горы, залегли там и беспрерывно стреляли по русским. Жутко становилось беглецам в ущелье. Пули уже не свистели, а щёлкали о камни у ног — спереди, сзади, сбоку. Стали стрелять по раненым, которых было положили у фанзы. Приходилось уносить их под прикрытие огня стрелков. Те не подпускали китайцев близко. Более полуверсты пришлось идти под огнём китайцев по совершенно открытой местности. Отвечать на выстрелы было бесполезно. Китайцы залегли за камнями на вершине и были под надёжным прикрытием.

Валевский замыкал отряд. Кругом него шлёпались китайские пули, но он словно забыл о них. Хладнокровие этого молодого человека было поразительное, геройское. Вдруг словно какая-то невидимая сила опрокинула

его навзничь. Он упал и не поднялся. Один из солдатиков подбежал к нему и быстро освободил от пояса и шашки. Солдат весь задрожал, увидев на груди у командира кровавое пятно.

— Милый, что с вами? — кинулся к поручику Михаил Васильевич.

Валевский уже пришёл в себя.

— Ранен... насмерть! — прохрипел он, заклёбываясь кровью. — Револьвер... пристрелить...

Он стал шарить у пояса, отыскивая кобуру.

— Вы оставляете меня, — хрипел он. — На муки...

— Ваше благородие! — воскликнул солдат. — Да не в жизнь... сами умрём около вас...

Голос служивого дрожал, он и не замечал, что по лицу его ручьями текут слёзы...

Умиравший герой, на лицо которого «нала уже земля», то есть лицо приняло предсмертный сероватый оттенок, извивался от страшной боли, но ни один стон не вырвался из его высоко вздымавшейся груди.

Кочеров, тоже рыдавший, стоял около него на коленях.

— Стойте... друг за друга стойте!.. — тихо

говорил умиравший. — Не разлучайтесь... Помни присягу!.. Бейся с врагом насмерть и живой не сдавайся... О Господи! Кому команду? Верховского, Пилипенко, Карпова, где они?.. Сюда, ко мне!..

Он, собрав последние силы, приподнялся на локте и с тоской огляделся вокруг. Около него не было никого из тех, которых он звал. Верховский был в резерве под горой, Пилипенко бился с китайцами на правом фланге, урядник Карпов с ранеными и лошадьми находился на левом; к своему счастью, в отряде ещё и не знали о трагедии, случившейся с любимым командиром.

— Пилипенко!.. — простонал Валевский.

Кочеров бегом кинулся к правому флангу, где был старший унтер-офицер. Но он успел пробежать только несколько шагов. Что-то словно обожгло ему плечо и свалило с ног... Смельчака догнала китайская пуля...

— Бородач!.. — шептал Валевский. — На Корею идите... По линии погибнете... Пилипенко пусть ведёт... Ох, душно... задыхаюсь... Вот смерть!..

Трясущимися руками он достал из боково-

го кармана пачку денег.

— Бородач... Маме... двести рублей... ей, моей старушке... Маме... Прощай... Господи, спаси моих!..

Умиравший приподнялся.

— Слушать приказ: головы и патроны беречь... Без толку не стрелять... Прощайте!.. Мама...

Он вздрогнул, вытянулся и затих.

Смерть взяла свою жертву.

XLIV МИНОВАВШАЯ ТРЕВОГА

Анвара Алексеевна ни жива ни мертва пересела Хабаровске на поезд Уссурийской железной дороги.

Недавно ещё она проезжала по этим местам, а всё там переменилось до неузнаваемости. Хабаровск был полон войск. Казаки, стрелки, артиллеристы — все перемешались в ожидании того момента, когда их отправят вглубь Маньчжурии на новые подвиги.

Теперь уже освобождать было некого — железнодорожные отряды освободились сами и теперь шли побеждать. Говорили уже не о страхах, а о победах.

Генерал Ренненкампф со своими орлами молодецким поиском взял Мергень, шёл на

Цицикар; Ху-Лань-Чен и Ажехе, угрожавшие Харбину, были во власти русских. Везде, где только ни появлялись эти орлы, китайцы бежали в паническом ужасе.

— А вот и не везде бежали! — слышала молодая Кочерова один разговор. — Как не везде? Везде!

— А в Хай-Чене? Там орудийную прислугу стрелки переколоть решили, а китайцы шагу от орудий не сделали, смерть предпочли, а не ушли...

Взрыв хохота встретил эти слова.

— Чему смеётесь? Разве не храбрецы?

— Так как же уйти-то им было, когда они прикованы были к орудиям...

— Вот и выходит, что много шума из ничего...

Кочерова прислушивалась ко всем этим разговорам.

Хвастовства не было слышно в них. Говорили, как о самой обыкновенной вещи.

— Пожалуйста, скажите... — обратилась она к одному из спутников. — Что с мукденским отрядом?

— Поручика Валевского?

— Да... Что с ним?

— Погиб! — последовал эффектный ответ. — Впрочем, сударыня, — поправился говоривший, заметив страшную бледность молодой женщины, там кто-то спасся...

«Погиб отряд, погибли все! — вихрем пронеслось в голове у Варвары Алексеевны. — Михаил погиб... Теперь не может быть сомнения, всё кончено... Вот он, страшный удар грома. Вот когда он ударил со всей силой у меня над головой!»

Бедная молодая женщина замерла, ушла в себя... Цель путешествия — Порт-Артур — потеряла уже для неё всякое значение; ведь она направлялась туда, чтобы получить подтверждение ужасных подозрений...

А кругом только и было, что разговоров, и притом весёлых, с шутками, о совершившихся грозных событиях. Все похвалы, честь и слава побед выпадали на долю казаков.

— Молодцы, право, молодцы! — говорили в вагонах. — Смельчаки! Не только что китайцы — весь мир не устоит против них... И заметьте, это — одни только наши сибирские.

— Так-то так, а вот телеграммы: из Одессы

«железную бригаду» отправили, из Петербурга артиллеристы посланы. Как бы им с пути не пришлось вернуться...

— А и в самом деле, ни здесь, ни под Пекином делать нечего...

Поезд подходил к станции Муравьёв-Амурский в 377 верстах от Владивостока. Он перешёл через великолепный мост, перекинутый через реку Имань, миновал Графский посёлок, откуда началась постройка Уссурийской железной дороги, и шёл лесом к станционному посёлку, живописно расположившемуся вдоль рельсового пути.

Если бы только пассажиры этого поезда знали, какую тревогу вызывает в жителях посёлка их приближение.

В ночь, предшествовавшую проходу этого поезда, но Муравьёву-Амурскому вдруг разнеслась весть, приведшая всех в ужас:

Хунхузы подходят...

— Где? Откуда?

— От Владивостока!.. Сотнями так и прут...

Эту весть принёс высланный из посёлка патруль. Патрульные дошли до семафора и увидели в кустах за ним подозрительное дви-

жение. На оклики никто не ответил, но движение не Прекращалось.

— Хунхузы, решили молодцы и вернулись с этой вестью в посёлок.

Что там творилось, когда весть разнеслась по нему!

— Ратуйте, кто в Бога верует! — орала благим матом на главной улице посёлка одна казачка. — Хунхузы идут. Конец Нам приходит!

Голос у неё был зычный, но этого ей показалось мало. Она схватила мужнин револьвер и начала палить в воздух. Паника охватила всех. Жёны служащих, оглашая улицы причитаниями и плачем, похватали ребят и кое-какой домашний скарб и бросились спасаться — кто на станцию, кто в депо. Ребят тащили даже голыми, потому что перед тем их укладывали спать и совершали вечернее Омовение. Солдаты, схватив ружья, бросились бежать, сами не зная куда... Не было офицера и некому было распорядиться. Наконец всё воинство собралось в депо. Кто явился с дробовиком, кто с винтовкой, у некоторых уже оказались через плечо сумки, сшитые из женских юбок.

— Никак нельзя!.. Придётся выдерживать осаду! — объясняли они. Так для сухарей.

— Уж и осаду! — возражали скептики.

— А как же! Без осады не обойдётся... С хунхузами шутки плохи... Придётся отсиживать-ся, как в Харбине, пока не выручат!..

В депо происходила суматоха. Женщин рассаживали в вагоны и даже на паровозы. Кое-где выставили караулы. Вдруг хватились самого главного: не было с чем выдержать осаду: ни сухарей, ни патронов. Всё это осталось в селении. Несколько смельчаков вызвались сходить туда, их отпустили, страшась за их участь.

— Братцы, голубчики, вызвольте вы нас! — умоляли солдат.

— Не выдадим, будьте спокойны! — обещали те.

— А вы лягте на землю, послушайте ухом, как близко проклятые хунхузы.

Солдаты ложились, но хунхузов не было слышно...

Возвращения смельчаков из посёлка ждали с замирающим сердцем.

— Идут, идут! — раздались крики. — Ба-

тюшки! Раненые есть...

— Выстрелов-то не было слышно.

— Ничего не значит: в рукопашную схватились... Гляди-ка!.. Ах, бедняга, весь в крови.

Шествие приближалось к депо. Впереди несли ящики с сухарями, их было без числа. Потом — ящики с патронами. Среди подходивших резко выделялась одна группа. Двое из охотников волокли третьего. Бедняга, казалось, был без чувств. Голова его склонилась на плечо товарища, лицо всё было в крови.

Вошли на станцию.

— На целых двадцать дней припасы есть! — торжественно заявил один из железнодорожных агентов. — Вот я какой! Всё обдумал и захватил.

— А хунхузы?

— Не видали.

— Раненые тогда откуда же?

— Какие раненые?

— Да вот... этот...

Принявший на себя начальство отрядом охотников удивлённо взглянул в сторону, где уже укладывали бесчувственное тело, и изрёк:

— Пьян... мертвецки!

Ему не поверили:

— Кровь-то откуда же?

— Свалился с ног и разбился об рельсы!

Дальнейшие разговоры прервал свисток подходившего поезда.

— Пропустят ли хунхузы? — затревожились на станции. — Нужно предупредить...

Пусть постоит, пока солдаты не вернутся...

Против хунхузов вышел уже небольшой отряд из солдат железнодорожной охраны. Те прошли семафор, подошли к кустарнику, где патрульные заподозрили засаду хунхузов.

— Где же эти негодяи? — спрашивал командовавший отрядом у проводника.

— Здесь... за этими кустами.

Отряд пошёл смело. Командовавший им раздвинул кусты, взглянул за них и энергично плюнул.

Начинало уже светать, но, несмотря на полумрак, ясно можно было разглядеть за кустами... мирно пасшихся на лужайке лошадей и коров...

Эти-то безобидные животные и были приняты за страшных хунхузов...

Из-за них-то и была «пролита кровь», причём на память о кровопротитии бедняга, пострадавший из-за хунхузов, долго щеголял с внушительными «фонарями».

Впрочем, как ни комичен был сам по себе этот случай, он всё-таки мог продемонстрировать, что эти затерянные среди пустынь и лесов Уссурийского края люди всегда готовы дать врагу отпор.

В поезде, где была Варвара Алексеевна, много смеялись, когда узнали об этом переполохе. Только на одну Кочерову сей комический эпизод не произвёл впечатления. Она вся ушла в своё горе...

Варвара Алексеевна даже и припомнить потом не могла, как она пересела во Владивостоке на пароход, как началось бесконечно долгое путешествие по Японскому и Жёлтому морям. Пароход заходил в порты, принимал и ссаживал пассажиров, а бедная, убитая горем женщина запёрлась в своей каюте, молилась, плакала, и только одиночество несколько успокоительно действовало на её расшатанные нервы.

А на борту парохода не прекращался разго-

вор о новой русской победе.

Взят был Ин-Коу, город-крепость, до которого доходила южная ветка Великой Сибирской Магистральной.

В Ин-Коу было русское население. Как только настали тревожные дни, все, кто только мог, взялись за оружие. Были сооружены баррикады из шпал. Все железнодорожные агенты вооружились винтовками, готовые дорого продать свою жизнь окружавшим их посёлок боксёрам, собравшимся в огромном количестве.

Происходили схватки, но русским всегда удавалось отбивать нападавших, которые оставляли после себя след в виде груд трупов.

В день решительного нападения громадная толпа боксёров в своих красных поясах, красных повязках и красных же шапках смело приблизилась к баррикадам, за которыми засели добровольцы и десант со стоявшей на реке Ло-Хе лодки «Отважный».

Впереди этой толпы шёл один, шёл неустрашимо, не заботясь об опасности. Это был боксёр, в которого «вселился дух» и которого по этому случаю не брали пули.

В пятидесяти шагах от баррикад боксёры остановились, а «осенённый духом» пошёл вперёд один.

За баррикадами все притихли в ожидании, что будет далее. «Святой» смело взошёл на баррикады и схватил одного из добровольцев за винтовку.

— Взять его! Расстрелять немедленно! приказал начальник.

Приказание было тут же исполнено, и боксёрам пришлось удостовериться, что для русских пуль неуязвимых нет, даже в числе китайских святых.

Боксёры громко вопили, но никто из них не думал уходить.

— Разогнать залпом! последовало новое приказание.

Грянули ружья, завизжали пули. Тринадцать боксёров завертелись на месте и рухнули на землю. Остальные, словно за тем только и пришли, чтобы посмотреть на смерть товарищей, немедленно после залпа разбежались без оглядки.

Ждать более; не приходилось. В Ин-Коу было 8000 боксёров и 3000 правительственных

солдат.

«Отважный» стоял на реке, в заливе. Против форта, защищавшего город с моря, стоял «Гремящий». Его десанту и было поручено взятие форта.

Китайцы сами дали толчок началу предприятия. Они напали на русское консульство, и после этого медлить да раздумывать было нечего... Подан был сигнал к бомбардировке. Не прошло и часа, как китайские солдаты и боксёры оказались в железном кольце. Они стояли между городом и крепостью. С фронта и с суши их так и рвали русские пули, грозили страшные русские штыки и казацкие шашки, а сзади и сбоку на них сыпались гранаты с «Отважного» и «Гремящего», десант с которого взял даже без особого труда береговой форт.

В шесть часов пополудни русский флаг победоносно взвился над Ин-Коу. Ополоумевшие от страха китайские солдаты побросали оружие... Более 2000 китайских трупов лежали на поле битвы.

Последствия этой победы были весьма важные: путь в Маньчжурию и с юга был от-

крыт для русских... И сразу же после этого Славного дела русские орлы полетели на Мукден.

Эта битва доказала, что боксёры перестали уже верить в свою неуязвимость.

Лишь только им начинало «влетать», они сейчас же бросали все свои красные шапки, пояса, перевязи и оружие, сбрасывали свои балахоны с огромными пуговицами и превращались в самых обыкновенных манз, смиренных и подобострастных до приторности.

Дяо-Хе, река, опоясывавшая Ин-Коу, долго ещё приносила в залив тела боксёров, а когда вода сбавила, целые ряды их были видны на дне...

Эта новая победа стала самой животрепещущей темой разговора в то время, когда пароход, на котором была Кочерова, подходил к Порт-Артуру.

Вот и Порт-Артур...

Как в забытьё, сошла Варвара Алексеевна на берег, и первым её вопросом было: где спасшиеся из Мукденского отряда?

— В госпитале, кажется, они, — отвечали ей.

Не спрашивая дальше, молодая женщина поспешила в госпиталь.

— Кочеров Михаил Васильевич? — спросила она, чувствуя, что сердце её перестаёт биться; от ответа зависела теперь вся её судьба.

— В палатах... Пройдите! — последовал равнодушный кивок.

— Что он?.. Что с ним? — чуть слышно спросила молодая женщина.

— Кто же знает? Много их там... Не разберёшь... Пойдёте, узнаете сами...

Варвара Алексеевна стремглав кинулась в палаты. На пороге она остановилась и огляделась вокруг.

Вскрик радости вырвался из её измученной груди, и она с распротёртыми объятиями устремилась к койке, на которой бледный, измождённый лежал дорогой ей человек.

Рыдая, приникла она к его худой, бессильно лежавшей поверх одеяла руке. Истерические рыдания рвались из её груди, она не находила даже слов для того, чтобы выразить свою радость...

— Милая, успокойся! — услышала она ти-

хий голос мужа. — Успокойся, опасность миновала!.. Всё слава Богу! Я выздоравливаю. Мы опять будем вместе... я, ты, отец, мама... Лена, все, все... Но что нам пришлось вынести, что пришлось вытерпеть!..

Действительно, тяжёлые дни пришлось пережить горсти русских людей после смерти командира.

Валевский был душой отряда. Прямой, честный, с твёрдым, непоколебимым характером, он не щадил своей жизни для спасения вверившихся ему людей. С его смертью отлетел дух, объединявший команду, и начался разлад.

Тело героя не оставили на поругание врагам. Под градом пуль уложили дорогие останки там, где Валевского застигла роковая пуля. Рыть могилу не было времени. Тело обложили камнями и засыпали мелкими камешками. В виде надгробного залпа пустили несколько десятков пуль в китайцев и пошли вперёд... не зная, куда.

В отряде явились сразу два начальника: старший унтер-офицер Пилипенко и инженер Верховский. Последний объявил, что он

поведёт отряд по линии железной дороги на Ин-Коу, а не прежним путём.

— Это никак не возможно! — отвечал Пилипенко. — Их высокородие изволили приказать отступление на Корею.

— А я нахожу, что необходимо идти на Ин-Коу. Так и будет! — возразил Верховский.

— Не могу знать. Я должен исполнить приказание начальника! — было ответом.

Солдаты разделяли мнение Пилипенко. Унтер-офицер был теперь для них непосредственным начальником, и они считали своей обязанностью повиноваться ему. За Верховского стояли железнодорожные служащие, но не все. Верховский понял это и не возражал.

На другое утро замечено было, что инженер, а с ним семеро служащих, телеграфистка Лутовенко и трое солдат исчезли из партии. Они ушли совершенно незаметно, и только при выступлении обнаружилось их исчезновение.

— Царство им Небесное! — перекрестились в отряде, когда уже не могло быть и сомнений в отделении Верховского от отряда.

Страшно подумать, что опасения эти ис-

полнились. Пройдя несколько вёрст, Верховский разделил свой и без того ничтожный отряд на две части. Он, двое солдат и старший железнодорожный рабочий Иванюк решили пробираться к Порт-Артуру.

— Мы на день заляжем в галеоне[76], а ночью будем идти, — говорил Верховский.

Это был самый верный путь в Царство Небесное... И Верховский, и его спутники с тех пор пропали без вести, а спустя некоторое время в Ляо-Яне была выставлена голова русского инженера...

До настоящего времени не решено, Верховского ли эта голова. Чтобы удостовериться в гибели его, отправлены в Ляо-Янь его братья, однако до сих пор решительно ничего нельзя сказать положительного о судьбе этого несчастного и его спутников.

Пилипенко с 58 своими людьми пошёл путём, указанным покойным Валевским. Голодные, без запаса патронов, пробивались эти люди через скопища китайцев. На пули не обращали уже внимания. Завидев китайцев у себя на пути, не дожидаясь их нападения, кидались на них цепью, и китайцы, только за-

слышав «ура», бросались перед этими отважными львами врассыпную.

Несмотря на весь ужас положения, никто из раненых не был брошен.

Положение кучки героев улучшилось, когда на пути они встретили доброго человека китайца-фельдшера. Он, подвергая свою жизнь опасности, довёл русских до реки Ялу, откуда они беспрепятственно добрались до Ань-Дунь-Сяня. Здесь они уже были в полной безопасности...

Благополучно или почти благополучно спаслись и те семеро человек, которых бросил, отведя от главного отряда, Верховский. Они, оставшись одни, тоже решили пробраться в Корею. Шли по ночам, добывая пищу, где попало. Сбились с пути, а вызвавшийся проводить их китаец навёл спасавшихся на засаду; сам же скрылся. Дело, впрочем, ограничилось перестрелкой, но в ней была убита телеграфистка Лутенко и ранены пятеро. Счастье ещё, что незадолго до этой схватки к ним присоединились пятеро солдат, отбившихся от партии Пилипенко. Не будь этого, пришлось бы бросить раненых.

Десять суток продолжался этот путь. У самой корейской границы крошечному отряду преградили путь боксёры, немедленно атаковавшие его. Гибель была неизбежна. Но отчаяние придавало несчастным новые силы. Люди оборонялись с остервенением и, сами уже желая смерти, лезли прямо на боксёров. Те не выдержали и разбежались, оставляя ружья в руках русских храбрецов. Путь на Корею был открыт. Бегом домчались люди до границы и со слезами умиления падали на колени, лобызали землю, на которой они чувствовали себя в полной безопасности.

При одном только воспоминании о всём перенесённом в дни этого ужасного похода Михаил Васильевич дрожал, как в лихорадке.

— Всем — жизнью своею, спасением — обязаны мы Пилипенко! — восклицал он, когда рассказывал жене об ужасах пути.

— Не вспоминай, милый, не вспоминай! — уговаривала его, как ребёнка, Варвара Алексеевна. — Теперь всё прошло!

Она была права. Молодая, здоровая натура и уход любящей женщины взяли верх над страданиями. Рана, полученная Кочеровым,

была тяжёлая, но не опасная. Ужасный путь до Кореи причинил ему более вреда, чем китайская пуля. Страдания могли убить его, но теперь всё было кончено, ужасы пережиты, и Михаил Васильевич находился на пути к полному выздоровлению. Он приветливо улыбался, слушая жену.

— Как всё кончено, дорогая? — говорил он. — А отец, сестра, мама?

— Всё, всё скоро будем вместе!.. Посмотри, наши уже подходят к Пекину... Скоро они освободят всех, кто остался в этом проклятом городе...

— Да, да! Николай-то наш отличается. Слышала? Вот будет Ленушка рада... Невеста героя.

Варвара Алексеевна Кивала, но у самой в то же время болезненно сжималось сердце...

Не желая беспокоить больного, она ничего ему не сказала об исчезновении сестры. Михаил Васильевич был вполне уверен, что Лена вместе с отцом и матерью находится в Пекине.

Варваре Алексеевне только оставалось надеяться, что всё, быть может, обойдётся благо-

получно, и по освобождении брат встретит сестру.

Но надежда эта была очень, очень, очень слаба. Молодая женщина с нетерпением ждала вестей от Шатова, а вести всё не приходили...

XLV НА ПУТИ В ПЕКИН

Инченко недаром хвалился Шатову, что он до тонкости знает весь путь, по которому придётся пройти их небольшому отряду. Он уверенно вёл товарищей по совершенно незнакомой ему стране, так уверенно, как будто он родился и всю жизнь прожил здесь.

Было мгновение, когда Шатов пришёл в ужас. Когда отряд проходил мимо одного холмика, высокая трава на нём вдруг зашевелилась, и из-за неё чуть-чуть показалась красная шапка боксёра.

— Обнаружены! — воскликнул он и инстинктивно схватился за револьвер.

Зинченко, ехавший с ним бок о бок в качестве проводника, заметил его движение и лу-

каво ухмыльнулся:

— Не извольте беспокоиться, ваш-бродь! Это свой!

— У тебя все свои, — недоверчиво ответил Шатов. — Ещё нарвёшься на засаду... Кто это? Боксёр?

— Чибоюйка! Кому же другому быть!

Шатов слишком верил казаку, преданность и расторопность которого были всем известны. Будь на месте Зинченко кто-нибудь другой, Николай Иванович усомнился бы...

Раза два приостанавливался и весь отряд. Даже солдатам было ясно, что кто-то в стороне крадётся, но спокойствие командира действовало на подчинённых успокаивающе.

Совсем стемнело, когда Зинченко, вытянув своего степняка нагайкой, вдруг рванулся вперёд. Только его и видели. Он вдруг словно пропал в высокой траве, потом вынырнул и во весь опор примчался к Шатову.

— Ваш-бродь! Здесь...

— Что здесь?

— Здесь отряд будем ждть... Замеченное место. Только прикажите ребятам быть потише... чтобы не дыхнули даже... Китайцы близ-

ко.

— Где, где они?

— Извольте взглянуть, — Зинченко указал в сторону Пей-хо.

Там виднелась линия бивуачных огней.

— Они нас отсюда не ждут. С реки поджидают! — продолжал казак. — С этой стороны даже секретов не выставили, дурни!..

Шёпотом отдал Шатов необходимые распоряжения. Солдаты бесшумно залегли на землю. Казаки положили лошадей, боясь, что их фырканье встревожит врагов. Огней не разводили, даже папирос и трубок не закуривали.

Николай Иванович, кутаясь в шинель, лежал, дрожа всем телом. Важность поручения тревожила его, От его успеха зависели скорость дальнейшего движения на Пекин и в ближайшем будущем успех его отряда.

«Удастся ли? Господи, помоги! — шептал он. — Всё, всё поставлено на карту!..»

Он прислушивался, стараясь уловить хоть малейший звук тревоги в китайском лагере; но ничего не было слышно. Мертвенно-тихая ночь окутывала непроглядным мраком и друзей, и врагов.

— Ваше благородие, разрешите, — слышался рядом чей-то шёпот.

Шатов вздрогнул.

— Кто это? — воскликнул он, потянувшись за револьвером.

— Я, Зинченко... разрешения прошу...

— О чтоб тебя!.. Всполошил как!.. Какого разрешения?

— Дозвольте к длинноносым сходить, посмотреть, что там у них... Может, и языка приведу...

— Нет, нет, не смей этого! Ещё встревожишь!..

— Кто? Я-то? Да не в жизнь, ваш-бродь... Что вы, помилуйте! За кого вы меня принимаете? Дозвольте-с!

В голосе казака ясно звучали просительные потки. Шатов подумал и всё-таки решил отказать.

— Ты здесь нужен! — решительно сказал он. — Без тебя мы и до китайского лагеря не доберёмся.

— Тогда разрешите хоть за секрет выползти — с приятелями повидаться. Тут они, ждут...

— Это, пожалуй, можно! — усмехнулся Николай Иванович. — Хорошо бы, если бы ты их мне показал!..

— Невозможно, ваш-бродь, они не согласятся; говорят, русским духом потом будут пахнуть, и ежели кто настоящие кулачники, сейчас почуют... Так с вашего разрешения...

Чуть уловимый шорох — и всё стихло.

Зинченко ползком добрался до секретов и, миновав их, очутился почти перед самым лагерем китайцев. Тут он замер на месте. Прямо на него двигалась какая-то тёмная фигура.

Чи-Бо-Юй, ты? — тихо окликнул казак.

Ответа не последовало, но приблизившийся остановился, и глаза Зинченко, приглядевшиеся к темноте, различили ружьё.

«Не свой! Из лагеря! — пронеслось у него в голове с быстротою молнии. Выстрелить — переполошить! Всё погубить...»

Словно сила какая подняла казака от земли. Он оттолкнулся, прыгнул, как прыгает на добычу кошка, и первым делом схватился за ружьё врага. В одно мгновение оно было вырвано из рук, и незнакомец очутился в железных объятиях казака.

Тот даже не пикнул, ошеломлённый внезапным нападением. С покорностью азиата он уступил без борьбы. Зинченко и не думал его убивать. Напротив, он связал своему пленнику руки и потащил обратно к секретам. Но пройдя несколько шагов, он был остановлен. На этот раз перед ним были Чи-Бо-Юй и его брат.

— Оставь его! — тихо сказал казаку Чи-Бо-Юй. — Не время с ним возиться.

— Да как же оставить его, милый друг? Тревогу поднимет! — возразил казак.

— Не поднимет... Есть средство!.. Тянь-Хо-Фу, — шепнул он брату.

Тот придвинулся и быстро взмахнул рукой.

— Ты что? — воскликнул казак, но было уже поздно.

Рука молодого китайца опустилась, послышался хрип.

— Эх, как это можно! — покачал головой Зинченко. — Не в честном бою... Как у тебя, Тянь-Хо-Фу, рука поднялась?

— Всё равно... одним меньше стало, — хладнокровно ответил тот. — Иди скорее к

своим, подводи их сюда, да потише... Ваши подходят...

Вдруг Чи-Бо-Юй выпрямился и прислушался:

— Тише, тише! Сюда идут...

В темноте виднелись теперь уже не одна, а три человеческие фигуры.

— Тянь-Хо-Фу! — прошептал старший брат. — Возьми казака! Я пока отвлеку их внимание. Это из лагеря!

Он поднялся на ноги и смело пошёл навстречу поджидавшим.

Зинченко и Тянь-Хо-Фу лежали в траве, стараясь даже не дышать. Они слышали совсем близко от себя говор встретившихся. По тону чуялось, что между ними зашёл какой-то спор. Вдруг все четверо двинулись прямо на них...

Зинченко лежал ни жив ни мёртв. Не за себя он боялся, нет, в эти дни бесконечных боёв храбрый парень так привык к зрелищу смерти, так часто видел её перед собой, что никакая опасность уже не страшила его. Его пугало сейчас только то, что из-за него будет открыто присутствие отряда, и успех прекрас-

но задуманного дела окажется испорчен. Он ясно видел, как один из китайцев вдруг упал на землю с лёгким вскриком, и понял, что тот в темноте запнулся о труп несчастного соотечественника, ставшего жертвой Тянь-Хо-Фу. Ещё одно мгновение, и двое рослых китайских солдат в несколько прыжков очутились около казака. Третий и Чи-Бо-Юй остались на месте...

Зинченко молча вскочил на ноги и с обнажённой шашкой кинулся на врагов. Больше ему ничего не оставалось. Он был открыт...

Завязалась новая борьба — тихая, бесшумная... К ужасу своему, казак увидел, что китайцев уже не трое, а больше десятка... Всё пропало! Он чувствовал себя погибшим, понимал, что и дело отряда проиграно...

Отчаяние придало ему сил. Молча он рубил направо и налево, но в исходе борьбы не могло быть сомнения: где же было одному бороться против десятка?..

Тяжёлый удар — очевидно, прикладом ружья — опустился на голову смельчака. Голова Зинченко пошла кругом, ему показалось, что почва колеблется под ногами. Стиснув зубы

из опасения выдать себя криком, он повалился на землю. Почти в то же самое мгновение из китайского лагеря на берегу Пей-хо вдруг затрещали ружейные выстрелы; а затем выстрелила пушка — один раз, другой, третий...

«Наши! — подумал казак. — Помоги им, Господь!»

Это были его последние мысли. Он потерял сознание.

Действительно, авангардный отряд подошёл к тому месту на Пей-хо, где китайцы пытались устроить заслон. Они оказались достойными учениками своих учителей-немцев. Место, выбранное ими, было необыкновенно удачно. Отряд должен был проходить под огнём с трёх сторон по узкой береговой полосе. Миновать это место было для наступавших невозможно, не понеся сильных потерь; оставить заслон в тылу тоже было нельзя — это было бы опасным препятствием для отрядов, следовавших позади. Необходимо было так или иначе развязаться с засевшими здесь китайцами. Командир отряда в полной надежде на Шатова предпочёл бой.

Отчаянная перестрелка завязалась с обеих

сторон. Гремели пушки, трещали ружья. Огонь китайцев был хотя и беспорядочный, но такой сильный, что не давал русским ни малейшей возможности переправиться через Пей-хо.

— Да что же это Шатов! С ума, что ли, сошёл! — волновался командир. — Все инструкции им получены! Чего же он медлит? Уж всё ли у него благополучно там?

Шатов, отпустив Зинченко, сейчас же пожалел об этом. Он был уверен, что молодец сумеет вывернуться из всякой опасности, но против случая идти невозможно. Случайности, которую никогда нельзя предвидеть, и страшился молодой человек.

Так около часа прошло в томительном ожидании.

— Ваше благородие! выросла перед ним тёмная фигура. — Там в секрете китайца задержали... Что с ним делать? Он по-русски знает и говорит, что лично вам известен.

«Кто-нибудь из братьев. Где же Зинченко? — промелькнуло в голове у Шатова. — Что с ним?»

— Веди, веди его скорее сюда! велел пору-

чик.

В этот момент до слуха его донёлся отда- лённый гул начавшейся перестрелки.

«Наши подошли. Зинченко нет... О госпо- ди, неужели всё пропало?» с тоской подумал Шатов.

В эту минуту перед ним появились двое солдат, крепко державшие пленника.

— Вот этот самый! — объявили они.

Весь небольшой отряд уже пришёл в дви- жение; люди без приказа поднялись на ноги и даже построились.

— Ты кто? — стараясь говорить тихо, спро- сил Шатов у пленного.

— Русский командир меня знает, — слы- шался тихий ответ. — Я — сын Юнь-Ань-О, брат Уинг-Ти.

— Который? — тревожно спросил Шатов.

— Тянь-Хо-Фу!.. Пойдём за мной.

— А Зинченко?

— Не знаю... Если Чи-Бо-Юй не выручит, он умрёт... Спешите же, господин, ваши подошли...

— А ты... ты... Можно тебе верить?

— Я — русский и ненавижу убийц моего отца!.. Иди же, господин, не медли!..

Шатову не оставалось ничего другого, как только довериться этому китайцу:

— Слушай, я тебе верю. Но если ты изменишь, помни, я тебя убью...

Тянь-Хо-Фу, как показалось Николаю Ивановичу, пожал плечами:

— Мы все рождаемся для того, чтобы умереть. Мы же с братом не хотим умирать, не отомстив посланнику Дракона... Иди! Я говорю, что промедление может испортить всё дело...

Шёпотом была отдана команда, и отряд, стараясь не производить шума, тронулся вперёд.

Вот и китайский лагерь. Китайцы так увлеклись перестрелкой со стоявшими на противоположном берегу русскими, что даже не почуяли приближения отряда Шатова.

Николай Иванович, опасаясь слишком рано взяться за дело, остановился. Отряд замер на месте, ожидая приказаний командира.

Прошли несколько томительных долгих минут... Вдруг взвилась ракета и рассыпалась искрами на чёрном фоне неба. Это было сигналом, что отряд начал переправу.

«Пора!» — решил Шатов и, отдав последние инструкции, двинул своих людей на китайцев, не подозревавших близкой опасности.

Грозное «ура!» слилось с громом пушек и треском ружейных выстрелов. На мгновение всё смолкло в китайском лагере. Смятение охватило не ожидавших ничего подобного китайцев. Когда они опомнились, русские солдаты уже были среди них.

Начался штыковой бой упорный, грудь с грудью. Всё перемешалось в живом хаосе. Выстрелов уже не было слышно. Солдаты работали молча, страшно... На фланге неистово гикали казаки, кинувшиеся на противника с шашками.

Начало светать. Мрак рассеивался. На востоке занималась полоса чистого предутреннего света.

Китайцы опомнились и успели сообразить, что русских очень немного. Они кинулись на русских, забыв об отряде, переправлявшемся через реку.

Теперь отряду Шатова пришлось обороняться. Отбиваясь, солдаты разбивались на

небольшие кучки по три-четыре человека в каждой. Китайцы воспользовались этим и сплошной Массой окружили разделившихся храбрецов.

Молча, крепко стиснув зубы, солдатики стали спина к спине, и, с какой бы стороны ни кидались на них враги, везде они встречали отточенный штык. Однако такая оборона не могла продолжаться бесконечно. Как ни отчаянно храбры были смельчаки, а сопротивление оказывалось не по силам. Но в это время успел переправиться через Пей-хо главный отряд, и китайцы оказались между двух огней.

Манёвр удался вполне. Когда взошло солнце, там, где китайские тактики рассчитывали задержать русских, лежали груды трупов.

К счастью, русских среди них было не так много...

Тут же сидели на корточках ряды побросавших оружие китайских солдат. Тупое равнодушие было на их лицах.

— Шатова! Поручика Шатова ко мне! — громко приказал командир отряда.

Николай Иванович предстал перед ним в

изодранном мундире, с окровавленным лицом и левой рукой на перевязи.

— Спасибо, голубчик, спасибо! — обнял его старый полковник. — Вам мы обязаны этим молодецким делом, вам. Дорога на Ян-Цун, а затем и на Хе-Си-Во очищена. Теперь и у Пекина скоро будем. Вы ранены?..

— Так, пустое!..

— Ну, слава Богу!.. Потери сильные?

Шатов назвал число выбывших из строя в его отряде.

— А где этот молодец? Казак. Зинченко, кажется? — спросил полковник.

По лицу Николая Ивановича пробежала тень.

— Убит? — встревожился начальник.

— Не знаю... Его нигде нет... — отвечал Шатов. — Я боюсь, что он попал в плен...

— Тогда выручим, непременно выручим... Пойдёмте к вашим молодцам, нужно поблагодарить их... Герои! Орлы!

Как ни утомлены были солдаты, но командира встречали радостно. Их ответное «рады стараться» звучало как-то особенно. В нём слышалось сознание своего могущества.

Во время обхода к Шатову подошёл казачий унтер-офицер. Тихо, с оттенком грусти он сказал:

— Ваше благородие, пожалуйста к подъесаулу...

— Что с ним? Он ранен?

— Помирать изволят... Вас требуют...

Командир отряда, услышавший эти слова, поспешил вместе с Шатовым на зов умирающего.

Старик лежал, прикрытый шинелью, прямо на голой земле. Лицо его было мертвенно-бледно. Глаза закрыты, но как только подошли начальствовавшие, он сразу заметил их и попытался приподняться.

— Ничего, ничего, лежите, голубчик! — наклонился к нему полковник. — Что с вами?

— Помирать собрался... Не привёл Бог! — прохрипел раненый.

— Бог даст, поправитесь!

— Нет... Знаю я эти раны... две штыковые в живот... А дочка-то ждёт... благословение моё передайте... Пусть замуж выходит... Скажите, умер её батя, как подобает русскому солдату. Пусть не сучает... Кисетик бы...

Он зашевелился. Шатов понял его мысль и, став на колени, достал из шинели расшитый кисет.

На лице умиравшего заиграла улыбка.

— Она... дочь вышивала... Со мной в могилу положите!.. О-ох!.. Небо на меня опускается... душно... Кисет со мной... Господи! В руки Твои...

Последних слов он не договорил. Лёгкая судорога пробежала по телу, пальцы впились в землю.

— Конец! Вечная память герою! — смахивая слезу, сказал старик-командир. — Пойдёмте!..

Они прошли, опустив глаза в землю, среди окружавших своего начальника казаков, тоже смущённых и примолкнувших в эти тяжёлые мгновения...

Отряд стал на привал в ожидании следовавших за ним главных сил. Шатов, легко раненный в плечо, остался в отряде. Он, забыв об усталости, взялся за поиски Зинченко. Казак пропал бесследно. Исчез также и Тянь-Хо-Фу. Николай Иванович не знал, что и подумать об участии смельчака, которого успел по-

любить в эти тяжёлые дни. Казалось наиболее вероятным, что Зинченко попал в плен. Но к кому? Все китайцы, засевшие в лагере на берегу Пей-хо, либо попались в плен, либо погибли. Шатов терялся в догадках, но ни к какому положительному выводу о судьбе казака прийти не мог.

Между тем, со стороны Тянь-Цзиня подходили всё новые отряды союзников. Явились живые, весёлые, подвижные французские солдаты, среди которых не смолкали шутки, также обезьяноподобные японцы, важные немецкие воины, думавшие теперь только об одном, как бы им исполнить приказание: «заставить китайцев страшиться даже косо взглянуть на немца»; подошли черномазые индусы — «сикхи» — в своих белых тюрбанах... но во главе всего этого смешения племён стояли серые чудо-богатыри — наши герои-солдатики, страшные в бою и кроткие, незлобивые, когда стихал шум битвы...

В отдельной простой палатке расположился на привал командовавший всеми союзными силами генерал-лейтенант Леневиц, на долю коего выпала труднейшая из задач: не

только вести войска в бой и побеждать врагов, но и ладить со всеми союзниками, из которых каждый думал по-своему и заботился только о своих интересах...

Соединённый союзный отряд шёл на Ян-Цун, до которого не так ещё давно не смог добраться злополучный Сеймур.

В необыкновенно жаркое утро 27-го июля отряд двинулся на этот город, занятый большими силами неприятеля. Открывали наступление, как и всегда, русские с генералом Леневицем во главе. За нашими следовали французы с батареей, «сикхи», английская артиллерия, Немцы и японцы с их обозами.

Поразительно качественно была организована у японцев интендантская часть. Словно в Иеддо знали о предстоящих грозных событиях и успели заранее подготовиться на славу к этой совершенно неожиданной войне. Бог знает, откуда взялось множество японских кули; обозы оказались снабжёнными всем, что необходимо в военное время. Санитарная часть была организована, как нельзя лучше. Европейцы оказались далеко позади своих желтокожих союзников.

Отряд проходил по берегу Пей-хо.

Местность становилась живописной. Видны были китайские деревеньки, но они стояли безмолвными: люди все разбежались, покинув свои хижины, где они жили много лет, не зная ужасов войны.

Вот издали донеслись пушечные выстрелы. Это китайцы встречали подходивший авангард союзников.

— Жаркое будет дело! — говорили в отряде.

— Да, без боя китайцы Ян-Цун не сдадут...

— А овладеть им нужно... во что бы то ни стало. Это же ключ к Тянь-Цзиню и Пекину.

— Возьмём... Индусы, японцы да европейцы там уже.

— Ах, что в них во всех толку! Полковник Модль с двумя ротами 2-го полка пошёл к железнодорожному мосту... вот залог успеха.

Так и было, европейцы ещё не успели занять позиции, а полковник Модль со своими молодцами выбил китайцев из двух пригородных деревень и занял мост через Пей-хо.

Около полудня собрались против Ян-Цуна все союзные силы и стали в боевую позицию. Левый фланг заняли русские, справа стала

американская полевая артиллерия, в середине — индийские стрелки. Впереди всех в камышах засели роты 2-го полка и без усталости обстреливали китайцев.

Генерал Леневиц выехал на передовую позицию. Место было очень опасное. Китайцы словно внимания не хотели обращать на европейцев и весь огонь направили на русских. Пули, как град, шлёпались здесь. Гранаты то и дело рвались с громом и шипением, но русский генерал оставался под огнём до тех пор, пока не изучил положение стороны.

— Второй батарее занять позиции у железнодорожного моста! — приказал Леневиц. — Господ английских офицеров просить открыть огонь.

Приказание было отдано ясное, оставалось только его исполнить, но проходило время, а со стороны, занятой англичанами, не раздавалось ни одного выстрела.

— Что же это они? — заволновались вокруг генерала. — Такая медлительность только испортит всё дело.

Как раз в это время с насыпи затрещали выстрелы.

— Ну наконец-то! — вздохнули облегченно. — Молодцы, сипаи... держись теперь, китайцы!

Прошли две-три минуты.

— Да вовсе не сипаи на насыпи! — разглядели в бинокли. — Вон эти господа стоят и не чешутся.

— Не сипаи? Кто же тогда?

Внимательно изучали в бинокли насыпь.

— Наши там... Казаки!

Индийские стрелки, получив приказание, «замялись», как вежливо отметили в своё время этот факт очевидцы. Их было несколько сотен, и ни один выстрел не раздался с их стороны. Два десятка казаков, по команде своего сотника Григорьева, привлекли на себя внимание неприятеля и этим дали возможность батарее под командой полковника Соболевского занять позиции и открыть артиллерийский огонь.

Видя против себя русских, китайцы даже и сопротивляться не стали.

Едва заговорили русские пушки, они прекратили огонь и ударились в бегство вверх по Пей-хо.

Ян-Цун был очищен, и генерал Леневиц ввёл в него своих молодцов.

Вопреки всем ожиданиям, дело не было «горячим».

— Под Хе-Си-У придётся поработать, говорили в штабе русского отряда. — Там все китайские войска.

— Да, несомненно, будет дело! Не отдадут же китайцы Пекина даром! Ведь от Хе-Си-У до Тун-Джоу рукой подать.

Но китайцы ещё накануне бежали из этого городка, оставив его при первых выстрелах подходившего авангарда.

Занят был и Тун-Джоу.

Все в русском отряде только удивлялись слабому сопротивлению китайцев.

— Вот тебе и славный Тун-Фу-Сян с маньчжурами! — иронизировали в кружках офицеров. — Два боя под Бей-Таном да Ян-Цуном, и боя-то пустяшных — и мы в Пекине.

XLVI «ПЕКИНСКОЕ СИДЕНИЕ»

О семнадцать офицеров и 389 солдат да ещё 75 добровольцев[77] с самым ничтожным запасом боевых снарядов — вот силы, приготовившиеся дать отпор войскам громаднейшей в мире страны. Вот эти герои, храбро отражавшие нападения, про которые, если бы не было такого документа, как дневник Д. Д. Покатилова, можно смело было бы сказать, что они видели их во сне.

Муравьи, ничтожество по своей величине в сравнении с человеком, убивают его своими жалами, напав на него массой. Миллионы китайцев ничего не могли поделать с несколькими сотнями белых людей.

Дивные дела, чудо из чудес!

После гибели барона Кеттелера вся жизнь европейцев сосредоточилась за баррикадами, которые кое-как удалось возвести на концах Посольской улицы.

Все в эти дни растерялись, не зная, что делать, кому повиноваться.

Из последнего затруднения вывел осаждённых австрийский капитан Томанн.

— Как старший в чине, я принимаю начальство! — объявил он.

Ничего, согласились. Только по вине начальствовавшего австрияка на первых же порах чуть не попали в беду, из которой выбрались лишь по счастливой случайности.

Ни с того ни с сего Томами отдал приказ всем немедленно собираться к английскому посольству.

— Он, наверное, с ума сошёл! — пожимали плечами начальники отрядов, получив этот приказ. — Ни у кого нет ни убитых, ни раненых.

Но приказ приходилось исполнять. Чуть не бегом явились в английское посольство первыми итальянцы, австрийцы и французы. За ними пришли японцы и немцы, в которых

никто ещё не сделал ни одного выстрела. Русские и американцы, когда вся восточная сторона квартала была очищена, оказались отрезанными и тоже поспешили соединиться с остальными отрядами. Это было настоящее бегство, которое могло обратиться в страшную катастрофу. Припасы, заготовленные для продолжительной осады, погибли, здание английского посольства переполнилось до тесноты. Здесь были все женщины, дети, миссионеры: американские, английские, французские, русские, таможенные чиновники в полном составе, посланники русский, американский, бельгийский, испанский, итальянский, японский, английский, французский, со всеми детьми и все европейцы, жившие в Пекине... Собрались все в одном месте, словно желая облегчить задачу китайцам разгромить всех этих людей, столь легкомысленно выведших из терпения долготерпеливый китайский народ.

Когда всё это выяснилось, то Томанна «честью попросили» сложить с себя обязанности главного начальника.

А между тем, во всё время осады в Пекине

жил себе подобру-поздорову в своём доме некий француз Шамо и не ушёл из него, хотя в том месте, где был его дом, осада велась кита́йцами особенно настойчиво.

Впрочем, первая ночь после убийства Кеттелера проведена была довольно спокойно, были поджоги, но их удалось вовремя затушить.

В деле поджигания китайцы-боксёры показали себя виртуозами. Они поджигали — здания с таким расчётом, чтобы пламя с них могло переброситься на здания их противников. Они ухитрялись из особых насосов поливать керосином здания в посольствах и поджигали их, бросая в керосин зажжённую пачку.

Особенно сильная опасность стореть заживо угрожала европейцам в тот день, когда загорелась знаменитая китайская академия Хань-Линь-Юань, расположенная у северной стены английского посольства. Боксёры не пожалели этой сокровищницы, где были собраны труды учёных, коллекции рукописей и книг за несколько тысяч лет существования Китая, только бы спалить ненавистных им

белых дьяволов. Сильный ветер гнал пламя прямо к посольству. Пространство, не охваченное огнём, становилось всё меньше. Ужас объял осаждённых. Воды в колодцах почти не было.

— Капитан Вуль, — приказал выбранный «пекинским губернатором» английский посол Макдональд, — нужно что-нибудь сделать... Нужно, сэр! Я в этом с вами вполне согласен.

— Так сделайте!

— Но что прикажете?

Судили, рядили, обсуждали вопрос с соблюдением всех правил, какие приняты при словопрениях, и постановили пробить в стене брешь и выгнать китайцев из академии. Брешь пробили, разрушив великолепные резные деревянные колонны и величайшую святыню китайцев — таблицы с надписями предков.

Боксёры, как только увидели европейцев, сейчас же разбежались; впрочем, храбрецы под командой капитана Буля успели перестрелять «штук 15—20» из них. В библиотеке уцелели печатные доски и разные драгоцен-

ности. Остатки библиотеки были большей частью растасканы европейцами, хотя английским посланником и было запрещено трогать что-либо.

Торжествуя, с руками, полными награбленного, возвратились победители в посольство, а там уже и пожар успели погасить, так как ветер стих, и от огня Из посольских зданий пострадала только конюшня.

На другой день, 11-го июня, сгорел русско-китайский банк, и лишь только кончился пожар, началась стрельба из орудий и «бомбардировка», как её называли осаждённые.

Впрочем, это была весьма странная бомбардировка.

«Снаряды летят, видимо, издалека и высоко над нашими головами, не причиняя никакого вреда, — отмечал в своём дневнике 12-го июня Д. Д. Покатилов. После полудня происходила сильная ружейная стрельба со всех сторон во все посольства. Пули пролетали, однако, над нашими головами, изредка попадая в крыши домов, не причиняя вреда. Также безвредна оказывается возобновляющаяся время от времени канонада. Снаряды продол-

жают лететь издалека разрываясь высоко над нашими головами».

Впрочем, не всегда случалось так. В разгар бомбардировки, когда все ждали ужасов и близкой гибели, шальной гранатой, отмечал Д. Д. Покатилов в дневнике от 23-го июня, был сбит с одного из посольств флаг, причём флагшток превращён в щепы.

Из «немаловажных повреждений» достойным отметки признан очевидцем и участником осады один только сбитый шест для флага... Каковы же были другие повреждения, можно судить по этому...

Вообще, на осаждённых сыпались пули, и число их доходило до 340 в минуту. Это уже действительно был «свинцовый град», но, по странной случайности, только шальные пули находили себе жертв.

Сейчас же, как только началась осада, все европейские купцы и ремесленники захотели быть героями.

— Милостивые государыни и государи! — ораторствовал в кружке европейцев толстяк Раулинссон. — Мы осаждены врагами, которых так же много, как песчинок на дне океа-

нов, принадлежащих моей великой Британии. В такие минуты каждый должен найти свою долю трудов, поэтому я предлагаю следующее: созовём митинг, на котором обсудим вопрос об организации отряда добровольцев для защиты от этих негодяев-китайцев.

— Прекрасная мысль! — воскликнул постоянный собеседник англичанина Миллер. — Мы образуем отряд, тогда можно будет время от времени устраивать парады, и я с удовольствием во время их буду играть на моей валторне...

— Молчите, Миллер, есть дело посерьёзнее! — остановил его оратор. — А именно... Прежде всего нам необходимо избрать председателя и секретаря на предстоящем митинге. Что касается меня, то я готов трудиться для общей пользы и не откажусь, если председателем митинга выберут меня... Только должен предупредить, что в прениях я буду соблюдать строгий порядок и не могу разрешить ораторам говорить более часа...

Даже в минуты сильнейшей, как казалось всем, опасности европейские шуты не могли расстаться со своими погремушками...

Как бы то ни было, а отряд добровольцев был сформирован.

Но что это были за воины!

Добровольцы прежде всего были одинаково страшны столько же для друзей, сколько и для врагов. Для первых, пожалуй, они были даже опаснее, чем для вторых. Воины эти вместо штыков прикрепили к ружьям кухонные ножи, а так как они имели обыкновение носить ружья на плече в горизонтальном положении, то когда кто-нибудь из них внезапно поворачивался, стоявший сзади рисковал очутиться с перерезанным горлом.

— Кухонная армия! — прозвали этих воителей русские матросики и всегда как-то особенно сплёвывали, когда видели «Торнгиловских бродяг», как величали себя сами добровольцы.

Воинственные наклонности проявили даже отцы-миссионеры, из-за которых и началась вся эта печальная история.

— О, я готов быть полезным и прошу зачислить меня в отряд! — воскликнул один из патеров. — Вы увидите, что я пригожусь, только...

— Что только?..

— Только я могу стоять на карауле лишь днём... Я очень близорук и ночью ничего не вижу... Могу подпустить неприятеля или наделать переполоха...

— А ружьё вы, отче, умеете держать?

— Ружьё? Нет! Проповеди я говорить умею, но ружья никогда в руки не брал.

Рвение отца-миссионера похвалили, но от услуг его отказались.

С другой стороны, большим неудобством было разноязычие.

Английский офицер, обходя караулы и будучи уверен, что один из важнейших пунктов занимают французы, крикнул, стараясь как можно лучше произносить по-французски:

— Sentinelle!

Ответа не последовало. Офицер повторил восклицание, придав произношению парижский акцент, и услышал ответ по-английски:

— Какого лысого горланит этот проклятый иностранец... Что ему нужно здесь?..

Вышло историческое «своя своих не познаша», и если не «побита», то уже только потому, что не до того было.

Едва только начинался пожар и люди кидались тушить пламя, среди них появлялся человек в чёрном одеянии миссионера. Люди работали, отстаивая постройки, а он читал им красноречивые проповеди на тексты из Библии, вовсе не соответствовавшие положению. Мало кто понимал его, но всё-таки невольно проповедника слушали и отвлекались от дела.

Это был сумасшедший миссионер Нейстгауз, страдавший, кроме мании говорить проповеди, ещё манией преследования. Вначале он был тих, но потом стал буйствовать. Лишился рассудка он не во время осады, и можно представить себе такого проповедника среди китайских простолюдинов. Когда буйные припадки несчастного усилились, его посадили под замок. Однако он нашёл возможность удрать к китайцам...

Беднягу заранее оплакивали. Все были убеждены, что ему не миновать страшных мук. Нейстгауз, очутившись в китайцев, не только был ласково принят ими, но даже досыта накормлен и напоен, и после китайским властям пришлось чуть не силой отправлять

его к соотечественникам.

Вообще отношение китайцев к осаждённым представляется в высшей степени странным.

С утра начиналась бомбардировка, стреляли, не причиняя вреда, крупновские пушки, потом всё стихало; затем приносили письма от «князя Цина и прочих». В письмах предлагалось европейцам сперва перейти в здание цунг-ли-яменя, где бы правительство могло принять на себя охрану от озлобленного против них народа; после этого предлагалось доставить всех, кто ни был в посольствах, в Тянь-Цзинь; присылались фрукты, вода... оказывались всевозможные в подобном положении любезности.

Был даже такой случай...

Постреляли-постреляли китайцы из пушек да ружей, а потом явились к баррикадам для «дружеской беседы». Началось то, что по-русски называется «тары-бары-растабары». Китайцы добродушно посмеивались, и вот в одну из таких бесед они пригласили молодого француза Пельо в гости «чайку попить».

Французик был прислан сюда из Тонкина

для изучения Китая и несколько знал языки страны. Недолго думая, он решил не упускать такого прекрасного случая для наблюдения, принял радушное приглашение и полез через баррикады.

— M-eur Pelliot, куда вы? — закричал ему командовавший французским отрядом. — Нельзя, назад! Вы погибнете...

— И не подумаю! — отвечал Пельо. — Со мной обращаются ласково, приглашают радушно. Часа через полтора вернусь...

— Я приказываю вам назад! — закричал командир.

Пельо только рукой махнул ему в ответ и преспокойно отправился с китайцами в улицы Пекина.

Бледный, дрожащий командир отряда сообщил по начальству об этом случае.

— Да как же вы выпустили этого сумасброда! — накинулся на него главный начальник французского десанта.

— Но помилуйте, не мог же я стрелять в него! — оправдывался тот.

— Его немедленно замучают, и это будет на вашей совести...

Всех взволновало это происшествие. Обсуждали уже вопрос, как бы выручить бедного молодого человека, но так как обсуждение по существу и в деталях продолжалось битых два часа, то решили, что Пельо уже погиб и выручать его нечего...

Так и похоронили совсем молодца, когда вдруг со стороны заграждений пронеслась весть:

— Пельо здоров и невредим... назад идёт!

В самом деле, француз целёхоньким возвращался из своей прогулки по Пекину. Мало того, у него руки были полны всевозможными фруктами, которые с французской любезностью он поспешил предложить дамам.

Он был в несказанном восторге от приёма.

Оказалось, что его встречали с почестями, отвезли к какому-то (он не мог назвать имени) мандарину, там его угощали чаем, печеньем, фруктами, последних даже с собой надавали... Так радовался Пельо своему визиту, что, казалось, готов был снова полезть за баррикаду к такому врагу...

Дамы тоже были довольны тем, что молодой человек не забыл их. Они очень мило

благодарили французика за память.

Вообще дамы, которым пришлось разделить осаду со своими супругами, к великому удивлению, оказались очень недурными хозяйками. Всегда в изящных изысканных туалетах, милые, грациозные, они даже находили время заглянуть на кухню, распечь поваров за дурное приготовление кушаний; за завтраком и обедом они с салонной изящностью разливали по тарелкам суп, раскладывали мясные кушанья. Чай они предлагали с такой милой услужливостью и с приветливостью, что невольно в их салонах забывались и свинцовый град, и лопавшиеся временами над головами осаждённых гранаты.

Мало того, эти милые бедняжки решились ради переживаемого времени на жертву почти невыносимую. Для баррикад понадобились ограждения, а для тех — мешки. Прелестные участницы осады снизошли до того, что нашили для укрепления баррикад мешков... из шёлка, атласа, гардин, ковров, награбленных европейцами в соседнем дворце принца Су. Драгоценные шёлковые ткани, подарки бесчисленных богдыханов, сохраняв-

шиеся целые столетия, как святые, под их нежными пальчиками быстро превращались в мешки, которыми укреплялись баррикады... Вряд ли когда-нибудь от Сотворения мира возводились во время войн такие укрепления... Баррикады в яркий солнечный день казались красивой театральной декорацией — так они пестрели всеми цветами радуги... Очевидцы отмечали с восторгом это сказочное великолепие.

Но несмотря на всё это, у русских — господ Покатилова, Попова — невольно зарождалась тревога. Дни шли за днями, а никакие вести извне к ним не доходили. Они не стояли за суммой, только бы подать о себе весть в Тянь-Цзинь, где, как они предполагали, должны были находиться европейские войска.

О том, что войска в Тянь-Цзине, осаждённые узнали от князя Цина, подписывавшегося на своих письмах к посланникам «князь Цин и прочие». Цин уведомлял посланников, что взятие Таку без предварительного объявления войны и последовавший на тех же основаниях поход на Тянь-Цзинь вынудили китайское правительство поднять оружие; Цин

указывал, что до того времени против европейцев озлобились одни только боксёры и чернь, но осаждённые ничему этому не хотели верить. Мало того, прекращение бомбардировки, «перемирие», как они называли любезности, оказываемые им со стороны китайцев, все они считали опасением за будущее и вообще за предзнаменования близкого появления европейских войск в Пекине. Уверенность эта дошла до того, что на митингах был возбуждён вопрос об отливке медали в память осады, причём в виде надписи на этой медали предлагалось библейское «Мани Тэ-кел-Фарес».

— Самая подходящая к случаю надпись! — восклицал мистер Раулинссон. — Разве не подходит в настоящее время Китай на царство Валтасара?

Этот вопрос обсуждался очень горячо. Ораторы даже забыли лаун-теннис, в который имели обыкновение потратить время от времени. Целые фонтаны красноречия изливались по сему поводу. На колокольной башне даже было вывешено объявление, и вопрос о медали явился самой жгучей темой бесед в эти

дни.

Впрочем, были люди прозорливые, занятые вопросами более насущной необходимости. Приходилось думать, как удастся разместиться в Пекине, когда придут войска. Наиболее предусмотрительные с высоты стены начали уже приглядывать здания для своих квартир, а некоторые даже находили, что для этой цели с большим удобством может служить святая святых Китая — дворец богдыхана.

Одно время среди осаждённых был героем дня русский казак Бичуев. На него даже негодовали все эти европейцы, для которых русский человек представлялся чуть ли не чем-то вроде китайца.

Незадолго перед тем один из пекинских купцов Имбек отдал молодцам весь свой магазин, который легко мог подвергнуться разграблению со стороны китайцев. Матросы и казаки не замедлили воспользоваться удачным случаем и все из магазина перетаскали в посольство, поделившись своей добычей с американцами. Пошёл пир горой. Целые дни рекой лилось шампанское. Пили на славу из

всех бутылок, не упустили случая выпить и Гуни-ади-Янос[78], которое, впрочем, «никому не поправилось». В запасах магазина был и стрихнин. Бичуев припрятал его на всякий случай, хотя всем было разъяснено, что это — страшнейший яд.

Вдруг Бичуев захворал лихорадкой. Доктор прописал ему хинин. Попробовал молодец назначенный приём — ничего, помогло. Вот он и решил своим сибирским задним умом, что если «малость» помогает, то взять и проглотить этого порошку побольше — всю хворость как рукой снимет и тогда можно будет вернуться к своему посту. Взял да и прибавил к хинину из своей баночки стрихнина. Конечно, сейчас же обморок, потеря сознания... Этот печальный случай сейчас же стал известным. Заохали, заохали, на Бичуева посыпались упрёки.

— Умрёт, непременно умрёт! — обсуждали этот вопрос. — Такой приём смертелен...

— Но это ужасно! Нас так мало, каждый человек дорог, и вдруг приходится терять одного из защитников...

Бичуевым интересовались, негодовали,

жалели, ждали с минуты на минуту его кончины.

Сибиряк взял да и выздоровел. Русскому желудку и страшный яд нипочём оказался...

Господа европейцы даже в ужас пришли.

По их требованию, Бичуева даже показывали им, и они рассматривали его, как какого-то дикого зверя.

— Варвар! Дикарь! Кто бы в Европе остался жив после такого приёма! Европейская лошадь не выдержала бы. Всякий умер бы! Вот что значит быть культурным человеком, а подобным варварам и яд нипочём. Грубая натура!

Так толковали культурные европейцы, а Бичуев нисколько не чувствовал себя хуже от того, что его сибирский желудок оказался лужёным... Пожалуй, он даже судьбу свою благословлял за то, что оказался не европейской, а грубой русской натурой.

Однако смертных случаев было немного. Как-никак, а китайцы не упускали случая попалить из крупновских пушек по «осаждённым». Вероятно, им самим пушечный гром доставлял немалое удовольствие и развлече-

ние. Снаряды так и сыпались и рвались, но когда бомбардировка усиливалась, из императорского города взвивались ракеты, и всё разом прекращалось — китайские «тигры» моментально становились ягнятами.

Всё-таки убитые и раненые были.

Умирили русские и от дизентерии. Слишком часто приходилось им занимать караулы по ночам в траншеях. Днём стояла необыкновенная нестерпимая жара, ночью земля невозможно охлаждалась. На долю же русских выпадали ночные караулы. И мёрли бедные русские матросики, охраняя спавших в тёплых постелях господ европейцев, мёрли тихо, без жалоб и ропота на свою судьбу, с одной только уверенностью, что души их и после смерти не останутся без поминовения. Не ошибались они. Под градом шрапнелей, рвавшихся в воздухе, под пулями, сыпавшимися с трёх сторон, совершал настоятель русской православной миссии архимандрит Иннокентий панихиды «по новопреставленным рабам Божьим». Трогательное зрелище, величественное зрелище эти панихиды представляли. В дни мести звучали кроткие моления к

Господу любви и благодати о существах, жизнью плативших за преступления совершенно чужих им. людей, вызвавших сей ужасный взрыв злобы в миролюбивом народе...

Китайское правительство через князя Цина ежедневно поддерживало сношение с осаждёнными. Вряд ли бы где в самом, культурном центре Европы было выказано столько внимания, столько деликатности к озлобленным врагам, сколько выказывало китайское правительство к «пекинским сидельцам». На них ничего не действовало. С каждым днём они становились всё заносчивее и требовательнее. На Пекин уже смотрели, как на свою будущую добычу...

Уходить никто не хотел. Тонко всё было рассчитано у представителей культурной Европы. Знали все эти Раулинссоны, Миллеры и пр. и пр. к чему приведёт их «отсидживание». Если бы их всех посадили в поезд, если бы выстроились войска шпалерами для их охраны, они бы и тогда не ушли. Ибо не было бы повода к разграблению этой столицы, где тысячами накапливались бесчисленные богатства!

Вот доказательство.

Желание дать в Тянь-Цзине известие о положении, казавшемся отчаянным, и получить оттуда хоть какую-нибудь весточку о том, что делается там, дошло до того, что директор русско-китайского банка Д. Д. Покатилов предложил 10 000 лап[79]. Сумма огромная — целое состояние. Конечно, нашёлся и охотник — китаец, слуга одного бельгийского инженера. Всё устраивалось, таким образом. Вдруг — совершенно неожиданное препятствие. Китаец был католиком. Не мог же он признаться в этом боксёрам или хотя бы китайским солдатам, если бы они начали опрашивать сто при проходе из Пекина! Если Париж, по отзыву Генриха II, стоил когда-то обедни, то и спасение нескольких тысяч погибавших (тогда в этом были уверены все) людей стоило невинной преднамеренной лжи, вынужденной грозными обстоятельствами. Китаец, конечно, и не задумался бы над этим вопросом, совершенно верно соображая, что дело вовсе не во внешности лжи, а в той цели, ради которой она должна быть произнесена. Но об этом узнали его духовные отцы... Ка-

кой шум поднялся между ними! Они накиннулись на беднягу с упрёками, от которых тот не знал, куда деваться. Его пугали всевозможными ужасами, ожидающими его в аду, если он только осмелится сказать, что он не «овца римского стада». Пламенные речи гремели из уст строгих ревнителей римского благочестия. Напрасны были все доводы лиц, отправлявших этого гонца. Патеры стояли на своём: Рим погиб бы от того, что какой-то бедняга-китаец, рисковавший своей жизнью, сказал бы, что он не принадлежит к числу возмущивших народ существ. Так патеры и не дали своего разрешения. Но китаец оказался умницей. Он презрел все запугивания и преспокойно пошёл без разрешения патеров...

Щедрость господина Покатилова вызвала среди европейцев всеобщее изумление. Два иностранных посланника при встрече с одним из служащих русско-китайского банка господином Поповым сказали:

— Однако вы, господин Попов, должно быть, очень богаты, когда предлагаете гонцу за путешествие в Тянь-Цзинь и обратно[80] такое громадное вознаграждение!

— Во-первых, — отвечал Попов, — это предложение исходит от русско-китайского банка, а во-вторых, я полагаю, что несколько тысяч человеческих жизней стоят дороже этих денег!

Европейские дипломаты никак не могли додуматься до такой простой вещи, на какую указал им собеседник...

Вообще, бестактнее нельзя было себя вести.

В английском посольстве и в прилегающем к нему парке при дворце принца Фу, где помещены были китайцы — католики и протестанты, — отсиживались не все европейцы, оставшиеся в Пекине при начале беспорядков. Несколько десятков их под командой капитана Анри, как уже упоминалось, засели в 15 католическом соборе Бей-Тан, где всё оказалось приготовлено к осаде заранее. Вместе с европейцами — французами и итальянцами там укрылись несколько сотен китайцев. В течение месяца эта горсть храбрецов отбивалась не только от боксёров, но и от лучших войск китайцев — маньчжурских полков Тун-Фу-Сяна, будто бы ходивших не раз на штурм

и постоянно отбиваемых[81].

Однажды со стены защитники собора увидели на площади такое зрелище... Регулярные войска китайцев стройными рядами приходили на площадь и выстраивались, группируясь вокруг знамён. Явилась кавалерия, пушки. Во всяком другом положении видевшие такое зрелище сказали бы, что это не что иное, как парад, но тут все в Бей-Тане решили, что готовится новый штурм. Герои договорились дорого продать свою жизнь и ожидали только момента, когда десятки тысяч врагов кинутся на стены, чтобы смять смельчаков. Но время шло, а китайцы стояли спокойно, даже и внимания не обращая на собор. Вдруг откуда-то издали раздались звуки трубы. Ряды солдат заволновались на мгновение, слышались команды, и затем все полки так и замерли. С небольшого холма, возвышавшегося над соседними постройками, раздалась торжественная музыка, что предвещало приближение императорского двора.

— Неужели они осмелятся приблизиться к нам? — изумлялись на стене собора.

— О, будьте спокойны! — лихо подкручи-

вая ус, воскликнул начальник отряда Анри. — Я сумею встретить их достойным образом.

Музыка раздавалась всё ближе. Показалось величественное шествие. Чёрные китайские драгуны с жёлтыми знамёнами открывали его. За ними — зонтики, знамёна и паланкины. Далее видна была многочисленная свита, в которой блестели расшитые золотом одежды принцев и высших придворных мандаринов.

— Тце-Хси! Императрица! Это её шествие! — пронеслось по бейтанской стене. — Она. И все принцы крови с нею...

— А вот мы сейчас увидим, что за кровь у этих принцев! — вскричал Анри и скомандовал: — Стрелки, сюда!..

Двенадцать стрелков по знаку своего командира выдвинулись вперёд и, чтобы ловчее прицелиться, стали на одно колено.

— В закрытом наглухо паланкине — император! — предупредили пылкого француза.

— А тем лучше! — воскликнул он. — Целься!..

Но, к великому счастью, в тот момент, когда Анри уже готов был отдать последнюю ко-

манду, кто-то схватил его сзади за руку.

— Остановитесь, безумец! — услышал он голос, в котором ясно выражался ужас. — Что вы задумали?.. Первый выстрел — это наша смерть!

Анри обернулся. Перед ним стоял взволнованный, дрожащий глава католической миссии епископ Фавье.

— А, это вы, святой отец! По долгу христианина жалеете этих негодников? — усмехнулся Анри.

— Вовсе нет! Я жалею себя, вас, всех нас. Китайцы — трусы. Но если бы, не говоря уже об императрице, хоть одна пуля попала в принца крови, всеми этими людьми овладело бы фанатическое бешенство, и они были бы способны на всё. Слышите, молодой человек?.. На всё! И не только они, эти солдаты, но даже наши друзья — китайцы-христиане — и те кинулись бы на нас... Вот что наделал бы ваш залп.

Анри, слушая эту речь, презрительно пожимал плечами, но в душе не мог не согласиться с доводами Фавье, прожившего более тридцати лет в Китае и прекрасно изучивше-

го этот народ...

Таково в общих чертах было это «беспримерное пекинское сидение».

А из-за героев этого сидения лилась не реками даже, а целыми морями кровь человеческая, приносились жертвы, которые непосильным бременем легли на плечи и без того обездоленных тружеников. Из-за них погибла разграбленная высококультурными сынами Европы древнейшая в мире столица, из-за них бесконечно увеличилось число вдов и сирот, из-за них и теперь ещё льются горячие слёзы во всех уголках мира.

XLVII ОТШЕЛЬНИЦЫ

О Елены, продолжавшей жить в роскошном Павильоне императорского дворца, почти не доходил шум свершавшихся вокруг грозных событий. Она слышала гром пушек, сперва пугалась этого, но потом попривыкла и перестала даже обращать внимание на канонаду.

Если бы кто теперь увидел эту девушку, то вряд ли признал бы в ней чистокровную сибирячку. Елена казалась настоящей китаянкой. Она не могла обижаться на своих хозяев. О ней заботились, как о самой дорогой гостье. Всё, что бы ни пожелала она, являлось немедленно; иногда её желания даже словно предугадывались...

Людей Елена вообще видела очень мало. Павильон, отведённый для неё и Уинг-Ти, стоял уединённо, вдали от дворца, среди тенистого парка. Вблизи его стоял домик садовника Чу, почтенного старика, отца тринадцати дочерей и деда множества внучек. Елена, когда гуляла в парке, часто видела этих хорошеньких девушек, всегда весёлых, приветливых, необыкновенно деликатных. Она любила заходить к Чу, всё своё свободное время проводившего за чтением старинных книг и отрывавшегося от них только для того, чтобы полюбоваться на резвящихся дочерей. Старушка жена Чу вполне разделяла любовь мужа к молоденьким созданиям, и Елена, глядя на стариков, всегда вспоминала своих отца и мать. Кроме старика-садовника, его жены и дочерей, никто из дворца не заглядывал в эту часть парка.

Иногда до Лены доносились звуки гонгов, музыка и говор, но это бывало крайне редко. Чаще всего ей приходилось коротать время с Уинг-Ти, ставшей для Лены скорее подругой, чем служанкой.

Девушки сдружились, у них нашлись об-

щие интересы, обеих их волновало одно чувство. Одна не могла вспомнить без волнения жениха, другая — вся пылала смущением, когда почему-либо вспоминала имя удалого сибирского казака.

Если и страдала Лена, то только от разлуки с родными. Вань-Цзы, время от времени навещавший затворниц, Приносил ей успокоительные вести об отце и матери, но о Шатове он сам ничего решительно не знал. Не имел, конечно, он никаких сведений и о брате Лены, и о Варваре Алексеевне.

Только эта неизвестность заставляла тяжело страдать девушку. Она не раз просила Вань-Цзы, чтобы он отвёл её к родителям.

— Это невозможно теперь, Елена! — говорил в ответ китаец. — Даже я не могу проникать к европейцам... Надо ждать терпеливо!..

— Долго ждать, милый Вань-Цзы?

Подождите ещё немного. Скоро всё кончится...

— Вы думаете?

— Да, Елена, скоро... Через несколько дней придут в Пекин ваши, за ними явятся все европейцы, вы очутитесь между друзьями. Бу-

дете опять счастливы...

В голосе Вань-Цзы звучала тяжёлая сердечная тоска. По всему было понятно, какая мука терзала душу этого умного доброго китаецца.

— Да, скоро придут сюда европейцы... — он ещё раз и с грустью осмотрелся вокруг, словно прощаясь с этим тихим уголком.

— Вань-Цзы, что с вами? — воскликнула Лена, тревожась за своего друга.

— Ничего... Ничего!

— Нет, вы что-то от меня скрываете.

Вань-Цзы схватился за голову:

— Вы правы, Елена, упрекая меня в неискренности, правы. Сердце моё до боли сжимается, голова кружится, душа полна самых мрачных предчувствий...

— Чего вы боитесь, мой друг?

— Того, что произойдёт здесь через несколько дней... Бедный Пекин, бедный страдалец-парод!..

Теперь Лена возмутилась:

— Слушайте, Вань-Цзы, вы — хороший, умный человек! Вы почти не китаец, а скорее европеец. А между тем, я только и слышу от вас, что европейцы явятся сюда со злобой,

разорят вашу страну... Что вы? Разве они разбойники? Разве они грабители с большой дороги?.. Нет, мой друг, европейцы — хорошие христиане... Христос заповедовал им любовь к врагам, и, поверьте, они, если сюда придут, то придут, несмотря на всё, что случилось, не с проклятиями, не со злобой а с кроткой любовью и прощением.

Новая грустная улыбка скользнула по губам Вань-Цзы.

— Вы уверены в этом, Елена?

— Да, да! Иначе и не может быть!

— Так слушайте... Слушайте внимательно, но прежде всего ответьте мне. Искренно...

— Хорошо, спрашивайте.

— Скажите мне, что вы думаете о нас, китайцах? Чем мы Представляемся вам?

— Я не понимаю вашего вопроса... Я ничего не знаю, кроме вас. Вы же видите мне человеком вполне достойным. Только опять скажу: вы — почти не китаец!

— Пусть так. Но китайцы разве не были предупредительно вежливы относительно вас? Можете ли вы пожаловаться, что вам причинили малейшее зло?

— Нет, нет, никогда!

— К вам сюда иногда заходит Синь-Хо. Знаете, его все даже у нас называют свирепым человеком. Такова репутация «сына Дракона». Что вы про него скажете?

— Мне он кажется не только не свирепым, но даже добродушным человеком. Но вот Уинг-Ти...

— Она, эта бедная девочка, вспоминает об отце... Печальна её участь. Но когда рубят дерево, то удаляют мешающие сучки, и никто не винит за это дровосека... Вы же называете Синь-Хо добродушным, а между тем, от одного его взгляда дрожат десятки тысяч людей. Вы даже видели величайшего патриота Китая — принца Туана. Показался ли он вам зверем?

— Да нет же, Вань-Цзы!

— Вы видели Тце-Хси, великую императрицу, замечательнейшую из женщин истекающего времени. Что она... кровожадная злодейка?

— Никогда! Она была так добра ко мне!

— Вот! Теперь...

— Позвольте, Вань-Цзы! — перебила его

Елена. — Вы, конечно, любите свою родину и поэтому защищаете её правителей, но не забывайте, что мне Пришлось быть свидетельницей ужасов на улицах Пекина после бегства из вашего дома. Ах, Вань-Цзы, что было там!.. Эти расправы ваших фанатиков с их же братьями-земляками... и только за то, что они стали веровать по-другому! Это — изуверство. Это — стыд для целого народа.

— Они оставили веру предков и ради корыстных видов променяли её на другую... И вы ставите в вину целому народу, может быть и жестокою, по вынужденную обстоятельствами расправу.

— Да, да, это — позор!

— А Варфоломеевская ночь во Франции? А костры и тюрьмы инквизиции в Испании, а... Э, да что говорить!.. Это разве украшения народов? Братья убивали братьев только за изменение обряда, а не сущности... Что вы на это скажете?

— Это всё было очень давно, — смутилась девушка.

— Всё-таки было, а в Китае этого ещё не бывало... Явились европейцы, и народ зара-

зился их нетерпимостью.

— Послушайте, Вань-Цзы, — даже несколько рассердилась Елена. — Вы тоже великий патриот, это несомненно. Патриотизм заставляет вас закрывать глаза на всё, что ни делают дурного ваши соотечественники. Вы страстны...

— В чём, Елена?

— А эти осаждённые в английском, посольстве... Бедные, бедные! Какой ужас должны переживать они... Каждое мгновение жить под страхом смерти! Это так ужасно, что одни эти опасения должны измучить их вконец...

— Знаете что! — по-особенному подчёркивая каждое слово, произнёс Вань-Цзы. — Кто каждое мгновение живёт под страхом смерти, тому не до веселья. А если бы то было возможно, я провёл бы вас послушать, какие концерты задают ваши «осаждённые»...

— Этого быть не может! Вы не посмеете отрицать, что по несчастным осаждённым ведётся непрерывная стрельба...

— Из никуда не годных, проржавленных ружей, более опасных для стреляющего, чем для того, в кого стреляют...

— Но есть же убитые и раненые.

— Есть... Из десятков тысяч пуль одна какая-нибудь случайно попадает в цель.

— Но зачем же тогда вся эта комедия?

— Она вполне понятна... Да что вы! Неужели вы думаете, что по одному только знаку из этого дворца не были бы взяты прямо голыми руками все засевшие в английском посольстве европейцы? У принца Туана нашлось бы по тысяче людей на каждого из них. Они убили бы из своих ружей одну, две, три, десять тысяч китайцев, но остальные всё-таки добрались бы до них. Если же этого не случилось, стало быть, не было отдано приказания, а не было приказания — не было и намерения уничтожить эту горсточку людей. Наоборот, их берегли, в пределах возможности, конечно. Погиб, правда, один из них. Но он стал жертвой своего упрямства. Кого же винить в его гибели? Не солдата ли, только исполнившего приказание своего начальства?.. Итак, смею вас, Елена, уверить, все представители Европы, оставшиеся в Пекине, живы. Ни один волос не упал с их головы. Они играют в лауи-теннис, поют свои песни и гимны и

упражняются в стрельбе по тем из моих земляков, которые неосторожно подходят к их баррикадам. А тем временем газеты полны описаниями тех мук, которые европейцам пришлось вынести перед их мнимой смертью. Читаешь и удивляешься: когда же это было? «Кровавая баня в Пекине» подробно описана. И варили-то этих несчастных в котлах, и глаза-то у них вырывали, и побросали мучиться перед смертью с отрубленными руками и ногами... И это всё понаделали мы — тихие, незлобивые люди. В Лондоне уже панихиды по «мученикам» назначали. Послушали бы вы, как эти «мученики» каждый вечер распевают! Удивительно, как они ещё танцевальных вечеров не устраивают! А на мою бедную Родину вся Европа двинулась. И какая Европа! Трусливая, жадная, только о наживе и думающая... Знаете ли вы, что солдатам одной из европейских держав приказано убивать всех китайцев без разбора, не беря никого в плен, приказано действовать так, чтобы и через тысячу лет ни один китаец не осмелился косо взглянуть на подданного этой державы, приказано, чтобы за каждого убито-

го был снесён с лица земли китайский город! Что? Хорошо! А вы ещё говорите, что Европа идёт к нам с прощением да братской любовью... Любовь!..

Вань-Цзы хрипло засмеялся.

— Тогда отчего же императрица ваша не отпустит европейцев из Пекина? — спросила Елена.

Она чувствовала себя очень неловко. Она верила Вань-Цзы, которого всегда считала человеком правдивым.

— Отчего она их не отпустит? Да оттого, что они сами уходить не хотят. Их просили, просят, чуть не умоляют: «Уходите, пожалуйста». Первые люди государства гарантируют им безопасность, их пугают пальбою, но они не уходят и не уйдут... О, у них расчёт верный! Надоело вашей Европе рвать мою бедную страну по кусочкам, вот они и решили прихватить всё разом. У англичан есть Индия, у немцев будет Китай. Вот зачем понадобилось раздражить народ. Воспользовались вспышкой, возможной всюду, и под предлогом спасения якобы несчастных мучеников идут сюда, чтобы завладеть страной. Не долго ждать,

увидите сами, что будет здесь, когда придёт Европа. Она, эта Европа, не постыдилась неистовствовать в лучшем городе вашей страны, когда пришла туда. Вспомните Москву... ваш двенадцатый год... Так вы, русские, соседи Европы, вы — такие же христиане, как и все, кто живёт за вашей европейской границей. С вами Европа не церемонилась, а чего ждать от неё Пекину, столице «языческой» страны?..

— Нет, никогда этого не будет! — страстно воскликнула Елена. — Никогда русские люди не опозорят себя.

— Я ничего и не говорю про ваших соотечественников. Я говорю про Европу...

— Но Россия — и она Европа...

— Никогда! Россия — это Россия... Это славянство, если хотите, но не Европа, жалкая, наглая, беспощадная, беспринципная... Вы, русские, стоите особняком, и Европа — это первый и самый злой ваш враг...

Слова Вань-Цзы оставляли ужас в душе девушки. Она не хотела, не осмеливалась ему верить и в то же время чувствовала, что молодой китаец легко может оказаться пра-

ВЫМ...

Одна только мысль о возможности этого доводила Елену до слёз. Она переставала думать о близких, об их судьбе, перебирала всё, что только помнила из истории, и всегда с ужасом убеждалась, что Вань-Цзы легко может оказаться пророком.

Но не было возможности разрешить все эти сомнения. Оставалось только ждать, чтобы ворота Пекина открылись перед европейцами.

И ждать Елене пришлось недолго...

XLVIII ПОД СТЕНАМИ ПЕКИНА

Ун-Джоу, хорошенький городок, весь утопающий в бесчисленных садах и рощах. Простоявшие многие века двадцатифутовые стены с древними башнями и бойницами окружают его со всех сторон. Внутри он пересечён каналами и прудами, через которые перекинуты причудливой формы мостики. Главная улица очень красива. По обеим сторонам её двухэтажные магазины, с украшенными золотом и ярко расцвеченными красками фасадами. Везде фонари, флаги, столбы, пестреющие всевозможных цветов плакатами.

На всех улицах городка необычайное оживление. Прислушаться — можно подумать, что приходит последний день вавилон-

ского столпотворения. Говор на всех языках. Французы, англичане, немцы тарабарят, не умолкая ни на минуту. Слышится то понижающаяся, то повышающаяся в тоне китайская речь, плавный говор индусов, лепетание японцев, а нет-нет да и зазвенит русская молодецкая песня.

Оживлён Тун-Джоу потому, что в нём сошлись 30-го июля, после десятидневного похода из Тянь-Цзиня, все отряды соединённых под командованием генерала Леневица союзных войск.

На всех лицах радость.

Ещё бы! Близок к концу тяжёлый поход. Цель почти что достигнута. Ещё один переход — и все союзники будут в Пекине.

При одной только мысли о Пекине у многих в отряде замирало сердце.

Что они найдут там, какие ужасы заставят содрогнуться этих уже видавших всякое людей?

В последнее время стали говорить, что все пекинские европейцы живы и здоровы. Но не из пальца же высасывались совсем ещё недавние вести об их мучительной смерти?

Чему же верить?..

Близился день, когда загадка должна была разрешиться.

У генерала Леневи́ча собрались командиры всех отрядов на совещание относительно последнего перехода.

В одном из домиков на главной улице Тун-Джоу собралась небольшая группа офицеров. Пили чай, закусывали и оживлённо говорили о предстоящем деле.

— Да, не хвастаясь сказать, весь поход мы на плечах вынесли! — говорил один из офицеров.

— Только японцы не отставали от нас... Новые боевые товарищи...

— Другие-то все сплеховали...

— Да, да, все! И удивительно: как рекогносцировка, сейчас наших казаков и японских всадников высылают.

— Что же удивительного? Кого ещё послать, кроме них?

— Как кого? А эти черномазые сикхи!..

— Ну уж! Они годны только для парада...

— Их и то берегут.

— Для чего?

— Для финальной атаки на Пекин!

Послышался лёгкий смех.

— Что же тут смешного? Такие молодцы. Сами чёрные, кони чёрные — китайцы увидят их, все поразбегутся... Вот вам и эффектное окончание похода.

— Доживём — увидим, что будет за эффект!

В домик вошёл Шатов, несколько бледный, с повязкой! на руке. Товарищи приветствовали его радостными восклицаниями.

— Ну что? Как здоровье? Как рана?..

— Какая, господа, рана! Пустяки! — скромничал Николай Иванович. — Если б убит был, так для такого случая, как взятие Пекина, воскрес бы...

— Да, да, у тебя там невеста...

На лицо Шатова пала тень грусти:

— Боюсь и подумать, что с ней...

— Не печалься! Самое позднее — послезавтра узнаешь всё.. Что слышал нового?

— Самое новое — что генерал Василевский назначен начальником авангарда... Он поведёт первые штурмовые колонны.

— Стало быть, Пекин будет взят...

— Несомненно. Он уже вернулся из рекогносцировки. Ничего, говорят, путь свободен, нигде на дороге застав нет... Мало того, из одной деревни под самым Пекином вышли все жители и просили русских флагов в знак того, что они не окажут при проходе войск никакого сопротивления...

— А сам Пекин?

— Что же он? Ворота заперты, но «языки» говорят, что в Пекине маньчжурские полки.

— Придётся повозиться с ними.

— Не без того. Храбрейшие солдаты в китайской армии.

— А всё-таки, что ни говори, странная война: серьёзного сопротивления нигде...

— А Тянь-Цзинь-то?

— Так и там ничего серьёзного не было... Штерн у нас, правда, большие, но будь в Тянь-Цзине не китайцы, а европейцы, куда тяжелее было бы...

— Господа! Новость, самая животрепещущая, и поразительная! — раздался громкий голос от входных дверей.

Это в домике появился один из адъютантов, отличавшийся тем, что все его новости

были верными.

— Что такое? Что? засуетились офицеры.

— Поразительная новость! — всё восклицал вестовщик. — Ничего подобного, в особенности теперь, и ожидать нельзя было...

— Да что такое! Говорите! Не томите!

— Назначен главнокомандующий, всеми союзными силами в Печилийской провинции!

— Кто? Наш?

— Какое наш! Немец... граф Вальдерзее... Он в Берлине уже чествования принимает. Пирьы и банкеты... А! Каково!

Все сразу затихли.

— Н-да, это, действительно, новость! — пробасил один из капитанов стрелкового полка. — Немец, стало быть.

Ему никто не ответил.

— Что же, господа! — заговорил Шатов. — Наша совесть спокойна. Долг свой мы исполнили почти до конца... даже не почти, а совсем, потому что, без сомнения, завтра или послезавтра мы будем в Пекине. Чего же нам ещё!

— Конечно.

— Даже лучше, пожалуй, будет так-то, — продолжал поручик. — Кто знает, что будет здесь происходить? Вон в Тянь-Цзине англичане на своих же нападали, когда те запрещали грабёж. А там, — Шатов кивнул в сторону Пекина, — без этого не обойдётся... На нас бы весь позор пал. А теперь... пусть этот немецкий фельдмаршал за всё и рассчитывается. Мы в стороне будем...

Но все молчали, словно набрали в рот воды. Прежнее воодушевление исчезло. Начали быстро расходиться, тем более, что русский бивуак был не в самом Тун-Джоу, а за стенами его, между южными и западными воротами.

Было утро жаркого летнего дня, когда из Тун-Джоу, последнего городка под Пекином, лихо вынесся отряд всадников.

Одни из этих всадников истово крестились на восток, раззолоченный первыми лучами восходящего солнца, другие — низкорослые, желтолицые, с выдававшимися скулами и раскосыми глазами — только поглядывали вокруг с выражением полного равнодушия.

Первые были сибирские казаки 6-й верх-

ней и 3-й читинской сотни, вторые японцы.

Казачи были воодушевлены ожиданием.

— Дай-то, Господи, поскорее! — тихо перешёптывались они.

— Чего скорее! Почитай, завтра в Пекине чай будем распивать!

— Пора!.. А то война не война — одно только беспокойство...

— Скоро всему конец. Последний денёк сегодня!

Было утро 31-го июля. Грозная русская сила, сопровождаемая отрядами европейцев, стояла под Пекином, взятие которого было уже окончательно решено.

Накануне на совете командиров союзных отрядов был выработан план штурма, были намечены пути, по которым предстояло следовать. Главный труд выпадал на долю русских.

Десяток вёрст промчался по дороге к Пекину русско-японский отряд, не встречая никакого сопротивления. Видны были только корки тысяч арбузов, брошенных бежавшими из Тун-Джоу китайскими войсками. Все деревни на этом пути оказались оставленными жите-

лями, перепуганными грабежом своих солдат.

Русские, по составленному на совете плану, должны были идти по просёлочной дороге, ведущей к воротам между маньчжурской и китайской частями Пекина. Обследование этой дороги приняли на себя капитан Карликов и переводчик господин Янчевецкий.

Дорога была извилистая, рассказывал последний об этих поисках «ключа» Пекина... Окружающая местность обыкновенная; деревеньки, кукуруза, могилы, окружённые хвойными рощами, и кумирни. Завидя отряд, жители всюду разбегались и прятались в кукурузу. Только под самым уже Пекином жители одной деревни вышли русским навстречу и даже вынесли воды.

— Все ворота Пекина, — сообщили они, — с востока заперты.

— Неужели все? — спросил господин Янчевецкий.

— Открыты только северные.

— А войска?

— В Пекине маньчжуры...

— Только маньчжуры? А те, что бежали ив

Тун-Джоу?

— Тех нет. Те ушли далеко на юг...

Но эти объяснения были недостаточны. Отряд тронулся дальше и около 11 часов был уже в полутора верстах от столицы Китая. Здесь взобрались на высокий загородный вал. Величественные тысячелетние стены богдыханов ясно были видны отсюда. Перед ними, почти у самых ног отряда, раскинулся пригород, утопавший в зелени туй, акаций и ив. На стене, ограждавшей Пекин, виделись палатки из циновок и множество флагов.

— А что если подойти поближе? — предложил Карликов. — Может, нас и не заметят! Эх, была не была!

Он со своим отрядом двинулся дальше и подошёл ещё на версту к столице Китая. Из оврага, где стал укрывшийся в кукурузе отряд, ясно было видно множество красных и белых флагов, палатки гарнизона, но незаметно было ни одного солдата.

Тем временем Янчевецкий, как рассказывал он сам, желая осмотреть дорогу до самых ворот, один выехал вперёд. Просёлочный путь кончался и выходил на каменную доро-

гу. Направо и налево шли фанзы и какие-то китайские кумирни.

Китайцы, вышедшие из них, с нескрываемым изумлением глядели на неожиданно появившегося одинокого иностранца. Одни уходили, другие стояли и рассматривали смельчака. На поле появился китайский офицер верхом. Он ехал, вооружённый только... веером. Завидев европейца, храбрый воитель принялся погонять коня, желая ускакать поскорее от «заморского дьявола».

Подвигаться ближе не было никакой необходимости. Разведчик убедился, что Дорога и гранитный мост в полной исправности. За мостом видны были огромные чёрные, наглухо запертые ворота. Около них, как сонные мухи, бродили китайцы...

Всё, что нужно узнать, было узнано; теперь можно было возвращаться...

В 2 часа дня авангардный отряд уже шёл по грунтовой дороге к Пекину. Жара стояла невыносимая. Термометр показывал 45 градусов по Р. Притомившиеся и не отдохнувшие после похода к Тун-Джоу люди и лошади едва передвигали ноги. Были отставшие. Один за

другим падали истомлённые до последней степени люди. Их валили теперь с ног не пули врагов, а страшные усталость и жара. Ни малейший порыв ветра не освежал этих бедняг, исполнителей сурового долга.

Генерал Василевский, командовавший авангардным отрядом, должен был овладеть восточными воротами Пекина. Он шёл впереди, а за ним двигались и все эти простые люди.

Пока отряд шёл, солнце палило невыносимо. Лишь, только стали на привал, совершенно неожиданно разразился жестокий ливень. Целое море воды пролилось с неба. После страшной жары измученным людям пришлось дрожать под холодными, как лёд, струями ливня.

Только в 12 часу ночи ливень прекратился.

— Охотников требуют от 2-го полка! — пронеслась весть по авангарду.

— Сколько?

— Полтора десятка! Выходи, охотнички!

— Чего там полтора десятка! — сказали в рядах. — Все пойдём, поскорее бы только! Хоть бы уж один конец был... Измаялись!

Но требовалось только 15 человек. Этому отряду смельчаков, командиром которых был назначен подпоручик Феокистов, приказали ещё раз осмотреть дорогу на Пекин, мост и ворота. Проводником отряда был Янчевецкий; с отрядом шёл юнкер флота Гирс, сын нашего посланника в Пекине.

Бесшумно тронулся вперёд крошечный отряд охотников-разведчиков. Была непроглядная тьма. Идти пришлось по какой-то впадине. Янчевецкий, оставив товарищей, выбрался вперёд, чтобы ещё раз осмотреть дорогу. Он был уверен, что проедет, никого не встретив на своём пути. Вдруг в темноте его слух уловил какое-то движение, и в тот же миг раздался вопрос, произнесённый по-китайски:

— Кто едет на лошади?

Само собой разумеется, смелому разведчику вовсе не улыбалась эта встреча. Он ничего не ответил. Сейчас же вокруг него засвистали пули, но господин Янчевецкий быстро свернул в гаолен и успел благополучно добраться до своего отряда.

— Там застава! — объявил он.

Феоктистов уже при первых выстрелах поднял свой отряд и подвёл его к самой китайской заставе. Был дан залп. Сейчас же китайцы по линии огня противников открыли убийственную стрельбу. Они стреляли наугад, но пуль было такое множество, что они и без прицела находили свои жертвы. Подпоручик Феоктистов был ранен в ногу. Ранен оказался ещё один стрелок. Приходилось отступить к главным силам. Юнкер Гирс взвалил себе на плечи раненого Феоктистова.

Как раз в это время загрели пушечные и ружейные выстрелы, заставившие затрепетать русских героев... Выстрелы раздавались из самого Пекина.

— Скорее, скорее! — засуетились в отряде. — Проклятые китайцы штурмуют миссии, не подоспеем мы — и все там погибнут!

XLIX

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ «ПЕКИНСКОГО СИДЕНИЯ»

Пекинские сидельцы уже были осведомлены о том, что русские, а за ними и союзные отряды идут на их выручку.

Теперь всё чаще появлялись в английском посольстве добровольцы-китайцы, являвшиеся с вестями о движении отрядов.

— Ну, мать, — сказал Кочеров Дарье Петровне, — скоро все наши напасти кончатся...

— Ох, дай-то Господи!.. — отвечала та, благоговейно крестясь. — Такие ужасы пришлось вынести, что даже если во сне приснится, испугаешься...

Старики весь этот тяжёлый месяц осады прожили в постоянном страхе и несказанном

душевном волнении. За себя они не очень боялись. К выстрелам они давно уже привыкли, китайские нападения и без того никого из осаждённых не пугали, но их удручала полная неизвестность о судьбе дочери, сына и невестки. С того дня, как началась осада, Вань-Цзы более не появлялся, а между тем это был единственный человек, через которого старики Кочеровы могли иметь сношения с внешним миром.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Вань-Цзы забывал их. Несколько раз Кочеров получал совершенно непонятным для него образом уведомления от молодого китайца о том, чтобы он не опасался за дочь, которая жива и здорова, и говорил, что хорошо для всех, если она не с ними в эти тревожные дни.

Но теперь старики ожили надеждой на близкое свидание со своей любимицей.

— Казаки подходят! — доложил довольно свободно проникший в Пекин китаец-христианин.

Все так и засуматошились. Прибытие военных отрядов вносило полную перемену в однообразно-скучную жизнь осаждённых.

— Казаки? Какие казаки? — спрашивали китайца.

— Чёрные все, страшные, все на чёрных конях. С пиками!..

Недоумение овладело всеми.

— Что же это за казаки? Не может быть, чтобы это были сибирцы! — толковали в кружках. — Те не чёрные.

— В самом деле, у сибирских казаков нет пик.

Решили, что это не русские казаки.

— Это бенгальские сикхи[82]! — объявил мистер Раулинссон. Я предлагаю на медали в память нашей осады вычеканить фигуру бенгальца с надписью: «Подданные императрицы Индии спасли Европу в Пекине».

Американцы были при своём мнении.

— Это идёт полк негров и мулатов! — объявили они. — Там все люди чёрные или цветные... Они вооружены пиками... Знаете ли, если они только подойдут, все китайцы разбегутся... Что китайцы! Они на филиппинцев ужас наводили... Мы нарочно распускали слухи, что это людоеды и пожирают детей...

— Вот как! — заметил один из русских. —

Стало быть, эти ваши кавалеристы — людоеды...

— Филиппинцы были уверены.

— В чём?

— Что они едят детей!..

— А вот эти ваши храбрецы, которые «едят детей», могут ли есть без всякого вреда для здоровья стрихнин, от которого умирают даже волки?

Американец уязвлённо взглянул на русского; случай с Бичуевым ещё не был забыт.

— Нет! — отвечал он, сплёвывая в сторону жвачку табаку. Наши солдаты — культурные люди...

Русский хотел что-то сказать о культурности людей, о которых говорят, что они — людоеды, и находят веру своему определению, но ограничился только тем, что тоже презрительно плюнул.

Несмотря на все вести, никто ничего точно ещё не знал.

Как ни хорошо было организовано японским полковником Шива шпионство, все агенты его приносили самые перепутанные сведения. В сущности, и Шива знал очень

немного. Но он знал гораздо ранее всё, что должно было произойти.

Угрюмый японец не высказывался; и он никогда не принимал участия в шутовских митингах европейцев. Кажется, единственный из всех он знал, что происходит, произойдёт и зачем он тут со своими бесчисленными шпионами.

Между тем, европейцы всё более оправлялись от страха, если только он когда-нибудь был у них. Они подвели итоги, и оказалось, что всех европейцев — мужчин, женщин и детей — было 527 человек, а в этом числе 73 человека военных.

Раулинссон и Миллер, когда объявление было вывешено на колокольной башне, только переглянулись.

— А в Пекине сколько? — спросил Миллер.

— Точно неизвестно, — как-то смущённо, не глядя на своего приятеля, процедил сквозь зубы англичанин, — вероятно, более миллиона...

— Тогда как же это?.. — заговорил было Миллер, но Раулинссон уже оправился от смущения.

— Тем лучше! Тем лучше, сэр! — воскликнул он. — Неполные три сотни мужчин-европейцев держались против всего Пекина. Если принять во внимание, что в нём один миллион жителей, то, значит, на каждого защитника посольства приходится более чем по 3000 китайцев. Это только доказывает преимущество белой расы вообще и английской в особенности над всеми другими расами. Но мы должны будем кое о чём умолчать. А то ещё скажут такую клевету, что, дескать, сами китайцы не хотели нас трогать. Что касается меня, я решил первому же интервьюеру, который посетит меня, рассказать подробно обо всём перенесённом... только... не знаете ли вы сочинения, в котором я мог бы прочитать о чём-либо подобном, бывшем ранее? О какой-нибудь знаменитой осаде?

— Но зачем вам? — удивился Миллер.

— Я, признаюсь откровенно, не отличаюсь фантазией, а для того, чтобы рассказать об ужасах, перенесённых нами, необходимо пылкое воображение. Без этого ничего не выйдет... Вот я и хочу почитать что-либо. Кажется, есть подобное воспоминание об осаде

Парижа... Непременно прочитаю, иначе у меня не будет никакого материала для интервью. Советую и вам то же сделать. Иначе нам никто не поверит!

Этот напыщенный шут, заложив руки в карманы, отправился в посольскую библиотеку отыскивать материалы для предстоящего интервью.

Он увидел у баррикады кучку людей. И подошёл. За баррикадой стоял китаец в форме правительственных войск и протягивал европейцам своё превосходное манлихеровское ружьё.

— Что нужно этому негодяю? — спросил мистер Раулинссон.

Ему отвечали смехом:

— Купить предлагает!

— А сам он с чем же останется?

— Вот спросите-ка у него!

Раулинссон подошёл ближе. Китаец на ломаном английском языке предложил ему своё ружьё.

— А вы с чем останетесь? — спросил англичанин.

— О, теперь бедному китайцу оружия бо-

лее не нужно! — отвечал солдат. — Купите, сэр, вот и патроны я продаю за бесценок...

— Но почему же, почему так?

— Потому, что теперь вы будете жить, а нам нужно погибать... ваши недалеко!

Раулинссон понял так, что китаец говорит о приближении английского отряда.

— Вот, господа, вы сами слышите, что этот китаец открыто признает величие Англии... Так, мой дорогой друг?

Китаец с готовностью закивал:

— О, да, да! Англичане бьют и грабят бедного китайца, немцы тоже. Все бьют и грабят, только русские не трогают... только им не нужно нас грабить.

Раулинссона словно ветром отнесло от китайца.

Ружьё и патроны ввиду действительной дешевизны куплены были у китайца «с удовольствием»[83].

Этот китаец был последним, которого вплоть до своего освобождения видели у себя пекинские осаждённые, а его ружьё и патроны — последние в смысле честного приобретения чужого имущества за плату.

В то самое время, когда союзные отряды заняли Тун-Джоу, к мосту Па-Ли-Цяо, последнему на главной шоссеинной дороге от этого местечка к столице, поспешно подходили трое путников, судя по одежде, принадлежавших к «И-хо-туану». На них красовались красные перевязи и красные же шапки. На роскошных куртках были понашиты громадные пуговицы с изображением разъярённых драконов. Двое из них по своему типу вполне подходили к настоящим китайцам, но их спутник резко от них отличался. Он был на целую голову выше их, плечист и широк в груди. Боксёрское одеяние, видимо, сильно стесняло его, но он ни звуком не выражал своих чувств. В то время, когда его спутники переговаривались между собой, он молчал, как будто у него и языка не было.

Мост Па-Ли-Цяо — типичный памятник китайской архитектуры. Он весь каменный, выложен плитами; на перилах его различные украшения в виде мраморных статуй собак и разъярённых драконов. Мост дугой спускается на Мандаринскую дорогу, и за ним располагается застава.

Едва путники подошли к ней, как их окружили китайские солдаты. При виде боксёрских перевязей и амулетов они стали необыкновенно почтительными, но все косились на верзилу, словно недоумевая, откуда мог в малорослом китайском населении явиться такой великан.

— Кто вы и откуда? — спросил старший.

— Мы — братья великой справедливости, — ответил один из китайцев. — И идём ныне в Пекин к великому, святому сыну Дракона. Не можете ли вы указать нам, где его найти?

Упоминание о сыне Дракона хотя и сделало стражу ещё более почтительной, но не вполне рассеяло её подозрений.

— Сын Дракона, великий Синь-Хо, в Императорском городе... Но скажите нам, кто это с вами третий, не похожий на наших земляков?

Этот прямой вопрос не смутил путников.

— Он только что прибыл издалека — с берегов Хей-Лунь-Дзяня.

— Сахалин-Ула[84]! — баском подхватил верзила, как будто услышал знакомое имя. —

Ман-Джоу.

— Дунь-Сань-Шены[85] — пояснил первый. — Он везёт очень важные вести от наших братьев, сражающихся там против белых дьяволов... Пропустите нас к сыну Дракона, и мы будем просить его, чтобы он не оставил вас без награды.

Стражники всё ещё колебались. Очень уж их смущал этот верзила, который к тому же оказался ещё белокурым.

Тогда говоривший всё время китаец, заметив это смущение и подозрительность, молча распахнул куртку и показал нарисованного у него на груди чем-то красным дракона.

Это был знак принадлежности к высшим членам «И-хо-туана»...

Подозрений более оставаться не могло, и стражники с поклонами пропустили путников и даже дали им проводника до восточных ворот. Только начальник стражи долго смотрел вслед удалявшимся и с ясно написанным на лице недоумением покачивал головой. Белокурый высокий маньчжур казался ему подозрительным...

Пока он раздумывал, путники прошли уже

ворота и очутились в Пекине. Искать теперь их было бы поздно.

Но не успел вернуться проводник, как к заставе подлетело на истомлённых конях несколько десятков китайских кавалеристов.

— Не проходили ли тут трое в одеждах боксёров? — едва переводя дух, спросил их начальник.

— Прошли сейчас.

— Где они?

— Прошли в Пекин! Они идут к великому Синь-Хо.

— К Синь-Хо! Несчастные! Это два изменника и с ними русский, убежавший из плена... Они должны подвергнуться самой ужасной казни...

Кавалеристы во весь опор помчались к воротам города.

— Поздно! — покачал головой начальник караула. — Иголку трудно найти в стог сена... Да и что значат эти трое, когда скоро весь Пекин будет наводнён былыми дьяволами?

Да, «город садов» доживал свои последние часы...

В томительном ожидании провели оса-

ждённые эти последние минуты своей осады. Китайцы под конец словно хотели напугать их своими безвредными нападениями более, чем в первые дни осады. В 8 часов вечера 31-го июля, когда штурмующие колонны русского отряда были уже под стенами Пекина, за зданиями английского посольства раздался не умолкавший затем всю ночь рёв бесчисленных голосов. Ясно слышалось:

— Убей! Убей!

Это боксёры старались спровоцировать солдат к нападению на посольство и к уничтожению ненавистных иностранцев. Но у тех не было приказа, и усилия боксёров пропали даром. Тогда они сами забрались на стены. Началась беспорядочная стрельба со всех сторон. Боксёры выли на все голоса. Они видели, что их жертвы ускользают из их рук, и решили покончить с ними. Откуда-то явились у них пушки, они утавили их на стены, и к выстрелам из ружей присоединилась оружейная пальба.

Теперь, когда солдат не было и против осаждённых действовали только боксёры, не останавливали нападения и ракеты из Импе-

раторского города, которыми обыкновенно отдавались приказания оставить европейцев в покое. Но осаждённые уже не чувствовали никакого страха. Что им было в этих безвредных выстрелах, в этом граде никому не причинявших вреда пуль?.. Всем теперь было ясно, что миг освобождения близок... В Посольский квартал неслась непрерывная трескотня пулемётов, не китайских уже, а тех, что стреляли в защиту осаждённых...

Лишь только эта трескотня раздалась у стен Пекина, прекратились все нападения, и европейцы смогли вздохнуть совершенно свободно. Не было сомнения, что все ужасы осады близились к концу.

Вот рассказ очевидца Корсакова о последних минутах «пекинского сидения»...

Когда рассвело, вышли на стену, и перед глазами развернулась картина, которая должна была остаться памятной на всю жизнь.

«На безоблачной синеве неба, по которой расходились яркие лучи только что взошедшего солнца, летали в разных направлениях дымящиеся шары, падавшие в одно место, в юго-восточный угол китайской стены с по-

строенной на ней высокой башней. Это шрапнель и гранаты обстреливали стену, это был разгар штурма городских ворот. В бинокль видно было, как задымилась крыша башни, видно было, как отлетали от неё большие обломки, сбиваемые снарядами. В 7-8 верстах шло истребление людей, лилась кровь, отрывало руки, ноги, разрывало на части туловища, сносило или разрывало на куски головы, а здесь над наблюдавшими лишь воздушную картину отдалённого боя мирно раскинулся чудный голубой небосклон, утренний свежий ветерок ласкал дуновением лица наблюдавших, на горизонте стояли подёрнутые голубой дымкой горы; всё было полно мира и покоя... Но все сердца трепетали. Глаза, не отрываясь от бинокля, следили за падающими клубами, уши жадно ловили звуки борьбы, от которой доносились лишь густые удары пушечных выстрелов...»

Да, осада европейцев подходила к концу, тысячелетний Пекин доживал свои последние минуты.

ШТУРМ ПЕКИНА

Огда до русского отряда, подходившего по просёлочной дороге к Пекину, донеслись звуки ружей и орудийной пальбы, все — и офицеры, и солдаты — словно новые силы ощутили в себе... Лихорадочная спешка овладела этими людьми, думавшими, что от их поспешности зависит жизнь тех, кого они шли освободить, не жалея ни сил, ни крови...

В час ночи весь отряд, имея впереди роту десятого полка с двумя пулемётами, уже стоял всего в четверти версты от Пекина.

Там уже смолкли выстрелы. После ливня тучи разошлись, на горизонте показалась луна.

Головной роте, которой командовал капи-

тан Горский, было приказано пройти вперёд, осмотреть дорогу и, если только представится малейшая возможность, открыть ворота. Провести роту по дороге поручено было Янчевецкому.

В полутьме шли люди, рассказывал этот последний, по гранитной дороге, то и дело оступаясь в лужи и ямы. Вот пройден последний мост, и русские остановились перед запертыми воротами. Направо и налево были палатки. Часовые спали под открытым небом. Другие спали в сторожевых домиках. В течение нескольких минут все часовые — спящие и полусонные — были переколоты стрелками. Мост не был даже минирован. Поэтому сейчас же генерал Василевский приказал выкатить два орудия и поставить их перед воротами на расстоянии 15 шагов.

Наступил великий час славы, час испытания, час смерти или победы...

Перед русскими были ворота тысячелетнего города. Кто из них мог знать, что ожидает за этими воротами? Кто мог угадать, какая сила встретит храбрецов в стенах Пекина и какой будет отпор?

Но об опасности никто в отряде русских героев и не думал...

Вес знали, что за этими грозными стенами, которых не и состоянии пробить никакое орудие, уже два месяца томятся европейцы с жёнами и детьми. Их нужно было освободить во что бы то ни стало, освободить как можно скорее. Только для одного этого и пришли сюда русские люди. Каждый час промедления мог принести гибель.

Медлить нечего... Вот генерал приказал разбить ворота.

Раздалась команда: «Первое!..» «Второе!..» Среди зловещей тишины, опустившейся над спящим городом, прогремел выстрел, затем второй, третий... Ворота не открывались. Гром выстрелов минут двадцать не смолкал перед ними. Орудия стреляли гранатами. Луна слабо освещала из-за туч оба орудия, артиллеристов и стрелков, стоявших по сторонам и обстреливавших стены. Китайские солдаты, наконец, проснулись. Они со стен открыли огонь по нападавшим. Однако испуг был так силён, что их пули ложились мимо цели.

Гром и молнии орудий, залпы стрелков, беспорядочная стрельба китайцев, рокот русских пулемётов — всё это смешалось в общий оглушительный гул.

Ровно в два часа ночи среди этого ада загремело восторженное «ура!».

Запор был сбит, и ворота распахнулись. Путь в Пекин был открыт.

Надвратная башня была тут же покинута китайцами. Неспешно вошёл в ворота на мощённый двор генерал Василевский. Перед ним поднимались вторые ворота, а за ними уже простиралась улица китайской части Пекина. Эти ворота оказались только притворенными. Вход в тысячелетнюю столицу богдыханов был открыт. Даже неприступная стена не оградила священный город Китая от грозной русской силы. Над башней, покинутой китайцами, уже реял русский флаг, первым взвившийся над стенами столицы.

Русские были в Пекине, но это было только началом великого подвига. Новая стена отделяла их от Маньчжурского города, где находились европейские миссии. Предстоял новый штурм. На этот раз приходилось бороться уже

не с малодушными китайцами, а с отчаянно храбрыми маньчжурами генерала Тун-Фу-Сяна...

Маньчжуры уже рассыпались по стене и открыли сверху адский огонь по подходившим частям русского отряда.

Выдвинута была опять отличившаяся в начале штурма рота капитана Горского с двумя орудиями. Стрелки пошли было, но огонь маньчжур был так жесток, что в течение нескольких минут у одного орудия оказались убиты все шесть лошадей. Пятнадцать артиллеристов были уже ранены, несколько стрелков лежали на земле. Сам Горский получил раны в грудь и в руку.

— Седьмая рота, назад! — приказал генерал Василевский.

Но если держаться было трудно, то отойти ещё труднее.

Проходить пришлось как раз под стеной. А оттуда, с высоты 60 футов, маньчжуры били стрелков на выбор. Одно орудие увезли, другое, у которого были перебиты и прислуга, и лошади, приходилось бросить. Но разве русские солдаты способны на это?

Между тем, огонь с маньчжурской стены всё усиливался. Защитники Пекина стреляли из каждой бойницы. С одной башни раздавались некие глухие звуки — это стреляли из старинных китайских пушек. Картина, по рассказу очевидца, было грозная, величественная. Древние стены и башни Пекина освещались вспышками выстрелов. Но это была уже последняя иллюминация тысячелетней столицы. Дорого она стоила и русским, бравшим со свойственной им смелостью неприступные твердыни, и маньчжурам, с невиданным упорством отстаивавшим стену своей столицы...

Как бы то ни было, а Пекин практически пал...

Герои-стрелки седьмой роты того же полка не оставили своего орудия. Под жестоким огнём откатили они его назад. Убит был фельдфебель, несколько человек получили тяжёлые раны, но честь всё-таки была спасена.

Шёл уже пятый час утра. Рассвет наступил вполне, и ворвавшимся в Пекин русским были видны толпы китайских солдат, перебегавших по стенам. Их намерения отогнать рус-

ских за стену были очевидны. Тогда на высоту вытащили пулемёт. Пришло как раз самое время для этого. Китайцы массами наступали на русских храбрецов. Только свинцовый град из пулемёта остановил это наступление.

Но как бы то ни было, а теперь русским приходилось отбиваться, чтобы удержать за собой позиции. Усталость, однако, брала своё. Отряд терял людей убитыми и ранеными, но никто даже и не думал об отступлении...

Вдруг в половине восьмого с востока загремели новые пушки.

Это подходили главные силы отряда, которые вёл на штурм сам генерал Леневи́ч.

Ему уже было известно, что ворота взяты и авангардный отряд генерала Василевского выбивается из сил, удерживая занятые позиции.

Нужно было выручать его.

Генерал Леневи́ч развернул свои полки в боевой порядок и двинулся вперёд. Вот уже русские солдаты в Пекине. Они рассыпались по узким улицам и начали обстреливать стены и башни великого города. Позиция их была чрезвычайно опасная. Они стояли между

стен, образовавших входящий угол, и китайцы имели возможность обстреливать их одновременно на расстоянии 400-600 шагов и с высоты этих стен, и с высокой наблюдательной башни.

— Эта башня может погубить всё дело! — заметил находившийся всё время на передовой линии генерал Леневи́ч. — Нужно заставить её замолчать... Попросите ко мне полковника Модля!

Командир 2-го стрелкового полка явился и получил приказание разведать подступы к грозной башне.

Увы, ценой двух жизней стрелков убедились только в том, что никакого входа на башню нет и её можно взять только с штурмовыми лестницами.

— Нет, это будет стоить слишком больших потерь! — заметил командующий. — Лучше попробовать разбить её орудиями.

Тут же на улице против башни были установлены первые два орудия. Они были за прикрытием, и их гранаты, хотя не надолго, всё-таки заставили замолчать орудия, находившиеся на башне.

Бой словно стал стихать, но это только казалось. Штурмующие были далеко от своей цели. Только китайский Пекин, да и то не весь, был в их руках. Смерть же так и витала вокруг каждого.

Было восемь часов утра. Генерал Леневиц, начальник авангарда главного отряда, отличившийся под Тянь-Цзинем, командир 10-го стрелкового полка полковник Антюков и капитан Ярошевич сидели под прикрытием вала, обсуждая дальнейший ход боя. Тут же стоял солдат в ожидании приказаний. Генерал Леневиц поднялся и прошёл в раскинутую для него палатку, где наскоро была устроена походная канцелярия. Но страшный гром заставил его вернуться назад. Ужасная картина представилась ему. Солдатык, за минуту перед тем стоявший навытяжку перед начальником, уже являл собой груды мяса и костей, а на коленях Ярошевича лежал мёртвый уже Антюков. Это китайская граната, скорее всего, пущенная наугад, угодила в укрытие.

Генерал перекрестился... Все были готовы к смерти в эти минуты, а потеря была тяжёлая. Антюков являлся любимцем порт-артур-

ского общества и кумиром своих солдат. Смерть увенчала его ореолом славы. Он пал на своём посту, перед всем своим полком от осколка в голову. Вечная память!

Медлить после этого не приходилось. Китайцы, видимо, смелели. Огонь их становился всё ожесточённее. Приходилось действовать решительно.

Настало знойное утро. Русские солдаты изнемогали от жажды и утомления. Никто из них, впрочем, не ступил ни шагу назад. Стойко и мужественно исполняли они свой долг. Пройдя ускоренным маршем 120 вёрст, не имея и течение недели ни одной днёвки для отдыха, эти герои в белых рубашках, ставших в дороге, как передаёт свидетель штурма, бурыми, с запылёнными и обгоревшими от китайского солнца и ветра лицами, обливаясь потом и кровью, полезли теперь брать неприступные стены китайской столицы.

Их поддерживал огонь отличившейся под Тянь-Цзинем 3-й батареи. Четыре её орудия, не умолкая, громили китайцев на стенах справа и слева от ворот, занятых русскими. Шрапнель разрывалась над самыми голова-

ми защитников Пекина, заставляя замолкать орудия, ведшие губительный для штурмующих огонь.

Сравнительная лёгкость, с которой удалось русским ворваться в Пекин с юго-востока, объяснялась тем, что китайцы не ожидали здесь нападения союзного отряда. Они приготовились встретить неприятеля с восточной стороны и хорошо укрепились здесь. И не ошиблись.

Около девяти часов утра на верхние Сихуамынские ворота ударили штурмом японцы. Китайцы встретили своих давнишних врагов невозможно метким огнём из ружей и пушек. Пули и гранаты сметали тех смельчаков, которые пытались было подходить к воротам. Напрасно бывший с японцами русский капитан генерального штаба Болховитинов вместе с несколькими отчаянными смельчаками пытался подойти и подложить под ворота мину. Только по счастливой случайности он остался цел; всё же, кто был с ним, полегли под китайским огнём.

Главнокомандующий японского отряда генерал Ямагата скоро увидел полную бесполез-

ность всех попыток штурма. Он обратился за помощью к генералу Стесселю, и тот прислал ему 2-ю батарею. С 10 часов утра и до 5 часов вечера громили русские пушки китайскую твердыню. Но всё было бесполезно. Только поздно вечером, когда русские вошли уже в Пекин, а за ними прошла через взятые русскими ворота и часть японских сил, японцы пробились через Сихуамыньские ворота. Едва ли бы удалось им это без помощи русских!..

Но всё-таки и они приняли участие в штурме и принесли немалую пользу уже тем, что отвлекали на себя значительную часть защитников города.

Пока японцы начинали свой неудачный штурм, положение русского отряда, засевшего на стене, стало очень тяжёлым. Китайцы сидели за надёжным прикрытием и осыпали своими крупными пулями стрелков. Выбивать их приходилось понемногу, только тогда, когда кто-нибудь из них неосторожно выставлялся наружу. Ну, тогда уже стрелки не зевали.

Генерал Василевский, командир передового отряда, ни на мгновение не оставлял своей

опасной позиции. С замечательной неустрашимостью ходил он по стене, не обращая внимания на китайские пули. Вдруг он взмахнул руками и как подкошенный рухнул на помост.

— Братцы, генерал убит! — пронёсся тревожный вопль.

Двое стрелков бросились на помощь к герою, но сейчас же распластались на стене, сражённые китайскими пулями. Это не остановило ещё двоих храбрецов. Один из них был убит наповал, другой добрался-таки до генерала. Василевский оказался ранен в правую сторону груди навывлет. Удалось поднять раненого и уложить его тут же на стене под бойницами, куда не попадали китайские пули. О том, чтобы снести генерала со стены на перевязочный пункт, устроенный внизу в фанзах, нечего было и думать. Китайцы видели, что случилось, и усилили огонь по той площадке, где был раненый генерал. В несколько минут около 10 человек, пытавшихся подойти к раненому, были ранены и сами. К счастью, успел подбежать с перевязочного пункта неустрашимый доктор 2-го

полка Петерсен. Он благополучно миновал роковую площадку, которую обстреливали китайцы, и сделал раненому первую перевязку. Со вздохом облегчения узнали от него все на стене, что хотя рана и тяжела, но можно рассчитывать на вполне благополучный исход. В героя попала пуля малого калибра, и это спасло его от неминуемой смерти.

Под палящими лучами солнца, обстреливаемый градом пуль, жестоко страдая от свежей раны, лежал генерал на каменных плитах той самой стены, на которую он вышел первым.

Около него были переводчики Янчевецкий, Мунде и двое фельдшеров. Их защищала каменная ограда в высоту человеческого роста да аршина в два ширины. Вынести из-за неё раненого удалось только спустя три часа. Один из фельдшеров при этом был ранен насмерть, другой же получил раны в руку и в ногу.

Но, несмотря на всё это, в исходе штурма нельзя было сомневаться. Кое-где на стенах затрепетали белые флаги... Китайские ружья и пушки стали затихать, однако всё-таки да-

же оттуда, где были выставлены белые флаги, всё ещё продолжалась стрельба.

Ровно в полдень генерал Леневи́ч со своим штабом и главными силами вступил в Пекин.

И опять-таки бой далеко ещё не был решён. У Сиху-амы́нских ворот под гром русских пушек ожесточённо дрались японцы. В угловой башне отчаянно смелые маньчжуры Тун-Фу-Сяна каждый раз отбивали приступы и осыпали пулями всех, кто имел смелость подходить к их грозному укреплению. Везде раздавались китайские выстрелы, но ни для кого не было сомнения, что столица Китая уже пала... пред одной только русской силой.

LI МЫ ПАХАЛИ

Увство страстного нетерпения испытывали все те, кто был в осаждённом китайцами английском посольстве. День разгорался всё ярче, но выстрелы слышались на прежнем расстоянии.

Это многих пугало... Что будет, если союзники не возьмут Пекина? Если им хоть на день придётся отложить решительный штурм или, что ещё хуже, снять осаду китайской столицы?.. Это было равносильно смертному приговору для всех, кто находился в английском посольстве... Трудно было бы надеяться на то, чтобы правители Китая продолжали по-прежнему добродушно относиться к людям, из-за которых им приходилось выно-

свить такую беду. Да если бы и все члены высшего совета, императрица и император продолжали свою миролюбивую политику, вряд ли бы они смогли удержать ожесточившийся народ...

Все ждали... ждали с замиранием сердца появления освободителей.

— Кто-то придёт первым к нам? восклицали на той части стены, какая примыкала к английскому посольству и где в ожидании близкого освобождения собралась почти вся европейская колония.

— Вернее всего, что русские! — было предположение. — Судя по достигшим нас сведениям, русские идут во главе соединённых отрядов.

— Никогда не может этого быть! — запальчиво возразил Раулинссон. — Первыми явятся мои соотечественники.

— Англичане? Почему вы думаете?

— Так должно быть! Разве не во главе всех народов стоит британский народ?

— Но русские-то... русские!

— Что же они? Придут и они следом за моими соотечественниками, но всё-таки вы уви-

дите, что мои предположения оправдаются вполне...

Что бы ни говорил Раулинссон, каждый надеялся, что первыми к баррикадам поспешат не иначе как его земляки.

К приёму давно жданных и желанных гостей начинали уже спешно готовиться. Дамы надели изящные туалеты, ожидая, что вместе с освободительными отрядами придёт в Пекин и удалая военная молодёжь. Все горели нетерпением, а время шло невозможно медленно.

Между тем, освирепевшие китайцы и в эти последние часы не оставляли своих врагов. С китайских баррикад слышались ружейные выстрелы, шлёпались пули, но на это не обращали внимания; до того ли тут было!

Выстрелы, впрочем, были одиночные. Очевидно, за баррикадами осталось очень немногo стрелков, да и то плохих. Они стреляли, как это можно было судить по пулям, попадавшим всё в одно и то же место, — в стену, не умея даже прицелиться.

Со стены, где собрались в ожидании освободителей члены русской колонии, превос-

ходно видно было, как спешно оставляют китайцы прилегающие к баррикадам кумирни, которые они занимали во время осады посольств. Уход их походил на бегство. Осаждённые без устали стреляли со стены по перепуганным беднякам, и те так спешили уйти, что бросали на месте своих не только убитых, но и раненых...

Прошёл день, а освободителей всё ещё не было.

— Чего же они медлят? — роптали в европейском квартале. — Разве не могут сообразить, что мы ждём их здесь с нетерпением...

— Вероятно, нельзя, — слышались возражения. — Очень может быть, их задерживают китайцы.

— Эти трусы негодные? Быть не может!

— Трусы, но всё-таки — бой. И кажется, жаркий!

— Они засели за стенами...

— Вот и приходится выбивать их оттуда.

Прошёл ещё час, полтора... а освободителей всё ещё никого не было.

Нетерпению пекинских сидельцев не было пределов.

Вдруг ровно в два часа пополудни из американского посольства выбежал какой-то юноша.

— Кто это? — спросили среди истомлённых ожиданием европейцев.

— Разве не видите? Фарго Сквайтс...

— Сын секретаря американского посольства? Слышите, он что-то кричит...

Сквайтс бежал, размахивая шляпой.

— Господа, ура! — ещё издали кричал он. — Мы освобождены! Идут, идут!

Все засуетились, не зная, в какую сторону глядеть.

— Кто идёт? — спрашивали тревожно. — Никого не видно нигде...

— Нет, нет! Видно! Немцы идут.

— Да где же, где?

— Взгляните на Яшмовый канал... Там они, там!

Все взоры обратились в указанную сторону. Между маньчжурской стеной и Китайским городом по высохшему руслу канала двигались стройные ряды солдат.

При виде их радостное «ура» загремело с маньчжурской стены. Осаждённые, рыдая от

восторга, обнимали и лобызали друг друга.

— Но это не немцы вовсе! — заметили в толпе.

Да, это были не немцы. Шли смуглолицые, высокие, статные люди в чалмах и в коричневых кафтанах.

— Это индусы, бенгальцы! — заорал во всё горло Раулинссон. — Да здравствует Британия, ура!.. Что, не был ли я прав, говоря, что нас освободят подданные королевы Виктории?..

Да, он был прав, этот британец!

Русские герои проливали кровь на стенах Пекина, охваченные одной только заботой освободить несчастных, как они думали, жертв китайцев.

Они, сыны России, открыли путь в столицу Китая, самоотверженно кинувшись на штурм неприступных бастионов. Если и взят был Пекин, то только одними русскими.

Достойными и верными союзниками русских орлов явились японцы. Они не на живот, а на смерть сражались с врагами, облегчая русским воинам их тяжёлую задачу... Они, эти малорослые, желтокожие люди, кро-

вавым боем у главных ворот Пекина навсегда укрепили за собой славу храбрецов.

А другие? Американцы, французы, англичане?.. Они... гм... они прекрасно исполнили роль той мухи из басни, которая сидела на рогах у пашущего вола...

Отряд французов в 500 человек с тремя горными батареями явился в Пекин *после штурма*, когда всё уже было кончено.

Американцы пришли к стенам Пекина только в 11 часов утра. Они и не подумали штурмовать назначенные для них ворота, а просто-напросто попросили русскую батарею подполковника Мейстера сделать для них обвал в стене. Их предупредили, что русские пули давным-давно прогнали китайцев с этого места. Но американцы продолжали настаивать. Русские не замедлили поступить согласно рецепту И. Ф. Горбунова: «Сделай, братец! Изволь, братец! Нам это наплевать!» и очень скоро произвели гранатами обвал стены. Тогда американцы с громким военным кличем кинулись штурмовать оставленную китайцами стену и очень скоро забрались на неё. Там они прежде всего хотели водрузить в знак

своей победы американское знамя, но увидев над воротами русский флаг, отправились поискать для своего другое место. Только нигде поблизости они такого не нашли — русскими была занята вся эта сторона. Делать было нечего, американцы оставили заботы о водружении флага и под прикрытием русских орудий вошли в Пекин.

В то время, как русские и японцы отчаянно бились с китайцами и под ожесточённым огнём карабкались на стены, чтобы овладеть ими, в то время, как американцы через произведённый русскими пушками обвал храбро взбирались на занятые русскими и очищенные от неприятеля стены и искали там места для водружения своего звёздного знамени, англичане лезли под стены и по руслу высохшей реки вошли в китайскую часть Пекина. Здесь они без боя прошли по пустому городу, подлезли под стены Маньчжурского города и в два часа дня явились освободителями пекинских сидельцев[86].

Громкие «ура!» и приветствия на всех языках понесли навстречу подходившим сикхам. Русские, американцы, все европейцы

слились в одном общем восторге. Индийские воины отвечали им, гордясь тем, что они первыми явились сюда, и понимая, что слава освобождения несчастных страдальцев всецело останется за ними. Проходить им пришлось через русское посольство. Сотни рук протягивались к избавителям для пожатия. «Ура» не смолкали ни на мгновение. Русские люди, забыв, что они ожидали первыми своих, спешили к индусам кто с водой, кто с чаем. Дамы, плача от радости, жали им руки, и молодцы были довольны такой встречей и не шутя чувствовали себя героями.

Когда стало известно, каким путём доблестные и храбрые англо-индийские войска вошли в Пекин, русские солдатики со свойственным им острым юмором называли между собой английских воинов не иначе как «подзаборными героями».

Впрочем, на безлюдье и Фома дворянин. За отсутствием истинных виновников взятия Пекина и подзаборные герои в эти радостные часы сходили за настоящими.

Сикхи, чтобы попасть в английское посольство, должны были пройти в него через

русское, затем по узенькой улице мимо ряда разрушенных китайских домов. Отсюда они попали прямо на кладбище с могилами, над которыми были поставлены белые кресты. Один из индусов, увидев их так близко от себя, зашатался и едва не упал в обморок.

— Нет, я дальше не пойду! — воскликнул он, весь побледнев.

Один из русских, вышедший встречать освободителей, кое-как успокоил его и поспешил вывести на другой двор, сообразив, что религиозные убеждения бронзового человека запрещают ему приближаться к «нечистым» трупам.

Несмотря на то, что войска всё входили и входили, пули продолжали носиться над зданиями посольств, над самыми головами вышедших навстречу освободителям бывших осаждённых. Одной из таких шальных пуль был ранен нидерландский посланник Кнобель, вышедший на мост вместе с посольскими дамами встречать входившие войска.

В улицу посольств Начала входить английская артиллерия. Вкатывали громадные орудия, вошёл целый караван маленьких мулов,

навьюченных боевыми снарядами...

Между тем, голова отряда подошла уже к английскому посольству. Сейчас же освобождённые европейцы имели случай полюбоваться эффектной театральной сценой.

Первым вошёл в здание посольства знаменосец и, опустившись на колени, держа в одной руке знамя, громко прочёл благодарственную молитву за дарование свыше британским войскам новой славы...

Только после этого начались официальные приветствия. Не успел ещё английский посланник Клод Макдональд и командир сикхов генерал Гезели завязать между собой разговор, как вдруг пронеслась весть, что один из индусов убит.

Так оно и было. Тот самый индус, который, увидя могилы, был ошеломлён зрелищем смерти и не хотел идти по кладбищу, не зная ещё опасности, выставился из-за баррикады, и сейчас же несколько китайских пуль уложили его на месте. Был, кроме того, ранен ещё один сикх. Двумя жертвами и ограничили все потери англичан в этот памятный день.

Пока в английском посольстве происходил обмен любезностями, русский моряк мичман Деи с частью морских солдат сделал смелую вылазку и лихо пробился к Цянь-Минским воротам. Здесь его встретили было китайцы, но натиск был так дружен, русское «ура» столь грозно, что китайцы разбежались, не помешав смельчакам открыть ворота, за которыми стоял уже отряд американцев с их генералом Чаффи во главе. На помощь к Дену поспешил начальник русского десанта лейтенант барон Раден, и китайцы были отогнаны к следующим воротам. Пять орудий и десять знамён трофеи русских смельчаков.

В четыре часа американцы, потерявшие четверых раненых по улице, входили уже в своё посольство.

Новая радость, новые приветствия, новые любезности...

А в это время русские орлы кончили уже своё славное дело.

Резервная колонна генерала Стесселя втягивалась в Пекин. С грозной четырёхъярусной башни, где маньчжуры заметили это движение и открыли по русским стрельбу из пу-

лемётов, в какие-нибудь полчаса шедший во главе колонны 9-й полк лишился 32 стрелков убитыми и ранеными в этой битве. Однако орудия 2-й батареи и пулемёты заставили замолчать маньчжурских храбрецов. Уже вечером к ним в башню ворвались японцы, и никто из защитников укрепления не спасся...

После этого резерв генерала Стесселя соединился с главными силами.

Штурм Пекина завершился...

С нетерпением ждали своих в русском посольстве. Зависть брала русских, когда они видели, как чествовали англичане и американцы своих героев.

Но вот и их мечты исполнились. На улицах маньчжурской части Пекина забелели русские рубахи и показались белые шапки. Один за другим выезжали из-под моста на своих малорослых косматых лошадёнках молодцы-казаки со своими удалыми офицерами. Прибыл главный штаб и вскоре после них и генерал Леневиц.

Мгновенно ожило всё русское посольство, жизнь закипела в нём ключом. Никаких театрально-эффектных церемоний при встрече не

было.

Истинные, великие душой герои в деланных эффектах не нуждаются. Объятия, поцелуи, слёзы радости встретили виновников освобождения европейцев.

Да, они были освобождены, и вся честь освобождения всецело принадлежит беззаветно храбрым, простым русским воинам...

В этот трудный и славный для русского имени день взятия Пекина наши потери были: генерал-майор Василевский, полковник Модль, капитан Горский, поручик Пиуновский и подпоручик Феокистов и 102 нижних чина ранены. Полковник Антюков и 27 нижних чинов убиты. Капитан Винтёр умер дорогой от солнечного удара. Японцы потеряли 70 раненых и 20 убитых. Англичане потеряли двоих, американцы — четверых. Французы на всё готовое явились только на другой день...

ЛII БЕГАЕШЬ!

Рошечная полутёмная комнатка, вся пропитанная запахом душистого чая и старого шёлка. Мрачно, тускло, серо. Свет проникает в неё с маленького дворика через небольшие окна, в которых, вместо стёкол, папиросная бумага. Эти окна никогда не открываются, они все плотно запаяны и замазаны. От этого воздух в помещении спёртый; дышать в нём тяжело, аромат пахучего чая стесняет дыхание...

Обстановка — вроде той, которую можно найти в глухой русской провинции. Вот только стульев здесь нет, да им негде было бы и поместиться. Всё заставлено сундуками, которые служат, какие повыше — столами, какие

пониже — сиденьями. На сундуках-столах поставлены в живописном беспорядке изящные безделушки под стеклянными колпаками, маленькие вазы из бронзы или нефрита; в них букеты из листьев, выточенных из слоновой кости. В углублении широкая низкая кровать под одеялом и пологом из тёмно-синего шёлка.

Мрачно, сыро, могильно...

За этой унылой, тоску наводящей спальней — небольшие комнаты. В них тоже пахнет погребом. Всюду чёрное дерево. На стенах несколько плохих картин, даже не вставленных в рамки... В одном из покоев рояль, фисгармония и большой орган.

Кругом этого причудливой архитектуры здания, в котором помещаются описанные мрачные комнаты, высокая стена, окрашенная в ярко-красный цвет.

Это — таинственная Великая стена Китая, куда до августа прошлого года не проникал от Сотворения мира ни один европеец.

В маленьком мрачном покое у рояля сидит молодой человек с нежными женственными чертами лица. Он очень, очень молод, но на

его лице явно лежит печать тяжёлого физического утомления, истощения даже. На его пальцах завившиеся совершенно спирально длинные ногти, свидетельствующие о том, что он никогда в жизни не занимался ручным трудом. Несмотря на них, молодой человек очень ловко извлекает из инструмента мелодичные звуки — грустные, томительно-грустные, словно выражающие ту грусть сердца, которую отражает это молодое, бледное, усталое лицо. Издали сквозь тонкие стены павильона доносятся грохот пушек и ружейная трескотня. Молодой человек, кажется, не обращает на них внимания, но когда залпы сливаются в общий ужасный рёв, он нервно вздрагивает, и тяжёлая физическая мука отражается на его красивом лице.

Он в эти минуты перестаёт играть и прячет лицо в ладони. У него нежные, холёные руки. Он словно плачет в эти мгновения, плачет о том, что всё прошло, навсегда миновало в этой молодой жизни, загубленной жизни...

Вспоминается ему эта жизнь.

Детство, очень раннее, покрытое туманом детства, которое и самому ему едва-едва пом-

нится. С детства поклонение, подобострастие, все на него смотрят, как на бога, говорят ему о том, что он, ребёнок, всё может, что ему всё доступно, а вместо этого всемогущества полное бессилие, невозможность даже выйти за эту проклятую ярко-красную стену, где, как ему во сне иногда снилось, и живётся счастливо, и дышится свободно, где, как червяки в мусоре, копошатся, но живут массы людских существ, о которых он слышал только, но никогда в жизни не видел!..

А между тем — странное это дело! — он любил эти существа, любил, даже и не зная их, никогда не видя: книги, тысячи книг научили его любить эти существа с тех пор, как только он начал сознавать сущность происходящих вокруг него явлений...

Ему хотелось что-нибудь сделать для этих существ, облегчить их тяжёлое существование, но едва он заикался об этом, его сейчас же вели в гарем, и там сотни красивейших женщин Китая заставляли его позабыть всю жалость, всю неожиданно вспыхивающую в его сердце любовь к народу... к его народу...

Но разве он так бессилён, что не может да-

же сделать счастливым ни одного жалкого кули? Он, повелитель 600 миллионов человеческих жизней, он — бог на земле для них, он — «сын Неба»!

Но нет, видно, что не может!

Когда он рвался душой к своему народу, гаремные развлечения и утехы очень скоро заставляли стихать все его порывы. В объятиях бесчисленных красавиц он забывал свои замыслы, свои планы, а когда угар отходил, приходилось приниматься за всё вновью, но для этого не хватало ни истощённых сил, ни убитой, растерянной в объятиях гаремных красавиц энергии. Всё пропадало, всё шло прахом...

И вспоминая все эти бесчисленные попытки, свою жажду принести пользу ближнему, беззвучно начинал рыдать над роялем великий «сын Неба», жалкий узник, не смеющий перенести ногу за эту красную стену, где другая, чёрная высокая стена отделяет императорский дворец, святую святых Китая, от всего остального мира...

Да, полновластный владыка на словах, жалкий узник на деле.

Он имеет только одно право — жить. Но эта его жизнь — не жизнь, а жалкое прозябание, лишённое всякого смысла.

Тяжёлая жизнь, ужасная жизнь!

Перед полными слёз глазами «сына Неба» вдруг словно из крошечной тьмы встаёт доброе, покрытое морщинами лицо. Узенькие выцветшие глаза отражают ум и душевную доброту; теперь они, эти добрые, ласковые глаза, смотрят тоскливо, печально, не то с великим сожалением, не то с кротким упреком.

— Кан-Ю-Вей! — чуть не вскрикивает, дрожа тщедушным телом, юный «сын Неба». — Друг, учитель, ты здесь, ты со мной, пощади меня, пожалей, научи!..

Но туман, туман слёз скрывает в себе это доброе, печальное старческое лицо, вызванное в воображении неотвязными думами о прошлом, и «сын Неба» один, опять один...

Вспоминается ему, как в своём друге и наставнике, учёном Кан-Ю-Вее, нашёл он, апатичный «сын Неба», опору своим замыслам, подтверждение всему тому, о чём он осмеливался мечтать, и то только тогда, когда оставайся один в своей душевной спальне...

Старый мечтатель-идеалист с восторгом выслушивал мечты своего воспитанника, и ему начинало казаться, что этот юноша в состоянии выполнить все свои громадные замыслы коренных реформ огромнейшей страны, реформ, которые необходимы были народу хотя бы для того, чтобы путём их избавиться от назойливости чужестранцев, только и думавших о том, чтобы поделить между собой тысячелетний Китай.

Да, Кан-Ю-Вей был великий патриот, но в то же время он был кабинетный философ. Он и в самом деле воображал, что реформы можно провести в жизнь народа одним росчерком пера. Он в своём увлечении воображал, что и в самом деле власть «сына Неба» так велика, что достаточно одного его слова, чтобы произвести коренной переворот. Консерватизм масс он не принимал во внимание, не принимал в расчёт и того, что у масс есть свои кумиры — более близкие, чем недоступный «сын Неба», которого никто не знал, никто никогда не видел, который был мифом, фикцией, всем, чем угодно, но только не существом, которое могло бы стоять близко к

простым людям из плоти и крови...

Да, Кан-Ю-Вей, живший на благо своей Родины, только и мечтавший о счастье своей страны и своего народа, проиграл дело, лишь только столкнулся с жизнью. Императрица Тце-Хси и принц Туан, кумиры толпы, победили, Кан-Ю-Вей только бегством спас свою жизнь, а все его сторонники погибли под секирами палачей.

А он, всесильный «сын Неба», неужели же он не мог вступить за них, за дело, которое через них стало и ему дорого?

Нет, нет, нет!

Теперь, когда прошло более двух лет, он весь трепещет, вспоминая взгляд правившей его именем женщины, с которым она поднесла ему бумагу для подписи, заключавшую в себе его отречение от всех прав...

Ужасный взгляд! Кровь «сына Неба» похолодела в жилах под этим взглядом... он прочёл в нём свой смертный приговор.

А жизнь его только ещё начиналась, он так был молод, смерть казалась ему чем-то страшным, не избавлением от жизни, которая для него была тяжелее смерти, а ужасом,

необъяснимым ужасом...

За всесильной женщиной стояли холодные, безучастные исполнители её воли, готовые по одному её знаку на всякое преступление. «Сын Неба» понял, что они недаром явились сюда — в эти священные для всего Китая покои.

Он понял, и бумага была подписана...

Ах эта женщина, ах эта всемогущая Тце-Хси!.. Она — злой демон Китая, она — виновница всех его бед.

Вот и теперь, второй раз уже при ней и из-за неё, Китай переживает ужасы чужеземного нашествия... Вот и теперь гремят эти пушки, трещат эти ружья — это иностранцы — «сын Неба» хорошо знает — подступили к тысячелетней столице и громят её твердыни...

Отчего нет здесь Кан-Ю-Вея? Добрый старик всегда говорил, что европейцы — это носители великого добра, великой любви к ближнему, света, правды, милосердия.

Скорее бы, скорее бы они приходили сюда, освободили бы его из этой тюрьмы, раззолоченной, но всё-таки тюрьмы...

О, «сын Неба» уверен, они идут сюда, что-

бы принести счастье его народу. Он не хочет верить Туану, который постоянно говорит, что появление европейцев для всякой иноземной страны хуже, чем самое ужасное бедствие: чума, голод, наводнение, что эти люди несут с собой не любовь братскую, а поругание самых лучших чувств, что везде, где бы они ни появились, гибнут народы, потому что для них на свете нет ничего святого, ничего достойного уважения...

Лжец, фанатик, изувер этот Туан! Что же из того, что он жил среди образованнейшего народа Европы и по его отзывам пригляделся к этим людям. Ничего, кроме добра, справедливости, милости, нельзя ждать от них. Придут они — и для Китая настанут золотые времена.

И загорается радостной надеждой взор этого несчастного «сына Неба»...

Вдруг позади него раздался шум торопливых шагов. Кто-то... бежал в заповедные для всего Китая покои.

«Сын Неба» словно узнал эти шаги. В явном ужасе он вскочил с табурета и быстро обернулся.

На пороге стояла очень пожилая женщина с набелённым лицом и сильно нарумяненными щеками и накрашенными бровями. Её роскошное одеяние было в беспорядке, длинные поседевшие волосы прядями висели на покрытом потом лице.

Это была женщина, которая всегда вызывала ужас в «сыне Неба», — императрица-регента Тце-Хси.

Она была одна.

— Сын мой! — воскликнула она; голос её заметно дрожал. — Ты видишь, я пришла, и вот... вот...

С этими словами она протянула задрожавшему всем телом юноше тонкую золотую пластинку.

Другая такая же осталась у неё в руках.

— Разве настало время? — упавшим голосом спросил «сын Неба».

— Да! Иноземцы вступили уже в священный город...

— И нет никакой надежды?..

— Нет! Погибли неё наши вожди, на которых мы могли надеяться... Погибли Нэ, Юн-Лу, Ли-Пи-Ченг... Они не перенесли поражения...

Наш план не удался. Русские, против которых восстанавливали нас иностранцы, пошли во главе их. Они победили нас, и Китай погиб... Время настало. Лучше умереть «сыном Неба», чем жить презренным рабом иностранцев. Будь мужественен, сын мой!..

Неожиданный порыв овладел молодым человеком:

— Но я не хочу умирать! Я должен жить и буду жить... Иностранцы — не варвары. Они идут, неся добро моему народу. В его бедах виновны вы и только вы со своими приверженцами. Я хочу жить, чтобы исправить всё зло, какое причинено вами... Нет, никогда, время не пришло.

— Теперь поздно рассуждать, — холодно сказала Тце-Хси. — Ты умрёшь, хотя бы для этого мне пришлось задушить тебя своими руками, умрёшь сперва ты, потом я умру! Так должно быть, так и будет...

Она с угрожающим видом сделала шаг вперёд и снова протянула «сыну Неба» роковую пластинку.

— Не заставляй меня прибегать к силе! — грозно произнесла императрица, вся дрожав-

шая от гнева. — Это легко... Приложи золото ко рту и втяни в себя... Несколько мгновений — и всё будет кончено, ты умрёшь благородной смертью.

Тце-Хси всё наступала, а «сын Неба» отодвигался всё дальше с вытянутыми вперёд руками.

Грозная, непреклонная дотоле воля столкнулась с слабой, и несомненно, что в этой неравной борьбе победа осталась бы за Тце-Хси, но как раз в последний момент, когда разгневанная императрица готова была кинуться на свою жертву, в покой вбежали двое людей.

Это были Кан-Ий и принц Туан, главные виновники движения против европейцев. За ними следовал престарелый Ван-Вен-Чао, бывший печилийский вице-король, и Синь-Хо, как всегда бесстрастный.

— Тце-Хси! вскричал Туан. — Что это значит?

— Помогите мне! — прохрипела регентша. — Он должен умереть!

— Ты хочешь лишить нас последней надежды! — воскликнули Туан и Кан-Ий. — Нет,

нет! Мы не допустим ни тебя, ни его до смерти.

— Всё погибло! — воскликнула Тце-Хси.

— Ничего не погибло ещё...

— Пекин — не вся страна Неба... Погибнет всё, если он умрёт... Пока же он жив, мы не побеждены. Слышишь, Тце-Хси: не побеждены! Весь наш народ восстанет за него, а иначе... иначе... Или ты не знаешь, что Минги не всё ещё исчезли, что у них есть приверженцы... Нет, не думай о смерти, а думай о жизни... Спасение всего нашего дела в нашем бегстве... Бежим, Тце-Хси! Бежим! Повозка ждёт нас... Куанг-Сю! Не вздумай противиться... Идём скорее, идём, если только вы любите свою страну!..

— Но куда? — Тце-Хси подчинялась воле, сильнейшей, чем её воля.

— Мало ли куда! Страна Неба велика... Есть места, куда никогда не смогут проникнуть варвары. Пока мы укроемся в Синь-Ань-Фу. Народ за нас и верен нам... Проклятые иноземцы! Не долго вам придётся смеяться над нашей страной... Идёмте же скорее! Никаких сборов! Всё необходимое мы найдём на пути.

Он решительно схватил Тце-Хси за руки, в то время как Кан-Ий увлѣк «сына Неба».

У крыльца дворца стояли несколько простых повозок. Около одной из них ожидал бледный и дрожащий принц Цин, глава цунгли-яменя. На руках у него был ребёнок, которого он поспешил передать регентше. Этот ребёнок был сын принца Туана, наследник престола, будущий «сын Неба».

Кругом стояли конные солдаты, все прекрасно вооружѣнные. Их было около тысячи — всё, что мог собрать Туан в эти последние минуты.

— Отчего я не вижу Тун-Фу-Сяна? — спросила императрица, принимая на руки маленького наследника престола. — Где он?

— Он там, в городе, — ответил Туан. — Его маньчжуры сдерживают штурм, чтобы дать нам время уйти подальше отсюда... Тун-Фу-Сян нам верен, и все его воины соберутся снова к нему...

«Сын Неба», сопровождаемый принцем, уже вошёл в кибитку. Туан заглянул к нему и, убедившись, что все уже заняли свои места, знаком приказал подать себе коня.

Когда он садился в седло, взгляд его упал на неподвижно стоявшего Синь-Хо.

— Ты остаёшься здесь? — тихо спросил принц.

— Да, это необходимо... Я буду следить за иноземцами... Я не могу считать наше дело окончанным...

— Оконченным! — засмеялся как-то свирепо Туан, хотя эта свирепость вовсе не шла его задумчивому лицу. — Нет, Синь-Хо, оно не окончено, не проиграно... Оно только начинается... О проклятые! — погрозил он кулаком в ту сторону, откуда доносились гром пушек и гул рукопашного боя. — Вы теперь явились сюда, вы — победители, вы взяли верх... Но погодите, погодите! Не я, так мой сын, внук явятся к вам с миллионами, с десятками миллионов воинов, и тогда, тогда...

Туан не договорил. Кортёж тронулся вперёд. Эскорт окружил повозки, с жадностью глядя на бледное лицо «сына Неба», которого китайцы так близко видели впервые.

ЛІІІ ВСПЫШКА

Елена сейчас же узнала о бегстве двора. Старый Чу, плача, сообщил о происшествии маленькой Уинг-Ти, а та прибежала немедленно сказать своей подруге.

— Уинг-Ти, дорогая! — воскликнула, не помня себя от радости, Елена. — Они бежали. Стало быть, Пекин уже взят... Наши здесь! Я скоро увижу своих, отца, маму... Николая... О Господи! Благодарю Тебя!

Уинг-Ти, однако, казалась печальной. Елена заметила это.

— Милая, дорогая Уинг-Ти, — заговорила она, обнимая и целуя маленькую китаянку. — Что с тобой? Скажи мне, отчего ты такая скучная? Разве ты не рада? Ну говори же!

Уинг-Ти тихо плакала:

— Чему мне радоваться? Твоя радость понятна... Ты скоро увидишь своих, вернёшься на родину. А куда пойдёт бедная, маленькая Уинг-Ти?

— Зачем так говорить? У тебя есть братья и он... этот лихой казак!..

Китаянка покачала головой:

— Я не знаю, что с братьями, где они... а он... этот казак... он забыл бедную Уинг-Ти. Какое ему дело до меня? Если он и увидит меня, то отвернётся с презрением... Разве он поверит, что Синь-Хо был всегда ко мне добр и обращался со мной, как отец?..

— Поверит, поверит... Ах, Уинг-Ти, Синь-Хо был добр и ко мне, все они добры были... Они вежливы, деликатны, предупредительны. И кто решится пустить этот слух, что китайцы — звери? Мы, две слабые, беззащитные девушки, всецело были в их власти, и ничего, кроме добра, не видели от них... Все, все... Я видела этого страшного принца Туана, о котором все мне ранее говорили, что это — дикий зверь, а он... он, веришь ли, Уинг-Ти, говорил со мной, как нежный отец, и обещал даже пе-

ревести на французский язык одну из сочинённых им сказок... А эта императрица... Про неё тоже рассказывали ужасы, а она — я два раза её видела — ласково улыбалась мне и однажды погладила меня по голове. А ведь она знала, что я здесь пленница. И все... все... они так хорошо относились к нам. Я уже ничего не говорю о Вань-Цзы! Ах, вот и он... Синь-Хо с ним. Легки на помине!

К павильону подходили Вань-Цзы, Синь-Хо и старый Чу.

Лица у всех троих были бледны, хотя Синь-Хо сохранял обычное спокойствие.

— «Сын Неба» уехал, стало быть, скоро здесь будут иностранцы! — говорил Чу. — Моя старая жена, узнав об этом, сказала мне: «Я стара уже и не боюсь смерти, но я не хочу умереть от руки варвара, не хочу, чтобы они оскорбляли моих дочерей и внучек. Я решила покончить с жизнью, ты же должен убедить девушек сделать то же». Так она мне сказала.

— А ты что ответил ей? — спросил Синь-Хо.

— Я отвечал так: «Ты права, старая, это — единственный путь избежать бесчестия и по-

зорной смерти».

— Хороший ответ! — похвалил Синь-Хо.

— Потом я позвал к себе моих дочерей и внучек, — спокойным тоном продолжал старик. — И сказал им: «Милые дети, вы знаете, к нам в город вступили иностранные войска. Они придут, наверное, и к нам. Вас ждёт смерть. Они безжалостны и никому не будет пощады. Вы знаете также, что весь род наш отличался мужеством и добродетелью, и вы должны найти путь, как сохранить незапятнанной вашу честь, какой бы дорогой ценой вам ни пришлось заплатить за это». И они все, как одна, ответили мне: «Отец Чу, мы знаем, что мы должны делать, и не будем противиться своей судьбе».

Старик замолчан.

— Белые варвары скоро будут здесь, заметил Синь-Хо.

— Когда они подойдут к этой стене, то найдут моих девочек бездыханными! — ответил Чу и кротко взглянул на главу «И-хо-туана».

Тот молчал, только губы его кривила нервная судорога.

На глазах у Вань-Цзы, безмолвно слушав-

шего старика, выступили слёзы.

— Но, может быть, ничего этого не нужно будет, потупив голову, молвил он.

Синь-Хо сурово взглянул на него.

— Неужели ты можешь ждать чего-нибудь хорошего от людей, у которых вместо сердца камень, вместо чести сплошное лицемерие? — спросил он. — Ты знаешь европейцев...

— Не все они таковы! — попробовал возразить Вань-Цзы. — Вспомни, среди них есть русские...

— Русские сделали своё дело... Они были честными врагами, и нет стыда для нас быть побеждёнными ими. Но теперь выступают европейцы. Они шли сюда и прежде всего имели в виду завладеть Пекином, сокровищницей Азии, столицей, где в течение сорока веков собирались богатства всего мира... О, русские скоро уйдут, и тогда горе, горе Пекину!.. А ты, старик, — обратился он к Чу, — иди и постарайся, чтобы решение твоих девушек осталось непреклонно. Умирают только раз.

Чу поклонился и отстал от Синь-Хо и Вань-Цзы.

Те уже подходили к павильону, где жила Елена.

Девушка, завидев их, выбежала на крыльцо.

— Вань-Цзы, милый Вань-Цзы, — звала она. — Идите скорее! Дорогой, хороший Синь-Хо! Скажите, правда ли, что русские вступили в Пекин?

— Правда! — ответил, опустив голову, Вань-Цзы. — К нашему несчастью, это правда.

— О, как я рада! Простите меня! Я понимаю ваше горе, но вы поймите моё чувство...

Такая шумная радость — предвестница близкой печали, — заметил Синь-Хо.

— Что? Что вы хотите этим сказать? Уж не погибли ли мои отец и мать?

— Нет, Елена, они живы! — успокоил Вань-Цзы.

Но каково нам переносить всё, что происходит вокруг...

Все трое вошли в павильон.

Синь-Хо с удовольствием огляделся вокруг и словно про себя сказал:

— Жаль!

— Чего вам жаль, Синь-Хо? — воскликнула

Елена.

— Вы говорите загадками.

— Всего жаль, девушка, всего... — печально объяснил глава «И-хо-туана». — Скоро камня на камне здесь не останется.

— Но почему же, добрый Синь-Хо?

— Потому что здесь европейцы.

— Ах, зачем вы так говорите, мой добрый друг! Вы не знаете европейцев.

— Нет, я их хорошо знаю.

— Не знаете, иначе вы не говорили бы так!.. Вы и милого Вань-Цзы заставили думать о них худо, и он заразился вашими воззрениями... Перестаньте! Никто из европейцев никогда и никому не сделает зла. Они же все христиане!..

— Зачем же тогда они пришли сюда? — поднял голову Синь-Хо. — Что им здесь нужно?

— Но этот бунт... — заикнулась Елена и сама испугалась.

Жёлтое лицо Синь-Хо всё налилось кровью. Глаза засверкали, он был ужасен.

— Ты осмелилась сказать «бунт», несчастная! — вскричал он. — Какое лицемерие!

Бунт? Против кого?.. Восстал ли хоть один из самых буйных жителей нашей страны против своего законного правительства? Нет! Озлобившийся народ сам погнал от себя гнусных хищников, волков в овечьей шкуре, которых послала сюда Европа, нацепив на них вывески проповедников любви к ближнему... О, народ не слепой! Слышишь ты, белолицая девушка?..

— Синь-Хо, прошу вас, успокойтесь! — вступился Вань-Цзы.

— Теперь-то успокоиться! Когда же не сказать всей правды, как не в эти последние минуты? Лицемерие, лицемерие! Бунт, мятеж... против кого?

Синь-Хо вдруг осёкся, огляделся и увидел испуганное лицо Елены.

— Простите меня, — тихо сказал он. — Вы были здесь до сих пор гостьей, а я... я, кажется, забылся... Но поймите и вы, какие чувства волнуют нас. Зачем вы сказали это слово — «бунт»? Бунт может быть только против законных властей, а разве Европа уже стала правительством Китая?.. Нет. Она к этому стремится, и когда ей удастся это, то, пожа-

луй, всякое восстание в Китае можно будет считать бунтом, а до тех пор — нет...

Синь-Хо замолчал; потом после минутного молчания продолжил:

— Восставал ли когда-нибудь китайский народ против ваших священников, русская? Никогда! Христиане по вашему обряду всегда жили в мире с последователями Кон-Фу-Цзы и Лао-Цзы. Гнев народный обрушивался только на тех посланцев Европы, которые, проповедуя любовь, сами стремились к насилию над свободной волей, над духом своего ближнего. Вы скажете, что сожжена теперь в Пекине ваша духовная Миссия, что разорено селение христиан по вашему обряду. Но разве обезумевшая толпа в состоянии разбирать правых и виноватых? Прискорбно, что пострадали невинные. Но такое везде может случиться, не только в Китае... Если бы могли знать, сколько в Пекине погибло людей, которых нельзя заподозрить в приязни к европейцам, сколько разрушено зданий ни за что ни про что... Толпа не разбирала. Кто не шёл с нею, тот был против неё... Да и когда всё это случилось? Только тогда, когда Европа посту-

пила с китайским народом, как поступают с бунтовщиками. Европейцы вторглись в пределы Китая, европейские полки пошли на столицу великой страны, а когда наше правительство нашло нужным оформить это и само объявило войну, над нами смеялись те, которые должны бы были краснеть от стыда. Называли безумием это объявление войны одиннадцати державам. И вот мы стали бунтовщиками, мятежниками. Это мы, во главе которых до сей минуты остаётся законное правительство с признанным всем миром правителем... Эх!

Синь-Хо глубоко вздохнул.

— И отчего всё так! — продолжал он. Говорить о любви к отечеству, постоянно кричать о ней, только кричать — это доблесть для европейца, а любить его, как любим все мы, умирать за него — это мятеж... И расправляться будут с нами, как с мятежниками. Вы, вероятно, увидите это сами. Уже сейчас бродят по Пекину европейцы. — Они ещё не освоились здесь, но едва попривыкнут, и тогда... горе моей Родине! — глаза Синь-Хо загорелись злобщим огнём. — Однако даром это им не прой-

дёт... На свою беду они пришли сюда! Горе им, когда страна Неба станет под ружьё, как стала Европа! Тогда мы будем предписывать законы миру и тогда сами станем глядеть на европейцев, как на бунтовщиков. Шестисотмиллионный народ в состоянии поступить так. Что тогда скажет Европа? Вон и теперь там, на белом материке, говорят, что к нам не пустят оружия... Да стоит только показать горсть золота европейцам, как у нас будет всё, что нужно: и лучшее, чем в Европе, оружие, и лучшие мастера, и учителя военного дела... А теперь, теперь нас просто застали врасплох... Ну что же! Погиб Пекин, но не погибла страна Неба...

Страшный крик донёсся до павильона Елены из глубины парка.

— Что это! — обомлела девушка. — Уинг-Ти...

Уинг-Ти, рыдая, вбежала в павильон.

— Кто там кричит? Что случилось? — с тревогой спрашивала Елена.

— Ах, я видела... сейчас видела! — задыхаясь от волнения, заговорила маленькая китаянка. — Дочь и внучка старого Чу бросились в

колодец...

— Вань-Цзы! Синь-Хо! Что это? — воскликнула Елена.

— Это? Это значит, что близко ваши прославленные европейцы! — с холодной улыбкой ответил Синь-Хо. Китайские девушки предпочитают смерть неволе.

— Господи, да как же это? — растерялась Елена. — Вань-Цзы, Синь-Хо, их надо остановить. Им нужно сказать, что европейцев нечего бояться, что они не сделают им никакого зла, ни малейшего зла...

— Не хотите ли убедить в этом сами? — жёстко улыбнулся Синь-Хо. Что ж, попробуйте. Вань-Цзы, проводите гостью.

— Пойдёмте, Вань-Цзы, умоляю нас, пойдёмте! — Елена хватала молодого китайца за руки. — Их нужно спасти... Уинг-Ти, пойдёмте же...

Вань-Цзы бледный как полотно последовал за девушкой.

LIV НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

Уть не бегом, задыхаясь от волнения, опередив своего спутника, достигла Елена домика старого садовника.

Она уже не раз бывала здесь и, очутившись на пороге, не заметила никакой перемены, как показалось ей на первый взгляд.

Старый Чу сидел у окна с книгой в руках и, казалось, читал её. Только вряд ли он мог разобрать в ней что-нибудь. Очки старика были влажны. Их залили слёзы, ручьями струившиеся из глаз.

— Чу! — вскричала Елена, припомнив, что старый садовник понимает по-английски. — Где ваши дочери? Где ваши внуки?

Новый душераздирающий вопль донёсся

из парка.

— Тринадцатая... Последняя! — ответил старик и сделал вид, что углубился в чтение.

Елена почувствовала, что горло ей будто сжали тисками; в глазах у неё потемнело, комната садовника так и заходила Ходуном. Девушка тихо вскрикнула и без чувств упала на сундук, заменявший диван.

Уинг-Ти и Вань-Цзы, успевшие нагнать её, кинулись к ней на помощь.

Старый Чу встал, положил книгу, протёр очки и, не говоря ни слова, вышел в парк.

Не дошёл он и до ограды парка, как глазам его представилось страшное зрелище.

За густо разросшимися кустами акаций, на лужайке у колодца он увидел двенадцать дорогих ему тел. Все они висели на ветвях тех деревьев, под которыми так часто резвились.

— Здесь только двенадцать их. Где же Колокольчик? — вспомнил старик о любимой младшей внучке, прозванной так за звонкий голосок. — Неужели она не сумела последовать за сёстрами?..

Вдруг ему послышался некий шум из глубокого колодца.

— Спасите, спасите меня! — узнал старик голос Колокольчика.

Чу обеими руками схватился за свою седую голову.

— Что это? Неужели её душа преследует меня? — не своим голосом закричал он и опрометью бросился к выходу из сада.

Он бежал, не видя перед собой ничего, пока чьи-то грубые руки не схватили его за грудь.

Только тогда он опомнился и увидел, что его держат несколько европейских солдат, немцев и англичан. Двое, очевидно, их начальников, стояли тут же.

— Ага! Вот мы и нашли проводника! — обрадовался один из последних. — Как вы думаете, мистер Томкинс... Нам везёт?

— Да, да, герр Гауптман! Я думаю, что этот старик будет нам полезен... Только надобно его расспросить хорошенько, где у них тут спрятаны красавицы...

— Расспросим, непременно расспросим! — Гауптман подошёл к несчастному Чу.

Он стал показывать знаками, что ему нужно, но Чу только трясся всем телом, очевидно,

не понимая, что нужно от него этим людям, нетвёрдо стоявшим на ногах.

— Я говорю, что ему следует рассказать всё толком, — воскликнул Томкинс. — Позвольте мне поговорить с ним... Поверьте, я очень опытен и сумею заставить эту негодную скотину понимать меня... О, в Южной Африке эти негодяи буры разумели всё, когда спрашивал их я... Вот вы сейчас увидите!

Он достал из кобуры револьвер, подошёл к Чу и при ставил ствол к виску старика.

Вид несчастного был жалок. Колени его подгибались, он весь дрожал, слёзы текли из глаз, но именно этот вид вызвал самое весёлое настроение в державших его солдатах. Они так и заливались громким хохотом, глядя на жалкую фигуру своего пленника.

— Спрашивайте, герр Гауптман, прошу вас, и вы увидите, что он сейчас заговорит, — воскликнул Томкинс, но как раз в это время пошатнулся.

Неволью рука, держащая револьвер, сделала движение. Раздался выстрел, и Чу повис на руках у солдат.

— Эх, дьявол! — выругался Томкинс. —

Нечаянно нажал спуск раньше времени! Что же нам теперь делать!

— Пойдёмте искать сами, — Гауптман захохотал.

— Что вы? — спросил его товарищ.

— Если вы, сэр, всегда так говорили с бурами, то вряд ли вам удалось чего-нибудь добиться от них, объяснил свой смех немец.

Томкинс сделал недовольную мину.

— Мало ли какие промахи бывают в нашей жизни! сухо заметил он и обратился к солдату. Вы что-то, сэр, желаете мне сказать?

— Я желаю доложить вашей милости, что китаец ещё жив. Ваша пуля только ранила его...

— Ну так что же? Бросьте эту пададь, вот и всё...

— Не будет ли гуманнее добить его?

— Э, не стоит! У нас не хватит пороха, если мы по каждому китайцу будем стрелять дважды... Пусть околевает, как ему угодно... Пойдёмте далее, господа! Позвольте мне обнять вас, достойный товарищ!

И англичанин с немцем пошли вперёд, напевая:

*— Любовь — это рая блаженство,
Спешим! Нас красавицы ждут.*

Солдаты последовали за ними только после того, как обшарили карманы несчастного Чу.

В самом весёлом настроении они достигли лужайки, где висели трупы несчастных девушек. Ужасное зрелище не произвело на них никакого впечатления.

— И здесь то же самое! — воскликнул Гауптман. — Эти дурочки не пожелали дожждаться нас... Я уверен, что они повесились сами.

— Очень умно сделали, что не утопились в колодце! — заметил Томкинс. — Это бы испортило воду! Но не будем терять времени и пойдём далее; я уверен, что наши поиски увенчаются успехом...

— О, и я на это надеюсь вполне! — воскликнул Гауптман. — Идём, дорогой друг, спешим, летим, любовь нас ждёт!

В это время Вань-Цзы и Уинг-Ти кое-как привели Елену в чувство, но девушка сейчас же вспомнила восклицание старого Чу и за-

лилась слезами.

— Где они, где эти бедняжки? Покажите мне их, умоляю вас! — восклицала она.

— Они умерли, Елена! — печально сказал Вань-Цзы.

— Тогда я хочу видеть их тела... О, Вань-Цзы, если вы не поведёте меня к ним, я пойду с Уинг-Ти.

— Нет, я вас не оставлю... Если вам так это желательно, я пойду с вами. Только зачем это ненужное волнение? У вас и без того напряжены нервы...

— Нет, нет! Я так хочу...

Вань-Цзы только пожал плечами.

В голосе Елены слышались нотки, предшествующие истерике, и китаец решил, что он как-нибудь сможет по дороге отвлечь Елену от её намерения.

Они только что вышли, когда из-за кустов вдруг выдвинулись Томкинс и Гауптман.

— Э-э! Что я вам говорил, дорогой друг? — закричал первый. — Взгляните-ка, две китайочки и даже, чтоб я ослеп, прехорошенькие!

— Да, но с ними китаец!..

— О, такой соперник не опасен. Штыки мо-

их солдат и пули моего револьвера сумеют охладить его пыл! Эй, ребята, успеете на обратном пути обшарить там карманы. Живо сюда!

Елена, увидав европейцев, взвизгнула от радости и бросилась к ним с протянутыми руками.

— Эге, красотка не из дикарок! — воскликнул Томкинс. — Эту мне, а ту вам, герр Гауптман, а ребята сейчас придут и займутся этим молодцом...

— Как я рада, что наконец вижу европейцев! воскликнула Елена, подходя к Томкинсу и не замечая, что делается позади неё.

— И я также рад видеть такую красавицу! — ответил англичанин и, как только она подошла, схватил её в объятия.

Елена дико вскрикнула. Другой крик — Уинг-Ти, к которой подбежал Гауптман, — отвечал ей.

Ловким движением Елена выскользнула из объятий англичанина и, прежде чем тот успел опомниться, ударила его по лицу.

— О, роза-то с шипами! — воскликнул Томкинс. — Но, красотка, всё равно ты от меня не

уйдешь... Всё-таки нужно поторопить ребят!

В то же мгновение раздались проклятия Гауптмана. Это Вань-Цзы с нечеловеческой силой отшвырнул его от Уинг-Ти, а сам кинулся к Елене.

— Вас обидели? — негодовал он.

Девушка тяжело дышала.

— Позор!.. Это — европейцы... — задыхаясь, говорила она. — Это... это — англичане, передовая нация Европы... Ах! Вот они, вот!..

Томкинс и его трое солдат подошли к ним.

— Взять этого негодяя и расстрелять! указал он на Вань-Цзы.

Пятеро здоровых парней — Гауптман успел уже присоединиться к ним — кинулись на китайца, вовсе не отличавшегося большой физической силой.

Елена, схватившись за голову, смотрела на эту безобразную сцену.

Борьба пятерых с одним (совершенно по-европейски!) продолжалась очень недолго. Солдаты осилили и связали бедного Вань-Цзы, лицо которого было всё в крови.

Но он оставался в полной памяти.

— Сэр, — заговорил он на чистом английском

ском языке. — Выслушайте меня! Эта девушка русская, и вы должны возвратить её родным...

— Это можно будет сделать и завтра! — с циничным смехом отвечал Томкинс. — Но сегодня она моя. На правах военной добычи... Ты же, молодец, вспомни что-нибудь из своего Конфуция, умирать будет веселее... Ребята, целься!

Елена с безумным криком кинулась, надеясь своим телом защитить несчастного, но Томкинс успел перехватить её.

— Успокойся, успокойся, красавица! — смеялся он. — Ты и не представляешь, как мы весело проведём с тобой время! Эй, Гауптман. Вы подождите меня... Ребята, или!

— Как я счастлив, что я — не европеец! — воскликнул Вань-Цзы, но залп грех ружей заглушил его голос.

Он как подкошенный рухнул на землю...

Но в это время случилось нечто совершенно неожиданное...

На лужайку, где происходила эта сцена, делая огромные скачки, выбежал высокого роста человек в боксёрском с красными перья-

зьями одеянии.

— Я вам дам, ублюдки, пленных баб обижать! — во всю глотку по-русски крикнул он.

Европейцы на мгновение оцепенели; потом Томкинс бросил Елену, Гауптман — Уинг-Ти, солдаты — свои ружья, и все пятеро кинулись бежать прочь, оглашая воздух переполошёнными криками:

— Боксёры! На помощь, спасите!

Загадочный боксёр, тот самый, который накануне штурма Пекина вошёл в столицу, в один прыжок очутился около брошенных англичанами ружей, схватил одно из них и что было силы швырнул его в убежавших. Ружьё шлёпнулось около удиравшего Гауптмана, и тот завизжал, как ошпаренный...

Не обращая более внимания на беглецов, боксёр кинулся к девушкам. Елена была уже около бесчувственного Вань-Цзы и старалась остановить кровь, бежавшую из двух ран у него на груди. Первой на глаза боксёру попала маленькая китаянка.

— Уинг-Ти! — крикнул он. — Ты ли это?

Та широко раскрыла от изумления глаза и тихо вскрикнула:

— Казак!

— Он, он самый! Он и со всеми потрохами! — кричал боксёр, облапив маленькую китайку и осыпая её лицо поцелуями. Эй вы, Чибоюйка, Тянь-Хо-Фу! Гайда сюда скорее, бросьте вашу образину! Сестрёнка нашлась...

Это Зинченко у моста На-Ли-Цяо изображал из себя посланного маньчжура. Его же спутники были сыновья Юнь-Ань-О.

Смелый казак попался в руки китайцев как раз перед тем, когда отряд под начальством Шатова кинулся на китайский лагерь на берегу Пей-хо. Десятеро китайских солдат вышли следом за тем, который стал жертвой Тянь-Хо-Фу.

Как ни силён и ловок был Зинченко, а с десятью он всё-таки справиться не мог. Братья же вдруг исчезли, как сквозь землю провалились. Казак ждал уже себе смерти, но, к его великому изумлению, китайцы не убили его, а потащили за собой. Как раз в это время на китайский лагерь и было произведено нападение с двух сторон, а солдаты, захватившие Зинченко, предпочли не возвращаться в свой лагерь, а удрать подальше от поля битвы.

Зинченко они берегли: русские в плену были необыкновенной редкостью. В Хе-Си-У они сдали пленника своему начальству. Казака заковали и бросили в сырой тёмный погреб. Ему уже было известно, что наутро его распилят тупой пилой перед строем китайских солдат, и Зинченко Думал только о том, чтобы ему не выдать перед врагами чувства боли.

В глухую полночь по лестнице погреба спустился какой-то человек с узлом в руках. Это был Чи-Бо-Юй. Он с братом, благодаря своим боксёрским костюмам, смог подойти к часовым, караулившим погреб и не подозревавшим в этих «носителях духа» своих заклятых врагов. Выбрав удобную минуту, братья закололи часового и притащили пленнику платье.

В боксёрских одеждах им удалось свободно уйти из Хе-Си-У. Зинченко порывался немедленно возвратиться к своему отряду, но братья доказали ему, что это значило бы без всякой пользы идти на верную смерть. Им пришлось бы пробираться через всю китайскую армию, и Зинченко непременно выдал

бы себя. Вместо этого они предложили идти на Пекин и там дожидаться, когда туда войдут русские. О победе русских под Хе-Си-У и о движении их на Тун-Джоу они ничего не знали. Им приходилось пробираться там, где нельзя было ожидать никакой встречи с китайцами. В Пекине они уже были в полной безопасности. Там Зинченко слился с массой. Но один раз он чуть не выдал себя...

— Экие подлецы! — забывшись, выбранился он, увидев разрушения, произведённые в Пекине самими китайцами.

Братья так и замерли... Боксёр, выражающий свои чувства на чужом языке... да разве это не привлекло бы внимания тех из и-хо-туанов, которые слышали бы восклицание такого своего товарища?.. К счастью, никто ничего не услышал, и опасное мгновение миновало.

У братьев была своя цель, которая Зинченко стала понятна только тогда, когда они были уже в Пекине. Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу явились в Пекин с намерением во что бы то ни стало отыскать убийцу своего отца и похитителя сестры, чтобы расправиться с ним по-

своему.

Только в Пекине они определённо высказались по этому вопросу. Зинченко припомнил своё столкновение с «образиной» и, понятно, выразил полное согласие помогать братьям.

Они отправились на поиски, видели бегство двора и, наконец, выследили Синь-Хо, когда он с Вань-Цзы прошёл в павильон Елены.

Осторожный Чи-Бо-Юй не позволил брату и приятелю напасть на сына Дракона немедленно. Он даже оставил их в чаще парка, а сам отправился на предварительную разведку.

Когда он подполз к павильону, Синь-Хо был один.

Сообразив, что это — самый удобный момент овладеть им, Чи-Бо-Юй позвал своих товарищей.

— Синь-Хо один! с несказанной радостью объявил он. — Нас трое. Мы без всякого труда и риска схватим его...

Зинченко поморщился:

— Один, говоришь? А нас трое!.. Нет, на од-

ного втроём идти не годится... Подло это, братцы.

— Синь-Хо очень силён! — возразил Чи-Бо-Юй.

— Знаю, на себе испытал. А всё-таки втроём на одного не пойду... Ещё бы пушку поставить!

— Казак, казак! — посетовал Чи-Бо-Юй. Ты бросаешь нас, ты лишаешь нас мести...

— Уж чего я там лишаю, не знаю, — возразил Зинченко, — а образину я к начальству с превеликим удовольствием сволоку. Помню я его... Только пойду я один на один, а вы стойте... Сломит меня образина, ну, ваше тогда дело. А до того самого времени — нишкни, милые люди!

Он решительно кинулся к павильону.

— Безумец! — воскликнул Чи-Бо-Юй. — Погибнешь сам и нас погубишь...

Но на этот раз Зинченко не сплеховал. Он уже знал, с кем будет иметь дело. Да и Синь-Хо или утомился за это время, или апатия овладела им. Только сопротивление его было слабым и непродолжительным. Управившись с противником, Зинченко связал ему руки

боксёрским кушаком.

— Что, образина! Чей верх! — тяжело дыша после борьбы, говорил казак. — Будешь знать, как казённые мундиры рвать!..

Синь-Хо сразу узнал казака.

— Это ты? — даже улыбнулся он. — Я знал, что ты и сыновья старого Юнь-Ань-О вошли в Пекин, и знал даже зачем.

— Так чего же зевал, не ловил нас? — с удивлением спросил Зинченко. — Или жизнь надоела? Чибоюйка так против тебя и пышет, зачем у него батьку зарезал... Карачун тебе!

Синь-Хо улыбнулся:

— Нет возможности избежать назначенного судьбой. И ты убивал себе подобных. А чувствуешь ли ты муки совести? Нет, потому что ты исполнял свой долг... А вот и мои судьи!

Братья вошли и с торжеством смотрели на сокрушённого врага.

— Спасибо, казак, спасибо! — воскликнул Чи-Бо-Юй. — Мы никогда не забудем твоей услуги...

— Ну ладно! — отозвался Зинченко. Только пальцем не смейте его тронуть... Я его к начальству сволоку, там всё по справедливости

рассудят.

Как раз в это время раздался вопль Елены, а за ним ружейные выстрелы.

Синь-Хо весь побледнел:

— Это они! Это варвары!.. Казак, спеши... спеши помочь несчастным!.. они погибнут... Беги скорее, собери все свои силы, не медли...

В голосе китайца слышались и мольба, и приказание.

— А кто там? — спросил Зинченко.

— Беги — увидишь... Скорее!

Словно что-то подтолкнуло Зинченко, и он огромными прыжками бросился в ту сторону, откуда раздавались крики и выстрелы.

— Одно только его появление напело панический ужас на пятерых негодяев, только что выказавших столько храбрости с беззащитными...

— Когда первый взрыв радости прошёл, Зинченко оставил Уинг-Ти, взволнованную, раскрасневшуюся, и обратил внимание на Елену с Вань-Цзы.

— А это кто же будет? — спросил он, кивнув на русскую девушку.

— Ты помнишь, казак, в Порт-Артуре капи-

тана?

— Какого? У вас ведь что ни офицер, то капитан!

— Того, что пришёл, когда ты боролся с убийцей моего отца!

— Их благородие поручика Шатова?

— Да... Это — его невеста!

Зинченко радостно вскрикнул и в один прыжок очутился около Елены.

— Матушка-барыня, тьфу, тьфу, барышня... ручку позвольте!

Ничего не понимая, Елена в ужасе отстранилась. Она видела перед собой боксёра и даже не соображала, что тот обращается к ней по-русски.

— Ручку, ваше высокоблагородие! — повторил Зинченко.

— Кто вы? — изумилась Елена.

— Я-то? Я амурский казак Зинченко Андрей, сын Филатов, а так как вы — их благородия поручика Шатова невеста — то ручку-с...

Он был в таком восторге, что даже не заметил, как Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу вышли на прогалину, где всё это происходило. Младший брат тащил на плечах связанного Синь-

Хо.

Братья уже увидели Уинг-Ти и теперь стояли перед ней с таким спокойствием, словно только недавно расстались с нею.

— Эй вы, олухи! Чего же не целуетесь? Или сестрёнке не рады? — посмеялся над братьями Зинченко.

Но, увидев Вань-Цзы, без чувств лежавшего в луже крови, казак наклонился над ним и покачал головой:

— Отделали беднягу, прохвосты!.. Эх, кабы пораньше мне подоспеть!.. Но чу!

До них донеслись шум шагов и бряцанье оружия...

— Вот неожиданность! — расхохотался Синь-Хо. — Слышите вы, русские? Это идут европейцы, и вы все сейчас будете перебиты... Прячьтесь лучше!

— А ведь он правду говорит, — согласился Зинченко. — От таких подлецов, как те, что напали на вас, всего можно ожидать...

— Это — европейцы! — желчно повторял Синь-Хо. — Те, которых вы, русские, привели сюда. Вы своей кровью открыли им путь, вы побеждали, а они будут грабить и убивать...

Вот они...

Взвод солдат выходил на лужайку; впереди в качестве проводников были Гауптман и Томкинс.

— Вот, вот боксёры, капитан!.. Ради бога, прикажите стрелять скорее... Ай, ай! Этот дьявол бежит к нам, мы погибли!

И храбрецы сейчас же поспешили спрятаться за спину выступившего вперёд русского офицера.

Страшный боксёр, между тем, бежал прямо к отряду.

— Круподёры! Свой ведь я — казак Зинченко!..

Вдруг он остановился как вкопанный и, вытянувшись, поднёс руку к своему боксёрскому колпаку; доложил по форме:

— Честь имею явиться к вашему благородию. Казак Андрей Зинченко.

— Зинченко! Ты? Тебя ли я вижу? — с чувством глубокой радости воскликнул офицер, чуть не бросаясь к казаку с распростёртыми объятиями.

Это был Шатов.

Он проходил с частью своей роты вблизи

парка, когда вдруг к нему подбежали Томкинс и Гауптман. Их солдаты разбежались.

— Капитан... капитан! — перебивая друг друга, кричали «герои». Скорей! Там засели боксёры! Сотни боксёров! Тысячи боксёров! Миллионы боксёров!.. Они напали на нас, но мы успели отбить с честью их нападение. Однако их было так много, что мы не могли удержать позиции... Мы отступили согласно правилам военного искусства.

— Где боксёры? — воскликнул Шагов. — Пойдёмте скорее!..

— Не лучше ли послать за подкреплениями? Вытребовать русскую артиллерию и казаков? Ведь их там... очень много.

— Ну это мы там увидим, сколько их! — бросил Шатов. — Ребята, за мной!..

— Вот варвар! — прошептал Томкинс Гауптману. — Он даже не желает принять необходимых мер предосторожности...

Теперь увидев, что офицер едва не обнимается с мнимым боксёром, герои пришли в полное негодование.

— Что это значит? — восклицали они, всё ещё прячась за спины русских солдат. — Это-

го негодяя следует немедленно расстрелять...

Шатов услышал их:

— Этот негодяй составил бы честь любой европейской армии. Достаточно сказать: он русский... Но что это? Что? Уж не сон ли я вижу!..

К нему бежала Елена.

— Коля, милый! — захлёбываясь слезами радости, кричала она. — Слава Богу, ты спасёшь нас от этих негодяев...

— Спасу, спасу.., Как ты здесь? Но где же китайцы?

— Какие?

— От которых ты просишь спасти меня!..

Елена вздрогнула и выпрямилась вся. На лице её выразилось презрение.

— Я пробыла с китайцами весь тот месяц, когда они более всего были ожесточены против европейцев, — сказала она. — И я не видела от них ни малейшей подлости. Когда же пришли европейцы сюда, я и моя подруга чуть не сделались жертвами ужасного насилия... Только этот храбрый человек спас меня... Слышите, Шатов? Не от китайцев нужно нас спасать, а от европейцев!

— Я ничего не понимаю! — воскликнул поручик. — Елена Васильевна, милая, да скажите же, в чём дело тут? Меня позвали сюда, сказав, что здесь банда боксёров, которых нужно разогнать. Я пришёл... Но где же боксёры?

— Вот! — указала Елена на Зинченко, смущённо теревившего свой колпак.

— Скажи ты мне, что такое? — обратился к казаку Николай Иванович.

— Барышня закричали, — путаясь в словах, отвечал тот. — Я, стало быть, побег, а они — пятеро их было — одного расстреляли, а двое барышню да ещё Чибоюйкину сестрёнку облапили... Ну я зыкнул на них, они и побегли...

Лицо Шатова так и вспыхнуло гневом.

— Господа!.. — воскликнул он, поворачиваясь и отыскивая глазами «достойных» товарищей, но ни Томкинса, ни Гауптмана уже рядом не было.

«Господа» вовремя сообразили, что попали впросак, и поспешили скорее унести ноги; благо, бегать они умели.

— Ну и дьявол с ними!.. — махнул рукой

Шатов. — Лена, как я рад! Как это всё неожиданно!.. Ну слава богу! Мы опять вместе и теперь не расстанемся... Но это кто? Чи-Бо-Юй! Тянь-Хо-Фу!.. Я слышал о ваших делах, молодцы... Кто это связан?

— Образина, ваш-бродь! — доложил Зинченко.

— Кто?

— Извольте вспомнить... который в Порт-Артуре мундир мне располосовал... Так вот — он самый!

— Это хороший, добрый человек! — вступилась за Синь-Хо Елена. — Я и Уинг-Ти не видели от него ничего иного, кроме добра...

— Он убил нашего отца! — мрачно сказал Чи-Бо-Юй. Если русский отпустит его, он будет нам врагом. Да он и не отпустит, когда узнает, что это — вождь-пророк и-хо-туанов...

— Н-да!.. не зная, что делать, покачал головой Шатов. Ну да мы его возьмём с собой. Там будет видно, кто он, и что... Но я вижу раненого.

— Николай, спаси его! — воскликнула Елена. — Это лучший из китайцев, это Вань-Цзы.

— Как? Тот самый, о котором писали мне и

ты, и Варя!

— Он...

— Но что с ним?

— Его убили эти негодяи... Спаси, спаси его!..

— Поздно, — раздался тихий голос.

Это Вань-Цзы пришёл в себя.

— Поздно, — повторил он. — Я умираю! Спасибо вам, Елена, за заботу... Я вижу здесь русского офицера... не жених ли это ваш?..

Да, он!.. — бросилась к китайцу девушка. — Но, Вань-Цзы, вы не умрёте... вас отнесут в госпиталь... Там вынут пули, и вы будете жить...

— Нет, нет... Напрасно всё, — шептал умиравший. Зачем жить? Моя Родина, бедная, многострадальная Родина, во власти европейцев... Вы на себе узнали, Елена, что они за люди... Страну Неба ждёт поругание и разорение... Эх, зачем ваши соотечественники ввязались в это дело!.. Но я счастлив! Я не увижу позора Родины... Подойдите ко мне, Елена, наклонитесь... Подойдите и вы, русский... Вы любите её? Любите, любите! Я умру, радуясь, что она будет счастлива... Елена, Вань-Цзы

умирает... Бедный китаец!.. Вы для него были солнцем! Елена! Я... я любил вас... вы были мне дороже всего... Я любил вас, не ожидая от вас ничего, не мечтая о взаимности. Эта любовь была тихая, она дарила мне счастливые минуты... Как хорошо любить бескорыстно. Елена!.. Поцелуйте меня... Умиряющего можно... Так... Прощайте, прощайте... Родина моя, бедная, поруганная...

Что-то заклокотало в груди Вань-Цзы. Он скончался.

— Вот дело европейцев! вдруг раздался голос Синь-Хо.

Он приподнялся на локтях, глаза его так и сверкали.

— Они расстреляли того, кто был убеждённым сторонником их превосходства над Китаем, они убили его, когда в будущем, и в недалёком будущем, этот несчастный, ставший трупом, осуществил бы, только с пользой для своей страны, все замыслы безумного Кан-Ю-Вея... Они убили его! проклятые!

Синь-Хо, выдавшим многие сотни случаев смерти, сам проливавший кровь, зарыдал. Рыдали Елена и Уинг-Ти. Шатов и Зинченко

отвернулись — не по себе им было. Только Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу с ненавистью смотрели на сына Дракона.

А в нескольких шагах замер небольшой русский отряд.

Истинные герои, действительные победители китайцев, смотрели во все глаза, не понимая, в чём дело. Чувствовали они только своим простым сердцем, что свершилось нечто нехорошее, позорное...

LV ПО МАНЬЧЖУРИИ

Зянь-дзюнь Цицикара Шеу переживал такие минуты, каких он никогда ещё не испытывал в своей жизни.

Мертвенно-бледный, с дрожащими губами, с трясущейся головой, метался он по покоем своего великолепного дворца в Цицикаре, нигде не находя себе места.

Шеу был гордый человек и патриот до мозга костей. Он страстно любил свою Родину, любил её такой, какой она была, и ему казалось, что ничего лучшего, чем то положение, в котором был Китай, и быть не может. Благодаря такому убеждению Шеу был консерватором, охранителем многотысячелетних устоев родного быта, хотя в то же время ясно созна-

вал, что жизнь быстро движется вперёд и людям нужно сообразоваться с этим движением.

Ради пользы Родине он задумал дело, казавшееся ему великим. Бедняга Шеу, вопреки всем договорам, заключённым между Россией и Китаем в Маньчжурии, решил воспользоваться смутным временем и сразу овладеть всей Великой Магистралью, сооружение которой! было близко к окончанию.

Он забыл, а может быть, и не знал о заключённых договорах и в овладении великим рельсовым путём видел только пользу для своей страны.

С каким восторгом он прочёл указ из Пекина об объявлении войны всем вообще иностранцам, а значит, и русским!

Но Шеу выказал себя в этом случае совершенно недалёковидным. Он ненавидел европейцев, презирал их всей душой, но совсем упустил из виду, что эти жалкие пигмеи и русский народ, народ-богатырь, великан, далеко не одно и то же.

Шеу по своей близорукости смешал тех и других и жестоко поплатился за это.

Вполне уверенный в успехе, он бросил огромные полчища к Айгуну с тем, чтобы овладеть Благовещенском и отсюда перейти в наступление; затем послал целые орды к Харбину, главному русскому пункту на магистрали; он усилил гарнизоны Ажехе, Хай-Чена, которые поэтому стали неприступными, и вдруг...

Словно гром ударил с безоблачного неба, когда к Шеу пришли роковые вести: у Харбина лучшие маньчжурские войска рассеяны; Нингут, Хай-Чен, Ху-Лань-Чен, Эхо, Ажехе взяты, Сахалин против Благовещенска стёрт с лица земли, Айгун — эта грозная пограничная питатель — пал под ударом русских сил, и русские полки, сметая всё на своём пути, идут на его Цицикар...

Ничего подобного он не мог ожидать. Вместо победы — его разбили наголову во всех пунктах.

Горе, горе, горе!

Дзянь-дзюнь положительно потерял голову; он не знал, что предпринять в столь отчаянном положении.

Русские шли на него и со стороны Айгуна,

и со стороны Хайдара, шли, побеждая во всех боях. И в таком положении Шеу не с кем даже было посоветоваться. Он был разделён с двумя другими правителями Маньчжурии: гиринским и мукденским дзянь-дзюнями.

Вдруг ему явилась мысль — мысль, какую может подсказать только безумие отчаяния. Шеу вспомнил, что у него и Цицикаре томятся в заключении несколько русских пленников, нижних чинов охранной стражи, захваченных на одной из станций Великой Магистрали.

«Они мне заплатят за всё!» — в бешенстве решил он и хлопнул в ладоши.

Явился один из его секретарей.

— Вывести русских пленников на площадь! — приказал Шеу. — И вызвать палачей!

Он был страшен в безумном гневе, но в то же время никто в Цицикаре не смел его послушаться, ибо Шеу ещё оставался хозяином положения.

На площадь были выведены пленники, измождённые, еле державшиеся на ногах, но полные решимости умереть, как умирают русские люди — слепо глядя в глаза смерти и

памятуя, что самая ужасная гибель, самые страшные муки лучше, чем измена долгу и Родине.

Вместе с ними явились палачи.

С ужасом увидали несчастные в их руках всевозможные орудия пыток: тупые пилы, воронки для вливания в горло кипятка, ножи для сдирания кожи...

— Эх братцы! Пришла наша пора пострадать за Русь-матушку! — говорил один из служивых, косясь на палачей.

— Что же! На роду, видать, так написано! отвечал тихо другой. — Держаться только надо, чтобы виду им не показать...

— Подержимся... Никто, как Бог!

— Готовься, ребята! Бодрее только...

Даже перед готовившимися мучениями эти люди, может быть, только с виду сохраняли полное Спокойствие. Страшным усилием воли они подавляли в себе ужас и готовы были ради долга перед Родиной безропотно, без воплей, без стонов встретить свой смертный час.

— Поскорей бы! — вздыхали несчастные. — Чего томят-то?

— Душу выматывают... Хуже пытки!

Но из дворца Шеу не приходило приказа-
ния начать казнь.

Там имела место другая драма.

Перед Шоу на коленях молила пощадить пленников его молодая любимая жена. Она хватала его за руки, осыпала их бесчисленными поцелуями, самыми нежными словами убеждала его образумиться и отменить казнь.

— Русские добры, — страстно шептала она. — Они простят всё, простят нападения наши... Поймут же они, что ты только исполнял приказание. Но зачем же озлоблять их против себя напрасно?.. Умрут эти люди или будут жить — всё равно. А русские придут сюда...

Высокие брови Шоу грозно нахмуривались.

— Они не придут! — сурово отрезал он. — Я не пущу их в Цицикар...

— Они идут... Они близко... Пощади же их земляков, и они, в благодарность за это, пощадят нас завтра...

Как ни ослеплён был яростью Шоу, он понимал справедливость этих слов, и только од-

но упрямство поддерживало сейчас его решение...

— Нет! — воскликнул он. — Пленники умрут... Я сам пойду и придумаю для них пытки. Пусть хоть они поплатятся за всё, что мне приходится переживать... Они умрут...

Вдруг Шеу страшно побледнел и, схватившись руками за голову, кинулся к окну.

— Что это? вскричал он. — Не может быть! Я ослышался... Кто стреляет?

До дворца совершенно ясно доносилась трескотня отдалённой перестрелки.

На площадях и улицах Цицикара в смущении заметались люди, не зная, что им делать, куда деваться.

— Русские! Русские близко! — слышались отчаянные вопли.

Да, русские были близко, совсем близко. Шёл отряд генерала Ренненкампа, всюду на своём пути сбивавший с позиций полчища врагов.

Напрасными оказались все труды европейских инструкторов. Никакая наука не пригодилась, когда обученные немецкими унтер-офицерами китайские полки сошлись

один на один с русскими героями. «Яко дым от лица огня», таяли бесчисленные полчища, и везде, где только ни появлялись наши молодцы-казаки, всегда бывшие впереди, враспынную бежали перед ними их противники.

Теперь после перехода, который смело может быть назван «полётом орлов», отряд генерала Ренненкампа был уже под стенами Цицикара.

Труден был его поход. Выступить приходилось совершенно неожиданно. Не была организована как следует даже интендантская часть, но молодцы-сибиряки бодро шли вперёд.

Одним из самых ожесточённых сражений в Маньчжурии, где всецело проявлено было величие духа русского солдата, был пятнадцатичасовой бой новокиевского отряда генерала Айгустова у сильнейшей маньчжурской крепости Хун-Чун, грозившей опасностью всему нашему Приуссурью.

Хун-Чун, занятый многочисленным гарнизоном, положительно мешал нашим войскам идти в поход на столицу Маньчжурии Мукден.

— Господи, да когда же мы развяжемся с Хун-Чуном? — ворчали томившиеся бездействием офицеры восточносибирских 15-го и 16-го полков, квартировавшие в Новокиевске. — Этак нам и делать будет нечего... Поглядите-ка, все работают, только мы бездействуем.

Военные всей душой рвались в бой. Приказ о выступлении ждали с минуты на минуту, и никто не понимал, чего это медлит генерал Гродеков, обыкновенно энергичный и решительный.

Вдруг в мгновение высшего напряжения по Новокиевску пронеслась весть, что отдан приказ о походе на Хун-Чун.

— Слава Богу! — торжествовали. — 15-й и 16-й стрелковые пойдут?

— Да, с тремя батареями — горной, мортирной и нештатной Посъетской.

— А казаки?

— Да разве где-либо без них обходится?... Две сотни: читинцы и уссурийцы. Сапёры из Владивостока назначены! Поведёт генерал Айгустов...

Эти вести передавались из уст в уста. Под-

нялось необыкновенное оживление. Всё внимание, все заботы сосредоточивались только на предстоящем походе...

Выступил отряд и после односуточного перехода был уже у Хун-Чуна.

— Жаркое дело будет! — переговаривались в рядах готовившихся к штурму воинов.

— Ещё бы не жаркое! Лучшие войска Мукденской провинции здесь... Даром не сдадутся...

Ожидания оправдались. В пятом часу утра 17-го июля начался бой, и только после восьми часов вечера стало очевидным, что русские победили.

Китайцы доказали, что за стенами крепости они могут стойко выдерживать нападение даже такого сильного врага, как русские...

В бою пали подполковник Постников, командир 6-й горной батареи, подпоручик 16-го Восточно-Сибирского полка Квятковский и шестеро нижних чинов.

Смерть офицеров и товарищей страшно возбудила стрелков. Забывая об опасности, на штыках ворвались они в крепость, и там начался бой.

— Братцы, голубчики! — вдруг пронёсся крик. — Стой, стой, не трожь длинноколых... Взгляните на них...

Солдаты остановились.

— Тьфу ты! — сплюнул один из них и опустил занесённый было над головой китайского солдата приклад.

А кругом слышался хохот...

Китайские офицеры сбежали, едва только русские стрелки пошли на штурм. Но солдаты все остались на своих местах. Стрелки ворвались в крепость с оглушительным «ура», началась кровавая штыковая работа, а никто из китайцев даже не сходил с места. Они готовы были умереть возле своих орудий, но не расстаться с ними...

Всё объяснилось очень просто... Оказалось, что сбежавшие в бою от орудий китайские офицеры, опасаясь, чтобы того же раньше не проделала орудийная прислуга, взяли да и приковали её к орудиям цепями...

Хун-Чун был взят. Впечатление этого боя было таково, что в самом городе и в его окрестностях не осталось ни одного жителя. Все разбежались, объятые паническим ужа-

сом, хотя мирным жителям не причинено было ни малейшего вреда.

Падение крепости Хун-Чун имело решительное влияние на весь дальнейший ход событий в этом районе военных действий: дорога внутрь страны — на Гирин — была открыта.

Несколько ранее того китайцам уже удалось познакомиться с русскими молодцами и получить от них крепкую зуботычину в битве под Эхо.

Эта битва замечательна тем, что она расстроила все планы китайских стратегов, намеревавшихся собрать войска и устроить под Эхо отчаянное сопротивление наступавшим.

Началась она с того, что высланы были 90 казаков охранной стражи, чтобы восстановить испорченный китайцами телеграф. Станционники довольно беспечно, словно были вполне уверены в превосходстве своих сил, углубились в страну, занятую сплошь отличными, казалось, неприятельскими войсками, стягивавшимися в эти места в огромном количестве. Дорого пришлось бы им поплатиться за свою беспечность. Под Таймагоу они бы-

ли встречены и окружены громадными китайскими силами. Казалось, настал конец нашим молодцам. Китайцы ясно видели своё превосходство и уверенно теснили отряд.

— Ребята, умирать приходится! — слышались восклицания.

Положение, в самом деле, представлялось безвыходным.

— Умирать нужно, так и умрём. На это сил хватит! ободрял товарищей вахмистр Перепелкин из 17-й сотни охранной стражи. — Эка невидаль — умереть...

— Со славой умрём!

— И то не удивительно, мы — русские и помирать иначе не умеем. И другое нужно.

— Что, что?

— Пробиться, вот что!

— Где тут! Ишь длиннокосых — кипень...

— Попытаться всё-таки можно. Кто, ребята, со мной? и, перекрестившись, Перепелкин с шашкой наголо помчался один прямо туда, где, как это можно было судить, находился командир китайских войск.

С десяток товарищей последовали за смельчаком-вахмистром.

С обычными гиканьем и гамом неслись отчаянные храбрецы в самую гущу неприятеля; все они словно преобразились. Это были какие-то демоны войны, для которых не существовало никаких преград. Вот они врубались в ряды уже смутившихся и неловко топтавшихся на месте китайцев. Лошади сами грудью расталкивали оторопевших людей. В несколько прыжков Перепелкин очутился около китайского командира. Взмах шашки — и несчастный китаец, дерзнувший остановить казаков, свалился с лошади мёртвый, и кругом в ужасе разбегались его солдаты, поражённые гибелью своего вождя.

Казаки сразу начали преследование и шали беглецов, работая теперь не столько шашками, сколько не менее страшными для беглецов нагайками...

Спустя несколько дней произошла стычка, в которой китайцы опять оказались, рассеяны; причём было отнято много орудий и знамён, а на другой день разведчики-казаки принесли известие, что три главных форта крепости Эхо оставлены неприятелем, отодвигавшимся вглубь Маньчжурии к Нингуту, в кото-

ром они и засели.

— Подозрительно что-то, толковали разведчики. — Отходят без сопротивления... Так не полагается.

— Пусть бы казаки пошарили в фортах. Может быть, что и выяснится...

Снова охотники и разведчики кинулись к оставленным крепостям. Те действительно были пусты. Недолго думая, казаки взорвали склады патронов, которых китайцы заготовили несметное количество, и пороховой погреб и только собрались уходить, как вдруг разнеслась весть, что у деревни Эхо собрались китайцы.

— И кавалерия, и артиллерия, и пехота там... Их видимо-невидимо... — докладывали разведчики.

— Нужно скорее по начальству доложить. Если теперь длинноносых не разогнать, потом ещё больше их соберётся!

Против китайцев был послан подполковник Виннинг с сотней казаков и 14-й сотней белых хунхузов, как называли на Великой Магистрале охранную стражу.

Дурная слава была у охранников. Белые

хунхузы — это ещё не последняя обидная кличка, которой величали наших охранителей строившегося великого рельсового пути. Да, пожалуй, все прозвища не совсем несправедливыми были. В железнодорожной охране служили люди с русской широкой натурой, а по самому роду своей службы они были обречены на томительное бездействие. Наняли их, посадили в чужую страну, обязали караулить путь. Праздность полная. Денег много, времени девать некуда, тоска смертная; дела никакого, а зелена вина — море разлитое. Понятно, в особенности при полной безответности населения, что ширилась и ходуном ходила могучая русская натура. Русская удаль проявлялась в далеко не желательном виде; бывали обиженные; начальство стражи отделивалось подачками, а это вызывало жалобы на обиды, которых порой и не было.

Эти-то жалобы и стали причиной появления обидных прозвищ.

Но вот над Великой Магистралью грянул внезапный гром. И что же? Эти же люди, для которых не было иных наименований, кроме самых обидных, предстали в совсем дру-

гом свете. Они вместо прежнего презрения вызывали всюду восторг и изумление. Прежняя бесцельная удаль и бесшабашное ухарство превратились в истинное геройство. Очищение станций железной дороги, сбор служащих в главный пункт если и прошли без особых потерь, то только благодаря беззаветной храбрости, гениальной находчивости именно этих людей. Безумно дерзкие при нападениях на превышавшего их численностью врага, львы во время отступлений, они заставили в очень короткое время забыть все свои былые прегрешения и заново создали себе репутацию, примирив с собою всех, вынудили уважать и благодарить себя за подвиги.

Белые хунхузы исчезли, вместо них явились удальцы-герои, которым очень и очень многие из агентов Великой Сибирской Магистрали были обязаны сохранением жизни.

Вот эти-то люди и кинулись под начальством Виннинга против китайцев, лишь только получено было известие, что их войска преградили путь внутрь страны. Перед самым Эхо нападавшие были встречены цепью китайских стрелков, прикрывавших собой

атаку кавалерии.

Вопреки всякому ожиданию, кавалеристы-маньчжуры атаковали русских с большой храбростью. Они так и лезли вперёд, а огонь китайских стрелков подкреплял решительность этой атаки. Подполковник Виннинг отдал приказ отступить, а китайцы расхрабрились ещё более. Это был чуть не первый случай, чтобы русские отступали перед ними. Китайцы не поняли даже того, что было это вовсе не отступление. Виннинг просто-напросто отводил свой отряд к наиболее удобной позиции. Как ни рвались вперёд китайцы, огонь стойкого противника сдерживал все их порывы, пока русский отряд не вышел в долину, где можно было бы перейти, в свою очередь, в атаку. В одно мгновение люди окопались и встретили китайскую конницу таким огнём, что недавние храбрецы струхнули и затоптались на месте. В это время на них кинулись казаки и охранная стража. Куда девалось китайское геройство!.. Бедняги кинулись врассыпную, за кавалеристами побежала и пехота, и в то самое время, когда Виннинг со своими удальцами напал на

защитников Эхо с фронта, на них же ударили обошедшие их и успевшие прибыть вовремя от главного отряда подкрепления. Бой разгорелся сразу в нескольких местах. В подкрепление прибыли драгуны, рота пехотинцев, сотня охранной стражи и два орудия. Сейчас же начали бить по противнику залпами с тыла. Затем пехота с ружьями наперевес кинулась вперёд, а охранники уже неслись по долине, атакуя с фронта.

Китайцы не выдержали и кинулись наутёк. Их прекрасная артиллерия, последнее слово великого мастера смертоносных орудий Крупна, не принесла никакой пользы. Выстрелы были беспорядочные, не причинявшие атакующим вреда. В конце концов орудия Крупна достались победителям... Бой был кончен, китайские войска — сбиты со всех пунктов. Потери китайцев были велики, у русских — сравнительно небольшие: четверо тяжело и двое легко раненных, да ещё один казак охранной стражи Горбунов.

Из «строя выбыла» лошадь подполковника Виннинга, всё время находившегося впереди своих храбрецов.

Когда бой был кончен, к начальнику отряда явился вахмистр 17-й сотни охранной стражи Перепелкин, тот самый, который под Таймагоу зарубил начальника китайского отряда, окружавшего русских.

Бравый вахмистр, видимо, поставил своей главной целью «дошкуривать» китайских «отцов-командиров».

Во время боя при Эхо он пробился к главному китайскому начальнику и ухитрился выбить его из седла.

— Имею честь представить вашему высококородию! вытянувшись в струнку, протягивал он подполковнику Виннингу объёмистый, туго набитый портфель.

— Это что? — удивился Виннинг.

— Секреты-с ихние! — рапортовал вахмистр. — Как это, значит, наскочил я на их китайское превосходительство, а они изволили сие в сумку у седла спрятать... ну я и взял сие для передачи начальству... Имею честь представить!

Виннинг торопливо пересмотрел бумаги.

— Спасибо, молодец! — похвалил он.

— Рад стараться, ваше высококородие! —

улыбался вахмистр.

Бумаги, которые он отнял у начальника китайского отряда, оказались первостепенной важности. В них сообщалось о сборе всех местных войск у крепости Эхо и о предстоявших действиях против русских. Это был стратегический план кампании, и благодаря тому, что он попал в руки к русским, все замыслы китайских стратегов были нарушены...

Подполковник Виннинг отослал план и все бумаги к генералу Чичагову в Никольск-Уссурийск.

Это было одно из самых блестящих дел. Но не в одном блеске его крылось значение сего дела, так же точно, как и взятие Хун-Чуна.

Описанные решительные бои не только открывали русским путь в Гиринскую и Мукденскую провинции, но ещё облегчили до последней возможности действия харбинского отряда, то есть того, который под начальством генерала Сахарова шёл на выручку харбинцам.

Генерал Гернгросс со своими молодцами доблестно отразил нападение китайских полчищ на этот важнейший из железнодорож-

ных пунктов Великой Магистралю, но, тем не менее, положение его было тяжёлым. Харбин находился как раз посередине между двумя крепостями Ху-Лань-Чен и Ажехе; из глубины страны ему грозили: Баян-Ту, Сян-Синь, Баян-Су, крепости, которых никоим образом оставлять за собой в тылу было нельзя.

Таким образом, несмотря на блестящую победу и отбитый неприятельский штурм, положение Харбина всё-таки было очень незаметным.

Благодаря победам мундучанского отряда генерал Сахаров, как уже сказано, мог идти на выручку Харбина совершенно свободно, не опасаясь нападения с тройской стороны. Поход свой из Хабаровска он начал, поднявшись по Амуру до станицы Михайло-Семёновской, где впадает в великую реку Маньчжурии Сунгари, и от этой станицы углубился в сторону, поднимаясь вверх по течению реки.

Возможность пользоваться рекой значительно облегчала трудность передвижения войск, которые следовали вверх по течению Сунгари на пароходах и баржах.

На первых же шагах по реке Сунгари доро-

гу русским орлам преградила сильная крепость, или, вернее, форт, командовавший над обоими берегами. Форт этот назывался Лауши и был занят многочисленным китайским гарнизоном.

— Будет дело! — толковали на палубе «Газимура», транспортного парохода, шедшего во главе небольшой флотилии.

— Н-да! Быть не может, чтобы китайцы пропустили мимо Лауши...

— Ещё бы пропустили!.. Оттуда вплоть до Вань-Ли-Хотина путь совершенно свободен, а там до Сян-Синя всего одна крепость Баян-Ту, которая может идти в счёт.

Места были все исторические. С первого момента появления здесь русских людей, они в полном мире и согласии жили с китайцами и маньчжурами, и только роковая вспышка разом уничтожила добрые отношения.

Многие сердца дрогнули, когда «Газимур» подошёл к Лауши. Отряду предстояло первое большое дело.

Да и вообще в эту маньчжурскую кампанию Сибирь сдавала свой боевой экзамен. И выдержала его блестяще!

Одна, исключительно своими силами, управилась она с ужасным врагом; не только отбилась от него, но даже побеждённого и обессиленного сложила к ногам своей метрополии — общей матери Руси великой.

Едва только «Газимур» подошёл к Лауши на пушечный выстрел, как из крепости загремели орудия.

Это китайцы храбро посылали своё боевое приветствие подступавшему могучему противнику.

На русском пароходе головы обнажились, руки творили крестное знамение.

И на «Газимуре» загремели пушки. Трескотня винтовок почти слилась с ними. Люди же сосредоточенно молчали, ожидая приказаний начальника авангарда генерал-майора Алексеева.

Всем было известно, что на берег уже посланы разведчики, и от их донесений зависит дальнейший ход дела.

Но скоро оказалось, что особенно тревожиться не стоит.

— Смотрите! Китайцы-то бегут! — пронёсся по палубе крик.

Так точно. Десант ещё не был спущен на берег, а защитники Лауши, приведённые в ужас канонадой с пароходов, уже оставляли своё укрепление.

В то же самое время разведчики донесли, что за фортом находится укреплённый лагерь, куда и направились беглецы.

— Занять!.. Китайцев выбить и разогнать! — приказал начальник авангарда.

Мигом десант был спущен на берег. Войска рвались в бой. Чуть не бегом домчались сибиряки-стрелки до импаня и с оглушительным «ура!» ударили по врагу.

Сибирцы не успели даже близко подойти к импаню, а тот уже был очищен неприятелем. Китайцы разбежались, побросав оружие...

Три версты наши молодцы преследовали удиравшего врага, и в то же время на левом берегу Сунгари уже кипела работа. Солдаты срывали и разрушали укрепления Лауши, предавали огню все деревянные постройки.

Военной добычей победителей оказалось то, что более всего им было нужно...

На пароходах, вёзших десант, не было запасено достаточно топлива. Китайцы позабо-

тились о том сами, чтобы избавить русских солдатиков от лишней работы. У Лауши оказались громадные дровяные склады, которых беглецы не тронули даже.

Первая боевая встреча харбинского отряда с врагами окончилась полной победой русских.

Сразу поднялся дух русских воинов:

— Ай да мы! Пришли, ахнули — и длинноносые, что зайцы, врассыпную...

Что-то дальше будет!

— Да, пожалуй, то же, что и теперь... Где им против нас!..

На протяжении целых 160 вёрст вплоть до селения Вань-Ли-Хотин отряд генерала Сахарова шёл, не встречая никакого сопротивления. Правда, кое-где по берегам реки встречались посты неприятелей, но они были столь незначительны, что сломить их не представляло труда.

Из прибрежных сел и деревень жители разбежались при первом только известии о приближении русских войск. Убежали они и из Вань-Ли-Хотина, но оставшиеся там китайские солдаты попытались было задержать от-

ряд. Их разогнали выстрелами с пароходов, а селение было сожжено.

Сожжено было и другое селение: Вань-Дза, место, ставшее до некоторой степени историческим.

Отсюда всего за пять дней до прихода отряда китайцы обстреливали беззащитный пароход «Одессу», вёзший из Харбина семейства служащих магистрали.

При приближении к этому селению невольно припомнились всем бывшим в отряде некоторые эпизоды из приключений злополучной «Одессы».

Кают-компания парохода битком набита безоружными людьми. Множество женщин и детей. Все довольно спокойны. От Харбина и до Вань-Дза китайцы пропускали «Одессу» без всяких препятствий; можно было вполне надеяться, что и дальнейший путь будет пройден благополучно.

Вдруг откуда-то извне раздаются страшные звуки, сухие, отрывочные.

— Это что? — в недоумении спрашивают одни.

— Что-то забивают! — отвечают другие.

Но в это мгновение раздаётся отчаянный крик. словно какая-то неведомая сила приподнимает из-за стола молодого инженера Берштейна. Лицо его бледно и искажено ужасом. Он хочет что-то сказать, но не может. Шальная пуля, попавшая в каюту через люк, поразила его в грудь. Рана оказалась смертельной, и через полтора часа несчастный умер.

А пока он мучился в предсмертной агонии, наверху, на палубе «Одессы», шла ожесточённая перестрелка. Пятеро храбрецов железнодорожных агентов, вооружившись винтовками, лихо отвечали на вражеские залпы.

Один из этих стрелков, техник Заблоцкий, особенно выделялся среди товарищей. Пули сыпались вокруг него, не причиняя ему ни малейшего вреда.

— Заблоцкий-то заговорён! — шутили товарищи. — Его пуля не берёт...

«Одесса» кое-как вышла из-под обстрела. Стихла трескотня винтовок, китайцы попрятались. На палубе русского парохода облегчённо вздохнули.

— Ну слава богу! Пронесло беду!

Заблоцкий положил накалившееся ружьё.

— Спустишь вниз, — сказал он. — Своих проведу. Перепугались, верно...

На «Одессе» была вся его семья. Сошёл он в каюту. Слава богу! Все дорогие сердцу люди целы, невредимы. С чувством душевного облегчения присел техник на койку, и как раз в этот момент с берега грянул ещё один — и на этот раз последний — залп. И что же?.. Под пулями Заблоцкий оставался невредимым. А здесь, всё-таки под защитой бортов, ему пришлось убедиться в правдивости изречения «чему быть, тому не миновать». Пуля, пробив борт, ударилась о железную обшивку каютной стенки, сплюснулась, исковеркалась и в виде бесформенного куска свинца ударила в ногу несчастного, сделав огромную рану. Ранение было настолько серьёзным, что долго причиняло Заблоцкому невыносимые страдания, которые едва сумели несколько облегчить в хабаровском госпитале.

Как бы в наказание за это вероломство, Вань-Дза была сожжена отрядом генерала Сахарова.

Много опасений в командире спешившего

на выручку отряда возбуждала крепость Баян-Ту.

Это тоже было историческое место.

За три дня до прихода отряда здесь, несколько ниже Баян-Ту по течению Сунгари, был убит отставной полковник Винников, бывший агентом китайской дороги на Сянсиньской пристани.

— Ну и покажем мы им, нехристям, как наших трогать! — злобно ворчали стрелки.

— Крепость-то больно сильна! Задержимся, пожалуй, здесь!

— Ещё к Харбину не успеем... Там, верно, ждут не дождутся...

Маленькая флотилия стала как раз там, где пал Винников. Сейчас же выслали отряд для рекогносцировки.

Баян-Ту на самом деле грозила наделать множество хлопот русским. Возвратившиеся разведчики сообщили, что в ней более 2000 прекрасно вооружённых солдат, в изобилии снабжённых боевыми припасами.

— Ну, тут-то уже будет жаркое дело! — предвкушали в отряде.

Но разнеслось совершенно неожиданное

известие: из Баян-Ту присланы были к начальнику отряда двое гонцов с просьбой китайского фудутуна[87] принять парламентёров.

Был назначен срок, в который им следовало явиться, но никто не прибыл. И лишь только назначенный час миновал, весь отряд, свежённый на берег, тронулся к крепости. Впереди, как всегда, были пущены казаки, заметив которых, китайцы сейчас же открыли бешеный артиллерийский и ружейный огонь. Казалось, готовилось отчаянно-упорное сопротивление, и ввиду этого командир приказал ослабить крепость бомбардировкой. Это привело к совершенно неожиданному результату. После двух часов стрельбы — беспорядочной, неумелой — гарнизон Баян-Ту разбежался, и даже не понадобилось штурма для овладения крепостью.

Но тут впервые в отряде пролилась кровь: во время перестрелки был легко ранен один из казаков. Потери же китайцев были весьма велики.

С нескрываемым удивлением смотрели русские на Баян-Ту, вступая в него. Нельзя бы-

ло понять, почему китайцы отдали крепость без боя — превосходно укреплённую, снабжённую новейшей конструкции крупновскими орудиями и множеством боевых снарядов.

— Теперь у Сян-Синя придётся подраться! — решили наступавшие. — Ибо это последний оплот китайцев на Сунгари... Там-то они не отступят.

Этим надеждам русских удальцов суждено было оправдаться.

Сян-Синь действительно был практически неприступной крепостью. Сама природа дала ему средства для обороны. С трёх сторон Сян-Синь окружали реки: Сунгари, Муда-Дзянь и проток последнего. Первые две были непроходимы вброд, последний же, если имел броды, то очень глубокие и узкие, находившиеся притом под прицелом — нарочно устроены были окопы.

Но эта созданная самой природой защита крепости не испугала молодцов. После предварительного обстрела пехота и казаки по горло в воде перешли вброд проток с севера и кинулись на штурм. На этот раз китайцы оказали упорное сопротивление, но были выби-

ты штыками и в ужасе бежали перед победителями, побросав оружие, пушки и знамёна.

Победа русских была полная...

Если бы не существовало строго официальных данных, трудно и поверить было бы, что взятие грозной крепости обошлось отряду всего в одного убитого и семерых раненых.

А в Сян-Сине гарнизон достигал четырёх тысяч человек. Сотни китайских трупов остались на поле сражения...

Взятие Сян-Синя произвело на китайцев ошеломляющее впечатление. Более они уже не осмеливались задерживать победоносное шествие русских войск. Их посты на Сунгари разбегались мри первой вести о приближении могучего противника.

21-го июля в Харбине заметили на Сунгари пароходный дым. Это спешил к городу передовой «Газимур» с авангардом. К семи часам вечера он уже стоял у пристани. Восторженные харбинцы встречали освободителей. Теперь для этого пункта, где сосредоточивалась жизнь нового великого русского дела, исчезла всякая опасность... С такими силами, какие привёл генерал Сахаров, страшиться нового

нападения китайских полчищ было нечего...

22-го июля торжественный парад всех собравшихся в Харбине войск явился заключением их победоносного шествия.

Это был высокознаменательный день в истории маньчжурской кампании.

Именно в этот день, напомним читателю, русские герои взяли Ин-Коу — китайскую часть Нью-Чванга, в этот же день в Хайдаре и в Харбине отряды генералов Орлова и Сахарова торжественными парадами ознаменовали окончание первого и самого опасного перехода, последствием которого было закрепление за русскими подвергавшихся громадной опасности пунктов, и, наконец, в этот же самый день взят был русскими Айгун на Амуре.

После взятия Айгуна генерал Ренненкампф даже не стал дожидаться формирования отряда и немедленно, всего только с четырьмя с половиной сотнями казаков и двумя орудиями, кинулся преследовать отступавшего от Айгуна по цицикарской дороге неприятеля.

Этот поход стал триумфом сибирских казаков. Разве только южно-африканская бурская война дала что-нибудь подобное военной ис-

тории. Почти молниеносная быстрота движения, необыкновенный подъём духа, выразившийся в беззаветной храбрости и лихости сибиряков, — вот отличительные черты похода генерала Ренненкампа.

Вскоре после выступления отряд нагнал китайцев у деревни Эюр. У противника были все три рода оружия: пехота, конница и артиллерия, но казаки, дерзко кинувшись на врага, быстро опрокинули его.

Это было молодецкое дело: врагов против себя казаки Ренненкампа имели втрое более, чем их было самих; притом китайцы были вооружены гораздо лучше, чем русские; одной артиллерии у них было десять орудий.

Но это было только началом дела... Китайцы, хотя и опрокинутые, успели заметить, что русский отряд невелик по численности. В это время к ним подоспели сильные подкрепления из числа войск, уходивших из Айгуна. Теперь противник в десять раз оказался сильнее русского отряда.

Айгунские войска считались лучшими в Цицикарской провинции. В них были смелые, сильные маньчжуры, а не слабые китайцы.

Как только к тому представилась малейшая возможность, эти маньчжуры перешли в наступление.

Стройными рядами шли они на крошечный отряд. Казалось, всё дело пропало, и генералу Ренненкампу не остаётся ничего другого, как только немедленно отступить с казаками, пока ещё было время. Но не тут-то было!.. Ещё так недавно во всех войсках вспоминали величайшего из русских военных гениев Суворова. Недавно, в день столетия с его смерти, русские воины слышали его «науку побеждать». Дух великого полководца жил в каждом пехотинце и кавалеристе. «Вперёд, не зная отступлений!» — вот какое суворовское правило было памятно этим героям. И казаки доказали, что по духу они — истинные потомки суворовских чудо-богатырей!

Едва только китайцы пошли в наступление, как часть отряда спешила, залегла за уложенных на землю лошадей и открыла огонь по нападавшему врагу одновременно с двумя орудиями, тоже громившими без передышки китайцев. Под прикрытием этого огня другая часть отряда лихо понеслась на наступ-

павших. С гиканьем и визгом врубались казаки в самую гущу китайской пехоты. Шашки их свистали в воздухе. Каждый удар находил жертву. Чего-чего, а такого до дерзости смелого нападения десятков на превосходнейшие силы китайцы ожидать не могли. Они дрогнули при первом же натиске и стали поспешно, беспорядочно отступать, слабо защищаясь от наседавших казаков. Кончилось тем, что поле битвы осталось за нами, китайцы в ужасе разбежались, забыв о своём численном превосходстве.

Но всё-таки без сопротивления они не пускали отряд Ренненкампа вперёд. После ночёвок в селениях Эюр и Сань-Джан, 28-го июля русские подошли к Хингану, горному хребту, все проходы в котором были заняты войсками цицикарского дзянь-дзюня Шеу.

Горы с их узкими тропинками, утёсами, долинами под ними — это естественные крепости, и крепости порой более сильные, чем сооружения рук человеческих. Эти-то горные твердыни оборонялись 4000 китайских пехотинцев, 5000 менагров[88] и 12 орудиями. Но генерал Ренненкампф, уверенный в своих мо-

лоддах, повёл их на укрепившегося за скалами врага. Напрасно китайцы осыпали русских пулями, напрасен был их артиллерийский огонь, напрасны были даже кавалерийские атаки — сибиряки всюду выбивали неприятеля из его неприступной позиции и боем расчищали путь вперёд...

Все перевалы и проходы через Хинган были взяты, китайцы отовсюду сбиты и разбежались, был открыт путь на Мергень, город на половине дороги к Цицикару. Дождавшись за Хинганом подкреплений, генерал Ренненкампф пошёл на Мергень, взял его и в несколько боевых переходов достиг Цицикара.

Он обошёл Цицикар со стороны харбинской дороги. Несмотря на то, что город был сильно укреплён и всюду китайцы окопались и возвели насыпи, при первом же появлении русских, которых было, кстати сказать, всего 450 человек с 8 орудиями, китайская пехота побросала позиции и стала уходить без выстрела.

В версте от Цицикара генерал Ренненкампф стал на боевой позиции.

Цицикар, главный город Хей-Лунь-Дзянь-Шеньской провинции с населением более 70 000 человек. И генерал Ренненкампф не желал напрасного кровопролития, при котором пострадали бы мирные жители. Только ради этого, по столь свойственным русским людям милосердию и снисходительности к побеждённому врагу, он послал к дзянь-дзюню ультиматум, в котором требовал безусловной сдачи города на милость победителя. Срок для ответа он назначил часовой.

Шеу, поражённый, обезумевший от горя, получил этот ультиматум, и его безумная ярость вдруг сменилась безмолвием отчаяния. Он как-то весь затих, съёжился, ушёл в самого себя...

— Они предлагают мне сдать город и самому явиться к ним? — бледнея, произнёс он. — Что же! Посмотрим, что осталось у нас, и тогда решим этот вопрос.

Он захлопал в ладоши и приказал позвать к себе начальника всех сосредоточившихся в Цицикаре войск. Тот не явился. Вместо него в покое оказался один из гражданских секретарей Шеу. Он был необыкновенно бледен и

весь дрожал.

Не обратив внимания, что пришёл вовсе не тот, кого он вызывал, Шеу отрывисто спросил:

— Сколько войск в моём Цицикаре? Можем ли мы дать сражение?

— Нет, о сопротивлении нельзя и думать!

— Это почему? — не понял Шеу. — Зачем ты здесь? Как ты смел явиться, когда я требовал фудутуна?

— Его нет!.. Его нигде не нашли...

Почему? Где же он? Найти Сейчас же!

Но ответа не было.

— Что? Где он? Отчего мы не можем сопротивляться?

— Войска уходят... уходят сами на юг... Они не хотят биться с непобедимыми русскими.

Шоу зашатался от гнева, из груди его вырвался стон.

— О, о... сопротивление невозможно! Последняя надежда исчезла... русские победили! — и этот гордый сановник недавно ещё могущественного богдыхана зарыдал, как дитя, в порыве ужасного отчаяния.

— Я... я один... Я пойду на русских... — про-

хрипел он. — Я поведу солдат!

— Поздно... Из Цицикара уже собралась депутация к русскому генералу.

— Зачем? Что им надо?

— Они пойдут просить пощады у русских... и ждут только вас.

— Меня? — в голосе Шоу послышалось бешенство. — Ждут меня! Я должен идти и нести покорность врагу, против которого выступил сам! Хорошо же! Хорошо! Если так, я готов... Русские получают меня...

Бледный от отчаяния, шатаясь, бормоча бессвязные фразы, Шеу кинулся в соседний покой, где был его кабинет. Его секретарь тихо подошёл к двери и стал глядеть в дверное отверстие. Он увидел, что могущественный так ещё недавно дзянь-дзюнь дрожащими руками достал из шкафчика тончайшую золотую пластинку, быстрым движением руки поднёс её к широко раскрытому рту и что было в лёгких сил стал втягивать вместе с пластинкой воздух.

Секретарь вдруг принял необыкновенно важный вид и отошёл от двери. Прошла минута, не более. Из кабинета донёсся шум, как

бы от падения чего-то тяжёлого на пол, затем послышалась какая-то возня, хрипение, и всё стихло... Тогда секретарь широко распахнул дверь и заглянул в кабинет. Бездыханный Шеу лежал на полу. Золотая пластинка перекрыла дыхательные пути, и он задохнулся...

Указанного в ультиматуме часа ещё не прошло, а к генералу Ренненкампфу явились начальник китайского штаба войск в Цицикаре и депутация от населения города.

Вес смиренно просили пощады для своего города.

— А где же дзянь-дзюнь? — спросил генерал. — Отчего же его нет с вами?

— Он не придёт, а приедет! — отвечали китайские дипломаты и повторили просьбу о пощаде.

Ренненкампф обещал пощадить город и не трогать мирного населения; в то же время он послал приказание китайским войскам, выходящим из Цицикара на юг, остановиться и сложить оружие. Но те и не подумали повиноваться. Тогда из всех орудий отряда был открыт огонь по уходившим, а три сотни казаков были отправлены наперерез отступав-

шим. В то же время сотне казаков Гордеева было приказано захватить переправу через реку Нонни, на которой стоит Цицикар, и ударить в тыл китайцам, отступавшим перед войсками генерала Орлова, теснившими их со стороны Якши от Хайлара.

Преследование казаков обратилось в жестокий рукопашный бой. Дорога к югу на протяжении пяти вёрст была усеяна китайскими трупами. Продолжалось преследование до тех пор, пока китайцы не обратились в беспорядочное бегство.

Торжественно вступил в Цицикар Победитель. Когда генерал Ренненкампф был у ворот города, ему встретила простая рогожная кибитка, на облучке которой рядом с возницей сидел чиновник. Генерал велел узнать, кто едет. В кибитке оказалось хладное тело несчастного Шеу.

Жители, очевидно, хорошо знали русских. Они оставались совершенно спокойными на своих местах и встречали русских с радушием, которого и ожидать нельзя было.

И в самом деле, как иначе они могли встретить русских людей, когда те, вступив в

завоёванный ими город, ни малейшей обиды не причинили его жителям? Эти страшные казаки, наводящие всюду несказанный ужас, вели себя с кротостью, привлекавшей к ним сердца населения. Назначенный русским комендантом Цицикара есаул Пешков — тот, который лет за десять до этого па своём Сером проехал из недр Приамурья всю Сибирь и европейскую Россию в Петербург, — приняв управление городом, показал китайцам, что русская справедливость одинакова и для побеждённого, и для победителя. Ни одна лавка, ни один магазин не были тронуты, ни малейшее насилие не имело места. За всё, что только брали русские у цицикарцев, они платили честными деньгами! Никакие интересы жителей не пострадали от перемены правления, напротив того, они при русских могли чувствовать себя гораздо более в безопасности, чем при своих.

Прежде, кроме чиновников дзянь-дзюня, цицикарцев грабили ещё свирепые хунхузы; теперь и на тех, и на других грабителей появилась могучая управа.

Генерал Ренненкампф не долго сидел в Ци-

цикаре. Едва подошла пехота его отряда, он ушёл на соединение с отрядом генерала Орлова, и таким образом отступавшие перед последним китайцы оказались между двумя огнями.

Им оставалось только разбежаться перед теснившим их и с фронта, и с тыла противником, что они вынужденно и исполнили.

При вступлении в Цицикар казаки сейчас же освободили находившихся там четырнадцать русских пленников, в числе которых были и те, что Шеу в порыве безумной ярости приказал предать мучительной смерти.

Вскоре стало известно, что они своей жизнью обязаны жене несчастного Шеу, не раз уже вымаливавшей для них у мужа отсрочку казни. Русские не забыли доброты этой женщины, и госпожа Шеу пользовалась полным вниманием с их стороны.

Генералу Ренненкампу показалось мало того, что в венке его славы будет только один Цицикар. Разбив китайцев, находившихся на пути Орлова, он пролетел со своими удальцами казаками в глубь страны, к пределам провинции Цзинь-Лунь-Шень, с намерением

овладеть главным городом её Гирином. После замечательного по своей быстроте перехода Ренненкампф опять с четырьмя с половиной сотнями казаков был уже у города Кунанг-Чань-Цзы, в 20 верстах от Гирина. Здесь он оставил часть своего отряда, другую выставил на юг заслоном, а сам всего с двумя сотнями полетел к столице провинции.

Гирин был взят им без боя...

На другой день туда же прибыл конный авангард генерала Айгустова под командой генерал-майора Крыжановского, и неутомимый Ренненкампф, сдав ему Гирин, сам со своими казаками понёсся в Шен-Дзинь-Шенскую провинцию и её главный город Мукден.

На Мукдене ему пришлось поделить свои лавры с другими маньчжурскими орлами. Для наступления на самый большой город края собран был отряд, главным начальником которого был назначен генерал-лейтенант Субботич. Наступление на Мукден, где ожидали встретить сильное сопротивление, повели тремя колоннами генерала Флейшера и полковников Артамонова и Мищенко.

Артамонов, полковник генерального шта-

ба, добровольцем явился на театр военных действий. Ещё недавно он вернулся из пустынь Абиссинии, где с великой честью поддержал достоинство русских. Теперь он явился в Маньчжурию и приложил к живому делу свои выдающиеся способности. Мищенко был не новичком в этих местах. Он уже прославил своё имя геройским отступлением от Ляо-Яня в начале маньчжурского возмущения.

Недолго продолжался этот поход. После довольно упорного боя генерал Флейшер овладел Нью-Чвангом, а полковник Мищенко вновь занял Ляо-Янь, откуда вместе с полковником Артамоновым пошёл к Мукдену, и в четыре часа дня 18-го сентября русский флаг уже развевался над столицей Маньчжурии.

Сейчас, как и всюду, где только взвился русский флаг, организовано было русское управление, обеспечившее мирному населению покой и полную безопасность.

Около этого времени к югу от Гирина, в гористом бассейне реки Верхней Сунгари, была покорена независимая от Китая разбойничья республика Чапичаго, управляемая богачом-хунхузом Хайденгю, выразившим пол-

ную покорность России и выдавшим после нескольких кровопролитных стычек всё своё оружие победителям.

Итак, все пункты в Маньчжурии, где только можно было ожидать сопротивления, оказались в русских руках, к великому благу этой страны. И не одна Маньчжурия обязана была своим спокойствием русским. Монголия; где только в начале войны заметны были некоторые признаки волнения, успокоилась и продолжала свои мирные труды.

Восточный Туркестан стал тоже заметно клониться к России, а таинственный Тибет, только призрачно подвластный Китаю, выжидал лишь удобного мгновения, чтобы всецело слиться со своим могучим соседом.

Инстинктом понимали мудрые восточные народы, что счастье их — в общении с великой Россией.

23-го сентября из Мукдена вышли на Телии летучие отряды, спешившие на соединение с авангардом подходившего к этому городку отряда генерала Ренненкампафа. Под вечер этого дня они сошлись в Телине.

Великое дело русских было закончено. Со-

шлись отряды севера и юга. Маньчжурия была пройдена вдоль и поперёк. Вся великая восточнокитайская магистраль и её южная ветка на русский город Порт-Артур были в русских руках, и весь район был очищен от мятежников.

И нигде не было ни напрасного кровопролития, ни насилия, ни грабежа. Всюду теперь появление русских, возвращавших мир трудолюбивому населению, вызывало восторг.

В русских и китайцы, и маньчжуры видели своих благодетелей. Нигде не были поруганы китайские святыни, а напротив того, всюду русские относились к ним с полным уважением, щадя религиозные чувства побеждённых...

Имя русских и России стало синонимом правды, добра, милости.

В это же самое время не было китайца, который не проклинал бы европейцев и Европу...

LVI ТРИУМФ ГЕРОЕВ

Сё, происшедшее в последние часы пребывания в пекинском императорском парке: близость опасности со стороны тех, от кого можно было ожидать только помощи, трагический конец Вань-Цзы, внезапное появление жениха — всё это сильно повлияло на Лену. Нервы девушки, казавшиеся закалёнными, не выдержали. Близкая к обмороку, она склонилась на плечо Шатова, собирая все силы, чтобы не лишиться чувств.

— Скорее, скорее! — заторопился Николай Иванович. — Её нужно внести в этот павильон... Лена, милая, успокойтесь! Ещё немного — и всё кончится...

— Ведите меня, ведите отсюда! нервно го-

ворила девушка. — Куда хотите! Я не могу быть здесь...

— Сейчас, сейчас! Я отведу вас к вашему отцу... Вы увидите матушку. Они здесь и жаждут обнять вас.

Он огляделся, словно ожидая помощи от своих людей. Его солдаты уже окружили Зинченко, громко, в лицах рассказывавшего о своих приключениях. В некотором отдалении стояли с мрачным видом Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу, караулившие каждое движение связанного Синь-Хо.

Только маленькая Уинг-Ти поняла, что нужно молодому офицеру, и поспешила к нему на помощь. Она приняла в свои объятия почти бесчувственную Лену и нежными поцелуями старалась успокоить волнение подруги.

— Пойдём, капитан! — сказала она. — Я поведу мою милую русскую... не бойся, я достаточно сильна...

— Спасибо, голубушка! — отозвался Шагов. — Но что нам делать с ним?

Он указал кивком на тело несчастного Вань-Цзы.

— Для него всё кончилось здесь! — раздался глухой голос Синь-Хо. — Оставь, иностранец, его тело там, где покинул его дух, и спеши отсюда к своим! Спеши, иначе явятся белые дьяволы, и кто знает, что может тогда случиться...

Николай Иванович с большим любопытством посмотрел на этого человека, о котором столько раз пришлось ему слышать. Уинг-Тит тем временем посадила Елену на землю и сама, сидя перед ней на корточках, тихо уговаривала её опомниться и собраться с силами.

— Так это ты — посланник Дракона? — спросил Шатов Синь-Хо.

— Сын Дракона! — последовал гордый ответ.

— Святой и-хо-туанов?

— Я — человек! — кротко поправил Синь-Хо.

Он гордым взглядом смотрел на Шатова. И в этом взгляде не было ненависти. Было очевидно, что сей человек приготовился ко всему и встретит смерть с полным сознанием исполненного долга перед Родиной.

— Я не могу отпустить тебя, — сказал Ша-

тов. — Ты должен последовать за нами, сын Дракона! Должен также предупредить: по всей вероятности, тебя ждёт смерть!

Синь-Хо презрительно засмеялся:

— Ты говоришь, смерть? Она никогда не страшила меня, потому что все мы рождаемся для того, чтобы умереть... Мне хотелось бы только, чтобы я умер скорее... Это избавило бы меня от необходимости быть свидетелем позора моей Родины. Горе, горе стране моей!.. Идём же!

Замолчав, он двинулся вперёд. Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу, словно две тени, последовали за ним.

Шатов сделал знак, и его солдаты окружили этих троих человек.

Зинченко в это время успел уже до некоторой степени принять свой обычный образ. У одного из солдат оказалась на себе запасная рубашка, и казак поспешил сбросить боксёрский балахон и переодеться в неё. Всё это он проделал так скоро и ловко, что превращение его даже прошло незамеченным. Казак теперь был одет не совсем по форме, но всё-таки на и-хо-туана он более не походил.

Бросив последний взгляд на мёртвого Вань-Цзы, Шатов предложил Елене и Уинг-Ти следовать за собой. Сам он стал во главе отряда. За ним непосредственно следовали солдаты с Синь-Хо и братьями в середине; далее шла Елена, поддерживаемая китайяжкой, и заключал шествие Зинченко.

Бедного Чу русские, проходя мимо, подняли с земли и, устроив наскоро носилки, унесли с собой, чтобы при первой возможности оказать несчастному помощь.

Елена, окончательно пришедшая в себя, не могла узнать Пекина — так он изменился всего за один месяц, который она провела в парке Запретного города. Всюду, куда только она ни обращала взор, видны были следы погрома. Обгоревшие дома одним видом своим могли навести уныние и ужас. Около них валялись груды трупов, начинавших уже разлагаться. Вид их был ужасен до того, что Елена не могла смотреть перед собой и шла с закрытыми глазами. Но было зрелище и ещё более ужасное, чем картина разрушения тысячелетней столицы. Среди разрушенных домов рыскали уже европейские мародёры, хватавшие

всё, что только ни попадалось им на глаза. Ничему и никому не было пощады. Англичане, американцы, немцы, французы, итальянцы, японцы сразу соединились в одну шайку, истреблявшую то, что было пощажено китайцами. Недавние осаждённые должны были более опасаться своих освободителей, чем боксёров. Официально подтверждено, что «освободители»-европейцы «вскоре же по своём вступлении в Пекин ограбили кухню начальника пекинской духовной миссии архимандрита Иннокентия, причём едва не убили его повара»[89].

Шатов знал о всём том, что творится в столице Китая, и с грустью думал о том, что будет далее, когда все эти воины, шедшие в битвы за спиной у русских, почувствуют себя хозяевами положения в завоёванной вовсе не ими столице... Он видел, какие ужас и отвращение вызывали в любимой им девушке эти отребья, и, дабы избавить её от отвратительного зрелища их «подвигов», поспешил взять первый паланкин, который попался ему на глаза.

Елена, совершенно обессиленная от всех

испытаний, очутившись в закрытом паланкине, едва могла прийти в себя.

Всё, что случилось с ней, произошло так неожиданно, что казалось ей не действительностью, а кошмаром, окончательно придавившим её... Только присутствие Уинг-Ти действовало на молодую Кочерову несколько ободряюще. Впрочем, она была так расстроена, так взволнована, что не спросила даже о родных, брате и невестке...

Но зато когда она очутилась в объятиях отца, когда плачущая старуха-мать не находила слов для выражения своей радости при виде возвращённой дочери, девушка почувствовала себя столь счастливой, что в радостном порыве бросилась к ногам своих стариков, умоляя их простить то горе, которое она причинила им своей легкомысленной выходкой.

Василий Иванович поспешил поднять свою любимицу. Он сам был так взволнован, что мог говорить только что-то малосвязное.

— Ничего, дочка, ничего! Кто старое помянет — глаз вон! — говорил он. — Всё обойдётся, всё будет по-хорошему... А только мы уедем, скоро уедем отсюда. Скорее бы вон!

Но уехать так скоро, как хотелось, старикам Кочеровым не удалось. Елена заболела — так велико было перенесённое ею волнение...

Уинг-Ти осталась с нею и ухаживала за больной с преданностью нежной сестры.

Тем временем события шли своим чередом.

Русские войска, овладевшие столицей Китая, заняли, однако, к великому несчастью всего китайского народа, не целиком весь Пекин, а только часть его, занимавшую четверть Маньчжурского города, около двух вёрст с юга на север и полутора версты с востока на запад. Однако в этом русском районе находились: цунг-ли-ямень, министерство финансов, склады риса в несколько миллионов пудов, китайская обсерватория и дворцы принцев — родственников богдыхана.

Нужно ли говорить о том, что все названные здания и учреждения оставались неприкосновенными для победителей, и пока русские были в Пекине, щадились даже национальное чувство китайцев? Мало того, в летних дворцах Императорского города была охрана, так что бесчисленные мародёры туда

и носа показать не могли...

Наконец настал высокознаменательный день 25-го августа, когда был увенчан последним победным венком этот славный поход.

Накануне этого дня в Пекин прибыл командующий войсками вице-адмирал Алексеев.

— Завтра парад! — разнеслось среди героев.

— Ничего! В грязь лицом не ударим, покажем себя! Люди уже отдохнули, поприоделись...

Смотря ждали с нетерпением. Во время его официально должны быть признаны заслуги героев, которым обязаны были пекинские «сидельцы» своим освобождением.

И вот в канун знаменитой Бородинской битвы в заповедных рощах богдыхана сошлись перед своим главным начальником русские герои. В самом деле, вид их был молодецкий, можно сказать, блестящий. Все солдаты были в чистых белых рубахах; их загорелые лица сияли радостью. Тут были и сибирские стрелки 9-го и 10-го полков, и знаменитый по Тянь-Цзиню батальон 12-го полка,

принявший первым на себя удары неприятеля. С ними стояли и сапёры-квантунцы из восточносибирского батальона, сибиряки-артиллеристы и казаки, столь много содействовавшие успеху и скорости похода. Мощно и весело звучало их «здравия желаем ваше пство», нёсшееся в ответ на приветствие командующего войсками. С затаённым вниманием, стараясь не проронить ни одного слова, прослушали эти люди речь адмирала, в которой он прославил мужество и храбрость и выносливость русских войск во время похода и штурма Пекина. Восторженное «ура!» четырёх тысяч русских солдат и офицеров загремело, сливаясь с величественными звуками русского гимна, когда адмирал Алексеев, в заключение своей речи, первый возгласил «ура» в честь русского царя и Августейшей Семьи. Никогда ещё не были оглашены эти таинственные сады таким мощным криком...

После этого чудо-герои закончили смотр церемониальным маршем, и после него все очевидцы признали, что, несмотря на недавние тяготы похода и штурма, они прямо-таки поражали своим молодцеватым и лихим ви-

дом, прекрасной выправкой и дисциплиной.

После парада адмирал посетил раненых и больных, а на другой день, 26-го августа, в годовщину Бородина, состоялось иное, не менее знаменательное торжество. Командующий войсками, осмотрев строившуюся русскими железную дорогу Пекин — Тянь-Цзинь и посетив внутренние дворцы богдыхана, отправился к 12-му стрелковому полку, где были собраны все георгиевские кавалеры, которых он и поздравил с знаком отличия военного ордена[90]. Каждого из этих молодцов адмирал подробно расспрашивал о делах, в которых они отличились. Вспомянуты были Тянь-Цзинь, Ян-Цун, Пекин, названия которых русской кровью записаны в славные страницы русской истории. Затем адмирал пожелал своим молодцам новых успехов и после этого посетил все те дворцы богдыхана и принцев, где содержали патрули русские солдаты.

В тот же день, по Высочайшему повелению, министр иностранных дел граф Ламздорф передал по телеграфу царский привет всем русским, освобождённым в Пекине[91].

О том, как было принято русскими людьми это уведомление, и говорить нечего...

Среди русских были забыты все пережитые невзгоды, все опасности осады...

Но в то же время разнёсся слух, что русские не останутся в Пекине и в самом непродолжительном времени будут переведены сперва в Тянь-Цзинь, а потом, по миновании надобности, и совсем будут выведены из Печилийской провинции.

Это ясно указывало на близость желанного мира.

Триумфом в заповедных садах богдыхана и закончился славный поход победоносных русских войск на столицу Китая.

Их задача была исполнена блестяще. Как раз в последний год XIX столетия мир был поражен снова великим могуществом русского духа, таким величием, которого не выказал никто из числа союзников...

Другим триумфом, как бы закончившим поход, было торжественное шествие союзных войск через дворцы богдыхана, происходившее за десять дней до смотра русских войск и раздачи наград.

Предоставим очевидцам рассказать об этом торжестве...

К 8 часам утра в назначенный для триумфального шествия день все союзные войска приготовились к параду, и ровно в 7 часов 45 минут на сборный пункт приехал главнокомандующий печилийского отряда генерал-лейтенант Леневи́ч, сопровождаемый российским посланником Гирсом, генеральным консулом Поповым и многочисленной свитой, состоявшей из чинов штаба отряда, военных корреспондентов, служащих при миссии и конвоя, с белым флагом начальника отряда.

Едва показался главнокомандующий отряда со свитой, русские войска взяли на караул. Наши оркестры заиграли встречу. Как старший в чине генерал Леневи́ч принимал парад.

Поздоровавшись с русскими войсками, которые громко и весело прокричали обычное приветствие, генерал начал объезжать союзные войска.

Получилась великолепная, необычная картина мира, картина, которой никто не видел

от Сотворения мира...

Среди заповедных стен и башен Императорского города, недоступного не только для всех иностранцев, но и для китайцев, на старинном мощёном дворе, куда не ступала нога ни одного простого смертного, выстроились чужеземные войска восьми наций, с ружьями, саблями, знамёнами, трубачами и оркестрами и приветствовали криками и музыкой русского генерала.

Это был торжественный привет всех наций тем войскам, которые первые пробивались и пробились в Пекин и первые сражались за освобождение христиан.

Все иностранные генералы стояли у своих отрядов и приветствовали генерала Леневи-ча. Здесь были: японские генералы Ямагата и Фукушима, французский генерал Фрей, английский генерал Гезели, американский генерал Чаффи и германский майор с русским орденом Святого Станислава на шее фон Мад-зи. У своей бригады был генерал Стессель.

Не было только героя, который со своим отрядом первый взошёл на стены Пекина и пробил ворота другим войскам — раненого

генерала Василевского.

Ровно в 8 часов утра генерал Леневиц кончил объезд войск и со своей свитой отправился во дворцы. За свитой шли русские и остальные войска, с музыкой и распущенными знамёнами.

Выстрелы из английских орудий возвестили о начале шествия.

Зарокотали барабаны, запели флейты, и победители, сопровождаемые войсками всей Европы, вошли в заповедный дворец.

Войска проходили через длинные мощёные дворы, давно поросшие травой, проезжали под ветхими величавыми башнями, посреди пустынных тянущихся галерей и, наконец, подъехали к запретным дворцам, в которые не входил ни один европеец.

Здесь они сошли с коней и, поднявшись по беломраморным лестницам, вступили в сумрак и тишину древнего дворца. Высокие мрачные колонны, потемневший потолок и покрытый пылью трон посередине дворца — всё напоминало древние времена маньчжурской династии.

Отсюда триумфаторы снова пошли на ка-

менный двор с мраморными площадками, лестницами и галереями, и снова находились в старинной высокой палате с тронном, колоннами и курильницами перед тронным возвышением; трон, колонны и потолок подведены под медный цвет, и вся палата кажется медной. Обстановки в палате очень мало: столы и скамейки с древней причудливой резьбой. Нет ни пышности, ни великолепия: это скорее — место царственного уединения.

Перед воротами дворца появились китайские мандарины, из которых один с красным шариком, как говорили, военный министр. Мандарины с самым любезным и приятным выражением лица, под которым довольно ясно виделось сознание постигшего их национального горя и унижения, просили победителей пожаловать далее во дворцы.

Вот они опять вышли из полумрака и затхлого воздуха на солнце и идут по двору с потухшими курильницами и безлюдными галереями кругом. Это — вход во дворец, такой же мрачный и пустынный, как и прежние. Перед тронном на большом столе поставлены жертвенные приборы, чаши, курильницы и до-

щечка в раме с надписью.

Это дух усопшего императора восседает на тропе. Царствующий император здесь молится своему предку.

Но вот засиял свет. Генералы и свита выходят на свежий воздух. Любезный мандарин, с высохшим лицом и умными глазами, просит русского генерала свернуть с прямой дороги направо, так как следующие дворцы нельзя пройти насквозь. Тогда пошли по красивому мраморному двору с мраморными лестницами и площадками, поросшими травой и бурьяном. Кругом сон и молчание. У всех ворот и дверей стоят придворные слуги, такие же сонные, молчаливые и ветхие, как эти дворцы, и такие же ненужные, как этот бурьян.

По просьбе важного сановника с красным шариком пробрались по каким-то задворкам, мимо каких-то служб и каморок, представляющих закулисную сторону дворцов, и вступили в прелестную рощу из кипарисов и можжевельника. Столбы подпирают священные двухтысячелетние деревья, от которых остались одни огромные стволы, пережившие половину китайской истории. Мимо заглохших

гrotов и молчаливых теремов с затейливой угловатой крышей императорского жёлтого цвета триумфаторы вошли в великолепные расписные жёлтые ворота с надписью «Вечное сияние», и их встретили не высохшие безмолвные придворные мандарины, а весёлые русские солдаты, громогласное «ура» которых разбудило вековую тишину дворцов. Императорские заповедные дворцы были пройдены русским генералом, и генералы находились у выходных ворот среди стрелков 10-го полка и японцев, которые выстроились друг против друга. Английские пушки снова возвестили, что дворцы пройдены, а лежавшая на них непроницаемая завеса таинственности — спала. Среди войск при криках «ура!» и звуках музыки генерал Леневи́ч прошёл со свитой вперёд и остановился у крайних выходных ворот.

Через несколько минут под воротами «Вечного сияния» показались русские матросы, выдержавшие геройски и безукоризненно двухмесячную осаду, а за ними стрелки с ружьями и патронами, в белых рубахах.

Это были войска Белого Царя, которые во

главе всех других союзных войск проходили дворцы богдыхана. Их встретили восторженное «ура» и музыка.

За ними шли маленькие, но храбрые японцы, в белых куртках, в белых фуражках с жёлтыми околышками. Каждую нацию встречали криками «ура» и звуками марша. Генералы, бывшие во главе своих войск, присоединились к генералу Леневицу со своими штабами.

За японцами шли в чалмах и пёстрых рубахах англо-индийские войска сикхи, раджелуты и уланы-бенгалы, рослые и красивые, которые с искренней радостью кричали своё «ура» в ответ на «ура» русских. За ними шли англичане — стрелки и артиллеристы — в шлемах и куртках песочного, коричневого цвета.

Того же цвета и покроя обмундирование у американцев, которые носят на голове мягкие шляпы с широкими полями. Американцы выделялись среди союзных солдат своим крупным ростом и вольным видом.

Затем показались французы в синих шлемах и костюмах; германцы в новеньких фор-

мах и шлемах шоколадного цвета; моряки итальянцы и австрийцы. Наш оркестр сыграл французам «Марсельезу», а германцам — «Wacht am Rhein».

Это великолепное шествие международных войск, говорит его очевидец и участник Д. Янчевецкий в «Новом крае», было живым олицетворением нынешнего политического положения в Азии. Впереди идёт Россия, великая и могущественная, за ней молодая Япония, так быстро двинувшаяся вперёд и обогнавшая на востоке остальные державы. За Японией третьей державой шла некогда могучая Англия, уступившая своё первенство в Азии России и Японии, потом Америка, Франция, Германия, впервые выступившие в Азии. Позади шли остальные державы.

В 9 часов утра парад кончился.

Генерал Леневиц со свитой! и с посланниками вернулся обратно в те дворцы, которые ещё не были осмотрены.

Интересен был собственный дворец богдыхана, с золочёным тропом, курильницами, вазами, столиками, уставленными яшмами и нефритами, павильонами, опахалами и ко-

лоннами, исписанными надписями. Китайские мандарины любезно угощали гостей чаем и сладостями.

Осмотрев богдыханскую молельню и древнюю кухню, генерал Леневиц и его свита оставили дворцы, которые были снова закрыты, и у ворот поставлены международные караулы.

Когда всё главное и трудное дело было кончено и Пекин был взят русскими войсками, явился главнокомандующий всеми союзными войсками в Печилийской провинции, фельдмаршал граф Вальдерзее. Он принялся устраивать блестящие парады, на которых очень эффектно были союзные войска. Устроено было несколько красивых зрелищ, но побеждать уже было некого. Зато у прибывшего главнокомандующего явилось совершенно другое дело: расправа с китайским народом, и свою роль в этом деле граф Вальдерзее выполнил блестяще...

Итак, в самый непродолжительный срок закончена была эта кампания, и даже не одна, а две, потому что вся кампания в Маньчжурии ведена была исключительно русски-

ми, без всякого постороннего участия.

Велик воин земли русской, нет равного ему нигде ни по храбрости львиной, ни по милосердию к побеждённому. 1900-й год доказал это воочию.

LVII ЕВРОПЕЙСКАЯ РАСПРАВА

Олезнь Лемы помешала семейству Кочеровых выехать из Пекина, да им торопиться особенно было незачем: до окончания починки железной дороги путь был довольно затруднителен и возможен разве только по Пей-хо на судах.

А между тем, всё семейство так и рвалось поскорее вон отсюда. Всё, что вынесено было во время осады, не могло сравниться с порядками, какие завелись в Пекине, когда хозяевами положения стали европейцы и началась грозная кровавая расправа над китайцами.

Кровь лилась рекой, совершались несправедливости, заставлявшие краснеть каждого честного человека за то только, что он живёт

в Европе.

Страна оголялась от населения. Грабежи, убийства, насилие множились с каждым днём, а вместе с ними росла и распущенность. Уважавшему себя человеку приходилось бежать скорее в Тянь-Цзинь, куда выведены были русские войска и где поддерживались ими хоть некоторые законность и порядок, возможные в присутствии шаек европейских грабителей.

Шатов, взявший продолжительный отпуск, теперь постоянно бывал у Кочеровых в ожидании того момента, когда можно будет всем им уехать из этого великого города, ставшего центром насилия и грабежа.

— Да что же это такое? Как им не совестно, всем этим немцам? — искренно возмущалась старушка Кочерова. — Ведь и китайцы — люди! И их жалеть нужно!

Николай Иванович только пожимал плечами.

Он являлся в Пекине теперь совершенно частным лицом и убеждался только в одном, что быть европейцем при наличности всех творимых ужасов особой чести не составляет.

— Лена, милая, выздоравливайте скорее, и уедем прочь отсюда! — твердил он своей невесте.

— Да я совсем, почти совсем здорова! — отвечала та. — А здесь что?

— Не говорите! Нельзя было и думать, чтобы люди, считавшие себя культурными, могли так вести себя.

— А что же, что именно?

С нервной дрожью в голосе рассказал ей жених о некоторых случаях, имевших теперь место в Пекине. Особенно в этом неистовстве отличались немцы и англичане. Бедняков китайцев, совершенно мирных, ни в чём не повинных жителей, хватали десятками на улицах столицы, пристреливали после непродолжительной комедии, которую, однако, громко называли «судом». Несчастных, связанных по двое и по трое их же собственными косами, отводили на какой-нибудь двор, заставляли самим себе вырывать могилы и расстреливали тут же; а когда жалко было патронов, прикалывали штыками. Живы или мертвы были уничтоженные «но приговору суда» — до этого никому не было дела. Их закапывали, не

обращая даже внимания на тех, кто выказывал какие-либо признаки жизни[92]...

О грабежах в императорских дворцах и говорить нечего. Не только они, эти роскошные дворцы, были разграблены так, что там ничего не оставалось, — не были пощажены и частные дома. Богатые пекинцы систематически разорялись, притом без всякой к тому нужды. Растаскивали целые состояния; веками накопленные богатства поступали в открытые аукционы награбленного, и всё это производилось якобы на совершенно законном основании.

— Неужели же это всё возможно? — взволнованно спрашивала Лена, когда жених рассказывал ей о происходивших безобразиях.

— Говорят, что в такое время нет возможности избежать мелких правонарушений, — отвечал тот.

— Мелких, вы говорите?

— Увы! Так считают хозяева положения...

— А вы ничего не слышали об участии Синь-Хо?

Шатов, уже знавший, какую роль играл сын Дракона в судьбе его невесты, только

опускал голову при этом вопросе:

— Его казнят...

— За что же?

— Он признан опасным... Главное лицо, руководитель могущественной секты... Казнят также и Эн-Хая, обвинённого в убийстве немецкого посланника.

— Но все говорят, что он исполнял свой долг... приказание начальства...

— Что поделат! Теперь не такое время, чтобы немцы стали разбирать такие мелочи... Эн-Хай приговорён, и казнь сто назначена...

Лена печально поникала головой. Её простое женское сердце чуждо было пониманию различных политических тонкостей, и казнь исполнителя своего служебного долга она считала высшей несправедливостью.

Но, кажется, кроме неё, никто так в Пекине не рассуждал. По крайней мере, в день, назначенный для казни Эн-Хая, чуть не все европейцы, находившиеся в столице Китая, собрались на площадь.

Стояла жара. Лучи дневного светила лились с небесной выси, озаряя своим всё золотящим светом остатки разорённой столицы,

так ещё недавно сиявшей своим великолепием. На площади казни собрались, словно на праздник, сотни европейцев. Дамы в щегольских туалетах, последнем слове дошедшей сюда парижской моды, дипломаты из европейских посольств, подростки — их дети, братья, сёстры — все эти люди оживлённо беседовали между собой, ожидая появления китайских мучеников. Не было среди этой весёлой, оживлённой толпы только простых сердцем русских людей; к великой чести их, следует сказать, что зрелище казни не привлекало их, вернее всего, что предстоявшая казнь китайских патриотов вызывала в них чувство негодования...

Зато все остальные — прекрасные леди со своими чопорными супругами, болтливые, вечно оживлённые и необыкновенно изящные парижанки, немки, несколько итальянок — всё это разнообразное и оживлённое общество собралось на площадь, предвкушая предстоящее удовольствие «возмездия».

В местах, отведённых для зрителей, слышались весёлый говор и смех. Кавалеры были предупредительны, и дамам отвели места, с

которых прекрасно обозревалось всё пространство площади.

А там, образовав полукруг, стояли европейские войска. Солдаты, достаточно привыкшие к подобным экзекуциям, были совершенно равнодушны. Они, не выдавшие смерти лицом к лицу на полях битв, уже свыклись с видом казней, в бесчисленном множестве проведённых на их глазах. В центре перед строем разостлали циновку, и около неё стояли несколько китайских палачей с помощниками. На этот раз европейцы пожелали придать несколько официальности сему кровавому делу и готовились мстить за убийство Кеттелера.

— Говорят, кроме Эн-Хая, этого гнусного убийцы, будет казнён ещё кто-то? — спрашивала у своего кавалера, молодого дипломата, хорошенькая английская мисс.

— Да, ещё какого-то сына Дракона... Он будто был вождём одного из тайных обществ...

— Интересный тип?

— Не скажу... Старик! Я его видел при допросах. Впрочем, говорили, что это — святой

боксёров.

— Ах как это интересно! — даже в ладоши захлопала мисс. — Казнь боксёрского святого... Такого зрелища никогда не увидишь у нас в Европе...

— Но разве это можно? Культурное пространство! У нас казни — редкость...

— А правда ли, что сюда нарочно прибыли ради зрелищ несколько туристов из Лондона?

— Представьте, не только из Лондона, но и из Парижа, и из Берлина...

В толпе действительно были несколько человек туристов, прибывших специально в Пекин для присутствия на казнях. Все они заметно выделялись среди остальных не успевшими ещё загореть лицами, светлыми костюмами и оживлённым любопытством, с которым они расспрашивали участников «пекинского сидения» о перенесённых ими ужасах недавней осады.

Почти у каждого из прибывших людей были в руках аппараты для фотографирования предстоявшего волнительного зрелища.

Они сгруппировались около оставшегося в Пекине Раулинссона и с вниманием слушали

его рассказы об ужасах, что он перенёс.

Раулинссон чувствовал себя положительно героем. Он произносил речь за речью, необыкновенно довольный тем вниманием, которое оказывалось ему.

— Да, господа! — ораторствовал он. — То, что было нами пережито, это — просто какая-то сказка. Ежедневно бесчисленные орды китайцев ходили на штурм наших баррикад, но мы всегда с честью отражали их нападения и сами, постоянно переходя в наступление, разгоняли их отряды. И так изо дня в день, два месяца... Это — просто чудесная победа Давида над Голиафом. А чего мы только не натерпелись! Ужасы, перенесённые Парижанами во время осады Парижа немцами, ничто в сравнении с тем, что выпало на нашу долю. Представьте себе, что бы вы почувствовали, если бы вас облили кипятком и затем начали мало-помалу сдирать кожу! Разве это не ужас? А тут на ваших глазах погибают ваши дорогие, близкие существа: ваши жёны и дети. Они в руках злейших палачей, неистовых зверей в человеческом образе. О, если бы вы только перенесли это, вы, наверное, со-

шли бы с ума!

— Но, к счастью, не случилось, сэр, ничего подобного! — осторожно вставил один из туристов.

Раулинссон только на одно мгновение смешался и затем, оправившись, ответил:

— Но всё это могло случиться! Я сам читал про это в лондонских газетах.

Должно быть, сей аргумент подействовал: более возражений не последовало.

Толстый англичанин, между тем, с таинственным видом достал из портфеля фотографический снимок и, показывая его, произнёс:

— Но вот поглядите: мы поддержали достоинство Европы и доказали этим проклятым дикарям, что шутки с нами плохи.

На фотографии был изображён зал одного из дворцов богдыхана. В глубине зала стоял золотой трон «сына Неба», к которому в течение нескольких тысячелетий всякое живое существо осмеливалось приблизиться только на коленях, с низко опущенной головой. Десятки тысяч людей, бесконтрольно распоряжавшихся, в свою очередь, жизнью и смертью миллионов человеческих существ: гор-

дые мандарины, дзянь-дзюни, повелевавшие по своему усмотрению целыми странами, подползали к этой святыне Китая не иначе как на коленях, не смея оторвать от пола глаз. И это были избранные из избранных. И вдруг там, куда, как к святыне, неслись помыслы и взоры людей, важно расселись в небрежных позах представители высококультурной Европы, люди, громко кричавшие об уважении к чужим мнениям, люди, провозгласившие принцип: «Сила не право». И эти-то люди не задумались перед поруганием всенародной святыни. В своей необъяснимой гордости они даже открыто хвастались своим поступком, позволив запечатлеть его на фотографических пластинках, не понимая даже того, что этим они унижают своё достоинство гораздо более, чем тот несчастный народ, который по воле судьбы принуждён был подчиниться им.

Раулинссон с гордостью показывал свои фотографии, воображая, что они могут возвеличить достоинство Европы... Окружавшие его собратья-европейцы тоже выражали свой полный восторг, и ни в одном сердце, ни в одной душе не шевельнулось угрызение сове-

сти, никто не почувствовал стыда за совершенное, ничьё лицо не покрыла краска.

Скоро, однако, всеобщее внимание было отвлечено от Раулинссона.

— Везут, преступников везут! — прошёл шумок среди европейцев.

Послышались громыхание и скрип колёс. На площади показалась телега, в которой стояли на коленях связанные друг с другом спина к спине два человека.

Это были Эн-Хай и Синь-Хо.

Лорнеты дам, бинокли, объективы фотографических аппаратов направились со всех сторон на «преступников». Послышались отовсюду восклицания, в которых к несчастным не было и намёка на сочувствие.

— Они совершенно не интересны! — разочарованно воскликнула молоденькая мисс. — Я ожидала от этих преступников совсем другого...

— Я уже вам говорил это! — кивнул кавалер. — Что может быть интересного в этих дикарях!

Но, может быть, они скажут какую-нибудь речь?

— Вряд ли! Не забывайте, что это не европейцы...

— Но посмотрите, как они странно держатся... Будто эта казнь, эта обстановка их совершенно не касается...

Да, и Синь-Хо, и Эн-Хай держались спокойно, с полным безучастием к происходящему. На их лицах не отражалось ни малейшего волнения. Они приближались к роковому концу с бесстрашием философов; вполне убеждённых, что жизнь или смерть не в человеческой воле и умирать приходится каждому человеку только один раз, но когда — не всё ли равно...

Их сняли с телеги и поставили около циновки. Эн-Хай равнодушно поглядывал вокруг, время от времени сплёвывал. Синь-Хо стоял с гордо поднятой головой, и в его взгляде ясно виделось презрение к палачам, не тем, которые должны были отрубить ему голову, а тем, которые заставляли первых свершить это.

Эн-Хай, постояв с минуту, дружелюбно и весело заговорил с палачами. Те дрожали всем телом, не спуская глаз с Синь-Хо. Ещё

так недавно все они были уверены в его всемогуществе, а теперь он был отдан в их руки...

Подошёл один европеец в штатском платье и что-то тихо сказал английскому офицеру, командовавшему союзным отрядом, выставленным на месте казни. Тот в ответ ему кивнул и знаком указал на Эн-Хая. Палачи сейчас же схватили несчастного и обнажили его до пояса. Эн-Хай с прежним равнодушием сам стал на колени на циновку. Один из помощников палача схватил его за косу и оттянул ему голову. Палач занёс тяжёлый меч, но англичанин сказал что-то, и тот замер в своей позе.

Сейчас же вокруг защёлкали затворы фотографических аппаратов, и сцена казни была увековечена в десятках снимков.

Англичанин отдал новое приказание. Эн-Хая моментально сдёрнули с циновки и на его месте очутился в том же положении Синь-Хо. Он стоял свободно, склонив шею под роковой удар. Ни один из помощников палача не осмелился прикоснуться к нему.

Палач поднял меч... Рука его заметно дро-

жала. Вдруг он швырнул на землю орудие казни.

— Не могу! — глухо бросил палач. — Мои руки не поднимаются на него.

— Это отчего? — нервно вскричал англичанин.

— Он — сын Дракона!

Англичанин энергично выбранился, но взгляд, брошенный им на мертвенно-бледное лицо палача, сейчас же убедил его, что все приказания и уговоры теперь будут бесполезны.

— Эй вы! — крикнул он помощникам палача. — Отрубите голову этому старику!

Никто не двинулся с места.

— Вы получите хорошую прибавку к плате... Скорее!

Палачи только ещё отступили от жертвы.

Положение становилось неловким, зрители заволновались.

— Что это такое? Что случилось? — слышались возгласы.

Нужно было совершить казнь во что бы то ни стало.

В некотором отдалении за солдатами стоя-

ла кучка китайцев, насильно согнанных немцами для присутствия на казни.

Распорядитель экзекуции кинулся туда.

— Кто из вас хочет хорошо заработать? — кричал он. — Выходите! Нужно отрубить только одну голову, и плата будет выдана сразу!

Толпа молча отступила назад.

— Все вы будете расстреляны, если никто из вас не возьмётся! — кричал в бешенстве англичанин.

Вдруг толпа расступилась и безмолвно пропустила вперёд двоих молодых китайцев.

Это были Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу.

— Мы, господин, готовы! — воскликнул первый.

— Тогда скорее!.. Ну, живо за дело!

В несколько прыжков братья очутились около Синь-Хо. Младший брат схватил его за косу, а старший с злорадным выражением лица поднял меч палача.

— Что, сын Дракона! тихо сказал он. — И на тебя нашлась рука!

— Делай своё дело скорее! — также тихо ответил Синь-Хо.

Чи-Бо-Юй опустил меч. Удар был нанесён неопытной рукой и причинил несчастному пустяшную рану. Раздались рыдания. Это плакали палач и его Помощники. Но вслед за первым ударом старший сын несчастного Юнь-Ань-О ещё шесть раз взмахивал и опускал меч, и наконец голова сына Дракона отделилась от туловища.

Казнь была исполнена. Европейский экзекутор протянул Чи-Бо-Юю и Тянь-Хо-Фу по крупной золотой монете.

— Вот вам! — с улыбкой сказал он. — Довольно?

Чи-Бо-Юй оттолкнул протянутую к нему руку так, что монета выпала из неё и покатилась прямо в лужу крови.

— Мы мстили за нашего отца! — сказал он. — А твоих денег за это проклятое дело нам не нужно.

— Ах вот вы как! — рассердился экзекутор. — Взять их! — приказал он солдатам. — Это бунтовщики!

Руки нескольких дюжих солдат сейчас же потянулись к братьям. Один из англичан, воспользовавшись моментом, наклонился, под-

нял окровавленную монету и с счастливым видом спрятан её в карман.

После этого палач мгновенно с одного удара отрубил голову Эн-Хаю.

Всё было кончено не только для Эн-Хая и сына Дракона, но и для сыновей Юнь-Ань-О. Европейские воины поняли по-своему распоряжение начальника: безоружные Чи-Бо-Юй и Тянь-Хо-Фу были сведены с площади в переулок и там заколоты штыками.

Зрители-европейцы разошлись с площади не вполне удовлетворённые.

— Что это такое! — негодовал Раулинссон, Всё это так скоро, так просто, нечего было и посмотреть!

— Подождите, мистер Раулинссон, успокоил его один из знакомых.

— Чего прикажете ждать?

— Вы же не скоро ещё уезжаете?

— Я? Нет. Теперь быть здесь очень выгодно... Вы знаете, я скупаю военную добычу и получаю хороший барыш.

— Так вот, значит, вы будете удовлетворены...

— Разве предстоит ещё?

— Да, немного покрупнее птицы. Наши настояли на казни нескольких мандаринов... Вот теперь вы, вероятно, будете удовлетворены совершенно...

— А скоро это?

— Если бы не Россия, то очень скоро.

— А что же Россия?

— Протестуют против казни! Изволите ли видеть, русские прониклись жалостью к китайцам, и несколько китайских голов, которые мы желаем отрубить, держатся на плечах только благодаря их упорству... Вы понимаете?

— Что же в этих головах русским?

— Они говорят, что это жестоко...

Раулинссон досадливо махнул жирной рукой, пальцы которой были украшены драгоценными перстнями, купленными за бесценок у мародёров-соотечественников.

— Эта Россия всегда мешает нам, — воскликнул он. — Я не понимаю, что ей только нужно. Здесь и так нет никаких развлечений... Право, ввиду этого одна-другая ловко срубленная китайская голова принесёт пользу всем томящимся скукой...

Кажется, если бы он был в состоянии, то бесчисленное множество китайских голов слетело бы с плеч в интересах скучающих европейцев.

LVIII
СОЮЗНИКИ — КАК ОНИ
ЕСТЬ

Когда Николай! Иванович рассказал Лене и Остарикам о всём случившемся, то эти простые люди пришли в негодование.

— Эх, эх! — воскликнул Василий Иванович. Не ведают господа эти, что творят! Придётся им расплатиться за всё...

— Вы так Думаете, Василий Иванович? — спросил Шатов.

— Какое думаю — уверен! Вызнал я этих китайцев... Всё припомнят! Ну, тогда держись, Европа!

— Когда-то ещё будет это?

— Может быть, и не скоро, а может, это время и не за горами. Отольются кошке мыш-

кины слёзы. Ох как отольются.

Лена приняла известие о гибели Синь-Хо сравнительно спокойно.

— Бедный, бедный! — прошептала она, грустно покачивая головой. — Жаль его мне, он всегда был так добр к нам с Уинг-Ти.

— Уинг-Ти теперь сирота, — осторожно заметил Николай Иванович.

— Ах да! Но я никогда не знала её братьев. Впрочем, во всём этом я усматриваю перст судьбы...

— Как так?

— В смысле возмездия.

— За что? Уж не за измену ли Родине?

Лена пожалала плечами:

— Об этом я не смею судить. С одной стороны, они как будто действительно изменили, с другой — нет... Но вот их руки оказались в крови Синь-Хо...

— Они мстили за отца.

— Верю, но ты же сам рассказал, что даже рука палача не поднялась на этого человека... Стало быть, не нужно было вмешиваться и им. Впрочем, жаль их... Уинг-Ти горько плакала о братьях... Знаешь что? Я оставлю эту ми-

люю девочку у себя и... и потом, после нашей свадьбы, не расстанусь с нею.

Шатов улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься? — спросила Лена.

— Вряд ли твой проект исполнится.

— А что же может помешать?

— Есть кое-что. Помнишь Зинченко?..

— Этого славного казака? Он не раз заходил к нам...

— Вот, вот. Его.

— Ну так что же?

— Он имеет самые серьёзные виды на твою Уинг-Ти.

— Ах да! Я же знаю об этом! — вспомнила Елена.

— Зинченко теперь в составе тянь-цзиньского отряда. Но он скоро покончит свой срок и будет отпущен. Вероятно, он предпочтёт вернуться на родину с невестой по крайней мере, если уже не с женой. Что ты, Лена, думаешь об этом?..

— Я буду очень рада... Мне этот казак очень симпатичен.

— Вот то-то! Зинченко уже просил меня убедить маленькую Уинг-Ти принять христи-

анство.

— Да она и теперь христианка!

— Разве? Так скоро?

— Не забывай, что мы пробыли вместе несколько месяцев. Теперь для неё необходим только обряд крещения.

— Прекрасно! Всё устраивается к лучшему, только бы нам поскорее убраться из этого теперь проклятого места.

Лена вздохнула.

— Да, Николай, поскорее бы... Знаешь, я постарела душой в эти последние недели пребывания здесь. Никогда не поверила бы, если бы не видела многого сама, чтобы люди, кичащиеся своей культурностью, гуманностью, могли показать себя в таком свете, в каком выказали здесь себя европейцы.

— Да и никто бы не мог этому поверить, милая. Но против очевидного не пойдёшь. Англичане в Южной Африке уже достаточно показали, что такое первая по своей культурности нация в Европе, а все остальные европейские народы Воочию подтвердили, что Они не желают отставать от передовых людей с Британских островов. Право, остаётся

лишь благодарить Бога, что мы, русские, стоим особняком от них.

— И эта благодарность не будет фарисейская... Милость к побеждённым всегда лежала в основаниях русских войн.

Они замолчали. Впечатления разом нахлынули на Лену и её жениха. Невольно вспомнились девушке сцены буйства на улицах Пекина, и она поняла, что это был протест народных масс против подпавших под чуждое, тлетворное влияние соотечественников, протест, может быть, и бессмысленный, невозможно грубый по выполнению, но подсказанный инстинктом народа. Припомнила она императрицу Тце-Хси, Туана, Синь-Хо, которых, хотя и мельком, видела во время своего невольного пребывания в павильоне императорского парка, и поняла, что это были патриоты, искренно любившие свою Родину и видевшие её счастье в сохранении многовековых устоев быта — устоев, которые ради своих узких коммерческих выгод принялись расшатывать европейцы Запада; поняла она, что это были не звери, не дикари, а люди, как и все, с общелюдскими ошибками и заблуж-

дениями, но более симпатичные по своей сущности, чем кичащиеся культурой западные европейцы. Вспомнился Лене несчастный Вань-Цзы, и поняла она, что в лице этого молодого человека, объевропеившегося, но в то же время оставшегося китайцем до мозга костей, являлось новое будущее поколение страны Неба, готовое взять у Европы только хорошее, отринув всё дурное, и на этой почве не воссоздать или перестроить свою родину, а только уничтожить в её быте всё, что оставила дурного народу его многотысячелетняя жизнь... Вместе с тем, вспомнила она о всех хорошо известных ей подвигах европейцев, пришедших в недавно великолепную столицу Китая и камня на камне не оставивших в ней, и поняла, что недавние дикари европейского материка: вандалы, алеманы, галлы, саксы, пикты, скотты и пр., к которым порядочно-таки примешано крови диких гуннов, так и остались ими, несмотря на мнимый внешний лоск, которым они напрасно стараются прикрыть своё внутреннее убожество.

Почти о том же самом, что и Лена, думал сейчас Шатов. Невольно провёл он параллель

между алчной Европой и славянами, какими являются русские люди. Он сам был участником и очевидцем всех совершившихся событий. В то самое время, когда русские выказывали своё могущество и в великих проявлениях духа, и в деле милосердия к побеждённому врагу и своё полнейшее бескорыстие и идейные цели, все остальные мечтали только о собственных выгодах, одни, кто покрупнее, в смысле захвата чужих территорий, другие, помельче, в смысле грабежа и насилия над беззащитным и слабым народом, который, однако, при всей своей слабости, мог бы дать решительный отпор этим жалким пигмеям европейского Запада, если бы вместе с ними не был русский титан... Совершенно невольно согласился Шатов с мнением старика Кочерова, что трагедия ещё далеко не кончена, что разыгран лишь первый акт её, каково же будет дальнейшее содержание и во что разовьётся действие, может показать только будущее.

— Эх, поживём — увидим, что будет дальше! — он взял руку Елены и прижался к ней губами.

Лена поняла, что оба они в эти немногие мгновения думали об одном и том же.

— Ты о последствиях всех этих ужасов? — тихо спросила она.

— Перестанем... Это будет, то будет! Теперь у нас впереди своё... собственное наше! Так, дорогая? А обо всех этих делах нам и думать нечего!..

— Да. Только бы выбраться поскорее отсюда...

— Выберемся. Наши работают очень быстро, и при первой же возможности нас здесь не будет.

Так оно и вышло в отношении Кочеровых, а в отношении Шатова подтвердилась пословица, что предполагает человек, а располагает Бог.

Шатова потребовали вместе с неожиданно назначенным полком в занятый уже русскими войсками Шанхай-Гуань, чрезвычайный пункт, который мог иметь влияние на весь дальнейший ход событий!..

Когда требуют русского человека на службу Отечеству, замолкают все личные чувства, и Шатов, наскоро простившись с Кочеровыми

ми, отправился к месту своего назначения.

Незадолго перед очищением китайцами Шанхай-Гуаня русскими героями взяты были после упорных боёв Пей-Тан, или Бей-Тан, сильная крепость в устье реки Тао-хо, и город Лу-Тай, так что вся линия приморской железной дороги оказалась в руках у русских.

Приморская дорога связывала Шанхай-Гуань через Тянь-Цзинь с Таку. Шанхай-Гуань же был важен особенно как незамерзающая гавань на берегу Ляодунского залива, откуда открывался близкий путь на Порт-Артур. Около него Великая Китайская стена примыкает к морю, пересекаясь большой императорской дорогой от Пекина в Мукден, где около этого времени уже сошлись русские отряды. Великая стена не примыкает совсем к морю, а заканчивается от него верстах в десяти и образует этим широкие ворота, которые со времён глубокой древности защищаются укреплениями Шанхай-Гуаня.

Незамерзающая гавань Цзинь-Ван-Дао находится от крепости в 12 верстах, а город около крепости, известный под названием Линг-Ю-Синь, сам по себе представляет довольно

сильное укрепление.

Вся железная дорога между Бей-Таном и Шанхай-Гуанем была занята русскими войсками, и казалось, не могло выйти никакого недоразумения относительно того, кто является истинным хозяином рельсового пути.

Конечно же русские, взявшие с бою Тей-Тан и Лу-Тай и занявшие Шанхай-Гуань.

Но теперь западным европейцам нечего было церемониться с русскими. Наши герои выполнили свою главную задачу. Пекин был взят, и европейцы грабили его непрерывно, стало быть, можно было проявить себя в истинном свете и по отношению к облагодетельствовавшему их могучему союзнику.

За чем другим, а за этим у европейцев Запада дело стать не могло.

В середине сентября последовало распоряжение генералу Церпицкому занять всю железную дорогу, то есть все её станции между Бей-Таном и Шанхай-Гуанем.

Что приказано, то исполнено.

На трёх поездах последовал к Шанхай-Гуаню отряд русских героев.

Путь был далеко не безопасен. В окрестно-

стях каждого более или менее значительного города или крепости бродили в это время банды разбежавшихся солдат, разогнанных боксёров и всякого сброда. Они следовали своей обычной тактике и при любой возможности старались портить рельсовый путь. То шпалы оказывались вывороченными, то рельсы снятыми, то стыки развинченными. Чуть не на каждом метре можно было ожидать крушения. Идти же ночью и думать не приходилось. Так велика была опасность. В то же самое время следовало спешить: русским уже стало известно, какого сорта люди были их союзники и на что они могли решиться... Ночная темень застала отряд генерала Церпицкого верстах в сорока от конечного пункта, то есть от Шанхай-Гуаня.

— Эх, путь-то пустой! — ругались в отряде.

— Совсем пустой! Кабы не темень такая да люди не устали, пешком дошагать можно было бы.

— Да ничего! Вперёд сапёрная команда выслана!

— На дрезине?

— Да, всего пока до Тан-Хо...

— Хотя бы они туда добрались да за собой оставили. Ведь там только один переход до Шанхай-Гуаня...

Начальнику сапёров, высланных вперёд, дано было поручение осмотреть путь и объявить станцию Тан-Хо русской. Конечно, всё это было исполнено, а так как путь оказался в исправности, то все три поезда при первой же возможности отправились вперёд.

Было уже 8 часов утра, когда они находились в виду станции.

— Господа! — заволновались на первом из поездов. — Где наш флаг? Смотрите, на станции нашего флага нет.

— Как нет? Должен быть! Вчера выставлен был и станция объявлена русской.

— Что-то не то... Генералу доложить!

Генерал Церпицкий не знал, что и подумать об этом. Он был вполне уверен, что его приказание выполнено, и в свидетельство того, что Тан-Хо стала русским пунктом, на ней выставлен был русский флаг. Скоро недоразумение разъяснилось. На поезд, уже подходивший к Тан-Хо, явился плачущий китаец в одежде местного железнодорожного агента.

Только в этом китайце, оказавшемся начальником станции Тан-Хо, накануне принятым в русскую службу, были кое-какие особенные добавления, совершенно посторонние. Глаза у него были с «фонарями», голова проломлена, и вообще бедняга был порядочно избит.

Оказалось следующее. На станцию явился взвод с немецких судов под командой лейтенанта. Когда этот крепколобый тевтон узнал, что станция объявлена русской и что на ней не оставлено военной силы исключительно ввиду того соображения, что европейские союзники русских — честные, порядочные люди, уважающие право, то свою порядочность он доказал тем, что приказал избить ни в чём не повинного китайца, Начальника станции, а честность и уважение к праву — тем, что снял русский флаг.

— Уходите! — заявили ему, когда весь отряд русских был у станции.

— А зачем? — с наглой усмешкой спросил он.

— Во имя справедливости! Станция занята нами раньше вас. Разве не несправедливо вы её теперь занимаете?

— Пусть несправедливо, что же из того?..
Мне приказано, я исполнил...

— Нет, вы должны уйти.

— Я сперва донесу об этой претензии по начальству, и если последует приказание, тогда уйду.

— Уходите до греха, иначе...

Русские роты вышли уже из вагонов. Грозным строем, сверкая победными штыками, стояли солдаты.

Шутка действительно могла быть плоха.

Немец сбавил сейчас же тон и заегозил, предлагая лично объясниться с командиром отряда.

— Позвать сюда начальника немцев! — распорядился генерал.

Лейтенант явился.

После энергичных замечаний генерала Церпицкого он признал, что уйти ему необходимо, но, уходя, ни с того ни с сего разрешил бывшим также на станции англичанам выставить на одном из станционных угловых столбов свой флаг.

Последствия этого не замедлили сказаться. Флаг этот, по русской долготерпеливости и

снисходительности, оставили, где он был прицеплен. Однако через несколько дней буря сорвала его, и он исчез. Сейчас же, откуда ни возьмись, появился английский офицер и вздумал было самовольно поднять его снова — на более даже видное место.

— Ну уж это, ваше английское скородие, дудочки, шагайте прочь от будочки! — заявил ему начальник поста, унтер-офицер. — Не подobaет озорничать!

Англичанин, конечно, не понял его, а стал было рассказывать сказки о британском могуществе, о британском флоте. Для этого у него даже переводчик откуда-то явился. Однако угроза британским могуществом не произвела ни малейшего впечатления на русского унтер-офицера.

Он так и не позволил выставить флаг.

— Хорошо, я вам сейчас докажу могущество моей великой Британии! — объявил расшвирипевший англичанин. — Goddam, я вам покажу, что борьба с «владычицей морей» невозможна ни для кого в мире.

Он ушёл, пылая гневом.

Солдатики, бывшие на посту, даже при-

уныли.

— Что-то будет? — вздыхали они. — Попадёт нам...

— Эх, Бог не выдаст, а англичанин не съест! — ободрил их начальник. — А только, чур, ребята, коли что, держись дружно.

— Ну ещё бы! Сдадим, что ли!

Начальник поста осмотрел своих людей. Их было всего три десятка, но все они были народ обстрелянный, побывавший в боях, и никакая угроза на них не подействовала бы.

Однако дело приняло оборот, при котором приходилось русским воинам не до шуток.

Прошло около получаса, как поставленный настороже служивый заорал благим матом:

— Идут! Англичане, стало быть, идут!

На русский пост двигался с ружьями наперевес целый батальон сипаев, присланный из ближайшей, занятой англичанами деревни.

Очень хотел английский офицер доказать свою правоту.

Но между русскими — хохот. И хохот довольно громкий пошёл, когда отряд приблизился.

Впереди сипаев шёл их белый батальонный командир, неистово размахивая над головой саблей. Землетрясения не было, почва оставалась недвижимой, а, между тем, воинственный бритт раскачивался из стороны в сторону, словно его кидала, как былинку в поле, некая невидимая сила...

— Здорово их английское благородие откусать изволили! — смеялись солдаты.

— Теперь им, известно, море по колено!

— А лужа по уши... Так! Так!

Действительно, представитель «могущества Британии» был пьян в стельку. Шагах в двадцати от русских он остановил свой батальон и принялся командовать. Сипаи быстро построились в боевой порядок, готовясь, по всей очевидности, к штурму русского поста.

— Вот они что! — заволновались русские. — Значит, вы всерьёз...

— А мы, ребята, их шуткой! — крикнул унтер. — Возьми-ка винтовочки-то на прицел...

Боевыми патронами заряжать? Заряженных-то нет...

— Чего там! Очень нужно на такую... (следовало крепкое словцо) казённые патроны

тратить! Так, пустыми пугнём! Целься!..

В одно мгновение тридцать винтовок показали свои грозные дула наступавшим сипаям.

Тут величие Британии было ими сейчас же доказано...

Прежде всего, как йоркширский боров, которого собираются обрабатывать в сосиски, завизжал храбрый командир сипаев, приседая на корточки к земле, его же бронзовокожие воины с криками ужаса сейчас же опрометью кинулись врассыпную. Батальонный командир поднялся и пустился улепётывать вслед, но так как земля ходуном ходила под его ногами, то он упал и до крови расквасил себе нос.

Могущество Британии было доказано со всей очевидностью...

Заяц не мог бы улепётывать с большей быстротой от догоняющих его борзых, чем эти сыны Британии от незаряженных винтовок русских солдат, провожавших их весьма обидным хохотом...

Будь на месте этих тридцати русских хоть сотня грудных детей и безоружных и беззащитных женщин, сыны «владычицы морей»,

конечно, держали бы себя по-другому, и мир узнал бы об их новой грандиозной победе...

Теперь же ужас, овладевший ими, был так велик, что, не говоря уже о «пролившем свою кровь во славу родины» батальонном командире, остальные офицеры не смогли даже собрать их и ушли сами в свою деревню.

Всё, что рассказано здесь, не выдумки, не плод фантазии автора, а сообщено очевидцами в столбцах серьёзных изданий.

— Ну ребята! — предупредил начальник поста. — Теперь держись! Будет патока.

— Ещё, что ли, придут?

— Прийти не придут, а без жалобы генералу не обойдётся.

На другой же день после этого происшествия к генералу Церпицкому явился командующий английским отрядом генерал Райд и заявил протест.

Он требовал извинений со стороны русских, поднятия на прежнем месте английского флага, которому русские «должны были дать удовлетворение». В противном случае он грозил сложить с себя командование и уехать в Пекин с жалобой на русских к фельдмаршалу

лу Вальдерзее.

Со стороны генерала Церпицкого последовал ответ, что Райд волен ехать не только в Пекин к Вальдерзее, а даже, выражаясь вежливо, куда и к кому ему только угодно; английский же флаг водворён на прежнем месте не будет, никакого удовлетворения русские ему не дадут и приносить извинений не станут...

При этом генерал Церпицкий указал Райду на ряд очень серьёзных правонарушений со стороны англичан и на множество двусмысленных поступков.

Так, например, когда русский отряд прибыл в Шанхай-Гуань, генерал Церпицкий занял войсками форты, железнодорожную школу, лазарет и выслал отряд под начальством полковника Манаева для занятия железнодорожной линии вплоть до следующей за Шанхай-Гуанем станции Кин-Джоу-Фу.

Едва только Манаев выступил, начальник станции, англичанин Ракетц, сейчас же приготовил целый поезд для своих соотечественников.

— Куда это вы собираетесь? — спросили у

Ракетца русские офицеры.

Англичанин объяснил, что поезд приготовлен для «военной прогулки», во время которой произведено будет испытание паровоза.

Ложь была очевидна: отправлявшиеся «прогуляться» английские солдаты были в полном боевом вооружении, и намерения их были ясны без слов.

Однако они опоздали. На станции везде уже реяли русские флаги, во всех помещениях разместились молодцы Манаева, и шустрым бриттам пришлось вернуться несолоно хлебавши.

Тогда они проявили свою, деликатно выражаясь, «шустрость» на иной лад. Воспользовавшись тем, что в Шанхай-Гуане оставались незначительные силы русских, о вследствие чего железнодорожная школа и лазарет были заняты только полуротой, англичане глухой ночью перелезли через заднюю стену здания, отворили боковые двери лазарета, выходящие в глухой переулок, и ввели в помещение свой караул.

Вскоре после этого они совершили ещё

один подобный «подвиг». Для ожидавшегося в Шанхай-Гуане 7-го восточносибирского стрелкового полка приготовлено было помещение в бывших китайских импанях в восточной части города. По малочисленности своей русские ограничились только тем, что подняли над импанем свой флаг и поставили караул. Когда после этого более значительные силы русских удалились, явились два батальона сипаев, сорвали флаг и как ни в чём не бывало расположились в чужих импанях.

Были и случаи явного своеволия, превосходившие всякое вероятие.

Так, английские офицеры осмелились задержать подпоручика 3-й батареи стрелкового батальона Иванова, командированного на базар за фуражом. При этом они осмелились утверждать, что в этом районе имеют право хозяйничать только они.

На всё это указал Райду генерал Церпицкий, но у англичан оказались раза, которые от всего отморгаться могут. Замечания командира русского отряда Райд замолчал и с упорством продолжал стоять на своём.

Но и русский генерал выказал в этом слу-

чае достаточно твёрдости. Райду пришлось уйти ни с чем. Английский флаг так и остался не поднятым.

Между тем, вскоре после этого прислано было приказание Вальдерзее, которым он, признавая железную дорогу Занятой русскими войсками, велел всем союзникам передать в ведение Церпицкого Шанхай-Гуаньскую станцию.

Приказание было категорическое, все, кроме англичан, подчинились ему. Райд объявил, что он не получил инструкций от своего правительства. Это явилось с его стороны только новой увёрткой. Пока он тянул время в переговорах, инженер Ракетц по ночам вывозил Станционное имущество, очищал мастерские и депо, причём пока происходила ночная (хорошо, что не дневная) «работа», «работников» охраняли английские солдаты.

Вообще Райд не выказывал ни малейшего желания уходить, и командиры других союзных отрядов ввиду этого потребовали у генерала Церпицкого полного восстановления в своих правах, то есть возвращения им Шанхай-Гуаньской станции.

Конечно, иного ответа, кроме отрицательного, на эти притязания и быть не могло.

Дело готово было разгореться в очень серьёзное, но в это время из Пекина прибыли генерал Барроу, начальник английского штаба, британский консул Вольтер Шипер и подполковник Мак-Сюинь.

Они уже не прибегали к угрозам, ясно видя, что те ни к чему не приведут. Лорды распинались в бесчисленных просьбах и увещаниях; они умоляли не настаивать на снятии английского флага под тем предлогом, что это может вредно отразиться на торговых британских интересах в Шанхай-Гуане, но генерал Церпицкий оставался непреклонным и настоял на своём. Англичане принуждены были спустить везде свои флаги... Они проделали это при самой торжественной церемонии и сейчас же частным образом восстановили свои приставания.

Русские люди всегда отличались добродушием. Из милости к англичанам, несколько спустя, им разрешено было поставить свой флаг, который те поместили на очень укромном, не часто посещаемом нижними чинами

и вообще пассажирами уголке железнодорожной платформы...

Лорды остались весьма довольны хоть таким результатом хлопот. Да это разрешение дано было в обмен на обещание, дать полное удовлетворение русским за все «ночные подвиги» английских храбрецов.

Об извинениях же со стороны начальника и офицеров шанхай-гуаньского отряда перед англичанами даже и речи не заходило.

Всё это было — что по-русски называется «канителью»; и канительиться приходилось именно тогда, когда всюду было много серьёзного дела...

Николай Иванович Шатов был свидетелем всей описанной капители, его русское сердце так же, как и все русские сердца и офицеров, и солдат, было до крайности возмущено наглостью бриттов. Но против этого в данном положении активный протест был совершенно невозможен, а не то... от англичан и присных и «синя пороха» бы не осталось.

ЛІХ ДОМОЙ ПОСЛЕ БУРИ

Се Кочеровы вздохнули свободно только тогда, когда наконец выбрались из Пекина. И пора было уйти оттуда каждому порядочному человеку. Культурные и гуманные люди европейского Запада так неистовствовали там, что за всякого из них становилось стыдно.

— Господи, благодарю Тебя! — чуть не плача, восклицала Дарья Петровна, когда она с мужем, дочерью, Уинг-Ти и ещё несколькими русскими семействами очутилась за Пекином.

Добрая старушка оглянулась, и слёзы показались из её глаз, когда она подумала, какое несчастное место остаётся за ними.

— О чём ты, мать? — заметил, её слёзы Ва-

силий Иванович.

— Жалко... Три года жили... Всё было тихо, спокойно... а тут.

— Да, нехорошо, очень нехорошо... обзорно! — согласился старик. — Слава богу, что наших там теперь нет... Такая грязь и к чистому пристать может...

— Бедные, бедные! — продолжала убиваться о китайцах добрая старушка. — Знали бы, так не буйствовали бы лучше...

— Что поделатъ! Из терпенья вышли...

Он выглянул в окно вагона. Совсем нельзя было узнать прежнюю долину Пей-хо. Там, где незадолго до этого всюду были деревеньки трудолюбивых китайцев, теперь виднелись развалины, пожарища; возделанные поля — вытоптаны.

— Словно Мамай прошёл! — вздыхал Кочеров.

Время от времени с земли из насыпи поднималась исхудалая человеческая фигура. Трудно было понять, в чём только душа в ней держалась: кожа да кости. Невозможно было разобрать, кто это — мужчина или женщина; но кто бы ни был — каждая из таких фигур с

проклятием протягивала руку вслед поезду, уносившему европейцев, виновников бед, постигших скромный и, трудолюбивый народ.

Однако железнодорожный путь оказывался приведённым в полный порядок. Впрочем, причины этого понятны. На паровозах красовались дощечки с русскими наименованиями: «Молодец», «Пленник» и другими, а на всех вагонах — русские железнодорожные гербы, Дорога была русская...

Станция Фьен-Той, откуда и начались первые беспорядки, была восстановлена, и её занимали русские караулы. Русская железнодорожная охрана стояла и на всём остальном пути.

В том же самом вагоне, где поместилось семейство Кочеровых, были трое или четверо европейцев, притом, как мог сообразить Василий Иванович, англичан, тоже уезжавших из разграбленного Пеки цац, Они вели себя по отношению к другим пассажирам чрезвычайно бесцеремонно, вполне изображая тех существ, которые, если посадить их за стол, сейчас же поспешат на него и ноги положить... Разговор их был громок и непринуж-

дён. Они на чём свет стоит разносили русских именно за железную дорогу, по которой теперь ехали с полным удобством.

Это возмутительно! Это нарушение всех прав! — волновался один из англичан. — Ну исправили эти русские железную дорогу, завели подвижной состав, что они сейчас же после этого должны были сделать?

— Конечно, возвратить её собственникам, которым она принадлежала при основании! — согласился его спутник.

— Да, да! Вы тысячу раз правы, сэр! Припомним, что собственниками этой железной дороги являются наши соотечественники. Их интересы страдают при таком положении... Я в голову не возьму, как такое могли допустить наши славные генералы. Они должны были силой непобедимого британского оружия возвратить железную дорогу её первоначальным владельцам, раз русские восстановили её. Не так ли?

— Непременно! Во имя справедливости.

Василий Иванович, слышавший всё это, вдруг запыхтел, что являлось у него признаком раздражения и высшего негодования.

— Папа, оставьте! — воскликнула Елена, заметившая волнение отца.

— Нет, дочка! Как же это так! — пыхтя всей грудью, отвечал ей отец. — Кому же не заступиться за нашу Русь, как не мне!.. Я один здесь русский... Эти индийские петухи совсем забылись в своей индюшачьей заносчивости... Нет, позвольте, сэр, — старик вдруг сорвался с места и юношеским шагом подошёл к англичанам. — Как же это вы так изволите рассуждать о русских?

— Вы мне никем не представлены, — протянул англичанин.

— Э, чего там! Попросту, без затей... Я ведь русский... Узнайте-с, в разных там комедиях не Нуждаюсь... Вы говорите о недобросовестности русских, на свой счёт и своими трудами восстановивших испорченную по вашей милости дорогу... Вы говорите о справедливости, когда ваши солдаты грабят в несчастном Пекине живого и обирают мёртвого...

— Это не грабёж, а военная добыча! — растерянно пробормотал англичанин, заметивший, что его спутники уже при возникновении этого разговора улетучились из вагона.

— А вот я докажу вам, какая это военная добыча! — горячился старик.

В порыве негодования он по старокупеческой привычке принялся сучить рукава, хотя и мысли о каком-либо физическом столкновении у него не было.

Англичанин побледнел как полотно, заметив это движение.

«Когда нас было четверо, я бы, пожалуй, принял вызов на бокс, — подумал он. — Но теперь, когда я один, я не могу рисковать достоинством британского подданного. Кто знает, что на уме у этого варвара? Он ещё может побить меня!»

С такими мыслями он поднялся со скамейки и надулся в самом деле, как индюк.

— Мистер, — объявил он. — Я уже имел честь сказать вам, что мы не представлены. Поэтому никакой разговор между нами невозможен. Имею честь кланяться!

И индюк важно поплыл к выходу из вагона.

Чего-чего, а этого старик Кочеров ожидать не мог.

— Тьфу ты, нечисть! — плюнул он и весь

красный вернулся к своим.

Лена встретила его смехом:

— Что, батюшка, обожглись? Каково?

— Ну их! — махнул рукой Василий Иванович. — Петухи, индийские петухи! Разве это люди?

А «индийские петухи», между тем, сейчас же составили на площадке вагона митинг и горячо обсуждали это дорожное приключение.

— Я предлагаю немедленно телеграфировать в Лондон! — восклицал один. — По-моему, это вопиющий факт, который может создать почву для возврата в руки собственников Нашей железной дороги.

— Ваша мысль дивная, но до этого мы обратимся к нашему консулу с заявлением... Этот варвар не смел обращаться к нам с разговорами, не будучи нам представленным.

Сколько бы времени продолжалось ещё обсуждение этого факта — неизвестно, но как раз в это время на стороне полотна вдруг поднялась фигура китайца в красном боксёрском одеянии и вслед за тем грянул выстрел.

— Куэйце, куэйце! Подлые дьяволы! — раз-

дался крик боксёра.

Пуля ударила в стенку одного из вагонов. Пущенная наудачу, она никому не причинила вреда. Да притом подобные случаи были столь частыми, что на выстрел даже внимания не обратили. Высунулся с площадки кондуктор, погрозил боксёру кулаком этим всё и кончилось.

Зато «индюки» были бледны и дрожали, как в лихорадке.

— Вот что значит русское управление! — восклицали они. — Русские завладели железной дорогой и не умеют обезопасить жизнь пассажиров. Нет, необходимо сделать заявление в Лондон, пойдёмте в вагон и составим текст депеши.

— Только не в тот, где находятся эти дикари.

— Конечно, мест так много.

Они все четверо перешли в соседний вагон и там занялись составлением жалобы лондонскому правительству на Россию...

Василий Иванович даже не обратил внимания на выстрел. Он всё ещё не мог вполне прийти в себя. Негодование против «индю-

КОВ» кипело в его душе...

Маленькая Уинг-Ти была принята в семейство Кочеровых, как своя. Она сидела на скамейке рядом с Леной. Одета она была совершенно на европейский лад. И этот костюм европейки был ей, пожалуй, гораздо более к лицу, чем её национальный. Только несколько скошенные глаза да желтоватая кожа выдавали в ней китаянку.

Девушка погрузилась в глубокую думу. Много, очень много пришлось пережить ей в это короткое время. Всяких напастей было без конца, а радости она стала видеть только теперь, когда эти добрые русские люди, как свою, взяли её к себе. Что будет потом — об этом маленькая китаянка не думала. Все народы Востока мало думают о будущем. Оно словно не существует для них. Уинг-Ти была дочерью Востока в полном смысле этого слова, но близкое общение с русскими уже цивилизовало её настолько, что время от времени она стала подумывать о будущем.

Впрочем, это были скорее мечты, чем серьёзные думы.

Статный молодой казак, которого все так

хвалили, занимал не последнее место в этих мечтах.

Прежде, в Порт-Артуре, Уинг-Ти как-то не так замечала его. Может быть, потому это происходило, что прежде маленькая китаянка чувствовала себя не госпожой своих чувств. Сперва воля отца, потом полная зависимость от братьев постоянно сдерживали её во всех порывах, но теперь она если и зависела, то разве от этих людей, которые сами не раз говорили, что рады были бы видеть её, маленькую Уинг-Ти, женой казака...

Невольно Уинг-Ти стала мечтать об этом. То, что ей пришлось бы принять христианство, её не смущало. Китайцы в основе своей никогда не были фанатиками религии. Христианство в своих принципах даже не чуждо было учениям Кон-Фу-Цзы, Лао-Цзы, Будды, заложивших краеугольными камнями своих вероучений любовь к ближнему. Что же касается обрядовой стороны, то у китайцев она так проста, что не может даже служить предметом внешнего увлечения, а потому не может особенно привязывать к себе своего последователя. Весь же строй китайской жизни

с множеством обрядов на разные случаи жизни держался исключительно на традициях и тоже не мог быть особенно дорог молодому поколению.

Итак, Уинг-Ти была готова стать христианкой, и если не стала ею до сих пор, то потому лишь, что в Пекине к тому времени, когда мало-мальски успокоилось возбуждение, вызванное грозными событиями, не было православного духовенства, перешедшего при первой возможности в Тянь-Цзинь. Православные пастыри не могли оставаться там, где попирались европейцами все основы великой любви Христовой к ближнему...

Теперь Уинг-Ти думала о Зинченко. Высокий, стройный, красивый, на её взгляд, он представлялся ей не обыкновенным человеком, а каким-то воплощением доброго духа, божеством, явившимся ей в человеческом образе. Бедная девочка мучилась и скорбела о том, что этот человек не хочет обратить на неё своё внимание и теперь, наверное, уже совсем забыл её...

Она слышала уже русскую пословицу: «С глаз прочь, из сердца вон»...

И сердце её сжималось мучительной тоской...

Уинг-Ти чувствовала себя одинокой. Для неё во всём мире не было человека, к которому она могла бы привязаться с такой любовью, какой привязываются только женщины к существу, вызывающему в них почтение и восторг.

Она так погрузилась в эти свои печальные думы, что совсем не замечала, как летело время.

Вот и Тянь-Цзинь...

Здесь Кочеровы должны были остановиться на несколько дней, дабы привести в порядок некоторые дела.

Словно совершенно повое, невиданное никогда, явилось перед их глазами, когда они вышли из вагона.

Тянь-цзиньский вокзал, бывший в течение месяца мишенью для китайских пушек, представлял ещё груды развалин, над которыми развеялся русский флаг. От здания вокзала уцелели только стены, но и на них везде видны были, словно не затянувшиеся раны и язвы, следы гранат и пожара. Небольшой домик

в китайском стиле, был отведён под помещение для пассажиров-европейцев; тут же помещалось, и всё управление станции.

Много-много труда стоило русскому коменданту станции, поручику 11-го стрелкового полка Филичкину, хоть как-нибудь привести в порядок тянь-цзиньский вокзал. Чуть не целая армия косоглазых оборванных манз, из которых добрая половина недавно ещё была в числе боксёров, работала над сооружением того, что ещё недавно разрушалось их же руками. Манзы получали по гривеннику в день, рису вдоволь и помещение для ночлега. Вначале они бегали, и приходилось выводить их на работы под конвоем, но потом они вошли «во вкус», и приходилось силой прогонять с работы тех из них, которые оказывались лишними.

Русское имя эти рабочие благословляли... Плата за не особенно тяжёлый труд по тому времени казалась очень высокой.

Благодаря этому тянь-цзиньский вокзал приведён был в полный порядок.

Да и сам Тянь-Цзинь с тех пор, как установилось русское управление, стал быстро

оправляться от недавнего погрома.

Быстро возвращались в него один за другим жители: китайцы, европейцы. Все они были уверены в своей относительной безопасности, ибо чувствовали, что главная власть сосредоточилась в падежных руках, притом в русских, которые не замарают себя наглым грабежом.

Однако следы погрома в «городе миллионов» всюду ещё были заметны. Французская концессия, недавно состоявшая из тысячи населённых и благоустроенных зданий, была почти вся разрушена. Остальные концессии сохранились, хотя большинство зданий носило на себе следы снарядов. Китайская часть была разрушена вся до основания.

Кочеровы, прибыв в Тянь-Цзинь, остановились в уцелевшем отеле «Nastor House», И сразу же Василий Иванович пришёл в худое состояние духа.

— Помилуй, мать! — говорил он жене. — Это же дневной грабёж!

— А что такое? — спрашивала она.

— Комнатёнка-то у нас... повернуться негде, а за нее целых двадцать целковых тре-

буют...

Цены на все в Тянь-Цзине установились колоссальные. Пока что открылись только две лавки: какого-то «братушки-словака», приехавшего сюда наживать из Шанхая, и русского купца Кондакова. Коммерсанты положением воспользовались вполне. Пуд картофеля стоил 5 рублей, пуд масла 25 рублей, пуд стеариновых свечей — тоже...

Но всё-таки это ещё было так или иначе законно. Купцы везде купцы, а по спросу и цена. Но главным злом Тянь-Цзиня были грабежи и насилия отважных европейских воинов. Уж очень они теперь расхрабрились. До тех пор, пока «город миллионеров» не перешёл в русские руки и его приходилось брать с бою, европейцы были тише воды, ниже травы; когда же всякая опасность миновала, они стали храбры. В особенности отличались англичане, что отмечается всеми очевидцами.

Английские войска блистательно заявили себя только в грабежах и расправах. Они совершенно обезлюдили данный им для наблюдения участок (богатейшая торговая часть города и дворцы). Они его обчистили, и квартал

опустел. Во дворце они не только забрали всё, в том числе великолепную коллекцию бронзы, но даже вынули из стен бронзовые доски с надписями. Каждый день в их посольстве производились открытые аукционы множества награбленных драгоценностей, шёлковых материй, костюмов, мехов и ковров. Всё это английские офицеры и солдаты целыми вагонами отправляли на родину, в свою великолепную Британию...

Да не посетует читатель на автора, если он позволит себе здесь небольшое отступление и коротко расскажет о том, как относились китайцы к русским. Этот вполне правдивый рассказ послужит лучшей иллюстрацией того, чем явились для Тянь-Цзиня простые русские люди...

Чем были там европейцы, читатель уже видел из предыдущего...

Между прочими своими обязанностями, русские в Тянь-Цзине несли и полицейскую службу. Как известно, всюду население по-сматривает на полицию косо и особенной дружбы с полицейскими агентами не водит. Между тем, в один из осенних дней прошлого

года[93] многотысячная толпа китайцев, разодетая по-праздничному, важно и степенно направлялась ко дворцу бывшего вице-короля Ли-Хун-Чанга. Впереди толпы выступали выбранные ею старейшины и члены-депутаты. Перед ними четыре разодетых китайца несли громадный шёлковый платок, растянутый на деревянной раме. На этом платке были вышиты китайские иероглифы, составлявшие некое воззвание. Всякий встречный китаец, ознакомившись с содержанием, сейчас же примыкал к толпе.

Куда же направлялись эти люди?

К начальнику полиции русского участка Тянь-Цзиня поручику Пеневскому, сменявшемуся и уходившему из города. Эти люди шли благодарить его и нижних чинов 6-й и 7-й рот восточносибирского 10-го полка за всё выказанное ими великодушие к побеждённым и заботы об их безопасности и благосостоянии и в особенности за энергичную защиту китайских жителей Тянь-Цзиня от неистовств европейцев[94]... Пеневскому депутациями от жителей обоих берегов Пей-хо были поднесены благодарственные адреса, изображённые

на громадном шёлковом платке красного цвета, окаймлённом пятью лентами — жёлтой (национальный цвет Китая), белой, синей и красной (цвета России) и чёрной (траурной), изображавшей скорбь народа по случаю разлуки его с русским начальником. Посередине платка было начертано: «Мир, тишина, блаженство Тянь-Цзиня», и на обороте тоже надпись: «Начальнику русского участка города Тянь-Цзиня поручику Пеневскому от благодарных, жителей»...

Что-то ничего не слышно о какой бы то ни было овадии со стороны китайцев в адрес высокопросвещенных и гуманных европейцев!

Наоборот, рассказывается о проколотых в живот женщинах, о «комическом» ужасе на лицах стариков, которых ме пощадили после взятия Тянь-Цзиня, о сотнях «обезображенных» желтокожих, просивших и не получивших пощады, и т.д.[95]

Не удивительно после этого, что когда распространился слух, будто русские не долго останутся в Тянь-Цзине, один из китайских старшин, напуганный этим известием, на другой же день поспешил к переводчику при

полиции с целью выпытать у него, насколько достоверны эти сведения, и когда последний успокоил его, то старейшина объяснил, что если русские оставят Тянь-Цзинь совсем и полиция перейдёт в руки другой нации, в особенности немцев, то китайцы должны будут бросить свои дома и переселиться в другое место.

Комментарии к этому излишни: культурная, гуманная Европа — вся тут, как на ладони.

Итак, возвращаемся к прерванному рассказу...

Цены в «Nastor House» так напугали расчётливого старика Кочерова, что он решил до последней возможности сократить своё пребывание в Тянь-Цзине.

Старушка-жена его тоже только об этом и мечтала. Её материнское сердце ни на мгновение не было покойно. Пришли уже вести о сыне, знала старушка о всех приключившихся с ним бедах и знала о том, что её Мишенька быстро поправляется под влиянием нежного, заботливого ухода супруги, но всё это было не то. Так и рвалась старушка к своему

сокровищу всеми помыслами и ждала — дождаться не могла минуты радостной встречи.

В хлопотах о своих делах старик едва не позабыл одного, что имел в виду при выезде из Пекина.

Напомнила ему об этом Лена:

— Папочка, не забывайте!..

— О чём, стрекоза?

— Наша Уинг-Ти, бедняжечка, каждый раз, как только возвращаетесь вы домой, так жалобно глядит на вас, будто манны небесной ждёт...

— А, хорошо! Спасибо, что напомнила!

Речь шла о Зинченко, который должен был быть со сноси сотней в Тянь-Цзине.

Кочеров навёл справки. Зинченко, этот бравый молодец, казалось, сделанный не из плоти и крови, а из железа, оказался в госпитале.

Он один врубался в толпы китайских солдат и боксёров, он в боксёрском костюме остался невредимым на улицах Пекина, но, видно, на роду ему было написано, оставаясь невредимым во время открытых и смелых боев, попасть под *европейскую* пулю...

Так это было.

Зинченко был послан в ночной разъезд по Тянь-Цзиню. Не раз приходилось ему нести такого рода службу, и много-много Тянь-цзиньцев с чувством искренней благодарности вспоминали этого русского, который смело кидался на европейских грабителей и отбивал у них их жертвы.

Не предчувствуя ничего дурного, он и в эту ночь выехал на своём степняке вместе с Васюхновым, обычным своим товарищем и спутником. Улицы опустошённого города были погружены в ночной мрак, но тишины не было. В европейском квартале господствовал ещё сравнительный порядок, но около уцелевших китайских домов стояли готовые на всякое насилие банды европейских солдат.

Картина обычная. Всё это Зинченко и Васюхнов видели не раз. Сперва они принимали такие сцены, какие представляли перед их глазами, близко к сердцу, но приходилось только этим и ограничиваться: от начальства был строгий приказ избегать всяких ссор и столкновений с европейцами. Волей-неволей закрывали глаза на возмущавшие душу сцены

и проходили мимо их... Зинченко обыкновенно нагайку крепче стискивал в руке, но и только...

Тихо, даже не разговаривая друг с другом, ехали казаки по пустынным улицам Тянь-Цзиня. Вдруг душераздирающий вопль поразили их слух.

— Слышишь? — буркнул Васюхнов.

Зинченко не ответил, только надвинул на брови папаху да скрипнул зубами.

Вопль повторился. В нём слышалось что-то такое, что вдруг заставило до боли сжаться сердца обоих казаков.

— Пойдём, что ли? — спросил Васюхнов.

— Айда! Всё равно! — и, вытянув степняка нагайкой, Зинченко помчался вперёд.

Ночь уже близилась к концу, мгла засерела, на востоке белел туман рассвета.

В полусумраке казаки увидели кучку людей — по мундирам судя — английских и немецких солдат. Они окружили молоденькую китаянку, прижимавшую к груди малютку-ребёнка. В тот момент, когда Зинченко был уже около толпы, один из негодяев выхватил младенца из рук матери и с силой

швырнул его от себя. Малютка ударился головой о стену ближайшего полуразваленного дома, и писк его мгновенно стих. Негодяи же уже волокли его обезумевшую от ужаса мать к строениям, уцелевшим около этого места.

Словно какая-то сила подтолкнула вперёд Зинченко.

— Ах вы! — закричал он, направив коня в самую гущу негодяев.

В следующий момент будто неведомая сила подняла в воздух первого попавшегося под руку рассвирепевшему казаку европейца. Затем европейец очутился на луке казацкого седла в таком положении, что его руки и голова свесились по одну сторону, а ноги — по другую; на остальную же часть туловища так и посыпались удары казацкой нагайки.

Европейец визжал, как боров на бойне, но нагайка безжалостно свистала в воздухе.

Его товарищи в первое мгновение разбежались было, но затем оправились и стояли в некотором отдалении, ожидая, что выйдет из всего этого, и, видимо, не осмеливаясь в страхе пальцем пошевелинуть, тем более, что казаков было двое.

— Брось! — пробовал было остановить товарища Васюхнов.

— Отстань, не мешай... заporю! — хрипел Зинченко.

— Брось, леший, тебе говорят! Перешибёшь — грех выйдет!

Он силой вырвал у Зинченко его жертву. Только тогда казак несколько опомнился. Европейец, схватившись за иссечённое место, орал благим матом, но казаки не обратили на него ни малейшего внимания и, погрозив нагайками остальным, повернули коней. Это движение оказалось роковым для Зинченко... Пока он стоял перед шайкой европейских бандитов лицом к лицу, те не осмеливались пальцем пошевелинуть, но теперь — о, теперь другое дело! Грянули выстрелы, и две пули впились Зинченко в спину...

Казак качнулся вперёд всем телом и бесшумно сполз с лошади.

Он был без чувств.

Васюхнов кинулся было на него даяев, не задумавшихся над предательскими выстрелами, но тех и след простыл.

Очнулся Зинченко уже в госпитале. Раны,

хотя и не смертельные, были весьма тяжёлыми. С великой тоской узнал казак, что к дальнейшей службе он уже не годен и его при первой возможности отправят домой.

Старик Кочеров застал его в госпитале оправившимся настолько, что он был в силах проделать далёкий переезд, а его полное выздоровление было только делом времени.

С волнением глядел Василий Иванович на сильно исхудавшее, осунувшееся, с глубоко впавшими глазами лицо. Прежнего весельчака-молодца и узнать нельзя было.

— Не забыли, ваше степенство, вспомнили! — с затаённой грустью молвил при встрече казак. — Спасибо вам за это!

— Что ты, молодец, что ты! Как можно было забыть! — так и замахал руками старик.

— Спасибо нам и на том... Вот дела-то! Думал-гадал вернуться из похода, своим домком зажить — не вышло ничего...

Зинченко тяжело вздохнул.

— А что же теперь-то? Вернёшься, да ещё скорее, чем другие... Честным цирком, да и за свадебку.

По лицу казака пробежала тень.

— Куда уж нам! Кому такая кляча нужна! — тихо сказал он.

— Ну, это ты не говори... Понравишься на вольной жизни, опять молодец молодцом будешь...

— Какое же? Утешаете вы меня... Взять теперь, к службе не годен я — вчистую увольняют, там по казачеству около земли тоже бесполезен — силы нет... и не будет больше... Вот остался сиротой.

Какая-то мысль вдруг осенила Кочерова.

— Слушай-ка, Андрюха! — воскликнул он. — Вчистую, говоришь, увольняют?

— Так точно, вчистую!

— И к земле ты не способен?

— Куда же! Руки еле поднимаю.

— Гм! Вот какое дело-то! Грамотный?

— Обучен... Чуть было в писари не взяли.

— Важно! А ежели я тебе около себя дело найду?.. Я ведь и купец, и подрядчик, а? Что скажешь?

На щеках у казака вспыхнул румянец:

— Уж и сказать что не знаю, ваше степенство.

— Раскинь мозгами-то, раскинь, тебе гово-

рят. Парень ты смышлённый, приспособишься, у сына первой рукой станешь, потому что оба вы выходите герои. Каково придумано-то, а? Стар я стар, а мозгами ворочаю. Что скажешь?

— А вот что скажу, — Зинченко встал с койки. — Коли возьмёте вы меня, ваше степенство, попорченного да никуда не годного, не буду я у вас даром хлеб есть, а будет от меня вам вовек благодарность!

С этими словами он в пояс поклонился Василию Ивановичу. Тот сконфузился.

— Что ты, милый, что ты! Я ведь не даром тебя беру, не мой, а свой трудовой хлеб есть будешь, да и не один, поди, а?

Старик лукаво подмигнул казаку. Тот зарумянился, как красная девушка.

— Куда уже нам! — обронил он.

— Знаю... Чего стал красен, как рак варённый? Чует кошка, чьё мясо съела... Да вот ещё что, только, чур, молчать... Ни гу-гу, стало быть...

Василий Иванович новел оживлённый разговор, а после него отправился по начальству Зинченко и возвратился к себе домой с

необыкновенно важным видом.

Елена сразу заметила: отец что-то скрывает от неё.

— Папочка, да что вы такой? — приставала она.

— Какой такой, дочка?

— Да я у китайского богдыхана в курятнике таких индейских петухов видела, как вы пыжитесь.

— А ты, быстроглазая... над отцом смеяться! Вот погоди, скажу Николаю-то!

Девушка сразу стала серьёзнее:

— Знаете, пана, Николай письмо прислал...

— Что же он? Здоров ли?

— Слава Богу! Пишет, что мы, может быть, скоро увидимся. Их после смены полков в Порт-Артуре на зимние квартиры возвращают.

— Вот и распрекрасно! Честным пирком, значит, да и за свадебку... Давно пора! Рад, рад! А где же Уинг-Ти твоя?

Старик был в очень хорошем настроении. Увидев китаянку, он шлёпнул её ладонью по спине и сказал:

— У, косоглазая! Глаза чесались?

— Чесались? — девушка не поняла вопроса.

— Который глаз?

— Левый!

— Ага! К радости, значит! — и, лукаво подмигнув дочери, старик прибавил: — Ежели правый глаз чешется — плакать, значит! Примета у нас такая.

Уинг-Ти ничего не поняла. Лена смутно о чём-то догадывалась.

Всё объяснилось на другой день.

Кочеровы собирались в путь, предполагая уехать с последним вечерним поездом, чтобы прибыть в Тонг-Ку к отходу порт-артурского парохода: До отъезда оставалось ещё несколько часов. Василий Иванович куда-то ушёл и возвратился затем с самым таинственным видом. Он отвёл дочь в сторону и о чём-то долго шептался с ней. Лена, довольная, весёлая, убежала сейчас же к своей подруге, схватила её за руки и потащила в комнату отца.

Уинг-Ти даже на корточки присела, когда увидела перед собой не кого иного, как Зинченко, стоявшего перед ней со смущённой улыбкой.

— Здравствуйте вам! — казак протянул маленькой китаянке свою лапищу.

Та не знала, что и делать. От смущения, охватившего всё её существо, бедная девочка то краснела, то бледнела.

— Чего там здравствуйте! — вмешался старик. — Поцелуй, косоглазая, жениха-то! Я уже тебя просватал за него. Будь ты крещёная, образом благословил бы, а вот подождать малость приходится...

Уинг-Ти, потрясённая, дрожала всем телом.

Что это? Сон или явь? Про какого её жениха говорит этот добрый старик? Неужели этот большой казак стал её женихом?

В своём волнении китаяночка даже и не замечала перемены, происшедшей с Зинченко...

А тот стоял перед ней, сам смущённый и взволнованный до последней степени.

— Эй, Андрюха, где шустёр да храбёр, — подсмеивался Василий Иванович, — а тут как пень стоит... Китайцев не боялся, а перед маленькой китаяночкой душа в пятки ушла... Ну же, да ну же, милый!

Он слегка подтолкнул Уинг-Ти к Зинченко. Ещё миг, и она очутилась бы в объятиях славного детины. Откуда у него силы взялись. словно не бывало у него в спине двух предательских пуль. Как пёрышко, поднял он в уровень со своим лицом девушку и осыпал щёки, губы, лоб её бесчисленными поцелуями.

Та безропотно отдавалась им: и хорошо, и сладко было у неё на душе.

«Вот он заменит мне и отца, и братьев!» — подумала она.

— Ну, довольно! — остановил молодца Василий Иванович. — На будущее немного оставь... Лучше вот что! Помолимся-ка за начало нового дела...

И, обратившись на восток, старик истово принялся креститься, прося в душе, кроткой и незлобивой, счастья двум молодым хорошим людям, которых чуть было не развела злодейка-судьба.

Вместе с добрым стариком молилась и Дарья Петровна, всхлипывавшая при начале этой сцены и разрыдавшаяся в конце её, и Лена, счастливая за подругу; раскольник Зинченко и даже язычница Уинг-Ти тоже крести-

лись, следуя доброму примеру.

Вечером все они выехали из Тянь-Цзиня.

Благодаря хлопотам Василия Ивановича Зинченко все формальности удалось закончить очень скоро, и он получил возможность отправиться не обычным путём, каким доставлялись на родину нижние чины, а с большим комфортом.

Добрые простые русские люди с первого же момента совместного путешествия не стали чиниться с этим взрослым ребёнком, бесстрашным удальцом во встречах с врагами Отечества и именно бессильным ребёнком при столкновениях с жизнью. Они помнили, чем ему обязана Лена, и Андрей Зинченко стал им близок, как родной. Да и сами-то Кочеровы по своему происхождению были не особенно далеки от казака, и это лишь способствовало их быстрому сближению.

Ещё на пути к Тонг-Ку Василий Иванович принялся посвящать Зинченко во все премудрости своих дел, и скоро смыслённый парень был в курсе их.

Уинг-Ти всё время скромно держалась в стороне. Восточная женщина сказывалась в

ней, и она никак не могла привыкнуть к обращению с мужчинами запросто. Впрочем, эта застенчивость делала молодую китайночку ещё более привлекательной.

Кончен сухопутный переезд; гигант-пароход понёс так неожиданно увеличившееся семейство по морским волнам.

Вот и Порт-Артур, этот чудный уголок — «окно» уже не в Европу, а в таинственную Азию, место, где твёрдо, на счастье народам Востока стала великая Россия.

На пароходе путникам пришлось услышать совсем незнакомое имя, произносимое с особым выражением:

— Тянь-Сю-Дзянь!

Смутно припомнил Василий Иванович, что это имя он уже слышал, и не раз, но где и почему слышал — старик сразу припомнить не смог.

— А позвольте спросить, кто это будет? — обратился он к разговаривавшим.

Те удивились:

— Как? Вы из Пекина и ничего о Тянь-Сю-Дзяне не знаете?

— Признаться, слышал, но не могу вспом-

нить, кто такой.

Слово за слово, Василию Ивановичу рассказали, что это последний отпрыск династии Мингов, или Пин-Чао, то есть династии мира. Каким-то образом он уцелел. До самоотвержения преданные ему горцы южного Китая укрыли претендента от руки наёмного убийцы, так что Дайцины (царствующая династия) не могли добраться до него. Среди этих горцев образовалось уже общество «Триадцев», более осмысленное, чем общество «Ихо-туан». Во главе Триады стал европейски образованный вождь, умный Су-Я-Чен, который, пользуясь смутным временем, готов был объявить Дайцинов узурпаторами, а истинным богдыханом Китая — минга Тянь-Сю-Дзяня, скрывавшегося в семье бочара из селения Гай-Джоу под видом подмастерья. Но это был необыкновенный бочар. Он сдал кандидатский экзамен в Пекине и был удостоен учёной степени.

— Это — новая гроза Китая! — говорили Василию Ивановичу.

— Помню теперь! В Пекине много о нём рассказывали. По слухам, умница!..

— Говорят... За сто ум свидетельствует его манифест. Очень ловко он составлен.

— Так он тоже идёт против иностранцев?

— Идти-то идёт, только он предлагает своим будущим подданным перенимать от них всё, что полезно для Китая. Он консерватор... на почве прогресса.

Когда на пароходе узнали, что Кочеров — один из участников «пекинского сидения», его засыпали вопросами о современном положении столицы Китая.

Тот только рукой махал.

— Э, что там говорить! Припомните Москву в 12-м году. Так вот то же и в Пекине.

— Как? Неужели?

— Право! Вот что скажу я вам: для каждого китайца священна память предков, а знаете, в Пекине, в храме Неба, сложены запасы сена для индийской кавалерии.

Взрыв негодования был ответом на это сообщение.

— Не может быть! — возмущались. — Европейцы же пришли, чтобы дать мир Китаю.

— А они вот что делают!.. Говорю, что теперь Пекин — родной брат нашей многостра-

дальной Москве. В упоении победой, приобретённой не их к тому же кровью, эти самые европейцы голову потеряли...

От Кочерова стали требовать подробностей.

Рассказал он то немногое, что знал. Рассказал, между прочим, что итальянский посланник не нашёл себе более подходящего помещения, как царский шаманский храм, где император в одежде и погремушках верховного жреца и заклинателя раз в год в установленный день, со всеми особенностями стародавнейшего френетического обряда совершал обычное священнодействие перед табличкой основателя династии, в память своих диких отцов и дедов на берегах Амура. Рассказал он, что когда во время переговоров князь Цин приехал в итальянскую миссию с визитом и не решался войти в маньчжурское святая святых, куда недавно доступ был открыт одному богдыхану — по тем самым палатам, куда не ступала нога иноземца с Запада и где благоговейно ложились ниц перед ступенями тропа высшие сановники империи и князя, насмешливо прогуливались европейские солда-

ты и туристы, а наглые англичане, с тросточками в руках, разваливались на богдыханских сиденьях-престолах...

При таком положении, пожалуй что, «подвиги» европейцев 1900 года в Пекине превзошли во много раз «подвиги» их же собратьев в 1812 году в Москве.

Но какое негодование в русских людях вызвал последующий рассказ Кочерова об отношении европейцев к русским, которым одним только вся эта кампания обязана успехом!

Если на устроенный русскими между Ян-Цуном и Пекином этап, занятый после их ухода немцами, прекомично величающими в особых надписях на дощечках любую лужаечку перед конюшнями «Paradeplatz», приезжали для ночлега усталые русские офицеры, им не только не оказывалось ни малейшего гостеприимства в нашем смысле слова, но отводилось худшее и неопрятнейшее помещение (Fremdenzimmer) и с чисто тевтонской бесцеремонностью заявлялось, что в случае прибытия немецких приезжих и оттуда, пожалуй, ночью придётся убраться. Когда поднялся во-

прос о передаче нам немцами в Пекине нами же захваченных при взятии города и оставленных там, на союзном попечении, всего нескольких китайских пушек из местного арсенала для отправки на память в русский музей, поднялась целая история, вышли всякие зацепки и задержки, германцы чуть ли не из милости согласились расстаться с орудиями, которых они, не участвовавшие в штурме богдыханской столицы, даже и не брали грудью у яростно оборонявшегося из-за прикрытий врага. После сдачи нами немцам своего квартала (где они, кстати заметить, сразу начали беспощадно теснить и казнить население, только что с благодарностью поднёсшее почётный зонтик своему справедливо-строгому полицеймейстеру «великому сибирскому капитану Демидову») они под разными предложениями отказывались выдать расписку в получении от нас арсенала.

Туда, между прочим, захотели временно поместить наши палатки. В этом сначала было отказано за неимением будто бы места, хотя пустых сараев насчитывалось более чем достаточно. Наконец вещи приняли, по стали

ими пользоваться, попортили и потеряли часть.

Да что там, если обо всём говорить — никогда не кончить!

Например, французы, идя на Пекин, ограничивались шутливым наречением разных разрушенных городских и деревенских улиц и площадей по пути туда: Avenue de Pekin, Place Lafayette, etc., тогда как немцы, не участвуя непосредственно в занятии столицы, окрестили теперь виднейшие улицы и ворота ни на чём ровно не основанными претенциозными наименованиями Walderseestrasse, Kaise-Thor[96].

Русское сердце возмущалось.

Вся эта несчастная история вышла исключительно из-за европейской наглости, а когда русские на своих плечах вынесли всю кампанию, те же самые европейцы не нашли нужным стесняться хотя бы только с виду...

Лицемерная, беспринципная, нагло-жадная Европа сбросила маску и показала себя в своём истинном свете.

— Неужели же и этот урок пройдёт даром для нас? — волновались собеседники Кочеро-

ва.

— Дай-то господи, чтобы спала завеса с русских глаз! Россия для русских — вот в чём всё дело...

Да, Россия для русских — вот великие слова, прозвучавшие с высоты русского престола, вот программа политики, в которой кроется залог благоденствия всего мира...

На Порт-Артуре словно совсем и не отразились грозные события предшествовавших месяцев; господствовало обычное оживление, какое и всегда заметно в этом городке, принявшем совершенно русский вид.

Нужно ли говорить, как радостна была встреча стариков Кочеровых с их любимым сыном и невесткой?..

Михаил Васильевич, хотя уже совершенно оправился от ужасов пути и от ран, но всё-таки ещё был достаточно слаб и ходить мог только в сопровождении жены. Варвара Алексеевна оказалась самой нежной, самой заботливой сиделкой, какой только может желать для себя больной. Своим выздоровлением Михаил Васильевич был, главным образом, обязан её уходу.

Навзрыд плакала старушка Дарья Петровна, припав к плечу любимца-сына. Она даже говорить не могла от волнения. В этих слезах вылилось всё её материнское чувство, святое чувство.

— Голубчик мой, кровиночка! — лепетала старушка. — Жив ты, касатик мой писанный, жив, и никому я тебя теперь не отдам... Хоть все китайцы приходи, а не отдам.

Утирал слёзы радости и Михаил Васильевич.

Все беды для этой семьи кончились. Она вся собралась теперь. Не было с ними Шатова, но зато семья увеличилась ещё двумя новыми членами: Зинченко и маленькой Уинг-Ти.

Молодые Кочеровы занимали квартирку в лучшей части города. Всё семейство поместилось там в ожидании того времени, когда через Владивосток они будут в состоянии отправиться в Благовещенск.

С отъездом не торопились. Ожидали Шатова со дня на день, но время тянулось, а Николай Иванович всё не появлялся.

Когда Василий Иванович посвятил сына в

свои планы относительно Зинченко, тот принял их с восторгом. Помощник, смышлёный, преданный, давно был ему необходим, а Зинченко казался, да и на самом деле был, именно таким человеком какой требовался молодому Кочерову.

В долгие дни ожидания имели место два события, относящиеся к семье Василия Ивановича.

Была окрещена Уинг-Ти; её крёстным отцом был сам Василий Иванович, а восприемницей — Лена.

Молодая китаяночка исчезла навсегда. Вместо Уинг-Ти, дочери старого Юнь-Ань-О, явилась Авдотья Васильевна Найдёнова, благословенная уже образом невеста казака Андрея Зинченко.

— Ну, а со свадьбой-то торопиться не будем! — решил Василий Иванович. Такое дело не к спеху; вместе с Леной и вас окрутим.

Зинченко был так счастлив, что уже и теперь не знал, как благодарить доброго старика.

Другое событие было печальное, навеявшее грусть на всю семью, и более всех — на

Михаила Васильевича.

С одной из своих прогулок он возвратился настолько взволнованный, что Варвара Алексеевна встревожилась не на шутку и спросила о причине его волнения.

Он только рукой махнул:

— Грустно... Она всё-таки умерла.

— Кто? Анна Степановна?

— Да... Бедная, бедная!

— Царство Небесное, вечный покой героине-праведнице! — перекрестилась набожная Варвара Алексеевна.

Русские простые женщины — это великие героини, способные на самые, высокие подвиги. Анна Степановна Рузанова была именно такой героиней. Она была женой машиниста в Мукдене, и на её долю выпало не только разделить, все ужасы отступления отряда, Валевского от столицы Маньчжурии, но даже и облегчить положение отступавших. С беззаветной храбростью последовала она вместе с подругой, телеграфисткой Лутенко, за отступавшими, а что такое было отступление Валевского — это известно. Положение Рузановой было тяжелее, чем её подруги. Четыре ме-

сяца ей оставалось до того момента, когда она должна была стать матерью, но это не препятствовало ей с несокрушимой энергией переносить тяготы и опасности похода. Неумолимо бодрая, постоянно весёлая, она своим примером поднимала упавший дух товарищей. После смерти Валеvского она не оставила основную группу товарищей и вместе с ними добралась до границы Китая. Тут, когда беглецы голодали, Рузанова бесстрашно отправлялась в китайские посёлки и добывала провизию. А население относилось прямо враждебно к пришлецам, и только чудо спасало отважную женщину. Больные и раненые были обязаны ей облегчением страданий. Сама больная, она ухаживала за ними, перевязывала раны... она была правой рукой находившегося в отряде фельдшера.

Но всё это не прошло для неё даром. Ночлеги под открытым небом, прямо на голой земле, свели Анну Степановну в могилу. Она простудилась. После рождения ребёнка у неё развилась скоротечная чахотка, и бедной молодой женщины не стало.

Мир её праху! Земля легка ей, потрудив-

шейся ради ближних своих.

Михаил Васильевич помнил эту отважную женщину, считал себя многообязанным ей. И её кончина опечалила его так, как могла бы опечалить смерть близкого дорогого человека.

Скончалась Рузанова на станции Ин-Коу, похоронена она на порт-артурском кладбище.

Порт-Артур в то время, когда была там семья Кочеровых, переживал пору сильного возбуждения. Ежедневно и из Печили, и из Маньчжурии приходило множество вестей. Город жил полной жизнью и волновался постоянно.

Подвиги 12-го стрелкового полка восхищали более всего порт-артурцев:

— Недаром это «Тигровый полк»[97]! Пошёл на прогулку, а каких дел наделал!

Но более всего восхищались казаками.

Из Маньчжурии приходили рассказы о таких чудесах, какие прямо можно было бы принять за сказки, если бы не шли они от лиц вполне падежных, самое положение которых не допускало возможности недоверия.

Рассказывали, например, о схватках, в ко-

их казаки в одиночку разгоняли толпы хунхузов. Имена Плотникова и Андрея Глотова были у всех на устах.

Глотова послали в Мергень с пакетами. Не доезжая 7-8 вёрст до Мергеня, он встретился с двумя маньчжурами. Подъехав к ним, Глотов стал расспрашивать, откуда и куда они идут. Маньчжуры, беседуя, всё время улыбались и подозрительно озирались на кусты близ дороги. Когда же Глотов собрался продолжить свой путь, из кустов раздался выстрел; была убита наповал его лошадь. Сообразив, что попал в засаду, Глотов схватился снимать винтовку, но раздался второй выстрел; пуля раздробила ему кисть левой руки.

Не имея возможности воспользоваться винтовкой, Глотов выхватил шашку и, обливаясь кровью, пустился вдогонку за убежавшими маньчжурами, настиг их и зарубил обоих, а затем бросился в кусты, откуда стреляли, но увидел, что двое вооружённых маньчжур убегали в гору и скрылись в кустах.

Плотников выказал истинно казацкую смётку и находчивость.

В деревне Циу-Ця-Тен были взяты 9 хунху-

зов.

Разбойников связали и оставили в фанзе под присмотром Плотникова и ещё одного стражника.

По небрежности, отобранное у хунхузов оружие оставалось тут же, в фанзе.

Сперва разбойники были спокойны. Но вот настала ночь. Вдруг среди тишины и тьмы из фанзы загрели выстрелы.

Оказалось, хунхузы, пользуясь полутьмой фанзы, развязались и незаметно подобрались к сложенному на скамейке оружию.

Один из хунхузов схватил в каждую руку по револьверу и начал палить в стражника и казака. Пуля попала в винтовку, бывшую у Плотникова, раздробила ствольную накладку и погнула ствол. Молодчина-казак не растерялся: в одно мгновение вскочил он через окно в фанзу навстречу выстрелам; как раз мимо него хотел в это время проскользнуть хунхуз, но Плотников ударил его прикладом, и хунхуз замертво упал за окно, причём ложе у винтовки от удара переломилось в шейке. Остальные хунхузы наскочили на Плотникова, но им удалось только сбить с него фураж-

ку, не ранив его.

Проворно обнажил Плотников шашку и принялся рубить хунхузов. Через несколько секунд около Плотникова лежали четыре трупа. Один хунхуз был убит сразу, а остальные трое — так тяжело ранены, что через пару минут испустили дух. Тем временем на выстрелы вбежали в фанзу остальные казаки и стражники, схватили и связали оставшихся в живых разбойников.

Одному всё же удалось в суматохе выско-чить, он побежал, но пуля догнала его и успо-коила навеки.

Своими неустрашимостью и находчиво-стью Плотников не дал разбежаться хунхузам и прибавил ещё один подвиг к подвигам ли-хой 1-й читинской сотни, которая считает в своих рядах уже нескольких георгиевских ка-валеров.

Зинченко так и расцвёл, слушая похвалы своим недавним товарищам...

Так проходили день за днём. Наступила уже поздняя осень, когда, наконец, явился в Порт-Артур Николай Иванович Шатов, полу-чивший долговременный отпуск.

Ещё бы! Для этих людей кончилась грозная буря, которая едва не смела всех их с лица земли...

Через несколько дней Кочеровы, Шатов и Зинченко с невестой были уже на пути во Владивосток, откуда, как им казалось, рукой подать до Благовещенска.

— Там отдохнём, а потом — честным цирком да за свадебку! — всё повторял Василий Иванович.

LX МИРНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Течение всей дороги Василий Иванович только руками разводил да головой качал:

— Где же тут война-то была?

— Да тут войны не было, — улыбалась Варвара Алексеевна. — Тут разве хунхузы изредка появлялись...

— Это и видно!

Было чему удивляться. Только что прошла военная гроза, однако военный гром ещё громыхал над страной. Под ружьём стояла вся Сибирь, а между тем, следов войны совершенно не было заметно в этом краю. Казалось, ничего особенного не произошло в эти месяцы — так всё было тихо и спокойно на линии

Уссурийской дороги и затем от Хабаровска по Амуру. Всюду виделись возделываемые к будущим жатвам поля. Везде были видны совершенно мирные картины.

Только когда пароход со скоростью сонной черепахи потянулся по Амуру, как воспоминание недавних ужасов то и дело на его поверхности всплывали китайские трупы. Страшен был их вид. Они наводили ужас на всех, кто на пароходе был послабее нервами. Местами трупов скапливалось так много, что от них шло нестерпимое зловоние.

— Ходу мешает нечисть! — ворчали матросы, когда трупы попадали под лопасти парового колеса.

В этих случаях пароход ещё замедлял ход. Трупы отталкивали шестами и баграми и шли вверх до новой такой же встречи.

— Откуда они? — спрашивал Кочеров.

— Кто их знает! — равнодушно отвечал помощник капитана. — Благовещенские всплывают. А нет — так айгунские... Без числа их было. Из Сунгари тоже много попадает.

Он сплёвывал за борт и говорил:

— Беда от них...

— А что? — любопытствовал Василий Иванович.

— Да как же! Воду портят. Весь Амур от самого Айгуна сдох. Воду пить нельзя, рыба засыпает, не выносит, стало быть, смерда, что от китайцев идёт... Да, пропала рыба здесь...

— Ну а как по берегам? Спокойно?

— Угомонились длиннокосые. Хорошая им паука была...

Василий Иванович только крякнул да покосился на двоих китайских матросов, работавших со своими русскими товарищами и весело перекликавшихся с ними специальными матросскими окликаками. Никакой вражды не было заметно ни в тоне китайцев, ни во взглядах. Долгим недоумённым взглядом проводил Василий Иванович буфетного слугу — тоже китайца, — ловко лавировавшего между пассажирами с подносом, уставленным всевозможными блюдами. Ему, свидетелю начала пекинской расправы, более чем странным казалось это непостижимое дружелюбие между победителями и побеждёнными. Он был уверен, что в Пекине ничего подобного происходить не могло.

— И всегда у вас так? — спросил он у помощника капитана.

— Как? — не понял тот вопроса.

— Да вот: «и мир, и любовь, и блаженство».

Капитанский помощник усмехнулся:

— И перерыва не было.

— А война-то?..

— Что же! Они сами говорят, что война — дело солдат, а они трудиться должны... Так шельмецы и говорят: воевать нет времени, когда «хлебушку мала-мала кусать надобно»... Тут, — и говоривший назвал пароход, — в самый разгар военных действий на Амуре двоих матросов-китайцев силой с борта гнали, боялись их; так те не ушли...

Опять-таки Василий Иванович, слыша всё это, только головой качал.

— Да и правду сказать, — продолжал собеседник, — им ли у нас не житьё! Масленица да и только! Посмотрите, Владивосток, Никольск, Хабаровск, Благовещенск — там длиннокосые, можно сказать, первые люди. Бабья там для услуги нет; всё дело, что в России бабы делают, китайцы исполняют. Народ на все руки! Да ещё какой народ-то! Честный, стара-

тельный, не пьющий. Няньке-китайцу смело детей доверить можно. Дом ему на руки оставь — цело всё будет... А жалованья за все гроши! Сами вы благовещенский... наверное, знаете... Верно?

— Верно, — согласился Кочеров.

Он, однако, никак не ожидал, что китайцы в городах русского Дальнего Востока и после войны со всеми её неизбежными ужасами играют прежнюю роль. Но старик Кочеров недаром много лет прожил на белом свете, недаром он с юности водил с китайцами торговые дела. Он знал этот народ до мозга костей и потому мог быть совершенно компетентным судьёй в вопросах, касающихся китайцев.

После разговора с помощником капитана он спустился в общую каюту, где собралась его семья.

Выздоровливавший Михаил Васильевич ласковым взором смотрел то на жену, то на сестру, то на мать, сидевших около него и старавшихся отвлечь его думы от мрачных воспоминаний.

Шатов теперь мирно и запросто беседовал с Зинченко, уже одетым в цивильное платье

и только своей военной выправкой выдававшим в себе недавнего солдата.

Маленькая Уинг-Ти, свернувшись клубочком, сидела у ног Елены, положив голову на колени подруге. Лицо её отражало такой душевный покой, такое счастье, которым всякий, подметивший это выражение, искренно позавидовал бы.

Василий Иванович, остановившись в дверях каюты, медленным взором окинул всех этих близких ему и любимых людей и почувствовал себя в эти мгновения счастливым до бесконечности...

Он подсел к сыну и жестом подозвал к себе Шатова и Зинченко.

— Что, батюшка, много трупов плывёт по Амуру? — спросил Михаил Васильевич, и лёгкая дрожь пробежала по его телу.

— Чего считать! В живых куда больше осталось! — ответил старик. — Что только из всего этого будет?

— А что? Новые ужасы?

— Нет, до этого теперь не дойдёт...

— Что же тогда?

— Как сказать — не знаю... Думаю, как бы

только китайцы из всей этой передраги победителями не вышли...

— Где уж им побеждать, Василий Иванович! — заметил Зинченко. — Вот и их высокородие, — указал он на Шатова, — подтвердить изволят, что они не токмо от пуль или штыка, а от одного русского «ура» бегают...

— Так оно! — согласился старик. — Да вот, милый друг, в чём дело наше... Слов нет, хороши победы на полях битв. Грянет русское «ура» могучее, ваш брат казак затикает да зазвищет, и рассыпятся враги Руси-матушки, «яко дым от лица огня». Рассыпятся — только пятки засверкают. Однако в такое время мы живём, когда, как ни славны боевые победы, а есть ещё и другие битвы, в которых не сильные побеждают, а чаще всего те, кто терпелив.

— И умён, прибавьте, батюшка, — вставил Михаил Васильевич. — Я понимаю, о каких битвах и победах вы говорите: о победах на экономической почве.

— Вот, вот, сынок, прав ты! — воскликнул старик. — Что и говорить, победы эти и бескровны, и бесшумны, и победители вовсе не

героями кажутся, а так, мозгляками какими-то, а всё же их победы куда важнее для человечества, чем все те, где перед храбрецами и враги бегали, и гром пушек раздавался, и кровь людская реками лилась... Они, такие победы, куда более важны. Потому что через них мир Божий на иной лад переделывается, люди по-иному жить начинают, другие понятия обретают. Вот я и боюсь, как бы эти длинноносые в конце концов своего верха не взяли. Народ-то они больно особенный, не такой, как все прочие. Трудолюбивы они, как муравьи, требований у них никаких, терпение адское, любовь к труду невообразимая. Что будет, как вся эта желтокожая да длинноносая орда на нас двинется, да не с мечом, а с трудом своим?.. Им все пути к нам открыты. Сядут на магистраль — и паром, паром... Сперва Сибирь к рукам приберут, потом в Приуралье обоснуются, а затем и в середину Руси заберутся, а отсюда уж расползутся по всему лицу земли родной. Что? Может быть это?

— Я кое-что на эту тему во Владивостоке слышала! — заметила Варвара Алексеевна.

— Вот, вот... Там-то уже беду чувят. Да и

нельзя не почуять! Слепым нужно для этого быть. Вот что-то тогда будет, когда китайцы разбредутся везде и будут у наших земляков хлеб да воду отбирать... Их труд дешевле и лучше, и сами они как работники очень надёжные. Всякий русский хозяин на работу скорее китайца брать будет, потому что в этом его законная выгода. И никак нельзя иначе. Берёт наш рабочий — всё равно за какое там дело — скажем, целковый, делает дело кое-как, через пень в колоду воротит, да ворчит, недоволен; явился китаец — то же самое за полтину сделает и благодарен будет. Вот она — грядущая беда!.. В бескровной победе, в мирном завоевании... А трусы эти самые, которые при одном окрике с поля битвы улепётывают, на такие подвиги способны... Так ли?

Старик пытливо наклонился вперёд, ожидая ответа.

Совершенно неожиданно ответ последовал от Дарьи Петровны.

— Эх, отец! — торопливо заговорила она. — Стар ты, кажись, и должен бы молодым людям пример подавать, а ты вон какие песни

запел!..

— А что же, мать, не правда, что ли?

— Уж я не знаю там, правда или нет, но одно ты позабыл.

— Что, что? Ну-ка, мать, скажи!

— Говоришь ты, что придут к нам на Русь эти китайцы и объедят нас, и обопьют, и всех избидят — без куска хлеба оставят... Ужас — хоть теперь ложись и помирай...

— Так оно и будет... Вот в Соединённых Штатах не один китайский бунт был... Народ тамошний из терпения выходил, и китайцам же плохо приходилось.

— Так то у американцев, а мы, слава Богу, русские. Бога помним и забывать не думаем... А у Бога всего много, на каждый роток найдётся кусок. Вот об этом ты, отец, и позабыл. Грех тебе, старому!

Василий Иванович смущённо заёрзал в кресле.

— А что, родимые! Пожалуй, и права моя старуха. Раскинула она своим немудрым российский умом и обмолвилась правдивым словом. Может быть, и невзначай... а всё-таки правдивым.

Теперь все смотрели на старика с некоторым недоумением, ожидая, что он скажет далее. Всем слушателям было понятно: откровенное признание Василия Ивановича и не что иное, как только вступление.

И они не ошиблись. Кочеров прошёлся мимо них по каюте, словно что-то обдумывая, и затем убеждённо заговорил:

— Да, права она, моя старуха. Но и я не совсем чушь сказал. Оба мы с ней правы выходим, и всё это потому, что у Бога всего много. Кому-кому, а нам, русским людям, Бога-то забывать не следует, ибо без Бога не до порога. Вот изжили мы всю эту беду. Уж чего, казалось, больше напасти было! Забунтовал китаец, войной пошёл и жестоко за свою непоседливость поплатился. А кто знать может, не к лучшему ли всё это? Правда, могут хлынуть китайцы к нам на Русь, наводнят они Сибирь сперва, а потом и на Волгу, и за Волгу проберутся. Цены на труд они, длиннокосые, собьют. Кое-кому у нас солоно прийти может, да известно: когда лес рубят, всегда щепки летят... Только от этого мы, русачки, в накладе не останемся. Что такое есть китаец? А вот

что. Такой уж он человек, что только по проторённой другими дорожке идти может, а сам дара всякого начинания лишён. Что говорить, китайцы все как купцы славятся. Умеют они всякие обороты производить и денежки наживать. Да торговля-то их и обороты все их — стародавние; все они на бережливости, аккуратности и малой требовательности основаны. А размаха у них нет. Теперь же размах широкий требуется во всех делах. Без него ничего не поделаешь. Вот тут и корень всего. Придёт к нам в Россию торговый китаец и будет торговать по мелочам, в высь не залетит: не в его натуре это. Придёт китаец-рабочий — тоже Далеко он не пойдёт. Разве что личным трудом промышлять будет. Артели-то ихние малого стоят. По «Маньчжурке» это знаем. Итак, китайское нашествие не столь уже и страшно. Пусть себе идут. Русь велика — на каждый роток найдётся кусок. А вот что я скажу: Маньчжурия-то эта самая разве нас, русских, за все протори и убытки сторицей не вознаградит?.. За каждый медяк, что китайцы у нас возьмут, чистым золотом заплатят они нам, потому что

такая это страна, где золото лопатами, если хочешь, грести можно...

Старик на мгновение смолк. Очевидно, он говорил сейчас не столько для своих слушателей, сколько для самого себя. Он весь ушёл в свои практические соображения, и Маньчжурия, в самом деле, рисовалась ему такой страной, где золото валяется на поверхности земли, так что нагибайся да поднимай его.

— Желтуга-то, знаменитая Желтуга! — как в забытьё, говорил старик. — Она же наша теперь!

Да, пожалуй. И прав был старик Кочеров... Великие богатства таят недра Маньчжурии, таят и ждут только, когда явятся предприимчивые люди извлечь их на свет Божий...

Весь правый берег Амура, как установлено специальными изысканиями, от Аргуни до Сунгари и на много сотен вёрст вглубь страны, прямо-таки изобилует неистощимыми золотыми россыпями. Доказательством тому — Желтугинское сообщество золотоискателей, основанное двумя русскими беглыми каторжниками, случайно натолкнувшимися на берегу речки Желтуги, притока Албазинки, на бо-

гательшие золотые россыпи. Добывание золотого песка производилось здесь хищническим путём, но при таком способе добычи давало поразительные результаты. Содержание золота в промываемом песке было громадно [98]. Желтугинские промыслы все называли Новой Калифорнией. Тысячи людей устремились на берега Желтуги, и китайцам приходилось разгонять их вооружённой силой, причём золотоискатели оказывались настолько сильными, что наголову разбивали посланные против них китайские регулярные войска. Конечно, в конце концов китайцы всё-таки взяли верх и разогнали смелых авантюристов, но путь уже был указан, «золотая лихорадка» овладела сибиряками, и они частенько целыми партиями отправлялись на добычу, рискуя жизнью, ибо край кишел хунхузами, не дававшими спуска ни своим, ни чужим.

Мало-помалу рассеявшиеся по стране золотоискатели удостоверили неистощимые богатства её. Найдены были не только золотые россыпи, но и жилы золотоносного кварца. Чудовищной величины самородки попада-

лись в руки смельчаков. И все эти находки были делом случая, потому что о правильных изысканиях и речи не могло быть.

Одно было ясно: Маньчжурия действительно золотое поле, где добывание драгоценного металла особенного труда не составляло, следовало только правильно поставить дело.

Таким образом, Кочеров до известной степени был прав, говоря, что «китайское нашествие» не могло быть особенно страшным для русских людей. По сути, происходил своего рода обмен. Китайцы за то, что выбрали бы личным трудом, заплатили бы неистощимыми богатствами огромного края, и таким образом ни одна из сторон не осталась бы в накладе...

Происходил бы обмен, основанный исключительно на экономических началах.

Кочеров долго ещё развивал свои соображения на эту тему; он так увлёкся, что даже не заметил, как слегка начала позёвывать молодёжь, которой все приведённые рассуждения о будущем не могли не казаться скучными.

Всё золото Маньчжурии интересовало мо-

лодых людей в эти мгновения гораздо меньше, чем те золотые грёзы, которые в массе воздушных замков роились перед ними.

Едва Василий Иванович закончил обсуждение маньчжурского вопроса, как Шатов и Лена с Уинг-Ти, а за ними и Зинченко были уже на палубе парохода. Со стариком Кочеровым остались только сын, которого, как человека коммерческого, все отцовские соображения и интересовали, и развлекали, да невестка, не желавшая даже на миг оставить мужа одного.

Если бы не китайские трупы, которых несли волны Амура в беспредельное море, трудно было бы и думать, что так ещё недавно на берегах этой реки гремел военный гром. Об этой ещё недавней грозе, казалось, все теперь позабыли...

На палубе раздавались шутки и смех, гомон, вовсе не соответствовавший тому настроению, которое, казалось бы, должны были вызывать воспоминания о недавних разыгравшихся здесь событиях.

Из уст в уста передавалось множество анекдотов, чрезвычайно верно характеризо-

вавших недавно пережитое.

Героями всех рассказов явились казаки.

— Слышали, как Монголию-то покоряли? — весело говорил кто-то из пассажиров. — И туда ведь они забрались.

— Кто?

— Казачки наши...

— И покорили?

— За милую душу! Прилетели... раз, два и готово... Монголия покорена.

— Но там, кажется, всё тихо было!

— А им, казачкам-то, какое дело?

— И много их ходило?

— Трое!

Громкий смех был ответом на это заявление. Его сочли шуткой и, пожалуй, даже при существующем положении дел не совсем удачной. Между тем, то, что сообщил весёлый рассказчик, было вовсе не шуткой, а действительностью, получившей в своё время официальное подтверждение.

Трое молодцов из станицы вблизи пограничной черты с Монголией подвыпили и задумали прославить себя таким же подвигом, каким во времена оны прославил себя Ермак

Тимофеевич.

Недолго думая, горячие головы вскочили на своих степняков и марш за границу. В первом же селении они потребовали к себе старейшину и объявили, что так как теперь война, то по праву завоевателей они всю эту область объявляют присоединённой к России. Видно, не сладко жилось сельчанам под китайской властью. Едва только по деревне прошёл слух о словах казаков, монголы сейчас же прогнали своё китайское начальство и даже предлагали казакам принять всё казённое имущество. Но тем не было времени возиться. Они помчались дальше, то же самое проделали ещё в нескольких селениях, а когда винный угар прошёл, очень довольные собой и своими подвигами явились обратно и доложили по начальству, что «Монголия-де ими покорена».

Однако из доклада вышло вовсе не то, что они ожидали. Никакой награды удальцы не получили, а попали под суд...

Как бы то ни было, а рассказ о покорении Монголии тремя казаками быстро разнёсся повсюду, вызывая смех и одобрение.

Шатов, прислушивавшийся к разговору, тоже улыбнулся не раз.

— Вот, Лена, — сказал он. — Слышишь, как хорошо смеются теперь? А давно ли миновало время, когда вот здесь, на этих берегах, многим не до смеху было?..

— Всякое несчастье забывается, когда блеснёт солнышко! — ответила девушка.

Николай Иванович с улыбкой взглянул на неё:

— Да ты у меня философ!

— Какая же тут философия? Просто сама жизнь даст нам готовые формулы, и приходится только принимать их как неопровержимые истины.

— Опять мудрое изречение... Боюсь, не изучала ли ты под руководством своего китайского друга Конфуция?

Тень грусти пробежала по лицу Лены:

— Бедный Вань-Цзы! Совсем не такой участи заслуживал он... Ужасная смерть!

— Что поделать! И мне жаль его, хотя я его видел только в последние минуты. А ты... ты, Лена, как относилась к нему?

Девушка на мгновение смешалась.

— Вань-Цзы всегда был добр ко мне. Это был человек, какие редкость в наше время. Мы должны сохранить память о нём...

Взор Шатова затуманился:

— А ты искренна, Лена?

— Да, а что? — изумлённо спросила девушка, услышав в голосе жениха некие особенные, не бывавшие до того нотки.

Шатов смешался:

— Так, ничего... Мне показалось, что не одна только благодарность заставляет тебя так сердечно вспоминать об этом китайце.

Лена нахмурилась:

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. В тебе заговорила ревность. Но для неё нет причин. Да, я скажу откровенно, несчастный Вань-Цзы раз или два говорил мне о своей любви, но эта любовь его была чиста, свята, и он своей смертью, ужасной смертью, ничем не заслуженной, и подтвердил возвышенность своих чувств... Разве этого не довольно? Разве эта смерть не явное доказательство чистоты его души? Я, по крайней мере, пока жива, всегда буду вспоминать его как лучшего друга...

В голосе девушки слышалось волнение, даже — слёзы. Шатов почувствовал, что своим ни на чём не основанном упрёком он ужасно оскорбил невесту.

— Прости меня, Лена! — сказал он, беря её за руку. — Я верю, что Вань-Цзы был человек особенный, но мы все слишком обыкновенные люди, и нам ничто человеческое не чуждо. Помянем же его добрым словом и не станем более вспоминать о том, что было и прошло...

— Не будем, — согласилась Лена.

— Вот и хорошо! Стало быть, мир?.. К чему нам, в самом деле, вспоминать о себе лично, когда мы находились перед лицом величайших событий... Мне так и представляется этот ужасный, свирепый дракон, это никогда не существовавшее мистическое чудовище, как олицетворение всего китайского народа. Могуч с виду этот дракон, и вот на своих бесчисленных врагов он раскрыл свою пасть. Кто был из этих врагов поближе, оказался в этой пасти. Но пасть не сомкнулась, потому что мощный, страшный дракон бессилен и кроток по самой своей сущности. Враги его заста-

вили сомкнуть пасть, и теперь с виду всё как будто кончилось, попавшиеся в пасть вырвались из неё, а всё, что будет дальше, это уже дело будущего... Кто же может знать будущее? Да и зачем знать сто, когда существует прекрасное настоящее! Мы же счастливы. Так?

— Да! — отвечала Лена.

— Тогда будем жить настоящим, благодаря Бога за то, что Он помог нам благополучно пережить ужасное прошлое...

Шатов замолчал, молчала и Лена. Её взгляд скользил то по берегам реки, то по палубе парохода. Невольно останавливался он на Зинченко и Уинг-Ти. Молодец-казак выглядел очень важным, так что даже несколько свысока говорил со своей будущей! подружкой жизни; та слушала его с подобострастным вниманием.

Однако лица обоих доказывали, что они тоже счастливы...

Лена вздохнула:

— Да, счастливы теперь, постараемся же быть счастливыми и в будущем! А что прошло, то уже былъём поросло...

На пароходе засуетились...

Был уже близко Благовещенск.

LXI ЭПИЛОГ

Бстро несётся в неведомую даль грядущего всё поглощающее в своём бесшумном полёте время. «Минуют дни, минуют ночи», как сказал вдохновенный поэт. Каждый и каждая из них что-нибудь да уносят, каждый и каждая из следующих что-нибудь да приносят. События сменяются так быстро, что ошеломлённый мир чаще оказывается не в состоянии осмыслить сущность их и в своей слепоте впадает в самые прискорбные ошибки, за которые потом приходится расплачиваться десятками лет упорного труда и нравственного напряжения.

Грозные китайские события 1900-го года были именно такой ошибкой, расчёт за кото-

рую, ох сколько времени придётся ещё Подводить по причине того, что натворили жалкие пигмеи, алчные, лицемерные эгоисты, опозорившие не только самих себя (не впервой это им!), а и весь мир, все труды тех честных поколений, которые работали над созданием величественного здания, каким издали казалась Европа, опозорили память тех мучеников, которые во имя Христа в ужасных муках кончили свою чистую жизнь на аренах Колизея и римских ипподромов, опозорившие потому, что потомки этих чистых мучеников сами стали палачами, сами пролили кровь безвинных, хотя не было к тому никакой надобности.

— Где же влияние многовековой культуры, где черты столетней школы, проповеди, религии, нравственного воздействия? — спрашивали те очень немногие порядочные западные европейцы, когда к ним доходили вести об ужасах, творимых их соотечественниками в несчастной стране Неба.

Не будем голословны и предоставим оценку свершившихся событий известному германскому мыслителю доктору Фишеру, депу-

тату рейхстага, обратившемуся к своим коллегам с такой речью по поводу бесчинств европейских войск в Китае.

«Что нам даст китайская экспедиция? — восклицал он перед своими избирателями. — Стыдно становится за народ, за цивилизацию! Подумайте, сколько грубости и жестокости внесено будет в нашу среду, когда победители и мстители явятся домой! И за это мы должны расплачиваться сотнями миллионов, портить свои отношения к Европе, потрясать наше экономическое благосостояние? Каждый из нас понимает, что за убийство посла, какими бы причинами и собственными ошибками оно ни было вызвано, надо требовать удовлетворения, но что это имеет общего с «походом мести», со стремлениями искать военных лавров и играть роль первой скрипки в международной политике?»

Фишер был ещё мягок, но и в этой мягкости его выражений так и чувствуется необыкновенное страдание за свой народ, опозоривший себя «походом мести».

И диво бы это были в самом деле «победители и мстители», как назвал своих соотече-

ственников вышеуказанный депутат. Нет, совсем нет! Все эти европейские «победители» были не что иное, как муха на рогах пахавшего вола, мошка, прилепившаяся к крыльям могучего орла. Таку, Тянь-Цзинь, Ян-Цун, Хе-Си-У, Пекин это победы русских, все европейцы в них ни при чём; во время кровавых битв о них даже ничего не было слышно.

Некто, выдержавший осаду в Тянь-Цзине, сообщает в печати следующую чрезвычайно характерную подробность, как нельзя лучше представляющую европейцев в их настоящем свете:

«В то время, как русские под предводительством генерала Стесселя, подкреплённые незначительными силами японцев, дрались с китайцами, американцы давно уже вошли в город и преспокойно располагались лагерем.

Изумлённые жители спрашивали:

«А что же вы? Ведь там идёт бой!»

Они без лишних церемоний отвечали:

«Чего там! Мы знаем, что русские и без нас справятся!»

К вечеру китайцы, оказавшие отчаянное сопротивление, были рассеяны и бежали во

всех направлениях.

К городу стали подходить отдельные части генерала Стесселя, за ними потянулись повозки и носилки с ранеными.

Положим, это «русские и без нас справятся» чрезвычайно лестно для нашей национальной гордости; что это так — это все русские да и весь мир знают очень давно, но всё-таки подобное отношение чрезвычайно характерно и прямо указывает, на что рассчитывали европейцы, поднимая всю эту сумятицу в Китае, на который они уже давным-давно смотрели алчными глазами, выбирая себе куски полакомей.

Русские без нас справятся!..

Да, русские одни справятся в бою со всяким врагом, на это — с ними Бог; но есть положения, где русские отходят на самый задний план и никогда не способны на что-либо подобное, чем теперь так гордятся «победители» из Западной Европы.

Предоставим опять слово очевидцам, ибо нам, следившим за событиями издали, могут не поверить; в справедливости же печатных заявлений не может быть сомнения.

«Я вышел 11-го августа, — рассказывал в печати один из очевидцев того, что творилось в столице Китая после занятия её европейскими войсками, — на улицы Пекина и, выйдя на угол к цянъ-миньским воротам, остановился в изумлении. В улицу входило целое шествие. Впереди шли несколько человек вооружённых бенгальских улан, за ними везли одна за другой следом более пятидесяти открытых китайских телег, нагруженных всевозможными вещами и китайским имуществом. Одни телеги были сплошь уставлены китайскими сундуками, запертыми тысячами замками. Сундуки были разных размеров, начиная от огромных семейных кладовых и кончая маленькими, обтянутыми белой свиной кожей. Были и очень изящные сундуки красного цвета, принадлежавшие какой-нибудь китайской красавице.

Другие телеги были нагружены мехами, третьи — шёлковыми тканями и кусками материи.

Меха лисьи, собольи, беличьи, тибетские и других сортов лежали в кучах, перемешанные друг с другом, и часто, свешиваясь, воло-

чились по земле. Шёлковые материи, тщательно свёрнутые в кусках, и материи раскрытые, блестели красотой переливов своих ярких цветов. Нагруженные телеги с трудом везли на себе по трое индусов, взявшись за оглобли спереди, и столько же помогали им везти телегу сзади.

Повернув к английскому посольству, я вошёл во двор бывшей китайской академии паук, Хань-Линь-Юань, игравшей весьма видную роль в осаде английского посольства, смежного с нею. Весь громадный её двор был уставлен роскошными красными китайскими каретами, принадлежавшими несомненно дворцам. В открытые двери сараев везде виднелись вещи, добытые из китайских домов. В английском посольстве проводились всенародные аукционы, на которых, как мне говорили, распродажа шла очень бойко и выручались за вещи, особенно меха, большие деньги».

Вот что рассказывают об англичанах.

Ну а как поступали с китайцами другие народности? Оформленного и разрешённого присвоения имущества как военной добычи

рассказчик не видал и не слышал, но отдельные лица разных национальностей грабили и похищали имущество и драгоценные вещи и из китайских дворцов, и из частных жилищ, и из китайских магазинов. Расхищение китайского имущества практиковалось в широких размерах.

«Я знаю лиц, — говорил тот же очевидец, — которые под охраной важного влияния, прожив несколько дней в одном из богдыханских дворцов, возвращались с телегами, нагруженными многоценными вещами; я знаю многих лиц, которые вывезли драгоценных и ценных вещей по несколько десятков ящиков; я знаю лиц, которые вооружённые в первые же дни брали подводы и отправлялись по оставшимся магазинам и похищали оттуда шёлковые материи и разные вещи, но я знаю также и других лиц, которые не приобрели ни одной китайской вещи. Некоторые отдельные эпизоды ярко запечатлелись в моей памяти: как живого, вижу одного любителя-коллекционера, который, весь красный и запыхавшийся, тащил прелестные старинные дорогие часы, но я вижу лицо и

одного из офицеров-казаков, который говорил мне:

«Знаете, стыдно как-то не только самому брать, а стыдно за других, которые берут!»

Относительно грабежа отдельных лиц молва указывала особенно на французов и американцев. Говорили даже об одном случае особенной изобретательности, когда пойман был американец, пытавшийся спуститься через крышу одного из императорских дворцов, чтобы миновать поставленную вокруг стражу. Рассказывали затем, что после обхода в первые дни дворца богдыханши, в комнате, в которой были оставлены 163 футляра с драгоценными вещами, остались одни футляры, а вещи красовались затем на новых владельцах. Тянь-Цзинь и Нагасаки были по выходе войск из Пекина первыми ярмарками, на которых шла бешеная распродажа похищенных сокровищ.

Русские люди не оказывались способными ни на что подобное. Никто не решится бросить в русского воина упрёк в насилии над побеждённым народом.

Правда, нет семьи без уroda, но случаи, ко-

гда русские солдаты показывали себя с отрицательной стороны, не то что редки, а единичны.

Да и то для виновных они не сходили с рук. В то время, когда важные европейские начальники оставляли отвратительнейшие преступления без возмездия, смотрели на всё, что творится их подчинёнными, сквозь пальцы, всякий раз, как в русской семье оказывались уроды, они без всякого потворства выбрасывались из этой семьи вон[99]...

И благодаря этому русские воины возвращались домой из этого похода, где было столько соблазнов и где вся Европа опозорила себя, незапятнанными[100]...

И не только незапятнанными вернулись они на родину, но даже с самой высокой почестью, которую побеждённые могли оказать победителю...

В то время, когда в Пекине и во всём несчастном Китае не было жителя, который не проклинал бы Европу и европейцев, русское имя благословляли все бедняки...

И благословляли вполне заслуженно!

Европа грабила столицу Китая напропа-

люю. Последняя одежонка отнималась у бедняков. Образовался даже новый род китайского экспорта: в Европу из Китая отправлялись суда, нагруженные «живым волосом», то есть волосом, срезанным с головы живого человека. Европейцы не побрезговали в своей безмерной алчности даже пресловутыми китайскими косами. Когда население было ограблено до последней нитки, образовался целый промысел: «охота за косами». У китайца отнималось последнее его достояние — коса. «Живой волос» в Европе был в хорошей цене.

И в это самое время, когда европейцы обезлюдивали столицу Китая, когда десятки тысяч бедняков были обречены на голодную смерть, остававшиеся в Пекине русские организовали даровую раздачу риса всем нуждающимся...

Рис доставался каждому, кто приходил. Множество бедняков было спасено от мук голодной смерти, и китайцы увидели, что русские не враги им, а добрые братья, страшные противники на поле брани и полные милосердия к побеждённым...

Таково было положение вещей в Китае в тот момент, на котором мы кончаем этот наш рассказ.

Ко всему, что уже говорено, остаётся добавить немногое.

Читатель помнит, что за несколько часов до вступления европейцев в Пекин бежали из своей несчастной столицы император Куанг-Сю, императрица-мать Тце-Хси, принц Туан со своим сыном, малолетним наследником престола.

Это было действительно постыдное бегство, а не удаление повелителя страны из своей столицы.

Энергичная, всегда доселе сохранявшая бодрость духа Тце-Хси, которую в Европе сравнивали с мудрой русской императрицей Екатериной Великой, теперь потеряла голову.

Такого исхода поднятой ею борьбы она никак не ожидала. И Тце-Хси, и её ближним сподвижникам Туану, Кан-Ий, Тун-Фу-Сяну, в особенности последнему, слишком уверившемуся в превосходство своих маньчжур, показалось, что китайский народ окончательно готов к решительной борьбе с белой расой.

Да и как же им было не думать этого, когда сами европейцы постарались подготовить Китай к этой борьбе, когда они сами обучали китайские войска военному искусству и снабжали страну усовершенствованным оружием?

И вдруг все приготовления пошли прахом.

Тце-Хси не обманывала себя надеждами. Она пережила уже один погром Пекина, ясно помнила ужасы 1860 года, когда с китайцами, восставшими против открытого ввоза в их отечество опиума, расправлялись за это культурнейшие народы Европы: англичане и французы. Но, конечно, Тце-Хси могла думать, что за сорок лет нравы могли смягчиться...

Сам богдыхан относился ко всему совершавшемуся с большим равнодушием. Словно его не касался весь этот ужасный погром, словно не близкое ему дело погибало в эти дни. Бледное лицо «сына Неба» отражало полное безучастие ко всему имевшему место в стране. Он страшился лишь одного: как бы опять не протянула ему тётка роковую золотую пластинку. Но Тце-Хси уже совладала с

порывом отчаяния, охватившим было её, и думала теперь о будущем, о том, как бы предотвратить дальнейшие последствия столь внезапно разразившейся грозы.

Думала и ничего не могла придумать...

До чего было поспешно и неожиданно для самих беглецов их бегство, это доказывается уже тем, что на первом же привале в бедной китайской деревеньке для «сына Неба», так ещё недавно утопавшего в сказочной роскоши, жизнь которого так ещё недавно была сплошным праздником, не нашлось ничего, чем бы он мог утолить голод.

Случайно поймали на улице курицу, за которой пришлось долго бегать, прежде чем удалось изловить её, — вот и всё, что приготовили для повелителя 600-миллионного народа.

Тце-Хси теряла голову; всё дело представлялось ей погубленным, она не видела исхода из своего ужасного положения и с тревогой смотрела на Туана и Тун-Фу-Сяна, сохранявших полное внешнее спокойствие.

Наконец она не выдержала и, оставшись в курной фанзе наедине со своими главными

подвижниками, разразилась слезами:

— Погибло, погибло всё!

Туан смотрел на неё бесцветными, ничего не выражавшими глазами:

— Погибло? Почему?

— Пекин во власти иностранцев!..

— Что же из того! Погиб только Пекин.

— Но он — столица страны...

— Столица там, где богдыхан и мы...

— Ты на что-то надеешься?

— Не надеюсь, а уверен в будущем... Что делать? Из-за вмешательства русских задуманное не удалось... Но оно не удалось в настоящем, будущее же в наших руках...

— Да, будущее в наших руках! — с жаром согласился Тун-Фу-Сян. — Пройдёт немного времени, и опять под мои знамёна сойдутся маньчжуры. Они любят меня, своего вождя, и не оставят в такие минуты.

— Об открытой борьбе пока нам нечего и думать! — перебил его Туан.

— Но что же тогда делать? вопрошала Тце-Хси.

— Вспомним изречение величайшего из мудрых: «Где сила ничто — там всё ум». Ки-

тайский народ остаётся верен Дайцинам. Если нужно, он весь восстанет по первому знаку «сына Неба». Но нет! Теперь не нужно этого, потому что дальнейшее сопротивление приведёт только к новому кровопролитию... Мы же должны во что бы то ни стало избежать этого. Пусть падёт Пекин, священная, великая столица нашей страны. Это будет наша великая жертва. Горе, горе тебе, тысячелетний город. Горе тебе, народ мой! Поругание ждёт храмы предков, унижение ждёт всех, кто приходил молиться в них. Вслед за могучими благородными львами пришла в великой город трусливая, алчная волчья стая и начала рвать на части тело павшего в борьбе исполина... Но неужели эти люди, присвоившие себе первенство среди народов мира, гордящиеся своим умом и высотой! полёта своей мысли, могут хоть на мгновение подумать, что китайский народ забудет своё унижение, простит оскорбления и поругание его лучших чувств? Нет, это не забывается и не прощается. Не всегда же русские будут действовать заодно с европейцами; когда-нибудь нам, китайскому народу, придётся очутиться лицом

к лицу с ними, и тогда... Теперь горе нам, тогда будет горе им, европейцам... Нет, Тце-Хси, не всё ещё погибло. Великая борьба только, начинается, и неизвестно, кто выйдет из неё победителем.

Туан говорил, и в каждом его слове, в каждой нотке его голоса слышалось непоколебимое убеждение. Тце-Хси слушала его и невольно проникалась верой, что и в самом деле ещё не всё погибло для Китая и в недалёком будущем возможно возобновление борьбы...

— Но что же делать нам теперь? — растерянно спросила она.

— Прежде всего удалиться в такое место, где все мы были бы в полной безопасности от иностранцев.

— Но куда?

— Я уже наметил Синь-Ань-Фу... Он в горах, и иностранцам не добраться туда.

— А если они всё-таки придут?

— Мы уйдём ещё дальше — вглубь страны... Тут маньчжуры Тун-Фу-Сяна сослужат свою службу.

— Можно ли положиться на них после все-

го, что произошло?

— О! — горячо воскликнул маньчжурский вождь. Разве мои солдаты не были опорой Дайцинов? Разве не они, маньчжуры, охраняли династию?.. Вспомните, в делах, прискорбных для нас, маньчжуры не потерпели ни одного поражения. Перед своим отъездом я видел, как бились они на стенах столицы; даже русские, которым никто не может противостоять, и те не сразу взяли верх над моими воинами.

Тце-Хси ласково взглянула на Тун-Фу-Сяна.

— Всё теперь в том, — сказал Туан, — чтобы по возможности отдалить кровопролитие. Пусть начнутся переговоры о мире...

— Нет никого, кто бы повёл их...

— А старый Ли?

Тце-Хси покраснела даже под слоем белил, покрывавших лицо. Она действительно забыла о знаменитейшем и мудрейшем из государственных людей Китая — вице-короле Кантона, маститом Ли-Хун-Чанге, дипломате гениальном, уже много раз улаживавшем путём переговоров всякие затруднения, в которые попадал Китай.

Из ничтожества вышел этот «китайский Бисмарк», как называли его в Европе, хотя значительно справедливее было бы Бисмарка именовать «европейским Ли-Хун-Чангом». Сын дровосека, на которого обратила внимание мудрая повелительница Китая, с необыкновенной быстротой поднялся на, казалось, недостижимую для него высоту и выказал такие дипломатические способности, какие даже нельзя было подозревать в человеке, получившем специальное китайское образование, то есть изучившем сочинения Конфуция, Лао-Цзы и других китайских мудрецов. Имя этого человека гремело во всём мире; не было ни в Европе, ни в Америке правительства, которое не принимало бы в расчёт его заявления.

— Я боюсь, что Ли уже стар! — покачала головой Тце-Хси.

— Но он пользуется доверием иностранцев.

— Тогда я боюсь другого.

— Чего же?

— Ли будет, как всегда, держать сторону русских. Он — друг их.

Туан нетерпеливо махнул рукой:

— Я не раз говорил, что для Китая опасны только русские. Они одни непобедимы, и если Ли ценой каких бы то ни было уступок войдёт с ними в соглашение, заключит союз, — это будет его величайшей заслугой перед Родиной.

— Но если русские потребуют Маньчжурию?

— На что она им? Россия так велика, что новые территории — лишняя обуза для неё. Но несомненно, что русские, которые и теперь полные хозяева Маньчжурии, не уйдут оттуда, пока не будут уверены, что построенная ими железная дорога останется в полной безопасности... Пусть же ведёт все переговоры старый Ли, а на помощь ему мы пошлём князя Цина, которого любят, безусловно, все иностранцы...

Так решено было начать переговоры о мире. После принятия этого решения кортеж, окружённый маньчжурскими всадниками, отправился далее. Туан твёрдо стоял на своём: «где богдыхан, там и столица». Прежде чем Императорский двор добрался до Синь-Ань-Фу, который уже однажды, за сорок лет

до этого, служил убежищем китайскому императору и его двору, в него была перемещена временная столица, так как в горах, окружавших городок, все те, кто теперь составлял правительство китайской империи, могли чувствовать себя в наиболее полной безопасности.

Не ошибся принц Туан, когда возлагал свои надежды на старого Ли-Хун-Чанга. Ещё одну великую службу сослужил своей несчастной родине маститый мудрец. Он явился и Пекин и сразу же верно оцепил положение дел.

Ослепление той лёгкостью, с которой, благодаря участию России в этой кампании, досталась Европе победа над Китаем, европейские дипломаты не знали пределов в своих требованиях.

Крови и голов — вот чего они требовали от Китая прежде всего в удовлетворение за то, что они считали преступлением со стороны китайского народа.

Чьей крови? Каких голов?

Они настаивали на публичной казни отца престолонаследника Туана, требовали головы

Тун-Фу-Сяна, вождя маньчжур. Канцлер Кан-Ий был в числе обречённых ими на казнь. Все те, кто хоть когда-нибудь «косо» взглядывал на европейского человека — все были виновники в глазах победителей и подлежали казни. Нравственного удовлетворения, которого одного должно было быть достаточно для христианина и действительно культурного человека, им, этим кичливым европейцам, было не нужно. Крови, крови, крови. Казней, отрубленных голов — вот чего они жаждали, вот что ставили непременно залогом будущего мира.

Но разве могли отдаться сами в руки палачей те, на кого весь народ смотрел как на своих законных правителей?

Конечно, нет!

Тут сказалось опять милосердие России.

В то самое время, когда представители высококультурной и гуманной Европы требовали голов китайских патриотов, со стороны России были приняты все меры, чтобы по возможности уменьшить число казней, бесполезных и постыдных для христианского мира.

Только Россия отстаивала несчастных, только один русский представитель не требовал крови.

Эта мудрая политика нашла себе справедливую оценку у одних лишь практичных американцев, скоро примкнувших к настояниям русских.

Но несмотря на все усилия, кровожадные инстинкты так разыгрались в представителях гуманной Европы, что Китай решился отчасти удовлетворить жестокое требование европейцев и им были выданы два старика мандарина, бывших министрами во время недавних грозных событий.

Имена этих несчастных старцев: Чжи-Син и Су-Чжен-Ю.

Мистер Раулинссон, выразивший надежду, что казни Эн-Хая и Синь-Хо будут не последними в Пекине, мог считать себя вполне удовлетворённым.

Он увидел, как пали с плеч головы двух человек не простолюдинов это уже стало в Пекине слишком обыкновенным, а высокопоставленных, близких к кормилу правления...

Чжи-Син и Су-Чжен-Ю были доставлены в

Пекин и выданы европейцам.

Чтобы насладиться бесплатным спектаклем, которого представители европейской цивилизации в лице некоторых посланников и главных чинов военной администрации ждали с таким нетерпением[101], к месту казни собралось множество европейских офицеров, к которым присоединились, но необходимости, конечно, высокопоставленные китайские чиновники и огромное количество согнанного европейскими солдатами в качестве зрителей народа.

Толпа окружила место казни, и европейцам, конечно, было отведено почётное место в первых рядах. Во главе европейских зрителей стоял немецкий майор Лауенштейн, представлявший собой особу графа Вальдерзее. За ним с побуревшим от внутреннего волнения лицом стоял делегат китайского правительства, мандарин, исправлявший должность министра юстиции. Японские войска приняли участие в экзекуции в качестве охранной стражи. Японские же солдаты и доставили несчастных на место, где ожидала их позорная, по мнению китайцев, и мучениче-

ская, по убеждению каждого христианина и патриота, кончина.

Чжи-Син и Су-Чжен-Ю были почтенные старики. Первый из них, высокий ростом, с длинной седой бородой, гордо смотрел на палачей, так что те принуждены были потуплять перед ним глаза. Су-Чжен-Ю перед выходом из тюрьмы дали накуриться опиума, и он по причине этого казался живым мертвецом. Глаза его были закрыты — словно этот человек, минуты жизни которого были сочтены, спад... Он даже на ногах не держался. Его всё время поддерживали под руки, иначе он рухнул бы на землю.

Оба мандарина были в своих парадных одеждах.

Шёлковые безрукавки, золотые пуговицы, высокие мандаринские шляпы с широкими, показывавшими их общественное положение, лентами резко выделялись в толпе полуголых палачей...

На площадке, которую окружила толпа европейцев и невольных зрителей «действия» — китайцев, — шагах в 20 одна от другой были разостланы две рогожи. Около каждой из них

стояло по палачу с блестящими мечами в руках. Пятеро помощников палача подошли к Чжи-Сину и хотели взять его под руки, но величавый старик презрительным жестом отстранил их и сам твёрдой поступью подошёл к рогоже. Су-Чжен-Ю скорее поднесли, чем подвели, к другой рогоже.

В это время затрещали японские барабаны, выступил вперёд один из китайских мандаринов и дрожащим от волнения голосом начал читать «приговор». Чжи-Син даже не дослушал его и сам стал на колени, склоняя свою старую голову под меч. Кое-как поставили на рогожу в удобном для казни положении и бесчувственного Су-Чжен-Ю. Опять зарокотали японские барабаны. Чжи-Син обнажили шею; взмах меча, и голова старого мандарина отделилась от туловища; немедленно старший палач перешёл к Су-Чжен-Ю, и через мгновение всё кончено было и для него.

Барабаны рокотали, толпа согнанных на это зрелище китайцев завывала.

Описанная никому не нужная казнь, сомнения в том не могло быть, произвела на китайцев самое тяжёлое, удручающее впечат-

ление...

А европейцы?

Сообщая подробности казни, корреспондент немецкой газеты ни слова не говорил о них...

Да и что говорить? Представители Европы, тоже без всякого сомнения, слишком привыкли к таким зрелищам, чтобы иметь какие бы то ни было особые впечатления...

Едва только казнь закончилась, войска сейчас же ушли, и китайская толпа с плачем бросилась к телам казнённых патриотов, жизнь свою принёсших в жертву Родине.

Головы несчастных были пришиты к туловищам, и затем тела выдали их родственникам. Европейцы оказались настолько милостивы, что тела Чжи-Сина и Су-Чжен-Ю позволено было положить в великолепные гробы, которые унесли в сопровождении массы скорбевшего народа.

Но довольно всех этих ужасов. Европейская расправа над беззащитными китайцами без сомнения найдёт справедливую оценку на страницах истории, может быть, и не скоро ещё, но вот в чём нельзя сомневаться:

краска стыда за деяния своих предков зальёт лица потомков, когда им придётся прочитать эти страницы...

Но, может быть, и не только покраснеть придётся потомкам тех варваров, которые неистовствовали в Пекине... Кто может знать будущее?

Быстро летит бесконечное время.

Заглянем же хоть на мгновение за завесу грядущего. Для грёзы всё возможно, для фантазии нет пределов. Заглянем и расскажем о том, чего, может быть, никогда и не будет, но что, однако, вполне может быть...

Всякие, даже самые ужасные, раны затягивает время. Пекин уже не в развалинах. Он гордо, как и его старшая по несчастью сестра — Москва, — поднялся из пепла и руин. Поднялся он ещё более красивым и ещё более величественным, чем был прежде.

Но это уже не прежний Пекин, не прежний город садов.

Резко изменилась вся картина. Пекина не узнать.

Запретный город обращён в неприступную крепость. Отовсюду с его стен смотрят мрач-

ные жерла пушек, готовых в одно мгновение смести всё вокруг. Запретный город также безмолвен и безлюден, как и в прежние времена, но именно в этом безмолвии чувствуется некая непонятная угроза; чувствуется, что за этими стенами кипит неустанная работа, грозная работа!

На тех самых площадях, где когда-то кувыркались, ломались и кривлялись полусумасшедшие боксёры, воображавшие, что «дух» может защитить и спасти их от пуль и штыков, происходят упражнения совсем другого рода.

С самого рассвета и до поздней ночи там проводятся теперь парады и учения новых защитников Китая реформированных в устройстве войск.

О, китайцы — большие практики!

Что в Европе не только сносно, но даже, пожалуй, хорошо это организация военных сил. Над тем, как истреблять себе подобных в возможно большем количестве, много подумали и много потрудились гуманные европейцы. Им удалось создать если не храбрых, честных воинов, то такие уставы и правила,

при которых организация военных масс близка к идеалу.

Эту организацию и переняли целиком практичные китайцы.

Всякое бедствие всегда в будущем имеет свою хорошую сторону.

После грозных, неожиданных пожаров ветхие строения заменяются новыми, лучшими, с более совершенным устройством. После несчастной войны, которая для государственного организма то же, что и пожар, невольно выступают наружу скрытые дотоле тёмные и нежелательные стороны быта, поломки и недостатки в той машине, которая приводит в движение жизнь народа.

Так вот было и с Китаем после несчастной войны 1900-го года. Поняли все в Китае — от правителя до самого последнего кули, — что если приходится жить с волками, то и выть приходится по-волчьи, что пресловутое «непротивление злу» — это непроходимая ложь, совершенно несвойственная природе человека; поняли, что если бьют кулаком, то необходимо не подставлять под удары шею или спину, а отвечать на них ударами же.

Но довольно ужасов... Довольно будущего. Перейдём к настоящему.

Не весь же Китай в этом настоящем попал под европейскую власть. Есть и в его пределах такие места, где не льётся кровь людей и где побеждённые не проклинаяют, а благословляют победителей.

Православная церковь полна богомольцами. Посередине её на высоком катафалке гроб с чьим-то прахом. Свершается заупокойная обедня. Служит сам преосвященный.

Но что за диво! В этом соборе множество людей, которых по внешнему виду нельзя признать за православных. Жёлтые лица с дряблой кожей, раскосые глаза, выдавшиеся скулы, длинные за пояс — косы. Они не молятся, но все стоят на коленях.

Да это же китайцы! И в православном соборе, во время архиерейского служения... Может ли это быть?

У гроба огромный венок с жёлтыми и белыми лептами цвета национальный китайский и траурный...

То, что сейчас описано здесь, происходило в середине ноября прошлого года в Благове-

щенске, при погребении гласного благовещенской думы Семёна Павловича Бусыгина, скоропостижно умершего от кровоизлияния в мозг.

В те знаменательные дни, когда начались пресловутая осада и бомбардировка Благовещенска, Бусыгин был в числе немногих, отстаивавших китайцев-благовещенцев. Благодаря его энергичному вмешательству многие из них не только спасли свою жизнь, но даже не пострадали нисколько и сохранили своё имущество.

И вот когда человека не стало, добро, оказанное им ближнему, не осталось без вознаграждения. Мало собралось благовещенцев, даже из числа гласных благовещенской думы, чтобы отдать последний долг усопшему, но зато сошлись те, кого менее всего можно было ожидать в стенах православного храма.

Пришли китайцы-«язычники», принесли венок и выстояли на коленях всё богослужение, которое совершал преосвященный Иннокентий. Из храма громадной толпой они проводили до могилы прах усопшего, и многие из них плакали.

Семён Павлович Бусыгин был простой, бесхитростный русский человек. Он творил своё доброе дело, не ожидая никакой награды. А разве это не величайшая награда для каждого человека, когда уже после его смерти сделанное им не погибает, а заставляет трепетать благодарностью сердца благодетельствованных?

Посмотрим дальше.

Мергень, Цицикар, Гирин, Мукден, Ляо-Янь — заняты русскими войсками.

Однако был ещё один пункт, на который почему-то не было обращено внимания, и там никого русских не было.

Это — Синь-Дзинь-Тин, самая древнейшая из всех столиц Китая. Очень древним город, колыбель Маньчжурии. В нём есть императорские усыпальницы, превосходящие на несколько веков древностью усыпальницы Мукдена. Значение Синь-Дзинь-Тина как древнейшей столицы подтверждается тем, что правителем его — фудутуном — обыкновенно назначался один из родственников самого богдыхана.

Полковник Мищенко, тот самый, который

совершил со своим отрядом геройское отступление от Ляо-Яня, а потом прославил своими подвигами Россию, сперва под Ин-Коу, а затем во время похода на Мукден, вдруг получил от фудутуна Синь-Дзинь-Тина слёзное послание.

Фудутун сперва горько жаловался на то, что русские забыли и его, и город, а затем горячо просил полковника прийти поскорее, потому что разбежавшиеся после погромов китайские солдаты грабят город, убивают мирных жителей и вообще страшно бесчинствуют. Вся надежда фудутуна и горожан возлагалась на русских, только в их помощи виделось спасение.

Что-то до сих пор не слышно было, чтобы с подобными просьбами обращался к графу Вальдерзее кто-либо из градоправителей Печилийской провинции, а ведь и там разбежавшиеся солдаты и боксёры занимались грабежами и насилием.

Впрочем, в подобных просьбах не было надобности; европейские войска при первой возможности шли сами и... грабили мирных жителей ещё активней, чем боксёры.

Полковник Мищенко, получив эту просьбу, немедленно сформировал отряд из 300 человек лёгкой конницы и полубатарей и вышел из Мукдена. Путь был нелёгкий. Приходилось идти горами, и стоял такой мороз, что один из нижних чинов отморозил себе на ноге палец. На всём своём пути отряд гнал, как стада баранов, банды китайцев, принадлежавших к рассеянной китайской армии. Эти храбрецы, превосходившие русский отряд в несколько раз по численности, всегда улепётывали при первом приближении русских.

К несчастью, просьба фудутуна пришла слишком поздно.

Когда явились русские, Синь-Дзинь-Тин был уже разграблен и разорён. Китайские же грабители убрались подальше вглубь страны, где и рассеялись, так что отыскать их не представлялось возможным.

Отряд должен был возвратиться в Мукден [102].

Вообще странно создан русский человек. Есть в его характере одна черта, за которую многие порицают русских людей: это умение подстраиваться к окружающей среде, приспособ-

сабливаться без ущерба для себя к чужой жизни. Куда бы ни пришёл русский — везде он свой. Так было и в Маньчжурии, в занятых русскими войсками пунктах.

Не перечесть всех поразительных примеров этого.

Заняли русские тот или другой город, заняли с бою. В паническом ужасе разбегается по окрестным лесам и трущобам население. Тот остаётся на месте, кто только ноги унести не смог. Но вот проходит день, за ним — другой... в завоёванном городе всё тихо и спокойно. Жилища стоят целые, никто ни поджигать, ни разрушать их не думает. Тот, кто остался, никакой обиды не потерпел, напротив, успел уже в самое короткое время подружиться и с этими наводившими ужас казаками и пехотинцами.

Смелеют бедняки; один вернулся на старые пепелища, другой, третий глядь, никаких следов разрушения, храмы и кумирни целёхоньки. Ни один бог из них не выброшен, даже молитвенные палочки все остались на своих местах.

На улицах и в переулках всё тихо. Правда,

и тут, и там видны солдатики, но они ведут себя чинно, мирно, никого не трогают. Даже, завидев какого-нибудь китайца постарше да посолиднее или женщину с ребёнком, сами сторонятся — дорогу дают...

Где же страшные враги?

Изумляются китайцы, совсем не того ожидали они. Им-то их же власти — фудутуны, дайотай и прочие — наговорили, что русские более свирепы, чем головорезы-хунхузы; тигров поэтому ожидали бедняги встретить в этих завоевателях... а вместо этого — хорошие, добрые, никому беспричинно не делающие зла люди.

Теперь уже час от часу смелеют беглецы. Спокойно возвращаются они по домам. Всё их именишко, весь скарб домашний не только целы, но даже находятся под особой охраной...

Вместо взяточника и вымогателя дайотая русский начальник, офицер, ласковый, предупредительный.

Прежде, при своих, так было: у начальства только богатый прав, а бедняк всегда виноват; теперь — нет; не прав богач, так и не

прав; ежели прав бедняк, то он без всякой взятки у русского начальника; правду найдёт.

Китайское сердце к справедливости чутко... Также и сердце маньчжурское.

Время идёт, дивятся побеждённые всё более. В окрестностях солдаты, их же земляки, появились. Первое что — своих же грабить начали. Что же русские? Они идут на защиту своих недавних врагов от разбойников.

Примечают бедняги всё.

Там, где нет импаней, солдат развели по обывательским домам. Дрожат хозяева: страшный враг в доме. А этот «страшный враг» суток не пробыл, а в хозяйской семье стал своим. Не ему хозяева служат, он им услужить старается... То воды натаскает, то дров, то, гляди-ка, с голопузыми китайскими ребятишками, как заботливая нянька, возится, играет — верно, свои пузыри приходят на память, и ради них чужие становятся дорогами.

Смотрят бедняки — дивуются. Где же враги-то? Пришли братья добрые. Нет зла на сердце у них.

Праздник там какой выдастся у русских,

смотрят китайцы, собрались кучки солдат все одной роты. Откуда ни возьмись гармоника, а не то самодельная балалайка. «Музицирует» усатый «кавалер», а у самого рожа от душевного восторга лопается, когда вдруг развеселившиеся товарищи в присядку пойдут... Шум, гам весёлый кругом, песни залихватские...

Где же тигры лютые; бессердечные? Нет их. Братья всё это хорошие.

Смотрят побеждённые и верить не хотят, когда доходят до них вести из несчастной столицы.

— Быть этого не может! — говорят они вестовщику. Сколько времени прошло, как живём вместе, кроме доброго, ничего не видали... Случилось тут как-то, угостился один из русских нашей рисовой водкой и обидел китайца... Так их же командир своего наказал за это престрого, а обиженного наградил. Вот они какие враги!

Но вестовщик стоит на своём.

— Да у вас кто здесь? — спрашивает он.

— Как кто? Враги!

— Русские?

— Русские!

— Вот в том-то и всё дело! А там европейцы: белые дьяволы. Пока русские в Пекине были, они сами никого не обижали и другим обижать не позволяли... Ушли они — и горе всем нам!

Только головами покачивают побеждённые, а вестовщик из несчастного Пекина продолжает речь.

Он рассказывает, что от самого Тонг-Ку и до священного Пекина, на том пути, по которому прошли европейцы и японцы, кумирни разорены и испражнениями загрязнены, все фанзы пусты, поля стоят неубранными; рассказывает, как во дворцах, куда ни один человек до того не смел иначе как босой и с опущенной головой входить, европейские солдаты в грязных сапожищах расхаживали; рассказывает, а сам слезами захлёбывается, как реками лилась кровь, а слушатели все недоверчиво качают головами.

— Отчего же у нас-то всё не так? — спрашивают они. — Вон в Мукдене их самый главный начальник солдат поставил, чтобы гробницы богдыханов охранять и чтобы этим вы-

казать почёт нашим святыням...

И слышат они один ответ:

— Оттого, что это — русские.

— Но наши же их первые обидели, первые на них с оружием напали, по их городам стреляли, их земляков убивали...

— Так вот за это они наших солдат и потрепали, а с тем, кто мирный, русские не воюют и, кроме добра, ничего им не делают.

И всюду так, как рассказано: и в Мергеле, и в Цицикаре, и в Мукдене, и в Гирине...

К одному только, живя с русскими, не могли привыкнуть китайцы.

Вот что рассказывает по этому поводу один из южно-маньчжурских корреспондентов «Нового края».

«В Крещение, в городе Ляо-Яне были водосвятие и парад, в коем участвовало до тысячи человек и смотреть который высыпало чуть не всё туземное городское население.

Парад проводился на площади, и китайцы охватили его кольцом, образовав такую плотную толпу, что разве только какой-нибудь мандарин, как Гоголевский городничий в церкви, нашёл бы в ней место.

Парад произвёл громадное впечатление на китайцев, особенно крики «Ура!». Как только раздались первые раскаты клича, компактная масса китайцев отхлынула назад, и на лицах у многих показался испуг. Нужно было видеть этот момент, не поддающийся даже описанию. Последующие «ура» вызвали уже меньше эффекта, но всё-таки чисто рефлексивным движением толпа каждый раз подавалась назад».

Да разве на одних только китайцев производил такое впечатление этот могучий русский боевой клич?..

История сохранила не одно свидетельство того, что от русского «ура» бегали врассыпную и французы, и англичане, и турки, да и вся Европа, приходившая с Бонапартом в Москву.

Только народ русский не чета китайскому. Встряхнулся богатырь-исполин, и разлетелись прочь все жалкие мошки и паразиты, осмелившиеся нарушить его покой... Китайский! же народ не выказал достаточно силы для этого, и паразиты совсем крепко угнездились в его организме.

Но это ещё не значит, что делу конец.

Борьба белой и жёлтой рас только начинается. А чем она кончится этого сказать не сможет никакой пророк...

Однако, несмотря на то, что между русскими и мирным населением Маньчжурии установились самые дружеские отношения, что дзянь-дзюнь Мукдена не раз навещал Порт-Артур, где его везде встречали с подобающим его званию почётом, страна всё-таки была во власти террора.

Мы уже видели, что фудутун Синь-Дзинь-Тина обратился к русским с просьбой о помощи, и его просьба была не единственной в этом роде.

Разбежавшиеся после бесчисленных погромов китайские солдаты соединялись с хунхузами, образовывали шайки и всюду грабили своих земляков, разоряли деревни и города, так что в глазах мирного населения русские являлись его истинными защитниками и покровителями. Всюду начальников отрядов засыпали гражданские китайские власти просьбами о помощи против разбойников, и в большинстве случаев эти просьбы не оста-

вались без удовлетворения.

Китайское правительство было бессильно. Ему в пору было только исполнять требования европейских дипломатов. Регулярных войск у богдыхана не было; стало быть, не было и прочной власти. При таких тяжёлых для Китая обстоятельствах было бы более чем жестоко со стороны русских оставить Маньчжурию. Уход русских войск отдал бы всю страну в руки отчаянных головорезов. Мало того, в случае ухода русских пропали бы все труды по сооружению Великой Магистрали, в которую уже вложены были десятки миллионов русских денег и сил. И вот Россия оказала новое благодеяние Китаю, оставив в Маньчжурии до поры до времени свои войска, в присутствии которых мирное население могло чувствовать себя в полной безопасности...

Европейцы сейчас же сообразили, какой лакомый Кусок ускользнул из их рук.

В то время, как Пекин был разграблен вконец, Маньчжурия осталась неприкосновенной. Все богатства, хранившиеся в её городах, были целы.

Шум, вой, лай, хрюканье понеслись по

всей Европе, когда ситуация стала очевидной. Пекинские грабители поднимали крик, а Европа вторила им на все голоса. Они требовали ни мало ни много — немедленного удаления русских из Маньчжурии, имея в виду, что в одном Мукдене хранилось всевозможных богатств не меньше, чем в Пекине. Если бы после ухода русских послать туда Вальдерзее с пекинскими отрядами, можно было бы хорошо пожить...

Но на сей раз у господ европейцев сорвалось...

Маньчжурия никогда не попадёт в их загребущие руки. Мощная в своей доброте Русь святая не пустила и не пустит туда тех, кто обобрал древнейшую столицу мира. Было сказано паразитам-пигмеям: «Руки прочь!».

Именно так и следует понимать последнее правительственное сообщение о маньчжурских делах, послужившее ответом на шумиху, поднятую в Европе!..

Повествование наше должно на атом кончиться. Рассказ подошёл к самым последним дням, и всё дальнейшее принадлежит будущему. Скромный же автор повествования не

желает пророчествовать. Он дал в своём труде свод того, что доходило в разное время с Дальнего Востока до слуха россиян. Все приведённые в повествовании факты переданы с возможной правдивостью — за это автор ручается; а если в рассказе и найдутся промахи, то исполные, и благосклонный читатель простит их.

Поход русских на Пекин — поход исключительно идейный. Не ради какой бы то ни было выгоды пошли русские люди против соседа, с которым никогда прежде войн не вели, а, напротив, были всегда в самых дружественных сношениях. Русскими, идущими на Пекин, руководила исключительно идея...

Какая?

Нельзя не признать того, что китайцы живут совсем в особых условиях быта. У них собственные взгляды на вещи, на взаимоотношения. Эти взгляды выработались более чем сорокавековым существованием страны, всегда замкнутой в своих пределах и не допускавшей к себе никого чужого. Китайцы — великие практики. Каждый китаец — это купец; а купцом нельзя быть, не будучи практичным.

Не думайте, что китайцы не видели всей пользы от железных дорог, телеграфа, разработки минеральных богатств. Нет, они не так просты. Во время японской войны 1895 года они не тронули телеграфа, который был им нужен для связи со столицей. Во время прошлогодних волнений боксёры испортили частную телеграфную проволоку, но оставили правительственную, необходимую для сношений с Тянь-Цзинем и Таку. Когда китайские войска отступали перед генералом Ренненкампом, между отступавшими отрядами и главными силами работал телеграф. Ничего подобного и быть бы не могло, если бы по невежеству китайцы считали телеграф бесполезной вещью и противной даже им как новшество, не согласное с их религиозными верованиями. Они понимали выгоды всех новшеств, но в то же время видели, что всё это уходит из их рук и попадает в руки европейцев. Белые дьяволы забирали себе всё. Вопрос, таким образом, стал исключительно на так называемую «шкурную» почву.

С населения требовались подати, налоги, прямые и косвенные, а средства к добыванию

их и вообще к борьбе за существование не увеличивались, а уменьшались.

Что же было делать китайцам? Погибать? Так ведь и таракану жить хочется, а не только китайцу, скромному, трудолюбивому человеку. Вот на этой-то экономической почве и вспыхнули беспорядки, произведённые сообществом «И-хо-туан» — боксёров.

Затем эти столь печально закончившиеся для самого Китая беспорядки, поднятые сперва бессознательно, приняли вполне определённую форму, вылившись в нападения на посольский квартал в Пекине. Не правительственные войска производили эти беспорядки, а сам китайский народ.

Что говорить — личность посланника неприкосновенна. Мало того, посягательство на его особу — вполне достаточный повод для вооружённого столкновения. Но до таких суждений и в Европе дошли не сразу. Давно ли и там стали признавать посланников неприкосновенными? Европа не так уж давно вышла из варварского состояния, чтобы другим навязывать то, что недавно не признавалось ею самою.

Кроме того, безусловно необходимо принять во внимание и то, с кем приходится вести дело и при каких обстоятельствах. В столице Китая дипломатический корпус с своим десантом образовал вооружённый лагерь, откуда европейские матросы занялись стрельбой по вполне мирным гражданам и китайским солдатам.

Что иное, кроме страшного народного озлобления, должно было вызвать это? Что бы сказали мы, если бы какой-нибудь иностранный матрос или даже сам посланник начал постреливать из своего ружья, избирая целью наших земляков? Если бы такого субъекта не убрали в сумасшедший дом, то толпа, опомнившись, немедленно разорвала бы его в клочки. А в Пекине именно это и проделывалось.

Но, к сожалению, правда стала известна в Европе слишком поздно, а иностранная пресса раздула заурядные уличные беспорядки в кровавую бойню.

Каких только ужасов не сообщалось об участии европейцев в Пекине. Тогда-то и родилась идея русского похода на Пекин — идея

освобождения мучеников или, если они погибли, достойного отмщения за их смерть.

И во имя этой идеи, чистой и бескорыстной, поднялся могучий, великодушный Медведь Севера и пошёл с военной угрозой на своего старого друга — китайского Дракона.

Едва пошёл он, и сейчас же увязались за ним жалкие пигмеи.

Никакая идейная цель не руководила ими. Они видели лишь возможность наживы. На первом плане стояли экономические интересы.

А Медведь шёл и шёл вперёд. Под его ударами пали неприступные форты Таку, Тянь-Цзинь и наконец Пекин...

Пришёл Медведь — картина не та, которую он ожидал увидеть. Все европейцы живы и здоровы. Умерли те, кому на роду в это время смерть была написана, а остальные в крокет да лаун-теннис под гром китайских пушек играли да проект медали в память «пекинской осады» обсуждали...

Увидел всё это Медведь, и ясно ему стало, что в Пекине для него нет дела, а раз нет дела, то сейчас же он и ушёл восвояси.

Он-то ушёл к себе, а те, кто явился с ним, остались...

Пока союзники не вошли в Пекин, можно объяснить и простить европейцам их неистовства на пути к столице Китая: беспощадное, ненужное истребление мирных жителей! страны, их жилищ и имущества; но когда союзники пришли в город, и европейцы убедились, что там все их соотечественники здоровы и невредимы, то можно ли без содрогания вспоминать об их «подвигах», совершаемых даже после начала мирных переговоров?

Карательные экспедиции, доходившие на Севере даже до Калгана, в ужас приводили самих участников их. Все эти Фрицы, Вилли и прочие, письма которых облетели благодаря газетам весь мир, сами по себе честные люди, и их сердца до боли сжимались, наверное, при одних только воспоминаниях о морях пролитой их руками неповинной крови...

А этот триумф европейских войск в Пекине, когда они после взятия города русскими шли через дворцы, священные для сотен миллионов людей? День этот в Европе осмели-

лись назвать «величайшим днём в истории XIX века», а, между тем, этот день был позором Европы.

И мы, русские, имеющие в недалёком прошлом Москву с точно такими же «подвигами» европейцев, не можем не сочувствовать от всего сердца несчастному Китаю.

Недалеко, быть может, то время, когда явится у Китая свой художник вроде нашего Верещагина, и тогда на полотне будут увековечены деяния Европы в Пекине, как увековечен Верещагиным позор Европы в Москве.

Но что сделано, то сделано...

Остаётся только радоваться тому, что Россия и русские оказались совершенно непричастными к пекинским злодеяниям...

Велик Бог земли русской!

Он, Всемогущий, не оставляет своими и великими, и богатыми милостями нашу Родину и её верных сынов. Он, Всесильный, всегда хранит её от бед и напастей, от всех испытаний.

Много врагов у нашей великой и могущественной матушки России, ох как много! С завистью смотря т жалкие, трусливые и алч-

ные пигмеи на северного колосса; уж чего они только не придумывают, чтобы столкнуть его с великого прямого пути чести и добра... И клеветы-то всевозможные, и хулы придумывают, и кулаки свои малосильные на него насучивают сообща, оружием стук и бряк поднимают...

Пусть себе! Не страшно.

А Маньчжурия на разграбление «культурной» Европе всё-таки отдана не будет. Одни только её прямой хозяин — Китай — имеет право получить её. И получит он её, но получит сохранённой, цветущей, если только будет в силах сохранить её такой и в будущем.

В Европе же пусть себе утешаются и строят из себя известную моську из басни. В самом деле, не страшно... Мы — русские, с нами Бог! Бог же, как всем это известно, не в силе, а в правде.

Вот уже полтора года Великобритания, считающая своего населения гораздо больше, чем Китай, напрасно старается одолеть жалкую горсть мужиков и пастухов Южной Африки, а ничего не выходит из её стараний, потому что правда не на стороне сильнейшего.

А уж если сильнейшая в мире нация, располагающая и силами, и громадными средствами, с двумя десятками тысяч плохо вооружённых, но зато полных сознанием правоты своего дела земледельцев не в состоянии справиться, то с нами-то, русскими, и миру всему борьба не под силу.

Помните это, помните всё, что мы — русские, что с нами Бог...

Примечания

1

Имеется в виду 1900-й год.

[^^^]

Маттиньен — учёный, публицист.

[^^^]

3

В английском журнале «*A Cycle of Cathay*».
Доктор Мартин, миссионер.

[^^^]

Градоначальника.

[^^^]

П. Гук. *L'Empire chinois*.

[^^^]

6

Дулитл. *Social Life of the Chinese.*

[^^^]

7

Портовый город на юге Китая, где проживает масса европейцев всех национальностей.

[^^^]

Золотая гора.

[^^^]

Гений-охранитель дома у китайцев.

[^^^]

Боксёры.

[^^^]

Иностранцев.

[^^^]

Сторонников иностранцев.

[^^^]

Из статьи посланника при Северо-Американских Соединенных Штатах г. Виу-Тинг-Фанга в «*Frank Leslie's Popular Montuly*».

[^^^]

Убивай, убивай!

[^^^]

Герой Таку капитан К. Р. Добровольский высказался, что китайцы при начале восстания решили перерезать всех западных европейцев, а с русскими заключить на веки самый тесный союз.

[^^^]

В ад.

[^^^]

«*Japan Weekly Mail*».

[^^^]

Города Квантунской области.

[^^^]

Китайская монета в Порт-Артуре.

[^^^]

Разрушьте железные дороги, выдерните телеграфные столбы!

[^^^]

— Уничтожьте пароходы!

[^^^]

Пусть все дьяволы будут убиты!

[^^^]

Бог помогает нам!

[^^^]

Лн-Хун-Чанг. Причины китайских событий // Восточный вестник.

[^^^]

Порт-Артур.

[^^^]

Согласно условиям, по прошествии 36 лет китайское правительство вправе выкупить весь Восточно-Китайский путь, а через 80 лет он передается китайцам, если не последует досрочного выкупа, бесплатно.

[^^^]

Р. Мэнгей. Рабыня на престоле.

[^^^]

28

16 мая.

[^^^]

Исторически верный рассказ.

[^^^]

25-го мая была сожжена и разрушена церковь в православном селении Дунь-О-Дунь в 50 верстах от Пекина.

[^^^]

31

23 мая.

[^^^]

Цин-Цин-Ван.

[^^^]

Дуань-Ван.

[^^^]

Впоследствии экзарх Грузии.

[^^^]

На 31-е мая.

[^^^]

«Освободительный» отряд был в 2000 человек. По национальностям было: англичан 62 офицера и 853 нижних чина; немцев 21 офицер, 450 нижних чинов; русских 7 офицеров, 312 нижних чинов; французов 5 офицеров, 158 нижних чинов; американцев 5 офицеров, 112 нижних чинов; японцев 2 офицера 54 нижних чина; итальянцев 2 офицера, 40 нижних чинов; австрийцев 1 офицер, 25 нижних чинов.

[^^^]

3 офицера и 42 нижних чина.

[^^^]

1 генерал, 87 офицеров и 1200 солдат.

[^^^]

Рассказ полковника Анисимова.

[^^^]

Да-Гую.

[^^^]

Вице-адмирал Яков Аполлонович Гильтебрандт, начальник русской Тихоокеанской эскадры.

[^^^]

Младшие унтер-офицеры.

[^^^]

«Ostasiat. Lloyds».

[^^^]

Разумному достаточно.

[^^^]

Это — почти чудеса!

[^^^]

Русские потери: на «Гиляке» убито 8 нижних чинов, ранено 2 офицера и 16 нижних чинов; на «Корейце» убито 1 офицер и 5 нижних чинов, смертельно ранен 1 офицер и 4 нижних чина, более или менее тяжело ранено 16 нижних чинов; в штурмовавшей роте смертельно ранен 1 и легко ранено 2 нижних чина; на «Бобре» ни убитых, ни раненых не было.

[^^^]

31-го мая.

[^^^]

Фактически занята Владивостокская бухта
русскими моряками 20-го июня 1860 г.

[^^^]

Дневник Д. Д. Покатилова от 3-го июня.

[^^^]

Амур.

[^^^]

5-го июня после страшной засухи в Пекине прошел обильный дождь.

[^^^]

Дневник австро-венгерского поверенного в делах барона фон Ростгорна.

[^^^]

Дневник фон Ростгорна.

[^^^]

Дневник Д. Д. Покатилова, «Правительственный вестник», № 249 за 1900 г.

[^^^]

Конных солдат.

[^^^]

Дневник Д. Д. Покатилова.

[^^^]

5-го июня.

[^^^]

Маньчжурия.

[^^^]

Амурская провинция.

[^^^]

Ostasiatischer Lloyd.

[^^^]

«За столбами» — за границей с той или этой стороны.

[^^^]

Градоправитель.

[^^^]

Айгун расположен на другом — правом берегу Амура. Это — город Маньчжурии, провинции Хей-Лунь-Дзян-Айгун, по-маньчжурски Сахалин-ула-хотоп. В нём находятся цитадель, местопребывание китайского губернатора, адмиралтейское управление китайской флотилии. Дома-фанзы одноэтажные, маленькие, построенные из кирпича или глины, покрытые соломой. Жителей до 15 000, в числе которых несколько сот магометан, имеющих свои мечеть и школу. В Айгуне заключён 16-го мая 1858-го года Айгунский трактат, по которому Россия получила в собственность левый берег верхнего и среднего Амура, а в конечной части реки — оба берега. Вблизи Айгуна находится китайская пристань Никан. Казацких посёлков и станиц по реке Амуру насчитывается до 80. Все они основаны в 1857—64-м годах.

[^^^]

Селение Сахалин, из которого китайцы открыли огонь по русским войскам, носил название Амбо-Сахальянь, или Хилампо, или Хэй-Лун-Пу. Местечко это представляло собой не что иное, как деревню на правом берегу Амура, против верхнего конца Благовещенска, населенную маньчжурами и китайскими купцами. В ней до 80 фанз, кумирня, ямынь, телеграфная станция и 13 лавок. Проживавшие в этой деревне китайские купцы вели значительную торговлю хлебом, мясом и другими продуктами с Благовещенском и являлись главными скупщиками хищнического золота.

[^^^]

«Крынки».

[^^^]

Из Сретенска отряды полковника Шверина и генерала Ренненкампа, из Хабаровска генерала Сервианова.

[^^^]

«Приамурские ведомости», рапорт штабс-капитана Ржевуцкого.

[^^^]

ИИ-Коу.

[^^^]

Рапорт штабс-капитана Ржевуцкого.

[^^^]

Генерал-губернатора.

[^^^]

На рапорте начальника телинского отряда против того места, где говорится о подвигах Семёна Шаховцева, Его Императорскому Величеству благоугодно было положить собственноручно резолюцию: «Простить штраф».

[^^^]

«Церковные ведомости». Официальное донесение военного инженера Селигеева министру путей сообщения.

[^^^]

Один офицер, 30 солдат и 21 вольнослужащий.

[^^^]

Официальный рапорт.

[^^^]

Официальное донесение.

[^^^]

Кукурузное поле.

[^^^]

В Пекине во время осады, то есть к 8 (20) июня, соединенные силы всех посольств состояли из 18 офицеров и 389 солдат, а именно: американцы были представлены 3 офицерами и 53 матросами с судна «Newark», Австрия — 5 офицерами и 30 матросами с «Зен-ты», Англия — 3 офицерами и 79 матросами, Франция 2 офицерами и 45 матросами, Германия — 1 офицером и 51 матросом, Италия 1 офицером и 28 матросами, Япония 1 офицером и 24 матросами, Россия — 2 офицерами, лейтенантами Раденом и Деном, 72 матросами с «Сисоя Великого» и «Панарина» да 7 казаками.

[^^^]

Горькая слабительная водка.

[^^^]

14 000 рублей.

[^^^]

240 вёрст.

[^^^]

Сорок человек оборонялось.

[^^^]

Индийские уланы.

[^^^]

Сic! Корсаков. «Русские ведомости».

[^^^]

Хей-Лунь-Дзянь — по-китайски,
лин-Ула — по-маньчжурски — Амур.

Саха-

[^^^]

Ман-Джоу — по-маньчжурски, Дунь-Сань-Шень — по-китайски — Маньчжурия.

[^^^]

Очевидец и участник штурма Пекина Янчевецкий, корреспондент «Нового края», в своих корреспонденциях не упоминает ни о германских войсках, ни о каких других. Он просто говорит: «Другие нации (кроме русских, японцев, американцев и англичан) в штурме не участвовали.

[^^^]

Коменданта.

[^^^]

Кавалеристов.

[^^^]

Донесение архимандрита Иннокентия Священному синоду из Пекина за № 52.

[^^^]

Награждены за поход в 9-м полку 64 нижних чина; в 10-м — 91; в 12-м — 16; 18 саперов, 34 артиллериста, 24 казака и в 5-м 3 полку — 14.

[^^^]

Дневник Д. Д. Покатилова от 26-го августа.

[^^^]

В «Bremer Bürgerzeitung» напечатано следующее письмо немецкого солдата из Китая:

«26-го августа 1900 года. Сегодня мы были неожиданно оторваны от обеда. Надо было спешить на помощь немецким матросам. Мы взяли в плен 70 китайцев, связали их вместе за косы, поставили посреди нас и повели. Некоторые из нас так немилосердно били этих китайцев, что кровь ручьём лилась со всего их тела. Я шёл впереди пленных и не принимал участия в экзекуции, так как подобная жестокость мне противна. Все пленные китайцы были приговорены к расстрелу. Для исполнения приговора был откомандирован и я. На пути к месту казни двое китайцев бежали. Остальные, 68 штук, были расстреляны. Я тоже стрелял. Мы стали в расстоянии 15 шагов, четверо против каждого китайца. Раздалась команда «Целься!» Поднялся визг китайцев о помиловании, но раздалось: «Пли!» — и визг прекратился. Мы еще слышали тихое стенание. Китайцы, пробитые каждый четырьмя пулями, упали назад в ямы, ко-

горые они должны были заранее выкопать».

В «Halberstädter Volkszeitung» напечатано письмо другого немецкого солдата в том же роде:

«1-го сентября. Дорогая матушка! Я не в силах описать, что творится теперь на войне. Совершаемое нами избиение китайцев просто безумное. Их так избивают потому, что они стоят вне международного права. Пленных не берём, а всех перестреливаем или же, чтобы сберечь патроны, закалываем. В воскресенье мы должны были заколоть штыками 74 китайца. Китайцы застрелили одного нашего часового. Целый батальон был собран по тревоге и бросился преследовать врагов, причём в наши руки попали живьём эти 74 человека. Ужасно было смотреть, как их закалывали.

Кончаю письмо в надежде, что это не долго ещё продлится, так как в противном случае забудешь, был ли я когда-либо человеком».

[^^^]

1-го ноября 1900 г.

[^^^]

«Новый край».

[^^^]

«Русские ведомости».

[^^^]

Улица Вальдерзее, Императорские ворота.

[^^^]

12-й стрелковый полк стоял в 5 верстах от Порт-Артура на перешейке Тигрового полуострова. Отсюда и прозвище полка — Тигровый.

[^^^]

До 140 граммов на тонну песка.

[^^^]

Приговор суда.

[^^^]

При осмотре в Феодосии возвратившегося с Дальнего Востока 13-го стрелкового полка военный министр приказал подробно проверить у некоторых людей их вещи, дабы убедиться, что они привезли с собой из Китая. В 11 сумках из 102 осмотренных оказались: 4 китайские игрушки, 5 китайских лакированных ящичков, 2 китайских ножа, 2 китайские рубашки, 1 китайский веер, 2 мотка шёлку. Такой результат осмотра свидетельствует с достаточной очевидностью, насколько вымышлены обвинения в грабежах, возводимые на наши войска иностранными газетами, тем более, что 13-й стрелковый полк участвовал в походе на Мукден, где соблазнов для грабежа было немало.

[^^^]

Подлинная в переводе фраза из сообщения «Berliner Local-Anzeiger». Остальное по тому же источнику.

[^^^]

5-го декабря 1900 года.

[^^^]